Пр.-доц. К. Т. Воблый.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ПОЛЬСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Томъ I.

(1764—1830).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св Владимира Акц О-ва печ и издат дѣла Н Т Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица № 6.
1909.

Печатано по опредѣленію Правленія Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1909 годъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
631
31

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. V.

Часть I.

Глава I. Общая характеристика польскаго народнаго хозяйства въ эпоху Ст. Августа. (1764—1795 г.) . . стр. 1.

Политическое значеніе шляхты. Упадокъ городовъ и его причины Положеніе крѣпостныхъ Хозяйственная организація панскаго двора Мелко-шляхетское и крестьянское хозяйство. Положеніе внѣшней и внутренней торговли. Пути сообщенія. Цехи. Сельскіе ремесленники.

Глава II. Опыты насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа . . . . . стр. 35.

Условія, вызвавшія стремленіе къ насажденію промышленности въ Польшѣ. Роль Ст. Августа въ этомъ движеніи. Компанія шерстяныхъ мануфактуръ. Дѣятельность Тизенгауза въ Литвѣ. Суконная фабрика въ Краковѣ. Шляхетская фабрика, какъ основной типъ промышленныхъ предпріятій данной эпохи. Причины неуспѣха этого движенія. Его общая оцѣнка.

Новыя теченія въ области соціально-экономической политики Польши. Реформа городского и крестьянскаго класса Народно-хозяйственное значеніе этой реформы. Торговые договоры съ Пруссіей, Австріей и Россіей. Мѣры изъ области меркантильной политики и ихъ значеніе. Банки. Общая оцѣнка ихъ дѣятельности.

Глава III. Польская экономическая литература во второй половинѣ XVIII вѣка . . . . . стр. 104.

Общая характеристика литературнаго движенія этого періода. Физіократизмъ. Его главные представители: Ан. Поплавскій, Іеронимъ

и Валеріанъ Стройновскіе. Дембовскій. „Myśli polityczne dla Polski“ Статьи физіократическаго направленія въ современныхъ журналахъ Экономическія воззрѣнія Коллонтая и Сташица. „Uwagi nad uwagami“ Камерализмъ Его сущность и происхожденіе. Виднѣйшіе представители камерализма—Наксъ и Выбицкій „O Związkach i przystosowaniu wzaiemnym Rolnictwa. Rękodzieł i Handlu“. Камералистическое направленіе въ журнальной литературѣ Сравнительная оцѣнка физіократизма и камерализма

Часть II.

Глава I. Польское народное хозяйство въ эпоху прусскаго владычества (1795—1806$\frac{6}{7}$ г.) и Варшавскаго Герцогства (1807—1815 г.) . . . . . стр. 164.

Экономическое положеніе страны по описанію Holsche Характеристика отдѣльныхъ отраслей производства Могло ли прусское правительство взять на себя заботы о развитіи промышленности въ польскихъ провинціяхъ? Благопріятная для сельскаго хозяйства конъюнктура конца XVIII в. и начала XIX в Учрежденіе ипотечнаго кредита и его значеніе Развитіе земельной спекуляціи. Мнѣніе Скарбека о причинѣ задолженности польскаго землевладѣнія Насажденіе нѣмецкихъ колоній въ польскихъ провинціяхъ Образованіе Варшавскаго Герцогства. Освобожденіе крестьянъ и его слѣдствія. Введеніе гражданскаго кодекса Наполеона и его значеніе. Экономическое положеніе Варшавскаго Герцогства Мѣропріятія въ цѣляхъ привлеченія иностранцевъ Протекціонная политика Ея результаты.

Глава II. Историческій очеркъ развитія промышленности въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго (1815—1830 г.) . . . . . стр. 188.

Правительственныя мѣропріятія въ цѣляхъ привлеченія полезныхъ иностранцевъ Дѣятельность частныхъ лицъ въ этомъ направленіи Причины, вызвавшія усиленный приливъ иммигрантовъ въ Царство Польское Регулированье торговыхъ отношеній съ Россіей. Постановленіе, принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ Какія выгоды это постановленіе предоставляло Пруссіи? Петербургская конвенція 1818 г. Русскій таможенный тарифъ 1819 г Его значеніе Возвращеніе къ запретительной системѣ (тарифъ 1822 г.). Торговый договоръ съ Пруссіей 1825 г. Положеніе промышленности въ начальные годы Царства Польскаго Статистическія данныя о положеніи суконной промышленности въ 1820 г. Значеніе военныхъ поставокъ для развитія сукнодѣлія Характерныя особенности въ промышленномъ развитіи Мазовецкаго и Калишскаго воеводствъ. Сукнодѣліе въ 1823 г. Заботы правительства о развитіи льняной и хлопчатобумажной промышленности. Пониженіе пошлинъ на иностранную бумажную пряжу. Характеристика нѣкоторыхъ промышлен-

ныхъ городовъ и колоній въ 1825 г Заботы о насажденіи промышленности на правомъ берегу Вислы. Дѣятельность фабричнаго комиссара Дунина Ростъ польской промышленности съ 1826 по 1829 г. въ цифрахъ Учрежденіе польскаго банка и его значеніе Общее положеніе промышленности въ концѣ изслѣдуемаго періода Организація фабричнаго надзора

Глава III. Формы промышленности въ изучаемую эпоху (1815—1830 г.) . . . . . стр. 268.

Возможность рецепціи формъ производства. Преобладающій типъ первыхъ иммигрантовъ въ Царство Польское. Вопросъ о рынкѣ сбыта въ начальные годы изслѣдуемаго періода Поставка сукна для войскъ Внѣшній русскій рынокъ, какъ условіе, благопріятствовавшее развитію торговаго посредничества. Еврейская эксплуатація Примѣры экономической независимости мастеровъ. Помѣщики въ роли организаторовъ крупной домашней промышленности. Господствующія формы производства Крупное и мелкое производство. Ихъ взаимоотношеніе. Возникновеніе крупныхъ централизованныхъ предпріятій. Крупныя правительственныя фабрики Крупное производство въ хлопчато-бумажной и льняной промышленности. Положеніе рабочихъ. Общіе выводы

Глава IV. Торговыя сношенія Царства Польскаго съ Имперіей (1815—1830 г.) . . . . . стр. 302.

Постановленіе, принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ Трудность его выполненія Дозволеніе ввоза товара въ Россію черезъ сухопутную Брестъ-Литовскую таможню Значеніе этого дозволенія для варшавскихъ ярмарокъ Домогательства польскаго правительства новыхъ льготъ, въ особенности свободнаго и безпошлиннаго провоза въ Имперію издѣлій Ц. П. Обсужденіе этого вопроса въ Комиссіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ Мнѣніе министра финансовъ Гурьева Указъ 3 октяб 1819 г Измѣненіе русской таможенной политики и его значеніе для Царства Кн. Любецкій. Польскій проектъ правилъ торговли съ Россіей. Вопросъ о ввозѣ бумажныхъ издѣлій Начала, принятыя Высочайшимъ указомъ 1 авг. 1822 г. Преимущества, предоставленныя этимъ указомъ Ц. П. Упраздненіе главнаго управленія русскихъ таможенныхъ дѣлъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ таможнями. Учрежденіе генеральнаго агентства министерства финансовъ. Общее учрежденіе о провозѣ собственныхъ издѣлій Имперіи и Ц. П. изъ одного государства въ другое Его основныя положенія. Насколько былъ возможенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ издѣлій подъ видомъ польскихъ? Вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Царствомъ въ 1826 г Мнѣніе Канкрина Мѣры, предложенныя Комитетомъ фин. для защиты русской суконной промышленности. Защита кн. Любецкимъ интересовъ польской промышленности. Ходатайство его объ отмѣнѣ запрещенія ввоза бумажныхъ издѣлій въ Россію. Мнѣніе Мордвинова по этому вопросу. Указъ 4 іюня 1826 г Поднятіе вопроса о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Ц. П. въ 1829 г Докладная записка гр. Мо-

стовскаго. Мнѣніе Комитета финансовъ Высоч. повелѣніе 3 янв 1830 г Отношеніе польскаго правительства къ ходатайствамъ въ пользу русской промышленности и торговли Статистическія данныя, характеризующія ростъ торговли Ц П. съ Имперіей. Торговля съ Кяхтой.

Глава V. Направленія экономической мысли въ эпоху Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго . . . . . стр. 357.

Практическій характеръ экономической литературы въ эпоху Варшавскаго Герцогства. Проекты организаціи земельнаго кредита (Бѣльскій, Вентржецкій, Мончиньскій). Вопросъ о насажденіи фабричной промышленности въ литературѣ. Суровецкій „O upadku przemysłu i miast w Polsce". „Uwagi o cechach" Общая оцѣнка воззрѣній Суровецкаго Шумскій Его „Mysli ogólne o polepszeniu handlu, rolnictwa, przemysłu i edukacyi" Журнальныя статьи.

Экономическая литература въ эпоху Ц П Валеріанъ Стройновскій, pogrobowiec физіократизма Фр. Скарбекъ, послѣдователь классической школы. Дом. Крысинскій Его критическое отношеніе къ смито-рикардовской школѣ. Журнальная и газетная литература по экономическимъ вопросамъ.

Общіе выводы

Приложеніе 1-е . . . . . стр 402.

Приложеніе 2-е . . . . . стр. 404.

Предисловіе.

Изученіе исторіи народнаго хозяйства, выдвинутое на первый планъ исторической школой, имѣетъ важное значеніе для теоріи политической экономіи. Съ одной стороны, оно ставитъ новыя проблемы, а съ другой—способствуетъ выясненію и углубленію многихъ уже рѣшенныхъ вопросовъ. Авторъ полагалъ, что и изученіе исторіи польскаго народнаго хозяйства, хотя бы съ одной его стороны, можетъ внести нѣкоторыя детали въ ту богатую сокровищницу историко-экономическихъ изслѣдованій, которыми справедливо гордится западно-европейская наука и которыми, наоборотъ, такъ бѣдна русская литература.

Я не имѣлъ намѣренія дать исчерпывающую исторію промышленнаго развитія Польши, такая колоссальная работа можетъ быть выполнена только соединенными силами многихъ ученыхъ. Одна, напр., исторія горно-заводской промышленности въ Польшѣ могла бы составить предметъ самостоятельнаго труда. Авторъ рѣшилъ съ самаго начала строго отмежевать область своего изслѣдованія, ограничивъ его исключительно фабричной промышленностью; но и среди ея разнообразныхъ отраслей онъ остановился только на текстильной индустріи, какъ самой главной и притомъ прежде всего развившейся въ Польшѣ.

Параллельно съ исторіей развитія этой промышленности авторъ пытался прослѣдить и направленія экономической политики въ области теоріи и практики для того, чтобы уяснить, какъ отражались тѣ и другія измѣненія хозяйственной жизни въ литературѣ и обществѣ, а съ другой стороны, какъ направленія мысли вліяли на промышленное развитіе страны.

Въ исторіи польской фабричной промышленности можно намѣтить слѣдующіе четыре періода: первый періодъ—попытки насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа (1764—1795 г.), когда въ Польшѣ зародилось стремленіе къ проведенію политическихъ и соціальныхъ реформъ. Это стремленіе коснулось и народнаго хозяйства, гдѣ оно вылилось въ форму моднаго увлеченія мануфактурами.

Второй періодъ обнимаетъ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго, заканчивается же онъ ноябрскимъ возстаніемъ (1830/31 г.).

Гранью третьяго періода является польское возстаніе 1863 г. и крестьянская реформа 1864 г. Предложенная періодизація довольно удобно укладывается въ рамки политическихъ событій; тѣмъ не менѣе нельзя упускать изъ виду, что намѣченныя грани даютъ только общіе контуры тѣхъ періодовъ, въ теченіе которыхъ наступаетъ новый фазисъ въ развитіи промышленности Въ особенности это нужно сказать относительно перехода третьяго періода къ четвертому. Поворотъ въ эволюціонномъ движеніи промышленности, начавшійся крестьянской реформой, вполнѣ закончился съ измѣненіемъ русской протекціонной системы въ концѣ семидесятыхъ годовъ (введеніе золотой пошлины). Съ этого момента наступаетъ новая стадія въ развитіи польской промышленности

Прослѣдить исторію развитія фабричной промышленности, хотя бы и въ тѣхъ ограниченныхъ рамкахъ, которыя я опредѣлилъ для себя, нельзя было на протяженіи одного тома. По моему плану, задуманной работѣ придется посвятить не менѣе трехъ томовъ.

Первый выпускаемый нынѣ томъ обнимаетъ эпохи Ст. Августа, Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго (1764—1830 г.).

Моей задачей, собственно говоря, является изученіе исторіи фабричной промышленности Царства Польскаго, поэтому слово „польскій“ я понимаю въ соотвѣтствующихъ географическихъ предѣлахъ. Въ виду же того, что исторія промышленности Царства Польскаго была бы непонятна безъ выясненія начальнаго періода ея, который приходится на послѣднюю эпоху независимаго существованія Рѣчи Посполитой, естественно въ первой части выпускаемаго тома терминъ „польскій“ употребляется въ болѣе широкомъ объемѣ.

Предлагаемое изслѣдованіе распадается на двѣ части: первая—посвящена эпохѣ Ст. Августа, вторая—эпохѣ Варшавскаго Герцог-

ства и конституціоннаго Царства Польскаго. Первые опыты насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа не могутъ быть поняты внѣ общей исторической обстановки. Въ виду чего авторъ счелъ нужнымъ посвятить отдѣльную главу общей характеристикѣ польскаго народнаго хозяйства во второй половинѣ XVIII ст.

Основнымъ источникомъ для моего изслѣдованія являлись архивы, варшавскіе и петербургскіе. Въ Варшавѣ я работалъ въ трехъ архивахъ: Главномъ Архивѣ, находящемся въ вѣдѣніи министерства юстиціи (при Судебной Палатѣ), въ архивѣ Казенной Палаты и въ генералъ-губернаторскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ; въ Петербургѣ—въ архивахъ департамента таможенныхъ сборовъ и Государственнаго Совѣта. Въ цитатахъ названія архивовъ обозначаются въ сокращеніяхъ

Изучая архивный матеріалъ, авторъ стремился выяснить вопросъ о формахъ промышленности, о соотношеніи труда и капитала, о положеніи рабочихъ, вообще выяснить внутреннюю структуру промышленныхъ предпріятій. Къ сожалѣнію, тѣ богатые по количеству архивные матеріалы, которые удалось пересмотрѣть автору, далеко не могли удовлетворить его интереса. Изучаемая эпоха имѣла свои заботы, свои желанія и стремленія. Все, что восходило на разсмотрѣніе правительственныхъ властей, для чего требовалась санкція или рѣшеніе правительственныхъ органовъ, запротоколировано съ точностью и подробностью.

Внутреннія же отношенія цѣлыхъ фабричныхъ колоній и отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій не нашли своего отраженія въ архивныхъ матеріалахъ. Если кое-что и было занесено въ официальные документы, то какъ увидимъ ниже, многіе цѣнные источники проданы. Такимъ образомъ, въ архивахъ не сохранилось полной картины внутреннихъ отношеній въ области народнаго хозяйства. Только случайно въ томъ или въ другомъ правительственномъ актѣ встрѣчается отдѣльная черта, отдѣльный штрихъ, который бросаетъ лучъ свѣта на внутреннюю организацію фабричной промышленности на первыхъ стадіяхъ ея развитія. Путемъ долгой, кропотливой работы, путемъ суммированія такихъ случайныхъ замѣчаній, фразъ приходилось собирать матеріалъ по интересующему вопросу. Если и можно было нарисовать картину промышленныхъ формъ въ Царствѣ Польскомъ, то только мозаическимъ путемъ.

Само собой разумѣется, что цѣлью автора было дать историко-экономическое изслѣдованіе, а не статистическое. въ виду

чего цифры у него имѣютъ только служебное значеніе. Впрочемъ, дать исчерпывающую статистическую картину и нельзя было бы, такъ какъ въ архивномъ матеріалѣ въ лучшемъ случаѣ имѣются только отрывочныя статистическія данныя, изъ которыхъ даже и путемъ мозаической работы мало что́ можно сдѣлать. Тамъ, гдѣ встрѣчался такой матеріалъ, авторъ приводитъ его, избѣгая излишняго загроможденія своего изслѣдованія цифрами.

Едва ли нужно говорить о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжена архивная научная работа, къ тому же еще при неудовлетворительномъ состояніи самихъ архивовъ Всякій, кто работалъ въ архивахъ, прекрасно знаетъ это на личномъ опытѣ.

Я назвалъ свой трудъ „Очерками“, желая этимъ непритязательнымъ заглавіемъ предоставить себѣ бо́льшую свободу въ выборѣ матеріала, въ его разработкѣ и въ его изложеніи.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ прежде всего выразить глубокую благодарность Юридическому Факультету Университета св. Владиміра, благодаря содѣйствію котораго я получилъ командировку для собранія архивныхъ матеріаловъ. Вмѣстѣ съ этимъ приношу благодарность завѣдующимъ архивами въ Варшавѣ—проф. Вержбовскому, гг. Марцинковскому, Чуйкину, хранителю библ. гр. Красинскихъ—г. Кенчинскому, въ Петербургѣ—управляющему арх. Госуд. Совѣта—С. А. Панчулидзеву.

Очерки по исторіи польской фабричной промышленности.

ГЛАВА I.

Общая характеристика польскаго народнаго хозяйства въ эпоху Ст. Августа (1764—1795 г.).

Политическое значеніе шляхты Упадокъ городовъ и его причины Положеніе крѣпостныхъ Хозяйственная организація панскаго двора Мелко-шляхетское и крестьянское хозяйство Положеніе внѣшней и внутренней торговли. Пути сообщенія. Цехи. Сельскіе ремесленники.

—

Эпохой Ст. Августа заканчивается исторія независимаго существованія Рѣчи Посполитой. По своему политическому строю Польша представляла въ изслѣдуемый періодъ республику съ узкосословнымъ характеромъ. Господствующимъ классомъ являлась шляхта—носительница политическихъ правъ. Рядомъ съ ней стояло духовенство, которое въ XVIII в. вербовалось, главнымъ образомъ, среди той же шляхты [1]). Въ видѣ рѣдкихъ исключеній въ среду духовенства проникали болѣе образованные, болѣе даровитые и честолюбивые элементы изъ городского класса. Это единственныя узкія врата, черезъ которыя даровитый, талантливый горожанинъ могъ достигнуть извѣстнаго положенія въ странѣ, могъ сдѣлать карьеру и принять участіе въ широкой общественной и политической дѣятельности. Что касается мѣщанъ и крестьянъ, то для нихъ не было мѣста въ

[1]) См Korzon—Wewnętrzne Dzieje Polski za Stanisława Augusta. Krakow t. I, 1897, str. 271.

политической жизни государства. Въ Польшѣ „кто не шляхтичъ, тотъ нуль", такъ характеризовали современники положеніе человѣка въ обществѣ и государствѣ въ изучаемую нами эпоху [1]). Мѣщане имѣли личныя права, а крестьяне или хлопы были лишены и этихъ правъ, будучи крѣпостными. Впрочемъ, во многихъ частновладѣльческихъ городахъ и эта разница стиралась. Обитатели ихъ опускались на степень крѣпостного состоянія и ничѣмъ существенно не отличались отъ остальныхъ „подданныхъ" (такъ назывались въ Польшѣ крѣпостные).

Какъ создался перевѣсъ одного сословія шляхты во всей общественной и политической организаціи, этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ насъ не интересуетъ. Достаточно сказать, что верховенство шляхетскаго элемента во всей жизни государства начинается на рубежѣ XV и XVI вв [2]).

Шляхта представляла изъ себя юридически однородную массу, съ одинаковыми правами и преимуществами. Речь Посполитая ревниво охраняла полное демократическое равенство среди своего народа—шляхты; но фактически его совершенно не существовало. Въ дѣйствительности, шляхта далеко не являлась однороднымъ по составу классомъ. Разслоеніе ея, несомнѣнно, произошло подъ вліяніемъ чисто экономическихъ причинъ. Слѣдуетъ отмѣтить двѣ важныя группы въ этомъ политически равноправномъ сословіи: одну немногочисленную группу магнатовъ, сильную своими богатствами, другую весьма многочисленную и вмѣстѣ съ тѣмъ убогую, т. н.

---

[1]) Kto nie iest szlachcicem, говорили сами же поляки иностранному путешественнику, iest w Polsce zerem. См. Liske—Cudzoziemcy w Polsce we Lwowie, 1876, str. 274. „Шляхтичъ, писалъ извѣстный публицистъ второй половины XVIII в. Фр Езерскій, представляетъ изъ себя то же, что самодержавный монархъ на тронѣ. Имѣетъ надъ собой законъ, который самъ устанавливаетъ и которому самъ не подчиняется. Назначаетъ налоги, выплачиваютъ ихъ хлопъ, мѣщанинъ, жидъ и ксендзъ". Wl Smolenski Kuźnica Kollątajowska. Krakow, 1885, str 49.

[2]) Къ этому моменту пріурочиваетъ нарушеніе равновѣсія въ политической и общественной жизни Польши извѣстный польскій историкъ—Бальцеръ—„Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши" Спб., 1908, стр. 81. Кутшеба періодъ перевѣса шляхты начинаетъ съ конца XVI в.—„Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши". Спб., 1907, стр. 131 и д. Доводы Бальцера намъ кажутся болѣе основательными.

мелкую шляхту. Низы шляхетскаго сословія составлялъ безземельный пролетаріатъ—шляхта голота, нѣсколько выше ея стояла загоновая шляхта, владѣвшая небольшими земельными участками. Эти двѣ группы шляхты и по жизни и по образованію ничѣмъ не отличались отъ хлоповъ. Шляхтича можно было узнать только по крою платья и въ особенности по саблѣ, висѣвшей на боку [1]).

Среднезажиточная шляхта была и немногочисленна по своему составу, а главное въ виду своеобразныхъ политическихъ условій она не могла оказывать серьезнаго вліянія на общественную и государственную жизнь своего отечества.

Такая экономическая дифференціація вполнѣ равноправнаго сословія привела къ неизбѣжному господству въ государствѣ нѣсколькихъ вельможныхъ фамилій. „Въ Польшѣ, говоритъ герой историческаго романа изъ данной эпохи „Listopad“, есть только тридцать панскихъ домовъ. Всю остальную шляхту можно раздѣлить на двѣ части: одна имъ служитъ, а другая хотя и не служитъ, но даромъ ѣстъ ихъ хлѣбъ. До тѣхъ поръ пока магнаты въ состояніи раздавать подачки шляхтѣ и кормить ее,—равноправіе народа будетъ спокойно почивать въ Volumina Legum“ (сборникъ польскихъ законовъ).

Магнаты, сила которыхъ покоилась на огромныхъ латифундіяхъ, и были вершителями судебъ польскаго государства. Мелкая шляхта, экономически зависимая отъ нихъ, являлась въ ихъ рукахъ только слѣпымъ орудіемъ. При отправленіи своихъ гражданскихъ обязанностей, напр., при выборахъ народныхъ представителей, она естественно должна была слѣдовать указаніямъ тѣхъ, кто ее поилъ и кормилъ, у кого она служила въ качествѣ прихлебателей. Въ виду демократической организаціи Рѣчи Посполитой въ сеймахъ имѣлъ право участвовать всякій шляхтичъ, хотя бы не possessionatus (т. е. не владѣющій землей). Это неизбѣжно приводило къ тому, что вся внутренняя и внѣшняя политика государства находилась въ рукахъ немногочисленной родовитой и богатой знати. „Державное равенство шляхты было общественно правовой иллюзіей“, какъ удачно выразился одинъ польскій изслѣдователь [2]). Какъ можные паны устраи-

---

[1]) Kajetan Koźmian—Pamiętniki—Poznań, od. I, s 91, 1858

[2]) См Тарановскій. Новѣйшіе труды по исторіи государственнаго строя Польши. Журн Мин. Нар Просв. 1907 г.

вали предвыборную кампанію, какъ организовывали партіи на сеймикахъ—это хорошо изобразилъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи Костомаровъ—„Послѣдніе дни Речи Посполитой“, широко использовавъ въ немъ мемуары современниковъ. Нельзя забывать того, что на сеймахъ, царилъ принципъ единогласія съ его liberum veto. Подъ послѣднимъ понималось право сорвать сеймъ и уничтожить такимъ образомъ всѣ предыдущія единогласно-принятыя постановленія сопротивленіемъ одного посла. Слѣдовательно, безчестность, глупость, упрямство одного человѣка могли затормозить весь ходъ государственной машины. И несмотря на все это, шляхта въ liberum veto видѣла зѣницу своей свободы, основу парламентарнаго строя, на которую рѣшилась посягнуть только въ самомъ концѣ независимаго существованія Речи Посполитой.

Къ этому еще присоединилось въ послѣднюю эпоху и вліяніе иностранныхъ дворовъ, которые откровенно проводили свои планы и свои желанія на польскихъ сеймахъ, пользуясь той же силой золотого тельца. Часто тѣ-же самые магнаты, которые верховодили въ Польшѣ, играли роль маріонетокъ въ рукахъ иностранныхъ державъ.

Власть короля рядомъ съ властью сейма была совершенно ничтожна. Сеймъ имѣлъ рѣшающее вліяніе не только въ области законодательства, но и въ области всего управленія.

Если мы сопоставимъ съ этимъ широкія политическія права безземельной или малоземельной шляхты, параллельно съ наличностью немногочисленныхъ магнатовъ, подчинившихъ толпы шляхетскаго пролетаріата, то можемъ представить, въ какомъ состояніи анархіи должна была находиться политическая жизнь Речи Посполитой. Поляки не только не смущались этимъ, но даже гордились, какъ показываетъ пресловутая фраза—Polska nierządem stoi.

Такова была роль и значеніе шляхты въ Польшѣ.

Чѣмъ можно объяснить то, что мѣщанству не удалось сорганизоваться въ прочный средній классъ? Исторія мѣщанства въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ, находится въ непосредственной связи съ исторіей городовъ. Было время, когда и въ Польшѣ города играли выдающуюся роль въ государственной жизни, когда они имѣли болѣе или менѣе самостоятельные выборные органы управленія, когда они стояли во главѣ внутренней и внѣшней торговли, когда, наконецъ, за ними было признано право представи-

тельства. Это именно тѣ столѣтія, когда еще не было нарушено равновѣсіе общественныхъ элементовъ—XIII, XIV и XV и отчасти XVI вв. Въ эту эпоху цвѣтущаго состоянія города имѣли право посылать своихъ представителей на сеймы. Это право было потеряно городами только въ 1505 г. по конституціи nihil novi. Дольше другихъ за участіе въ сеймѣ боролся Краковъ, но вскорѣ и онъ лишился его, благодаря настойчивой оппозиціи шляхты [1]).

Это принципіальное лишеніе городовъ представительства имѣло весьма важное значеніе для всего дальнѣйшаго общественнаго и государственнаго развитія Польши „Серьезность реформы, справедливо замѣчаетъ Бальцеръ, хотя и отрицательная, ярко бросается въ глаза“.

Матеріальное благосостояніе городовъ было сильно поколеблено измѣненіемъ транзитной торговли между Востокомъ и Западомъ. Занятіе турками береговъ Чернаго моря и тѣхъ итальянскихъ колоній, которыя доставляли восточные товары въ Польшу и далѣе въ Зап. Европу и еще въ большей степени открытіе морского пути въ Остъ-Индію убили въ Польшѣ транзитную торговлю, являвшуюся доселѣ основой процвѣтанія ея городовъ.

Польскіе купцы, лишившись транзитной торговли, не сумѣли взять въ свои руки собственной вывозной торговли. Шляхта сама начинаетъ вывозить продукты своего хозяйства—хлѣбъ, скотъ, золу, лѣсъ и пр., пользуясь такими удобными водными путями, какъ Висла и Нѣманъ. Измѣнившіяся условія транзитной торговли, въ связи съ захватомъ шляхтой вывозной торговли, выдвигаютъ на первый планъ значеніе города Гданска (Данцига), въ виду его выгоднаго геогра-

---

[1]) См. Бальцеръ, выше цит., стр. 100. Между прочимъ у Бальцера по вопросу объ участіи въ сеймахъ представителей г. Кракова замѣчается нѣкоторое противорѣчіе Говоря на 100 стр. о томъ, что города лишились въ 1505 г. права имѣть представителей въ сеймѣ, Бальцеръ добавляетъ „Извѣстно, какую борьбу долженъ былъ выдержать Краковъ, чтобы обезпечить себѣ, путемъ королевскихъ привиллегій, участіе въ сеймѣ, постоянно оспариваемое шляхтой и въ очень скоромъ времени окончательно устраненное ею“. Раньше на 88 стр онъ говоритъ совершенно другое: „Краковъ высылалъ на сеймы своихъ представителей какъ до 1572 г., такъ и позднѣе, *вплоть до конца существованія* Рѣчи Посполитой“ (курсивъ нашъ) Возможно, что ошибка въ переводѣ; не имѣя подъ руками оригинала, мы не могли провѣрить этого предположенія.

фическаго положенія. Гданскіе купцы постепенно пріобрѣтаютъ руководящую роль какъ въ ввозной, такъ и вывозной торговлѣ Польши.

Шляхта, состоявшая исключительно изъ представителей землевладѣльческаго класса и добившаяся уже въ XVI в. господствующаго положенія, даетъ направленіе экономической политикѣ, идущее въ разрѣзъ съ жизненными интересами городского класса. Такъ конституція 1565 г. вводитъ запрещеніе для туземныхъ купцовъ какъ вывозной, такъ и ввозной торговли, представляя ту и другую иностранцамъ. Хотя, какъ утверждаетъ новѣйшій польскій историкъ, это правило на практикѣ и не соблюдалось [1]), все-таки оно весьма характерно для оцѣнки экономической политики, проводимой шляхтой.

Громадный ущербъ торговымъ интересамъ городского класса наносила свобода шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ, установленная въ началѣ XVI в. Эта привилегія имѣла громадное значеніе для подрыва благосостоянія польскаго купечества, въ виду именно того, что шляхта широко использовала ее, занимаясь вывозомъ своихъ продуктовъ въ Гданскъ. и закупая тамъ заграничные товары для своего потребленія, а нерѣдко и на продажу [2]).

И этого было мало. Въ цѣляхъ предупрежденія повышенія цѣнъ на товары, по конституціи 1565 г., на воеводъ возложено было изданіе таксъ на товары, исключая хлѣба. Противъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ шляхта, разумѣется, ничего не имѣла. Такіе прейсъ-куранты были сильнымъ орудіемъ въ рукахъ шляхты. направленнымъ противъ торговаго класса. Это мѣропріятіе нужно поставить въ связь съ революціей цѣнъ, происшедшей вездѣ въ Европѣ съ открытіемъ Америки. Необычайный ростъ цѣнъ, естественно, долженъ былъ вызвать протестъ въ шляхетскомъ сословіи, ревниво охранявшемъ свои права и вольности. Прейсъ-куранты и являлись въ рукахъ его сильнымъ орудіемъ для защиты своихъ узко-классовыхъ интересовъ. Стоитъ ли упоминать объ одномъ наивномъ постановленіи комиссіи, избранной для регулированія цѣнъ въ 1643 г., въ силу котораго купецъ—полякъ можетъ брать съ товара 7% при-

---

[1]) Кутшеба—выше цит., стр. 80. Кстати сказать, Кутшеба даетъ обстоятельную характеристику причинъ, вызвавшихъ упадокъ польскихъ городовъ.

[2]) См Korzon—t II, str 7—8

были, иностранецъ—5%, а еврей 3% [1]). Практиковался еще одинъ оригинальный способъ эксплоатаціи городского класса. Видные представители шляхты, часто и духовенства устраивали подъ городскими стѣнами небольшіе поселки городского типа, носившіе названіе „юридикъ". Эти поселки, изъятые изъ подъ власти городскихъ учрежденій, необремененные никакими городскими повинностями, наносили городамъ серьезный ущербъ, пользуясь своимъ правомъ пропинаціи (продажи питей) или давая пріютъ ремесленникамъ, неудовлетворявшимъ цеховымъ требованіямъ. Отъ этихъ юридикъ сильно страдали болѣе крупные городскіе центры, какъ напр. Варшава или Краковъ, гдѣ конечно, и учрежденіе „юридикъ" было особенно выгодно.

Соціальная приниженность городского класса нашла себѣ выраженіе, напр., въ такихъ постановленіяхъ, которыми шляхтѣ запрещалось заниматься городскими промыслами подъ угрозой потери шляхетства, а равно и принимать на себя городскія должности. Отчасти это презрѣніе къ городскому классу отражается въ цѣломъ рядѣ конституцій (сеймовыхъ законовъ) противъ роскоши горожанъ.

Такъ неблагопріятно сложились въ Польшѣ условія для развитія городского класса Указанные выше факторы неизбѣжно должны были привести города къ упадку, а вмѣстѣ съ тѣмъ свести къ нулю и значеніе городского класса въ общественной и государственной жизни.

Въ эпоху перваго раздѣла Польши (1772 г.), городовъ въ Коронѣ и Литвѣ насчитывалось 1.414. Подавляющее большинство изъ нихъ принадлежало духовенству и частнымъ владѣльцамъ. Изъ этого числа было не болѣе 4—5 городовъ, насчитывавшихъ по нѣсколько

[1]) Вѣскую критику таксъ, а равно и приведеннаго постановленія комиссіи даетъ старый польскій писатель начала XIX в.—Суровецкій. O upadku przemysłu i miast w Polsce—Biblioteka Polska w Krakowie, 1861, стр 130 и д

„Допустимъ, говоритъ онъ, что три купца разной національности выставили въ одно и то же время одного и того же качества товаръ Потребитель долженъ потерять здравый смыслъ, чтобы отъ болѣе дешеваго идти покупать къ болѣе дорогому" (стр. 134). „Dmuchając na cudzą świeczkę, gasli niebacznie swoję własną", съ горечью замѣчаетъ Суровецкій

Какъ относился къ этимъ таксамъ торговый классъ, см. у Корзона—выше цит. t. II, str. 9—10; ср. Szelągowski—Pieniądz i przewrót cen w Polsce w XVI i XVII w Ekonomista 1901, Zeszyt II, str. 247 и д.

десятковъ тысячъ жителей; на первомъ мѣстѣ, конечно, стояла Варшава, за ней слѣдовали Вильно, Гданскъ, Краковъ. Такіе города какъ Люблинъ, Калишъ имѣли по двѣ, по три тысячи жителей [1]). Наконецъ, сотни другихъ городовъ и съ внутренней и съ внѣшней стороны почти ничѣмъ не отличались отъ болѣе или менѣе значительныхъ деревень;—ихъ населеніе только въ рѣдкихъ случаяхъ превышало 1.000 душъ [1])

Хорошо характеризуетъ эти города современникъ Наксъ. „Среди нѣсколькихъ хатъ стоятъ корчмы, передъ которыми въ опредѣленные дни продаютъ рѣшета, метлы и горшки",—вотъ типичная картина польскаго города.

Третьимъ пассивнымъ элементомъ общественной и государственной жизни Польши являлось крѣпостное населеніе. Первые шаги на пути закрѣпощенія крестьянъ были сдѣланы шляхтой въ концѣ XV и въ началѣ XVI в., когда рядомъ постановленій крестьянамъ было воспрещено покидать деревни безъ разрѣшенія господина. Здѣсь было положено первое начало прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Этотъ шагъ былъ вызванъ измѣнившимися экономическими условіями: ростъ вывозной хлѣбной торговли сдѣлалъ доходнымъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Паны стали расширять собственную запашку и заводить такъ называемое фольварочное хозяйство. При самостоятельномъ веденіи хозяйства шляхта близко была заинтересована въ количествѣ рабочихъ рукъ, въ особенности при рѣдкой населенности Польши въ эту эпоху. Въ цѣляхъ обезпеченія рабочей силы и были изданы постановленія, запрещавшія свободный переходъ крестьянъ отъ одного пана къ другому. За этимъ началомъ послѣдовали другія ограниченія, присущія институту крѣпостного состоянія—развитіе судебной власти помѣщика, предоставленіе ему права наказанія своихъ „подданныхъ" повышеніе барщинныхъ повинностей, уничтоженіе внутренней независимости крестьянскаго общества и т. д.

Въ XVIII в. развитіе крѣпостного состоянія можно считать вполнѣ законченнымъ. На обязанности хлоповъ лежали платежъ чинша, барщина въ видѣ извѣстнаго числа рабочихъ дней для помѣщика съ опредѣленнаго участка земли, затѣмъ разнаго рода приношенія—куръ, яицъ, пряжи, грибовъ, орѣховъ и т. п. (danine).

[1]) Korzon—выше цит t. I, str. 274

Кромѣ того, крестьянское населеніе несло еще нѣкоторыя спеціальныя повинности—дворскую стражу, ночную и дневную, дорожную повинность и пр. Въ горячую пору сельскихъ работъ крестьяне обязаны помогать пану безъ дня, т. е независимо отъ установленныхъ дней барщины.

„Въ Коронѣ кмети за полууволоку лучшей земли, пишетъ одинъ современный писатель, служатъ по 4, 5 и 6 дней съ шестеркою воловъ или съ четверкою лошадей, держатъ работниковъ, которые въ теченіе всей жатвы содержатся на панскій счетъ, получая отъ двора небольшое количество хлѣба, сыра и масла; платятъ чинши, даютъ извѣстную часть отъ полотенъ (холста), яйца, куръ, отправляютъ разныя работы сверхъ положеннаго по 6 и по 8 разъ въ годъ... Въ Литвѣ также различно отбываютъ повинности, служа по 6, 5, 4 и 3 дня съ панскою запряжкою; на половину обязательныя помочи (gwałty) также различны, продолжаясь 12, 8 и 6 дней, сообразно съ панщиной; есть и дани... И эти дани различны, примѣнительно къ мѣстностямъ, смотря по тому, гдѣ что есть въ изобиліи и какъ заведено прежними панами. Есть и помочи для исправленія дорогъ, для постройки избъ, для устройства мельничныхъ плотинъ. Есть и даровщины (daremnice) для удовлетворенія потребностей панскихъ усадьбъ“.

Изъ всѣхъ этихъ повинностей наиболѣе тяжелою была барщина. Размѣры ея зависѣли исключительно отъ воли владѣльца, и не только въ числѣ дней, но и въ количествѣ рабочихъ часовъ. Обыкновенною нормою считалось 8 рабочихъ часовъ въ зимнее время и 12 въ лѣтнее, но въ большинствѣ случаевъ крестьяне работали больше, по 19 часовъ въ день лѣтомъ и по 12 зимой [1]).

Важное значеніе для помѣщика имѣло и право пропинаціи, предоставлявшей ему исключительное право производства и продажи спиртныхъ напитковъ. Сдавая обычно шинки въ аренду, паны разрѣшали иногда арендаторамъ налагать на хлоповъ натуральную повинность, заключавшуюся въ томъ, что хлопъ обязанъ былъ покупать извѣстную порцію водки и пива на свадьбу, крестины и погребеніе [2]).

---

[1]) Мякотинъ—Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ Спб 1889, стр 67—68.

[2]) См. Popławski—Zbior niektórych materyi politycznych W Warszawie 1774 r, str. 77.

Наконецъ, панамъ еще принадлежало „мельничное право“, въ силу котораго помолъ хлѣба для хлопа допускался только на господской мельницѣ

Въ иныхъ случаяхъ налагалась еще обязанность продавать на панскомъ дворѣ то, что у него имѣлось для продажи, а равно и покупать нужные ему продукты [1]) „Часто, говоритъ Вал. Стройновскій, помѣщики запрещаютъ земледѣльцамъ вывозить свои произведенія на торги въ городъ, но приказываютъ всѣмъ имъ, что-либо имѣющимъ продать изъ своихъ плодовъ, продавать имъ самимъ или откупщикамъ ихъ кабаковъ, и о семъ съ послѣдними договариваются въ контрактахъ“ [2]). Паны, отправляя за границу хлѣбъ, привозили оттуда сельди и другіе необходимые въ крестьянскомъ обиходѣ товары и продавали ихъ своимъ хлопамъ, воспрещая покупку въ другихъ мѣстахъ [3]). Дѣйствительно, въ своей мѣстности панъ являлся какъ бы владѣтельнымъ княземъ, самовластію и можновладству котораго не было предѣловъ. Общая характеристика соціальнаго и политическаго строя Польши во второй половинѣ XVIII в. облегчитъ намъ пониманіе структуры народнаго хозяйства, слагавшейся весьма своеобразно. Экономическимъ базисомъ этой политической системы являлось широко организованное натуральное хозяйство. Польша въ

---

[1]) Кутшеба, давъ вѣрную характеристику крѣпостного состоянія въ Польшѣ, неожиданно замѣчаетъ—„но несмотря на все это, хлопъ не перестаетъ быть лично свободнымъ“ (стр. 44) Такой выводъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому положенію, въ какомъ находились хлопы по характеристикѣ самаго же автора Крестьянинъ уже прикрѣпленъ къ землѣ, „владѣлецъ деревни издаетъ приказы, составляетъ какъ бы своды законовъ для своихъ крѣпостныхъ, судитъ ихъ по своей волѣ, ибо на него нельзя ни апеллировать, ни жаловаться какой нибудь власти“, произвольно назначаетъ повинности и т. д. И послѣ всего этого Кутшеба рѣшительно заявляетъ, что „хлопъ не перестаетъ быть лично свободнымъ“. Сравнимъ съ этимъ свидѣтельство одного современника Zawsze iednak to prawda, że u nas chłopek iedno co bydlę, które przedaiemy, kupuiemy, targuiemy, zamieniamy, do roboty pędziemy, iak nam się podoba“.—Popławski—выше цит., str 57 Въ русской литературѣ по вопросу о положеніи крестьянъ въ изучаемую нами эпоху имѣется спеціальное изслѣдованіе Мякотина—„Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“. Спб. 1889; ср Рехневскій—Крестьянское сословіе въ Польшѣ „Рус Вѣстникъ“. М 1858

[2]) См Вал. Стройновскій—Всеобщая экономія народовъ. 1817 г., т I, стр. 253.

[3]) Рехневскій—Крестьянское сословіе Рус Вѣсти. за 1858 г, ср. 75.

эту эпоху переживала стадію замкнутаго хозяйства, съ тѣми особенностями, которыя вызывались политическимъ и соціальнымъ строемъ Рѣчи Посполитой.

Основной хозяйственной единицей являлся панскій дворъ, матеріальное благосостояніе котораго опиралось на рабскомъ трудѣ сотенъ или даже тысячъ крѣпостныхъ. Эта ячейка представляла изъ себя въ большей или меньшей степени самодовлѣющее цѣлое Она удовлетворяла большинство своихъ потребностей своими собственными силами. Если ей приходилось выступать за предѣлы своего замкнутаго круга, то сравнительно рѣдко, только или за предметами роскоши или за такими продуктами, которые не могли быть производимы ни въ какомъ случаѣ у себя на мѣстѣ, напр., соль, желѣзо и пр.

Каковы же были потребности панскаго двора и какими средствами онѣ удовлетворялись? Потребности его были довольно широки и разнообразны, если не всегда качественно, то количественно

Панскій дворъ и его обитателей нельзя себѣ представлять въ видѣ современнаго намъ хозяйствующаго дома, состоящаго изъ небольшой семьи и незначительнаго штата прислуги.

Панскій дворъ включалъ въ себя нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ людей, а дворы магнатовъ даже по нѣсколько тысячъ[1]). Онъ представлялъ изъ себя сложную замкнутую хозяйственную единицу, совмѣщавшую разностороннія хозяйственныя функціи.

Дворъ польскаго магната состоялъ прежде всего изъ постояннаго и многочисленнаго штата служащихъ. Общее завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ находилось въ рукахъ маршалка двора; въ его вѣдѣніи была мужская и женская прислуга, ему принадлежало высшее наблюденіе за порядкомъ въ дворцахъ, садахъ, во дворѣ и т. д. Ближайшими его помощниками являлись конюшій, завѣдывавшій конюшнями, подскарбій, завѣдывавшій казной, подчашій,—винами и другими заморскими напитками, имѣя помощникомъ цивничаго, шатный, завѣдывавшій гардеробомъ пана, а камердинеръ—гардеробомъ пани, кухмейстеръ, имѣвшій высшій надзоръ надъ старшими и младшими

---

[1]) Данныя для характеристики панскаго двора взяты нами главнымъ образомъ у Kitowicz'a—Opis obyczajów i zwyczajów въ изданіи Рачиньскаго—Obraz Polakow i Polski w XVIII wieku, Poznan 1841, t X; у Fr Szulc'a – Polska w roku 1793 według podróży w 1899 изд. Niwy Polskiej и Bruggen'a—Polens Auflösung, Leipzig 1878.

поварами, наконецъ, секретарь, завѣдывавшій корреспонденціей политической и экономической.

За этими высшими придворными чинами шла дворня, въ составъ которой входили лакеи, гайдуки, пахолки, паюки, пажи, турчины, скороходы, кучера, форейторы, конюхи, повара, поваренки, буфетчики, ключники, егеря, псари, карлики и пр.

Въ каждомъ отдѣлѣ названной здѣсь прислуги насчитывалось по нѣсколько десятковъ человѣкъ. Каждый видъ службы имѣлъ свои спеціальныя обязанности. Такъ камеръ-лакеи прислуживали за столомъ, паюки служили госпожѣ, держали въ церкви ея молитвенникъ или въ домѣ чашку, гайдуки сопровождали господина при выѣздахъ и т. д.

Въ составъ панскаго двора входили и представители либеральныхъ профессій—музыканты, актеры, поэты, ученые, резиденты, резидентки, лекаря и, наконецъ, придворный ксендзъ.

Сюда еще нужно прибавить домашнюю стражу, состоявшую изъ разныхъ родовъ оружія. Численность этой стражи иногда достигала нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Если были дѣти, то придворный штатъ значительно увеличивался. Гофмейстеры, учителя, фехтмейстеры, танцмейстеры занимались воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей магната.

Мы не упомянули о многочисленномъ штатѣ служащихъ для управленія имѣніями. Здѣсь опять встрѣчаемъ цѣлыя толпы чиновниковъ, подъ названіемъ управляющихъ, коммиссаровъ, экономовъ, оффиціантовъ и т д.

Эти многочисленные придворные вербовались, главнымъ образомъ, среди молодежи шляхетскаго происхожденія. Мелкая шляхта, получивъ образованіе въ іезуитскихъ школахъ, шла на службу ко дворамъ магнатовъ, гдѣ училась искусству жизни,—пріобрѣтала манеры и лоскъ и, такъ сказать, заканчивала свое образованіе. Это центры культурной, аристократической жизни, дававшіе тонъ всему польскому обществу. Здѣсь процвѣтали науки и искусства, отсюда выносили моду.

Такой сложный штатъ придворныхъ должностей соотвѣтствовалъ той широкой жизни, которую вели въ то время польскіе магнаты. Они держали открытый домъ, ежедневно за столъ садилось нѣсколько десятковъ человѣкъ; за панскій столъ садились гости и высшіе придворные чины, за отдѣльный столъ маршалка—гости и

служащіе рангомъ пониже. Нѣтъ нужды описывать то широкое гостепріимство и хлѣбосольство, которымъ отличалась польская шляхта. Попойки, пиры, на которыхъ подавалось безчисленное множество блюдъ и венгерское лилось рѣкой, хорошо описаны въ многочисленныхъ мемуарахъ современниковъ. Русскіе читатели знакомы съ ними по названному нами изслѣдованію Костомарова

Если магнату нужно было переѣзжать, скажемъ, изъ деревенскаго палаца въ городской. значительная часть его придворнаго штата ѣхала съ нимъ. Камердинеры, лекаря, секретари, капелланы, музыканты все это ѣздило за паномъ. Когда панъ выѣзжалъ, съ нимъ двигался цѣлый поѣздъ. На отдѣльныхъ повозкахъ везли погребъ, гардеробъ, кухню, постель и пр. Разныя повозки, экипажи. верховыя лошади тянулись длинными рядами съ конюшенными, борейторами, возницами, пахолками. Въ случаѣ приходилось ѣхать пустынной мѣстностью, брали съ собой скотъ и мелкую живность. Съ наступленіемъ ночи этотъ обозъ располагался лагеремъ, въ полѣ подъ открытымъ небомъ разбивали палатки.

Такъ жить, конечно, могли не многіе магнаты въ Польшѣ Они всѣ извѣстны наперечетъ. Назовемъ здѣсь литовскаго магната Радзивилла, извѣстнаго подъ кличкой „Panie Kochanku“, который владѣлъ въ однѣхъ королевщизнахъ 16 городами, 583 селами, 25 войтовствами, въ 1764 г. онъ имѣлъ 6.000 чел. надворной стражи.

Щенсный Потоцкій, владѣлецъ 130.000 крѣпостныхъ; его придворный штатъ состоялъ изъ 400 душъ. Къ такой же категоріи польскихъ магнатовъ принадлежали Чарторыйскіе, Браницкіе, Замойскіе, Огинскіе, Любомирскіе, Сапѣги и т д. Но даже и такихъ колоссальныхъ состояній не хватало для той жизни, какую вели эти магнаты. Почти всѣ они имѣли милліонные долги [1]).

Невольно напрашивается здѣсь одна историческая параллель изъ древне-римской жизни. Польскіе магнаты являются какъ бы снимкомъ, конечно, въ иной исторической рамкѣ римскихъ патриціевъ, жизнь которыхъ такъ мастерски описалъ Бюхеръ. Какъ придворный штатъ римскаго патриція разростался до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ былъ многочисленъ и штатъ польскихъ магнатовъ.

Рафинированное расчлененіе труда въ гигантскомъ хозяйствѣ патриція во многомъ напоминало широкое раздѣленіе труда во дворѣ

---

[1]) См. объ этомъ у Korzon'a,—выше цит. t. I, str 247—249.

польскаго магната. Конечно, жизнь римскаго патриція была утонченнѣе, онъ былъ бо́льшимъ эпикурейцемъ и бо́льшимъ философомъ, но по безумной расточительности человѣческаго труда, по общему характеру и направленію жизни много было тождественнаго.

Какъ кучка римскихъ патриціевъ, опираясь на тысячи рабовъ, могла править громадной имперіей, такъ и польскіе магнаты опираясь на тысячи крѣпостныхъ, на безземельную и малоземельную шляхту, экономически отъ нихъ зависимую, могли держать въ своихъ рукахъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику Рѣчи Посполитой .Человѣческія силы растрачивались съ невѣроятной расточительностью, замѣчаетъ Бюхеръ, въ концѣ концовъ при помощи этого тысячерукаго организма замкнутаго домашняго хозяйства, поддерживаемаго грандіозной системой дисциплины и воспитанія, личная сила рабовладѣльцевъ удесятерялась и это обстоятельство помогало кучкѣ аристократовъ господствовать надъ полу-міромъ“ [1].

Существованіе римскаго патриція, какъ равно и существованіе польскаго магната возможны были на почвѣ рабства (крѣпостничества). Та сложная организація, которую мы видѣли въ панскомъ дворѣ, возможна тамъ, гдѣ былъ неисчерпаемый источникъ безплатнаго труда. Для того, чтобы насытить и напитать описанный нами дворъ магната, требовался трудъ не сотенъ, а тысячъ людей.

Большая часть потребностей панскаго двора удовлетворялась трудомъ крѣпостныхъ. Извѣстная часть земель, обычно $^1/_4$ или $^1/_3$ отводилась подъ экономическую запашку.

Обрабатывалась она, конечно, трудомъ хлоповъ. Это первый источникъ обезпеченія потребностей панскаго двора. Вторымъ источникомъ являлись разнаго рода приношенія, возложенныя на крѣпостныхъ въ видѣ куръ, каплуновъ, яицъ, пряжи, орѣховъ, грибовъ и проч. [2]. Если у пана число крѣпостныхъ достигало нѣсколькихъ десятковъ тысячъ душъ, то можно себѣ представить, какое количество живности, какая масса продуктовъ поступали на панскій дворъ. Можно было прокормить безъ труда ораву чиновниковъ и многочисленную прислугу, составлявшую дворъ магната.

---

[1]) Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства, подъ ред Булгакова. Спб 1897 г. стр. 17.

[2]) См Win. Skrzetuski. Prawo polityczne narodu polskiego t II ed. 2 1787 Scholarum Piarum. s. 194.

Но тѣми продуктами, которые могли быть вырабатываемы дома, нельзя, конечно, было покрыть всѣхъ потребностей панскаго двора. Польскіе магнаты во второй половинѣ XVIII в. уже успѣли познакомиться съ западно-европейской роскошью и привыкли уже къ потребленію многихъ предметовъ комфорта и роскоши.

Для удовлетворенія этихъ потребностей силы тысячерукаго панскаго хозяйства оказывались недостаточными. Нужно было обращаться за границу.

Для пріобрѣтенія иностранныхъ товаровъ у польскаго магната было одно средство—вывести за границу свой хлѣбъ въ обмѣнъ на нужные товары. Только въ этомъ случаѣ панскій дворъ вступалъ въ мѣновыя сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Такія мѣновыя сношенія носили чаще всего натуральный характеръ. Хлѣбъ непосредственно обмѣнивался на тѣ или другія иностранныя издѣлія. Эта внѣшняя торговля совершалась преимущественно караваннымъ путемъ. Баржи, нагруженныя хлѣбомъ, плыли по Вислѣ до Гданска, оттуда возвращались назадъ съ иностранными товарами. Такимъ образомъ и обезпеченіе болѣе утонченныхъ потребностей панскаго двора совершалось трудомъ тѣхъ же крѣпостныхъ. Тысячи рабскихъ рукъ въ потѣ лица обрабатывали панскую землю, собирали на ней хлѣбъ, отвозили въ Гданскъ для того, чтобы привести въ обмѣнъ утонченныя издѣлія Запада и Востока.

Большое значеніе въ хозяйствѣ панскаго двора играла мелкая шляхта, которая занимала господскія земли на чиншевыхъ началахъ. Значеніе этихъ чиншевиковъ было не столько экономическое, сколько политическое: они входили въ партію своего принципала и поддерживали его политику, часто не щадя даже своей жизни, что было довольно обычнымъ явленіемъ при столкновеніи сторонниковъ враждующихъ фамилій.

При наличности крѣпостного права панское хозяйство не могло быть поставлено сколько-нибудь раціонально. Всюду господствовала старая трехпольная система въ то время, какъ уже на Западѣ былъ широко распространенъ многопольный сѣвооборотъ [1]).

---

[1]) См Uwagi tygodniowe warszawskie. O pomnożeniu Ekonomii w Królstwie Polskiem N III, 21 дек. 1768 г О podzieleniu Roli. Биб. орд. гр Красинскихъ. Авторъ этой статьи указываетъ на преобладаніе въ Польшѣ трехпольной системы; дѣленіе на два поля встрѣчается рѣдко, главнымъ образомъ въ малыхъ экономіяхъ (szczupłych maiętnościach). Параллельно съ этимъ

Къ тому же еще польская знать исключительно занималась политической и военной дѣятельностью и поэтому, конечно, у нея не было времени на то, чтобы заботиться объ улучшеніи сельскаго хозяйства. Надзоръ по управленію своихъ имѣній они передавали управляющимъ, поссесорамъ, экономамъ, которые не имѣли соотвѣтвѣтствующихъ знаній и не были заинтересованы въ подъемѣ сельскохозяйственнаго производства. Система сдачи имѣній въ аренду представляла одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей польскаго хозяйства. Въ роли арендаторовъ, посессоровъ часто выступали евреи, которые своей безчеловѣчной эксплоатаціей труда хлоповъ возбуждали противъ себя страшную ненависть. Благодаря такой системѣ хозяйничанья положеніе крѣпостныхъ становилось еще болѣе безотраднымъ.

Крѣпостные, на которыхъ покоилась вся сельско-хозяйственная культура данной эпохи, еще менѣе были заинтересованы въ интенсификаціи сельскаго хозяйства и отбывали свою барщину, какъ тяжелую, ненавистную повинность. „Земля, справедливо говоритъ Мякотинъ, обрабатываемя противъ воли людьми, не видѣвшими въ этомъ трудѣ никакой собственности и безопасности, короче говоря, невольниками, не давала тѣхъ урожаевъ, къ которымъ она была способна. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать вѣкомъ паденія всего сельскаго хозяйства Польши, какъ крестьянскаго, такъ и помѣщичьяго. Польша, считавшаяся нѣкогда житницей Европы, сама обѣднѣла теперь хлѣбомъ, невзирая на все плодородіе своей почвы, на ту поистинѣ каторжную работу, которую несли на этой почвѣ прикрѣпленные къ ней крестьяне, на всѣ усилія помѣщиковъ поднять свое экономическое благосостояніе“ [1]).

Какъ ни странно, но уже въ XVIII в. въ Польшѣ существовало среди крѣпостныхъ малоземельное и даже безземельное населеніе. Образовался даже сельско-хозяйственный пролетаріатъ въ видѣ

отмѣчается и то, что уже въ Мекленбургѣ примѣнялся сложный сѣвооборотъ (отъ 7 до 14 полей). Ср O stosunkach Ekonomicznych w Polsce w XVII i XVIII wieku —Roczniki gospodarstwa krajowego. Warszawa, 1862 t XLVIII. str 210.

[1]) См Мякотинъ, выше цит. стр. 61, 74. Гибельное экономическое вліяніе крѣпостного состоянія прекрасно сознавали передовые дѣятели второй половины XVIII в., рѣшительно осуждавшіе этотъ институтъ Назовемъ здѣсь Сташица, Коллонтая, Поплавскаго, Накса, Выбицкаго и др

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

загродниковъ, владѣющихъ, кромѣ избы („халупы"), только небольшимъ огородомъ, „халупниковъ", имѣющихъ только одну избу, наконецъ, „коморниковъ", нанимающихъ „комору" у другихъ крестьянъ [1]).

Причины, вызвавшія ростъ сельскохозяйственнаго пролетаріата, нужно видѣть въ увеличеніи населенія въ силу прироста его, прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, тормозившимъ отливъ населенія на пустынныя окраины и наконецъ, въ расширеніи собственной запашки пана за счетъ земли, находившейся въ рукахъ крѣпостныхъ.

Жизнь мелкой шляхты и крестьянства еще въ большей степени, чѣмъ описанная нами жизнь польскаго магната. совершалась въ замкнутомъ кругу своего собственнаго хозяйства.

Мелкая загоновая шляхта по своимъ обычаямъ, по своему культурному уровню ничѣмъ не отличалась отъ крестьянъ. „Какъ постройки шляхты, говоритъ извѣстный своими мемуарами Козьмянъ, ничѣмъ не разнились отъ крестьянскихъ жилищъ, такъ и обитатели ихъ ничѣмъ не отличались по своимъ обычаямъ отъ хлоповъ" Это свидѣтельство современника для насъ важно въ томъ отношеніи, что. характеризуя экономическую жизнь мелкаго шляхтича, мы этимъ самымъ характеризуемъ и жизнь хлопа.

2283

Потребности мелкаго шляхтича были просты и соотвѣтственно этому были невелики и тѣ средства, какими онъ удовлетворялъ свои нужды. Въ хозяйствѣ мелкаго шляхтича потребленіе играло руководящую роль по отношенію къ производству: все, въ чемъ нуждался шляхтичъ, производилось у него дома, за самыми ничтожными исключеніями. Интересное описаніе жизни мелкаго шляхтича даетъ Фр. Езерскій, выдающійся публицистъ второй половины XVIII в. [2]).

„Отецъ мой, пишетъ герой его одного сатирическаго произведенія, Владиславъ Кутасиньскій былъ собственникомъ земельнаго участка, принимавшаго на засѣвъ озими девять корцевъ, три четверти и шесть гарнцевъ жита.... Видѣлъ я, что мой отецъ самъ приготовлялъ муку, крупу, кашу, пользуясь для этого ручной мельничкой (wyrabiał w żarnach), и не зналъ, конечно, что существуютъ на свѣтѣ мельницы и мельники на нихъ, видѣлъ, какъ онъ чинилъ обувь, латалъ платье, и неудивительно, что я не зналъ о существо-

[1]) См Кутшеба—выше цит. 144—145.

[2]) См. Wł. Smoleński—Kuźnica Kołłątajowska. Krakow, 1885. Str. 10—11.

ваніи сапожниковъ и портныхъ; видѣлъ, какъ онъ набивалъ бочки и дижи, какъ исправлялъ колеса у воза, и не могъ знать, что есть бондари и колесники... Такимъ образомъ, мой отецъ, будучи по рожденію шляхтичемъ, по имѣнію земледѣльцемъ, по недостатку мельникомъ, сапожникомъ, портнымъ, бондаремъ и т. д.“

Въ этой характеристикѣ жизни мелкаго шляхтича выступаютъ передъ нами отличительныя особенности замкнутаго домашняго хозяйства. Основныя свои потребности мелкій шляхтичъ удовлетворялъ своимъ личнымъ трудомъ или трудомъ своей семьи. Потребности его были немногочисленны и несложны, для нихъ оказывалось достаточно домашнихъ силъ и средствъ. Все, что производилось въ хозяйствѣ, то и потреблялось его членами; вѣрнѣе сказать, все, въ чемъ нуждалась шляхта, производилось и создавалось дома. Здѣсь достигалось равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ.

Но и скромное хозяйство мелкаго шляхтича не могло обойтись безъ обмѣна. Ему нужны были кое-какія земледѣльческія орудія, желѣзо и соль. Вотъ что и являлось главнымъ предметомъ мѣновыхъ сношеній какъ въ мелко-шляхетскомъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

„Мой отецъ, пишетъ тотъ же герой, самъ обрабатывалъ землю, и когда сдѣлалъ закупку желѣза, земледѣльческихъ орудій, обуви и соли, то былъ уже обезпеченъ во всѣхъ своихъ домашнихъ потребностяхъ“ [1]).

Жившая въ такихъ условіяхъ, мелкая шляхта обычно выбирала себѣ какого-либо сосѣдняго заможнаго пана въ качествѣ патрона, которому служила на сеймикахъ, сеймахъ и трибуналахъ, къ которому собиралась на разныя семейныя празднества, для устройства охоты, для предвыборныхъ совѣщаній и пр. Выше цитированный нами Козьмянъ по поводу этихъ съѣздовъ высказываетъ такое злое замѣчаніе [2]): шляхта „съѣзжалась къ патрону не съ тою цѣлью, чтобы освѣдомиться о положеніи дѣлъ въ странѣ, но лишь для того, чтобы вкуснѣе поѣсть и попить“. Если мы вспомнимъ, какъ жилъ мелкій шляхтичъ дома, то, быть можетъ, и не осудимъ строго его за то, что иной разъ онъ расчитывалъ вкусно поѣсть и попить у своего патрона, къ сторонникамъ котораго принадлежалъ.

---

[1]) См W Smoleński--выше цит. str. 9.

[2]) См. Kajetan Koźmian, Pamiętniki Poznań, 1858. Oddz. I, str 92, 111.

Обыковенно на службу къ этому патрону поступали и дѣти шляхтича, получившія кое-какое образованіе и не хотѣвшія оставаться на отцовской землѣ. Такимъ путемъ могъ сдѣлать себѣ карьеру и мелкій шляхтичъ въ зависимости отъ своихъ талантовъ, а въ еще большей степени отъ положенія своего принципала.

Убогій хлопъ, какъ и мелкій шляхтичъ, покрывалъ свои потребности силами своего собственнаго хозяйства. Въ виду того, что онъ сидѣлъ на панской землѣ, былъ слишкомъ обремененъ разнаго рода повинностями, у него не было никакихъ мотивовъ къ повышенію интенсивности своего труда. „Отупѣлый земледѣлецъ не пашетъ, а только царапаетъ землю, не унаваживаетъ ее, не знаетъ хорошихъ земледѣльческихъ порядковъ, въ послѣдней лѣности проводитъ свое драгоцѣнное время и въ дешевой водкѣ топитъ свое горе“ [1]). Низкій уровень потребностей, не возвышавшійся надъ чисто животной жизнью, не требовалъ особеннаго труда для удовлетворенія ихъ. Хлопъ на своемъ небольшомъ клочкѣ земли долженъ былъ находить средства для покрытія всѣхъ своихъ нуждъ. Львиную долю этихъ средствъ поглощалъ панскій дворъ, кое-что ему приходилось продавать евреямъ-скупщикамъ для того, чтобы пріобрѣсти нѣсколько грошей на покупку соли, одного изъ главныхъ предметовъ потребленія и вмѣстѣ торговли въ крестьянскомъ быту. Важное значеніе этого продукта видно хотя бы изъ такого факта: крестьянинъ, получивъ нѣсколько грошей за какую-нибудь работу, имѣлъ привычку приговаривать—„заработалъ на кварту соли“. Другимъ важнымъ предметомъ торговли въ крестьянскомъ быту являлось желѣзо и болѣе простыя орудія, чаще всего топоръ. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Бернулли [2]), всюду на постоялыхъ дворахъ онъ видѣлъ только деревянныя ложки; въ рѣдкихъ случаяхъ можно было встрѣтить металическій ножъ. А вѣдь постоялые дворы держали болѣе зажиточные элементы.

Деньги крестьянину приходилось видѣть въ рѣдкихъ случаяхъ. „Напрасно, говоритъ одинъ современникъ, было бы искать денегъ по цѣлымъ селамъ въ иные мѣсяцы, кромѣ марта и августа“ [3]). Грубая, простая одежда хлопа, лапти, убогая домашняя утварь—все это

---

[1]) См Wybicki—Listy patryotyczne .. t. I, str. 237.

[2]) См Liske—Cudzoziemcy w Polsce. We Lwowie, 1876 Str. 206.

[3]) См. Nax —выше цит., str. 72

являлось продуктомъ собственнаго хозяйства. „Изъ шерсти своихъ овецъ онъ сдѣлаетъ себѣ сермягу, два загона льну доставятъ ему матеріалъ для бѣлья, кора молодого дерева—обувь, лѣсъ обезпечиваетъ удовлетвореніе его другихъ хозяйскихъ нуждъ“, такъ характеризуетъ жизнь хлопа современный писатель [1]). Вообще, уровень матеріальнаго благосостоянія крестьянъ былъ весьма низокъ, по свидѣтельству современниковъ. „Крестьяне, говоритъ одинъ изъ нихъ, мало отличаются отъ скота, не имѣютъ никакой собственности, живутъ со дня на день, гніютъ въ грязи и бѣдности, благодаря недостатку въ свѣтѣ и жизненныхъ припасахъ гибнетъ половина ихъ потомства“. „Туземцы этой мѣстности (между Краковомъ и Варшавой), замѣчаетъ извѣстный путешественникъ Коксъ, были бѣднѣе и униженѣе, чѣмъ какой бы то ни было народъ, который мы встрѣчали въ нашихъ путешествіяхъ“ [2]). Выдающійся публицистъ той эпохи Сташицъ описываетъ въ такихъ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе польскаго крестьянина: „Передъ моими глазами, пишетъ онъ, пять частей польскаго народа; вижу милліоны несчастныхъ твореній: полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, обросшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, угрюмые, одурѣлые, они мало чувствуютъ, мало думаютъ—едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища.. живутъ въ землянкахъ или въ хижинѣ чуть-чуть невровень съ землей; солнце туда не заглядываетъ; смрадъ и дымъ душатъ тамъ человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневной работой, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими дѣтьми спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами“... Русскій помѣщикъ, проѣзжавшій черезъ бывшія владѣнія Речи Посполитой въ 1769 г., говоритъ: „Проѣзжая Литву, надсѣдалося сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ работѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданной властью крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣніе въ аренду

---

[1]) См. Wybicki—Listy patryotyczne do jasnie wielmożnego exkanclerza Zamoyskiego. W Warszawie, 1777, t. I, str. 261

[2]) См. Мякотинъ—выше цит, стр. 72, 73.

уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность... Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безумная роскошь и сластолюбивая праздность“ [1])

Крестьянство, составлявшее основную массу народа, въ виду низкаго уровня своихъ потребностей съ одной стороны, а съ другой—въ виду крайней бѣдности, не могло, конечно, предъявлять спроса на какія-бы то ни было издѣлія. Все, что ему нужно было, оно вырабатывало дóма; покупалось только то, безъ чего невозможно было даже полузоологическое существованіе хлопа, и что́ никоимъ образомъ не могло быть произведено въ его собственномъ хозяйствѣ, какъ напр., соль.

Выражаясь современнымъ языкомъ, на хлоповъ нельзя было расчитывать какъ на рынокъ сбыта для тѣхъ или другихъ товаровъ. Не много надеждъ на этотъ счетъ подавала и мелкая шляхта, которая также въ большинствѣ случаевъ проходила стадію еще замкнутаго хозяйства и основныя свои потребности покрывала продуктами домашняго производства. Возможная емкость внутренняго рынка хорошо охарактеризована въ одномъ изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій: „большая часть нашихъ городовъ насчитываетъ по горсти отяжелѣвшихъ (ociężałych), грубыхъ, погруженныхъ въ пьянство лѣнтяевъ, села полны убогихъ хлоповъ, которые издавна были трактуемы наравнѣ съ своими товарищами по работѣ коньми и волами. Они уже привыкли проводить скотскую жизнь, ограничиваясь самыми необходимыми потребностями и не заботясь о тѣхъ удобствахъ, которыя доставляетъ промышленность.

Развѣ такіе города и такія села могутъ обезпечить большой сбытъ, столь нужный для нашихъ мануфактуръ?“ [2])

Оставался одинъ высшій классъ. Можно ли было расчитывать на него въ этомъ случаѣ?

На поставленный вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ. Польская аристократія исключительно пользовалась иностранными издѣліями. Къ нимъ она привыкла во время своихъ частыхъ стран-

---

[1]) Ibid., стр. 71.

[2]) Myśli pewnego patryoty ogólne względem potrzeby zaostrzenia ducha handlowego w Polszcze i o niektórych do tego zawadach. Pamiętnik Polityczny i Historyczny, 1783 r. St. 254.

ствованій за границей, а отчасти этого требовалъ хорошій тонъ, мода. Всѣ современники отмѣчаютъ это увлеченіе польской шляхты чужеземными товарами. „Каждый, говоритъ, напр., Сташицъ, побуждаемый привычками или модой, покупалъ то, что приходило изъ Франціи или изъ нѣмецкихъ странъ, и пренебрегалъ тѣмъ, что производилось въ Польшѣ“ [1]). „Только взглянувъ на даму или кавалера польскаго, мы сейчасъ же признаемъ, что все на немъ отъ ногъ до головы иностраннаго происхожденія“ [2]). У всѣхъ патріотовъ изъ эпохи Ст. Августа мы найдемъ горячія рѣчи противъ увлеченія этой модой, призывы къ возвращенію къ своему родному, національному.

Не только сама польская знать предпочитала для личнаго потребленія иностранныя издѣлія, но изъ тщеславія она одѣвала и свою прислугу въ иностранныя сукна, въ иностранные уборы и т. д.

Въ результатѣ создалось такое положеніе: высшій классъ, получавшій громадные доходы изъ своихъ латифундій, расходовалъ ихъ на иностранные товары; а остальное населеніе, ничего не имѣя, не могло ничего и расходовать.

„При общей бѣдности земледѣльцевъ, говоритъ Суровецкій, составлявшихъ огромную массу народа и при расточительности на чужеземные продукты небольшого числа крупныхъ землевладѣльцевъ, отечественный купецъ и ремесленникъ долженъ былъ бѣднѣть и раззоряться“ [3]).

Представленная здѣсь характеристика жизни отдѣльныхъ классовъ населенія уясняетъ намъ положеніе внѣшней и внутренней торговли въ данную эпоху.

Первенствующее мѣсто занимала внѣшняя вывозная и ввозная торговля. Отпускная торговля Польши ограничивалась вывозомъ хлѣба, полотна, пряжи, льна и пеньки, шерсти, поташу, воску, воловъ, сала, кожъ, табаку, сѣмянъ, корабельнаго лѣса, мѣховъ и т. п.

Главнымъ предметомъ отпускной торговли являлся хлѣбъ. Изъ давна Польшу называли житницей Европы. Собственно говоря, вывозъ хлѣба пріобрѣтаетъ въ Польшѣ важное экономическое значеніе

---

[1]) См. St. Staszyc—Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego. Pierwszy raz wydane 1785 r. Wyd. Turowskiego. W Krakowie, 1861, str. 104

[2]) См. Korzon - выше цит., t. II, str. 225.

[3]) См. Surowiecki—O Upadku przemysłu. Str. 101

голько въ XVI в. Во второй половинѣ XVIII в. отпускъ за границу хлѣба, хотя и упалъ сравнительно съ предшествующими эпохами, но все же продолжалъ занимать первое мѣсто въ внѣшней вывозной торговлѣ. Извѣстный польскій историкъ Корзонъ на основаніи тщательнаго анализа прямыхъ и косвенныхъ данныхъ устанавливаетъ такія двѣ приблизительныя цифры вывоза хлѣба въ періодъ съ 1775 г. по 1785 г. 100 и 200 тыс. ластовъ цѣнностью въ 40—80 мил. зл. На сравнительно высокомъ уровнѣ стоялъ экспортъ хлѣба въ начальные годы царствованія Ст. Августа, послѣ перваго раздѣла (1772 г.) наступаетъ упадокъ хлѣбной торговли, замѣтно улучшается положеніе въ послѣднее десятилѣтіе независимаго существованія Рѣчи Посполитой, хотя вывозъ хлѣба все-таки не достигаетъ того уровня, на какомъ онъ стоялъ въ началѣ этой эпохи [1]).

Господствующая роль въ экспортѣ польскаго хлѣба принадлежала Гданску, куда Вислой направлялась главная масса хлѣбныхъ грузовъ.

Затѣмъ идетъ Крулевецъ (Кенигсбергъ), игравшій роль Гданска для Литвы. Значительныя партіи хлѣба вывозились и черезъ другіе балтійскіе порты, какъ Мемель, Эльблонгъ, Либава и Рига.

Вывозъ хлѣба совершался такимъ образомъ: шляхтичъ, имѣнія котораго расположены вблизи какой-нибудь сплавной рѣки, нагружалъ тѣ и другіе сельскіе продукты на баржи, берлины, плоты и отправлялъ ихъ въ ближайшій морской портъ. Изъ всей почти Короны товары плыли Вислой до Гданска, изъ Жмуди и Литвы—Нѣманомъ до Крулевца и Зап. Двиной до Риги. Помѣщикъ посылалъ съ своимъ грузомъ довѣреннаго управляющаго, который обычно ѣхалъ лошадьми до пункта назначенія, а не плылъ по рѣкѣ. Про-

[1]) Данныя о положеніи торговли въ Польшѣ во вторую половину XVIII в заимствованы главнымъ образомъ у Корзона—выше цит. t. II, rozd IV. Скшетускаго—Prawo polityczne narodu polskiego t II, 1787, str. 224 и д. Rzut oka na postęp handlu i przemysłu czasów dawnieyszych w ogólności i w szczególności na stan Polski –Izys Polska 1820 r t II, str. 132 и д, затѣмъ рядъ статей изъ Dziennik'a Handlowego и Pamiętnik'a (журналы изъ эпохи Ст Августа)

Жалобы на отсутствіе сбыта хлѣба встрѣчаются на страницахъ журналовъ того времени. „Отсутствіе сбыта убиваетъ всякую охоту заниматься сельскимъ хозяйствомъ" (изъ письма обывателя) Pamiętnik Pol. Hist. 1783 r. Str. 388 Przedtym kray nasz był iednym w północy dla Europy spichlerzem, teraz iest ich więcey, такъ объясняетъ упадокъ хлѣбной торговли журнальный обозрѣватель. Pamiętnik Pol Hist., 1783 r. str. 478.

давъ грузъ, управляющій закупалъ нужные иностранные товары, грузилъ на барки, и тѣмъ же путемъ онѣ возвращались домой. Такъ какъ за выполненіе такого порученія паны не особенно щедро вознаграждали, то управляющій не упускалъ случая заработать на этой операціи: вступалъ въ разныя соглашенія съ купцами и въ результатѣ, путемъ тѣхъ и другихъ махинацій, получалъ порядочный кушъ.

Случалось, что и самъ управляющій, въ особенности изъ молодыхъ, дѣлался жертвой обмана хитрыхъ и ловкихъ купцовъ, которые, подпоивъ молодца, забирали его грузъ за безцѣнокъ.

Та шляхта, которая жила подальше отъ водныхъ путей, продавала хлѣбъ и другіе продукты мѣстнымъ купцамъ съ доставкой къ той или другой рѣкѣ. Уже въ эту эпоху занималось хлѣбной торговлей нѣсколько оптовиковъ, имѣвшихъ свои барки и магазины для ссыпки хлѣба.

Мелкіе земледѣльцы продавали хлѣбъ евреямъ, которые разъѣзжали по деревнямъ и селамъ, скупая хлѣбъ и другіе продукты.

Само собой разумѣется, удобства и дешевизна воднаго транспорта были причиной того, что главная масса зерновыхъ продуктовъ доставлялась именно такимъ путемъ къ балтійскому побережью. Но рядомъ съ этимъ существовала и гужевая перевозка хлѣба въ зимнее время, когда замерзшія рѣки представляли удобный санный путь. Зимой ежедневно прибывало въ Крулевецъ иногда по 500—600 саней съ хлѣбомъ.

Другую важную статью вывоза составлялъ корабельный, строевой лѣсъ и разныя деревянныя издѣлія. Особенное значеніе лѣсные матеріалы имѣли въ отпускной торговлѣ Литвы. По приблизительному подсчету Корзона, общая цѣнность лѣсной торговли достигала 20 мил. зл. На такую же сумму вывозилось почти исключительно изъ Литвы льна, пеньки и пакли.

Важный предметъ отпускной торговли составлялъ скотъ, полотно и пряжа (по 8 мил.). Другіе продукты польскаго вывоза, какъ поташъ и зола, смола, медъ, воскъ, шерсть, кожи, сало, селитра, перья, щетина и пр. занимали второстепенное мѣсто во внѣшней торговлѣ.

Въ приблизительныхъ цифрахъ цѣнность вывоза въ періодъ отъ 1780 по 1792 г. опредѣляется въ границахъ такихъ двухъ

величинъ, какъ 110 и 150 мил. зл. [1]). Нужно согласиться, что статистическая картина внѣшней вывозной торговли въ изучаемую нами эпоху далека отъ желательной точности и можетъ удовлетворить изслѣдователя, не слишкомъ ужъ требовательнаго къ точности даже и округленныхъ цифръ.

Какіе же товары Польша ввозила въ обмѣнъ на свое сырье?

Главными предметами ввоза являлись сукна, шерстяныя и шелковыя матеріи, тонкія полотна, обои, различныя украшенія, вина, колоніальные товары, дорогая утварь, мебель и пр. Сукна, шелкъ, муслины Польша получала преимущественно изъ Англіи и Франціи, полотна, бумажныя и шерстяныя ткани изъ Силезіи и Саксоніи, предметы роскоши больше изъ Англіи, чѣмъ изъ Франціи, вина изъ Франціи и Венгріи.

Послѣ перваго раздѣла, когда величковскія копи отошли къ Австріи, важнымъ предметомъ ввозной торговли стала и соль. По расчетамъ современниковъ, за соль Польша уплачивала ежегодно по 12 мил. зл. Во всякомъ случаѣ и послѣ этого главную основу импорта составляли предметы роскоши. Однихъ винъ ввозилось на 15 мил. зл. слишкомъ. Характерную черту польской внѣшней торговли составляло то, что она находилась въ рукахъ иностранцевъ. „Наша внѣшняя торговля, пишетъ одинъ изъ современниковъ, iest zupełnie własnością obcych narodow“ [2]).

Какъ же складывался въ конечномъ итогѣ торговый балансъ для Польши?

Какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, касающихся торговли, мы почти вездѣ встрѣчаемъ указанія на неблагопріятный торговый балансъ для Польши. Опредѣляется даже и цифра перевѣса цѣнности ввоза надъ цѣнностью вывоза около 20 мил. зл. Между прочимъ на эту цифру указываютъ и тѣ иностранцы, которые писали о Польшѣ въ эту эпоху [3]). Дѣй-

[1]) Для тѣхъ, кто бы заинтересовался переводомъ этой суммы на нашу монетную единицу, укажемъ, что по весьма старательнымъ вычисленіямъ Корзона цѣнность злотого того времени относилась къ цѣнности нашего времени какъ 1 къ $3^3/_4$, иначе говоря, на одинъ злотый тогда можно было купить столько хлѣба, сколько теперь на $3^3/_4$ зл. Едва ли нужно прибавлять, что злотый = 15 коп.

[2]) См. Dziennik Handlowy, 1790. Записка Главе объ устройствѣ банка.

[3]) Среди другихъ и извѣстный путешественникъ Коксъ—см. Coxe—Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. t. I, str. 114.

ствительно, эта цифра взята изъ оффиціальныхъ источниковъ. Имѣется два такихъ баланса для Короны, одинъ изъ 1776 г., другой за 1777 г. Въ первомъ балансѣ дефицитъ достигалъ до 26,5 мил. зл., во-второмъ—17,6 мил. зл. Какъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Корзонъ, нельзя допустить, чтобы Польша ежегодно доплачивала за ввозимые товары звонкою монетою просто по той причинѣ, что она не имѣла ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ. Неблагопріятные балансы семидесятыхъ годовъ, очевидно, стоятъ въ связи съ бѣдствіями, связанными съ первымъ раздѣломъ. Можно думать, что въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ съ повышеніемъ хлѣбнаго экспорта цѣнность ввоза сравнялась съ цѣнностью вывоза. Само собой разумѣется, такое равновѣсіе торговаго баланса могло быть легко достигнуто прямымъ сокращеніемъ ввоза вслѣдствіе обѣднѣнія шляхты. Характерно въ этомъ отношеніи наблюденіе Репнина, посѣтившаго Варшаву въ 1778 г. послѣ десятилѣтняго отсутствія Его поразило обѣднѣніе польской аристократіи, хорошо ему знакомой. Люди, которыхъ онъ зналъ, какъ первыхъ богачей, значительно понизили уровень своей жизни. „Это такъ бросается въ глаза, что кажется, будто находишься не въ столицѣ, а въ бѣдной провинціи, и все это происходитъ въ виду необычайнаго сокращенія количества денегъ въ странѣ“.

Во всякомъ случаѣ, не имѣя точныхъ данныхъ по внѣшней торговлѣ Польши, нельзя категорически рѣшить поставленнаго вопроса, а приходится ограничиваться болѣе или менѣе вѣроятными догадками.

Внутренняя торговля въ Польшѣ въ изучаемый періодъ была слабо развита[1]). Мелкая шляхта, крестьяне привозили въ базарные дни сельскіе продукты въ мѣстечко или городъ, гдѣ и сбывали ихъ. Болѣе предпріимчивые занимались скупкой яицъ, птицы по селамъ и деревнямъ, и затѣмъ отвозили эту живность въ Варшаву, гдѣ на такого рода продукты уже предъявлялся болѣе значительный спросъ. Главную роль въ этой торговлѣ играли евреи. Тѣ немногочисленные товары, въ которыхъ нуждались крестьяне или мелкая шляхта покупались здѣсь же на рынкѣ въ еврейскихъ лавочкахъ. Торговля преобладала, конечно, мелочная со всѣми ея характерными признаками. „Кто не видѣлъ, говоритъ извѣстный намъ Максъ,

[1]) Nax—выше цит., s. 202; Dziennik Handlowy, 1790 г. Записка Главе.

какъ у насъ торгуются, уступаютъ, заворачиваютъ, бьютъ по рукамъ и продѣлываютъ другія фокусническія кривлянья (kuglarskie grymasy) не только на базарахъ, но даже въ лавкахъ". Въ параллель этому онъ указываетъ на Гамбургъ, Амстердамъ, Гданскъ, гдѣ милліонные обороты совершаются въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Этотъ характеръ торговли, возмущавшій такъ современника, былъ вполнѣ естественъ въ тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ При монопольномъ положеніи торговли съ одной стороны, а съ другой—при неосвѣдомленности покупателя, который видѣлъ въ купцѣ хитраго продавца, готоваго его надуть, вполнѣ естественны kuglarskie grymasy, такъ возмущавшія польскаго экономиста.

Существовали еще странствующіе купцы, коробейники, которые снабжали товарами самыя глухія и отдаленныя деревни; характерно, что ихъ возы и коробы также были наполнены иностранными издѣліями, какъ съ горечью замѣчаетъ тотъ-же Наксъ.

Болѣе важныя сдѣлки по куплѣ и продажѣ совершались по ярмаркамъ, которыя были такъ многочисленны въ данную эпоху. Онѣ обычно пріурочивались къ церковнымъ праздникамъ и являлись мѣстами не только для торговыхъ сдѣлокъ, но и для развлеченій. Кромѣ ярмарокъ, имѣвшихъ чисто мѣстное значеніе, существовали еще ярмарки, экономическое значеніе которыхъ далеко простиралось за предѣлы Польши. Пользовалась большой извѣстностью ярмарка въ Бѣлостокѣ на св. Яна по польскому календарю, тянувшаяся четыре недѣли. Сюда съѣзжались восточные купцы съ богатыми товарами, армяне съ конями, малороссы съ волами Извѣстна двухнедѣльная ярмарка въ Почаевѣ на Волынѣ. Главнымъ предметомъ торга на ней являлся домашній скотъ. Дмитріевская ярмарка въ октябрѣ въ Наволочи, вблизи Бердичева, куда съѣзжались русскіе и турецкіе купцы [1]). Большой славой пользовалась ярмарка во Львовѣ, перенесенная послѣ перваго раздѣла въ Дубно. Здѣсь между прочимъ совершались сдѣлки по продажѣ имѣній, заключались займы, арендные договоры и т. п. Понятно, при склонности шляхты къ попойкамъ, пиршествамъ ярмарки давали много поводовъ для такого времяпровожденія.

[1]) Kalendarz polityczny r. 1771, str. 134 (библ. Гл. Архива).

Ярмарки вносили оживленіе въ товарный обмѣнъ, совершавшійся внутри государства. Здѣсь только внутренняя торговля и принимала болѣе значительные размѣры.

Большимъ тормазомъ въ развитіи внутренней торговли въ Польшѣ являлось отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Внѣшняя торговля могла успѣшно развиваться потому, что для нея имѣлись такіе удобные водные пути, какъ Висла и Нѣманъ. Эти рѣки, захватывая своими притоками значительныя части территоріи, представляли громадныя удобства для сплава внизъ по теченію разнаго рода грузовъ. Этимъ обусловливалось то оригинальное явленіе, что купцы предпочитали ввозить иностранные товары и въ томъ случаѣ, если даже подобные товары производились въ самой Польшѣ. Доставка иностранныхъ товаровъ обходилась дешевле, благодаря отсутствію удобныхъ внутреннихъ путей сообщенія. Какъ выражается извѣстный намъ экономистъ Наксъ „легче было привезти солонину изъ Гамбурга, чѣмъ сало изъ Украйны[1]). Одинъ полякъ, которому пришлось посѣтить Бѣлоруссію, послѣ перехода ея во власть Россіи, такъ описываетъ дороги, проведенныя по распоряженію Екатерины: „Кто зналъ Бѣлорусскій край до его присоединенія къ русскимъ владѣніямъ, тотъ видѣлъ тамъ узкія, болотистыя, каменистыя, неровныя дороги, представляющія тысячи опасностей и неудобствъ, однимъ словомъ, тамъ были такія дороги, какія у насъ въ Полѣсьи или Жмуди. Теперь... отъ города до города идутъ прямыя нѣсколько саженъ ширины дороги съ мостами и гатями, такъ что почти нельзя замочить ногъ; по бокамъ дороги рвы, за рвами тропинки для пѣшеходовъ, по бокамъ въ два ряда посажены деревья, поставлены столбы для обозначенія верстъ“ [2])

Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, а главнымъ образомъ господство натуральнаго хозяйства не благопріятствовали развитію внутренней торговли, которая носила въ эту эпоху ярмарочный характеръ. Польскій крестьянинъ или шляхтичъ, закупивъ на ярмаркѣ немногіе нужные ему товары, уже былъ обезпеченъ на болѣе или менѣе продолжительное время отъ необходимости прибѣгать къ обмѣну для удовлетворенія своихъ потребностей. Все, въ чемъ онъ нуждался, онъ находилъ въ своемъ хозяйствѣ.

---

[1]) См. Nax. выше цит., str. 202

[2]) См. Korzon, выше цит., str. 61.

Потребность въ разнаго рода промышленныхъ издѣліяхъ, предъявляемая со стороны тѣхъ классовъ, которые не могли расчитывать на иностранный ввозъ, удовлетворялась мѣстными ремесленниками. Въ старой Польшѣ промыслы стояли на высокомъ уровнѣ развитія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные историческіе памятники [1]). Разумѣется, эти промыслы носили характеръ ремесленнаго, кустарнаго производства. Нѣкоторыя польскія издѣлія пользовались извѣстностью и за границей, гдѣ находили себѣ широкій сбытъ. Оскудѣніе городовъ повлекло за собой и упадокъ промысловъ. Въ разсматриваемую эпоху преобладающими являлись простыя ремесла, но и они въ болѣе крупныхъ городскихъ центрахъ находились въ рукахъ иностранцевъ. „Стыдно, говоритъ одинъ современникъ, что большая часть ремесленниковъ въ нашей странѣ состоитъ изъ нѣмцевъ и другихъ чужеземцевъ“ [2]). „Въ средѣ цеховъ мы находимъ едва десятаго ремесленника поляка“, замѣчаетъ другой современникъ [3]). По расчету, приведенному въ одномъ изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, въ Польшѣ на 10—12 тысячъ хорошихъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, едва ли найдется 300—400 поляковъ (ledwie by przysło znaleść 300 lub 400 Polaków [4]).

Ремесленное производство въ городахъ опиралось на цеховую организацію. Цехи появились въ Польшѣ очень рано. Уже въ XIII имѣются указанія на ихъ существованіе.

Очевидно, цехи были занесены въ Польшу при первой нѣмецкой колонизаціи. Отсюда и весь ихъ строй тождественъ съ нѣмецкими образцами. Хотя цехи и не получали въ этомъ періодѣ ясной и опредѣленной санкціи правительства, но они фактически существовали при его молчаливомъ согласіи. Такое благопріятное отношеніе правительства къ цехамъ начинаетъ измѣняться въ 15 в., несомнѣнно подъ вліяніемъ шляхты, которая стала враждебно от-

---

[1]) Данныя о состояніи промысловъ въ древней Польшѣ собраны въ брошюрѣ Kolaczkowskiego—Wiadomości o fabrykach i rękodziełach w dawnej Polsce (odbitka z Przeglądu Bibljograficzno-Archeologicznego) w. 1881, ср. Surowecki—выше цит. str. 106; Maciewski—Zarysy dawnei statystyki polskiej Economista, 1866, str. 298 и д

[2]) O związkach i przystosowaniu wzaiemnym Rolnictwa, Rękodzieł i Handlu str. 113; ср. Szulc—выше цит. 273; von der Brüggen-выше цит. 61.

[3]) Dz. Handl. 1792 r. O cechach, str. 155.

[4]) Pamiętnik Polityczno-Historyczny 1783, str. 596.

носиться къ цехамъ, какъ къ сильнымъ организаціямъ, видя въ нихъ причину вздорожанія товаровъ. Появляются общія распоряженія (1420 г., 1496, 1538 и др., воспрещающія ремесленныя и купеческія братства. Въ дѣйствительности эти распоряженія оставались на бумагѣ; на исполненіи ихъ никто не настаивалъ. Мало того, рядъ позднѣйшихъ конституцій (1611, 1659, 1768 г. и др.) подтверждалъ права цеховъ. Даже тѣ короли, которые издавали распоряженія объ уничтоженіи цеховъ, въ другое время по частнымъ случаямъ подтверждали ихъ привилегіи.

Это показываетъ, что въ Польшѣ политика по отношенію къ цехамъ не руководилась какими-либо опредѣленными принципами [1]).

Такимъ образомъ цехи продолжали существовать въ Польшѣ и въ изучаемую нами эпоху. Они и здѣсь ревниво оберегали свои права и преимущества. Dziennik Handlowy, описывая въ 1788 г. мебельную фабрику, основанную однимъ иностранцемъ въ Варшавѣ, замѣчаетъ, что владѣлецъ этой фабрики много терпитъ притѣсненій отъ цеха. Это притѣсненіе выражается въ томъ, что ему запрещаютъ открыть магазинъ для продажи мебели, выдѣлываемой въ странѣ. Фабрикантъ жаловался на притѣсненія, причиняемыя ему цехомъ, короннымъ ассесорамъ, но безрезультатно; въ виду чего онъ вынужденъ закрыть фабрику (стр. 490). Въ матеріалахъ финансовой коммиссіи Короны было найдено нами прошеніе часовыхъ мастеровъ изъ Невшателя, въ которомъ они просятъ освободить ихъ отъ вступленія въ цехъ, мотивируя это тѣмъ, что поступленіе въ цехъ, помимо всякихъ поборовъ, будетъ отнимать у нихъ много времени на разныя цеховыя собранія (przez różne schadki cechowe czas nadaremnie upływa). За дарованіе такой льготы они обязуются принимать поляковъ для науки и обучать ихъ, какъ можно лучше, по мѣрѣ своихъ силъ [2]). Просматривая книгу для записи подмастерьевъ (cheladzi), принимавшихся въ виленскій цехъ золотыхъ дѣлъ (XVIII в.), авторъ убѣдился, что внутренняя организація

[1]) Краткія свѣдѣнія по исторіи цеховъ можно найти у Суровецкаго—Uwagi o cechach, въ изданіи Туровскаго; у Скшетускаго—Prawo Polityczne narodu polskiego, t. II, str. 251; у Вонгржецкаго—Rozprawa o professyach i professyonistach oraz o systemacie administracyinym w 1810 (Биб. орд. гр. Красинскихъ) стр. 37 и д., на рус. яз. Кутшеба—выше цит. стр. 36, 81.

[2]) Арх. Каз. Нал. od 37 Memorialy różnych osób, tak Urzędników ciwilnych, jako i woyskowych do Kommissyi skarbu koronnego № 44, 1766 r.

цеховъ еще и въ эту пору была сильна. Существовали особыя собранія такъ наз. квартальныя сессіи, гдѣ разбирались разнаго рода жалобы, споры; была своя касса, которая пополнялась разнообразными взносами. Виленскій цехъ имѣлъ даже свою часовню. Старшины цеха налагали нерѣдко наказанія въ видѣ штрафовъ do kapliey naszey, т. е. въ пользу цеховой часовни. Кромѣ того, еще широко практиковалась отсылка провинившагося подмастерья въ странствованіе, какъ болѣе тяжелое наказаніе. Такъ, напр. постановленіемъ 30 дек 1725 г. за непослушаніе мастеръ долженъ былъ отправить своего товарища (подмастерье) въ странствованіе (na wędrowke) для того, чтобы послѣдній научился уважать привилегіи, данныя цеху королями [1]).

О томъ, въ какихъ отрасляхъ ремесленнаго производства существовали цехи, можно составить нѣкоторое представленіе по перечню цеховъ г Варшавы за 1781 годъ Здѣсь поименованы цехи кузнечій, стекольщичій, столярскій, каретничій, часовыхъ и золотыхъ дѣлъ, трубочистовъ, портняжный и токарскій, рѣзниковъ и шорниковъ, мечниковъ, мастеровъ, выдѣлывающихъ шпаги, ножевниковъ, точильщиковъ и переплетчиковъ, скорняковъ, литейщиковъ, бондарей, позументщиковъ, парикмахеровъ, канатныхъ мастеровъ, перчаточниковъ, слесарей и пекарей, котельничій, рыбацкій, мыловаровъ, извозщичій, сѣдельничій [2]). Какъ видно изъ этого перечня, ремесленное производство въ польской столицѣ было представлено довольно разнообразно.

Въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ ремесленной дѣятельностью занималось главнымъ образомъ еврейское населеніе. Одинъ иностранный путешественникъ изъ этой эпохи обратилъ вниманіе на то, что „въ небольшихъ мѣстечкахъ евреи являются и единственными купцами, лавочниками, ремесленниками и Богъ вѣсть еще чѣмъ“.

Этотъ же путешественникъ отмѣтилъ еще одну любопытную черту въ экономической жизни Польши: „евреи ходятъ по цѣлой странѣ и въ качествѣ мужскихъ и дамскихъ портныхъ и даже, что весьма смѣшно при ихъ длинныхъ бородахъ, въ качествѣ брадо-

[1]) Księga przyjmowania czeladzi do cechu złotniczego Wilenskiego (XVIII w.) Биб. орд. гр. Красинскихъ. Инвентарь рукописей № 760.

[2]) Kalendarz polityczny dla Królestwa Polskiego na r. 1781 (Биб. Гл. Архива

брѣевъ“ [1]). Значитъ, въ эту эпоху въ Польшѣ существовалъ типъ странствующихъ ремесленниковъ, которые, переходя изъ села въ село, останавливались у того, кто нуждался въ ихъ услугахъ. Если это были портные, то они шили заказанное имъ платье изъ хозяйскаго матеріала.

Занятіе промыслами встрѣчалось и въ крестьянской средѣ, но тамъ оно имѣло иной характеръ. Прежде всего мастерство встрѣчалось въ видѣ спеціальнаго занятія среди крѣпостныхъ [2]). Нужды панскаго двора, какъ самодовлѣющаго цѣлаго, требовали самостоятельнаго дворскаго или сельскаго мастерства собственными рабочими и служебными силами панскихъ мѣстностей. Въ большинствѣ случаевъ ремесленники въ панскихъ имѣніяхъ набирались изъ крѣпостныхъ, которые приставлялись къ обязательнымъ ремесленнымъ работамъ въ пользу панскаго двора. Многіе паны, какъ сообщаетъ Шульцъ въ своихъ запискахъ [3]), спеціально обучали крестьянъ ремесламъ для того, чтобы имѣть своихъ собственныхъ мастеровъ. Часто обученные крѣпостные убѣгали и, занимаясь ремесломъ, добывали себѣ средства существованія. Въ составѣ панской дворни мы находимъ сапожниковъ, шорниковъ, ткачей, портныхъ, рѣзниковъ, пивоваровъ, винокуровъ и т. д. Всѣ эти ремесленники сидѣли на небольшихъ участкахъ земли вблизи панскаго двора и обычно освобождались отъ другихъ тяглыхъ службъ.

Наиболѣе многочисленный классъ сельскихъ мастеровъ составляли ковали, или кузнецы.

Лѣсное хозяйство, игравшее въ Польшѣ важную роль, содѣйствовало развитію промысловъ по обработкѣ дерева; широко было развито также гончарное производство, наконецъ, существовали и промыслы по обработкѣ металловъ.

Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи панскій дворъ оставался вѣренъ своему основному принципу—удовлетворять свои нужды, потребности силами своего собственнаго хозяйства.

---

[1]) См. Jan Eryk Biester—y Liske—Cudzoziemcy w Polsce 1876, str 270.

[2]) Проф Леонтовичъ—Сельскіе ремесленники въ литовско-рус. государствѣ Варш Универ Извѣстія 1898, II—III, стр. 6 и д.

[3]) См. Fz Szulc—Polska w roku 1793 wedlug podróży str. 115.

Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ много общаго съ хозяйствомъ средневѣковаго феодала.

„Нѣтъ такого рода службы, говоритъ Лассаль, которая бы въ господство ленной системы не отбывалась ему in natura, какъ несвободными, такъ и свободными mansi и даже въ различнѣйшихъ степеняхъ повинными ему мѣстечками и горожанами маленькихъ городовъ. Портные, сапожники городковъ, стоящихъ подъ его верховнымъ владычествомъ. . приносятъ ему одежду и башмаки, которые они сдѣлали для него и его людей въ теченіе недѣли ему повинной. Не меньше должны работать безъ вознагражденія для его потребностей перчаточники, мастера, изготовляющіе кубки, комнатные люди; кузнецы и слесаря доставляли ему цѣпы и стрѣлы и, кромѣ того, множество подковъ и гвоздей. Въ болѣе раннія времена среднихъ вѣковъ во владѣтельныхъ помѣстьяхъ встрѣчаются даже всевозможные ремесленники и художники, мясники, кожевники, бондари, мѣховщики, телѣжники, лавочники, зодчіе, каменотесы и каменщики, художники и др... Вообще господское помѣстье должно было имѣть по одному ремесленнику отъ каждаго вида ремесла, имѣвшагося въ предѣлахъ господскихъ имѣній“ [1]).

Въ заключеніе, для общей характеристики народнаго хозяйства въ Польшѣ въ эпоху Ст. Августа мы приведемъ нѣсколько цифръ изъ области статистики. Въ данномъ случаѣ пользуемся выводами Корзона, который послѣ тщательныхъ и детальныхъ изысканій, устанавливаетъ такія цифры для территоріи и населенія Польши: въ 1772 г. до перваго раздѣла Польша занимала территорію въ 13.300 кв. миль, по первому раздѣлу отъ нея отошло 3.862 кв. мил., слѣдовательно, осталось 9.438 кв. м.; и послѣ этого Польша обладала территоріей, равной почти территоріи Франціи [2]).

Количество населенія въ 1771 г. достигало 11.420000 душъ, въ 1775 г.—7.400.000 душъ, по первому раздѣлу отъ Польши отошло почти 4 мил. населенія. По плотности населенія Польша стояла далеко позади Франціи и Пруссіи, въ первой на 1 кв. милю приходилось въ то время 2.668 жит., во второй—1.613, а въ Польшѣ только 931 жит., но все-таки она была гуще заселена, чѣмъ европейская Россія, гдѣ на 1 кв. милю приходилась всего 325 душъ [1]).

---

[1]) См. Лассаль—Капиталъ и трудъ. Спб. 1905 г. стр. 221—222.

[2]) Korzon—выше цит. t. I, str. 44, 48, 61.

Съ 1775 по 1791 г. населеніе въ Польшѣ возрасло до 8,8 мил. Изъ этого послѣдняго числа на долю крестьянъ приходилось 6.365.000 душъ, господствующаго класса шляхты 725 тыс.; значительную группу составляли еще евреи 900 тыс. и мѣщане христіане 500 тыс. [2]). Наиболѣе населено въ Польшѣ было Познанское княжество, минимальная плотность населенія наблюдалась въ южныхъ частяхъ и въ глубокомъ Полѣсьи [3]). Такова общая статистическая картина Польши въ послѣднюю эпоху ея независимаго существованія.

---

[1]) См. Korzon t. I, str. 162.

[2]) Ibid str. 320.

[3]) См Tad. Czacki—Statystyka Polski-Dzieła zebrane i wydane przez Raczyńskiego, t. III, Poznań, 1845. Str 4.

ГЛАВА II.

Опыты насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа.

Условія, вызвавшія стремленіе къ насажденію промышленности въ Польшѣ Роль Ст Августа въ этомъ движеніи. Компанія шерстяныхъ мануфактуръ Дѣятельность Тизенгауза въ Литвѣ. Суконная фабрика въ Краковѣ. Шляхетская фабрика, какъ основной типъ промышленныхъ предпріятій данной эпохи. Причины неуспѣха этого движенія. Его общая оцѣнка.

Новыя теченія въ области соціально-экономической политики Польши Реформа городского и крестьянскаго класса Народно-хозяйственное значеніе этой реформы. Торговые договоры съ Пруссіей, Австріей и Россіей. Мѣры изъ области меркантильной политики и ихъ значеніе. Банки. Общая оцѣнка ихъ дѣятельности

—

Движеніе въ пользу насажденія фабричной промышленности въ Польшѣ, такъ сильно захватившее польское общество въ данную эпоху, представляетъ изъ себя продуктъ сложныхъ условій. Эпоха Ст. Августа выдѣляется реформаторскими тенденціями, почему обычно и называютъ ее эпохой реформъ. Польское общество, въ лицѣ его передовыхъ элементовъ, подъ вліяніемъ грозныхъ внѣшнихъ условій, пробудилось отъ спячки и задалось цѣлью пересоздать сверху до низу соціальный и политическій строй Рѣчи Посполитой. Это реформаторское теченіе не могло, разумѣется, пройти мимо экономическихъ проблемъ, которыя настоятельно заявляли о своемъ существованіи.

Положеніе народнаго хозяйства въ Польшѣ въ изучаемый періодъ было печально. Сельско-хозяйственная промышленность—основа матеріальнаго благосостоянія Рѣчи Посполитой, падала все ниже и

ниже. Благодаря значительному перевѣсу ввоза надъ вывозомъ, деньги уплывали за-границу, чувствовался большой недостатокъ въ звонкой монетѣ, между тѣмъ внѣшнія условія требовали напряженія платежныхъ силъ государства.

Поэтому стремленіе къ общимъ реформамъ должно было выдвинуть на очередь вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія страны. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и явились попытки насажденія мануфактурной промышленности. Примѣръ сосѣдней Пруссіи, гдѣ въ это время насажденіемъ промышленности съ такимъ успѣхомъ занимался Фридрихъ Великій, служилъ какъ бы ручательствомъ, что избранный путь можетъ дѣйствительно привести къ спасенію Польши. Имя Фридриха Великаго у всѣхъ было на устахъ, въ его дѣятельности видѣли примѣръ достойный подражанія [1]). Кстати сказать, такую же заботливость въ дѣлѣ насажденія промышленности проявляла и другая сосѣдка Польши Австрія, гдѣ энергичная Марія Терезія примѣняла всѣ мѣры въ духѣ кольбертизма для развитія мануфактурной промышленности [2]). Въ эту эпоху господствовало убѣжденіе, что для правительства все возможно. Какъ выражается тогдашній авторитетъ Юсти, государь можетъ сдѣлать изъ своихъ подданныхъ все, что угодно, разъ только найдетъ вѣрное средство [3]). Этотъ примѣръ ближайшихъ сосѣдей, несомнѣнно, долженъ былъ оказывать сильное вліяніе на направленіе польской экономической политики. Стремленіе къ насажденію промышленности безспорно зародилось въ Польшѣ, помимо мѣстныхъ причинъ, еще и подъ вліяніемъ примѣра Пруссіи, а отчасти и Австріи.

Съ другой стороны, такой выходъ подсказывался и простымъ здравымъ соображеніемъ: Польша вывозила много денегъ за-границу

---

[1]) Какъ извѣстно, этотъ прусскій король не жалѣлъ ни силъ, ни матеріальныхъ затратъ на развитіе и насажденіе промышленности, принимая въ этомъ дѣлѣ близкое и непосредственное участіе

См Schmoller—Studien über die wirthschaftliche Politik Friedrichs des Grossen—Jahrbuch fur G. V. u Volksw. Bd. XI, Leipzig, 1887

Его-же—Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs, Verwaltungs und Wirtschaftsgeschichte. Leipzig, 1898. S. 457 и д.

[2]) См. новѣйшее изслѣдованіе Přibram—Geschichte der Österreichischen Gewerbepolitik von 1740 bis 1860. Erster Band 1740 bis 1798, Leipzig, 1907. Гл. III, кн. I, кн. II, гл. II и др.

Ср. Beer—Studien zur Geschichte der Osterreichischen Volkswirthschaft unter Maria Theresia Wien, 1904, s. 3, 8 и д.

[3]) Beer—выше цит., s. 5

въ обмѣнъ на иностранные товары. Разъ эти товары будутъ производиться дома, то, слѣдовательно, здѣсь же останутся и деньги. Такъ долженъ былъ разсуждать полякъ данной эпохи, стремившійся къ возрожденію Речи Посполитой.

Безъ сомнѣнія, извѣстное вліяніе въ этомъ направленіи оказалъ и король Ст. Августъ. Это былъ человѣкъ широко образованный, поклонникъ наукъ и искусствъ, по долгу жившій за-границей, успѣвшій тамъ ознакомиться съ положеніемъ разныхъ сторонъ государственнаго управленія. Между прочимъ въ бытность свою въ Англіи, онъ посѣщалъ и осматривалъ фабрики. Возможно, что эти осмотры не прошли для него безслѣдно.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что король сталъ во главѣ моднаго увлеченія фабриками и мануфактурами, которое охватило польскую знать въ изслѣдуемую эпоху[1]). Извѣстный польскій историкъ Корзонъ, склоненъ даже приписывать Ст. Августу не меньшія заслуги въ дѣлѣ насажденія промышленности, чѣмъ и другимъ монархамъ, извѣстнымъ съ этой стороны въ исторіи[2]). Нѣтъ нужды говорить, что это переоцѣнка роли Ст. Августа въ развитіи польской фабричной промышленности. Несчастный, жалкій представитель польской короны ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть поставленъ въ ровень съ Фридрихомъ Великимъ или Маріей Терезіей, дѣйствительно сумѣвшими положить прочное основаніе для промышленнаго развитія своихъ странъ. Ему недоставало воли, энергіи, на-

---

[1]) Для характеристики того, какъ современники смотрѣли на дѣятельность короля на полѣ промышленности, любопытно одно стихотвореніе, написанное по случаю изобрѣтенія поляком ъ гидравлической машины для выкачиванія воды.

„Twoy Dowcip, говоритъ поэтъ, czyli Rosum Królu wielki
Wszystkich zachęca, że każdy z ochoty
Bierze się do prac, iuż Rękodzieł wszelki
Twe Panowanie przyniosło wiek złoty

Dr. Hand. 1789 г. Нѣкій Мольскій съ не меньшимъ пафосомъ восхваляетъ дѣятельность Ст. Августа на промышленномъ поприщѣ въ своемъ неизданномъ произведеніи—Uwagi nad panowaniem St Augusta Króla Polskiego (рукоп библ гр. Красинскихъ).

[2]) Korzon—выше цит., t. II, str. 244 Przyznać powinniśmy St. Augustowi na polu przemysłowem zasługę wielką, nie mniejszą może od najznakomitszych monarchów, twórców przemysłu w krajach i chwilach szczęśliwszych. Zasługa ta wszakże nie była według sprawiedliwości ocenioną ani przez spółczesnych, ani prez nowoczesnych pisarzy.

стойчивости и твердости въ осуществленіи своихъ намѣреній. „Суждены имъ благіе порывы, но свершить ничего не дано“, хочется сказать по поводу дѣятельности Ст. Августа. Онъ далъ извѣстный толчокъ польскому обществу, создалъ моду на устройство въ помѣстьяхъ мануфактуръ, но настойчиво проводить опредѣленную экономическую программу въ цѣляхъ насажденія промышленности, что дѣлалъ, напр., Фридрихъ Великій, Ст Августъ не могъ.

Первый опытъ насажденія промышленности, задуманный на широкихъ началахъ, былъ предпринятъ акціонерной компаніей шерстяныхъ мануфактуръ (Kompania Manufaktur Wełnianych). Эта компанія возникла въ 1766 г. по иниціативѣ короля и высшихъ представителей польской аристократіи. Основныя положенія устава сводились къ слѣдующему: 1) размѣръ капитала опредѣлялся въ 43.200 черв. злотыхъ (777.600 пол. зл.), раздѣленныхъ на 120 акцій; 2) въ рукахъ одного лица не могло быть больше пяти акцій. Въ число членовъ компаніи могли вступать всѣ, не исключая и иностранцевъ, безъ отношенія къ сословію, званію и мѣстожительству (nietylko narodowe, lecz y cudzoziemcy bez względu stanu, kondycyi et domicilij); 3) управленіе дѣлами компаніи предоставлялось выборнымъ ассесорамъ въ количествѣ 12 чел., изъ коихъ должно быть четыре купеческаго званія (§ 7).

Въ этомъ уставѣ рядомъ съ параграфами чисто организаціоннаго характера мы встрѣчаемъ ходатайства о разныхъ льготахъ и привилегіяхъ. Такъ въ пятомъ пунктѣ заключается просьба о томъ, чтобы король разрѣшилъ компаніи устраивать фабрики въ королевскихъ имѣніяхъ въ тѣхъ мѣстахъ, кои будутъ признаны годными для данной цѣли. Тутъ же ходатайствуютъ о безплатномъ отпускѣ матеріаловъ для построекъ. Шестой параграфъ содержитъ въ себѣ просьбу о томъ, чтобы ремесленники, вызываемые изъ заграницы, были освобождаемы отъ набора и всякаго рода повинностей.

Цѣлью компаніи являлось, какъ указывается въ уставѣ, основаніе всякаго рода шерстяныхъ мануфактуръ (wszytskie wełniane manufaktury w różnych rodzaiach zakladać usiłuie § 6). Всѣ товары, выходящіе изъ ея мануфактуръ, должны быть снабжаемы печатью компаніи и продаваемы оптомъ, штуками или дюжинами, а не на локти in regno и extra regnum (§ 9).

Уплату денегъ за акціи разрѣшено было вносить частями въ теченіе трехъ лѣтъ. Каждый членъ компаніи имѣлъ неограниченное право

распоряженія своими акціями. Могъ продавать ихъ, обмѣнивать, уступать другимъ и пр. Правомъ голоса на засѣданіяхъ пользовался всякій акціонеръ. Количество принадлежащихъ ему голосовъ опредѣлялось числомъ акцій [1]).

Изъ перечня основныхъ параграфовъ устава компаніи шерстяныхъ мануфактуръ видно, что это, собственно говоря, не только уставъ въ точномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ и петиція о дарованіи компаніи разныхъ привилегій. Возьмемъ хотя бы шестой параграфъ, гдѣ компанія проситъ объ освобожденіи ремесленниковъ и фабрикантовъ, выписываемыхъ изъ-за границы, отъ набора и другихъ повинностей, или же ходатайство о разрѣшеніи устраивать въ королевскихъ имѣніяхъ фабрики, о безвозмездномъ отпускѣ матеріаловъ для построекъ и пр

Всѣ просимыя привилегіи были получены съ утвержденіемъ этого устава; мало того, въ послѣдующее время компанія исходатайствовала отъ сейма освобожденіе на 12 лѣтъ отъ таможенныхъ пошлинъ на товары, орудія, инструменты и другіе матеріалы, получаемые изъ-за границы для нуждъ ея мануфактуръ [2]).

Учредителями этой компаніи являлись видные представители польской знати. Они составляли преобладающую массу акціонеровъ. Впрочемъ, встрѣчается и нѣсколько именъ изъ купеческаго класса.

Президентомъ компаніи былъ назначенъ Андрей Замойскій. Въ его дворцѣ состоялось 21 апр. 1766 г. первое собраніе акціонеровъ для выбора ассесоровъ, кассира и секретаря.

Ассесорамъ было поручено представить въ одно изъ ближайшихъ засѣданій докладъ по слѣдующимъ вопросамъ: 1) какія мануфактуры прежде всего должны быть открываемы, 2) откуда можно

---

[1]) Уставъ въ полномъ видѣ записанъ въ Prothocollon confirmat. Jurium Civitatensium et colonarium A-o 1766. № 28, str. 244—256 Главный Архивъ. Цѣликомъ приводитъ этотъ уставъ Радзишевскій—Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskiem w Naszych sprawach II W. 1900 Str 299—304; основныя положенія устава можно найти и у Корзона—t II, str. 231—232.

[2]) См Арх. Каз. Пал. Memorialy róznych osób tak Urzedników ciwilnych, jako i wojskowych . do Kommissyi Skarbu Koronnego od roku 1764 do r. 1794-go Pro memoria 8 іюля 1768. Постановленіе Коммиссіи финансовъ.

Ср. L. Hubert—Pamiętniki Historyczne, W. 1861, t. I, str. 318

получить ремесленниковъ и нужные матеріалы и 3) наконецъ, опредѣлить мѣста наиболѣе удобныя для основанія мануфактуръ [1]).

„Въ этомъ постановленіи, справедливо замѣчаетъ польскій экономистъ Радзишевскій [2]), можно было видѣть зародышъ банкротства. Создали подъ вліяніемъ доброй воли, даже энтузіазма большое товарищество, правленіе котораго собравшись прежде всего поставило вопросъ о томъ, съ чего начать? Имѣли только общую цѣль, нѣсколько туманную, но не знали средствъ. Это было бы вполнѣ понятно со стороны товарищества, которое поставило бы своей цѣлью общее развитіе промышленности, но не со стороны промыслово-торговаго товарищества, которое прежде всего предъ своимъ возникновеніемъ или въ періодѣ своего образованія должно было ясно представлять цѣль и средства къ ея осуществленію, и даже предполагаемую прибыль. Дѣло было начато непрактично, слѣдовательно, не могло дать и практическихъ результатовъ“ [3]).

Первые шаги этой компаніи заключались въ выпискѣ изъ-за границы орудій, инструментовъ, красокъ и другихъ матеріаловъ нужныхъ для задуманныхъ предпріятій, а также рабочей силы въ видѣ мастеровъ и подмастерьевъ. Были даны отдѣльнымъ лицамъ, жившимъ за-границей, порученія подыскать соотвѣтствующихъ мастеровъ, пригодныхъ для занятій на фабрикахъ и склонныхъ переселиться въ Польшу. Въ цѣляхъ болѣе широкаго оповѣщенія иностранныхъ ремесленниковъ было отпечатано объявленіе на нѣмец-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что въ архивѣ Каз. Палаты мы не нашли той книги протоколовъ, которой пользовались польскіе ученые Корзонъ и Радзишевскій (Księga protokółów Kompanii 239 (1). Хотя эта книга и значилась по описи, правда подъ другимъ значкомъ, но на мѣстѣ ея не оказалось. Всѣ усилія архиваріуса розыскать ее, оказались безрезультатны. Остается предположить, что она въ свое время не была поставлена на мѣсто. Въ виду этого, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться изслѣдованіями двухъ выше названныхъ ученыхъ.

[2]) Radziszewski—выше цит., str. 307—308

[3]) Корзонъ не даетъ положительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно собранъ акціонерный капиталъ? Въ таблицѣ, заключающей номера и литеры акцій, находится только 117 акцій. Радзишевскій высказывается въ положительномъ смыслѣ, ссылаясь на документы, добытые имъ въ частныхъ архивахъ, которые показываютъ, что нѣкоторые изъ учредителей должны были уменьшить количество оставленныхъ за собой акцій, чтобы дать возможность другимъ вступить въ число членовъ. См. Radziszewski—выше цит. прим. на стр. 305

комъ языкѣ для распространенія въ сосѣднихъ прусскихъ провинціяхъ; въ объявленіи сообщалось объ основаніи въ Польшѣ компаніи и обѣщалось королевское покровительство всѣмъ искуснымъ мастерамъ и подмастерьямъ, которые пожелали бы переселиться въ Польшу [1]).

Однимъ изъ первыхъ предпріятій, основанныхъ этой компаніей была шляпная и чулочная мануфактура въ Голендинѣ подъ Варшавой. Она получила значительный заказъ на военную поставку, даже и такое благопріятное условіе не могло обезпечить существованія этой мануфактуры въ виду неудачнаго подбора мастеровъ. Уже въ началѣ 1767 г. обнаружилось, что мастеръ-шляпочникъ, руководившій этимъ предпріятіемъ, велъ праздную жизнь и понадѣлалъ долговъ; въ результатѣ пришлось его удалить (kapelusznik życie ladaiakie prowadzi y długi zaciąga). Приглашенный изъ-за границы на его мѣсто нѣмецъ Вейссъ оказался не лучшимъ. Скоро ассесоры были поставлены въ извѣстность, что Вейссъ вмѣсто наблюденія за фабрикой и челядью, больше занимается пьянствомъ и разгуломъ. Комиссія, назначенная для провѣрки фактовъ, въ своемъ заключеніи указала на то, что многихъ инструментовъ и орудій, пріобрѣтенныхъ по дорогой цѣнѣ, нѣтъ налицо, затѣмъ челядь, не видя выгоды для себя и не находя средствъ существованія, понадѣлавъ долговъ, разбрелась.

Итакъ первый опытъ оказался неудачнымъ, просто въ виду нетактичности руководителей дѣла, довѣрчиво отнесшихся къ иностраннымъ выходцамъ, представлявшимъ изъ себя, очевидно, негодные элементы и злоупотреблявшимъ тѣмъ довѣріемъ, которое было оказано имъ аристократической компаніей.

✓ Другимъ важнымъ предпріятіемъ, основаннымъ этой же компаніей, была суконная „фабрика" въ Венгровѣ. По контракту, заключенному съ любельскимъ воеводой, Венгровъ былъ взятъ компаніей въ аренду на 9 лѣтъ съ ежегодной платой 35—36 тыс. зл. для устройства фабрики суконъ, красильни и стригальни. Директоромъ фабрики

---

[1]) Интересно, что Губертъ, писавшій въ шестидесятыхъ годахъ свои историческіе мемуары, о компаніи шерстяныхъ мануфактуръ говоритъ слѣдующее: „мы не имѣемъ слѣдовъ, чтобы это предпріятіе было осуществлено" Такимъ образомъ въ половинѣ 19 в. уже высказывалось сомнѣніе въ самомъ существованіи этой компаніи. Pamiętniki Histor. W. 1861, t. I, str. 318.

былъ назначенъ нѣмецъ Тланнъ. Была составлена спеціальная инструкція для этой суконной фабрики въ цѣляхъ регулированія ея внутренняго распорядка. По этой инструкціи каждый сукнодѣлъ долженъ былъ имѣть особую книгу, куда записывалось количество выдаваемой шерсти, пряжи и другихъ матеріаловъ, а равно и плата, получаемая имъ. Тланнъ обязанъ былъ вести свою книгу, въ которую записывалъ всѣ свои расходы, и затѣмъ еженедѣльно выписки изъ этой книги долженъ былъ отсылать въ Варшаву съ почтой [1]).

Какъ видно изъ еженедѣльныхъ отчетовъ за 1768 г., на этой фабрикѣ работало небольшое число мастеровъ: съ 1-го мая по 8-ое всего четыре мастера, имѣвшихъ 9 подмастерьевъ; въ иныя недѣли число подмастерьевъ измѣнялось, напр. съ 3 іюля по 10-ое число подмастерьевъ замѣтно увеличилось, такъ, одинъ мастеръ имѣлъ ихъ 5, двое по 4, двое по 3 и одинъ—2, всего 21 подм.

Недѣльный заработокъ мастеровъ колеблется между 40 зл. 4 гр. и 60 зл. 26 гр., при чемъ мастера отъ себя уже держали подмастерьевъ. Интересно отмѣтить измѣненіе въ формѣ заработной платы: вначалѣ существовала повременная заработная плата, затѣмъ съ 1 января 1769 г. Тланну было поручено объявить мастерамъ, что впредь заработная плата будетъ уплачиваться сдѣльно на тѣхъ условіяхъ, которыя будутъ вновь заключены: это, повидимому, вызвало недовольство среди ткачей. Хотя они и согласились работать на новыхъ условіяхъ, но потомъ стали отказываться отъ исполненія ихъ.

Явилась необходимость разбора этихъ недоразумѣній на мѣстѣ, для чего и были командированы Циммерманъ и Бецу. Къ этому побуждало еще и то, что не смотря на тщательную регламентацію дѣятельности венгровской фабрики, дѣла ея шли неважно; фабрика давала одни убытки. На засѣданіи 27 января 1769 г. была выработана спеціальная инструкція, которой должны были руководствоваться Циммерманъ и Бецу при ревизіи фабрики.

Въ первомъ пунктѣ этой инструкціи указывалось на то, что венгровскіе сукнодѣлы, стоившіе компаніи не малыхъ денегъ, не хотѣли выдѣлывать сукно на основаніи заключеннаго съ ними кон-

---

[1]) Арх. Каз. Пал. Od. XXX. Xięgi i pliki tyczące się manufaktur Welnianych od roku 1766 do roku 1789; № 23 Rożne papiery y copia od r. 1766 do r. 1771 Prepis dla Fabryki Sukienney Węgrowskiey.

тракта отъ 9 января. Хотя компанія могла бы ихъ принудить къ выполненію взятыхъ на себя обязанностей, но такъ какъ всегда можно найти на ихъ мѣсто другихъ ремесленниковъ, которые въ настоящее неблагопріятное время ищутъ работы, то поэтому лучше отпустить этихъ гордецовъ (nadętych hardością), а равно освободить отъ директорства и Тланна. Ревизорамъ вмѣстѣ съ этимъ было поручено тщательное изученіе счетовъ, неумѣлаго хозяйничанья (szafowania nieroztropnego); по установленіи чего, они должны принять инвентарь отъ Тланна, а равно и всѣ вещи, принадлежащія компаніи, чтобы сукнодѣлы не пользовались станками для работы за свой собственный счетъ.

Затѣмъ Циммерману и Бецу рекомендовалось установить, посовѣтовавшись съ мастерами, равномѣрное распредѣленіе пряжи между честными и порядочными сукнодѣлами, негодныхъ же мастеровъ удалить, впрочемъ, если они обяжутся поддерживать порядокъ, то обѣщать имъ заработокъ въ Венгровѣ. „Если бы всѣ мастера взяли на себя заботу о порядкѣ, замѣчаетъ инструкція, то вслѣдствіе этого дѣла фабрики пошли бы лучше“ [1].

Отсюда можно заключать, что мастера, работавшіе въ Венгровѣ, не обнаруживали желанія подчиняться тѣмъ предписаніямъ, которыя издавала компанія. Очевидно, внутренней дисциплины на фабрикѣ не существовало; мастера держали себя не только независимо по отношенію къ администраціи, но даже нахально и гордо Директоръ, или управляющій этой фабрикой не пользовался вліяніемъ.

Какъ же выполнили свое порученіе Циммерманъ и Бецу? Изъ представленнаго ими рапорта видно, что сукнодѣлы ни коимъ образомъ не хотѣли выдѣлывать сукна на условіяхъ заключеннаго съ ними договора, настаивая еще на безплатномъ отопленіи. Въ виду этого они отказали всѣмъ имъ отъ работы и тѣмъ самымъ освободили Тланна отъ его директорскихъ обязанностей. Ему предоставили завѣдываніе раздачей шерсти и отбираніемъ пряжи. Онъ согласился удовлетвориться платой по 12 зл. въ недѣлю и взять въ свое завѣдываніе шерсть и пряжу, а равно распредѣленіе работы между сукно-

---

[1]) Арх Каз. Пал. отд. XXX, № 23 instrukcya dla p. Zimmermana y Becu expeditowanych z Dyspozycyi Przesw. Kom. M. W na sessyi sub 27-to January ułożona, podług którey sobie ciż delegowany postąpić powinni.

дѣлами, если бы нашлись такіе, которые согласились выдѣлывать сукна согласно распоряженію комиссіи. При этомъ, онъ просилъ освободить его отъ всякихъ счетовъ и расплатъ. Это послѣдняя просьба характерна Она показываетъ, что у Тланна выходило много недоразумѣній изъ-за денежныхъ расчетовъ съ мастерами. Тотъ фактъ, что Циммерманъ и Бецу, послѣ ознакомленія съ финансовымъ положеніемъ фабрики, нашли возможнымъ оставить на службѣ Тланна, хотя бы и на болѣе скромномъ мѣстѣ, ясно говоритъ, что онъ не былъ виноватъ въ плохомъ функціонированіи предпріятія, что причины этого лежали въ недовольствѣ самихъ сукнодѣловъ. Самъ Тланнъ хорошо сознавалъ трудность положенія директора фабрики. Возможно, что онъ оказался неподходящимъ для этого мѣста и потому усиленно просилъ объ освобожденіи его отъ финансовой стороны предпріятія.

Весьма интересное замѣчаніе мы находимъ въ послѣднемъ пунктѣ этого рапорта. Циммерманъ и Бецу доводятъ до свѣдѣнія, что сукновальня не можетъ быть использована для помола хлѣба въ цѣляхъ повышенія доходности предпріятія, такъ какъ воды не хватаетъ даже на валянье суконъ. Здѣсь ревизоры дали отвѣтъ на вопросъ комиссіи, нельзя ли повысить доходность предпріятія, утилизируя сукновальню для умола хлѣба. Настолько значитъ, было печально положеніе фабрики, что приходилось думать о повышеніи ея доходности такимъ побочнымъ путемъ.

Циммерманъ и Бецу позаботились о томъ, чтобы фабрика имѣла въ достаточномъ количествѣ шерстяную пряжу, повидимому раздавались жалобы на недостатокъ ея. Слѣдуетъ отмѣтить, что пряжу на фабрику доставляли крѣпостные. Экономъ, завѣдывавшій имѣніемъ боясь того, что не хватитъ шерсти для крѣпостныхъ, которые пряли, отбывая барщину, приказалъ мѣщанкамъ изъ Медзны пріостановить выдѣлку пряжи. Ревизоры указали эконому на то, что пряжи будетъ достаточно и для мѣщанокъ и для крѣпостныхъ, въ особенности если онъ будетъ давать людей для чесанія шерсти. Послѣ этого экономъ не только разрѣшилъ пряденіе мѣщанкамъ, но и предложилъ доставлять еженедѣльно по 120 ф. пряжи, выдѣлываемой крѣпостными, и давать столько хлоповъ для чесанія шерсти, сколько понадобится. (P. Ekonom nie tylko pozwolił mieszczkom przedzenie ale y z poddanych ofiarował co tydzien 120 ffw przędziwa y tyle chłopow do gremplowania jak potrżeba tego wyćiągać będzie). Производство пряжи

регулировано было такъ, прядильницы должны прясть на мотки, считая майстровскій фунтъ равнымъ тремъ фунтамъ лавочнымъ, и по крайней мѣрѣ одинъ мотокъ на лавочный фунтъ. Для надзора и руководства хлопами при чесаніи шерсти, а равно и прядильницами былъ отправленъ въ Медзну сукнодѣлъ съ платой въ недѣлю по 10 злотыхъ.

Въ этомъ сухомъ рапортѣ передъ нами вырисовывается одна весьма характерная деталь въ организаціи промышленныхъ предпріятій въ данную эпоху. Суконная фабрика въ Венгровѣ опирается на трудъ крѣпостныхъ, которые доставляютъ ей готовую пряжу. Иностранные мастера только перерабатываютъ эту пряжу въ сукна, всѣ же предшествующія стадіи производственнаго процесса въ видѣ чесанія шерсти, пряденія ея совершаются руками крѣпостныхъ. При чемъ пряжа получалась изъ разныхъ окрестныхъ мѣстъ. Это общее явленіе. Въ данную эпоху мануфактурная промышленность во многихъ странахъ носитъ еще феодальный характеръ [1]. Работодатели хотѣли приспособить крѣпостныхъ и для промышленной дѣятельности Новая нарождающаяся форма промышленности въ Польшѣ на первыхъ порахъ была поставлена въ связь съ крѣпостнымъ состояніемъ. Эта характерная особенность венгровской суконной фабрики еще яснѣе выступала въ тѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя основывались польскими магнатами въ своихъ имѣніяхъ и которыя почти исключительно опирались на эксплуатацію безплатнаго труда крѣпостныхъ.

Для характеристики внутренней организаціи фабрики въ Венгровѣ представляетъ большой интересъ, найденный нами въ архивѣ [2] уставъ для венгровскихъ прядильницъ, помѣченный 10 дек. 1766 г. подписью Тланна, т. е. значитъ изданный еще въ началѣ функціонированья венгровской фабрики. Въ виду большого интереса этого устава, регулирующаго работу на фабрикѣ, приводимъ его въ текстѣ почти цѣликомъ [3]. Первый параграфъ этого рабочаго регламента говоритъ о религіозныхъ обязанностяхъ работницъ. „Все, что дѣлаете,

---

[1]) Ср. Brentano—Uber den grundherlichen charakter des hausindustriellen Leinengewerbes in Schlesien (Zeitschr. f. Social—und Wirtschaftsgeschichte Bd I, s. 318 и д.; K. Přibram—Geschichte der osterreichischen Gewerbepolitik, von 1740 bis 1860. Erst. Bd. Leipzig 1907. s. 160.

[2]) Арх. Каз. Нал. od. XXX, № 33.

[3]) Въ приложеніи печатаемъ его въ оригиналѣ

дѣлайте во славу Божію. Пробудившись отъ сна и вставши, обязанность каждой, по обычномъ умываніи и приведенію себя въ порядокъ, возблагодарить Бога за промыселъ и дарованную опеку и просить о счастливомъ успѣхѣ и благословеніи своихъ дѣлъ;

2) Ровно (prze cise) въ пять часовъ начало работъ, пусть каждая одна передъ другой спѣшитъ стать на работу, позже ни въ коемъ случаѣ;

3) Какъ польки нѣмкамъ, такъ и нѣмки полькамъ не должны причинять какихъ-либо непріятностей, но при работѣ чередуясь часами, именно польки отъ 5 до 6, нѣмки отъ 6 до 7 должны вдохновлять себя пѣніемъ или восхваленімъ Бога. Отъ седьмого до восьмого часа назначаемъ при работѣ время для нужныхъ бесѣдъ, въ особенности о предметахъ хозяйственныхъ и приличныхъ;

4) отъ 8 до 9 час. время завтрака;

5) отъ 9 до 12 час. работа и пѣніе такъ же, какъ и въ часы до завтрака;

6) отъ 12 до 1 час. время обѣда;

7) каждая прядильница должна прясть ровными і тонкими нитями;

8) плата съ каждаго майстровскаго фунта (3 лавочныхъ фун.) по 15 гр. изъ мѣстной шерсти, изъ привозной шерсти изъ любельскаго воеводства 20 гр. отъ фунта.

9) Тѣ, которые имѣютъ возможность прясть въ своихъ помѣщеніяхъ, получаютъ за каждый майстровскій фунтъ на 3 гроша больше.

10) Отъ перваго часа до шестого должны продолжать свою старательную работу, чередуясь пѣснями.

11) Отъ шестого до седьмого часа время ужина.

12) Отъ 7 до 10 час. нужно продолжать работу при чередованіи пѣніемъ или пристойными бесѣдами (przy alternatiwem spiewaniem lub dyskursu przystoynego). При этомъ строжайше предписывается осторожно обращаться съ огнемъ и освѣщеніемъ, избѣгать всякихъ неприличныхъ разговоровъ. Работница, замѣченная въ противномъ, будетъ уплачивать штрафъ въ 3 гр. въ кружку для бѣдныхъ или на свѣчи въ костелъ.

Этотъ уставъ для большаго соблюденія порядка былъ вывѣшенъ ко всеобщему свѣдѣнію, чтобы согласно инструкціи вели спокойную и мирную жизнь при хорошей и старательной работѣ во славу

Божію (aby według instrukcyi cichy y spokoyny żywot przy piłney y dobrey Robocie ku chwałe Bożey prowadizli).

Обращаясь къ анализу этого любопытнаго документа, прежде всего установимъ продолжительность рабочаго дня прядильницъ. Онъ начинался съ 5 час. утра и оканчивался въ 10 часовъ вечера. Отсюда нужно выключить три часа на ѣду—по часу на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Слѣдовательно, продолжительность рабочаго дня для женщинъ достигала 14 часовъ [1]). Регламентація рабочаго дня доходила до того, что опредѣлялись отдѣльные часы для пѣсенъ и приличныхъ бесѣдъ; при чемъ рекомендовались даже темы для этихъ бесѣдъ. Какъ видно, администрація фабрики обращала серьезное вниманіе на религіозное и нравственное воспитаніе своихъ работницъ, назовемъ хотя бы предписанія объ утренней молитвѣ, о пристойныхъ бесѣдахъ и пр. Нарушенія этихъ предписаній карались денежными штрафами въ пользу бѣдныхъ или костела.

Составъ прядильницъ слагался изъ полекъ и нѣмокъ. Отношенія между ними не всегда, очевидно, были мирныя, разъ уставъ находитъ нужнымъ указать на то, что ни польки, ни нѣмки не должны чинить другъ другу непріятностей; затѣмъ опредѣленіе отдѣльныхъ часовъ для пѣнія полекъ и нѣмокъ тоже какъ бы указываетъ на существованіе нѣкоторой національной розни.

Форма заработной платы сдѣльная—15 гр. за одинъ майстровскій фунтъ, равный тремъ лавочнымъ фунтамъ. За ту пряжу, которую прядильницы успѣвали изготовить въ своихъ помѣщеніяхъ, не на станкахъ, въ остальное время дня, они получали за каждый фунтъ на 3 гроша больше.

Правда, въ виду чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня у работницъ оставалось на сонъ, ѣду всего лишь 8 часовъ. Изъ этого времени трудно урвать какой-нибудь часъ для пряденія на дому, тѣмъ болѣе, что у каждой работницы были свои собственныя нужды, что-нибудь постирать, пошить, починить и т. п., требовавшія также времени. И тѣмъ не менѣе, разъ уставъ считалъ нужнымъ спеціально оговорить отдѣльную плату для домашней работы, то ясно,

---

[1]) Интересно, что и въ другихъ странахъ (Англіи, Франціи, Германіи и пр.) продолжительность рабочаго дня въ эту эпоху достигала такихъ же размѣровъ. См. I М. Кулишеръ—Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли. Т. II, Спб. 1908, стр. 105 и д.

что она существовала, и притомъ встрѣчалась довольно часто. За пряжу, сработанную не въ урочное время, прядильницы получали повышенную плату, всего впрочемъ на три гроша. Отсюда можно сдѣлать выводъ о наличности широкой эксплуатаціи рабочаго класса въ это преддверіе капитализма. Только здѣсь эксплуатація совершалась еще на почвѣ патріархальныхъ отношеній, когда работодатель считалъ нужнымъ заботиться о религіозномъ и нравственномъ воспитаніи своихъ рабочихъ. Весьма интересно, что при строгой регламентаціи рабочаго дня, его продолжительности, времени принятія пищи и т. п. фабричная администрація все-таки придерживалась не повременной, а сдѣльной платы.

Разсмотрѣнный нами уставъ, представляющій изъ себя зародышъ будущихъ фабричныхъ регламентовъ, достаточно рельефно характеризуетъ взаимныя отношенія работодателя и рабочихъ въ изучаемую нами эпоху.

Существовало еще одно промышленное предпріятіе, принадлежащее названной компаніи, которое также характерно для первыхъ шаговъ промышленности въ Польшѣ. Сеймъ 1767—68 г.г., освобождая компанію на 12 лѣтъ отъ платежа таможенныхъ пошлинъ за инструменты, краски, ремесленныя орудія и другіе нужные для нея матеріалы, ввозимые изъ-за границы, предоставилъ въ ея распоряженіе сиротскій пріютъ, основанный примасомъ Шембекомъ и цухтгаузъ, или исправительный домъ, до этого находившіеся въ рукахъ братства св. Бенона [1]). Какъ видно изъ инструкціи, данной капитану Клопоцкому, директору сиротскаго пріюта и исправительнаго дома, компанія устроила также и здѣсь шерстяную мануфактуру въ цѣляхъ использованія дарового труда сиротъ и заключенныхъ, а съ другой стороны, въ цѣляхъ воспитательнаго

---

[1]) Арх. Каз. Пал. од. XXX № 3 Inwentarz domu sierot, № 30 Różne Papiery tyczące się Manufaktur wełnianych.

[1]) См. Hubert выше цит. str. 319. По его мнѣнію, сеймъ передалъ эти учрежденія въ завѣдываніе компаніи мануфактуръ на томъ основаніи, что она могла удовлетворительно справиться съ тѣми задачами, которыя преслѣдовало братство св Бенона; съ другой стороны, обученіе дѣтей ремесламъ могло быть полезнымъ для компаніи Эти учрежденія были переданы въ компанію мануфактуръ съ принадлежащими имъ капиталами при условіи выполненія компаніей всѣхъ обязанностей, лежавшихъ раньше на братствѣ св. Бенона.

воздѣйствія труда на ихъ характеръ. Послѣднюю цѣль имѣлъ въ виду и сеймъ, передавшій въ завѣдываніе компаніи эти два учрежденія.

Предполагалось, что какъ арестанты, такъ и сироты въ состояніи будутъ содержать себя своимъ трудомъ. На обязанности смотрителя сиротскаго пріюта лежала забота о воспитаніи сиротъ, обученіи ихъ въ нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ, содержаніи и прокормленіи. Для этого онъ долженъ былъ давать сиротамъ шерсть для пряденія и получаемый отсюда доходъ обращать на содержаніе самихъ же сиротъ (z takowego przedzenia te sieroty witkowane bydz maią) Затѣмъ и то, что зарабатывали арестанты, также предполагалось обращать на воспитаніе сиротъ, на одежду и на содержаніе ихъ (także y co Arestanci w Cuchthauzie zarobią, to wszystko ma bydz dla tychże sierot na edukacyą, ubior, y wikt obroconą).

Директору этихъ заведеній было предоставлено право пользоваться и трудомъ стороннихъ лицъ, какъ мастеровъ, такъ и челяди. Ему же поручался надзоръ за внутреннимъ распорядкомъ въ этихъ заведеніяхъ. На его обязанности лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было никакихъ споровъ и недоразумѣній. Онъ долженъ былъ обращать вниманіе на то, чтобы ночью никто изъ постороннихъ не оставался въ заведеніяхъ, для чего было постановлено запирать ворота въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ въ пять часовъ вечера, въ январѣ и февралѣ въ шесть, въ лѣтнее время—въ девять часовъ.

Устройство централизованныхъ мануфактуръ въ домахъ призрѣнія, работныхъ домахъ, тюрьмахъ было обычнымъ явленіемъ и на Западѣ въ XVII—XVIII вв. Нерѣдко воспитательные дома соединялись съ исправительными заведеніями. По словамъ Кулишера, исправительныя заведенія являлись особой и притомъ важной категоріей мануфактуръ въ разсматриваемую эпоху [1]).

Стремленіе пріурочить нѣкоторыя отрасли шерстяной промышленности къ пріютамъ и мѣстамъ заключенія также весьма характерно для первыхъ шаговъ польской промышленности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эту эпоху былъ распространенъ взглядъ на возможность существованія и процвѣтанія фабричнаго предпріятія, пользующагося трудомъ заключенныхъ или трудомъ сиротъ. Удивительно то, что за это берется акціонерная компанія,

---

[1]) См. Кулишеръ—Эволюція прибыли съ капитала. Т. I, Спб. 1906, стр. 615 и д.

поставившая своей задачей учрежденіе и насажденіе предпріятій шерстяного производства. Въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе не только цѣлей педагогическихъ или пенитенціарныхъ, но и убѣжденіе, что такая организація фабричнаго предпріятія можетъ быть выгодна.

Кромѣ названныхъ предпріятій, компаніей шерстяныхъ мануфактуръ было открыто еще нѣсколько болѣе мелкихъ промышленныхъ заведеній. но они не носятъ въ себѣ ничего характернаго и поэтому нѣтъ нужды на нихъ останавливаться.

Уже одной этой общей характеристики предпріятій компаніи достаточно для того, чтобы видѣть ихъ печальное финансовое положеніе. Дѣла комиссіи шли болѣе, чѣмъ неважно. Какъ видно изъ книгъ генеральной кассы компаніи, первый годъ съ 7 мая 1869 г. по 7-е мая 1870 г , закончился дефицитомъ для компаніи—кассиру Циманну пришлось доплатить 27,263 зл. $6^1/_2$ гр. [1]). Размѣръ этого дефицита представлялся значительно выше, если сопоставить съ этимъ то, что въ апрѣлѣ въ кассѣ было 123,384 зл. $25^1/_2$ гр.

Чѣмъ были вызваны такіе высокіе убытки? Изъ найденнаго нами счета прибылей и потерь фабричныхъ предпріятій [2]) ясно видно, какъ много компанія теряла совершенно непроизводительно въ силу неумѣнія, а можетъ быть и недобросовѣстности своихъ служащихъ. Такъ напр., на суконной фабрикѣ въ Венгровѣ показаны за 1768/9 г потери (str ate), понесенныя при выработкѣ сукна въ 10,263 зл. $29^3/_4$ гр., потери на чулочной фабрикѣ—1,732 зл. $8^1/_4$ гр., потери по производству суконъ въ варшавской фабрикѣ—1,816 зл. 6 гр., потери при покраскѣ шляпъ—2,504 зл. 18 гр.; между тѣмъ какъ доходы фабрикъ были невелики. Хотя и были дѣлаемы заказы для войскъ, но, конечно, они не могли покрыть такихъ значительныхъ потерь; къ тому же эти заказы были сравнительно рѣдки [3]). Представленіе

---

[1]) Арх Каз. Пал. Od XXX. № 8. „Pro saldo P. Zimannowi za tyle co więcey wyliczył niż wystarczyła kassa należy 27.263 zl $6^1|_2$ gr.

[2]) Арх. Каз. Пал Od XXX, № 33 Conto zysku y straty.

[3]) Для примѣра приведемъ одинъ изъ такихъ заказовъ: 23 января 1769 г былъ заключенъ контрактъ между полковникомъ Хоцицкимъ и конторой компаніи на поставку 4 480 локтей сукна цѣной въ пять руб. за локоть, всего на сумму 22,405 зл Первая половина этой суммы 11,202 зл. 15 гр. по условію уплачивалась. по доставкѣ первой партіи сукна. При этомъ контора обязана была доставить сукно условленной доброты по приложеннымъ пробамъ на мѣсто квартированія полка.

о размѣрахъ оборотовъ интересующей насъ компаніи можетъ дать сумма расхода и прихода общей кассы: въ 1769/70 г дебетъ равнялся 256,495 зл. 1/2 гр., а кредитъ 283,750 зл. 7 гр.

Неблагопріятный балансъ 1769 0 г. былъ, очевидно, причиной того, что обороты компаніи въ слѣдующемъ году 1770/1 понизились на половину—дебетъ равнялся 135,839 зл. 25 1/2 гр., а кредитъ—139,317 зл. 20 гр.[1]).

Такое печальное положеніе дѣла обратило на себя вниманіе правленія компаніи еще въ маѣ 1770 г., когда „асессоры и акціонеры, видя изъ представленнаго отчета, что общая касса шерстяныхъ мануфактуръ совершенно уже исчерпана, что для дальнѣйшаго существованія фабрикъ необходима значительная денежная субсидія, послѣ разъясненій предсѣдателя компаніи, постановили поручить асессорамъ составить письменный проектъ о томъ, какимъ способомъ закрыть компанію и прекратить начатое дѣло“ („jakimi środkami sposobami z honorem tę kompanią i rozpoczęte dzieło zakończyć“). По Корзону, 12 іюня 1770 г. было принято рѣшеніе о закрытіи компаніи, послѣднее ея засѣданіе, ликвидаціонное, состоялось 7 мая 1771 года[2]). Какъ видно изъ книгъ общей кассы, балансъ сведенъ по 13 марта 1772 года; очевидно, періодъ умиранія такъ широко задуманной компаніи продолжался дольше, чѣмъ утверждаетъ вышеназванный польскій историкъ.

Неуспѣхъ этого торгово-промышленнаго предпріятія, опиравшагося на коллективную организацію, надѣленнаго значительными привилегіями, поддерживаемаго королемъ и сеймомъ, извѣстные намъ польскіе изслѣдователи Корзонъ и Радзишевскій объясняютъ отсутствіемъ добросовѣстныхъ и знающихъ ремесленниковъ и въ особенности недостаткомъ умѣлаго и заботливаго руководства. Ни предсѣдатель, ни асессоры не имѣли понятія о фабричномъ дѣлѣ, купцы и банкиры, входившіе въ составъ общества, также не обладали техническими знаніями, и къ тому же они стояли въ подчиненномъ положеніи, что не могло ихъ поощрять къ энергичному участію въ дѣятельности компаніи[3]). На нашъ взглядъ, причины эти лежатъ значительно глубже; разсмотрѣніе ихъ откладываемъ до конца настоящей главы.

[1]) Арх. Каз. Пал. Od XXX, № 8 Kassa Generalna Kom. Man Weł. de 1769, 7 mai.

[2]) Korzoń—выше цит. t II, str. 235.

[3]) Korzon—выше цит. t. II, str. 235—36; Radziszewski—выше цит. str. 312—13.

Хотя цѣль и не была достигнута, но, по мнѣнію Радзишевскаго, дѣятельность компаніи не прошла безслѣдно для общества. Первая въ Польшѣ акціонерная компанія произвела переворотъ въ общественномъ мнѣніи Въ одномъ торговомъ предпріятіи первый разъ были объединены представители польской знати и купечества Учредители компаніи дали первый импульсъ объединенію сословій, они пробили брешь въ стѣнѣ, раздѣлявшей тѣ сословія, сотрудничество которыхъ могло быть и было полезнымъ [1]). Намъ кажется. что польскій экономистъ преувеличиваетъ въ данномъ случаѣ политическое и соціальное значеніе этой компаніи. Ея роль на пути сближенія сословій ни въ коемъ случаѣ не могла пробить бреши въ китайской стѣнѣ, отдѣлявшей польскую знать отъ торгово-промышленнаго класса, вѣдь въ названную компанію вошли только немногіе представители этого класса. Они совершенно затерялись въ блестящемъ обществѣ родовитой польской знати, заняли подчиненное положеніе и скорѣе должны были чувствовать свою соціальную приниженность, чѣмъ видѣть въ этой компаніи первый шагъ на пути сближенія сословій.

Идейное значеніе компаніи лежитъ не въ этомъ. Оно сводится къ тому, что компанія произвела переворотъ въ общественныхъ воззрѣніяхъ на торгово-промышленную дѣятельность. Раньше, какъ мы знаемъ, шляхта пренебрегала торгово-промышленной дѣятельностью; она видѣла въ этомъ униженіе для себя. здѣсь же высшіе представители ея стали во главѣ торгово-промышленнаго товарищества. Здѣсь, несомнѣнно, былъ сдѣланъ первый шагъ на пути измѣненія взглядовъ общества на эту важную отрасль народнаго хозяйства. Компанія дала первый сильный толчокъ этому перевороту. За первымъ шагомъ уже были легче другіе.

По примѣру компаніи стали основывать предпріятія отдѣльные представители польской аристократіи. Открытіе фабрикъ, заводовъ стало моднымъ дѣломъ. Несомнѣнно, компанія шерстяныхъ мануфактуръ въ выработкѣ такой моды сыграла свою роль.

Интересно выяснить еще вопросъ о томъ, какова была форма предпріятій, основываемыхъ данной компаніей. Въ источникахъ мы встрѣчаемъ названіе этихъ предпріятій фабриками, мануфактурами [2]).

---

[1]) Radziszewski—выше цит. 314

[2]) Интересно, что и въ Зап Европѣ въ XVII—XVIII стол. между мануфактурой и фабрикой не производится никакого различія. Фабрикантомъ назы-

Эти названія были усвоены и тѣми польскими изслѣдователями, которые занимались даннымъ вопросомъ.

Спрашивается, были ли похожи тѣ фабрики и мануфактуры, которыя основывала компанія, на наши фабрики и мануфактуры, или иначе говоря, на то, что понимается въ наукѣ подъ фабрикой и мануфактурой? Очевидно, что открываемыя предпріятія ни въ коемъ случаѣ не могли быть фабриками, такъ какъ фабричная форма предпріятій съ широкимъ использованіемъ машинъ только начинаетъ зарождаться въ Англіи въ концѣ XVIII в., послѣ ряда важныхъ техническихъ изобрѣтеній въ области текстильной промышленности. Но быть можетъ, это были мануфактуры, крупныя предпріятія съ широко проведеннымъ раздѣленіемъ труда, каковая форма уже стала господствующей въ Англіи и начала встрѣчаться и въ другихъ странахъ, хотя бы въ сосѣдней Пруссіи? На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ архивныхъ матеріалахъ, и на этотъ вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ. Прежде всего т. н. мануфактуры и фабрики компаніи принадлежали къ мелкимъ предпріятіямъ. Число мастеровъ въ самомъ главномъ предпріятіи—на суконной фабрикѣ въ Венгровѣ колебалось отъ 4 до 7, подмастерьевъ, работавшихъ уже за счетъ мастера было также не много, чаще всего у мастера было два—три подмастерья, въ рѣдкихъ случаяхъ 4—5. Если мы возьмемъ инвентари всѣхъ этихъ предпріятій, то найдемъ подтвержденіе сказанному: на фабрикѣ въ Венгровѣ имѣлось всего 5 сукнодѣльныхъ станковъ, на фабрикѣ въ Варшавѣ—шесть, на фабрикѣ раши (особая матерія)—три станка, на чулочной—5 станковъ, въ прядильномъ заведеніи въ Медзнѣ—27 прялокъ и т. д.

Незначительные размѣры основанныхъ предпріятій—вотъ ихъ первая отличительная черта.

Другой характерной особенностью этихъ предпріятій являлось то, что всѣ мастера, а равно и челядь получали квартиры отъ компаніи. Просматривая инвентари, мы всюду встрѣчаемъ описаніе домашней утвари, имѣвшейся въ этихъ заведеніяхъ. Напр. на шляпной фабрикѣ въ инвентарѣ записаны 6 двойныхъ кроватей, 7 матрацевъ, 6 подсвѣчниковъ, одна подушка, восемь одѣялъ, десять поло-

---

вается всякій промышленникъ, не только скупщикъ-предприниматель, но и самостоятельный ремесленникъ и кустарь, работающій на скупщика. См. Кулишеръ выше цит. I, стр. 599.

тенецъ и пр., на чулочной фабрикѣ—9 ординарныхъ матрацевъ, два двойныхъ, семь двойныхъ одѣялъ, 2 ординарныхъ, семь подушекъ. въ Венгровѣ—24 деревянныхъ кровати, 17 одѣялъ и т. д. Этотъ примѣрный перечень домашней утвари ясно показываетъ, что рабочіе жили при фабрикахъ и получали мебель и даже постель отъ компаніи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣлось при открываемыхъ заведеніяхъ свободныхъ помѣщеній для жилья рабочихъ, для этой цѣли нанимались отдѣльныя квартиры. Характерно, что сама компанія сознавала неудобства обезпеченія своихъ рабочихъ квартирнымъ довольствіемъ, такъ въ одномъ случаѣ мы нашли жалобу на трудность положенія фабрикъ компаніи въ виду именно того, что приходилось устраивать квартиры для ремесленниковъ [1]). Съ другой стороны, необходимость такого обезпеченія вызывалась общими условіями той эпохи Иностраннымъ мастерамъ, совершенно или мало знакомымъ съ мѣстными условіями, трудно было самимъ подыскать квартиру. Иногда это являлось и невозможнымъ въ виду отсутствія подходящихъ для этой цѣли помѣщеній. Заботу объ обезпеченіи ихъ квартирами долженъ былъ взять на себя тотъ, кто устраивалъ фабричное предпріятіе. Такъ на это смотрѣли и сами мастера.

При обсужденіи мѣръ къ дальнѣйшему преуспѣянію шерстяныхъ мануфактуръ, основанныхъ въ Венгровѣ, было указано, что мастера просили о предоставленіи квартиръ для своихъ подмастерьевъ [2]).

Подобное явленіе наблюдалось и въ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ иностранные промышленники вмѣстѣ съ денежными ссудами получали зданія для устройства мастерскихъ и квартиръ. Въ началѣ мастера работали независимо другъ отъ друга; постепенно изъ такого собранія отдѣльныхъ мастеровъ возникла централизованная мануфактура. На Западѣ это помѣщеніе иностранныхъ мастеровъ въ спеціальныхъ зданіяхъ объяснялось желаніемъ защитить ихъ отъ притѣсненій цеховыхъ мастеровъ. Это обстоятельство во многихъ случаяхъ послужило толчкомъ къ возникновенію централизованныхъ мануфактуръ [3]).

---

[1]) Арх Каз. Пал od. XXX, № 30 Różne papiery tyczące się Manufaktur Welnianych. Reflexye względem Rompany o Manufaktur Welnianych.

[2]) Od. XXX, № 23, Różne papiery y copia od r 1766—r 1771 Pro memoria.

[3]) См Кулишеръ, выше цит т. I, стр. 604.

Заботы компаніи о своихъ рабочихъ не ограничивались однимъ обезпеченіемъ ихъ квартирой. Изъ кассовыхъ книгъ видно, что компанія давала своимъ мастерамъ ссуды съ разсрочкой платежа; мы встрѣчали, напр., такія указанія: такой-то мастеръ внесъ въ счетъ своего долга 71 зл., 34 зл. и т. д.

Изъ контракта, заключеннаго съ представителемъ имѣній кн. Яблоновскаго, познанскаго воеводы, на аренду участка земли подъ мельницу и сукновальню мы узнаемъ, что эта мельница спеціально устраивалась для нуждъ фабрики (do mielenia zbóża na potrźebę tylko fabryczną)[1]).

Свою заботливость компанія простирала до того, что старалась облегчить для своихъ мастеровъ даже помолъ хлѣба. По этому договору, землевладѣлецъ обязался не чинить фабричнымъ людямъ, состоящимъ при сукновальнѣ, какихъ-либо вымогательствъ, а равно не принуждать ихъ къ платежу государственныхъ налоговъ (że od ludźi fabrycznych przy foluszu będących żadnych exakcyi prywatnych wymagać, ani do ponoszenia lub psżykładania się do podatkow publicznych pszymuszać nie będzie). Очевидно, возможность такихъ насилій надъ фабричными людьми существовала въ эту эпоху, разъ компанія сочла нужнымъ спеціально оговорить это въ договорѣ. Она хотѣла охранить своихъ мастеровъ отъ всякихъ притѣсненій со стороны сильныхъ магнатовъ, что въ эту эпоху въ Польшѣ было частымъ явленіемъ.

Въ конечномъ выводѣ можно сказать, что промышленныя предпріятія, основанныя компаніей шерстяныхъ мануфактуръ, представляли изъ себя разновидность домашней промышленности. Мастера получали отъ компаніи квартиру, обстановку, отопленіе, орудія, инструменты и даже сырой матеріалъ. Трудъ мастеровъ оплачивался сдѣльно. Обычно, они работали по своимъ квартирамъ. Объ этомъ можно заключать изъ того факта, что въ одномъ случаѣ было высказано опасеніе, какъ бы мастера не пользовались станками для работъ за свой счетъ. Нѣсколько шире была поставлена прядильная промышленость, гдѣ имѣлось и большее число работницъ, и гдѣ была надобность въ регламентаціи труда. Въ этой отрасли мы находимъ и одну централизованную мануфактуру, именно въ Венгровѣ. Впрочемъ, въ

---

[1]) Od. XXX, № 33, Różne papiery tyczące się Manufaktur wełnianych.

другихъ случаяхъ пряжу получали отъ крѣпостныхъ, которые вырабатывали ее въ видѣ барщины.

Мастера отъ себя уже держали подмастерьевъ, т. н. челядь, которая стояла въ зависимыхъ отношеніяхъ къ нимъ. Почти исключительно мастерами являлись иностранцы, вызываемые изъ заграницы.

Таковы были промышленныя предпріятія, возникшія въ Польшѣ по иниціативѣ компаніи шерстяныхъ мануфактуръ. Хотя они и называются фабриками, мануфактурами, но, очевидно, не по праву. Мы также пользуемся этими терминами, съ одной стороны потому, что они употребляются въ архивныхъ источникахъ; а съ другой, послѣ приведенныхъ разъясненій читатели будутъ знать, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ихъ.

Для характеристики промышленныхъ предпріятій, возникавшихъ по иниціативѣ отдѣльныхъ польскихъ магнатовъ, разсмотримъ дѣятельность литовскаго подскарбяго Тизенгауза, извѣстнаго опытами насажденія промышленности въ литовскихъ пущахъ. Кстати, его дѣятельность начинается послѣ упадка компаніи шерстяныхъ мануфактуръ, именно въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія.

Гродненская экономія, сданная Тизенгаузу въ аренду, принадлежала къ самымъ обширнымъ и богатымъ королевскимъ имѣніямъ; въ составъ ея входило 14 ключей и четыре лѣсничества, въ ней насчитывалось свыше 200 селъ и фольварковъ [1]). Богатство этой экономіи облегчало Тизенгаузу осуществленіе его грандіозныхъ плановъ въ области насажденія фабричной промышленности. Эти планы не ограничивались отдѣльными отраслями промышленности. Польскому магнату хотѣлось создать въ Литвѣ крупный промышленный центръ, сосредоточивающій въ себѣ самыя разнообразныя отрасли производства.

Роль такого центра должно было играть предмѣстье Гродно—Городница, гдѣ, по выраженію біографа Тизенгауза, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла возникли новыя улицы съ рядами деревянныхъ и каменныхъ домовъ [2]). Въ будущемъ подскарбій имѣлъ въ виду устроить новый городъ въ разстояніи четверти мили отъ Гродно

---

[1]) См. Zygm. Gloger-Ant. Tyzenhauz въ Kwartalnik'ѣ historyczny 1877, t. II, str. 13.

[2]) Horodnicza, замѣчаетъ современный обозрѣватель ея. na przedmieściu Grodna, gdzie wiele fabryk założył, mogłaby się w Amsterdamie mieścić". Raczyński-Obraz Polaków i Polski t. V Pamiętniki Wybickiego, t. II, str. 27.

при впаденіи Лососны въ Нѣманъ, гдѣ было начато возведеніе соотвѣтствующихъ зданій, пріостановленное съ паденіемъ Тизенгауза. Это мѣсто представляло много удобствъ въ виду обилія воды; при помощи шлюзъ можно было пользоваться въ широкой мѣрѣ силой воды для нуждъ разныхъ фабрикъ.

Въ дѣлѣ насажденія промышленности Тизенгаузъ пошелъ по тому же пути, какъ и дѣйствовавшая до него компанія шерстяныхъ мануфактуръ. Онъ командировалъ за границу Бецу, извѣстнаго намъ по дѣятельности въ компаніи, для приглашенія иностранныхъ мастеровъ. Съѣзжавшіеся изъ разныхъ странъ ремесленники находили уже готовыя квартиры, станки и сырой матеріалъ. Временно для фабричныхъ помѣщеній были приспособлены конюшни конной гвардіи Августа III въ Гроднѣ. Для того, чтобы подготовить ремесленниковъ изъ мѣстнаго населенія, а съ другой стороны, дать рабочую силу иностранцамъ, Тизенгаузъ принудительно взялъ изъ своихъ крѣпостныхъ 300 мальчиковъ и 100 дѣвочекъ, болѣе расторопныхъ и бойкихъ. Для нихъ было устроено спеціальное заведеніе, гдѣ ихъ кормили, одѣвали и обучали грамотѣ. Воспитаніемъ этихъ дѣтей занимались приставленые для этого надзиратель и надзирательница, наконецъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ ксендзъ преподавалъ имъ катихизисъ [1]).

Изъ этой молодежи каждый изъ прибывающихъ мастеровъ выбиралъ нужное себѣ число учениковъ, сообразно ихъ склонностямъ и способностямъ.

Такимъ образомъ иностранные ремесленники, число коихъ достигало 70, являлись отчасти руководителями, отчасти надсмотрщиками надъ работами крѣпостныхъ. Рабочихъ, по словамъ Бернулли, было 1,500 человѣкъ. Коксъ же опредѣляетъ число ихъ въ 3,000 душъ, включая сюда и тѣхъ, которые занимались по окрестнымъ деревнямъ пряденіемъ льна и шерсти (including those dispersed in the contiguous villages, who spin linen and worsted thread) [2]). Во главѣ всѣхъ промышленныхъ предпріятій стоялъ генералъ-инспекторъ Бецу; очевидно, правая рука Тизенгауза. Постройками завѣ-

---

[1]) Prof. Jaroszewicz-Obraz Litwy pod względem jei cywilizacyi od csasow naydawnieszych do końca wieku XVIII Część III. Wilno 1845. Str. 127, Gloger– выше цит. 17 str.

[2]) См. W. Coxe-Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark in two volumes. London 1784 p 220.

дывалъ съ званіемъ директора маіоръ де Сакко, итальянецъ изъ Вероны[1]).

Какъ широко и разнообразно была представлена промышленность въ Гродненской экономіи, объ этомъ можно судить изъ того факта, что въ 1777 г. во время осмотра этихъ заведеній королемъ Ст. Августомъ ихъ насчитывалось 15, а къ 1 іюля 1780 г.. когда экономія была отобрана отъ Тизенгауза, число ихъ доходило уже до 23[2]). Назовемъ главныя изъ нихъ—фабрику шелковыхъ издѣлій, насчитывавшую 62 станка, изъ нихъ 24 предназначено было спеціально для выдѣлки шелковыхъ поясовъ, тканныхъ золотомъ. По отзыву Бернулли, шелковыя издѣлія отличались изяществомъ. Завѣдывали этой фабрикой французы. Они отзывались съ похвалой о смышленности мѣстныхъ рабочихъ[3]). Назовемъ еще суконную фабрику съ красильней и стригальней изъ 24 станковъ, фабрику золотыхъ издѣлій, фабрику столоваго бѣлья, съ катками и бѣлильнями, фабрику экипажей, чулочную, кружевную, карточную фабрику, и др. Этотъ бѣглый перечень показываетъ преобладаніе такихъ промышленныхъ предпріятій, которыя производили предметы роскоши.

Для облегченія денежныхъ оборотовъ былъ учрежденъ Тизенгаузомъ торговый домъ подъ фирмой—„Бецу и К-о“, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ сберегательной кассой для мастеровъ и служащихъ. Для продажи издѣлій было открыто нѣсколько лавокъ.

Насажденіемъ фабричной промышленности не ограничивалась дѣятельность подскарбія. Онъ обратилъ вниманіе на улучшеніе сельскаго хозяйства, на проведеніе и исправленіе дорогъ. Устроилъ пивоварню, для усовершенствованія пивоваренія въ странѣ отдалъ сюда въ науку крѣпостныхъ изъ своихъ экономій. Далѣе устраивалъ вѣтряныя и водяныя мельницы, кожевенные заводы, маслодѣльни. Тысячи рукъ въ гродненскихъ имѣніяхъ занимались заготовкой лѣса на продажу, гонкой смолы, дегтя, поташа и т. д.

Неутомимый Тизенгаузъ не успокоился на этомъ, онъ задался цѣлью образовать въ гродненской экономіи не только промышленный

---

[1]) Jan Bernoulli—y Liske-Cudsoziemcy w Polsce we Lwowie 1876. str. 210

[2]) См. Korzon—t. II, str 247. Здѣсь перечислены всѣ эти промышленныя заведенія

[3]) „Chwalą oni bardzo pojętność i zręczność z jaką krajowcy tutejszi wszystko naśladować potrafią, замѣчаетъ Бернулли. См. Liske—выше цит. str 208—9.

центръ, но культурный и научный. Съ этой цѣлью онъ устраиваетъ въ своей резиденціи рядъ учебныхъ заведеній—кадетскую школу, бухгалтерскую, землемѣрную, повивальный институтъ и наконецъ, лѣкарскую школу. Въ виду того, что въ послѣднюю никто не хотѣлъ поступать, то, по словамъ Ярошевича [1]), не оставалось другого выхода, какъ принудительно взять дѣтей экономическихъ крестьянъ, содержать ихъ за счетъ Тизенгауза и прохожденіемъ элементарныхъ наукъ подготовить къ слушанію медицины и хирургіи, каковыя науки, кстати сказать, были представлены въ лицѣ одного профессора Жильберта.

На этомъ Тизенгаузъ не угомонился, онъ устроилъ библіотеку, кабинетъ естественной исторіи, ботаническій садъ, типографію, началъ издавать „Гродненскую Газету“, проектировалъ устроить обсерваторію и даже академію наукъ. Литовскому подскарбему мало было и этого. Познакомившись въ Парижѣ съ Руссо, онъ началъ уговаривать философа переселиться въ Литву, суля ему всѣ удобства жизни, какія только могъ предоставить въ ту эпоху польскій магнатъ [2]). Тизенгаузъ, приглашая въ литовскія пущи моднаго популярнаго философа, хотѣлъ, очевидно, поднять культурное значеніе Литвы.

Не забылъ Тизенгаузъ и искусствъ. Онъ организовалъ изъ крѣпостныхъ оркестръ и даже первый въ Польшѣ балетъ подъ руководствомъ иностранцевъ.

Такъ разнообразна и разностороння была дѣятельность Тизенгауза.

Что же представляли изъ себя предпріятія, устроенныя Тизенгаузомъ?

Къ какому типу можно отнести ихъ?

Это типическія крѣпостныя фабрики, которыя въ исторіи русской промышленности были изслѣдованы г. Туганъ-Барановскимъ въ его трудѣ „Русская фабрика“ [3]). Рабочую силу для гродненскихъ

---

[1]) См. Jaroczewicz—выше цит.—str. 131.

[2]) См. Gloger—выше цит. str. 28.

[3]) М. Туганъ-Барановскій въ историческомъ развитіи русской фабрики различаетъ три преемственныхъ формы: первоначальную купеческую фабрику, превратившуюся въ теченіе XVIII в въ дворянскую Эта послѣдняя въ свою очередь уступила мѣсто новѣйшей капиталистической фабрикѣ. См. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I, 2-е, изд. 1900. Ср. Лященко—Очерки аграрной эволюціи Россіи 1908 г. Стр. 151—152. Въ Польшѣ, историческое раз-

мануфактурь доставляли крѣпостные; число ихъ, какъ мы знаемъ, достигало огромной для того времени цифры 3.000 человѣкъ. Одни изъ нихъ жили при фабрикахъ въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ, другіе были разсѣяны по окрестнымъ деревнямъ и селамъ и выполняли тѣ или другія работы, вызываемыя теченіемъ фабричнаго производства, напр. выдѣлывали льняную или шерстяную пряжу, мыли, чесали шерсть, ткали полотна и т. д. Иностранные мастера являлись руководителями отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій Вмѣстѣ съ этимъ они обучали ремесламъ молодежь, набранную изъ крѣпостныхъ. Иногда же выступали въ роли надсмотрщиковъ за работами, побуждавшими къ болѣе интенсивному труду.

Хорошія картинки съ натуры даетъ извѣстный намъ путешественникъ Коксъ, посѣтившій гродненскія мануфактуры и имѣвшій возможность наблюдать внутренній ихъ распорядокъ и ходъ работъ[1]). Учениками въ мануфактурахъ, говоритъ онъ, являются дѣти польскихъ крестьянъ, получающіе готовое содержаніе и небольшую плату.

витіе фабрики начинается съ шляхетской, основанной на принудительномъ трудѣ Купеческой фабрики здѣсь не было и не могло быть, такъ какъ экономическія условія Рѣчи Посполитой не благопріятствовали, какъ мы знаемъ, образованію купеческаго класса и накопленію торговаго капитала Здѣсь лежитъ первая характерная особенность въ развитіи польской фабричной промышленности сравнительно съ русской.

[1]) См Coxe –выше цит. р 221 и д. Въ виду того, что сочиненіе Кокса въ оригиналѣ представляетъ библіографическую рѣдкость, мы приведемъ въ извлеченіи относящееся сюда мѣсто The apprentices are boys and girls all children of Polish peasants who are clothed and fed, and have besides a small allowance in money The directors complain that there is no emulation among them; and that, although they are better fed and clothed than the other peasants, yet they cancont excite them to industry by any others means than force Nor is this a matter of wonder: for as they still continue in a state servitude, of they acquire any unusual profit, and carry it to their parents, they are apprehensive lest it should be taken away; it having frequently happened that any little pittance, they had gained by their labour, has been wrested from them, in order to pay the quitrents which their parents owed to their lords One of these apprentices, more shrewd than the rest, said to the director, who was trying to stimulate her industry„What advantage shall J obtain, if J follow your advice? let me become ever to skilful in my trade J shall always continue subject to my master: the labor will be mine, and the profits his". To which observation no answer could be given Most of them appeared with such a settled melancholy ni their coun-

Директора жалуются, что между ними не наблюдается соревнованія и что хотя они получаютъ лучшую одежду и пищу, чѣмъ другіе крестьяне, однако ихъ нельзя принудить къ занятію промыслами иначе, какъ только силой. Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ, замѣчаетъ Коксъ, ибо они еще и до сихъ поръ находятся въ состояніи рабства. Случается нерѣдко, что мелочь, заработанная ими, отбирается отъ нихъ въ счетъ платежа ренты, которую должны платить ихъ родители своимъ господамъ. Одна изъ ученицъ, болѣе бойкая сказала своему надзирателю, который старался повысить интенсивность ея труда: „Какую пользу получу я, если послѣдую вашему совѣту? Какой бы искусной я не сдѣлалась въ своемъ ремеслѣ, я всегда останусь крѣпостной своего хозяина?—трудъ будетъ мой, а барышъ его“. На это замѣчаніе нельзя было возразить. Большинство изъ нихъ имѣло на своемъ лицѣ выраженіе такой глубокой грусти, что мое сердце надрывалось отъ боли, глядя на нихъ. Легко было понять, что они работаютъ по принужденію, а не по склонности“.

„Для смягченія этого зла предполагалось, замѣчаетъ Коксъ, послѣ опредѣленнаго количества лѣтъ давать свободу тѣмъ, которые будутъ особенно отличаться и выдѣляться своимъ трудолюбіемъ. Но это гуманное предположеніе было оставлено на томъ основаніи, что боялись, какъ бы такія лица, сдѣлавшись свободными, не перестали работать, и такимъ образомъ мануфактуры всегда лишались бы своихъ лучшихъ рабочихъ“ [1]).

Если англійскій путешественникъ, осматривавшій мимоходомъ гродненскія мануфактуры, могъ замѣтить принудительный характеръ занятій, если у него сжималось отъ боли сердце при видѣ рабовъ, то

---

tenances, as made my heart ache to see them; and it was easy to perceive that they worked from compulsion, and not from inclination As some remedy to this evil, it has been proposed, after a certain term of years to give liberty to those who particularly excel, and distinguish themselves by any extraordinary exertions. But this humane proposal has deen rejected from a notion that such persons, when once made free, would no longer continue to work; and that by these means the manufactures would be deprived of their best hands.

[1]) По поводу этихъ опасеній Коксъ правильно замѣчаетъ, though this inconvenieee, however, might occasionally take place, yet the encouragement of such a regulation would beget alacrity aud excite industry, and would therefore create a greatér number of artists than it would emancipate. Travels... p. 221.

можно себѣ представить, какіе порядки царили на этихъ мануфактурахъ, въ чемъ заключалась та принудительная сила, о которой ему говорили управляющіе. Случайный взглядъ знатнаго иностранца, которому старались показать лицевую сторону предпріятій, котораго хотѣли поразить своей культурностью, могъ, несмотря на все это, отличить основной недугъ этихъ панскихъ затѣй—рабскій характеръ труда и вмѣстѣ съ этимъ указать радикальное средство для его устраненія—освобожденіе крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, въ гродненскихъ мануфактурахъ мы имѣемъ крѣпостныя фабрики въ ихъ чистомъ видѣ.

Какова же была судьба этихъ фабрикъ? Каковы были результаты широкой и разносторонней дѣятельности Ан. Тизенгауза? Результаты были печальные—паденіе Тизенгауза, а вмѣстѣ съ нимъ, и всѣхъ основанныхъ и задуманныхъ имъ предпріятій и учрежденій.

Большинство польскихъ изслѣдователей видитъ причину паденія Тизенгауза въ зависти, интригахъ и происках его враговъ [1]). Дѣло представляется въ такомъ видѣ: деспотическій характеръ Тизенгауза, его столкновенія съ окружающей шляхтой на почвѣ измѣренія земель создали враждебно-настроенную партію, которая потребовала суда надъ Тизенгаузомъ и лишенія его аренды гродненской экономіи. Въ качествѣ обвиненій противъ Тизенгауза выставляли, напр., то, что онъ бралъ деньги на проведеніе канала, который копали крѣпостные, самовольно распоряжался суммами, допускалъ злоупотребленія въ отчетности и т. д.

Такое объясненіе слишкомъ поверхностно. Отнятіе у Тизенгауза аренды было внѣшнимъ обстоятельствомъ, только предупредившимъ ту катастрофу, которая неизбѣжно должна была постигнуть всю эту панскую затѣю. Вѣдь происки враговъ Тизенгауза имѣли успѣхъ только потому, что дѣла на его мануфактурахъ шли плохо; что послѣднія не только не давали дохода, но еще поглощали тѣ средства, которыя доставляла богатая экономія. По словамъ Глогера, дефицитъ опредѣлялся въ 1,7 мил. злотыхъ [2]). Корзонъ, сопоставляя цѣнность всего инвентаря въ суммѣ 740.894 зл. съ 600.000 зл., взятыми изъ

---

[1]) См. Kraszewski—Polska w czasie trzech Rozbiorów, 1772—1799, t. I, Poznań 1873, str. 252, 450; ср. Jaroszewicz.—выше цит 124; Wybicki- выше цит., str. 29 и др.

[2]) См. Glogel—выше цит., str. 40.

казны Речи Посполитой, и съ 250.000 зл. неоплаченнаго королевскаго долга, признаетъ дефицитъ ощутительнымъ [1]). Слѣдовательно, враги Тизенгауза имѣли сильное оружіе въ этихъ дефицитахъ Эти дефициты привели бы его къ паденію и безъ личныхъ враговъ.

Причины неудачи такъ широко поставленныхъ предпріятій лежатъ глубже. Выбицкій, осматривавшій гродненскія мануфактуры и первый пустившій въ оборотъ мнѣніе о зависти, какъ причинѣ упадка Тизенгауза, считалъ, однако, справедливымъ упрекъ Тизенгаузу въ томъ, что онъ не шелъ постепенно къ насажденію и развитію культуры, но хотѣлъ создать въ литовскихъ пущахъ сразу цвѣтущую Голландію, которая вѣками доходила до своей зрѣлости, (iz stopniowaniem nie szedł do zarodu i rozkrzewy kultury, iż chciał na puszczach litewskich od razu Hollandyą kwitnącą widzieć, która wiekami zwolna do swej dojrzałości sie wznosiła [2]).

Другіе современники упрекали Тизенгауза въ томъ, что онъ основывалъ мануфактуры, производившія предметы роскоши. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что Тизенгаузъ основалъ фабрику шелковыхъ издѣлій, для которой выписывалъ шелкъ изъ-за границы, въ виду чего, шелковыя издѣлія по цѣнѣ превосходили заграничныя [3]). Этотъ упрекъ вполнѣ основателенъ; что Тизенгаузъ обращалъ главное вниманіе на мануфактуры, выдѣлывавшія предметы роскоши, это мы могли видѣть изъ перечня гродненскихъ мануфактуръ.

Одинъ фабрикантъ, выписанный Тизенгаузомъ изъ Швейцаріи для надзора, говорилъ Шульцу, проѣзжавшему черезъ Гродно въ концѣ XVIII в., что большимъ недостаткомъ въ характерѣ Тизенгауза было то, что онъ никогда не имѣлъ терпѣнія выждать завершенія начатаго дѣла, а сразу спѣшилъ браться за другое [4]). И этотъ

---

[1]) См. Korzon—выше цит., str. 255. Какъ видно изъ инвентаря 1783 г., наибольшую цѣнность представляло имущество суконной фабрики въ 100 тыс. слишкомъ зл.; значительную цѣнность представляло также имущество торговыхъ заведеній, основанныхъ Тизенгаузомъ—магазины разныхъ матеріаловъ—77 тыс зл, мануфактурная лавка—53 тыс. зл. и т. д. См. Глав Арх. Stan Manufaktur Grodzienskich, 31 July 1783 roku znaleziony № 100.

[2]) Wybicki y Raczyńskiego Obraz Polaków i Polski V, II, str 31.

[3]) См Dembowski—Rzecz krótka o fabryce Sukienney Krakowskiey, w Krakowie, 1791, str. 16. 17 Какое сырье ввозилось изъ-за границы для гродненскихъ фабрикъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Кокса—the silk, cotton, iron, colours, gold aud silver for the embroidery and fine thread from Brussels for tho lace are imported... Travels into Poland... p. 220.

[4]) См Szulc—выше цит., str. 22.

упрекъ не менѣе справедливъ. Достаточно указать на ту массу разныхъ предпріятій и учрежденій, которыя основывалъ или хотѣлъ основать литовскій подскарбій.

Но и указанныя здѣсь условія не исчерпываютъ всей глубины тѣхъ причинъ, которыя съ неизбѣжностью осуждали гродненскія предпріятія на неудачу. Основной причиной являлась принудительность труда крѣпостныхъ. „Желаніе создать изъ Городницы польскій Ліонъ съ рабочими, согнанными на панщину батогомъ эконома, могло придти въ голову такимъ дилетантамъ, какъ Ст. Августъ или Тизенгаузъ“, замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ экономистовъ [1]). Вспомнимъ, тѣ жалобы на малую продуктивность труда крѣпостныхъ, которыя слышалъ англійскій путешественникъ отъ надсмотрщиковъ-иностранцевъ; вспомнимъ, какъ сами крѣпостные оцѣнивали свое отношеніе къ работѣ на фабрикахъ, отбываемой ими въ видѣ панщины. Малая производительность труда подневольныхъ рабочихъ ни въ коемъ случаѣ не могла окупить расходовъ на оплату дорогихъ иностранныхъ мастеровъ, на покупку иностраннаго сырья, на выписку изъ-за границы орудій, инструментовъ и т. д.

Другимъ условіемъ, подрывавшимъ въ корнѣ возможность процвѣтанія гродненскихъ мануфактуръ было отсутствіе рынковъ сбыта. Изъ сдѣланной нами характеристики положенія народнаго хозяйства въ Польшѣ въ эпоху Стан. Августа ясно видно, что въ Польшѣ не было рынка для сбыта отечественныхъ фабрикатовъ.

Какой могли имѣть сбытъ фабричныя предпріятія, устроенныя въ литовскихъ пущахъ, среди малонаселенной мѣстности, вдали отъ торговыхъ центровъ, безъ удобныхъ путей сообщенія? Мелкая шляхта и многочисленное крѣпостное населеніе проходило еще стадію натуральнаго хозяйства и не предъявляло, да и не могло предъявлять спроса на издѣлія гродненскихъ мануфактуръ. Высшій классъ, хотя уже и привыкъ къ потребленію тѣхъ и другихъ фабрикатовъ, однако предпочиталъ пользоваться иностранными товарами, которые несомнѣнно были лучше по качеству и, какъ свидѣтельствуютъ современники, даже дешевле по цѣнѣ. Присоединимъ къ этому отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, отдаленность отъ такого промышленнаго и культурнаго центра, какъ Варшава. Наличность всѣхъ этихъ

---

[1]) См. Marchlewski—Fizyokratyzm w Dawnej Polsce Biblioteka Warsz., t. IV, 1896 r., str. 354.

условій съ неизбѣжностью влекла за собой гибель всей этой легкомысленной затѣи.

Самъ основатель этихъ многочисленныхъ предпріятій Тизенгаузъ, по своимъ личнымъ качествамъ, совершенно не былъ подготовленъ къ той сложной и отвѣтственной роли, какую онъ на себя бралъ. Человѣкъ малообразованный, не знавшій ни одного языка, не любившій и не читавшій книгъ, не имѣвшій никакого представленія о фабричной промышленности смѣло берется за созданіе въ литовскихъ пущахъ крупнаго промышленнаго центра. Конечно, ему нельзя отказать въ смѣлости, въ энергіи и даже предпріимчивости, но бѣда въ томъ, что поставленныя имъ задачи являлись прямо фантастическими; онѣ по самому своему существу уже были заранѣе осуждены на гибель. Впрочемъ, и самая смѣлость этого типичнаго представителя польской шляхты, несомнѣнно вытекала изъ того, что для осуществленія своихъ затѣй онъ расходовалъ не свои личныя средства, а средства богатой королевской экономіи, которая въ тысячахъ крѣпостныхъ имѣла неисчерпаемый источникъ дарового труда, а въ разнаго рода приношеніяхъ такой же источникъ сырого матеріала. Взяться за осуществленіе такихъ широкихъ замысловъ, прямо безнадежныхъ, возможно было только при наличности тысячъ рабовъ, трудомъ которыхъ можно было произвольно распоряжаться. Только благодаря наличности такихъ благопріятныхъ условій, фантастическая затѣя Тизенгауза могла просуществовать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

О дальнѣйшей судьбѣ гродненскихъ мануфактуръ не многое извѣстно. Какъ видно изъ архивныхъ матеріаловъ, веденіе счетовъ по фабрикѣ прекратилось въ 1783 г. Въ 1785 г. одинъ современный публицистъ писалъ: „уже пустыня, уже нѣтъ Городницы... уже тысячи промышленныхъ рукъ просятъ хлѣба (już tysiące rąk przemyślnych żebrzą chleba)“[1]). Иностранцы частью поуходили за границу, а частью разбрелись по странѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ гродненскихъ мануфактуръ продолжали еще влачить жалкое существованіе; такъ въ эпоху возстанія Костюшко былъ сдѣланъ заказъ гродненской суконной мануфактурѣ на поставку сукна для войскъ на сумму 63 тыс. зл.[2]). Интересное замѣчаніе о значеніи гродненскихъ

[1]) Staszic—Uwagi nad życiem J. Zamoyskiego, str. 103, 104.

[2]) См. Korzon—выше цит., t. II, str. 258.

мануфактуръ мы находимъ у Ярошевича. „Хотя, говоритъ онъ, иностранцы должны были покинуть городницкіе станки въ 1780 г., однако мѣстные жители, обученные разнымъ ремесламъ и художествамъ иностранными мастерами, разбрелись по Литвѣ и обучая новыхъ учениковъ, содѣйствовали увеличенію промышленнаго класса“ [1]). Очевидно, въ данномъ случаѣ мы наблюдаемъ разложеніе шляхетской крѣпостной фабрики и превращеніе ея въ кустарное мастерство. Аналогичное явленіе было констатировано Туганъ-Барановскимъ въ отношеніи русской фабрики.

Какъ дальше увидимъ, крѣпостныя фабрики, основываемыя въ такомъ обиліи польскими магнатами, существовали не долго, по крайней мѣрѣ въ эпоху прусскаго владычества (1795—1806 г.) объ нихъ мы не встрѣчаемъ упоминанія въ тѣхъ описаніяхъ, которыя были составлены нѣмецкими изслѣдователями этого вновь пріобрѣтеннаго края. Между тѣмъ во многихъ случаяхъ кустарное мастерство, водворившееся на мѣстѣ шляхетскихъ фабрикъ, продолжало существовать и даже перешло въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго (1815—1830 г.), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые архивные документы.

Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, во многихъ случаяхъ крѣпостныя фабрики содѣйствовали зарожденію новыхъ центровъ кустарной промышленности.

Чтобы покончить съ Гизенгаузомъ, остается сказать нѣсколько словъ объ оцѣнкѣ его дѣятельности въ польской литературѣ. Большинство польскихъ писателей видитъ въ немъ генія, насадителя промышленности и культуры въ Литвѣ. „Это былъ настоящій министръ, какого требовала наша страна, замѣчаетъ Выбицкій, одинъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ Гизенгауза, это былъ геній, котораго создали литовскія пущи“. Новѣйшіе изслѣдователи отказываются отъ такого преклоненія передъ личностью и дѣятельностью Гизенгауза. Такъ одинъ изъ видныхъ современныхъ польскихъ историковъ Корзонъ называетъ Гизенгауза заносчивымъ польскимъ магнатомъ XVIII в (zuchwałem magnatem z XVIII wieku), безъ всякаго чувства отвѣтственности, безъ малѣйшаго представленія о работѣ въ серьезъ (o pracy na prawdę) [2]). Однако, и этотъ ученый

---

[1]) См Jaroszewicz—выше цит., str. 136.

[2]) См. Korzon—выше цит t. II str. 252—253.

не освободился вполнѣ отъ обаянія личности Тизенгауза. Подыскивая ему сравненіе среди великихъ людей другихъ странъ, онъ готовъ сравнить его съ Петромъ Великимъ (porównajmy go chyba z Piotrem Wielkim). Такое сопоставленіе слишкомъ ужъ наивно. Впрочемъ, самъ Корзонъ въ дальнѣйшемъ отказывается отъ него, соглашаясь съ тѣмъ, что это сравненіе не говоритъ въ пользу польскаго богатыря. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшительно высказывается за то, что эпитетъ „геній“ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть соединяемъ съ именемъ Тизенгауза. [1])

Другой новѣйшій польскій экономистъ Радзишевскій не признаетъ за Тизенгаузомъ тѣхъ качествъ, которыя должны быть присущи предпринимателю. „Онъ могъ быть и былъ меценатомъ промышленности, но не промышленникомъ-дѣльцомъ“ (mógł być i był mecenasem przemysłu, ale nie przemysłowcem) [2]). Такимъ образомъ, дѣятельность Тизенгауза постепенно развѣнчивалась и въ концѣ концовъ его личность лишилась того ореола, которымъ ее окружили нѣкоторые изъ современниковъ и біографовъ литовскаго подскарбяго. Въ настоящее время Тизенгаузъ выступаетъ передъ нами въ своемъ истинномъ свѣтѣ, именно—польскаго магната, увлеченнаго идеей насажденія промышленности, средства для чего ему доставляли богатыя королевскія имѣнія

Тизенгаузъ являлся только болѣе яркимъ выразителемъ моднаго теченія, захватившаго всю польскую аристократію. Польскіе магнаты наперерывъ другъ передъ другомъ основываютъ разныя фабрики, выписываютъ изъ за границы ремесленниковъ, привлекаютъ къ обученію ремесламъ своихъ крѣпостныхъ и т. д. Такъ Чарторыйскіе основываютъ суконную фабрику въ Сташовѣ, фаянсовую фабрику въ Корцѣ, насаждаютъ цѣлую фабричную колонію въ Махновцѣ. Сапѣга открываетъ въ Рожаннѣ шелковую, суконную и полотняную фабрику, тоже дѣлаютъ Яблоновская, Понятовскій, Хрептовичъ и др. Среди всей этой польской знати, основывавшей предпріятія въ своихъ богатыхъ маетностяхъ, стоитъ особнякомъ Яцекъ Езерскій, луковскій каштелянъ, принадлежавшій къ менѣе заможной шляхтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличавшійся большой дозой практицизма. Онъ не брался за основаніе предпріятій для производства предметовъ роскоши, но

---

[1]) См. Korzon—выше цит. t. II str. 252—253.

[2]) См. Radziszewski—выше цит.—318

старался организовать такія предпріятія, издѣлія которыхъ могли разсчитывать на болѣе широкій сбытъ. Такъ онъ занимался солевареніемъ, выдѣлкой стали. Большое его преимущество передъ другими магнатами заключалось въ умѣньи рекламировать свои предпріятія.

Для оцѣнки этой способности Езерскаго весьма характерна одна изъ его сеймовыхъ рѣчей. Излагая общую экономическую программу для Польши, проникнутую меркантилистическими тенденціями, онъ расхваливаетъ свою соль, свою сталь, свои фаянсовыя издѣлія, которыя, по его словамъ, не уступаютъ англійскимъ. За свою выдѣлку стали онъ не желаетъ никакой награды, [кромѣ только того, чтобы сеймъ предписалъ дѣлать изъ этой стали военные снаряды и хозяйскія орудія. „Имѣя охоту, говоритъ Яц Езерскій, я все бы дѣлалъ для страны, насколько хватило моихъ силъ; но по отношенію къ цѣлой странѣ я подобенъ пчелѣ, которая одна не въ состояніи наполнить улья медомъ“ (ale jestem względem całego kraju na podobieństwo jednej pszczoły, która całego ula miodem napełnić nie zdoła).

„Для того, чтобы народное хозяйство могло успѣшно развиваться, необходимо призвать къ управленію людей способныхъ и разумныхъ, стоящихъ теперь въ тѣни. Скажу и о себѣ, продолжаетъ луковскій каштелянъ, я простакъ, политики не понимаю, но если бы Рѣчь Посполитая поручила мнѣ завѣдываніе солью или фабриками или сплавными рѣками, то она могла бы быть спокойна въ своемъ счастьи, а я въ чести“. [1])

Насколько Езерскій былъ образованный человѣкъ, можетъ свидѣтельствовать хотя бы тотъ фактъ, что онъ старался убѣдить сеймовыхъ пословъ, что серебро добывается изъ олова. (Kto nie wie, miechaj nie wierzy, że srebnego kruszcu natura nie utworzyła, ale ołowiany, a każdy ołów koniecznie srebro w sobie mieć musi).

Таковъ былъ новый зарождавшійся типъ промышленника шляхтича, предтечи будущихъ предпринимателей, воспитанныхъ на казенныхъ пособіяхъ и запретительныхъ тарифахъ. Корзонъ относится къ Езерскому весьма снисходительно, видя въ его похвальбѣ только неизбѣжную у предпринимателя склонность къ рекламированію своихъ издѣлій [2]). Онъ признаетъ за нимъ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ дѣятелей этой эпохи на полѣ промышленности въ отношеніи прак-

---

[1]) См. Korzon выше цит t. II. str 275 и д.

[2]) См. Korzon—выше цит. t. II. str. 280.

тицизма. Радзишевскій также соглашается съ тѣмъ, что въ рѣчахъ Езерскаго просвѣчиваетъ здоровое, практическое пониманіе нуждъ страны и стремленіе къ познанію ея дѣйствительныхъ богатствъ [1]).

Во всякомъ случаѣ и этотъ умѣлый шляхтичъ не всегда успѣшно справлялся съ тѣми предпріятіями, которыя онъ заводилъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его противниковъ. „Удалась ли тебѣ хоть одна пара чулокъ, спрашиваетъ онъ Езерскаго, вѣдь всѣ расходы и старанія въ этой цѣли были безрезультатны. Былъ ли счастливъ съ Собѣнями (деревня), гдѣ поселилъ цѣлую колонію ремесленниковъ? Какую отъ нихъ пользу получила страна, какую ты самъ получилъ? И тамъ хорошіе и удобные дома стоятъ пустыми, а мастера неизвѣстно куда разбрелись?“ Во всякомъ случаѣ, замѣчаетъ Корзонъ, „луковскій каштелянъ не обанкрутился на своихъ предпріятіяхъ, но наоборотъ успѣлъ оставить своимъ наслѣдникамъ значительное богатство.“ Въ послѣднемъ нельзя было и сомнѣваться въ виду тѣхъ качествъ, которыми отличался Яцекъ Езерскій, умѣло рекламировавшій свои предпріятія. Дѣйствительно, онъ не разорилъ своихъ шляхетскихъ маетностей на фабричныхъ предпріятіяхъ, какъ это сдѣлали многіе другіе. Луковскій каштелянъ не стѣснялся пользоваться даже депутатскими полномочіями для рекламированія своихъ фабрикатовъ.

Въ эпоху Ст. Августа мы наблюдаемъ еще третій своеобразный типъ фабричныхъ предпріятій съ принудительной организаціей труда, но уже не крѣпостныхъ, а нищихъ и бродягъ. Это нѣчто въ родѣ работныхъ домовъ.

Этотъ типъ представляетъ большой интересъ потому, что современники искренно вѣрили въ жизнеспособность такихъ заведеній. Глубоко были убѣждены въ томъ, что учрежденіемъ такихъ заведеній можно достигнуть осуществленія не только цѣлей благотворительности, но и цѣлей экономическихъ и коммерческихъ. И когда эта затѣя потерпѣла фіаско, даже передовые дѣятели нашей эпохи недоумѣвали о причинахъ, обусловившихъ неуспѣхъ предпріятія, находили ихъ въ разныхъ внѣшнихъ условіяхъ и совершенно не подозрѣвали того основного недостатка подобныхъ предпріятій, что ихъ существованіе опиралось на трудъ отбросовъ общества.

---

[1]) См. Radziszewski выше цит. str. 320.

Однимъ изъ такихъ предпріятій являлась суконная мануфактура въ Краковѣ, основанная въ 1788 г, по иниціативѣ ксендза Сѣраковскаго. Было организовано общество, члены котораго обязались путемъ взносовъ давать нужныя средства на ея содержаніе. Рабочіе набирались изъ нищихъ, калѣкъ и бродягъ; ихъ ловили въ городѣ и его предмѣстьяхъ и принудительно доставляли въ госпиталь св. Духа. Такихъ рабочихъ набралось 270 чел. Для обученія ихъ былъ приглашенъ спеціальный мастеръ. Современный экономистъ Дембовскій, описывающій эту фабрику, находитъ похвальнымъ, что она пользовалась трудомъ нищихъ, т. е. людей непригодныхъ для сельскаго хозяйства и такимъ образомъ не наносила послѣднему ущерба [1]). Впослѣдствіи много нищихъ разбѣжалось и на фабрикѣ осталось всего 81 чел.

Какъ видно изъ устава, это любопытное учрежденіе преслѣдовало прежде всего филантропическія цѣли—обезпеченіе существованія нищихъ, калѣкъ путемъ предоставленія имъ соотвѣтствующей работы, а равно и исправленіе бродягъ путемъ принудительной организаціи труда. Но этимъ задачи его не ограничивались; въ уставѣ проводится мысль, что благодаря производству суконъ изъ мѣстныхъ матеріаловъ удастся сократить ввозъ суконныхъ издѣлій изъ-за границы; этимъ можно уменьшить вывозъ денегъ изъ королевства (wywoż pieniędzy z Krolęstwa podług swoiey możności zmnieyszyć może [2]).

Фабрика, по свидѣтельству Дембовскаго, работала хорошо только въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Лике, завѣдующій фабрикой, не будучи въ состояніи справиться со всѣми нищими, отчасти въ виду переполненія, а отчасти незначительности капиталовъ, началъ понемногу распускать свою нищую братію. Среди нея много было такихъ инвалидовъ, которые ни въ коемъ случаѣ уже не могли работать на фабрикѣ и только поглощали ея средства. Фабрика была настолько переполнена въ первое время нищими, что нельзя было работать на станкахъ. При такихъ условіяхъ расчеты на то, что фабрика сможетъ сама содержать себя, оказались ошибочными. Сверхъ того, значительную часть матеріаловъ и орудій приходилось выписывать изъ-за границы. Это замѣтно удорожало издѣлія, не отличавшіяся

[1]) См. Dembowski—выше цит str 15, 32.
[2]) См. Radziszewski—выше цит. str. 323

къ тому же особой доброкачественностью. Въ этомъ отношеніи они значительно уступали иностраннымъ издѣліямъ. Понятно. сукна, плохія по качеству, дорогія по цѣнѣ не находили себѣ сбыта

Притокъ пожертвованій скоро сталъ ослабѣвать и въ результатѣ фабрика должна была пріостановить свою дѣятельность.

Причины упадка этой фабрики для насъ слишкомъ очевидны: невозможно основать здоровое промышленное предпріятіе на трудѣ нищихъ, бродягъ и калѣкъ. Богадѣльня, работный домъ, конечно. можетъ пользоваться трудомъ призрѣваемыхъ. Такое филантропическое или пенитенціарное учрежденіе можетъ существовать на средства, приходящія извнѣ. Для современниковъ не казалось страннымъ соединеніе въ одномъ предпріятіи такихъ противоположныхъ цѣлей. По крайней мѣрѣ послѣ упадка этой мануфактуры редакція одного изъ передовыхъ журналовъ (Dzien. Handl. [1]) ставитъ такой вопросъ: «*Чѣмъ объяснить упадокъ аналогичной варшавской фабрики, куда забирались бродяги (żebracy), съ цѣлями очищенія Варшавы отъ этого бремени*»? Редакція указываетъ на то, что и въ Варшавѣ фабрика вначалѣ процвѣтала; для обезпеченія ея существованія назначена была правительствомъ спеціальная сумма, было сдѣлано много пожертвованій, было приведено въ порядокъ соотвѣтствующее помѣщеніе, даже были видны ея полезные результаты. Кажется, это полезное учрежденіе было основано по мысли иностранца, и между тѣмъ ничто не помогло—фабрика закрылась, бродяги были распущены, домъ проданъ. Редакція, не понимая причины такой неудачи. обращается съ вопросомъ къ читателямъ, не можетъ ли кто изъ нихъ объяснить это явленіе.

„Нельзя ли было бы возобновить это полезное учрежденіе? Въ Варшавѣ, замѣчаетъ редакція, 96 000 жителей, едва ли не половина лѣнтяевъ (próżniaków) въ разныхъ классахъ, нѣкоторые изъ нихъ могли бы найти на фабрикѣ для себя занятія, а другіе за то, что лѣнтяйничаютъ (drudzy za to, że są próżniakami), могли бы дѣлать взносы на эту фабрику“ [2]).

Любопытно, что на Западѣ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху правильно организованныя мануфактуры, для которыхъ спеціально на-

[1]) Dz Hand. 1787 r.

[2]) Dz. Hand. 1787 r. str 505—507.

биралось бродячее и нищенствующее населеніе, а для руководства выписывались иностранные мастера—спеціалисты.

Въ 1721 г. рѣшено было устроить вблизи Граца суконную мануфактуру, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть и работнымъ домомъ. Авторъ проекта предлагалъ переловить и арестовать нужное количество нищихъ, бродящихъ по улицамъ г. Граца. Такимъ путемъ будутъ добыты и рабочія силы для мануфактуръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очищенъ городъ отъ нищихъ, ибо отъ страха всѣ остальные разбѣгутся изъ города. Жители обязаны будутъ за это доставить необходимый для веденія мануфактуры капиталъ, внося то, что они раньше раздавали нищимъ [1]).

Самъ Дембовскій неуспѣхъ краковской мануфактуры объяснялъ во-первыхъ тѣмъ, что не было прочнаго и постояннаго капитала, во-вторыхъ, не было ограниченно число нищихъ, и наконецъ, управленіе предпріятіемъ было довѣрено аптекарю, не имѣвшему никакого представленія о веденіи дѣла [2]). Все это побочныя причины. Если бы даже онѣ были устранены, то и въ такомъ случаѣ краковская суконная мануфактура не могла бы разсчитывать на успѣхъ. Она, конечно, могла бы существовать, какъ филантропическое, благотворительное учрежденіе, но не какъ промышленное предпріятіе, на которое еще возлагалась надежда, что оно можетъ содѣйствовать сокращенію ввоза иностранныхъ суконъ и уменьшенію вывоза за-границу звонкой монеты. Промышленное предпріятіе, основанное на трудѣ нищихъ, бродягъ, калѣкъ—это противоестественное явленіе, которое могло существовать только при зарожденіи фабричной промышленности.

Какъ крѣпостныя фабрики, такъ и фабрики—работные дома имѣли въ себѣ то общее, что въ нихъ господствовалъ принудительный трудъ. Какъ вторые, такъ и первыя не могли разсчитывать на прочное существованіе въ виду того, что въ основѣ ихъ лежало противорѣчіе, которое раньше или позже должно было привести къ гибели и банкротству. Азбучная истина—гдѣ трудъ организованъ принудительно, тамъ онъ не можетъ быть сколько-нибудь интенсивнымъ. „Сіи (рабочіе) не поощряемые заработкомъ, говоритъ современникъ, но по принужденію, едва вырабатываютъ то въ два дня, что въ оныхъ

[1]) Кулишеръ, выше цит. т. I, стр. 614.

[2]) См Dembowski—выше цит. str 83 и д.

странахъ за хорошій платежъ успѣваетъ сдѣлать одинъ работникъ... Я слышалъ много, что таковыя рукодѣлія будто приносятъ пользу, но ближе удостовѣрясь о всемъ, не нашелъ никакой пользы и неизбѣжно разореніе, а потому отнятіедохода у земледѣльца и народа“ [1]).

Въ этомъ фактѣ собственно и нужно видѣть основную причину неуспѣха попытокъ насажденія промышленности въ Польшѣ въ разсматриваемую эпоху, попытокъ, которыя приняли характеръ широкаго общественнаго движенія, захватившаго высшіе слои польской шляхты. Конечно, рядомъ существовали и другія причины, не благопріятствовавшія развитію фабричной промышленности, но онѣ уже имѣютъ второстепенное значеніе.

Представляетъ большой интересъ вопросъ о томъ, какъ сами современники объясняли причины неуспѣха этого движенія? Любопытныя соображенія по этому вопросу высказываетъ неизвѣстный авторъ одного публицистическаго произведенія, вышедшаго въ изслѣдуемую эпоху, подъ заглавіемъ: Uwagi nad Uwagami czyli Obserwacye nad książką, ktora w roku 1765 wyszła pod tytułem—Uwagi nad życiem J Zamojskiego.

„Надъ развитіемъ мануфактуръ въ странѣ, замѣчаетъ авторъ, многіе ломаютъ въ настоящее время голову; но похвальныя усилія пановъ осуществляются въ маломъ объемѣ, а съ другой стороны, не обѣщаютъ быть особенно прочными ..

Большая часть этихъ фабрикъ была основана въ частныхъ имѣніяхъ. Вслѣдствіе этого онѣ были лишены защиты, подвергаясь всѣмъ тѣмъ случайностямъ, какія происходили въ управленіи даннымъ имѣніемъ... Свобода и имущество фабрикантовъ и ремесленниковъ ничѣмъ не обезпечены, все это держитъ ихъ въ страхѣ, ничто не вырабатываетъ въ нихъ постоянной привязанности къ новымъ мѣстамъ. Бунтарскій духъ этихъ ремесленниковъ никогда не могъ примириться съ кнутомъ нѣкоторыхъ управляющихъ“ (str. 79).

„Что́ усилія частныхъ лицъ, направленныя къ насажденію мануфактуръ, говоритъ далѣе авторъ, были безрезультатны, этому нечего удивляться. Многіе изъ такихъ учредителей не имѣли никакого знакомства съ этой дѣятельностью, не сумѣли создать подходящей почвы для такихъ предпріятій. Часто не обращая вниманія на оби-

[1]) Сл. Вал. Стройновскій—Всеобщая экономія народовъ. 1817. Спб. т. I, стр. 342.

лiе или недостатокъ потребнаго сырья, на трудный или легкій сбытъ и другія условія, съ завязанными глазами организовали подобныя предпріятія (zatem często bez zapatrzywania się na obfitość lub niedostatek potrzebnych materyałów, na trudne czy łatwe fabrikatów odbycie i inne okoliczności, na ślepo takie przedsięwzięcia stanowili); у нѣкоторыхъ не доставало для осуществленія такихъ замысловъ достаточныхъ средствъ и кредита, въ виду чего они слишкомъ скоро хотѣли возвратить вложенный капиталъ и часто давали попять мастерамъ, что ихъ выписывали не для личнаго заработка, или пользы страны, но именно для обогащенія собственника; другіе хотя съ достаточной гуманностью относились къ ремесленникамъ, однако своимъ наслѣдникамъ не связывали рукъ, чтобы эти не могли притѣснять новоселовъ и жестоко обходиться съ ними (aby się nad temi nowosiedlcami pastwić i ich uciemiężać nie mogli), но оставляли ихъ безъ всякаго обезпеченія правъ на судьбу, зависимую отъ настроенія мѣстнаго самодержца (na los dependujący od humoru miejscowego samodziercy zostawili). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежде всего позаботились о выпискѣ ремесленниковъ, и когда послѣдніе прибывали, немало удивлялись тому, что ремесленники не умѣли ничего дѣлать изъ ничего и только послѣ этого начинали думать о матеріалѣ, орудіяхъ, станкахъ и зданіяхъ. Въ такомъ положеніи автору пришлось видѣть зарожденіе одной суконной мануфактуры, гдѣ сукнодѣлы, стригальщикъ и красильщикъ, не привезли съ собой матеріаловъ и орудій, нужныхъ для производства, а равно и не имѣли капиталовъ, достаточныхъ для жизни; пока покупали шерсть, устанавливали станки, прялки и пр., и въ особенности пока поставили громоздкія принадлежности для стригальщика и красильщика, пришлось около полугода содержать ремесленниковъ, которые, не имѣя работы, съ тоски проводили время на господскомъ дворѣ и тамъ занимались игрой, музыкой и пьянствомъ. За такое продолжительное время они успѣли отвыкнуть отъ работы, такъ что когда призвали ихъ къ станкамъ, то рука ихъ, вмѣсто управленія челнокомъ, продѣлывала тѣ движенія, которыя необходимы для игры въ кегли, а ноги вмѣсто работы на подножкахъ, выдѣлывали танцевальные па (a nogi co miali podnóżki przebierać, to formowały taneczne pląsy), а тутъ еще при скучной работѣ висѣлъ на шеѣ долгъ, заключенный во время бездѣлья, приведшій многихъ до такого отчаянія, что они все побросали и поуходили. Итакъ фабрики пріостановили свою дѣятельность, капиталы,

вложенные въ нихъ, погибли; и ремесленникъ чаще всего превращался въ бродягу и празднолюбца (na włóczęgę i hultajskie się udał życie)“ [1]).

Впрочемъ, авторъ сообщаетъ и объ одномъ удачномъ случаѣ учрежденія мануфактуры: здѣсь изъ Силезіи было выписано 24 семейства. Каждое изъ нихъ получило не только квартиру, станокъ, орудія и нужное сырье, но также и домашнюю утварь, овощи, живность и даже на нарахъ солому или другую подстилку [2]). Оказывается, панская заботливость объ иностранныхъ мастерахъ доходила иногда и до такихъ предѣловъ.

Въ этомъ свидѣтельствѣ современника для насъ цѣнны два положенія: первое то, что паны, основывая мануфактуры въ своихъ имѣніяхъ, не имѣли никакого представленія о томъ дѣлѣ, за которое брались; не справлялись съ тѣмъ, можетъ ли данное предпріятіе разсчитывать на сбытъ своихъ издѣлій, найдетъ ли оно въ достаточномъ количествѣ нужный матеріалъ, а равно игнорировали и другіе вопросы, имѣвшіе первостепенное значеніе для промышленнаго предпріятія.

Всю задачу своей дѣятельности помѣщики видѣли только въ томъ, чтобы выписать изъ-за границы нужныхъ ремесленниковъ. нерѣдко забывая о томъ, что ихъ нужно обезпечить соотвѣтствующимъ матеріаломъ, орудіями, инструментами, помѣщеніемъ и т. д.

Магнаты, устраивая въ своихъ имѣніяхъ мануфактуры, мало заботились о сбытѣ своихъ издѣлій, по крайней мѣрѣ на страницахъ популярнаго въ ту эпоху Dzien. Handl. мы находимъ частыя жалобы на то, что никому неизвѣстны ни цѣны издѣлій помѣщичьихъ мануфактуръ, ни размѣръ сбыта.

Второе весьма важное обстоятельство заключалось въ томъ, что магнаты, хотя обычно и сулили различнаго рода льготы и привилегіи иностранцамъ, но въ дѣйствительности часто обращались съ

---

[1]) См. Uwagi nad Uwagami czyli Obserwacye nad książką, ktora w roku 1785 wyszła pod tytułem—Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego. Wyd. Kaz. Turowskiego. W Krakowie, 1861, str. 88

[2]) Ibid. str. 89. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ эту эпоху было обычнымъ явленіемъ обезпеченіе иностранныхъ мастеровъ квартирой. Такъ въ Dzien. Handl. часто встрѣчаются объявленія такого рода: „ищутъ искусныхъ ткачей, для которыхъ уже приготовлены дома съ усадьбами“ (1792 г. str. 215). Нерѣдко мастерамъ предоставлялись еще и выгоны (Dz. Hand. 1789 г. str. 34).

ними такъ, какъ съ крѣпостными. Нерѣдко иностраннымъ выходцамъ приходилось знакомиться и съ кнутомъ экономовъ. Ихъ личность, ихъ имущество ничѣмъ не были обезпечены отъ произвола пана или его управляющихъ. „Сколько было случаевъ, пишетъ извѣстный намъ иностранецъ Бецу [1]), принимавшій близкое участіе въ насажденіи фабричной промышленности въ Польшѣ, когда образованный панъ съ большимъ стараніемъ, не жалѣя средствъ заботился о насажденіи ремеслъ въ своихъ владѣніяхъ, но что же? По его смерти все это погибало, только потому, что его наслѣдникъ менѣе просвѣщенный держался противоположныхъ взглядовъ. Мнѣ самому часто приходилось наблюдать, какъ при самыхъ искреннихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ пана, всѣ его попытки къ насажденію ремеслъ оказывались безрезультатными въ виду того, что ремесла и торговля требуютъ полной обезпеченности и свободы, а не зависимости отъ ласки и капризной воли (dziwaczney woli) одного человѣка. Знаю одинъ городъ, гдѣ владѣлецъ, прекрасно понимая, какъ нужны для края иностранные ремесленники, не могъ однако удержать у себя никого, по той простой причинѣ, что камердинеръ нѣмецъ, вкравшись въ его довѣріе, всякаго, кто ему не нравился, такъ очернялъ передъ владѣльцемъ, что лишалъ его панской ласки".

Зависимость отъ воли пана хорошо охарактеризована въ этихъ словахъ Бецу, служившаго между прочимъ и у Тизенгауза, и слѣдовательно, близко знавшаго положеніе иностранныхъ мастеровъ въ панскихъ имѣніяхъ. При такихъ условіяхъ иностранцы не могли съ особой охотой стремиться въ Польшу [2]).

Если и переселялись сюда иностранцы, то именно тѣ, которые не могли разсчитывать на успѣхъ въ своей странѣ, которые не могли сколько-нибудь сносно устроиться дома, т. е. иначе го-

---

[1]) См. Dziennik Handlowy 1787—Uwagi Becu Kontrolera Kommissyi Skarbu Litewskiego o Handlu, Rękodziełach y Fabrykach Polskich w powszechności.

[2]) Слѣдуетъ упомянуть, что процвѣтаніе промышленности во всѣхъ почти странахъ основывалось на первыхъ порахъ на иностранной иммиграціи. Забота о насажденіи промышленности въ эту эпоху прежде всего выражалась въ привлеченіи изъ-за границы промышленныхъ элементовъ населенія. Практиковалась въ широкихъ размѣрахъ систематическая вербовка иностранцевъ правительственными агентами и бюро, путемъ дарованія разныхъ льготъ и привилегій. См. Schmoller—Umrisse und Untersuchungen zur Verf.—Verw.—u. Wirtschaftsgeschichte, Leipzig, 1898, s 570.

воря—худшіе элементы, которые, переселяясь въ Польшу, ничего собственно не теряли. На это обстоятельство указываетъ тотъ же Бецу. „Часто, говоритъ онъ, въ Польшу приходятъ одни только плохіе ремесленники (tylko sami partacze), которые нигдѣ не могли найти себѣ занятій, или тѣ неспокойныя буйныя головы, которыя не хотѣли подчиняться твердой власти въ другихъ мѣстахъ“ (lub owe niespokoyne głowy i kłotnicy, którzy się pod rząd dobry gdzieindziéy poddać nie chcieli). Выписывая мастеровъ изъ-за границы, магнаты ставили обычно имъ условіе, пріемъ на выучку крѣпостныхъ. Повидимому, иностранцы не охотно выполняли это условіе: такъ Dzien-Handl. по одному такому случаю высказываетъ пожеланіе, чтобы впредь не случалось того, что произошло разъ на одной мануфактурѣ, гдѣ выписанные мастера не захотѣли обучить своему искусству и одного поляка и гдѣ расходы по ихъ выпискѣ оказались безцѣльными (na próżno) [2]). Наплывъ такихъ негодныхъ элементовъ не могъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію фабричной промышленности. Поэтому Бецу и могъ сказать, что мы не имѣемъ ни настоящей торговли, ни такой промышленности, какія должны были бы быть (że ani prawdziwego handlu, ani rękodzieł nie mamy takich, iakie by bydź powinny). По его мнѣнію, „напрасно даже говорить о тѣхъ средствахъ, которыми можно подвинуть промышленность и торговлю, такъ какъ народъ еще далекъ отъ того, чтобы даже подумать объ этихъ средствахъ“. Въ виду чего Бецу въ своемъ заключительномъ обращеніи къ редактору, совѣтуетъ не льстить народу, указаніемъ на его торговлю и промыслы, но почаще ставить ему на видъ, какъ еще до сихъ поръ они ничтожны въ странѣ (ale owszem wystawiay mu iako nayczęściéy przed oczy iak te dotąd ieszcze w kraiu są nikczemnę).

Суммируя высказанное современниками, мы можемъ вкратцѣ такъ формулировать причины безуспѣшности попытокъ насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа. Господство натуральнаго хозяйства на почвѣ крѣпостного права не благопріятствовало зарожденію фабричной промышленности. Съ одной стороны, не было подходящаго рынка сбыта, а съ другой—фабричное предпріятіе съ принудительной организаціей труда ни въ коемъ случаѣ не могло кон-

---

[1]) См. Dzien. Hand. 1787 r. str. 193—194.

курировать съ тѣми предпріятіями, которыя уже пользовались свободнымъ трудомъ.

Почему же польскія шляхетскія фабрики не могли воспользоваться трудомъ иностранныхъ мастеровъ? Прежде всего соціальный и политическій строй Рѣчи Посполитой не благопріятствовалъ приливу здоровыхъ жизнеспособныхъ элементовъ изъ-за границы. Шляхетская республика, гдѣ гражданами государства являлись одни шляхтичи, ни въ какомъ случаѣ не могла представляться для иностранцевъ такой страной, переселеніе куда являлось бы особенно желательнымъ. Правда, въ послѣдніе годы независимаго существованія Рѣчи Посполитой были сдѣланы попытки къ ослабленію исключительнаго преобладанія шляхты, но эти попытки, какъ увидимъ ниже, были слишкомъ ничтожны, чтобы могли существенно измѣнить основы политическаго и соціальнаго строя Рѣчи Посполитой.

Иностранные мастера, попадая въ совершенно чуждую имъ обстановку, являлись какъ бы гостями и конечно, не могло быть и рѣчи о сліяніи ихъ съ городскимъ классомъ.

Необходимо имѣть въ виду и то, что около этого времени промышленность энергично насаждалась и въ сосѣднихъ государствахъ, въ Пруссіи и Австріи. Въ этихъ странахъ еще не успѣлъ образоваться излишекъ труда, не находившій себѣ помѣщенія дома. Только худшіе элементы ремесленнаго класса—неудачники, плохіе мастера, авантюристы охотно переселялись въ Польшу, потому что дома имъ нечего было дѣлать. Понятно, среди нихъ встрѣчались исключенія—честные и знающіе люди, но для прочнаго обоснованія промышленности ихъ было недостаточно.

Въ опредѣленіи причинъ, обусловившихъ безуспѣшность всѣхъ попытокъ насажденія промышленности въ Польшѣ, мы кореннымъ образомъ расходимся съ тѣми польскими изслѣдователями, которые видятъ основную причину этой неудачи въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, постигшихъ Польшу въ концѣ XVIII в.

Совокупностью указанныхъ условій и объясняется то, что попытки насажденія промышленности въ Польшѣ въ послѣднюю эпоху ея независимаго существованія оказались безуспѣшными. Мануфактуры, возникавшія въ шляхетскихъ имѣніяхъ какъ грибы, также скоро и исчезали. Можно сказать, что данная эпоха, невзирая на значительную затрату матеріальныхъ средствъ, не только не со-

здала польской промышленности, но даже не заложила для нея прочнаго фундамента.

Интересное освѣщеніе поставленнаго вопроса мы находимъ въ одномъ изъ современныхъ польскихъ журналовъ.

Въ Pamiętnik'ѣ за 1790 г. былъ помѣщенъ краткій переводъ энциклопедіи Krunitz'a подъ заглавіемъ Jakie są nieochybne środki zaszczepienia w kraiu iakim Industryi (напис. въ духѣ кольбертизма). Редакція снабдила этотъ переводъ такимъ интереснымъ примѣчаніемъ (str. 989): „наша страна не имѣетъ до сихъ поръ ни тѣни индустріи (nie miał ani cienia industryi). Почему? Потому, что наша промышленность не имѣла никакой поддержки, никакой помощи со стороны законодательства. У насъ одно шляхетство, хотя бы праздное и безполезное, было въ почетѣ и уваженіи. Народъ, находящійся въ теченіе двухъ столѣтій въ рабствѣ у шляхты, не могъ отличаться ни промыслами, ни остротой ума. Шляхта могла бы быть промышленной и умственно развитой, если бы она трудилась; но она заставляла народъ работать на себя, сама ничего не дѣлала, отсюда промышленность стала какъ бы неестественнымъ явленіемъ для поляковъ. Народъ отупѣлъ, такъ что теперь не только не найдешь среди поляковъ хорошаго артиста, купца, фабриканта, ремесленника, но даже овчаръ-полякъ представляетъ изъ себя рѣдкое явленіе. Если правительство хочетъ развивать въ странѣ промышленность, то оно должно уничтожить рабство. Пусть дастъ свободу желающимъ взяться за это! пусть горожане получатъ почетъ и защиту! Если же правительство не хочетъ этого дѣлать, то пусть не говоритъ о славѣ, счастьи народа, пусть не касается въ своихъ проектахъ индустріи, такъ какъ это значитъ возводить крышу и стѣны безъ фундамента".

Въ этихъ искреннихъ, горячихъ словахъ ясно выражена основная язва политическаго и соціальнаго строя Польши, приведшая въ концѣ концовъ къ гибели и самое государство.

Неужели же вѣкъ Ст. Августа такъ и прошелъ безслѣдно для исторіи польской промышленности?

Нѣтъ, и эта эпоха оставила свой слѣдъ въ исторіи польской промышленности, если не въ реальномъ значеніи, то въ идейномъ. Она произвела переворотъ въ общественномъ мнѣніи, во взглядахъ на промышленность, на торгово-промышленный классъ. Раньше шляхта считала для себя позоромъ заниматься веденіемъ промышленных предпріятій, видѣла въ этомъ униженіе своего шляхетскаго

достоинства. Эпоха Ст. Августа, когда открытіе фабричныхъ предпріятій сдѣлалось прямо признакомъ хорошаго тона, произвела въ этомъ отношеніи существенныя измѣненія. Высшіе представители польской аристократіи другъ передъ другомъ спѣшили открывать промышленныя предпріятія, давали свои имена и фамиліи торгово-промышленнымъ компаніямъ. Это должно было поднять въ глазахъ всего польскаго общества промысловую дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея представителей. Такимъ образомъ, возвысилось значеніе торгово-промышленнаго класса. Это обстоятельство имѣло весьма важное значеніе для послѣдующаго періода. Оно выдвинуло на очередь рядъ новыхъ проблемъ для экономической политики государства. До эпохи Ст. Августа экономическая политика Речи Посполитой носила рѣзко выраженный аграрный характеръ. На первый планъ всегда выдвигались только интересы сельскаго хозяйства. Въ вѣкъ Ст. Августа впервые въ кругъ задачъ государственнаго управленія вошла забота о развитіи и насажденіи промышленности. Впервые въ Польшѣ экономическая политика брала подъ свою защиту индустрію. Отнынѣ уже не видѣли ничего унизительнаго, позорнаго въ занятіяхъ промыслами и торговлей. На пути включенія промышленности въ кругъ основныхъ задачъ государственнаго управленія было трудно начало, и это начало было сдѣлано въ эпоху Ст. Августа, когда, подчиняясь модному увлеченію, польская аристократія во главѣ съ королемъ взялась за учрежденіе мануфактуръ въ своихъ помѣстьяхъ. Теперь трудно понять всю важность этого шага, но если мы вспомнимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находился въ Польшѣ торгово-промышленный классъ, а равно и занятіе промыслами и торговлей, тогда важность и значеніе этого перваго шага, такого повидимому незначительнаго, представится намъ въ другомъ свѣтѣ.

Этотъ шагъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ произвелъ идейный переворотъ въ умахъ польскаго общества, въ его взглядахъ на промышленность и на ея дѣятелей.

Таково идейное значеніе данной эпохи.

Помимо того, опыты насажденія промышленности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказали извѣстное вліяніе на развитіе и распространеніе кустарныхъ промысловъ. Бывали случаи, когда гибнувшая мануфактура полагала начало кустарной промышленности. Крѣпостные, обученные иностранными мастерами, по прекращеніи ея, пользовались пріобрѣтенными знаніями, опытомъ, продолжая заниматься дан-

нымъ промысломъ въ качествѣ кустарнаго мастерства. Подобное явленіе было констатировано и въ Россіи въ отношеніи помѣщичьей фабрики г. Туганъ-Барановскимъ. Мануфактура, основанная тѣмъ или другимъ магнатомъ въ своемъ помѣстьи, нерѣдко являлась очагомъ новой отрасли кустарной промышленности или источникомъ усовершенствованія старой.

Охарактеризованное нами движеніе въ пользу насажденія промышленности ни въ коемъ случаѣ не являлось изолированнымъ въ данной исторической обстановкѣ. Это было одно изъ многихъ теченій въ томъ стремительномъ потокѣ новыхъ вѣяній, который увлекъ польское общество въ этотъ великій историческій моментъ. Здѣсь сказался общій подъемъ, пережитый Польшей наканунѣ своего паденія.

Эпоху Ст. Августа не даромъ польскіе историки называютъ эпохой реформъ. Первый раздѣлъ Польши (1772 г.) былъ ударомъ грома, раскрывшимъ глаза передовой части общества на то трагическое положеніе, въ какомъ очутилась нѣкогда великая и славная Рѣчь Посполитая. И до этого рокового момента раздавались отдѣльные голоса, указывавшіе на необходимость соціальныхъ и политическихъ реформъ[1]). Немногочисленные сторонники реформъ группировались главнымъ образомъ вокругъ извѣстной фамиліи Чарторыйскихъ, стремившихся осуществить кое-что изъ своихъ реформаторскихъ плановъ на сеймахъ 1764 г. Катастрофа 1772 г. объединила эти прогрессивные элементы, дала имъ большую силу и смѣлость въ осуществленіи задуманныхъ плановъ и такимъ образомъ послужила тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который содѣйствовалъ зарожденію уже цѣлой партіи реформъ, объединившейся первоначально вокругъ эдукаціонной коммиссіи.

Въ задачу нашего изслѣдованія не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ реформъ данной эпохи. Насъ могутъ интересовать только тѣ реформы, которыя должны были имѣть ближайшее и непосредственное отношеніе къ зарождавшейся промышленности.

Въ ряду такихъ реформъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить городскую реформу.

---

[1]) См. Карѣевъ—Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Спб. 1888 г. стр. 363.

Внѣшнимъ поводомъ къ этой реформѣ послужила подача петиціи четырехлѣтнему сейму депутаціей, выбранной отъ всего городского сословія въ Польшѣ. Организаторомъ этого выступленія на политическую арену горожанъ явился выдающійся человѣкъ своего времени президентъ Варшавскаго городского совѣта Декертъ; скрытымъ вдохновителемъ же былъ извѣстный представитель партіи реформъ Коллонтай, подавшій идею этого выступленія и составившій записку, гдѣ была изложена исторія городовъ, ихъ прежнія права и вольности Основная мысль этой записки сводилась къ тому, что мѣщанство въ Польшѣ являлось въ старину вполнѣ свободнымъ сословіемъ, и теперь оно просило только о возстановленіи своихъ потерянныхъ правъ.

Глубокая важность выдвинутой реформы именно для народнаго хозяйства, помимо политической и соціальной ея стороны, хорошо сознавалась врагами Речи Посполитой. Одинъ изъ такихъ враговъ прусскій посланникъ, хитрый Люккезини такъ оцѣнивалъ значеніе этой реформы: „пока мѣщанскій классъ, состоящій въ большинствѣ изъ нѣмцевъ, находится въ порабощеніи у шляхты, никому не придетъ охоты переселяться въ Польшу и заводить тутъ промыслы; но если мѣщане добьются участія въ управленіи, тогда много иностранныхъ мѣщанъ сюда перейдетъ“. Король Фридрихъ-Вильгельмъ вполнѣ одобрялъ эти соображенія. „Если бы польскимъ городамъ, говорилъ онъ, удалось возвратить себѣ свои давнія привилегіи, то изъ моихъ владѣній промышленники стали бы выселяться въ Польшу“ [1]).

Въ этихъ словахъ мы находимъ лучшую оцѣнку всей важности городской реформы для экономическаго преуспѣянія страны. Разъ городскому классу удалось бы выйти изъ того безправнаго положенія, въ какомъ онъ находился, то это неизбѣжно вызвало бы приливъ здоровыхъ и жизнеспособныхъ элементовъ изъ сосѣднихъ странъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подняло бы самодѣятельность польскихъ городовъ. Въ лицѣ горожанъ новое теченіе въ области промышленности нашло бы себѣ горячихъ сторонниковъ, болѣе способныхъ, чѣмъ представители польской знати. Важное экономическое значеніе поставленной на очередь реформы прекрасно сознавали прогрессивные дѣятели данной эпохи. Такъ одинъ изъ нихъ Іоахимъ Хребтовичъ при обсу-

[1]) См. Костомаровъ—Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой т. XVII и XVIII. Спб. 1905 стр 184

женіи петиціи замѣтилъ слѣдующее: „старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ—и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что̀ дѣлали эти короли и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всемъ краѣ“ [1]).

Послѣ упорной борьбы съ консервативной партіей сторонникамъ реформы удалось въ 1791 г. провести ее, хотя и въ довольно скромныхъ размѣрахъ.

Сеймовыми конституціями за всѣми *королевскими* городами были признаны права самоуправленія. Имъ было предоставлено право избранія уполномоченныхъ, изъ которыхъ выбирались делегаты въ комиссію скарбовую, полицейскую и асессоріи. Въ дѣлахъ, касающихся городовъ и торговли, уполномоченные имѣли рѣшающій голосъ, а въ прочихъ дѣлахъ—совѣщательный. Послѣ двухлѣтней службы въ своемъ званіи они получали дворянское достоинство. На горожанъ далѣе былъ распространенъ законъ neminem captivabimus (недопустимость тюремнаго заключенія прежде, чѣмъ не будетъ доказана вина), было предоставлено право занимать государственныя и земскія должности съ нѣкоторыми исключеніями, право покупки земскихъ имѣній; причемъ купившій такое имѣніе, съ котораго вносится подати десятаго гроша не менѣе 200 зл., получалъ дворянское достоинство. Наконецъ, шляхтѣ дозволялось вступать въ мѣщанское званіе и заниматься промыслами и торговлею безъ потери шляхетства [2]).

Изъ этого краткаго перечня новыхъ конституцій видно, что реформа городского класса носила половинчатый характеръ; политическихъ правъ, въ сущности говоря, горожане не получили.

Автономія городовъ сильно ограничивалась тѣмъ, что они были лишены права издавать статуты и были подчинены строгому кон-

---

[1]) Ibid. Стр. 183. „Большинство сторонниковъ реформы городского класса, замѣчаетъ Пилатъ, защищало реформу съ экономической точки зрѣнія. Нарисовавъ въ яркихъ и вѣрныхъ краскахъ упадокъ торговли, промышленности и общаго благосостоянія въ странѣ и указавъ на вытекавшія отсюда бѣдствія, они видѣли главную причину этого въ упадкѣ городовъ и мѣщанъ.. Не касаясь почти совершенно политической стороны вопроса, сторонники реформы добивались правъ для мѣщанъ, какъ средства для экономической реформы, которая одна можетъ спасти страну передъ неизбѣжной гибелью“. См. Pilat—O Literaturze politycznej Sejmu czteroletniego (1788—1792) str. 162, w Krakowie 1872.

[2]) Костомаровъ, стр 248; Кутшеба—выше цит. 184—185.

тролю центральныхъ властей. Что́ еще важнѣе, новая реформа коснулась исключительно королевскихъ городовъ. На частные города, положеніе которыхъ въ Польшѣ было особенно печально, сеймовыя постановленія могли распространяться только въ случаѣ согласія ихъ владѣльцевъ. Предполагалось, что шляхта по собственной иниціативѣ станетъ освобождать владѣльческіе города [1]).

Еще одно обстоятельство подрывало въ корнѣ эту скромную реформу. Лучшіе элементы городского сословія по тѣмъ и другимъ поводамъ, весьма многочисленнымъ, получали дворянское званіе. Покупка болѣе значительнаго имѣнія, полученіе нѣкоторыхъ военныхъ чиновъ, двухлѣтнее исполненіе обязанностей уполномоченнаго,—все это влекло за собой причисленіе къ дворянству. Наконецъ, каждому сейму было предоставлено право возводить въ дворянство 30 лицъ изъ мѣщанъ, отличившихся по службѣ или извѣстныхъ своею дѣятельностью въ области промышленности и торговли. Благодаря этому, городской классъ искусственно лишался лучшихъ, болѣе энергичныхъ элементовъ, переходившихъ въ ряды шляхты. Все болѣе талантливое, даровитое, стоявшее во главѣ городского сословія уходило изъ него. Это должно было создавать соціальную приниженность мѣщанства. Здѣсь, несомнѣнно, лежитъ наиболѣе слабая сторона городской реформы, которая уже сама по себѣ осуждала ее на мертворожденность. Любопытно, что и нѣкоторые современные наблюдатели польской жизни ясно подмѣтили этотъ слабый пунктъ реформы. „Болѣе сильные энергичные элементы изъ среды горожанъ, замѣчаетъ одинъ изъ такихъ современниковъ Шульцъ, въ силу новаго закона переходятъ въ шляхетскій классъ. Благодаря этому, тѣ привилегіи, которыя были даны мѣщанамъ, являлись обманомъ; положеніе ихъ только ухудшалось лишеніемъ тѣхъ, которые служили имъ опорой“ [2]). Также отрицательно къ этой реформѣ относится и другой иностранецъ Бистеръ. „Что можетъ выиграть городской классъ, разъ онъ всегда будетъ лишаться самыхъ почтенныхъ и самыхъ заслуженныхъ членовъ“, спрашиваетъ этотъ современникъ [3]).

Такимъ образомъ важная реформа городского класса не была рѣшена такъ, какъ того требовали интересы государства. Безпри-

[1]) См. Карѣевъ—Польскія реформы XVIII вѣка, Спб 1890. Стр. 171.

[2]) См Fr. Szulc—выше цит. str. 118–119.

[3]) См. у Liske—выше цит, str. 274.

страстное мнѣніе современниковъ ясно показываетъ, какъ должны были отнестись къ такой реформѣ иностранцы. Конечно, ни въ коемъ случаѣ нельзя было разсчитывать на то, что она вызоветъ приливъ иностранныхъ ремесленниковъ и подниметъ дѣятельность польскаго городскаго сословія. О проведеніи реформы на практикѣ нельзя ничего сказать, такъ какъ она была осуществлена наканунѣ политической смерти Рѣчи Посполитой. Одно несомнѣнно, что съ принципіальной точки зрѣнія эта реформа не отличалась ни широтой, ни послѣдовательностью, и потому не могла бы сколько-нибудь серьезно содѣйствовать экономическому подъему польскихъ городовъ даже при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Другая важная реформа интересующей насъ эпохи—реформа крестьянскаго класса, которая также могла бы имѣть большое значеніе для экономическаго благосостоянія страны, не была сколько-нибудь серьезно затронута на четырехлѣтнемъ сеймѣ и даже конституціей 3 мая (1790 г.). Въ послѣдней мы находимъ одно постановленіе (ст. 4), опредѣляющее правовое положеніе хлоповъ. Оно отдаетъ крестьянъ „подъ покровительство закона и правительства страны“, признаетъ законную силу за всякими договорами, заключаемыми хлопами съ господами. Обезпечиваетъ свободу всѣмъ иностранцамъ, поселяющимся въ Польшѣ, а равно и бѣглецамъ, возвращающимся въ свое отечество. Такъ былъ рѣшенъ крестьянскій вопросъ конституціей 3 мая, вопросъ, который горячо обсуждался современной публицистикой, высказавшейся въ лицѣ своихъ передовыхъ дѣятелей за полное освобожденіе хлоповъ. Для всякаго понятно, что „покровительство закона“, обѣщанное конституціей, должно было оставаться на бумагѣ, разъ не были установлены власти для его осуществленія и не была точно опредѣлена самая сущность этого „покровительства“ [1]).

Такое рѣшеніе центральнаго вопроса государственной жизни Рѣчи Посполитой не представляетъ ничего удивительнаго для насъ,

---

[1]) См Костомаровъ—выше цит. стр 258—59; ст 4 приведена полностью: ср. Кутшеба—выше цит стр. 187. Польскій историкъ Калинка признаетъ, что IV ст конституціи 3 мая почти ничего не сдѣлала для крестьянъ. Наоборотъ, Корзонъ не считаетъ принятіе крестьянъ подъ опеку закона и правительства страны за пустую фразу, хотя и соглашается съ тѣмъ, что по той или другой причинѣ не былъ выработанъ спеціальный законъ, который защищалъ бы хлопа. См. Карѣевъ—Польскія реформы... стр. 163.

если мы вспомнимъ, что его рѣшала шляхта, исключительно жившая трудомъ крѣпостныхъ.

Узко классовые интересы мѣшали ей оцѣнить всю первостепенную важность вопроса и рѣшить его такъ, какъ того требовало общее благо, а не свое личное благополучіе.

Для характеристики отношенія шляхты къ крестьянской реформѣ любопытна исторія съ проектомъ кодекса законовъ, составленнымъ по порученію сейма Андреемъ Замойскимъ (1776 г.). Этотъ проектъ былъ исключительно отвергнутъ потому, что онъ предоставлялъ нѣкоторыя льготы хлопамъ. Даже жизни составителя этого проекта угрожала опасность.

Несравненно болѣе радикально, чѣмъ конституція 3 мая, рѣшалъ крестьянскій вопросъ знаменитый поланецкій универсалъ Костюшки, изданный въ его диктаторство (1794 г.). Вторая статья универсала гласила: „всякій поселянинъ лично свободенъ, можетъ водворяться, гдѣ ему угодно, сдѣлавши въ порядковой комиссіи заявленіе о томъ, гдѣ онъ намѣренъ водвориться, заплативъ свои долги, если таковые окажутся, и общественныя подати“ [1]).

Этотъ универсалъ, изданный съ цѣлью поднять крестьянство на защиту погибающей отчизны, остался мертвой буквой прямо съ момента своего появленія на свѣтъ.

Такимъ образомъ двѣ центральныя реформы эпохи Ст. Августа, городская и крестьянская, оказались несостоятельными, какъ равно и все это реформаторское теченіе. Неуспѣхъ этихъ реформъ нельзя объяснять исключительно тѣмъ, что не было уже времени для ихъ осуществленія (довольно обычное объясненіе у польскихъ историковъ). Причины неудачи лежатъ глубже. Въ данномъ случаѣ мы приведемъ безпристрастное мнѣніе по этому вопросу одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ г. Грабскаго. „Въ концѣ XVIII в. партія реформъ объединила все, что было въ Польшѣ европейски просвѣщеннаго и образованнаго. Эти просвѣщенные элементы взяли въ свои руки руководительство государственной жизнью страны. И такимъ образомъ началось правленіе просвѣщенной диктатуры. Съ деспотизмомъ другихъ государствъ оно имѣло то общее, что вопреки волѣ народа вело его къ экономическому, соціальному и культур-

[1]) См Костомаровъ—стр. 591–595.

ному прогрессу. Но оно не было и не могло быть деспотичнымъ, потому что дѣйствовало во имя и по поручительству той шляхетской массы, которая не понимала и не чувствовала необходимости реформъ, выполняемыхъ ея представителями".

Въ этомъ, по мнѣнію Грабскаго, и кроется источникъ тѣхъ удивительныхъ противорѣчій, которыми полна польская исторія данной эпохи.

„Рядомъ съ диктаторской властью сейма, которой народъ подчиняется не хуже, чѣмъ сосѣдніе народы своимъ деспотамъ, мы встрѣчаемъ отдѣльныхъ пословъ, вѣрныхъ программамъ своихъ сеймиковъ, упорныхъ противниковъ реформы, парализующихъ дѣятельность сейма своей постоянной оппозиціей. Далѣе шляхта признаетъ диктатуру Костюшки, исполняетъ его универсалы, касающіеся какъ всеобщаго ополченія, такъ и сокращенія барщины, и одновременно съ этимъ она же принуждаетъ женъ выполнять повинности за мужей, поступившихъ въ ополченіе и затѣмъ, по прекращеніи революціи, отбираетъ у хлоповъ вольности и продаетъ спустя два года имѣнія по числу душъ".

Эти противорѣчія, по мнѣнію автора, легко объяснимы. Поворотъ мысли въ концѣ XVIII в. и въ началѣ XIX в. совершился въ Польшѣ только среди отдѣльныхъ болѣе образованныхъ лицъ, составлявшихъ аристократію ума. Эта аристократія взяла въ свои руки моральную диктатуру надъ шляхтой, уже въ массѣ возрожденной въ своихъ гражданскихъ чувствахъ; что касается соціальныхъ воззрѣній, то эти двѣ неравныя группы были раздѣлены цѣлой пропастью [1]).

Темная, невѣжественная шляхетская масса въ общемъ относилась отрицательно къ реформаторскому теченію. Въ силу этого всѣ начинанія прогрессистовъ не могли привиться въ Польшѣ, не находя для себя подходящей почвы. Само собой разумѣется, половинчатыя, къ тому же еще запоздалыя реформы не могли сколько-нибудь содѣйствовать экономическому оздоровленію страны и не могли оказать какое-нибудь вліяніе на развитіе промышленности. Если мы вкратцѣ и коснулись этихъ реформъ въ спеціально экономическомъ изслѣдо-

[1]) См. Dr St Grabski-Zarys Rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce t. I, w Krakowie 1903 str. 244—45.

ваніи, то только для общей характеристики данной эпохи, а отчасти и для освѣщенія тѣхъ сторонъ соціальной жизни, которыя могли имѣть близкое отношеніе къ зарождавшейся промышленности. Выводъ нашъ тотъ, что соціальныя реформы въ концѣ XVIII столѣтія въ Польшѣ не могли поколебать основъ патуральнаго хозяйства, господствовавшаго въ странѣ, а слѣдовательно, не могли и оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія на зарожденіе новыхъ формъ промышленной жизни.

Политически слабая, умирающая Польша не могла, разумѣется, вести своей экономической политики въ такомъ направленіи, чтобы оказывать покровительство насаждаемой промышленности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ заключенные въ изслѣдуемую эпоху торговые договоры. Наиболѣе важное значеніе для экономическаго преуспѣянія Польши имѣло торговый договоръ съ Пруссіей. Въ Пруссіи, въ это время царствовалъ энергичный Фридрихъ Великій, крайній приверженецъ кольбертизма. Само собой разумѣется, такой убѣжденный меркантилистъ, не имѣвшій надобности стѣсняться въ своихъ требованіяхъ, предъявлясмыхъ къ обезсиленной Польшѣ, въ торговомъ договорѣ съ ней долженъ былъ откровенно проводить интересы своей страны. По договору[1]), заключенному съ прусскимъ королемъ въ 1775 г., съ прусскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Польшу и съ польскихъ товаровъ, вывозимыхъ въ Пруссію, пошлина была установлена въ 2% отъ цѣны товаровъ (ad valorem), съ иностранныхъ товаровъ, закупаемыхъ въ прусскихъ городахъ по 4%; на иностранные товары, идущіе въ Польшу, и польскіе товары, идущіе за-границу была установлена пошлина въ 12%. Въ этомъ торговомъ договорѣ ясно и опредѣленно проводится тенденція—направить всю польскую торговлю черезъ Пруссію, сдѣлать послѣднюю посредникомъ между Польшей и другими иностранными государствами, проще говоря, поставить Польшу въ экономическую зависимость отъ Пруссіи. Этого и достигъ прусскій король потому, что по первому раздѣлу ему достался лакомый кусокъ—устье Вислы, этой главной водной артеріи въ Польшѣ, игравшее такую важную роль въ ея внѣшней торговлѣ. Правда, послѣ перваго раздѣла въ рукахъ Польши остались еще

[1]) См Volumina legum. Petersburg 1860 r. t. VIII str. 62—63; Korzon—выше цит. t. II, str. 35 и д Skrzetuski—Prawo polityczne narodu polskiego t. II ed 2, 1786. Scholarum Piarum str. 263 и д.

города Торунь и Гданскъ, но окруженные прусскими владѣніями они только номинально принадлежали Польшѣ. Фридрихъ Великій своей таможенной политикой подорвалъ благосостояніе этихъ городовъ, лишивъ ихъ того господствующаго положенія, какое они занимали столь долгое время въ исторіи польской торговли.

Покровительствуя своей зарождавшейся промышленности, Фридрихъ Великій по 5 ст. договора предоставилъ право нѣкоторымъ пограничнымъ съ Польшей городамъ имѣть иностранные товары на складѣ для продажи въ Польшу, причемъ, польскіе купцы обязаны были покупать на половину и товары прусскаго производства. Только въ такомъ случаѣ пошлины взымались въ размѣрѣ 4%, если же покупались для вывоза одни только иностранные товары, то съ нихъ пошлина должна была взыматься въ 12% какъ и съ товаровъ, идущихъ прямо изъ за-границы. Здѣсь уже выражается ничѣмъ не прикрытое покровительство своей промышленности, тѣмъ болѣе тяжелое для Польши, что у нея не было другого сколько-нибудь удобнаго пути для сношенія съ иностранными рынками.

Въ сущности говоря, торговый договоръ съ Пруссіей не является взаимной двусторонней сдѣлкой, а просто условіями, продиктованными побѣдителемъ побѣжденному. Этотъ убійственный для Польши договоръ совершенно лишилъ ее экономической самостоятельности

Преемникъ Фридриха Великаго, Фридрихъ Вильгельмъ II готовъ былъ значительно понизить нѣкоторыя таможенныя пошлины, цѣной уступки со стороны Польши—Гданска и Торуня. Въ этомъ духѣ имъ и начаты были переговоры. Какъ ни соблазнительны были для поляковъ предлагаемыя льготы въ таможенномъ тарифѣ, все-таки они рѣшительно высказались противъ уступки этихъ городовъ. Они прекрасно сознавали важное экономическое значеніе ихъ единственнаго приморскаго города Гданска[1]). Какъ извѣстно, по второму раздѣлу Пруссія получила эти два города въ свое владѣніе. Съ этого момента Польша окончательно была отрѣзана отъ береговъ Балтійскаго моря, за доступъ къ которымъ она вела столь долгую и упорную борьбу съ нѣмцами въ прошломъ и за что придется, какъ увидимъ ниже, ей бороться и въ недалекомъ будущемъ.

Въ общей оцѣнкѣ торговаго договора съ Пруссіей нужно сказать, что въ немъ мы не находимъ никакихъ, хотя бы даже слабыхъ

[1]) См Костомаровъ—выше цит.—стр. 190, 191, 199, 204—205.

слѣдовъ покровительства насаждаемой промышленности, мало того даже не нашли себѣ защиты и интересы польской торговли. Договоръ представляетъ изъ себя одностороннюю охрану прусской торговли и промышленности. Иначе и не могло быть: политически безсильная Польша не могла сколько-нибудь энергично защищать свои жизненные интересы. Торговые договоры съ Австріей и Россіей, въ виду географическаго положенія этихъ странъ, не могли имѣть для Польши такого рѣшающаго значенія, какъ торговый договоръ съ Пруссіей.

По договору съ Австріей была установлена на началахъ полной взаимности ввозная пошлина въ 4%, вывозная въ $^5/_{12}$% и транзитная въ 1%. Сама Польша въ Австрію не ввозила ничего, вывозила же оттуда главнымъ образомъ вина изъ Венгріи и соль изъ Велички. Поэтому торговый договоръ съ Австріей и не могъ оказать какое-либо серьезное вліяніе на развитіе польской промышленности. Торговый договоръ съ Россіей, заключенный также въ 1775 г., являлся еще болѣе благопріятнымъ для Польши. Этимъ договоромъ была предоставлена свобода навигаціи по Двинѣ. Транзитная торговля, идущая черезъ Ригу, была освобождена какъ отъ пошлинъ ввозныхъ, такъ и вывозныхъ. Этой льготой, очевидно, хотѣли направить внѣшнюю польскую торговлю къ рижскому порту. Особенное экономическое значеніе она должна была имѣть для Литвы.

Занятіе Россіей южныхъ степей, учрежденіе торговаго флота на Черномъ морѣ, открытіе для русскаго флага Дарданеллъ,—всѣ эти пріобрѣтенія Россіи при Екатеринѣ имѣли важное значеніе и для польскихъ земель, т. н. русскихъ воеводствъ (нынѣшнія Кіевская, Каменецъ-Подольская и Волынская губ.). Этими завоеваніями Россіи былъ открытъ доступъ къ морю и для польскихъ окраинъ. Екатерина, какъ извѣстно, относилась весьма покровительственно къ зарождавшейся торговлѣ на Черномъ морѣ.

Едва ли нужно говорить, что и въ договорѣ съ Россіей мы не находимъ слѣдовъ защиты интересовъ польской промышленности.

Такимъ образомъ, торговые договоры, являвшіеся во всѣхъ странахъ сильнымъ орудіемъ для покровительства національной промышленности, въ Польшѣ въ интересующую насъ эпоху нисколько не отражали въ себѣ этой общей тенденціи и совершенно какъ бы игнорировали интересы родной промышленности. Отчего это происходило? Отъ того ли, что польское правительство не понимало

значенія торговой политики для развитія промышленности, или оно не имѣло силъ для того, чтобы энергично защитить свои интересы? Скорѣе можно допустить второе. Польша, безсильная, умирающая, не могла, разумѣется, энергично отстаивать свои интересы, хотя бы и самые жизненные. Ей приходилось брать то, что давали. А какъ жестоки и безсердечны были иногда ея сосѣди, уже подсчитывавшіе въ умѣ свою добычу, это хорошо показалъ намъ торговый договоръ съ Пруссіей, заключенный въ царствованіе убѣжденнаго сторонника меркантилизма Фридриха Великаго.

Что польскому правительству не чужды были интересы отечественной промышленности, это показываютъ работы его о насажденіи торговыхъ компаній, объ улучшеніи путей сообщенія, прорытіи каналовъ, расчищеніи рѣкъ, съ каковой дѣятельностью мы встрѣчаемся въ данную эпоху.

Конвокаціонный сеймъ 1764 г. занялся между прочимъ вопросами торговли. Онъ отмѣнилъ таможенныя привилегіи шляхты, установилъ „генеральную“ пошлину; затѣмъ учредилъ скарбовыя коммиссіи (komisye skarbowe). Этимъ послѣднимъ коронаціонный сеймъ поручилъ заботу о торговлѣ, мануфактурахъ, мѣрахъ, векселяхъ и пр. Правда, „генеральной“ таможенной пошлины не удалось ввести на практикѣ. Вторично „генеральная“ таможенная пошлина была возстановлена по конституціи сейма 1775 г., съ отмѣной всякихъ льготъ отъ этой пошлины[1]). Это нововведеніе показываетъ серьезное измѣненіе въ таможенной политикѣ Рѣчи Посполитой, раньше всегда служившей интересамъ шляхетскаго сословія. Данной конституціей было разрушено одно изъ существенныхъ препятствій къ развитію польской промышленности. Свобода шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ являлась большимъ тормазомъ въ развитіи національной промышленности. Въ отмѣнѣ этой шляхетской привилегіи нужно видѣть значительный шагъ впередъ въ области экономической политики. Впрочемъ, эта важная мѣра не могла оказать должнаго вліянія на развитіе промышленности, такъ какъ она являлась единичной, а во вторыхъ, была проведена слишкомъ поздно, когда уже подобными мѣрами нельзя было улучшить положеніе страны.

Въ цѣляхъ содѣйствія отечественной промышленности польскіе сеймы данной эпохи не разъ издавали постановленія противъ рос-

[1]) Vol. leg. t. VII, str 22 и t. VIII, str 95—96; ср. Кутшеба—выше цит., стр. 207—208.

коши (leges sumptuariae). Въ мотивахъ къ изданію въ 1776 г. законовъ противъ роскоши прямо указывалось, что принятіемъ этихъ законовъ сеймъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, побудить къ учрежденію отечественныхъ мануфактуръ, а съ другой—создать преграду для утечки денегъ за границу. Сейму нечужда была забота и объ интересахъ потребителей Онъ поручилъ воеводскимъ коммиссіямъ внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы законы противъ роскоши не дали промышленникамъ и ремесленникамъ повода къ поднятію цѣнъ.

Закономъ 1776 г. воспрещалось *нешляхетскимъ* сословіямъ употреблять золото, драгоцѣнности, кружева, мраморъ, соболь. Затѣмъ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія (cujuscunque status et conditionis) вмѣнялось въ обязанность одѣвать свою прислугу только въ сукна отечественнаго производства, безъ всякихъ украшеній, золотыхъ или серебряныхъ. Всѣмъ безъ исключенія гражданамъ Речи Посполитой воспрещалось пользованіе заграничной кожей для обуви и другихъ цѣлей. Наконецъ, запрещалось употребленіе каретъ и повозокъ, столоваго стекла и фарфора иностранной выдѣлки. Нарушеніе этихъ постановленій каралось по закону штрафомъ въ 1000 гривенъ для представителей шляхты: въ 500 гр.—для представителей другихъ сословій [1]).

Характерной особенностью даннаго закона является то, что онъ допускалъ, за немногими исключеніями, для шляхты пользованіе предметами роскоши, запретными для другихъ сословій.

Слѣдующій законъ противъ роскоши 1780 г. уже распространялъ свое дѣйствіе на всѣхъ обывателей безъ исключенія, подъ угрозой штрафа въ 2.000 гривенъ. Строжайшимъ образомъ воспрещалось богато одѣвать прислугу, одѣвать ее можно было только въ мѣстное сукно. Ввозъ изъ-за границы драгоцѣнностей воспрещался подъ страхомъ конфискаціи [2]).

Насколько можно судить по мотивамъ изданія этихъ законовъ, сеймы видѣли въ нихъ одно изъ средствъ къ поднятію отечественной промышленности, а съ другой стороны, къ удержанію въ странѣ звонкой монеты. Въ данномъ случаѣ передъ нами одна

---

[1]) Vol leg. t. VIII. str 552.

[2]) Vol leg. t. VIII. str 589.

изъ мѣръ, чисто меркантилистическаго характера Разумѣется, такая второстепенная мѣра не могла имѣть серьезнаго значенія для развитія польской промышленности, во-первыхъ, потому, что у правительства не было средствъ для проведенія ея въ жизнь, а во-вторыхъ, безъ крупныхъ реформъ, какъ политическихъ, такъ и экономическихъ, одними законами противъ роскоши нельзя было достигнуть какихъ-либо значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ покровительства отечественному производству.

Не чужда была польскимъ сеймамъ и мысль объ основаніи торговыхъ компаній, которымъ придавала такое важное значеніе меркантильная политика. Такъ сеймъ 1784 г. сдѣлалъ постановленіе объ учрежденіи торговаго товарищества подъ именемъ польской компаніи восточной торговли. Предполагалось дать этой компаніи разныя льготы, предоставить ей мѣста въ старостствахъ и кролевицизнахъ для складовъ, понизить таможенныя пошлины для ввозимыхъ ею товаровъ и пр. [1]). Это постановленіе сейма не получило своего осуществленія.

Идея учрежденія торговыхъ компаній пользовалась большой популярностью въ Польшѣ въ данную эпоху Между прочимъ на страницахъ одного изъ распространенныхъ тогда журналовъ появился одинъ частный проектъ компаніи подъ такимъ заголовкомъ—Proiekt Generalney Kompanii Krajowey Ekonomiczney pod znakiem Orderu S. Jzydor Oracza (св., память его празд. 10 мая) [2]).

Авторъ этого проекта видитъ дѣйствительный способъ улучшенія народнаго хозяйства въ учрежденіи экономической компаніи. Основной задачей компаніи является, по проекту, составленіе правилъ для коммиссаровъ, экономовъ, старостъ, на основаніи коихъ они должны управлять имѣніями. Составленіе такихъ правилъ авторъ проекта предлагаетъ поручить лицамъ, живущимъ по деревнямъ и близко знакомымъ съ положеніемъ дѣла. Онъ глубоко вѣритъ въ дѣйствительное значеніе этихъ правилъ.

Въ составленіи подобныхъ правилъ для фабрикъ и ремеслъ нѣтъ особой нужды, такъ какъ ремесленники и фабриканты хорошо знакомы съ ними.

---

[1]) См. Korzon—выше цит., t. II. str 151—152.

[2]) См. Dzien. Handl. 1791, str. 346 и д.

Для поднятія сельскохозяйственной культуры авторъ рекомендуетъ знакомиться съ положеніемъ сельскаго хозяйства за границей (§ 22). Компанія должна завести своихъ корреспондентовъ по разнымъ воеводствамъ, должна имѣть складъ улучшенныхъ сѣмянъ, опытныя поля, садовый питомникъ и пр. Капиталъ компаніи составляется путемъ единовременныхъ взносовъ.

Этотъ любопытный проектъ также не вышелъ изъ области предположеній.

Въ изслѣдуемую эпоху мы встрѣчаемся съ попытками улучшенія путей сообщенія, въ частности водныхъ путей. Эти попытки шли какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны правительства. Дѣломъ частной инпціативы является каналъ, извѣстный и теперь подъ именемъ „Огинскаго“. Устройство этого канала было начато Мих. Каз. Огинскимъ гетманомъ Литовскимъ въ 1770 г. Подъ наблюденіемъ Литовской Скарбовой Коммиссіи былъ проведенъ днѣпро-бугскій каналъ для соединенія Пины притока Припети съ Мухавцемъ, притокомъ Буга. Этотъ каналъ соединилъ Балтійское и Черное моря. По порученію короля Стан. Августа, ученый ксендзъ Нарвойшъ занимался въ теченіе трехъ лѣтъ очищеніемъ Нѣмана [1]).

Наконецъ, въ эпоху Ст. Августа сеймы обратили серьезное вниманіе на реформу денежнаго обращенія. Вопросъ о регулированіи денежнаго обращенія привлекалъ въ эту эпоху вниманіе какъ общества, такъ и правительства. На страницахъ современныхъ журналовъ мы встрѣчаемъ частыя жалобы на недостатокъ мелкой монеты, мѣдной и серебряной [2]). Основное зло денежнаго обращенія заключалось въ наводненіи Польши неполноцѣнной монетой, сфабрикованной въ Пруссіи.

При вступленіи на престолъ Ст. Августа въ Польшѣ насчитывалось въ обращеніи такой монеты номинально на 85 мил. зл. Дѣйствительная ея цѣнность не превышала и половины этой суммы. Желая пріостановить наплывъ неполноцѣнной монеты, Ст. Августъ возобновилъ дѣятельность монетнаго двора, получивъ на это разрѣшеніе отъ сейма. Монетный дворъ началъ ежегодно выпускать по 2 слишкомъ мил. зл. полноцѣнной монеты. Такъ какъ въ обращеніи оставалась и неполноцѣнная монета прусскаго производства, то, есте-

[1]) Korzon—t. II, str. 67—71

[2]) См. Dz. Handl 1786 r Str 574—575

ственно, лучшая монета быстро исчезала изъ обращенія. Съ 1766 г. по 1783 г. было перечеканено монеты на 42,5 мил. зл. съ потерею 50% на этой операціи, и все-таки указанная мѣра не привела къ благопріятному результату. Около 1784 г. во всей странѣ польской монеты было не болѣе 4 мил. зл. „Эта сумма, замѣчаетъ Суровецкій, растворялась въ большемъ количествѣ иностранной монеты, подобно тому, какъ маленькій ручей исчезаетъ въ большой рѣкѣ... Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, всѣ лучшія намѣренія послѣдняго польскаго короля окончились ничѣмъ“ [1]).

Такой печальный результатъ заставилъ сеймъ избрать въ 1786 г. другой болѣе вѣрный путь—понизить цѣнность злотого; дальнѣйшее пониженіе было совершено во время диктаторства Костюшки [2]).

Изъ этого краткаго обзора экономической политики видно, что во многихъ отношеніяхъ она носила такой же меркантильный характеръ, какъ и экономическая политика другихъ государствъ. Съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что она не отличалась ни всесторонностью, ни послѣдовательностью. Всѣ мѣропріятія носили случайный характеръ. Не было строго-опредѣленной системы, ни одного общаго плана въ проведеніи и осуществленіи ихъ. Къ тому же всѣ эти мѣропріятія занимаютъ только второстепенное мѣсто въ арсеналѣ меркантильной политики. Ни въ коемъ случаѣ экономической политики Рѣчи Посполитой нельзя поставить въ параллель, хотя бы съ меркантильной политикой Фридриха Великаго. Тамъ была извѣстная опредѣленная программа, выполняемая строго и точно, здѣсь тѣ и другія мѣропріятія возникали случайно, часто являясь простыми пожеланіями, намѣреніями.

Наконецъ, эти мѣропріятія не имѣли подъ собой почвы. Онѣ были навѣяны извнѣ, ихъ вводили, слѣдуя примѣру сосѣдей. По существу они не отвѣчали жизненнымъ потребностямъ народнаго хозяйства, а главное, не было того соціальнаго класса, который бы взялся за ихъ осуществленіе и который былъ бы въ этомъ заинтересованъ. Далѣе, не было той власти и силы, которая могла бы ихъ осуществить. Слѣдуя примѣру другихъ странъ, сеймы издаютъ постановленіе объ учрежденіи торговой компаніи, готовы предоставить

---

[1]) См. Surowecki – выше цит., стр. 163–165. Ср. Pamiętnik Polit. Hist. 1784 r. Niedostatek pieniędzy w Polsce. Str 50, 56, 189 и д.

[2]) См. Korzon—выше цит, t II, str. 195 и д.

ей разныя льготы и пр. Но вѣдь этого мало. Не было людей, которые понимали бы значеніе компаніи, задачи и цѣли ея и которые принесли бы сюда свои капиталы и знанія. Въ силу этого многія постановленія, проникнутыя духомъ меркантилизма оставались на бумагѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ взять на себя осуществленіе благихъ пожеланій сеймовъ? Королевская власть для этого была слишкомъ слаба. Представители богатой шляхты, хотя и высказывались, слѣдуя модѣ, за меркантильную политику, однако, на практикѣ не могли ей сочувствовать, такъ какъ она шла въ разрѣзъ съ ихъ жизненными, узко классовыми интересами. Тѣмъ менѣе за осуществленіе этихъ мѣропріятій могла взяться мелкая шляхта—эта темная сермяжная братія, жившая большею частью въ качествѣ прихлебателей и прислужниковъ у богатыхъ пановъ и по своему культурному уровню мало чѣмъ возвышавшаяся надъ хлопами. Городской, торговый классъ, интересамъ котораго ближе всего отвѣчала меркантильная политика, былъ лишенъ всякаго политическаго вліянія и значенія. На Западѣ правительство въ насажденіи мануфактурной промышленности опиралось на третье сословіе, въ Польшѣ такого сословія, какъ активнаго члена соціальной и политической жизни, не было. Поэтому и экономическая политика ея не могла получить реальнаго значенія. Въ западно-европейскихъ странахъ въ большинствѣ случаевъ уже былъ подготовленъ классъ для воспріятія и развитія такой политики; уже существовалъ торговый капиталъ, захватившій въ свои руки руководящую роль въ организаціи ремесленнаго производства (крупная система домашней промышленности). Въ Польшѣ ничего подобнаго не было. Городской классъ, благодаря своеобразнымъ условіямъ политической и соціальной жизни Речи Посполитой не могъ занять здѣсь того положенія, какое онъ занималъ въ Зап. Европѣ. Торговый капиталъ, сыгравшій такую важную роль въ развитіи фабричной промышленности въ Зап. Европѣ, а отчасти и у насъ въ Россіи, еще не существовалъ въ Польшѣ въ данную эпоху. Поэтому всѣ мѣропріятія польской меркантильной политики висѣли въ воздухѣ, были безпочвенны. Они вводились въ жизнь подъ вліяніемъ публицистики, примѣра западно-европейскихъ народовъ. У послѣднихъ меркантильная политика отражала интересы опредѣленнаго соціальнаго класса, она облегчала его дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе. Меркантильная политика, проводимая въ

Польшѣ господствующимъ шляхетскимъ классомъ, въ сущности противорѣчила его интересамъ, шла въ разрѣзъ съ тѣмъ, съ чѣмъ сжилась шляхта, въ чемъ она видѣла существо своихъ правъ и вольностей. Естественно, что при такихъ условіяхъ меркантильная политика не могла имѣть подъ собой корней.

На Западѣ правительство въ проведеніи меркантильной политики опиралось на городской, торгово-промышленный классъ. Въ Польшѣ эту политику пыталось проводить шляхетско-землевладѣльческое сословіе по существу враждебно настроенное ей. исторически воспитанное въ совершенно противоположныхъ воззрѣніяхъ. Развѣ при такихъ условіяхъ экономическая политика могла быть сколько-нибудь жизнеспособной?

Понятно, такая политика не могла оказать благотворнаго вліянія на развитіе мануфактурной промышленности въ Польшѣ. Для этого нужны были болѣе глубокія политическія и соціальныя реформы, и прежде всего созданіе крѣпкаго, солидарно-сплоченнаго торгово-промышленнаго класса; чего можно было достигнуть полнымъ уравненіемъ горожанъ съ шляхтой и привлеченіемъ иностранныхъ ремесленниковъ и капиталистовъ.

Въ эпоху Стан. Августа въ Польшѣ уже существовали и банки Извѣстны имена банкировъ Теппера, Шульца, Кабрита, Прота Потоцкаго и др. Банки, являющіеся обычно посредниками въ дѣлѣ денежнаго обращенія, въ Польшѣ играли совершенно иную роль. Здѣсь они обслуживали, главнымъ образомъ, интересы крупной польской аристократіи, т. е. открывали потребительный кредитъ подъ залогъ имѣній для шляхты, часто нуждавшейся въ деньгахъ для своихъ заграничныхъ путешествій, для покупки изъ за-границы предметовъ роскоши и пр. Польская аристократія во главѣ съ королемъ широко пользовалась этимъ кредитомъ, нисколько не задумываясь надъ вопросомъ о средствахъ погашенія своихъ долговъ. О томъ, какъ широко пользовалась польская аристократія банковымъ кредитомъ, можно судить на основаніи слѣдующихъ цифръ: долгъ Ст. Августа Тепперу въ 1793 г. возросъ до 5 мил. слишкомъ зл., долгъ Радзивила тому же банкиру равнялся 2 мил., Потоцкаго—1,8 мил. зл. и т. д. Такъ какъ спросъ на капиталы со стороны землевладѣльческаго класса былъ большой, то естественно, банки для привлеченія денегъ въ качествѣ депозитовъ давали высокій процентъ по 6—8 и даже 10. Когда наивные люди задавали вопросъ, какъ

можно платить такіе высокіе проценты? Имъ отвѣчали на это: c'est le secret de la maison. На публику успокаивающе дѣйствовали самый видъ конторы, ряды служащихъ, погруженныхъ въ толстыя книги, желѣзные сундуки, длинные столы для счета денегъ и множество полотняныхъ мѣшочковъ, содержащихъ по 500 дукатовъ. Эти мѣшочки различались по цвѣту: у Теппера зеленые, Бланка красные и у Потоцкаго—желтые. Публика и не догадывалась, что банкиры по-товарищески ссужали другъ друга деньгами въ случаѣ экстренной надобности [1])

Естественно, такая банковая политика не могла долго тянуться, она рано или поздно должна была закончиться крахомъ, что и случилось съ главными банками въ 1793 г., когда послѣдовалъ крахъ банковъ Теппера, Шульца, Арндта, Кабрита, Прота Потоцкаго, Клуга, Гейзлера и Лышкевича. Была назначена особая комиссія для ликвидаціи массъ несостоятельныхъ банковъ. Кстати сказать, эта ликвидація закончилась только въ 1801—1803 г., пассивъ несостоятельныхъ банковъ достигалъ почти 160 мил. зл. Изъ дѣла этой комиссіи и выясняется характеръ польскихъ банковъ. Въ какомъ печальномъ положеніи было имущество несостоятельныхъ банковъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что постановленіемъ комиссіи 2 іюля 1800 г было предложено кредиторамъ шульцевской массы получить по 7 за 100, кредиторамъ массы Протъ Потоцкаго по 10 за 100 и т. д. Хотя разорившіеся банкиры владѣли большими имѣніями, поступавшими къ нимъ отъ неисправныхъ должниковъ, напр. Кабриту въ Житомірскомъ и Овручскомъ повѣтахъ принадлежало имѣніе Чудновъ, Шульцу—имѣніе Радзивиловъ въ Дубенскомъ повѣтѣ [2]); однако реализація этихъ имѣній оказывалась невозможной въ виду общихъ политическихъ условій и общаго недостатка въ деньгахъ. Любопытно одно постановленіе банковой комиссіи, которое предоставляло желающимъ право пріобрѣтать теппеpовскія имѣнія за векселя по разсчету 25 за 100 [3]). Для характеристики кредитоспособности должниковъ названныхъ банковъ весьма цѣненъ раппортъ въ Волынское Губернское Правленіе ровенскаго нижняго земскаго суда,

---

[1]) См. Korzon—выше цит. t II, str. 165–166

[2]) Главный Архивъ—XXIV Akta Bankowie. Księga I

[3]) Ibid. Księga II

который мы и приводимъ въ извлеченіи (орфографія подлинника сохранена):

„По разсмотрѣніи въ судѣ тѣхъ табелей, въ числѣ прочихъ должниковъ массъ оказались въ ровенскомъ повѣтѣ Юзефъ Валевскій сынъ воеводы серадскаго Михаилы Валевскаго, 2-и Михайла Павша Хорунжій Овручскій и 3-й Антоній Прушинскій, почему о взносѣ всамомскорѣйшемъ времяни должныхъ ими въбанковую сумму денегъ посланы были отъ онаго суда повѣстки опервомъ Валевскомъ понеизвѣстности о мѣстѣ его пребыванія къ отцу его воеводѣ Михаилѣ Валевскому дѣдичу мѣстечка Тучина, начто онъ тому суду объяснилъ, что приписанный сынъ его юзефъ валѣвскій въ неотдѣлѣ находящійся никакого собственнаго имѣнія неимѣетъ и въ домѣ его нынѣ ненаходится, аотлучился попаспорту Его Сіятельства... гр. Гудовича заграницу въ городъ Варшаву; овторомъ Михаилѣ Павшѣ, помѣстье котораго по табели означено въ селѣ даничовѣ, къ дѣдичу того селенія Онуфрію Павши, который также тому суду донесъ, что Михаилъ Павша никакого въ семъ даничовѣ имѣнія не имѣетъ, а имѣетъ вовладѣніи дѣдичную деревню литвинъ въ овручскомъ повѣтѣ состоящую, вкоторой тамъ жительствуетъ; о третьемъ къ Антоніѣ Прушинскому, отъ коего получено извѣстіе, что онъ никакихъ денегъ въ банковую сумму недолженъ, полагаемъ же яко сей долгъ относится къ Антонію Прушинскому швагру князя воеводы Валѣвскаго, имѣющему свое жительство въмѣстечкѣ слацинъ, болѣежъ изъ должниковъ потѣмъ табелямъ значащихся никого вътамошнемъ повѣтѣ неимѣется“.

Этотъ любопытный документъ ясно показываетъ, что услугами банковъ пользовался главнымъ образомъ шляхетскій землевладѣльческій классъ, часто молодежь, не имѣвшая даже своего собственнаго имущества, а бравшая ссуды въ надеждѣ на полученіе наслѣдства. Цѣли ссудъ были потребительныя, а не производительныя. Онѣ не вкладывались въ землю, не шли на тѣ или другія сельскохозяйственныя улучшенія, а проживались польской аристократіей за-границей или у себя дома.

Польскіе банки этой эпохи вовсе не думали о развитіи отечественной промышленности и торговли. Стекавшіяся къ нимъ деньги шли на уплату за разныя иностранныя издѣлія и предметы роскоши, на которые былъ такой большой спросъ у польской аристократіи.

Одинъ Бланкъ, напр., пересылалъ за-границу ежегодно за предметы роскоши по 9 мил. зл. [1]).

При такихъ условіяхъ нельзя было ожидать другого конца, кромѣ банкротства и разоренія многихъ тысячъ ввѣрителей [2]). Помимо ложности этихъ основныхъ принциповъ банковой политики и въ самомъ веденіи банковъ не было ни должнаго порядка, ни аккуратности и точности. Дѣло велось во многихъ случаяхъ безъ всякаго контроля; кассой банковъ свободно распоряжались не только хозяева предпріятія, но и многіе служащіе. Сами банкиры старались во всемъ походить на польскихъ магнатовъ, вели раскошный образъ жизни и не знали счета деньгамъ. Разумѣется, при такомъ хозяйничаньи не могло быть добра.

Въ результатѣ банки въ Польшѣ не только не содѣйствовали правильной денежной циркуляціи, не только не помогли развитію кредита, но наоборотъ давали совершенно ложное направленіе капиталамъ страны, направляя ихъ въ руки шляхты, расходовавшей ихъ на цѣли совершенно непроизводительныя. Поэтому польскіе банки и не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе промышленности и торговли. Они всецѣло служили интересамъ господствующаго шляхетскаго класса, игнорируя жизненныя потребности страны. Банки—могучее орудіе для насажденія и развитія промышленности и торговли, въ Польшѣ въ данную эпоху оказались непригодными для означенной цѣли. Они сыграли скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе въ исторіи польскаго народнаго хозяйства во второй половинѣ XVIII в.

---

[1]) См. Korzon—выш цит. t II, str. 144.

[2]) Одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ экономистовъ Кемпнеръ, касаясь мимоходомъ исторіи этихъ банковъ, видитъ въ банкротствѣ ихъ слѣдствіе военныхъ бурь передъ вторымъ раздѣломъ. Badania i skice Ekonomiczne 1902, str. 42. Такое объясненіе, какъ видно изъ приведенныхъ нами фактовъ, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Паденіе банковъ являлось не результатомъ какихъ-либо политическихъ неурядицъ, но естественно вытекало изъ той неправильной банковой политики, которой они держались. Ближе къ истинѣ стоитъ старый польскій экономистъ Стройновскій, говоря по поводу этого краха слѣдующее: „Bankierowie warszawscy byli tak nierozsądni, że pożyczali pieniądze na hypoteki właścicielom i dla tego wszyscy upadli pożyczka bowiem na hypotekę przez bankiera jest nawet przeciwna instytucyi jego banku“. См у Korzona—выш цит. t II, str. 182—3.

Однако уже и въ эту эпоху польскому обществу далеко не чужда была идея банка, какъ регулятора денежнаго и кредитнаго обращенія. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ тотъ рядъ проектовъ устройства банковъ, который даетъ намъ современная литература. Такъ напр. въ 1790 г. былъ представленъ купцомъ и банкиромъ Капостасомъ проектъ народнаго банка—Planta Ułożenią Proiektu Banku Narodowego[1]). Народный банкъ Капостаса—это государственный эмиссіонный банкъ. Сумма всѣхъ выпускаемыхъ билетовъ, по проекту, опредѣляется въ 40 мил. зл. Билеты должны быть различной цѣнности, начиная съ 10 зл. и кончая 1000 зл. Первая партія банковыхъ билетовъ на 10 мил. зл. должна быть пущена въ обращеніе по законодательному акту съ обязательствомъ принимать въ государственныя кассы билеты въ размѣрѣ половины вносимыхъ платежей. Когда въ кассѣ банка образуется фондъ изъ металической наличности въ 10 мил. зл., тогда можно приступить къ дальнѣйшимъ выпускамъ. Собранный фондъ долженъ служить покрытіемъ для всей суммы банковыхъ билетовъ.

Для размѣна билетовъ учреждаются одна главная контора и шесть отдѣленій въ провинціи. Размѣнность билетовъ обезпечивается металическою наличностью, ипотеками и другими залогами. Деньги, притекающія въ кассы банка, послѣдній обращаетъ на ипотечный и ломбардный кредитъ, для чего должны быть открыты контора въ Варшавѣ для залога недвижимостей и четыре конторы въ главныхъ городахъ Литвы и Короны для залога движимостей (sub titulo Mons Pietatis).

Завѣдываніе банкомъ, по проекту, находится въ рукахъ особой банковой комиссіи, соединенной со скарбовой комиссіей.

Проектъ Капостаса вызвалъ на страницахъ Pamiętnik'a Polit. возраженія со стороны анонимнаго автора въ статьѣ: Myśli i przestrogi nie obojętne dla Narodu względem Proiektu Bankowego[2]). Основная мысль этой статьи та, что для размѣна банковыхъ билетовъ необходимо имѣть металическую наличность, покрывающую сполна сумму выпущенныхъ билетовъ. Безъ такого обезпеченія съ банковыми билетами произойдетъ то же, что съ билетами французскаго банка Дж.

---

[1]) См. Dziennik Rządowo—Ekonomiczno—Handlowy, 1790 r. str. 660.

[2]) См. Pamiętnik Polit. 1790 r. str. 1129.

Ло. Въ свою очередь анонимный авторъ отдаетъ предпочтеніе частному банку, устроенному по типу датскаго или лондонскаго. Этому банку должно быть предоставлено право выпуска банковыхъ билетовъ въ размѣрѣ только металической наличности.

На иныхъ началахъ предлагаетъ организовать народный банкъ Главе. Послѣдній проектируетъ учрежденіе частнаго акціонернаго банка безъ права выпуска банковыхъ билетовъ. Задачи этого банка—содѣйствіе развитію сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Находимъ въ эту эпоху еще одинъ проектъ народнаго банка, предложенный Яц. Езерскимъ, извѣстнымъ своей политической и экономической дѣятельностью. По его проекту, капиталъ банка долженъ равняться 8 мил. зл., изъ нихъ половина въ банковыхъ билетахъ, а другая—въ металической наличности. Половину той суммы, которая заключена въ билетахъ, банкъ отдаетъ въ займы другому ломбардному банку. Послѣдній выдаетъ ссуды изъ 7%. По вычисленіямъ Езерскаго, годовой доходъ банка долженъ опредѣляться въ $2^1/_2$ мил. зл., изъ нихъ $1^1/_2$ мил. можно расходовать на войско, крѣпости, вообще на средства обороны, а милліонъ на каналы, фабрики, рудники и пр.

Вопросъ о банкѣ такъ живо интересовалъ общественное мнѣніе Польши, очевидно, потому, что въ учрежденіи банка видѣли главное средство для улучшенія печальнаго положенія финансовъ страны.

Спрашивается, почему ни одинъ изъ этихъ проектовъ, предложенныхъ для спасенія Польши, не былъ принятъ сеймомъ? По мнѣнію Грабскаго, всѣ эти проекты были рискованны для того времени. Въ обществѣ еще была свѣжа память о банкротствѣ французскаго банка Дж. Ло, шведскаго и датскаго банковъ и наконецъ австрійскаго. Естественно, что сеймъ, состоявшій изъ заурядныхъ людей, не могъ принять проектовъ, дававшихъ серьезныя основанія для опасеній о возможномъ банкротствѣ государства [1]).

Рискованность этихъ проектовъ, по нашему мнѣнію, вытекала изъ того, что въ общихъ условіяхъ политической и соціальной жизни Рѣчи Посполитой не было никакихъ гарантій, которыя могли

[1]) См. Grabski—Zarys idei społeczno—gospod w Polsce, I, str. 118—119

бы обезпечить правильное функціонированье эмиссіоннаго банка. Развѣ Польша эпохи Ст. Августа могла дать какое-либо ручательство тому, что народный банкъ будетъ строго слѣдовать разъ принятому плану выпуска банковыхъ билетовъ? Для возникновенія и развитія эмиссіоннаго банка въ Польшѣ въ данную эпоху еще не было подходящей почвы; поэтому и указанные проекты не могли выйти изъ области предположеній и пожеланій.

ГЛАВА III.

Польская экономическая литература во второй половинѣ XVIII вѣка

Общая характеристика литературнаго движенія этого періода. Физіократизмъ. Его главные представители: Ан. Поплавскій, Іероннмъ и Валеріанъ Стройновскіе, Дембовскій. „Myśli polityczne dla Polski". Статьи физіократическаго направленія въ современныхъ журналахъ Экономическія воззрѣнія Коллонтая и Сташица „Uwagi nad uwagami" Камерализмъ. Его сущность и происхожденіе. Виднѣйшіе представители камерализма—Наксъ и Выбицкій. O Związkach i przystosowaniu w zaiemnym Rolnictwa, Rękodzieł i Handlu. Камералистическое направленіе въ журнальной литературѣ Сравнительная оцѣнка физіократизма и камерализма

—

Вторая половина XVIII в. выдѣляется въ исторіи Польши расцвѣтомъ литературы и пробужденіемъ мысли. Грозныя внѣшнія условія открыли глаза передовымъ дѣятелямъ на печальное положеніе ихъ отечества. Естественно, что всѣ искреннѣе патріоты должны были задуматься надъ тѣмъ, какъ помочь бѣдѣ, гдѣ найти выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ какомъ очутилась Речь Посполитая. Это обстоятельство и содѣйствовало широкому развитію польской публицистики. Возникаютъ журналы, посвященные обсужденію политическихъ, такъ и соціально-экономическихъ вопросовъ дня, появляются безчисленныя брошюры, летучіе листки, памфлеты, свистки, гдѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія обсуждаются текущія событія, напр., крестьянская реформа, городская, финансовая и т. д.[1]). Въ этомъ

[1]) Характерными для этой летучей литературы являются самыя заглавія брошюръ, въ родѣ, напр., такихъ „Плеть правды жестокосерднаго цыгана въ

литературномъ движеніи участвуетъ не только столица, но и провинція. Обитатели глухихъ уголковъ горячо отзываются на животрепещущія темы. Печатаютъ свои произведенія не только литераторы и публицисты по спеціальности, но и люди, раньше никогда не бравшіе пера въ руки. Теперь увлеченные общимъ теченіемъ они пускаются въ литературную и журнальную полемику. Въ многочисленной, разнообразной литературѣ данной эпохи мы встрѣчаемъ произведенія аристократовъ, горожанъ и даже крестьянъ. „Не только представители партій, депутаты, публицисты, говоритъ изслѣдователь литературы этой эпохи, но всѣ частные обыватели, стоявшіе въ сторонѣ отъ политической жизни, банкиры, купцы, мѣщане, сельскіе жители—всѣ безъ исключенія живо интересовались событіями, всѣ принимали въ нихъ непосредственное участіе“ [1]). Всѣ спѣшили высказаться по тѣмъ и другимъ вопросамъ, всѣ спѣшили принести свою лепту въ видѣ публицистическаго или литературнаго произведенія на алтарь спасенія отечества.

Это литературное возбужденіе во многихъ случаяхъ касалось экономическихъ вопросовъ уже просто потому, что финансовое и экономическое положеніе страны было глубоко печально и планы всѣхъ реформъ прежде всего должны были исходить изъ экономическаго въ широкомъ смыслѣ слова возрожденія Рѣчи Посполитой.

Для историка народнаго хозяйства представляетъ большой интересъ выясненіе тѣхъ направленій экономической мысли, которыя являлись въ эту эпоху господствующими и которыя отражались въ дѣйствительности. Вѣдь насажденіе промышленности, тѣ и другія мѣропріятія народно-хозяйственной политики, все это отражало въ себѣ теченія экономической мысли изслѣдуемой эпохи. Для насъ станетъ болѣе понятнымъ и яснымъ положеніе народнаго хозяйства въ эпоху Стан. Августа если мы выяснимъ тѣ экономическія направленія, которыя существовали въ данный моментъ: тѣмъ болѣе, что польская экономическая мысль останавливалась преимущественно

рукахъ такого-то“ Отвѣтъ на эту брошюру появляется подъ заглавіемъ—„Ксендзъ съ кропиломъ на цыгана съ плетью“, наконецъ, на защиту цыгана является новый анонимъ подъ заглавіемъ—„Жаровня, полная огня любви къ отечеству, для осушенія слишкомъ мокраго кропила“ и т. д. См. Pilat—выше цит., str. 91.

[1]) См. Pilat—O Literaturze Politycznej Sejmu czteroletniego (1788—1792) w Krakowie, 1872, str. 203.

не на теоретическихъ проблемахъ, но на вопросахъ современнаго соціальнаго хозяйства, выдвинутыхъ на очередь самою жизнью. Въ силу этого она стоитъ въ непосредственной связи съ жизнью, она отражаетъ въ себѣ то, что волновало въ эту эпоху польское общество, а съ другой стороны, и сама оказываетъ извѣстное вліяніе на положеніе народнаго хозяйства. „Тысячи брошюръ и писемъ раскрываютъ намъ, говоритъ Пилатъ, великолѣпную и грандіозную картину тогдашней политической жизни (а мы скажемъ, и экономической), самую совершенную картину всѣхъ стремленій и желаній, внутренней борьбы и столкновеній партій, однимъ словомъ, всего внутренняго процесса, который совершался въ то время въ умахъ народа“ [1]).

Для правильнаго пониманія направленій экономической мысли въ изучаемый періодъ, необходимо имѣть въ виду, что польская литература находилась въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ французской, занимавшей въ Польшѣ почти мѣсто родной. Идеи французскихъ энциклопедистовъ встрѣчаются почти у всѣхъ польскихъ публицистовъ преобразовательной эпохи. На польскій языкъ охотно переводились сочиненія главныхъ представителей французской литературы XVIII в., въ особенности Руссо. Эти переводы находили себѣ самый широкій кругъ читателей Понятно, что увлеченіе французской литературой должно было содѣйствовать быстрому распространенію физіократизма въ Польшѣ, который въ это время занялъ господствующее положеніе и въ самой Франціи.

Частыя путешествія польскихъ магнатовъ во Францію, общее преклоненіе передъ всѣмъ, что выходило изъ этой страны, личное знакомство съ нѣкоторыми представителями физіократизма, вывозъ французскихъ гувернеровъ, домашнихъ учителей, среди которыхъ встрѣчались убѣжденные физіократы—вотъ внѣшнія условія, облегчавшія распространеніе идей физіократизма въ Польшѣ.

Съ другой стороны, широкое и быстрое распространеніе физіократизма въ Польшѣ объясняется еще и тѣмъ, что онъ болѣе всего соотвѣтствовалъ традиціоннымъ экономическимъ воззрѣніямъ польскаго общества, представляемаго исключительно землевладѣльческимъ классомъ.

---

[1]) См. Pilat—выше цит., str. 5

Физіократизмъ и являлся въ изучаемую нами эпоху въ Польшѣ главнымъ направленіемъ экономической мысли. Одинъ нѣмецкій изслѣдователь польской республики (Гюппе) выводитъ даже генезисъ идей французскихъ физіократовъ изъ Польши [1]). Онъ признаетъ вліяніе государственныхъ идей, господствовавшихъ въ Польшѣ, на отдѣльныхъ французскихъ писателей. Вопросъ о томъ, какъ далеко и прямо было польское вліяніе, Гюппе оставляетъ въ сторонѣ, ограничиваясь только его принципіальнымъ признаніемъ Извѣстный польскій историкъ Корзонъ, хотя и не приписываетъ полякамъ вліянія на французскій физіократизмъ, однако признаетъ, что польскіе экономисты не были учениками французскихъ. „Новой (физіократическая система) была во Франціи, гдѣ Кэне и Гурнэ выступали противъ крайнихъ выводовъ меркантилистовъ; но наши экономисты, говоритъ Корзонъ, не нуждались въ томъ, чтобы быть учениками французовъ, такъ какъ все законодательство, всѣ Volumina Legum, цѣлая исторія финансовъ и польской торговли отъ конца XV в. являются ничѣмъ инымъ, какъ только физіократической системой въ самомъ широкомъ развитіи и въ самой крайней исключительности“ [2]).

Мархлевскій въ очеркѣ, посвященномъ польскому физіократизму, рѣшительно отвергаетъ какъ взглядъ Гюппе, такъ и взглядъ Кор-

---

[1]) См Siegfrid Huppe—Verfassung der Republik Polen. Berlin, 1867. s. 303—304 Гюппе, по поводу польскаго вліянія на французскій физіократизмъ, говоритъ слѣдующее. „Ohne Zweifel aber ist, dass die in Polen bestehenden Grundsätze den franzosischen Physiocraten bei Aufstellung ihrer System, wenigstens mittelbar als Anknupfung gedient haben Seit dem Beginn des 18. Jahrhunderts, seit Fénélons lesenswerthen Briefen an die Herzöge von Beauvilliers und Chevreuse, sind dann uberhaupt die Einflusse polnischer Staatsgedanken auf einzelne franzosische Schriftsteller unverkennbar. .

Wie weit hier ob directer Einfluss von polnischer Seite maassgebend gewesen, mag dahingestellt bleiben; aber was sollen wir sagen, wenn der polnische Magnat Fredro zu Colberts Zeiten räth· „Ein verstandiger Fürst mag den Ackerbau allem vorziehen, was sonst fur Reichtum gehalten wird.. Dies ist die wahre Quelle des Volkswohlstandes, unerschopflich; dies allein ist die Goldgrube“. Und so finden wir bei ihm, der hier als der ächte Repräsentant des polnischen Adels zu betrachten, viele andere Lehren, die man sonst nirgend zu seiner Zeit vermuthen würde.

[2]) См. Korzon—t. II, str. 27. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Гюппе. Ueberhaupt konnte jene Richtung welche die wirthschaftspolizeilichen Aufgaben des Staats in die Formel zusammefasst: laissez faire, laissez passer“ unschwer eine bereits annahernd stattgehabte Verwirklichung ihrer Grundsätze in Polen erkennen, in jenem gelobten Lande der beschrankten Staatsgewalt (s 303)

зона: во-первыхъ, на томъ основаніи, что французскіе экономисты могли найти ближе тѣ принципы, которые, по мнѣнію Гюппе, они заимствовали изъ Польши, скажемъ у Сюлли, а во-вторыхъ, нельзя допустить, чтобы они искали идеалъ въ странѣ такъ экономически разоренной, какъ Польша.

Нельзя согласиться и съ Корзономъ, что физіократизмъ не былъ новостью для поляковъ. Польская торговля была свободной только для шляхты, налоговое бремя исключительно лежало на крестьянахъ и мѣщанахъ, а не землевладѣльцахъ, какъ того добивались физіократы. Корзонъ видитъ въ физіократахъ чуть-ли не исключительно защитниковъ интересовъ сельскаго хозяйства, вообще приписываетъ имъ въ большей или меньшей степени роль аграріевъ, говоря современнымъ языкомъ. По мнѣнію же Мархлевскаго, физіократы это прежде всего представители капитализма, освобождающаго отъ путъ феодализма какъ промышленность, такъ и земледѣліе [1]).

Грабскій, касаясь вопроса о происхожденіи физіократизма въ Польшѣ, приходитъ къ тому выводу, что экономическая политика Рѣчи Посполитой съ половины XV в. развивалась въ направленіи идей физіократизма постолько, посколько она была принципіально политикой сельскаго хозяйства и всѣ иныя задачи трактовала прежде всего съ точки зрѣнія послѣдняго. Разумѣется, она не создала послѣдовательной системы физіократизма, не обнаруживъ вообще болѣе глубокаго проникновенія въ сущность народнаго хозяйства [2]).

Безъ сомнѣнія, въ Польшѣ существовала весьма благодатная почва для распространенія физіократизма,—въ польской экономической политикѣ было не мало чертъ, проникнутыхъ духомъ физіократизма. Господ-

[1]) См Marchlewski—Fisyokratyzm w Dawnej Polsce—Biblioteka Warszawska, t IV, 1896 r., str 321, прим

[2]) См St. Grabski—Zarys rozwoju idej społeczno-gospodarczych w Polsce, t. I. w Krakowie, 1903 r., str 35, ср Zyg. Gargas—Poglądy Ekonomiczne w Polsce XVII wieku. Wyd. drugie. We Lwowie. 1903 r., str 251. Не такъ давно въ польской литературѣ былъ высказанъ совершенно противоположный взглядъ на экономическую политику Рѣчи Посполитой Шелапговскій въ своемъ сочиненіи Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce (Lwow, 1902) называетъ экономическую политику XVI и XVII вв. меркантильной. Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности заняться критикой этого своеобразнаго мнѣнія. Къ данной темѣ авторъ предполагаетъ вернуться въ близкомъ будущемъ въ спеціальномъ изслѣдованіи, посвященномъ исторіи экономическихъ ученій въ Польшѣ

ствующее положеніе. занимаемое шляхтой, землевладѣльческимъ классомъ, приводило къ тому, что интересы земледѣлія всегда находили себѣ всестороннюю опеку и защиту. Польская шляхта, жившая только сельскимъ хозяйствомъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, была подготовлена къ воспріятію того взгляда, что земледѣліе является единственнымъ источникомъ богатства. Если въ экономической политикѣ Польши были аналогичныя черты съ физіократизмомъ, то отсюда очень далеко до того, чтобы искать въ Польшѣ зародышъ физіократической системы. Эти отдѣльные моменты ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть отнесены къ физіократизму. какъ научной системѣ, а являлись просто защитой классовыхъ интересовъ шляхты.

Нѣкоторые принципы физіократизма соотвѣтствовали польскимъ экономическимъ традиціямъ, но физіократизмъ, какъ система, былъ новымъ явленіемъ въ Польшѣ. Несомнѣнно, распространеніе въ этой странѣ идей физіократизма совершилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ французской литературы и науки [1]).

Авторитетъ французскихъ экономистовъ былъ настолько великъ, что, по вѣрному замѣчанію г. Грабскаго, физіократизмъ въ Польшѣ получилъ какъ бы характеръ офиціальной экономической системы, въ какомъ значеніи онъ просуществовалъ до начала XIX вѣка [2]).

Первымъ, познакомившимъ польское общество съ системой физіократовъ, былъ Ан. Поплавскій, профессоръ этики и естественнаго права въ Краковской Академіи, выпустившій въ 1774 г. „*Zbior niektórych materyi politycznych*“ (въ Варшавѣ, въ типографіи Scholarum Piarum). Какъ видно изъ обращенія къ читателю, этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ, писанныхъ въ разное время, начиная съ 1769 г. Авторъ совершенно не стремится къ самостоятельной разработкѣ экономическихъ вопросовъ, его задача—популярное изложеніе общепринятыхъ въ физіократизмѣ воззрѣній и понятій.

Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ не столько его теоретическія воззрѣнія, сколько его взгляды на задачи экономической политики. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что трактаты польскихъ экономистовъ этой эпохи носятъ преимущественно практическій характеръ.

---

[1]) О томъ, какими путями шло это вліяніе, см. у Мархлевскаго—выше цит., стр. 329 и д.

[2]) См. Grabski—выше цит. Str. 41.

Ихъ интересовали больше вопросы экономической политики, чѣмъ вопросы теоріи. Окружавшая жизнь, поставившая на очередь рядъ практическихъ проблемъ, направляла скорѣе умъ къ разрѣшенію практическихъ вопросовъ дня, а не къ изслѣдованію теоретическихъ истинъ.

Ан. Поплавскій различаетъ въ политической экономіи слѣдующія части: 1) земледѣліе, 2) ремесла и искусства, 3) внѣшнюю и внутреннюю торговлю и 4) государственные налоги и подати (стр. 8—9).

Политическая экономія начинаетъ съ земледѣлія потому именно, что оно является единственнымъ фундаментомъ богатства каждой страны. Земледѣліе, это самый первый и самый вѣрный способъ, посредствомъ котораго страна и живущіе въ ней могутъ быть осчастливлены и обезпечены (ст. 10). Земледѣльческій трудъ не только покрываетъ свои расходы, но сверхъ того даетъ еще ежегодно доходъ, на который живутъ всѣ, безъ исключенія, даже не занимающіеся земледѣліемъ. Трудъ ремесленника, купца и т. п. доставляетъ заработокъ, но онъ не создаетъ новаго дохода, получая его отъ другихъ (стр. 25).

Поплавскій, признавъ согласно принципамъ физіократизма, земледѣліе основой богатства, дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что правительство, стремящееся къ улучшенію частнаго и общественнаго благосостоянія, прежде всего въ своихъ заботахъ должно начинать съ улучшенія сельскаго хозяйства, какъ единственнаго источника и фундамента всѣхъ достатковъ въ странѣ. Отношеніе между земледѣліемъ съ одной стороны, и ремеслами и торговлей съ другой, сравнивается имъ съ отношеніемъ корней дерева къ его листвѣ и вѣтвямъ. Садовникъ не въ состояніи сдѣлать дерево вѣтвистымъ, одѣтымъ богатой листвой, если только усыхаетъ его корень Пусть онъ скорѣе дастъ влагу корнямъ и тогда то, что вверху разовьется само собой (стр. 27).

Въ земледѣліи нужно различать три вида расходовъ: основные (gruntowe)—расчистка, осушеніе, орошеніе и пр., многолѣтніе (cokilkoletnie)—расходы на инвентарь, и ежегодные—на заработную плату. Раціональная экономія должна руководствоваться слѣдующими максимами: а) вредъ наносимый какимъ-либо способомъ тремъ указаннымъ видамъ расходовъ въ сельскомъ хозяйствѣ нужно считать наибольшимъ вредомъ для цѣлой страны; б) чѣмъ большій капиталъ вкла-

дывается въ землю, тѣмъ большій урожай даетъ земля. тѣмъ богаче вся страна (стр. 31). Изъ годового производства необходимо вычесть тѣ части, которыя идутъ на покрытіе расходовъ, въ итогѣ останется чистый доходъ (czysta intrata), который и долженъ служить источникомъ налогового обложенія (стр. 34).

До сихъ поръ взгляды Поплавскаго на земледѣліе совершенно совпадали съ воззрѣніями физіократовъ. Но въ дальнѣйшемъ у него встрѣчается и нѣкоторое отступленіе отъ принциповъ строгаго физіократизма, вызванное тѣми историческими условіями, въ которыя было поставлено сельское хозяйство въ Польшѣ. Упадокъ сельскаго хозяйства Поплавскій ставитъ въ связь съ наличностью рабства хлоповъ. Расходы въ сельскомъ хозяйствѣ, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ будутъ несоразмѣрно велики, пока будетъ существовать рабское состояніе.

Въ заслугу этому польскому физіократу нужно поставить то, что онъ рѣшительно высказывается за освобожденіе хлоповъ, исходя не изъ общихъ фразъ о справедливости, но изъ интересовъ какъ самаго землевладѣльческаго класса, такъ и интересовъ всего государства (стр 71 и д.). Освобожденіе хлоповъ составляетъ центральный пунктъ въ системѣ польскихъ физіократовъ. Здѣсь справедливо видятъ разницу между ними и ихъ французскими учителями. Для послѣднихъ главнымъ факторомъ земледѣльческаго производства является фермеръ [1]), для первыхъ—хлопъ. Въ Польшѣ фермера, какъ общаго типа не существовало; если онъ и встрѣчался, то какъ арендаторъ шляхтичъ или еврей, и отношеніе послѣдняго къ хлопу ничѣмъ существенно не отличалось отъ отношенія пана къ хлопу. Такимъ образомъ, у польскихъ физіократовъ и въ частности у Поплавскаго фермеръ французскихъ физіократовъ замѣняется отечественнымъ хлопомъ. Въ этомъ нужно видѣть извѣстное приспособленіе идей физіократизма къ условіямъ польской дѣйствительности.

Въ ученіи о *налогѣ* Поплавскій строго придерживается идей физіократизма. Онъ высказывается за установленіе единаго налога

---

[1]) См Проф. Авг Онкенъ—Исторія полит экономіи до Ад. Смита. Спб. 1908, стр. 367—8. Физіократы во Франціи относились отрицательно къ мелкой сельско-хозяйственной культурѣ. Она не приноситъ, по ихъ мнѣнію, чистаго дохода, являясь хищнической эксплуатаціей. Выше должно быть поставлено крупное фермерское хозяйство.

на землю, уплачиваемаго земельнымъ собственникомъ, въ руки котораго поступаетъ весь чистый доходъ. Правительство не должно слишкомъ отягчать землевладѣльцевъ. Размѣръ налога слѣдуетъ устанавливать соотвѣтственно чистому доходу. Послѣдній можно опредѣлить по арендѣ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ ея нѣтъ, размѣръ чистаго дохода никто лучше не можетъ установить, какъ сосѣди Въ виду того, что чистый доходъ не всегда бываетъ одинаковъ, необходимо брать среднюю величину между высшимъ и низшимъ урожаемъ.

Не менѣе послѣдовательнымъ физіократомъ является Поплавскій и въ вопросѣ о *свободѣ торговли*. Въ свободѣ торговли польскій физіократъ видитъ вѣрнѣйшее средство усовершенствованія польскаго убогаго земледѣлія (стр. 63). Торговля только тогда содѣйствуетъ агрикультурѣ, когда она не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, будучи совершенно свободной. Подъ полной свободой нужно понимать свободу ввоза и вывоза всякихъ товаровъ и сырыхъ продуктовъ, для каждаго соотечественника и иностранца, свободу торговли между провинціями, между странами, свободу торговли въ каждомъ мѣстѣ, округѣ и въ любое время, наконецъ, безъ всякихъ препятствій, затрудненій, ревизій, контроля, безъ всякихъ пошлинъ и оплатъ (стр. 89).

Переходя къ вопросу о торговлѣ Польши съ сосѣдними странами, Поплавскій также рѣшительно высказывается за свободу ея. Польша должна слѣдовать принципу свободы торговли и въ томъ случаѣ, если бы сосѣдніе народы и не хотѣли отступить отъ тяжелой и гибельной политики.

При такомъ пониманіи свободы торговли нашъ экономистъ строго осуждаетъ таможенную политику.

Таможенныя пошлины падаютъ въ концѣ концовъ на землевладѣльцевъ. Такъ какъ они и безъ того платятъ налогъ, то значитъ имъ приходится платить два налога вмѣсто одного (стр. 94). При таможенныхъ пошлинахъ уменьшается конкуренція; таможенный налогъ является произвольнымъ и труднымъ для взиманія (стр. 98 и д.).

„Нѣкоторые могутъ сказать, замѣчаетъ Поплавскій, такъ: если сосѣднія страны обложатъ пошлинами ввозимые и вывозимые изъ Польши товары, то почему же намъ не наложить такихъ пошлинъ на ихъ товары? Отвѣчу на это, мы не можемъ и не должны дѣлать

этого, такъ какъ если у насъ будетъ оставлена свобода торговли. то примѣнившіе пошлину будутъ наносить себѣ вредъ, а не намъ. Мы не имѣемъ никакого основанія дѣлать имъ зло, такъ какъ они наносятъ ущербъ себѣ, а не намъ. Не можемъ дѣлать этого еще и потому, что желая нанести имъ вредъ, мы нанесемъ его только себѣ".

Въ своей прямолинейности выводовъ Поплавскій не отступаетъ и при слѣдующемъ допущеніи, которое, въ сущности говоря, характеризовало дѣйствительное положеніе Рѣчи Посполитой въ данную эпоху.

Допустимъ, „сосѣдніе народы, урѣзавши границы Польши благодаря силѣ и несправедливости, такъ окружатъ и стиснутъ остатки польской страны, что мы не въ состояніи будемъ никому ни продавать, ни у кого покупать, кромѣ только у нихъ и черезъ нихъ. Въ такомъ случаѣ пошлины на торговлю упадутъ на насъ вмѣстѣ съ ними, мы будемъ принуждены обогащать ихъ казну, нести тяжесть иностранныхъ налоговъ". На этотъ коварный вопросъ Поплавскій даетъ смѣло отвѣтъ въ духѣ исповѣдуемыхъ принциповъ: „даже будучи въ такомъ тяжеломъ положеніи, мы не можемъ и не должны думать съ своей стороны о препятствіи свободѣ торговли черезъ установленіе какихъ-либо пошлинъ... Конечно, при такихъ исключительныхъ условіяхъ мы уплачивали бы половину таможенныхъ пошлинъ, но если бы стали вводить пошлины и съ своей стороны, то нанесли бы двойной ущербъ богатству страны, населенію и самой торговлѣ. Лучше нести меньшее зло, чѣмъ большее" (стр. 107—108).

Свобода торговли, односторонне принятая въ нашей странѣ, откроетъ широкую дорогу всѣмъ отважнымъ контрабандистамъ, подыметъ мѣстную промышленность, которая тѣмъ скорѣе и лучше разовьется, чѣмъ дороже будутъ иностранные товары. благодаря пошлинамъ сосѣднихъ странъ (стр. 109).

Поплавскій одинаково отрицательно относится какъ къ ввознымъ, такъ и вывознымъ пошлинамъ (стр. 110). Такимъ образомъ, въ вопросѣ о свободѣ торговли первый польскій физіократъ остался строго послѣдовательнымъ фритредеромъ. Его прямолинейной послѣдовательности не могло поколебать даже и печальное положеніе народнаго хозяйства въ Польшѣ. Онъ преисполненъ глубокой, непоколебимой вѣры въ спасительность принципа свободы торговли и ратуетъ за его полное осуществленіе, невзирая на тяжелое поло-

жеміе страны, уже ставшей въ экономическую зависимость отъ Пруссіи

Поплавскій, какъ истый физіократъ, подвергаетъ критикѣ тотъ принципъ, что богатство заключается въ деньгахъ. „Много есть такихъ людей, которые подъ богатствомъ ничего другого не понимаютъ, какъ только деньги. Деньги, замѣчаетъ нашъ физіократъ, составляютъ богатство не сами по себѣ; послѣднее зависитъ отъ цѣнности и количества тѣхъ предметовъ, которые можно получить для собственнаго потребленія въ обмѣнъ за деньги (стр. 113). Самая значительная сумма денегъ, лежащая безъ обращенія, ничего не придаетъ дѣйствительному богатству страны .. Народу болѣе нужны блага, чѣмъ знаки ихъ, т. е.. деньги, поэтому нужно больше стараться о развитіи и усовершенствованіи земледѣлія, доставляющаго намъ блага, чѣмъ о горахъ золота или серебра“ (стр. 44). „Страна земледѣльческая, богатая сельскими продуктами при полной свободѣ торговли, всегда будетъ имѣть достаточное количество денегъ. Желать имѣть деньги безъ земледѣлія, это то же, что хотѣть достигнуть какого-нибудь слѣдствія безъ той причины, которая вызываетъ его. Желать при ограниченіи свободы привлечь въ страну побольше денегъ—это все равно, что для наполненія канала водой закрыть ея источникъ“ (стр. 118). Кстати сказать, Поплавскому была не чужда идея различія частнаго и народнаго хозяйства. На первыхъ страницахъ своего трактата онъ останавливается на выясненіи этого различія. „Интересъ частнаго хозяйства, говоритъ онъ, заключается въ томъ, чтобы платить рабочимъ возможно меньшую заработную плату и по возможности держать меньше рабочихъ, наоборотъ, народное хозяйство стремится къ возможно большей населенности страны и къ возможно большему богатству населенія“.

Какіе принципы должны лежать въ основѣ экономической политики государства, по мнѣнію Поплавскаго?

Правительство должно обезпечить свободу труда, личности и имущества. Государство ни въ коемъ случаѣ не должно содѣйствовать производству какими-либо положительными мѣропріятіями. Все здѣсь нужно предоставить частному интересу каждаго хозяйствующаго субъекта. „Личный интересъ каждаго и способность, усиленная стремленіемъ къ прибыли, замѣчаетъ Поплавскій, лучше и скорѣе смогутъ усовершенствовать земледѣліе, нежели любыя указанія, изобрѣтенія и машины, которыя ввозили бы въ нашу страну для улуч-

шенія хозяйства“ (стр. 55) Правительство должно взять на себя заботу о томъ, что не можетъ быть осуществлено силами самихъ обывателей. Проскальзываетъ у Поплавскаго и та мысль, что интересъ каждаго обывателя является въ то же время интересомъ всѣхъ (тождество личнаго и общаго интереса стр. 23). На этомъ основаніи онъ рѣшительно высказывается за свободу конкуренціи.

Правительство должно слѣдовать началамъ и законамъ природы. Наилучшій общественный порядокъ основывается на естественномъ порядкѣ (стр. 96—97).

Изъ этого краткаго изложенія воззрѣній Поплавскаго видно, что онъ популяризовалъ основные принципы французскаго физіократизма, въ иныхъ случаяхъ приспособляя ихъ къ условіямъ польской дѣйствительности. Отъ начала и до конца онъ остается чистымъ, послѣдовательнымъ физіократомъ, болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ даже самъ основатель физіократизма Кэне. Послѣдній, какъ извѣстно, свободу торговли считалъ только идеаломъ. Всеобщая и абсолютная международная торговля осуществима, по мнѣнію Кэне, только при естественномъ строѣ общественныхъ отношеній (ordre naturel)[1]). Между тѣмъ Поплавскій совершенно игнорируетъ тѣ историческія условія, въ которыхъ находилось польское хозяйство. Онъ рѣшительно и смѣло проводитъ идеи физіократизма даже тамъ, гдѣ болѣе вдумчивый экономистъ долженъ былъ бы поколебаться въ своей прямолинейности.

Поплавскій, будучи профессоромъ Краковской Академіи, являлся проводникомъ идей физіократизма и среди учащейся молодежи, какъ можно судить по темамъ, предлагавшимся для студенческихъ работъ въ Краковской Академіи[2]). Такимъ же убѣжденнымъ сторонникомъ физіократизма является другой представитель польской экономической науки Іеронимъ Стройновскій, профессоръ естественнаго права, а затѣмъ и ректоръ Виленской Академіи. Его сочиненіе „Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki polityczney y prawa narodów“ вышло первымъ изданіемъ въ 1785 г. Это, какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, обработка лекцій, читанныхъ имъ въ Виленской Главной Школѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и изданныхъ спеціально для своихъ учениковъ и слушателей.

---

[1]) См. van der Borght—Торговля и торговая политика. Спб. 1902. стр. 475; ср. проф. Онкенъ—выше цит., 381—82.

[2]) См. Korzon—выше цит., t. II, str 18; Grabski—выше цит., str. 42, прим.

Трактатъ Іер. Стройновскаго, сравнительно съ очерками Поплавскаго, отличается болѣе теоретическимъ характеромъ. Послѣдній въ рядѣ очерковъ, мало связанныхъ другъ съ другомъ, затрагиваетъ тѣ и другіе вопросы, чаще изъ области экономической политики; наоборотъ, Стройновскій пишетъ учебникъ. Въ виду этого его изслѣдованіе отличается большей систематичностью и послѣдовательностью. Конечно, и у Стройновскаго мы не находимъ какой-нибудь самостоятельной научной разработки теоретическихъ вопросовъ. Онъ пропагандируетъ воззрѣнія французскихъ физіократовъ съ не меньшей послѣдовательностью и прямолинейностью, чѣмъ Поплавскій.

Мархлевскій утверждаетъ, что у Стройновскаго замѣтно уже вліяніе Ад. Смита („Богатство народовъ" вышло въ 1776 г.). По его мнѣнію, система этого польскаго экономиста представляетъ синтезъ ученія физіократовъ и Ад. Смита. Въ доказательство этого Мархлевскій ссылается спеціально на главу объ обмѣнѣ, написанную яко бы подъ непосредственнымъ вліяніемъ Смита. Въ этой главѣ Стройновскій излагаетъ теорію цѣнности во многомъ сходную съ теоріей цѣнности Ад. Смита [1]).

Такое утвержденіе далеко нельзя признать обоснованнымъ. Начать съ того, что Стройновскій нигдѣ, ни единымъ словомъ не обмолвился объ Ад. Смитѣ. „Трудно допустить, справедливо замѣчаетъ Грабскій, чтобы Стройновскій, будучи знакомъ съ воззрѣніями Ад. Смита, а тѣмъ болѣе отражая на себѣ его вліяніе, не обратилъ вниманія на его острую критику физіократизма, хотя бы уже для того, чтобы опровергнуть ея главные доводы. Свою теорію цѣнности Стройновскій могъ заимствовать у канонистовъ, Галіани и многихъ другихъ писателей. Въ то время, какъ Ад. Смитъ ясно и опредѣленно подчеркнулъ разницу между потребительной и мѣновой цѣнностью, Стройновскій совершенно игнорировалъ это дѣленіе, ставя цѣнность въ зависимость отъ полезности, издержекъ производства спроса и предложенія" [2]).

Какъ увидимъ изъ анализа воззрѣній Стройновскаго, мнѣніе Грабскаго болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ. „Nauka prawa przyrodzonego" пользовалась большимъ успѣхомъ, уже въ 1805 г. вышло ея четвертое изданіе. Политическая экономія излагается въ третьей части

---

[1]) См. Marchlewski—выше цит., str. 336.

[2]) См. Grabski—выше цит., str. 49.

этой книги. По основнымъ своимъ воззрѣніямъ Іер. Стройновскій стоитъ еще на почвѣ чистаго физіократизма.

Согласно идеямъ своихъ французскихъ учителей, онъ различаетъ въ государствѣ слѣдующіе три класса: первый классъ, имѣющій ближайшее и непосредственное отношеніе къ ежегодному производству, это классъ земледѣльцевъ, называемый имъ производительнымъ. Земледѣльцы являются основой всего государства; свой доходъ они получаютъ отъ земли.

Другой классъ, имѣющій уже болѣе отдаленное отношеніе къ годовому производству—это землевладѣльцы. Они также получаютъ свой доходъ отъ земли, но черезъ посредство земледѣльцевъ. Третій классъ—промышленный, называемый безплоднымъ. Онъ перерабатываетъ плоды земли, торгуетъ ими, или какимъ-нибудь талантомъ оказываетъ услуги двумъ предшествующимъ классамъ (стр. 153, цитируемъ по 4 изданію).

Какъ совершается распредѣленіе годового дохода между тремя названными классами? Это распредѣленіе Стройновскій изображаетъ согласно системѣ физіократовъ, пользуясь даже „экономической таблицей“ Кэне (стр. 155—169).

Основой богатства народа является земледѣліе. Отъ его состоянія зависитъ не только судьба земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, но и судьба тѣхъ, которые входятъ въ промышленный классъ (стр. 175).

Искусства и ремесла не могутъ являться другимъ послѣ земледѣлія источникомъ богатства, такъ какъ, во-первыхъ, искусства и трудъ ремесленника только перерабатываютъ плоды земли; во-вторыхъ, цѣнность каждаго мануфактурнаго издѣлія слагается изъ цѣнности матеріала и цѣнности издержекъ рабочаго во время производства; въ третьихъ, всякая работа и услуга промышленнаго класса являются совершенно безплодными въ отношеніи годового воспроизводства (стр. 181). Здѣсь, какъ мы видимъ, Стройновскій ограничивается простымъ изложеніемъ идей физіократизма.

Какіе же практическіе выводы дѣлаетъ Стройновскій изъ этихъ теоретическихъ предпосылокъ? Правительство должно обращать всѣ свои старанія на усовершенствованіе земельныхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятій, оставляя всѣ другіе безплодные расходы ихъ естественному порядку. Не слѣдуетъ отвлекать на фабрики и мануфактуры рабочія руки и матеріальныя средства, столь еще нужныя

земледѣлію. Въ цѣляхъ насажденія въ странѣ промысловъ не нужно ни примѣромъ, ни отдѣльными распоряженіями побуждать обывателей къ тому, чтобы они увеличивали свои расходы на содержаніе и открытіе мануфактуръ, сокращая расходы на земледѣліе. Въ этихъ словахъ мы находимъ рѣшительное осужденіе той экономической политики, которую стремились проводить въ разсматриваемую эпоху передовые дѣятели Рѣчи Посполитой, насаждая фабрики и мануфактуры. По мнѣнію Стройновскаго, мануфактурная промышленность беретъ свое начало отъ земледѣлія; ея процвѣтаніе стоитъ въ неразрывной связи съ процвѣтаніемъ послѣдняго. Для развитія же земледѣлія необходимо, чтобы его продукты имѣли самый легкій и самый широкій сбытъ, устойчивую и высокую цѣну (стр. 177). Послѣднее замѣчаніе пріобрѣтаетъ иное освѣщеніе, если мы сопоставимъ его съ тѣмъ глубокимъ значеніемъ, какое имѣла хлѣбная торговля въ Польшѣ, а равно и съ тѣми затрудненіями въ сбытѣ, которыя ей приходилось претерпѣвать въ эту эпоху.

Ученіе о единомъ налогѣ, о деньгахъ развито Стройновскимъ согласно принципамъ своихъ учителей.

По вопросу о свободѣ торговли онъ высказывается съ такой же послѣдовательностью и прямолинейностью, какъ и Поплавскій. „Самая вѣрная, самая выгодная и самая полезная для народа политія торговли—это обезпеченная и ничѣмъ неограниченная свобода торговли“ (стр. 190). Ничего лучшаго и ничего болѣе выгоднаго не можетъ сдѣлать народъ, какъ предоставить полную свободу торговлѣ, безъ всякихъ исключеній, затрудненій, пошлинъ, заявленій, ревизій въ любое время, въ любомъ мѣстѣ для всѣхъ жителей (zostawuiąc zupełną handlu wolność, bez wszelkiey excepcyi, trudnosci, opłaty, opowiedzi, rewizyi, w każdem czasie, w każdem mieyscu, dla wszystkich, swego czyli iakegokolwiek kraiu obywatelów стр. 223).

Всякій тормазъ внѣшней торговли въ цѣляхъ развитія мануфактурной промышленности въ странѣ является гибельнымъ и безрезультатнымъ (стр. 233). Съ этой точки зрѣнія Стройновскій доказываетъ полную несостоятельность всякихъ таможенныхъ пошлинъ, налагаемыхъ какъ на вывозимые, такъ и на ввозимые товары (стр. 227, 229). „Глубоко ошибочно мнѣніе, что страна понесла бы потери, если бы оставила полную свободу внѣшней торговли и въ томъ случаѣ, когда всѣ ведущія съ нею торговлю страны ограничивали бы ее“. По мнѣнію Стройновскаго, она не только не потер-

пѣла бы никакихъ убытковъ, но чрезмѣрно выиграла бы отъ этого. Всѣ ея жители имѣли бы преимущество предъ жителями другихъ странъ: они являлись бы первыми продавцами своихъ товаровъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и послѣдними покупателями по дешевой цѣнѣ заграничныхъ издѣлій (стр. 281).

Іер. Стройновскій подвергаетъ суровой критикѣ принципъ меркантилизма—больше продавать и меньше покупать, исходя изъ того начала, что торговля есть взаимный обмѣнъ равноцѣнными благами. Каждый народъ является вмѣстѣ покупателемъ и продавцомъ; онъ покупаетъ постолько, посколько продаетъ. Слѣдовательно, не можетъ долго продолжаться такое положеніе, чтобы онъ покупалъ больше, чѣмъ продавалъ; въ концѣ концовъ должно установиться равновѣсіе между покупкой и продажей: обнищавшій народъ станетъ покупать меньше и по болѣе дешевой цѣнѣ (стр. 249 и д.). У тѣхъ народовъ, у которыхъ существуетъ свободная торговля, количество обращающихся денегъ всегда почти находится въ равновѣсіи, каждый имѣетъ ихъ соотвѣтственно обилію и цѣнности своихъ продуктовъ. При такомъ положеніи дѣла въ страну приходитъ за собственные товары столько денегъ, сколько уходитъ изъ страны за чужіе (стр. 258).

Торговые интересы одного народа являются въ то же время интересами всѣхъ народовъ. Всякій народъ близко заинтересованъ въ томъ, чтобы торгующіе съ нимъ народы были наиболѣе богаты. Ни одна нація не можетъ вредить торговымъ интересамъ другой націи безъ того, чтобы тѣмъ самымъ не наносить ущерба и себѣ (стр. 283). Возстаетъ онъ и противъ законовъ о роскоши, никогда не достигающихъ своей цѣли (стр. 264, 268).

Такимъ образомъ, и Стройновскій является убѣжденнымъ, горячимъ сторонникомъ свободы торговли. Онъ защищаетъ свободу торговли, исходя изъ высшихъ принципіальныхъ соображеній о тождествѣ интересовъ народовъ. У него также, какъ и у Поплавскаго, нѣтъ пониманія жизненныхъ потребностей своего отечества. Передъ нами чистый теоретикъ, совершенно игнорирующій основныя нужды своего народа и слѣпо вѣрящій въ спасительную силу своихъ теоретическихъ началъ.

Въ области экономической политики Стройновскій ставитъ государству отрицательныя, а не положительныя задачи: во-первыхъ,

полное обезпеченіе личности и собственности; во-вторыхъ. отмѣну всякихъ монополій, ограниченій, запрещеній и т. д.

Корзонъ, дѣлая общую оцѣнку воззрѣній Стройновскаго и Поплавскаго, приходитъ къ тому выводу, что эти два профессора, создавая „абстрактныя построенія объ условіяхъ богатства въ земледѣльческой странѣ, не понимали причинъ бѣдности Польши, не проникали въ цѣли и слѣдствія политики сосѣдей, не обращали вниманія на промышленную и денежную силу другихъ европейскихъ народовъ. Ихъ выводы, кажущіеся логичными и ясными, на практикѣ оказывались ошибочными и вредными. Такіе выводы могли бы занимать почетное мѣсто въ математической экономіи, но не въ политической, которая должна всегда считаться съ условіями пространства и времени, съ конкретными обстоятельствами и вліяніями иностранной политики“ [1]).

Мархлевскій, не соглашаясь съ такой оцѣнкой роли и значенія польскихъ физіократовъ, беретъ ихъ подъ свою защиту. Физіократизмъ въ Польшѣ соотвѣтствовалъ той ступени народнаго хозяйства, на какой оно находилось въ этой странѣ. „Въ концѣ XVIII в., когда натуральное хозяйство составляло фундаментъ экономической жизни въ Польшѣ, въ головахъ поляковъ господствовала, да и не могла не господствовать соотвѣтствующая система экономической науки“ [2]). „Физіократы не могли изобрѣсти другихъ системъ обложенія, кромѣ той, какую позволяло экономическое положеніе страны съ натуральнымъ хозяйствомъ, не могли проповѣдывать меркантильной политики въ области промышленности и торговли, потому что не было условій для такой системы. Они указали причину болѣзни общественнаго хозяйства въ неволѣ хлопа; бо́льшаго отъ теоретиковъ мы не въ правѣ требовать“ [3]).

На нашъ взглядъ, въ оцѣнкѣ значенія польскаго физіократизма ближе стоитъ къ истинѣ Корзонъ, чѣмъ Мархлевскій. Школа физіократовъ во Франціи имѣла свой смыслъ и значеніе, такъ какъ она возставала здѣсь противъ крайностей меркантильной политики, гибельно отразившейся на народномъ хозяйствѣ. Здѣсь физіократизмъ отражалъ нужды народнаго хозяйства, естественно вытекалъ изъ

---

[1]) См. Korzon—выше цит. t. II, str. 21

[2]) См. Marchlewski—выше цит. str 348

[3]) Ibid str. 354.

историческихъ условій. Въ Польшѣ же онъ явился наноснымъ явленіемъ, заимствованнымъ со стороны. Если не принимать въ расчетъ аграрной программы физіократовъ, близкой и родственной по духу польской шляхтѣ, то въ остальномъ система физіократизма была совершенно чужда польскому народному хозяйству Вѣдь и самъ Мархлевскій въ другомъ мѣстѣ подчеркнулъ, что физіократизмъ нельзя исключительно разсматривать съ точки зрѣнія его аграрной программы; въ немъ есть другіе принципы болѣе важные и кардинальные—это именно принципъ свободы труда, личности и собственности, признаніе принципа конкуренціи, отождествленіе частнаго и общественнаго интереса, вообще все то, что такъ хорошо выражается въ извѣстной фразѣ laissez faire, laissez passer.

Наконецъ, въ области земледѣлія физіократы отдавали рѣшительное предпочтеніе крупному производству, построенному на капиталистическихъ началахъ. Они мечтали о созданіи во Франціи крупныхъ фермерскихъ хозяйствъ на англійскій образецъ. Мелкая сельско-хозяйственная культура въ формѣ арендованія земель исполу (métayage), какъ не дающая чистаго дохода, съ точки зрѣнія французскихъ физіократовъ, не заслуживала покровительства государства [1]).

На этомъ основаніи далеко нельзя сказать того, что физіократизмъ, какъ система, соотвѣтствовалъ натуральному хозяйству. Польши. Наоборотъ, онъ бралъ подъ свою защиту интересы капиталистическаго хозяйства, а не натуральнаго.

Въ Польшѣ физіократизмъ являлся чужероднымъ растеніемъ, совершенно не приспособленнымъ къ той почвѣ, куда его пересадили. Польскіе физіократы рабски слѣдовали взглядамъ своихъ французскихъ учителей, совершенно не считаясь съ интересами и нуждами національнаго хозяйства. Въ одномъ пунктѣ они стояли на реальной почвѣ, именно въ вопросѣ объ эмансипаціи хлоповъ. Польскіе физіократы единодушно высказались за освобожденіе хлоповъ. Въ этомъ лежитъ ихъ большая заслуга въ исторіи Польши. Правда, имъ не удалось добиться какого-нибудь реальнаго результата. „Принудить господствующій классъ къ проведенію соціальной реформы, справедливо замѣчаетъ Мархлевскій, вопреки интересамъ его большинства, не въ состояніи сдѣлать ни одна теорія;“ но все-таки единогласно

[1]) См Онкенъ—выше цит. стр 367—8, ср. стр. 383.

высказанная и обоснованная польскими физіократами идея освобожденія хлоповъ должна была содѣйствовать перевороту взглядовъ польскаго общества на этотъ важный вопросъ и облегчить осуществленіе этой реформы въ будущемъ. Нельзя не упомянуть еще о тѣхъ заслугахъ, которыя польскіе физіократы оказали городской реформѣ въ лицѣ Коллонтая, Сташица и др.

Къ убѣжденнымъ сторонникамъ физіократизма принадлежитъ видный представитель польской экономической мысли Валеріанъ Стройновскій, братъ Іеронима. Валеріанъ Стройновскій является однимъ изъ дѣятельныхъ депутатовъ четырехлѣтняго сейма Такъ какъ его сочиненіе Ekonomika powszechna появилось только въ 1816 г., удобнѣе разсматривать воззрѣнія этого экономиста въ связи съ общими экономическими теченіями изъ эпохи конституціоннаго Царства Польскаго. Наоборотъ, нѣкоторые историки включаютъ В. Стройновскаго въ группу экономистовъ эпохи Ст. Августа въ виду того, что его политическая дѣятельность протекла въ эту именно эпоху. Оставаясь при своей точкѣ зрѣнія, мы въ настоящемъ случаѣ ограничимся указаніемъ на то, что В. Стройновскій принадлежалъ къ послѣдователямъ физіократизма. Подробный же анализъ его воззрѣній дадимъ въ связи съ экономическими направленіями слѣдующей эпохи.

Поплавскій, братья Стройновскіе—это столпы польскаго физіократизма, писавшіе спеціальные трактаты по политической экономіи въ духѣ физіократизма. Помимо этихъ главныхъ теоретиковъ, мы съ его идеями встрѣчаемся у многихъ публицистовъ, литераторовъ, дѣятелей изучаемой эпохи, не занимавшихся спеціально экономическими вопросами, но высказывавшихъ свои взгляды по тѣмъ или другимъ поводамъ. Историкъ народнаго хозяйства не можетъ обойти молчаніемъ и этихъ представителей физіократизма. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Дембовскаго. Намъ извѣстны два его сочиненія—„O podatkowaniu“ (w Krakowie 1791 r.) и „Rzecz Krótka o fabryce Sukiennej Krakowskiej“ (1791).

Въ первомъ Дембовскій, исходя изъ того принципа физіократизма, что только одна земля даетъ чистый доходъ, высказывается за уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе единаго налога на землю. „Самый лучшій налогъ, признаваемый теперь всѣми политиками—это единый прямой налогъ на землю“, замѣчаетъ нашъ авторъ (стр. 67). Дембовскій рѣшительно осуждаетъ таможенныя пошлины, какъ вывозныя, такъ и ввозныя (otoż niecnotylny sposob

ogołocenia kray z dobrodzieystw natury i przemysłu стр. 21—22). Протекціонной системой не только нельзя подвинуть развитія торговли и промышленности, но наоборотъ можно привести ихъ къ гибели.

Подобно другимъ польскимъ физіократамъ, Дембовскій превозноситъ благодѣтельныя послѣдствія свободы торговли: „никто не можетъ сомнѣваться, что все, ограничивающее свободу торговли, стѣсняетъ земледѣліе, наноситъ ущербъ торговлѣ, вредитъ промышленности. задерживаетъ ростъ населенія, вообще наноситъ ущербъ странѣ. невзирая на другія благопріятныя условія".

Въ другомъ сочиненіи, посвященномъ извѣстной намъ краковской суконной мануфактурѣ, Дембовскій также высказываетъ свою приверженность къ физіократической системѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ мыслями, что земля единственный источникъ народнаго богатства (стр. 7), что промышленность и торговля берутъ отъ земледѣлія свое начало и должны быть подчинены ему (стр. 14), что конкуренція не должна быть ограничиваема (стр. 113), что необходимо замѣнить рабское состояніе свободнымъ (стр. 19), что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ ограничивать свободы занятій Дембовскій отрицаетъ всякія положительныя мѣропріятія, направленныя къ развитію промышленности (Rząd Krajowy nie inną opiekę winien iest Rękodziełom okazać, iak tylko uchylać wszelkie zawady będące Przemysłowi na przeszkodzie стр. 40). Въ его глазахъ таможенная охрана отечественной промышленности является прямо безнравственной политикой. (Wkładać nakład na obce sukna, aby naszym Fabrykóm sprzedarz ulatwiac, co za potrzeba? Co za korzyść? Co za falszywa i podła Polityka? Cudze podatkiem nacisnąć, aby swemu ulżyć, iest (podług mnie) iedno co komu innemu rzecz iaką wydrzeć aby tęż sam pozyskać... стр. 54).

Въ приложеніи къ „Rzecz krótka" подъ заглавіемъ Uwagi ogólne nad Rękodziełami, stosowne do Rolnictwa i Handlu, uważanemi Дембовскій опредѣляетъ тѣ общіе принципы, какими должна руководствоваться экономическая политика при насажденіи промышленности. Эти принципы изложены имъ въ духѣ физіократизма. Авторъ рѣшительно осуждаетъ ту политику, которая стремится тѣми или другими мѣрами поднять промышленность. Вывозныя и ввозныя пошлины, lex sumptuaria и т. д.—все это мѣропріятія, не опирающіяся на истинныя начала экономіи (стр. 103). „Вообще всѣ усилія на этомъ пути останутся не только безъ результата, но даже получатъ на-

правленіе, противоположное самому намѣренію... (стр. 110). „Обязанность хорошаго правительства устранять всякаго рода помѣхи, направленныя къ стѣсненію фабрикъ или уменьшенію ихъ числа, черезъ исключительныя привиллегіи, монополіи, загораждающія дорогу къ промысламъ и соревнованію“ (стр. 112).

Отсюда мы видимъ, что Дембовскій является строго послѣдовательнымъ физіократомъ. И онъ относится отрицательно къ той экономической политикѣ, которая стремится положительными мѣрами насадить и развить промышленность.

Въ анонимномъ произведеніи—„Myśli polityczne dla Polski“ (w Warszawie, roku 1789) мы находимъ попытку примѣнить идеи физіократизма къ условіямъ польской дѣйствительности „Здѣсь, говоритъ Грабскій, мы имѣемъ ничто иное, какъ попытку освѣщенія текущихъ задачъ политической и соціальной жизни народа съ точки зрѣнія чистой доктрины физіократизма“ [1]). Анонимный авторъ разсматриваетъ тѣ и другіе вопросы, волновавшіе польское общество въ данную эпоху, съ точки зрѣнія физіократическихъ принциповъ. Само собой понятно, онъ отрицательно относится къ заботамъ о насажденіи промышленности. „О фабрикахъ и мануфактурахъ не слѣдуетъ безпокоиться; онѣ возникнутъ сами собой вмѣстѣ съ развитіемъ земледѣлія и ростомъ населенія. Забота о процвѣтаніи земледѣлія должна являться первымъ дѣломъ людей (прим. на стр. 36). „У насъ, продолжаетъ дальше авторъ, не достаетъ людей для земледѣлія, а мы думаемъ о фабрикахъ. Фабрики могутъ быть учреждаемы и развиваемы тамъ, гдѣ имѣется многочисленное населеніе“ (прим. на стр. 37). „Счастье всѣхъ сословій зависитъ въ Польшѣ отъ земледѣлія“ (прим. на стр. 102). „Съ расцвѣтомъ земледѣлія будутъ имѣть большій доходъ и города“ (стр. 81). Авторъ является горячимъ защитникомъ интересовъ землевладѣльческаго класса. Высказываясь за единый поземельный налогъ, онъ въ то же время подчеркиваетъ, что всѣ подати должны быть налагаемы съ умѣренностью (стр. 148). Критикуетъ законы противъ роскоши. Всякія затрудненія ввоза иностранныхъ товаровъ сокращаютъ только сбытъ за-границу продуктовъ отечественнаго земледѣлія [2]).

---

[1]) См. Grabski—выше цит str. 59.

[2]) Калинка, Пилатъ и Мархлевскій называютъ Myśli polityczne выдающимся политическимъ произведеніемъ данной эпохи. Грабскій, признавая его

Идеи физіократизма проповѣдывались и на страницахъ современной журнальной прессы [1]). Журналъ „Uwagi tygodniowe Warszawskie o pomnożeniu Ekonomii w Królestwie Polskiem", преслѣдовавшій практическія цѣли ознакомленія польскаго общества съ успѣхами народнаго хозяйства въ западно-европейскихъ странахъ, помѣстилъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ статью „O Ekonomii y wydoskonaleniu Gospodarstwa w powszechności" (№ II, 1768 г.), гдѣ незыблемо устанавливается положеніе, что „земледѣліе является первымъ и самымъ вѣрнымъ источникомъ народнаго богатства. Только въ рѣдкихъ случаяхъ страна, въ которой земледѣлію не принадлежитъ первенство, отличается богатствами. Несомнѣнная истина, что торговля и промыслы не могутъ дать богатства странѣ, если земледѣліе находится въ упадкѣ"

Статьи, пропагандирующія идеи физіократизма, встрѣчаются и въ такихъ политическихъ журналахъ второй половины XVIII в., какъ Pamiętnik Historyczno-Polityczny и Dziennik Handlowy.

Въ этихъ двухъ популярныхъ журналахъ экономическіе вопросы обсуждались часто и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Журналы охотно давали мѣсто статьямъ по экономическимъ вопросамъ, не стѣсняясь различіями принципіальныхъ точекъ зрѣнія авторовъ. Отсюда нерѣдко такое явленіе, что на страницахъ одного и того же журнала появлялись статьи, написанныя то въ духѣ физіократизма, то въ духѣ меркантилизма. Далеко нельзя сказать того, чтобы и взгляды редакцій отличались должной ясностью и опредѣленностью. Скажемъ, редакція въ принципѣ придерживается воззрѣній физіократизма, но при указаніи тѣхъ и другихъ мѣропріятій для содѣйствія промышленности та же самая редакція нерѣдко рекомендуетъ чисто

логическую ясность и послѣдовательность, видитъ въ немъ заурядное произведеніе теоретика-доктринера (Grabski—выше цит. str 61). Второе мнѣніе намъ кажется, болѣе вѣрнымъ.

[1]) Слѣдуетъ мимоходомъ замѣтить, что газеты данной эпохи не даютъ вѣрнаго представленія о политической жизни Польши. Въ газетахъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о разныхъ празднествахъ, церемоніяхъ, назначеніяхъ и пр., зато вопросы, волновавшіе польское общество, совершенно не затрагиваются ими. И только позже (въ девяностыхъ годахъ XVIII в.), когда появились партійныя газеты, онѣ стали удѣлять больше вниманія политической жизни, однако статей спеціально по экономическимъ вопросамъ мы не находимъ и въ нихъ. Ср. Pilat—выше цит str. 207—209

меркантильныя средства. Кстати сказать, эта непослѣдовательность и неустойчивость во взглядахъ на задачи экономической политики характерна для многихъ дѣятелей изучаемаго періода.

Въ настоящемъ случаѣ мы остановимся вкратцѣ на тѣхъ статьяхъ, которыя написаны въ духѣ физіократизма.

Pamiętnik Historyczno-Polityczny помѣстилъ переводъ съ нѣкоторыми добавленіями сочиненія Кэне—Maximes generales de gouvernement économique (1758 г.) подъ заглавіемъ Powszechne Ekonomiczne Maxymy rządu Kraiu rolniczego (за 1787—1788 г.). Въ иныхъ случаяхъ переводчикъ касается условій сельскаго хозяйства въ Польшѣ и высказываетъ по этому поводу тѣ и другія пожеланія, въ родѣ напр. того, что желательно привлечь евреевъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ. „Слѣдовало бы болѣе богатыхъ евреевъ принуждать къ арендѣ земель, пусть они набираютъ челядь изъ среды бѣдныхъ евреевъ, которые современемъ могутъ сами стать хозяевами и брать въ аренду землю отъ пановъ“. Разумѣется, это было бы очень выгодно для богатой, землями шляхты Въ другомъ случаѣ, переводчикъ рекомендуетъ замѣнить трехлѣтнюю аренду, широко распространенную въ Польшѣ, долгосрочной (на 50 лѣтъ) съ уплатой ежегоднаго чинша. Высказывается онъ также за раздѣленіе имѣній на фольварки. Особенно рекомендуется имъ эта система для духовныхъ имѣній и старостъ. „Это принесло бы пользу мелкой шляхтѣ, которая нашла бы здѣсь источникъ дохода“ (опять проглядываетъ защита классовыхъ интересовъ шляхты).

Въ статьѣ—Różne śrzodki przyspieszenia wielkości i potęgi Narodowey [1]) высказывается та мысль, что первымъ средствомъ для поднятія силы и мощи народа является усовершенствованіе земледѣлія, такъ какъ сельское хозяйство—фундаментъ всего политическаго строя государства. Если народъ хочетъ подняться изъ упадка, то онъ долженъ употребить всѣ силы на улучшеніе земледѣлія, Авторъ придаетъ большое значеніе заботѣ о томъ, чтобы въ сельскомъ хозяйствѣ стояла не высокая заработная плата.

Съ воззрѣніями физіократизма мы встрѣчаемся еще въ статьяхъ—„Uwagi statysta o naturalnym między Rolnikami, Rzemieślńikami i Kupcami Związku [2]), o Cechach“ [3]).

[1]) См. Pamiętnik Hist. Pol. 1789 r. str. 238.

[2]) См Dziennik Handlowy 1788 r str. 104.

[3]) Ibid. 1792 r str. 152.

Въ послѣдней статьѣ мы находимъ примѣчаніе редакціи слѣдующаго характера: „такъ какъ въ нашей странѣ рукодѣлія стѣснены монополіями цеховъ, то для рѣшенія вопроса, нужны они или нѣтъ, редакція и предполагаетъ статью своимъ читателямъ". Авторъ ея считаетъ необходимымъ уничтоженіе цеховъ.

Нѣкій „великій министръ и патріотъ" въ статьѣ о деньгахъ объявляетъ ложной европейскую политику, повышавшую пошлины на товары. Онъ стоитъ за отмѣну пошлинъ въ Польшѣ даже и въ томъ случаѣ, „если бы сосѣди такъ ее опоясали, что она вынуждена была покупать товары только отъ нихъ" [1]).

Редакторъ Dziennika Handlowego высказывается въ одномъ случаѣ за свободу торговли: „всякія запрещенія, хотя бы даже приносили нѣкоторую пользу странѣ, стѣсняютъ торговлю, а слѣдовательно, и вредны для нея" [2]).

Какъ видимъ, въ журналахъ встрѣчалось сравнительно немного статей съ физіократическимъ направленіемъ. Это обстоятельство очень характерно Въ то время, когда представители польской экономической науки жили идеями физіократизма, рабски слѣдовали французскимъ образцамъ; журналистика, болѣе внимательно слѣдившая за современными движеніями, отражала только въ слабой степени идеи физіократизма, она ближе стояла къ жизни, стараясь дать практическій отвѣтъ на тѣ вопросы, которые волновали тогда польское общество. Разумѣется, журналистика и не могла отводить много мѣста физіократической системѣ, доктринерскій характеръ которой слишкомъ ужъ бросался въ глаза.

Въ изучаемую эпоху въ Польшѣ существовалъ еще рядъ писателей, которые хотя и примыкали по своимъ основнымъ воззрѣніямъ къ физіократизму, однако въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ пунктахъ отступали отъ этой доктрины.

Среди такихъ писателей мы можемъ прежде всего назвать извѣстнаго политическаго дѣятеля данной эпохи Гугона Коллонтая. „Коллонтай принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, говоритъ Пилатъ, которые если сами не создаютъ эпохи въ народной жизни, то во всякомъ случаѣ идутъ во главѣ движенія и своею личностью даютъ ему на-

[1]) Dzien. Nand. 1786 r str. 196, 251—272.
[2]) Ibid. 1787 r. str. 484.

правленіе“ [1]). Съ воззрѣніями этого виднаго государственнаго дѣятеля въ Польшѣ интересно познакомиться еще и потому, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ въ политическихъ кругахъ. Примкнувъ къ партіи реформъ, Коллонтай организовалъ кружокъ изъ ея сторонниковъ. Сюда вошли писатели, публицисты, депутаты, представители молодежи; черезъ посредство этого кружка Гугонъ Коллонтай оказывалъ сильное вліяніе на общественное мнѣніе страны. Политическіе противники прозвали этотъ кружокъ коллонтаевской кузницей, съ какимъ прозвищемъ онъ извѣстенъ и въ исторіи [2]).

Коллонтай не оставилъ послѣ себя цѣльнаго трактата по экономіи. Его экономическія воззрѣнія разсѣяны по разнымъ сочиненіямъ. Въ своей философской работѣ (Porządek fizyczno-moralny, czyli nauka o należytościach i powinnościach człowieka, напис. въ заключеніи въ Олюмницѣ 1794—1802 г., вышла въ свѣтъ въ 1810 г.) онъ стоитъ въ общемъ на почвѣ физіократизма

Ближе касается Коллонтай экономическаго ученія физіократовъ въ своемъ политическомъ сочиненіи—„Do Stan. Małachowskiego anonima listów kilka“ (1788 г.). Объ этомъ произведеніи новѣйшій историкъ польской литературы Тарновскій выражается такъ: „безъ

---

[1]) Cм. R. Pilat—O Literaturze Politycznej Sejmu czteroletniego (1788—1792) str. 21. Наиболѣе безпристрастную, на нашъ взглядъ, оцѣнку этой интересной личности даетъ польскій историкъ Калинка—выше цит. str. 472 и д. Въ послѣднее время на польскомъ языкѣ появилась спеціальная монографія Вац. Токажа—„Ostatnie lata Hugona Kołłątaja“ Krak. 1905 t. I—II. Авторъ, пользуясь неизданными матеріалами, разсматриваетъ позднѣйшій періодъ жизни и дѣятельности этого выдающагося политическаго дѣятеля. Въ виду того, что изслѣдованіе Токажа не затрагиваетъ перваго болѣе важнаго періода его жизни, оно и не даетъ читателю цѣльнаго образа этой интересной личности. Авторъ часто увлекается мелочами, деталями, и въ подробномъ выясненіи этихъ деталей нерѣдко забываетъ объ основной своей задачѣ—характеристикѣ жизни и дѣятельности Коллонтая. Существеннымъ недостаткомъ этой монографіи слѣдуетъ признать и то, что авторъ не остановился на выясненіи генезиса міросозерцанія Коллонтая, не затронулъ его отношенія къ философіи просвѣщенія, въ частности къ Руссо и физіократамъ. Благодаря этому для читателя остаются непонятными нѣкоторые взгляды Коллонтая, какъ мыслителя и публициста.

[2]) Дѣятельными членами этой кузницы являлись Езерскій, Трембецкій Дмоховскій, Дембовскій и Конопка. По общему признанію, Езерскій былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ публицистовъ въ эпоху четырехлѣтняго сейма. „Онъ, какъ выражается Пилатъ, создавалъ политическую атмосферу не только въ столицѣ, но почти во всей странѣ“. См. Pilat—выш. цит. str. 183

преувеличенія можно сказать, что это одно изъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій XVIII в.“ [1]). Происхожденіе „Писемъ анонима къ Стан. Малаховскому“ такова: въ эпоху четырехлѣтняго сейма представители партіи реформъ обратились къ Коллонтаю съ просьбой изложить желанія и планы этой партіи въ формѣ писемъ къ Стан. Малаховскому, кандидату въ маршалки сейма 1788 г. Предложеніе было принято и въ результатѣ явилось это политическое произведеніе, сыгравшее такую важную роль въ исторіи польскихъ реформъ. Насъ интересуетъ не политическая сторона этого произведенія, но именно тѣ экономическія воззрѣнія, которыя мимоходомъ высказываетъ въ немъ авторъ. Собравъ воедино разсѣянныя здѣсь мысли, можно сказать, что Коллонтай въ вопросахъ экономической политики стоялъ на точкѣ зрѣнія физіократовъ. Онъ признаетъ единый поземельный налогъ, который долженъ взиматься съ чистаго дохода (cz. III, str. 293), отрицательно относится къ таможеннымъ пошлинамъ. Коллонтай считаетъ пошлины вредными и тогда, когда онѣ примѣняются въ цѣляхъ репрессіи. „Желая другимъ сдѣлать зло, мы наносимъ самимъ себѣ ущербъ. Налагаемъ ли мы пошлины на свои или чужіе товары, все равно онѣ падаютъ на насъ и намъ наносятъ вредъ“ (cz. III, str. 316, 317). Не согласенъ Коллонтай и съ тѣмъ, что деньги—богатство. „Онѣ только знаки, заступающія все то, что нужно для человѣка и что составляетъ массу годового воспроизводства“ (cz. III, str. 293 .

По вопросу объ источникѣ богатствъ Коллонтай радикально расходится съ физіократами. Источникъ богатствъ лежитъ не въ одной природѣ. „Человѣкъ не можетъ пріобрѣтать блага иначе, какъ только съ помощью собственныхъ силъ, труда и стараній. Тѣ блага, которыми онъ владѣетъ, куплены имъ у природы цѣной своего труда“. По поводу утвержденія физіократовъ, что ремесленный трудъ не создаетъ новой цѣнности, Коллонтай дѣлаетъ такое критическое замѣчаніе: „возьмемъ работу какого-нибудь ремесленника, вычислимъ его расходы по обзаведенію, по покупкѣ сырого матеріала, на пропитаніе и пр., сопоставимъ все это съ цѣнностью купленной вещи и мы найдемъ, что теорія не согласуется съ практикой, что человѣческая рука, помимо всѣхъ расходовъ, вложенныхъ въ заведеніе,

[1]) См. Tarnowski—Historya literatury Polskiej. Wyd. drug. t. III. W. 1904 str. 448.

въ матеріалъ, на содержаніе ремесленника, получила свое вознагражденіе, или выражаясь языкомъ экономистовъ, послужила причиной цѣнности вещи и вмѣстѣ новаго богатства“ (cz. III, str. 120) Такимъ образомъ, острый умъ Коллонтая подмѣтилъ слабый пунктъ въ теоріи физіократизма и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ вѣрный путь для разрѣшенія основной экономической проблемы.

„Чѣмъ можно объяснить ошибку въ столь ясной системѣ“, спрашиваетъ онъ? „Полагаю, что не въ самой системѣ, но лишь въ примѣненіи ея заключается ошибка. Къ массѣ ежегодно воспроизводимыхъ продуктовъ промышленность ничего не придаетъ, но цѣнность этой массы она можетъ повысить“ (str. 121). Свою мысль Коллонтай поясняетъ на другомъ примѣрѣ: такъ какъ покупательная способность денегъ не всюду одинакова, а равно и трудъ не вездѣ одинаково оплачивается, то естественно, что при внѣшней торговлѣ можетъ получаться прибыль Слѣдовательно, промышленность и торговля, не прибавляя ничего къ массѣ воспроизводимыхъ благъ, могутъ прибавить къ богатству страны, въ виду именно цѣнности человѣческаго труда (str. 122). Другой выводъ тотъ, что „чистый доходъ не является удѣломъ однихъ только землевладѣльцевъ. Поскольку ремесла при обмѣнѣ отечественныхъ продуктовъ на иностранные могутъ получать прибыль, постолько они и умножаютъ богатство страны. Откуда получаетъ свой чистый доходъ Голландія? Рука и промыселъ трудолюбиваго человѣка въ каждой части свѣта, на всякой землѣ сумѣютъ обезпечить себѣ содержаніе. Голландцы являются купцами и ремесленниками для остальной Европы, чистый ихъ доходъ основывается на промышленности и торговлѣ“ (str. 123).

„Итакъ, что есть богаство и что является причиной богатства? На это, говоритъ Коллонтай, пользуясь словами Галіани, мы должны сказать: человѣкъ является самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ. Безъ человѣческаго труда земля не можетъ давать богатствъ въ такомъ изобиліи; все воспроизводство земли, если его не утилизируетъ человѣкъ, перестаетъ быть цѣннымъ и нужнымъ“. Сопоставляя взглядъ Галіани съ взглядомъ физіократовъ на землю, какъ единый источникъ богатства, Коллонтай опредѣляетъ свое мѣсто въ срединѣ между этими двумя противоположными воззрѣніями: „землю я назвалъ бы *единой сокровищницей* богатствъ, а руку человѣка *ключемъ*, безъ котораго нельзя приступить къ указаннымъ богатствамъ (ziemię nazywam jedy-

nem bogactw skarbem, a rękę człowieka kluczem bez którego bogactw rzeczonych dostąpić nie można). Человѣкъ и земля вотъ общая причина массы богатствъ" (прим. къ стр. 281).

Въ данномъ случаѣ Коллонтай, не порывая связей съ физіократизмомъ, уже приближается къ воззрѣніямъ классической школы. Нельзя дать точнаго отвѣта на интересный вопросъ о томъ, какимъ образомъ дошелъ Коллонтай до своего вывода, путемъ ли критики физіократизма или здѣсь сказалось вліяніе „Богатства народовъ" Ад. Смита? Во всякомъ случаѣ, нужно поставить въ большую заслугу Коллонтаю ясную и точную формулировку того положенія, что масса богатствъ далеко не тождественна съ массой ежегодно воспроизводимыхъ благъ, а во вторыхъ, что промышленность и торговля увеличиваютъ цѣнность богатствъ данной страны. Впрочемъ, брошенныя вскользь мысли не обратили на себя должнаго вниманія послѣдующихъ польскихъ экономистовъ и потому не оказали никакого вліянія на развитіе экономической мысли въ Польшѣ.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то, что хотя Коллонтай уже и призналъ большое значеніе за промышленностью и торговлею, однако въ вопросахъ экономической политики все-таки стоялъ на почвѣ физіократизма.

Въ другомъ политическомъ произведеніи—„Prawo polityczne narodu polskiego czyli układ rządu Rzeczypospolitey" (cz. IV, W. 1790). Коллонтай въ видѣ основного принципа политики Речи Посполитой выставляетъ такое требованіе: „каждому на территоріи государства должна быть предоставлена свобода пользоваться личными силами и своимъ имуществомъ такъ, какъ онъ самъ находитъ для себя лучше" (str. 7). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ намекъ на принципъ—laissez faire...

Еще болѣе непослѣдовательнымъ физіократомъ является другой выдающійся дѣятель интересующей насъ эпохи Сташицъ. Извѣстность его начинается съ момента появленія перваго произведенія „Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego" (1785 г.). Эта книга имѣла невиданный дотолѣ въ Польшѣ успѣхъ [1]). „Сташицъ, какъ замѣчаетъ Тар-

[1]) „Uvagi" Сташица, говоритъ Пилатъ, произвели неслыханное впечатлѣніе въ обществѣ и дали первый толчокъ къ громадному оживленію публицистики". Pilat—выше цит. str. 55. Ср. Tarnowski—выше цит. str. 441, 459.

новскій, не былъ апостоломъ и сѣятелемъ новыхъ идей, но могучимъ и смѣлымъ выразителемъ понятій и чувствъ“ [1]).

Что касается экономическихъ воззрѣній этого публициста, то здѣсь характернымъ является слѣдующее: хотя Сташицъ придерживается въ принципѣ физіократизма, однако на практикѣ нерѣдко отступаетъ отъ догматовъ этой системы. Онъ со спокойной совѣстью пополняетъ свой физіократизмъ меркантилистическими воззрѣніями, при рѣшеніи тѣхъ и другихъ практическихъ вопросовъ. Въ сущности, его экономическія воззрѣнія представляютъ простое механическое сочетаніе идей физіократизма и меркантилизма.

Въ сочиненіи „Przestrogi dla Polski z terazneyszych politycznych Europy związkow y z praw natury wypadaiące“ [2]) (1790 r.) Сташицъ категорически устанавливаетъ, что всякое богатство людей заключается въ земледѣліи (str. 10). Земледѣліе есть источникъ богатства, жизни и свободы (str. 132). Изъ всѣхъ ремеслъ и наукъ земледѣліе является самымъ первымъ (naypierwszym rolnictwo). Заботы правительства должны быть направлены прежде всего и больше всего на улучшеніе сельскаго хозяйства (str. 136) [3]).

Сташицъ признаетъ, согласно физіократизму, наиболѣе справедливымъ поземельный налогъ съ чистаго дохода. По практическимъ соображеніямъ онъ не можетъ быть введенъ въ Рѣчи Посполитой и потому приходится пользоваться косвенными и личными налогами (Uwagi—str. 184 и д.).

Эти же соображенія заставляютъ Сташица идти на компромиссъ и въ вопросѣ о свободѣ торговли. Признавая ее въ принципѣ, онъ на практикѣ считаетъ нужнымъ ограничить свободу внѣшней торговли при нынѣшнихъ условіяхъ, когда государства относятся другъ къ другу враждебно. Для этого Сташицъ рекомендуетъ облегчить, насколько воз-

---

[1]) См. Tarnowski— выше цит. str 459; съ такимъ огнемъ, съ такой силой какъ Сташицъ, замѣчаетъ польскій историкъ Калинка, никто до него не говорилъ, никто не болѣлъ надъ язвами отечества, никто не громилъ преступленій“.

[2]) Объ этомъ сочиненіи въ современномъ журналѣ дается такой отзывъ: „между всѣми вышедшими сочиненіями въ эпоху нынѣшняго сейма нѣтъ ни одного столь важнаго и столь интереснаго, достойнаго вниманія сейма, какъ Przestrogi“. Pamiętnik Pol. Hist. 1790 r.

[3]) Ср. Проф. Довнаръ-Запольскій—Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи—Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв стр. 182.

можно, вывозъ отечественныхъ продуктовъ, а съ другой стороны, запретить ввозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ быть производимы въ Польшѣ (Uwagi—str. 153, 154).

Въ цѣляхъ развитія отечественнаго производства и сокращенія вывоза денегъ за-границу Сташицъ рекомендуетъ ввести законы противъ роскоши. Слѣдуетъ воспретить всѣмъ потребленіе предметовъ роскоши, а равно и тѣхъ иностранныхъ продуктовъ, которые могутъ быть вырабатываемы дома (Uwagi —str. 161, 165). Онъ обращается съ горячимъ призывомъ къ полькамъ одѣваться въ простыя отечественныя матеріи, избѣгая иностранныхъ. „Наша убогая отчизна приходитъ въ нищету, одѣвая васъ въ шелкъ, дорогіе камни, въ серебро и золото", съ горечью восклицаетъ публицистъ.

Сташицъ, придерживаясь въ теоріи физіократизма, въ области экономической политики выступаетъ, какъ сторонникъ меркантилизма. Этимъ и объясняется двойственность его экономическихъ воззрѣній. Вообще, этотъ публицистъ не отличается ни особой послѣдовательностью, ни систематичностью. Его сочиненія полны противорѣчій, неясностей, отсюда и понятна возможность соединенія въ одно цѣлое физіократизма съ меркантилизмомъ [1]).

Разборъ воззрѣній польскихъ физіократовъ показываетъ, что физіократическое направленіе въ Польшѣ было довольно сильно пред-

[1]) Мархлевскій называетъ Сташица непослѣдовательнымъ сторонникомъ физіократизма. Грабскій по этому поводу замѣчаетъ, что „Сташицъ не только не былъ сторонникомъ доктрины физіократизма, послѣдовательнымъ или непослѣдовательнымъ, но даже и вообще не былъ экономистомъ, сторонникомъ какой бы то ни было экономической системы. Экономическія проблемы онъ всегда разсматриваетъ какъ часть общихъ соціально-политическихъ задачъ Рѣчи Посполитой и разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія своихъ соціально-философскихъ принциповъ. Если бы мы не боялись впасть въ анахронизмъ, то сказали бы, что онъ не былъ экономистомъ, но соціологомъ". (Zarys Rozwoju idei społeczno-gospod str. 164). Несомнѣнно, Сташицъ не оставилъ послѣ себя цѣльной экономической системы, однако это не мѣшало ему высказываться въ своихъ сочиненіяхъ по тѣмъ и другимъ экономическимъ вопросамъ. Объединяя отдѣльныя мысли, высказанныя имъ по разнымъ поводамъ, мы можемъ составить нѣкоторое понятіе объ его экономическихъ воззрѣніяхъ. Краткій анализъ ихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что болѣе правъ Мархлевскій, чѣмъ Грабскій. Кстати будетъ сказать, что послѣдній очень высоко ставитъ Коллонтая и Сташица, какъ представителей польской философской мысли. По его мнѣнію, въ философскихъ системахъ Сташица и Коллонтая объединены въ одно цѣлое здоровые элементы какъ физіократизма,

ставлено въ эту эпоху. Прежде всего, физіократизмъ являлся общепризнанной системой экономической науки, авторитетъ которой широко поддерживался учеными представителями. Считалось признакомъ учености и культурности исповѣдывать и признавать принципы физіократизма in thesi, но надъ вопросомъ о послѣдовательномъ проведеніи этихъ принциповъ въ жизнь задумывались сравнительно немногіе.

Далеко нельзя согласиться съ Мархлевскимъ, который характеризуетъ распространеніе въ Польшѣ идей физіократизма въ такихъ словахъ: „нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ тогдашней литературѣ, посколько она касается экономическихъ вопросовъ, мы всегда встрѣчаемся съ воззрѣніями физіократизма: въ брошюрной литературѣ, столь обширной въ эпоху четырехлѣтняго сейма, въ періодическихъ изданіяхъ, въ польскихъ рѣчахъ, всюду тотъ способъ аргументаціи, въ которомъ всякій узнаетъ физіократизмъ“ [1]). Это утвержденіе Мархлевскаго является далеко неточнымъ. Сильно было теченіе и противоположное—камералистическое. Если это направленіе и не дало такихъ крупныхъ сочиненій, которыя могли бы стать

такъ и камерализма Этотъ синтезъ былъ выполненъ на почвѣ англійскаго сенсуализма и раціоналистической философіи энциклопедистовъ. Свои системы Сташицъи Коллонтай приспособляли къ потребностямъ страны Въ то время, какъ западная философія была сплошь индивидуалистична, представители польской мысли отказались отъ этого индивидуализма и въ основу всѣхъ другихъ реформъ положили реформу народнаго воспитанія и образованія

Съ нашей точки зрѣнія „философскія системы“ Сташица и Коллонтая далеко не представляютъ изъ себя чего-нибудь самобытнаго и самостоятельнаго. Это ни больше, ни меньше какъ эклектики, которые включали въ свои системы господствовавшія на Западѣ воззрѣнія, главнымъ образомъ заимствуя ихъ изъ философіи просвѣщенія, въ частности у Руссо Съ той разницей, что Коллонтай болѣе систематически, нежели Сташицъ, излагаетъ воззрѣнія западно-европейскихъ мыслителей. Польскій историкъ Калинка совершенно вѣрно замѣчаетъ, что сочиненія Сташица—это скверное польское изданіе Руссо

Можно согласиться съ Грабскимъ, что система воспитанія, предложенная Сташицемъ и Коллонтаемъ, была проникнута глубоко національнымъ духомъ въ отличіе отъ космополитическаго характера педагогическихъ воззрѣній французскихъ мыслителей Но эта черта не придаетъ философской глубины и самобытности системамъ двухъ вышеназванныхъ писателей.

Самъ же Грабскій при детальномъ анализѣ воззрѣній Сташица и Коллонтая не разъ подчеркиваетъ ихъ заурядный эклектизмъ.

[1]) См. Marchlewski—выше цит. str 347.

вровень съ трактатами польскихъ физіократовъ, тѣмъ не менѣе оно имѣло многихъ сторонниковъ среди современнаго польскаго общества. Спеціальныхъ сочиненій было сравнительно немного, но зато много было такихъ произведеній, публицистическихъ и политическихъ, гдѣ пропагандировались идеи камерализма попутно.

Сташицъ занималъ, въ сущности, переходное мѣсто между камерализмомъ и физіократизмомъ; въ такомъ же отношеніи къ двумъ названнымъ направленіямъ стоятъ и нѣкоторыя другія произведенія.

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить весьма интересное сочиненіе анонимнаго автора—Uwagi nad Uwagami czyli Obserwacye nad książką, która w roku 1785 wyszła pod tytułem Uwagi nad życiem J. Zamojskiego. Оно вышло въ свѣтъ въ 1789 г., какъ отвѣтъ на извѣстное намъ сочиненіе Сташица. Uwagi nad Uwagami, какъ справедливо отмѣчено въ польской литературѣ, не представляютъ изъ себя строго-систематическаго изслѣдованія, это ни больше, ни меньше какъ замѣтки и матеріалы, правда, весьма интересные, полные разсудительности и къ тому же еще блещущіе юморомъ и остроуміемъ [1]). Въ авторѣ, который изъ скромности выдаетъ себя за неученаго человѣка, можно видѣть весьма образованнаго и наблюдательнаго изслѣдователя, близко знакомаго съ экономическимъ положеніемъ страны. Особенно хорошо ему знакомы первые опыты насажденія въ Польшѣ промышленности. Намъ уже приходилось пользоваться его нѣкоторыми весьма цѣнными характеристиками и описаніями.

Главную особенность воззрѣній анонимнаго автора Uwagi nad Uwagami, сближающую его съ физіократами, нужно видѣть въ ученіи о налогѣ. Среди всѣхъ налоговъ наилучшимъ и наиболѣе удобнымъ для взиманія является, по его мнѣнію, тотъ, который падаетъ на землю (str. 163). Анонимный публицистъ рѣшительно высказывается противъ полнаго запрещенія вывоза денегъ. Подобное запрещеніе имѣетъ такой же смыслъ, какъ и попытка задержать теченіе рѣкъ съ цѣлью лишить ниже лежащія земли воды. Ему кажутся странными попытки нѣкоторыхъ министровъ и дѣятелей привлекать въ страну деньги и затѣмъ здѣсь ихъ удерживать. „Почему они не хо-

[1]) См Tarnowski—выше цит.str. 464—465 Какъ показываютъ ссылки, авторъ даже знакомъ съ экономическими воззрѣніями Юма. Вліяніе послѣдняго замѣтно отразилось на его книгѣ

тятъ задержать теченіе рѣкъ для того, чтобы заставить сосѣднія страны покупать и воду? Если народъ совершенно будетъ лишенъ денегъ, то вѣдь сама нужда заставитъ его взяться за работу. Сырые продукты падутъ въ цѣнѣ, это побудитъ иностранныхъ купцовъ закупать для вывоза подешевѣвшіе продукты. Усиленіе вывоза вызоветъ повышеніе цѣнъ, а это въ свою очередь приведетъ къ расширенію производства данныхъ продуктовъ и въ результатѣ деньги вновь прильютъ въ страну и такимъ образомъ, установится равновѣсіе" (str. 70). Въ подтвержденіе авторъ ссылается на Юма, основательно выяснившаго этотъ вопросъ (str. 71)

Съ другой стороны, очевидно, подъ вліяніемъ меркантилизма авторъ отрицательно относится къ неограниченной свободѣ вывоза, защищаемой Сташицемъ. Съ его точки зрѣнія болѣе цѣлесообразно воспретить вывозъ сырья или обложить его высокой пошлиной, наоборотъ для выдѣлываемыхъ изъ него фабрикатовъ облегчить вывозъ и вмѣстѣ затруднить ввозъ въ страну иностранныхъ товаровъ Такая политика могла бы пріохотить къ умноженію мануфактуръ. Въ данномъ случаѣ, передъ нами сознательный защитникъ интересовъ нарождавшейся промышленности (str. 78)

Причины неудачи первыхъ попытокъ насажденія промышленности авторъ видитъ въ отсутствіи правительственной защиты новыхъ предпріятій, затѣмъ въ необезпеченности личной и имущественной безопасности (str. 79—80). Для болѣе успѣшнаго развитія мануфактуръ онъ рекомендуетъ назначить для нихъ особые города и предоставить послѣднимъ соотвѣтствующія льготы: по его мнѣнію, эта мѣра должна будетъ вызвать значительный приливъ иностранныхъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и капиталистовъ.

Скарбовая коммиссія можетъ и положительными мѣропріятіями содѣйствовать развитію промышленности. Она можетъ открыть предпринимателямъ и ремесленникамъ кредитъ, можетъ заставить подвѣдомственныхъ ей чиновъ закупать на мѣстахъ сырье для мануфактуръ, наконецъ, устроить склады при таможняхъ для сбыта готовыхъ фабрикатовъ (str. 81). Какъ видимъ, авторъ намѣчаетъ цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій для содѣйствія отечественной промышленности. Его программа экономической политики уже радикально расходится съ программой физіократическихъ писателей.

Мануфактуры авторъ рекомендуетъ заводить въ людныхъ городахъ или тамъ, гдѣ имѣется избыточное населеніе, гдѣ значительная часть населенія не находитъ уже себѣ достаточной работы и средствъ пропитанія (str. 84). При введеніи мануфактуръ было бы своевременно даровать свободу каждой холопской семьѣ, которая выработаетъ извѣстное количество льну, выткетъ полотно опредѣленной тонкости (str 85). Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ авторъ является болѣе осторожнымъ и консервативнымъ, чѣмъ физіократы. Вообще его политическія воззрѣнія менѣе демократичны, чѣмъ воззрѣнія того же Сташица.

Въ разсмотрѣнномъ нами произведеніи впервые слышится голосъ сторонника интересовъ мануфактурной промышленности. Оцѣнка авторомъ первыхъ неудачныхъ опытовъ насажденія этой промышленности показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ глубокимъ знатокомъ польскаго народнаго хозяйства, прекрасно понимавшимъ его нужды и тѣ условія, которыя неблагопріятствовали возникновенію новой отрасли производства

Камералистическое теченіе въ Польшѣ, несомнѣнно, возникло подъ вліяніемъ нѣмецкаго камерализма. Послѣдній, какъ извѣстно, возникъ изъ чисто практическихъ соображеній. Въ большинствѣ германскихъ государствъ существовали особыя палаты, извѣстныя подъ именемъ камеръ, завѣдывавшія какъ хозяйствомъ государственныхъ помѣстьевъ, такъ и нѣкоторыми отдѣлами экономической политики Естественно, что для участія въ дѣятельности этихъ камеръ нужны были люди хорошо знакомые съ экономическими вопросами; спеціально для подготовки ихъ и были образованы при университетахъ каѳедры камеральной науки. Въ новой наукѣ рядомъ съ чисто техническими свѣдѣніями изъ области лѣсного хозяйства, рудного дѣла и пр., разсматривались и общія условія національнаго благосостоянія. Отсюда, какъ извѣстно, и беретъ свое начало нѣмецкая политическая экономія.

Камерализмъ является специфической формой меркантилистической литературы Германіи. Нельзя забывать, что меркантилизмъ не теоретическая система полит. экономіи, а практическая. Его представители разрабатывали исключительно вопросы торговой и экономической политики. Въ виду того, что экономическая политика каждой страны имѣла свои особенности, поэтому и система меркантилизма далеко не являлась однородной. Французскій меркантилизмъ

не тотъ, что англійскій или голландскій. Тѣ своеобразныя задачи, которыя были выдвинуты въ экономической политикѣ Германіи самой жизнью послѣ 30-лѣтней войны, наложили свой отпечатокъ на нѣмецкій меркантилизмъ Эти задачи сводились къ заселенію опустошенныхъ областей и городовъ, а во-вторыхъ—къ улучшенію финансовъ. Онѣ и вошли составными элементами въ камеральную науку. [1])

Въ сущности говоря, камерализмъ, какъ система экономической политики, это тотъ же меркантилизмъ съ нѣкоторыми только своеобразными особенностями.

Главнѣйшія отличительныя особенности камерализма слѣдующія: 1) оцѣнка экономическихъ отношеній народа съ точки зрѣнія интересовъ государства и въ частности интересовъ его фиска; 2) признаніе равнаго значенія за торговлей, промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ; 3) и наконецъ теоретическій эклектизмъ, соединявшій въ одну систему принципы разнородныхъ доктринъ [2]). Камерализмъ полагалъ богатство и силу государства въ количествѣ населенія, а не въ деньгахъ. Въ остальныхъ пунктахъ онъ ничѣмъ существенно не отличался отъ меркантилизма, почему многіе изъ историковъ политич. экономіи прямо называютъ нѣмецкихъ камералистовъ меркантилистами.

Для распространенія воззрѣній камерализма въ Польшѣ благопріятную почву должно было создать процвѣтаніе сосѣдней Пруссіи, усвоившей принципъ камерализма. Какъ теоретики, такъ и практики-политики эпохи Стан. Августа любили ссылаться въ своихъ сочиненіяхъ, рѣчахъ на примѣръ Пруссіи, на политику Фридриха Великаго. Естественно, что успѣхи ближайшей сосѣдки въ области народнаго хозяйства должны были навести польскихъ дѣятелей на мысль о томъ, нельзя ли и Польшѣ воспользоваться столь разумной политикой. Такимъ образомъ была подготовлена почва къ воспріятію идей камерализма.

Подобно тому, какъ физіократизмъ въ Польшѣ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ въ зависимости отъ національныхъ особенностей (по вопросу о хлопахъ), такъ и нѣмецкій камерализмъ нуждался въ соотвѣтствующемъ приспособленіи къ условіямъ польской дѣйстви-

---

[1]) См. проф. Онкенъ—выше цит. стр 232

[2]) См Grabski—выше цит str. 72—73

тельности. Это приспособленіе уже вызывалось тѣмъ, что въ Речи Посполитой камерализмъ, какъ наука абсолютной монархіи, долженъ былъ получить республиканскій характеръ. а во-вторыхъ, являясь системой практическихъ мѣропріятій, онъ долженъ былъ считаться съ конкретными потребностями даннаго государства. Слѣдовательно. польскій камерализмъ ни въ коемъ случаѣ не могъ быть простой копіей нѣмецкаго [1]).

Среди представителей польскаго камерализма въ данную эпоху первое мѣсто занимаютъ Наксъ и Выбицкій. Первый написалъ нѣчто въ родѣ учебника по политической экономіи подъ заглавіемъ— Wykład początkowy prawideł ekonomiki politycznej, z przystósowaniem przepisów gospodarstwa narodowego do onego wydźwignienia i polepszenia, stosownie do stanu, w którym rzeczy zostają (W. 1790)

Въ сущности говоря, этотъ Wykład, вопреки заглавію, не представляетъ изъ себя элементарнаго учебника, но просто собраніе разныхъ совѣтовъ и взглядовъ практика-инженера по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ [2]). Впрочемъ и самъ Наксъ указываетъ на то, что цѣль его сочиненія не научная, а практическая—облегчить пониманіе дѣйствительныхъ, экономическихъ нуждъ Речи Посполитой.

Изложеніе этихъ практическихъ нуждъ онъ и начинаетъ съ налоговъ. Наиболѣе справедливымъ налогомъ для Польши Наксъ считаетъ земельный налогъ. Въ данномъ случаѣ онъ основывается не на экономическихъ соображеніяхъ, приводимыхъ физіократами, но на политическихъ: въ республикѣ неприкосновенность личности

---

[1]) См Grabski—выше цит., str. 74

[2]) Грабскій признаетъ сочиненіе Накса однимъ изъ наиболѣе выдающихся произведеній конца XVIII в „Стоитъ оно во всѣхъ отношеніяхъ выше сочиненія Поплавскаго, если оно и уступаетъ трактату Іер Стройновскаго теоретической глубиной, зато значительно превосходитъ его здравымъ, яснымъ пониманіемъ реальнаго положенія вещей" (str. 99—100). Наоборотъ, проф Очаповскій видитъ въ немъ посредственное произведеніе въ духѣ камерализма, стоящее значительно ниже сочиненій Поплавскаго и Стройновскаго См. Oczapowski—Rostrząsania i rozbiory w naukach politycznych i ekonomicznych. Biblioteka Umiejętności Prawnych W 1889, str. 524, 552. Ср. Korzon—выше цит., t. II, str 29—30. По нашему мнѣнію, вѣрнѣе оцѣнка перваго, чѣмъ второго. Если сочиненіе Накса и не отличается систематичностью и глубокимъ пониманіемъ теоріи народнаго хозяйства, зато оно поражаетъ читателя правильной оцѣнкой экономическаго положенія Польши и яснымъ пониманіемъ ея конкретныхъ нуждъ и потребностей

и жилища препятствуютъ введенію налоговъ на другіе предметы (str. 3).

Другой источникъ силы государства, помимо финансовъ, образуетъ населеніе. „Между тѣми средствами, которыя содѣйствуютъ улучшенію народнаго хозяйства, самымъ первымъ является населеніе, достаточное и для земледѣльческихъ работъ, и для промышленности и торговли . На многочисленности жителей (при условіи, что они трудолюбивы, бережливы, предпріимчивы, скромны, трезвы, послушны законамъ и любящіе свое отечество) покоится богатство, безопасность и слава государства. Правительство каждой страны должно прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно больше увеличить населеніе“ (str. 84—86).

Для увеличенія населенія Наксъ рекомендуетъ слѣдующее: во-первыхъ, самое полное обезпеченіе личности, чести и имущества для всѣхъ, находящихся на территоріи государства. во-вторыхъ, самая широкая свобода занятій для гражданъ, пусть каждый берется за ту дѣятельность и за тѣ обороты, какіе кажутся ему подходящими для своего благосостоянія; и въ-третьихъ, заботы о здоровьи народа (организація медицинской помощи str. 87—93). Ростъ населенія задерживаютъ и тѣ притѣсненія, какимъ подвергаются крѣпостные. Призывая горячо своихъ соотечественниковъ къ гуманному обращенію съ крѣпостными, Наксъ говоритъ, что „дѣло идетъ не объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости въ одинъ пріемъ, но лишь о предоставленіи этому полезному классу населенія, хотя частичной справедливости и законной охраны“. Для начала онъ предлагаетъ слѣдующее: „бѣглыхъ не возвращать господамъ раньше, чѣмъ произнесетъ свой приговоръ выбранная для этой цѣли коммиссія. Въ случаѣ дерзкаго или злостнаго бѣгства, крѣпостной долженъ быть возвращенъ своему господину, но если онъ бѣжалъ отъ притѣсненій, то ему должна быть предоставлена свобода. Тѣхъ помѣщиковъ, которые допускаютъ жестокое обращеніе съ своими хлопами, слѣдуетъ лишать права держать крѣпостныхъ, какъ не умѣющихъ ими пользоваться. Затѣмъ можно освобождать отъ крѣпостной зависимости за какія-нибудь добродѣтели, таланты или заслуги. Такимъ путемъ постепенно будутъ устранены остатки варварства и дикихъ вѣковъ, и съ гораздо меньшей опасностью для политическаго организма, чѣмъ это могло бы сдѣлать скорое освобожденіе. Какъ къ свободѣ, такъ и къ рабству люди могутъ быть пріучены постепенно,

между тѣмъ какъ внезапная свобода или внезапное закрѣпощеніе могутъ только вызвать въ обществѣ сильное волненіе“ (str. 99—101).

Значеніе проблемы населенія трактуется Наксомъ согласно принципамъ меркантилизма; но въ вопросѣ о средствахъ его увеличенія онъ отступаетъ отъ этой доктрины и высказывается временами въ духѣ физіократизма, напр., его признаніе свободы занятій и пр. Въ вопросѣ о крѣпостныхъ этотъ представитель камерализма расходится съ польскими физіократами. Признавая вмѣстѣ съ ними въ принципѣ желательность освобожденія хлоповъ, онъ на практикѣ рекомендуетъ принятіе такихъ мѣропріятій, которыя не задѣвали бы такъ сильно классовыхъ интересовъ шляхты и которыя, слѣдовательно, скорѣе могли бы разсчитывать на осуществленіе, чѣмъ проекты физіократовъ. Здѣсь ясно сказывается пониманіе историческихъ условій и практическій умъ автора.

Разсматривая вопросъ объ источникахъ дохода, нашъ экономистъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „теперь уже нѣтъ надобности подробно доказывать, говоритъ онъ, что земледѣліе есть первая стихія народовъ; самая прочная опора какъ политической такъ и частной экономики. Врядъ-ли кто станетъ возражать противъ этого, хотя бы и поражался блескомъ художественныхъ ремеслъ и блескомъ богатствъ, создаваемыхъ торговлей. Важное политическое значеніе земледѣлія заключается еще въ томъ, что оно даетъ защитниковъ для обезпеченія внѣшней безопасности государства“ (str. 114). Въ этомъ случаѣ Наксъ отступаетъ отъ воззрѣній чистаго меркантилизма опять таки подъ вліяніемъ принциповъ физіократической системы. Этотъ эклектизмъ и составляетъ отличительную черту камерализма.

Для поднятія сельскаго хозяйства авторъ рекомендуетъ устройство агрономическихъ, ветеринарныхъ школъ, учрежденіе образцовыхъ полей въ староствахъ, заведеніе садовыхъ питомниковъ, организацію сельско-хозяйственныхъ товариществъ (str. 118—126).

Наксъ настаиваетъ на необходимости измѣненія арендныхъ условій въ государственныхъ имѣніяхъ. Необходимо предоставлять эту аренду только послѣ испытанія кандидата въ знаніи экономическихъ принциповъ и по выясненіи его взглядовъ на повинности крѣпостныхъ. Аренда должна быть долгосрочная. При этомъ Наксъ высказываетъ весьма разумное пожеланіе о томъ, чтобы всѣ затраты

арендатора въ землю были возвращаемы ему, въ случаѣ онѣ не были использованы имъ до истеченія аренднаго срока (str. 129—130).

Отдавая первенство земледѣльческому классу, авторъ не желаетъ быть несправедливымъ и къ промышленному классу Онъ хотѣлъ бы снять тотъ упрекъ, что ремесла не создаютъ ничего новаго, что они не увеличиваютъ богатства, какъ между прочимъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ выдающихся экономистовъ (изъ прим. на стр. 272 видно, что здѣсь разумѣется Іер. Стройновскій). Для доказательства того, что промышленный классъ приноситъ доходъ и можетъ создавать богатства, Наксъ приводитъ такой примѣръ: „представимъ себѣ поселокъ на какой-нибудь скалистой возвышенности, лишенный всякихъ плодовъ. Допустимъ, трудолюбивое населеніе превращаетъ скалы въ жернова, бруски, оселки и пр. Изъ мрамора выдѣлываетъ статуи, колонны и т. д. Спрашивается, развѣ это нельзя будетъ назвать созданіемъ новыхъ богатствъ, вѣдь такія издѣлія не родятся изъ земли? Подобнаго рода дѣятельность больше заслуживаетъ эпитетъ творчества, чѣмъ труды земледѣльца, производящіе изъ земли плоды, которые только временемъ и природой должны будутъ доведены до зрѣлости“ (str. 158).

Указавъ на попытки насажденія промышленности въ Польшѣ, авторъ ихъ неуспѣхъ объясняетъ незначительностью капиталовъ, вложенныхъ въ предпріятія, неудачнымъ выборомъ мѣстъ, отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія и, наконецъ, общимъ презрѣніемъ къ сословію ремесленниковъ (str. 166—169). Въ этомъ случаѣ Наксъ обнаруживаетъ близкое знаніе и пониманіе дѣйствительнаго положенія вещей въ Польшѣ.

Для усовершенствованія ремеслъ необходима особенная заботливость правительства, поддержка всего народа и просвѣщеніе. „Каждый обыватель, говоритъ авторъ, долженъ прилагать старанія къ тому, чтобы все наше сырье перерабатывалось дома, чтобы за чужіе фабрикаты вывозилось какъ можно меньше денегъ, чтобы промышленность, смышленность и трудолюбіе возрастали въ низшихъ классахъ народа и привели всѣ мѣстности государства къ благосостоянію и обильному обезпеченію всѣхъ его потребностей“ (str. 170—171).

Наксъ придаетъ большое значеніе въ дѣлѣ насажденія и развитія промышленности иммиграціи иностранцевъ. Для облегченія доступа въ Польшу иностранцамъ, авторъ предлагаетъ „избрать въ

каждомъ уѣздѣ по одному уважаемому обывателю въ качествѣ протектора иностранцевъ, въ особенности ремесленниковъ, который могъ бы давать каждому свѣдѣнія относительно заработковъ и пр. Съ другой стороны, къ этимъ протекторамъ обращались бы съ предложеніями и тѣ, которые нуждались бы въ иностранныхъ колонистахъ или ремесленникахъ" (str. 103). Въ этомъ предложеніи экономиста-практика можно видѣть зародышъ идеи бюро труда для чужеземцевъ.

Изслѣдуя положеніе промышленности въ Польшѣ, Наксъ касается вопроса о цехахъ. „Въ настоящее время, говоритъ онъ, господствуетъ убѣжденіе, что цехи вредны, что они ограничиваютъ свободу". По его мнѣнію, „здѣсь не можетъ быть общаго рѣшенія, которое было бы всюду примѣнимо. Можетъ быть въ Англіи, гдѣ весь народъ проникнутъ духомъ промышленности, цехи вредны, но въ Польшѣ я признаю цехи полезными въ дѣлѣ развитія и усовершенія ремеслъ" (str. 185—186). При этомъ авторъ считаетъ только нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія въ цеховые уставы: во-первыхъ, чтобы цеховыя собранія не начинались въ пятницу, не заканчивались бесѣдами: во-вторыхъ, чтобы спиртные напитки не употреблялись на нихъ и пьяные не допускались; въ-третьихъ, чтобы никакіе цеховые доходы не обращались на выпивку, чтобы никого старшина не наказывалъ штрафомъ на водку, какъ это практикуется во всѣхъ цехахъ; и, наконецъ, чтобы всѣ постановленія и рѣшенія были безвозмездны, какъ напр., пріемъ ученниковъ, пріемъ мастеровъ, возведеніе въ званіе подмастерья и пр. (str. 191).

Пользуясь случаемъ, авторъ даетъ блестящую характеристику тѣхъ печальныхъ нравовъ, которые установились въ Польшѣ среди цеховыхъ ремесленниковъ.

Наксъ считаетъ болѣе важной внутреннюю торговлю, которая не только оживляетъ экономическія отношенія, но создаетъ новыя богатства (str. 201). Такъ какъ Польша не имѣетъ морской полосы, то она и не можетъ получать особыхъ выгодъ отъ внѣшней торговли (str. 204—205). Поэтому главная забота правительства должна заключаться въ развитіи внутренней торговли. Особенно правительству слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы Польша имѣла выходъ во всѣ стороны, чтобы она не подпала въ своей внѣшней торговлѣ произволу какого-нибудь народа, и не очутилась въ зависимости отъ одного сосѣда какъ въ вывозной, такъ и ввозной торговлѣ (str. 209).

Здѣсь авторъ, очевидно, намекаетъ на дѣйствительное положеніе Польши, ставшей въ экономическую зависимость отъ Пруссіи.

„Торговля не можетъ достигнуть цвѣтущаго состоянія тамъ, гдѣ царитъ эгоизмъ, желаніе надуть и обмануть. Нигдѣ эта аксіома такъ рельефно не обнаружилась, замѣчаетъ нашъ экономистъ, какъ въ Московскомъ государствѣ, гдѣ, несмотря на всѣ старанія и опеку, торговля не достигла развитія, а только размножилось число перекупщиковъ и мелкихъ торговцевъ, которые о систематической торговлѣ (единственно полезной) не имѣютъ никакого представленія; они все свое искусство основываютъ на полученіи прибыли при непредвидѣнномъ случаѣ, на предосудительныхъ плутняхъ и хитромъ надувательствѣ своихъ конкурентовъ“ (str. 221). „Добросовѣстность—душа торговли“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (str. 229).

Отрицательно относится Максъ къ законамъ, устанавливающимъ норму процента. „Нерѣдко случалось, что само правительство, установившее такой законъ, брало въ займы деньги по болѣе высокимъ процентамъ“ (str. 236—238).

Критически смотритъ авторъ на колоніи, которыя не только не приносятъ пользы метрополіи, но даже иногда ведутъ ее къ гибели (str. 259) Здѣсь опять таки—существенное отступленіе отъ принциповъ меркантилизма, развивавшаго широкую колоніальную политику.

Въ приложеніи къ своему сочиненію (Uwaga przydatkowa nad wolnością handlu) Максъ высказываетъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній по вопросу о свободѣ торговли. „Сколько разъ мнѣ приходилось читать и слышать, говоритъ онъ, что свобода торговли не должна быть ничѣмъ ограничиваема и что купцы не должны быть облагаемы ни какими пошлинами и налогами. Таково теперь модное мнѣніе нѣкоторыхъ даровитыхъ писателей. Мнѣ кажется, что подобнымъ образомъ разсуждалъ бы тотъ, кто, видя, какія вредныя послѣдствія приносятъ иногда плотины или внезапное задержаніе воды въ рѣкѣ, пришелъ бы къ тому заключенію, что лучше всего предоставить теченіе воды естественному порядку, и совершенно не задумывался бы надъ тѣмъ, что въ полноводье рѣки срываютъ берега, засыпаютъ пескомъ нивы и наконецъ, такъ расширяютъ свое русло за счетъ плодородной земли, что въ однихъ мѣстахъ нельзя проѣхать челнокомъ въ виду мелкости, а въ другихъ затопляютъ всю окрестность благодаря засоренію русла. Всѣ вещи подъ солнцемъ имѣютъ

свое ограниченіе и всякія дѣйствія должны быть направляемы съ обдуманностью“ (wszystkie rzeczy pod słońcem maią swoie ograniczenia, i wszystkie działania powinny bydź z rostropnością kierowane), философски заканчиваетъ свое изслѣдованіе инженеръ экономистъ.

Нашъ авторъ преклоняется предъ экономической политикой Фридриха Великаго, что̀ составляетъ характерную особенность камерализма. „Фридрихъ, говоритъ онъ, собиралъ одной рукой и часто не безъ угнетенія весьма значительныя суммы въ видѣ налоговъ, а другой рукой сейчасъ же щедро обращалъ ихъ на поддержку, на улучшеніе падающихъ хозяйствъ, на устройство погорѣвшихъ, на улучшеніе сельскаго хозяйства и на тысячу другихъ полезныхъ предпріятій. И благодаря этому Пруссія находится въ цвѣтущемъ состояніи, въ которомъ ее оставилъ послѣ своей смерти коронованный мудрецъ. Достойно величайшаго удивленія то, что столь много улучшеній въ земледѣліи, ремеслахъ и торговлѣ было достигнуто въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ при постоянномъ содержаніи громадныхъ военныхъ силъ“ (str. 69). Такимъ образомъ Наксъ, какъ и другіе камералисты, видѣлъ въ Пруссіи примѣръ достойный подражанія для Польши.

Въ произведеніи этого выдающагося практика-экономиста мы находимъ черты, присущія камерализму: теоретическій эклектизмъ, признаніе равнаго значенія за сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью и торговлей, приданіе особой важности количеству населенія, какъ одному изъ главныхъ условій богатства и силы народа и, наконецъ, преклоненіе передъ мудрой политикой Фридриха Великаго. Въ заслугу Наксу нужно поставить то, что онъ въ своихъ предложеніяхъ всегда исходитъ изъ глубокаго пониманія современныхъ экономическихъ отношеній. Это сообщаетъ практическій характеръ его пожѐланіямъ, взглядамъ и совѣтамъ.

Любопытно, что его сочиненіе, такъ ясно уловившее конкретныя нужды народнаго хозяйства Рѣчи Посполитой и такъ опредѣленно указавшее средства къ ихъ удовлетворенію, не получило широкаго распространенія въ современномъ обществѣ. „Не находимъ никакихъ слѣдовъ, замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь, того, чтобы сочиненіе Накса много читалось“ [1]). По объясненію этого изслѣдователя, „въ моментъ появленія книги Накса всѣ мысли были заняты

[1]) См. Grabski—выше цит., str. 99.

прежде всего сеймомъ и что́ не вязалось прямо съ его работами, что́ не могло разсчитывать на непосредственное вліяніе на сеймовыя постановленія, то тонуло въ молчаніи, не будучи ни цитируемо, ни опровергаемо.

По нашему мнѣнію, непопулярность этого сочиненія скорѣе можно объяснить тѣмъ, что взгляды и пожеланія, высказанныя въ немъ, слишкомъ расходились съ классовыми интересами могущественной шляхты. Наксъ къ тому же иностранецъ, плохо владѣвшій польскимъ языкомъ, стоявшій вдали отъ политической жизни страны. Естественно, что его голосъ и не могъ произвести такого вліянія на польское общество, какъ голосъ Сташица или Коллонтая, несмотря на глубокое пониманіе и знаніе польской дѣйствительности.

Несравненно большее вліяніе на ходъ политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ оказали „Патріотическія письма" Выбицкаго (Listy Patryotyczne do jasnie wielmożnego ex kanclerza Zamoyskiego Prawa Układ. Pisane, t. I. W. 1777, t. II. W. 1778).

„Патріотическія письма"—это не ученый трактатъ по экономіи. Они преслѣдовали совершенно другую цѣль—приготовить общественное мнѣніе къ принятію кодекса Андр. Замойскаго. Поэтому экономическіе вопросы затрагиваются въ нихъ попутно съ политическими и соціальными. Собирая воедино мнѣнія, высказанныя Выбицкимъ по экономическимъ вопросамъ, мы можемъ такъ охарактеризовать его взгляды.

Выбицкій, согласно принципамъ камерализма, исходнымъ пунктомъ своихъ пожеланій выставлялъ финансовое оздоровленіе государства. Финансовое богатство страны зависитъ прежде всего отъ численности ея населенія. „Сила и богатство государства зависятъ не столько отъ широты его границъ, сколько отъ количества его населенія" (str. 110). „Мы безлюдны"—вотъ въ чемъ главное горе Польши. Среди причинъ, обусловливающихъ слабую населенность Польши, авторъ указываетъ: 1) дурное управленіе государствомъ, 2) тяжелое положеніе земледѣльцевъ, 3) большое число неженатыхъ, 4) роскошь, упадокъ нравовъ, 5) недостатокъ больницъ, лѣкарей, 6) игнорированіе промысловъ и торговли, 7) нетерпимость, 8) неорганизованность кредита, что́ между прочимъ задерживаетъ привселеніе иностранцевъ (t. I, str. 121—122). Особенное значеніе Выбицкій придаетъ твердой власти, способной поддержать порядокъ и спокойствіе:

„Niemasz bezpieczeństwa życia y własności, говоритъ онъ, niemasz ludzi“ (t. I, str. 141).

Авторъ подробно останавливается на крѣпостномъ состояніи, какъ на причинѣ слабой населенности страны (t. I, str. 153 и д.). Онъ доказываетъ несостоятельность крѣпостного права и съ экономической точки зрѣнія: хлопъ совершенно не заинтересованъ въ усовершенствованіи сельскаго хозяйства. „Хорошій хозяинъ съ однимъ свободнымъ рабочимъ безъ всякаго надзора и лучше сдѣлаетъ то, что помѣщикъ съ двумя крѣпостными“ (t. I, str. 226).

Необезпеченность личности и имущества тормозитъ приливъ иностранцевъ. „Сколько-нибудь обезпеченный купецъ и знающій ремесленникъ боятся безнаказанныхъ отъ пана оскорбленій, земледѣлецъ боится одинаковаго съ крѣпостными обращенія, и хотя бы въ своей странѣ онъ получалъ самое плохое содержаніе, все-таки свою бѣдность онъ ставитъ выше позорнаго богатства въ Польшѣ. Отсюда вытекаетъ отвращеніе трудолюбивыхъ и зажиточныхъ иностранцевъ отъ нашей страны“ (t. I, str. 237).

Съ горечью Выбицкій подчеркиваетъ зависимость Польши отъ иностранныхъ промысловъ и богатствъ. „Мы отдаемъ иностранцамъ за безцѣнокъ и то съ трудомъ дикіе плоды нашей земли, а послѣ ихъ переработки платимъ втрое. Итакъ, выдавая больше денегъ, чѣмъ получая, мы тѣмъ самымъ сокращаемъ количество ихъ во внутреннемъ обращеніи“ (t. I, str. 340). Печальное положеніе Польши въ этомъ отношеніи даетъ ему поводъ вспомнить Кольбера, основавшаго во Франціи промышленность и укрѣпившаго торговлю. Къ его политикѣ авторъ относится съ большимъ уваженіемъ (t. I, str. 345). Выбицкій ясно устанавливаетъ то положеніе, что земледѣльческая страна безъ промышленности не можетъ быть богата. Поэтому, рядомъ съ заботой о сельскомъ хозяйствѣ нужно поставить заботу и объ искусствахъ и торговлѣ. Однимъ изъ средствъ развитія промышленности является полное запрещеніе ввоза тѣхъ продуктовъ, которые могутъ быть вырабатываемы изъ отечественнаго сырья (t. II, str. 25). Этой же цѣли могутъ содѣйствовать и законы противъ роскоши, сторонникомъ которыхъ и является авторъ.

Камералистическій характеръ „Писемъ“ Выбицкаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ вопросѣ о населеніи авторъ стоитъ всецѣло на почвѣ меркантилизма, но въ оцѣнкѣ значенія для народнаго богатства сельскаго хозяйства, во взглядахъ на крѣпостное

состояніе, на обезпеченіе свободы личности и имущества онъ примыкаетъ къ физіократизму. Этотъ теоретическій эклектизмъ соединенъ съ практическимъ направленіемъ его сочиненія. Въ области экономической политики Выбицкій придерживается идей кольбертизма. Программа экономическихъ мѣропріятій намѣчена у него вкратцѣ, въ общихъ чертахъ. Та спеціальная цѣль, какую преслѣдовалъ Выбицкій при написаніи своихъ „Патріотическихъ писемъ" не дала ему возможности болѣе подробно остановиться на экономическихъ вопросахъ.

„Патріотическія письма" должны были оказать вліяніе на направленіе экономической мысли уже потому, что они стояли въ непосредственной связи съ „Кодексомъ" Андр. Замойскаго, весьма популярнымъ среди сторонниковъ реформы. Выбицкій первый въ эпоху Стан. Августа высказался по важнѣйшимъ вопросамъ соціально-экономической жизни Польши въ духѣ камерализма. Вскорѣ послѣ этого появляется на страницахъ двухъ современныхъ журналовъ Pamiętnik'a и Dziennik'a направленіе мысли, близкое по духу „Патріотическимъ письмамъ". „Начатая Выбицкимъ защита соціальныхъ и экономическихъ реформъ въ духѣ камерализма, справедливо замѣчаетъ Грабскій, съ точки зрѣнія интересовъ государства и его финансовъ, становится въ девятомъ десятилѣтіи XVIII в. по тѣмъ или другимъ причинамъ господствующимъ теченіемъ" [1]).

Къ камералистическому направленію нужно отнести и интересное сочиненіе подъ заглавіемъ—„O Związkach i przystosowaniu wzaiemnym Rolnictwa, Rękodzieł i Handlu" (w Warszawie 1786).

Это сочиненіе, написанное молодымъ человѣкомъ (wiek mój małoletni, такъ выражается о себѣ авторъ) представляетъ большой интересъ, какъ теоретическое произведеніе. Написано оно на основаніи серьезнаго изученія трудовъ многихъ западно-европейскихъ экономистовъ Кантильона, Юма, Кондильяка и пр. Ученіе о цѣнности этого молодого автора во многомъ сходно съ современной субъективной теоріей цѣнности. Онъ настойчиво выдвигаетъ два момента, опредѣляющіе цѣнность, полезность и рѣдкость [2]).

---

[1]) См. Grabski—выше цит., str. 85.

[2]) Повидимому, это ученіе о цѣнности заимствовано у Кондильяка, который является убѣдительнымъ сторонникомъ субъективной теоріи цѣнности La valeur des choses, говоритъ Кондильякъ, est donc fondée sur leur utilité..

Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуютъ воззрѣнія анонима на задачи экономической политики. Признавая главнымъ источникомъ богатства земледѣліе, авторъ полагаетъ, что промышленность и торговля также содѣйствуютъ увеличенію богатствъ. „Всѣ вмѣстѣ—земледѣльцы, купцы и ремесленники соперничаютъ другъ съ другомъ въ повышеніи массы богатствъ“ (str. 51). Для пріумноженія богатства необходимо, чтобы правительство помогало своей защитой одинаково всѣмъ—земледѣльцу, ремесленнику и купцу (str. 58).

Интересно рѣшается вопросъ о томъ, какимъ образомъ торговля увеличиваетъ массу богатствъ? (отд. XIII). „Ошибочно утвержденіе, говоритъ авторъ, что при обмѣнѣ передаютъ другъ другу равноцѣнности; въ такомъ случаѣ, масса богатствъ всегда оставалась бы на одномъ уровнѣ. Напротивъ, въ обмѣнѣ каждый даетъ меньшую цѣнность за большую. Вѣдь цѣнность находится въ зависимости отъ нашихъ потребностей: „естественно, что для одного можетъ быть болѣе цѣнно, для другого—менѣе и обратно“ (str. 61). Эта мысль и служитъ основаніемъ для признанія того, что торговля содѣйствуетъ увеличенію богатствъ [1]).

Важное значеніе торговли вытекаетъ изъ слѣдующаго: многіе продукты, превышающіе наши потребности, были бы безполезны для страны, если бы ихъ нельзя было сбывать. „Мы многимъ обязаны купцамъ, которые становятся каналами для выхода изъ страны излишнихъ продуктовъ... Изъ этого легко убѣдиться, что купецъ придаетъ вещамъ цѣнность, раньше ее не имѣвшимъ“ (str. 62). „Трудъ земледѣльца въ малой степени увеличивалъ бы массу богатствъ, если бы купцы, перевозя продукты, не придавали имъ новой цѣнности“ (str. 60—61).

Въ вопросѣ о деньгахъ анонимный авторъ радикально расходится съ меркантилистами: „совершенно безразлично—много или мало денегъ обращается во внутренней торговлѣ. Если въ странѣ денегъ въ два раза больше, то и каждый товаръ будетъ стоить вдвое больше“ (str. 69).

и далѣе, le plus ou moins de valeur, l'utilité étant la même, serait uniquement fondé sur le degré de rareté ou d'abondance“ См. Онкенъ -выше цит. 437

[1]) Интересно, что и въ этомъ случаѣ авторъ „O Związkach“ пользуется аргументаціей того же Кондильяка. „Не вѣрно, говоритъ послѣдній, что при обмѣнѣ on donnait toujours valeur égale pour valeur égale. Скорѣе наблюдается обратное—on donne toujours moins pour plus. См. Онкенъ—стр. 436.

Какую же программу экономическихъ мѣропріятій намѣчаетъ авторъ?

„Для увеличенія населенія въ странѣ и обезпеченія его благосостоянія, говоритъ онъ, необходимы три вещи: поощреніе земледѣлія, ремеслъ, промысловъ и торговли“.

По вопросу о крѣпостномъ состояніи авторъ стоитъ на реакціонной точкѣ зрѣнія. „Приходится читать въ нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, говоритъ онъ, что неволя крѣпостныхъ является дѣйствительной причиной заброшенности въ Польшѣ земледѣлія, пьянства, праздности среди хлоповъ и пр.“ (str. 110). Это совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, утверждаетъ авторъ. „Если и случается, что панъ налагаетъ тяжелыя повинности на крѣпостныхъ, то это исключительное явленіе, и на основаніи такихъ единичныхъ случаевъ нельзя дѣлать общихъ выводовъ. Вообще же размѣръ барщины устанавливается по взаимному соглашенію пана и хлопа“. Въ концѣ концовъ, юный экономистъ приходитъ къ тому выводу, что „хлопы въ Польшѣ болѣе свободны и болѣе счастливы, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. Нельзя дать хлопамъ свободы безъ предварительнаго просвѣщенія ихъ; иначе неизбѣжнымъ результатомъ были бы такіе пороки, какъ развратъ, праздность и лѣность“ (str. 112) Очевидно, здѣсь мы слышимъ голосъ, хотя и молодого, но убѣжденнаго крѣпостника. Впрочемъ, и среди камералистовъ подобные взгляды представляютъ исключительное явленіе.

Авторъ скорбитъ о томъ, что большая часть ремесленниковъ въ Польшѣ состоитъ изъ нѣмцевъ или другихъ чужеземцевъ, что Польша вывозитъ за-границу шерсть и покупаетъ сукно, продаетъ ленъ и привозитъ полотно (str. 113).

При устройствѣ мануфактуръ нужно заботиться о томъ, во-первыхъ, чтобы мануфактуры или фабрики не наносили никакого ущерба земледѣлію; во-вторыхъ, чтобы онѣ соотвѣтствовали положенію страны и ея климату; и, въ-третьихъ, чтобы правительство привлекало къ этому.

Для поощренія ремеслъ онъ рекомендуетъ устроить въ каждомъ воеводствѣ и въ болѣе значительныхъ городахъ дома для ремесленниковъ, учредить государственные ломбарды для выдачи имъ ссудъ, наконецъ, устроить складочные магазины и поощрять преміями вывозъ отечественныхъ товаровъ (str. 115—117).

„Устройство такихъ магазиновъ, говоритъ нашъ авторъ, было бы весьма полезно и доходно и для землевладѣльцевъ, которые имѣли бы вѣрный сбытъ для своихъ продуктовъ, и для ремесленниковъ, которые съ большой легкостью могли бы пріобрѣтать сырье. Поощрять земледѣліе и промышленность—это значитъ поощрять и внутреннюю торговлю. Для ея развитія необходимо устройство общественныхъ дорогъ, сплавныхъ рѣкъ и самая полная свобода въ торговлѣ“ (str. 123).

Въ общемъ, авторъ „O Związkach“ является умѣреннымъ протекціонистомъ На первомъ мѣстѣ у него стоятъ интересы сельскаго класса. Если этотъ экономистъ и предлагаетъ рядъ мѣропріятій къ подъему промышленности и торговли, то ставитъ въ непремѣнное условіе, чтобы они не шли во вредъ земледѣлію. Классовые интересы автора особенно рельефно сказались въ его взглядахъ на крестьянскую реформу. Несмотря на свое образованіе, на знакомство съ передовыми, либеральными мыслителями Зап. Европы, онъ не постѣснялся, вопреки дѣйствительности, утверждать, что положеніе хлоповъ въ Польшѣ лучше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Слѣдуетъ сказать, что разсматриваемое произведеніе, представляющее большой интересъ въ теоретическомъ отношеніи, въ практическомъ является довольно слабымъ опытомъ. Авторъ выступаетъ защитникомъ классовыхъ интересовъ, его экономическая программа сводится къ указанію проектовъ, неосуществимыхъ на практикѣ. Въ его книгѣ незамѣтно пониманія требованій и запросовъ современной дѣйствительности.

Камералистическое теченіе нашло себѣ широкое выраженіе въ современной журналистикѣ. Два самыхъ популярныхъ журнала эпохи Стат. Августа Pamiętnik и Dziennik энергично пропагандировали идеи камерализма. На страницахъ ихъ мы находимъ отдѣльныя статьи по экономическимъ вопросамъ, сообщенія, практическіе совѣты и указанія, наконецъ, письма, проникнутыя въ большей или меньшей степени духомъ камерализма.

Въ одной изъ такихъ статей „Owczarnie i manufaktury wełniane iakim dla kraiu być mogą skarbem“ [1]), авторъ, установивъ печальное положеніе польскихъ финансовъ, рекомендуетъ для улучшенія ихъ послѣдовать примѣру другихъ странъ. Эти страны между

[1]) Pamiętnik Pol. Hist., 1783 r., str 137.

прочимъ получаютъ большіе доходы отъ разведенія овецъ, такой же доходъ могла бы имѣть и Польша. По его расчетамъ, въ Польшѣ число овецъ достигало 7 мил. шт.; онѣ давали шерсти свыше 172 тыс. цент. Вся шерсть могла бы цѣликомъ перерабатываться въ странѣ. такъ какъ въ одной Великопольшѣ насчитывается около 948 ткацкихъ станковъ. Теперь большинство изъ нихъ стоитъ въ бездѣйствіи. Круглый годъ работаетъ не болѣе 100 станковъ, остальные, не имѣя капитала для покупки шерсти и обезпеченнаго сбыта, въ рѣдкихъ случаяхъ пускаются въ дѣло. Въ результатѣ въ Польшѣ поступаетъ въ обработку не болѣе 15 тыс. цент. шерсти [1]).

Чѣмъ можно объяснить отсутствіе сбыта? Первую причину слабаго сбыта авторъ видитъ въ организаціи торговли. Мануфактуристъ, не имѣя возможности лично продавать свои сукна, долженъ искать для нихъ склады и купцовъ. Затративши на производство извѣстный капиталъ, онъ хочетъ продать свой товаръ на наличныя. Между тѣмъ всѣ варшавскіе купцы торгуютъ иностраннымъ сукномъ, полученнымъ въ кредитъ. Естественно, что имъ выгоднѣе брать сукна у иностранныхъ фабрикантовъ, чѣмъ у своихъ. Этому помочь можно, по мнѣнію автора, слѣдующимъ образомъ: учредивши фабрики, обязать закономъ купцовъ брать товаръ только на этихъ фабрикахъ.

Затѣмъ нужно затруднить доступъ иностраннымъ сукнамъ путемъ повышенія пошлинъ или запрещенія ввоза ихъ. Отъ такого шага не должна удерживать боязнь пониженія доходовъ казны, такъ какъ это вознаградится увеличеніемъ населенія, ростомъ промышленности и національнаго богатства [2]).

Слабый сбытъ сукна обусловливается небольшимъ числомъ войскъ и бѣдностью населенія. „Если бы крестьянинъ, говоритъ авторъ, могъ разсчитывать на защиту отъ произвола пановъ, могъ быть увѣреннымъ, что плоды его рукъ достанутся его дѣтямъ, тогда развились бы промыслы, явились бы тысячи станковъ, и вся шерсть перерабатывалась бы для потребностей страны“ [3]).

Авторъ отрицательно относится къ фабрикамъ, учреждаемымъ государствомъ, такъ какъ такія фабрики рѣдко когда преуспѣваютъ.

---

[1]) Ibid., str. 241—250

[2]) Str. 251.

[3]) Str. 253.

„Дѣло это должно находиться въ рукахъ частныхъ обывателей, исполненныхъ патріотизма. Какую услугу оказалъ бы отечеству тотъ, кто, сокративши свои расходы, выписалъ бы нѣмецкихъ или англійскихъ мануфактуристовъ для той или другой фабрики!"

Разсматриваемая статья проникнута уже духомъ строгаго протекціонизма. Авторъ является горячимъ защитникомъ отечественнаго овцеводства и сукнодѣлія, и для развитія этихъ отраслей народнаго хозяйства рекомендуетъ охранительную и даже запретительную таможенную политику.

Въ такомъ же духѣ написанъ „List pewnego obywatela, w którym myśli bardzo ważne względem ekonomiki znajdują się" [1]).

Авторъ пытается доказать, что хлѣбъ самъ по себѣ не является источникомъ богатства Польши. „Не хлѣбъ, а продажа его создаютъ богатство страны". Польша должна заботиться о созданіи рынковъ сбыта для хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ о насажденіи фабричной промышленности. Для этого авторъ рекомендуетъ протекціонную систему, вызовъ иностранныхъ мастеровъ и пр. Выводъ его тотъ, что не земледѣліе, но трудъ, легкость заработковъ для возможно большаго числа населенія—вотъ что является источникомъ богатства страны.

Въ обзорѣ экономическаго положенія Польши за 1783 г. также ясно подчеркивается вся важность мануфактуръ для Польши. „Если бы Польша всѣ свои потребности захотѣла покрывать продажей сырья, то она должна была бы лишиться послѣдняго гроша или остаться безъ удовлетворенія своихъ потребностей" [2]).

Въ слѣдующемъ году (1784) мы встрѣчаемъ въ Pamiętnik'ѣ также рядъ статей, написанныхъ въ духѣ камерализма. Этотъ годъ открывается довольно обширной статьей—Myśli wolne, względem pomnożenia handlu i manufaktur w Polszcze. Авторъ ея, указывая на примѣры западно-европейскихъ государствъ, не жалѣвшихъ средствъ для развитія торговли и насажденія промышленности, спрашиваетъ, почему не можетъ послѣдовать этому примѣру Польша?

Онъ различаетъ три вида полезной торговли: первый видъ, когда страна вывозитъ за границу товары и продаетъ ихъ на наличныя; второй—транзитная торговля и третій—обмѣнъ отечествен-

---

[1]) Ibid., str. 388.

[2]) Pamiętnik 1783 r., str. 572

ныхъ товаровъ на иностранные. Самымъ выгоднымъ является первый видъ торговли [1]).

Какъ видимъ, авторъ въ оцѣнкѣ торговли стоитъ на почвѣ меркантилизма. Близость его къ меркантилизму становится еще яснѣе изъ дальнѣйшаго содержанія его статьи.

Наиболѣе росту народнаго богатства содѣйствуютъ, по мнѣнію автора, два факта: 1) приливъ денегъ изъ-за границы въ обмѣнъ на товары и 2) задержка отлива денегъ за границу, что достигается развитіемъ мануфактуръ. Въ данномъ случаѣ передъ нами чисто меркантилистическія воззрѣнія.

Переходя къ положительнымъ мѣропріятіямъ въ цѣляхъ развитія шерстяной промышленности, авторъ рекомендуетъ устраивать овчарни, усовершенствовать породу овецъ, приглашать искусныхъ въ прядѣньи и ткачествѣ иностранцевъ, обучать этимъ искусствамъ въ школахъ и обученныхъ разсылать по селамъ и мѣстечкамъ [2]).

Авторъ налагаетъ на правительство заботу о томъ, чтобы фабриканты имѣли возможно дешевый хлѣбъ, пиво, соль, дерево и квартиру.

Находимъ у него и такое испытанное средство меркантильной политики, какъ основаніе торговой компаніи на акціонерныхъ началахъ; впрочемъ, безъ предоставленія ей монополіи въ торговлѣ.

Для развитія другой важной отрасли промышленности - льняного и пеньковаго производства авторъ рекомендуетъ просто наложить на крестьянъ повинность засѣвать льномъ и коноплей $^1/_{10}$ и $^1/_{20}$ часть своихъ полей [3]).

Для того, чтобы отечественные фабриканты и купцы могли слѣдить за развитіемъ торговли и промышленности у сосѣднихъ народовъ, авторъ предлагаетъ устроить въ Варшавѣ складъ различныхъ товаровъ.

Признавая принципіально необходимость государственныхъ расходовъ на сельское хозяйство, промыслы и торговлю, онъ отвергаетъ помощь промышленности въ милліонахъ, какую оказывали ей Екатерина, Фридрихъ. „Такимъ путемъ даютъ искусственное возбужденіе промышленности и увеличиваютъ роскошь. Необходима

[1]) Pamietnik 1784 r. str 6
[2]) Str 9
[3]) Str. 13

осторожная и бережливая помощь промышленности въ видѣ строгаго и быстраго суда, нѣкоторыхъ привилегій, освобожденія на нѣсколько лѣтъ отъ податей. Это болѣе полезно, чѣмъ выдача денегъ на привлеченіе въ страну лишнихъ людей, пріохочиванье ихъ къ разнымъ промысламъ и къ открытію фабрикъ“ [1]).

„Myśli wolne“ характерны въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ изъ себя послѣдовательное проведеніе идей меркантилизма. Здѣсь впервые интересы промышленности и торговли нашли свою защиту въ ущербъ даже интересамъ сельскаго хозяйства, какъ напр. въ вопросѣ о дешевизнѣ хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ. У всѣхъ польскихъ экономистовъ и публицистовъ, даже придерживавшихся идей камерализма и меркантилизма,—все-таки интересы сельскаго хозяйства стоятъ на первомъ планѣ или въ крайнемъ случаѣ приравниваются къ интересамъ промышленности и торговли. Наоборотъ, авторъ статьи „Myśli wolne“ готовъ принести въ жертву интересы сельскаго хозяйства лишь бы создать благопріятныя условія для отечественныхъ фабрикантовъ въ ихъ конкуренціи съ иностранными.

Въ сходномъ направленіи написаны Uwagi obywatelskie nad Stanem Narodu naszego [2]) Авторъ для поднятія благосостоянія въ Польшѣ рекомендуетъ устройство шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ. Полезны тѣ фабрики, которыя перерабатываютъ отечественное сырье, поэтому нѣтъ надобности основывать фабрики для выдѣлки серебряныхъ или золотыхъ издѣлій, бархата, кружевъ и т. п.

Для содѣйствія промышленности „Uwagi“ предлагаютъ устроить въ главнѣйшихъ городахъ дома для помѣщенія ремесленниковъ, основать ломбарды, откуда послѣдніе могли бы получать ссуды по 3 или 4%.

Такъ какъ авторъ видитъ въ роскоши одну изъ причинъ упадка благосостоянія, то онъ предлагаетъ ввести однообразный дамскій костюмъ, скромный и чуждый роскоши. Для отличія дамъ высшаго сословія отъ низшаго можно ввести орденъ или особый покрой, напр. со шлейфомъ, но только, чтобы это не имѣло ничего общаго съ роскошью.

---

[1]) Str. 16.

[2]) Pamiętnik 1784 r. str. 234.

Наконецъ, въ Pamiętnik'ѣ за этотъ же годъ мы находимъ еще List iednego obywatela, względem manufaktur krajowych, гдѣ авторъ предлагаетъ сейму побудить къ устройству фабрикъ скарбовую коммиссію, затѣмъ основать магазины для пріема шерсти и льна и назначить коммиссаровъ для надзора за промышленностью [1]).

Духомъ меркантилизма и камерализма проникнуто большинство статей и другого современнаго журнала Dziennika handlowego [2]). Возьмемъ, напр. такую статью—„Myśl na projekt w Dzienniku dany, ażeby komory skassowane były, czyli w okoliczności zniesienia wszystkich ceł tak wchodzących, jako i wychodzących Towarow [3]).

Авторъ сомнѣвается въ томъ, чтобы „свобода торговли, хотя бы и принятая сосѣдями, была полезна для Польши, гдѣ промышленность находится въ колыбели, гдѣ ремесленная рука только теперь стала оживать".

Такая свобода привела бы къ вывозу изъ страны денегъ, являющихся основой промышленности. „Я не хочу запрещать свободы торговли, но думаю, что она должна быть регулирована такъ же, какъ и свобода гражданъ".

---

[1]) Ibid str 344.

[2]) Грабскій (str 89, выше цит.) среди первыхъ статей, написанныхъ въ духѣ камерализма называетъ статью Бецу—„Uwagi o handlu, rękodziełach i fabrykach" Едва ли можно согласиться съ такой квалификаціей статьи Бецу. Послѣдній въ своей статьѣ даетъ характеристику печальнаго положенія промышленности въ Польшѣ. Его интересными наблюденіями на этотъ счетъ мы пользовались во второй главѣ. По мнѣнію Бецу, напрасно говорить о тѣхъ средствахъ, которыми можно подвинуть промышленность и торговлю, такъ какъ народъ еще далекъ отъ того, чтобы даже подумать объ этихъ средствахъ. Такъ напр. проектъ учрежденія торговыхъ компаній, по его мнѣнію, встрѣчаетъ такія трудности, что его нужно отнести къ проектамъ, недоступнымъ для осуществленія (Dziennik Hand 1787 r. str. 49 и др.). Такимъ образомъ, на основаніи этой статьи далеко нельзя сказать того, чтобы Бецу придерживался воззрѣній камерализма Непонятно, какимъ образомъ эта статья могла дать право Грабскому сдѣлать выводъ, будто Бецу признавалъ значительное развитіе промышленныхъ силъ въ Польшѣ. Бецу утверждалъ какъ разъ обратное „Я былъ бы счастливъ, говоритъ онъ, держаться одного взгляда съ редакторомъ на счетъ процвѣтанія фабрикъ въ странѣ, о которыхъ часто упоминаетъ редакція. Но подумавъ больше, я убѣдился въ другомъ: всѣмъ имъ недостаетъ прочнаго фундамента, который обезпечивалъ бы имъ постоянное существованіе"

[3]) См Dziennik Hand 1786 r. str 422

Авторъ несогласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, будто пошлины ложатся только на земельныхъ собственниковъ. При искусномъ регулированіи онѣ никогда не могутъ нанести ущерба народному хозяйству.

Въ Dziennik'ѣ за этотъ же годъ помѣщено письмо нѣкоего Сандомерянина, исповѣдующаго строго протекціонныя воззрѣнія [1]). Для увеличенія богатства страны онъ предлагаетъ сократить расходы на выписку тѣхъ товаровъ, которые могутъ быть вырабатываемы дома. Для этого необходимо основаніе новыхъ фабрикъ и помощь уже существующимъ Далѣе Сандомерянинъ рекомендуетъ запрещеніе вывоза сырья и ввоза тѣхъ товаровъ, которые производятся въ Польшѣ. Для того, чтобы привлечь въ страну иностранныхъ мастеровъ, нужно предоставить имъ полную свободу, параллельно съ обезпеченіемъ личности и имущества. „Тогда они, не находя сбыта для своихъ издѣлій на родинѣ, по неволѣ станутъ переселяться въ Польшу".

Въ своей крайней приверженности къ мѣрамъ меркантильной политики авторъ не останавливается даже передъ запрещеніемъ заграничныхъ путешествій для поляковъ, дѣлая исключеніе для тѣхъ, которые ѣдутъ по государственнымъ нуждамъ.

Тотъ же Сандомерянинъ высказываетъ мысль о желательности имѣть періодическій органъ, гдѣ бы помѣщались свѣдѣнія о мануфактурахъ, торговлѣ, размѣрахъ прибыли и т. д. [2]). Онъ рекомендуетъ также учрежденіе торговыхъ компаній, товарныхъ складовъ и пр. [3]).

Заслуживаетъ упоминанія письмо анонимнаго патріота, помѣщенное въ томъ же журналѣ за 1789 г. Авторъ излагаетъ здѣсь цѣлую программу въ строго протекціонномъ духѣ: 1) пошлины на иностранные предметы роскоши; 2) запрещеніе ввоза такихъ продуктовъ, которые находятся въ странѣ; 3) запрещеніе вывоза сырья; 4) отмѣну пошлинъ на тѣ товары, которые могутъ понадобиться отечественнымъ фабрикамъ; 5) отмѣну вывозныхъ пошлинъ; 6) обращеніе таможеннаго дохода на учрежденіе народнаго банка [4]).

---

[1]) Dziennik Hand. 1786 r. str 422 и д.

[2]) Str. 507.

[3]) Str. 509. Ср. письмо Вышогродянина въ Dz. Hand. за 1768 r. str. 534, придерживающагося также взглядовъ меркантилизма въ области экономической политики.

[4]) Dziennik Hand. 1789 r. str. 338 и д.

Какъ можно думать, и сама редакція „Dziennika“ относилась сочувственно къ протекціонной системѣ. Такъ, въ примѣчаніи къ сообщенію о фабрикѣ Сапѣги, редакція высказываетъ пожеланіе, чтобы обыватели присылали ей свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ фабрикахъ. „Впослѣдствіи можно было бы составить общую таблицу фабрикъ, имѣющихся въ Польшѣ, съ цѣлью представленія будущему сейму: какія фабрики настолько многочисленны въ странѣ, что ихъ издѣлій вполнѣ достаточно для удовлетворенія потребностей страны и что, слѣдовательно, можно обойтись безъ иностраннаго привоза, путемъ ли полнаго запрещенія его или путемъ удвоенія ввозныхъ пошлинъ“ (końcem pokazania séymowi następuiącemu, które Fabryki są tak liczne u Kraju, iż onych Towary wystarczyłyby tak dalece potrzebie krajwéy, że możnaby się obéyść bez sprowadzania z zagranicy, albo przez zupełny zakaz wchodzenia onych do kraju albo przez zdubeltowanie cła na wprowadzaiących). Редакція доводитъ до общаго свѣдѣнія, что она предоставляетъ каждому мѣсто для сообщеній не только о фабрикахъ, но и относительно другихъ разныхъ явленій, касающихся промышленности [1]).

Этимъ и можно закончить разборъ польской экономической литературы въ эпоху Стан. Августа. Имѣется еще довольно значительное число брошюръ, свистковъ, памфлетовъ изъ эпохи четырехлѣтняго сейма, вообще очень богатой подобной литературой, но всѣ эти произведенія преслѣдовали, главнымъ образомъ, цѣли политическія. Они обсуждали то вопросъ о реформѣ городского класса, то объ эмансипаціи хлоповъ, то о народномъ образованіи, то о староствахъ, то наконецъ, о финансахъ Авторы этихъ многочисленныхъ произведеній пользовались разнообразными аргументами для того, чтобы убѣдить читателей въ справедливости своихъ взглядовъ. Нерѣдко они касались и экономическихъ вопросовъ, рѣшая ихъ то въ духѣ физіократизма, то въ духѣ камерализма и меркантилизма. Въ виду того, что экономическіе вопросы затрагивались въ этой публицистической литературѣ мимоходомъ, мы и не сочли возможнымъ останавливаться въ настоящемъ изслѣдованіи на разсмотрѣніи всей этой литературы.

Грабскій въ оцѣнкѣ камералистическаго направленія обращаетъ вниманіе на то, что его представители не были поклонниками стро-

[1]) Dziennik Hand. 1786 r str 544; ср Dz. Hand 1787 r. str 430 прим.

гаго протекціонизма; скорѣе они высказывались въ духѣ умѣренной протекціонной системы [1]).

Причина этого явленія кроется, по его мнѣнію, въ томъ, что самая потребность въ таможенной охранѣ въ это время въ Польшѣ еще была слаба Отечественное производство не въ состояніи было покрыть даже половины спроса на фабрикаты. При такихъ условіяхъ строго протекціонная политика скорѣе могла бы принести вредъ, чѣмъ пользу.

Какъ крайне фритредерская политика физіократовъ являлась для Польши гибельнымъ доктринерствомъ, такъ не меньшимъ доктринерствомъ было бы считать единственно реальной для этой эпохи протекціонную систему. „Таможенная охрана цѣлесообразна только на опредѣленной ступени промышленнаго развитія. Тамъ же. гдѣ промышленность настолько незначительна, что не въ состояніи удовлетворить даже самой малой части внутренняго спроса, таможенныя пошлины были бы скорѣе бременемъ для потребителей, чѣмъ помощью производству. На такой стадіи экономическаго развитія страны совершенно невозможна послѣдовательная таможенная политика. Для нѣкоторыхъ немногочисленныхъ предметовъ какъ вывоза, такъ и ввоза нужно было полное запрещеніе, для другихъ—полная свобода, и для третьихъ—умѣренныя пошлины".

Послѣдними словами Грабскій опровергаетъ свое утвержденіе о томъ, что протекціонная система принесла бы больше вреда, чѣмъ пользы въ данную эпоху. Онъ самъ признаетъ, что въ иныхъ случаяхъ можно было воспользоваться полнымъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ, въ другихъ можно было ограничиться наложеніемъ умѣренныхъ пошлинъ, въ третьихъ—предоставить полную свободу. Въ чемъ же состоитъ протекціонная система, какъ не въ такомъ приспособленіи арсенала своихъ мѣропріятій къ реальнымъ потребностямъ даннаго народнаго хозяйства? Что же другое, какъ не это нужно понимать подъ послѣдовательной таможенной политикой (jednolita polityka celna)?

Грабскій съ недоумѣніемъ спрашиваетъ, почему таможенная политика Варшавскаго Герцогства, когда промышленное развитіе

[1]) Grabski—выше цит. str. 90–91

Польши не было выше, а даже ниже, чѣмъ въ эпоху четырехлѣтняго сейма, дала такіе блестящіе результаты?

Это недоумѣніе легко разрѣшается самимъ же авторомъ. Въ эпоху Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго были иныя политическія и соціальныя условія, иной правовой укладъ Все это вмѣстѣ взятое не могло не содѣйствовать приливу искусныхъ иностранныхъ ремесленниковъ и капиталистовъ. Наоборотъ, въ эпоху независимаго существованія Речи Посполитой общее политическое и соціальное положеніе не благопріятствовало иностранной иммиграціи [1]). Отсюда и результаты получились другіе.

Это объясненіе совершенно правильно. Одна протекціонная система не могла создать польской промышленности, разъ существовали другія важныя условія, препятствовавшія зарожденію и развитію этой промышленности (безправное положеніе торгово-промышленнаго класса, крѣпостное состояніе, никуда негодный политическій строй и пр.). Но съ другой стороны, далеко нельзя сказать того, что въ эпоху Ст. Августа протекціонная система была бы скорѣе гибельна, чѣмъ полезна.

То обстоятельство, что въ Польшѣ было слишкомъ мало сторонниковъ строгаго протекціонизма можно объяснить тѣмъ, что культурнымъ, образованнымъ классомъ являлась въ ней исключительно шляхта, а отчасти духовенство, въ большинствѣ случаевъ принадлежавшее по своему происхожденію къ тому же шляхетскому сословію. Интересы шляхты, какъ землевладѣльческаго класса, не совпадали тогда съ основными задачами протекціонной системы. Въ виду того, что въ области науки и публицистики руководящую роль играли представители шляхты, разумѣется, имъ трудно было стать на точку зрѣнія строгаго протекціонизма; противъ этого говорили и историческія традиціи Польши и классовые интересы. Для распространенія идей протекціонизма Польша представляла слишкомъ неблагопріятную почву. Физіократизмъ, ближе соотвѣтствовавшій воззрѣніямъ шляхты и къ тому же еще популярный во Франціи, откуда заимствовала свои идеалы польская аристократія [2]), долженъ былъ найти болѣе

[1]) Grabski—выше цит. str. 91—92

[2]) „Франція, говоритъ одинъ современникъ, была самой любимой страной поляковъ, въ Парижъ они ѣздили за аристократическими обычаями и блескомъ Философскія и общественныя идеи, взгляды на религію, политику,

широкое распространеніе въ Польшѣ и болѣе талантливыхъ защитниковъ. И тѣмъ не менѣе камерализмъ и даже чистый меркантилизмъ успѣли завоевать себѣ симпатіи въ польскомъ обществѣ. Если камералистическое теченіе и не можетъ равняться съ физіократизмомъ по своимъ научнымъ работамъ, зато на страницахъ современныхъ журналовъ ему принадлежало, безспорно, первенствующее положеніе. Въ разсмотрѣнныхъ нами журналахъ мы находимъ больше статей, написанныхъ въ духѣ камерализма и даже меркантилизма, чѣмъ въ духѣ чистаго физіократизма.

Какое же практическое значеніе этихъ двухъ направленій экономической мысли въ эпоху Стан. Августа? Что касается польскаго физіократизма, то онъ стоялъ на реальной почвѣ только въ вопросѣ объ улучшеніяхъ сельскаго хозяйства и главнымъ образомъ въ крестьянской реформѣ. Критика крѣпостного состоянія съ экономической точки зрѣнія подготовила почву для освобожденія хлоповъ; тѣмъ болѣе, что нѣкоторые сторонники воззрѣній физіократизма и вмѣстѣ крупные помѣщики по своей собственной иниціативѣ освобождали крестьянъ отъ крѣпостной зависимости или смягчали ихъ повинности. Въ этомъ отношеніи физіократизмъ сыгралъ глубоко реальное значеніе [1]). Несомнѣнно также, въ нѣкоторыхъ случаяхъ

на экономическое положеніе страны — все въ Польшѣ заимствовали отъ Франціи" Schulc — выше цит str 144; ср. Wł. Smoleński-Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII. Krakow 1891, str. 345.

[1]) Грабскій (str. 63 и д.) обвиняетъ польскихъ физіократовъ въ томъ, что они не исчерпали цѣликомъ крестьянскаго вопроса Главное зло этого вопроса составляли чрезмѣрныя повинности. Печальное положеніе сельскаго хозяйства зависѣло не столько отъ крѣпостного состоянія, сколько отъ чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ барщинами Въ доказательство этого авторъ ссылается на благопріятное экономическое положеніе крѣпостныхъ въ духовныхъ и королевскихъ имѣніяхъ Несомнѣнно, крѣпостное состояніе и безправное положеніе крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ наносило большой ущербъ отечественному земледѣлію. Однако же главная, конкретная, экономическая причина бѣдности земледѣльческаго сословія лежала въ чрезмѣрныхъ повинностяхъ хлоповъ Пониженіе ихъ было необходимымъ условіемъ улучшенія народнаго хозяйства. На эту конкретную реформу, которая скорѣе всего и могла быть осуществлена, и не обратилъ вниманія физіократизмъ.

По поводу этихъ замѣчаній можно сказать слѣдующее. большую заслугу польскаго физіократизма уже составляетъ то, что онъ прямо и ясно указалъ на основное зло польскаго хозяйства—рабство. Физіократизмъ, какъ научная система, не могъ идти на политическій компромиссъ и по тѣмъ или

физіократизмъ содѣйствовалъ подъему сельско-хозяйственной культуры [1]).

Приходилось отмѣчать намъ значеніе физіократизма и для реформы городского класса, хотя здѣсь скорѣе сыгралъ роль не самъ по себѣ физіократизмъ, какъ система, а просто тѣ лица, которыя придерживались физіократическихъ воззрѣній.

Что касается мануфактурной промышленности и торговли, то здѣсь польскій физіократизмъ являлся чистымъ доктринерствомъ, совершенно не считавшимся съ конкретными нуждами польскаго народнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи ближе къ реальнымъ потребностямъ стоялъ камерализмъ. Безъ сомнѣнія, камералистическое направленіе ясно поняло дѣйствительныя конкретныя нужды народнаго хозяйства Речи Посполитой. Оно во многихъ случаяхъ отражало жизненныя потребности страны. Тѣ мѣропріятія, которыя рекомендовалъ камерализмъ, могли удовлетворить нѣкоторыя неотложныя экономическія и финансовыя нужды государства.

Въ дѣйствительности, пожеланія, высказанныя имъ, такъ и остались пожеланіями, какъ мы видѣли это изъ предшествующей главы. И представители камерализма не имѣли реальной силы для осуществленія своей программы. Значеніе этого направленія лежитъ въ томъ, что оно впервые открыто взяло подъ свою защиту тѣ идеи, тѣ принципы въ области экономической политики, которые были чужды польскому духу и которые противорѣчили политическому и соціальному укладу Речи Посполитой. И если камерализмъ не успѣлъ оказать практическаго вліянія на ходъ экономической политики въ эпоху Стан. Августа, то за то многіе изъ его принциповъ

другимъ соображеніямъ вмѣсто освобожденія крестьянъ поставить на своемъ знамени урегулированіе и пониженіе барщины Мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія Грабскаго, что такая мѣра могла дѣйствительно улучшить положеніе хлоповъ, а во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы шляхта легко согласилась на сокращеніе этихъ повинностей Если положеніе крѣпостныхъ было нѣсколько лучше въ духовныхъ и королевскихъ имѣніяхъ, то не настолько оно было хорошо, чтобы въ созданіи такого же положенія и для частновладѣльческихъ имѣній можно было видѣть разрѣшеніе этого больного вопроса

[1]) Любопытный примѣръ такого вліянія физіократизма даетъ намъ проф Довнаръ-Запольскій въ описаніи реформы поземельныхъ отношеній въ частныхъ имѣніяхъ Хрептовича, одного изъ послѣдователей физіократизма. Изъ исторіи обществ теченій—стр 200

перешли въ видѣ наслѣдія къ новой эпохѣ—эпохѣ Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго, гдѣ они, возродившись въ системахъ Суровецкаго, Шумскаго и др., оказали могущественное вліяніе на направленіе экономической политики. Разсмотрѣніе этого вліянія входитъ уже въ задачу второй части предлагаемаго изслѣдованія.

Часть II.

ГЛАВА I.

Польское народное хозяйство въ эпоху прусскаго владычества (1795—1806/7 г.) и Варшавскаго Герцогства (1807—1815 г.).

Экономическое положеніе страны по описанію Holsche Характеристика отдѣльныхъ отраслей производства Могло ли прусское правительство взять на себя заботу о развитіи промышленности въ польскихъ провинціяхъ? Благопріятная для сельскаго хозяйства конъюнктура конца XVIII в. и начала XIX в. Учрежденіе ипотечнаго кредита и его значеніе. Развитіе земельной спекуляціи Мнѣніе Скарбека о причинѣ задолженности польскаго землевладѣнія. Насажденіе нѣмецкихъ колоній въ польскихъ провинціяхъ Образованіе Варшавскаго Герцогства. Освобожденіе крестьянъ и его слѣдствія Введеніе гражданскаго кодекса Наполеона и его значеніе. Экономическое положеніе Варшавскаго герцогства. Мѣропріятія въ цѣляхъ привлеченія иностранцевъ Протекціонная политика. Ея результаты.

Съ третьимъ раздѣломъ (1795 г.) прекратилось независимое существованіе Рѣчи Посполитой. Паденіе Польши представлялось логически неизбѣжнымъ при наличности тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, въ которыхъ она находилась. Отторгнутая отъ моря, лишенная основъ матеріальнаго бытія, со слабой королевской властью, съ анархіей сеймиковъ и сеймовъ, съ подавляющимъ вліяніемъ на верху „можныхъ“ фамилій, и съ сѣрой забитой массой хлоповъ и мелкой шляхты внизу, безъ крѣпкаго здороваго средняго сословія, вдобавокъ еще окруженная сильными, могущественными государ-

ствами съ агрессивной политикой—могла ли при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ существовать Речь Посполитая?

Дѣйствительно, скорѣе слѣдуетъ удивляться не тому, что Польша пала, а тому, что она долго существовала при всѣхъ своихъ аномаліяхъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, сыграло свою роль соперничество трехъ сосѣднихъ монархій; каждая изъ нихъ мечтала о большей долѣ въ польскомъ наслѣдствѣ.

Политическая смерть государства, безъ сомнѣнія, должна была отразиться и на положеніи польскаго народнаго хозяйства. Въ дальнѣйшемъ его судьба была неразрывно связана съ политической судьбой польскаго народа, которому пришлось пережить въ началѣ XIX в. нѣсколько глубокихъ переворотовъ.

По третьему раздѣлу къ Пруссіи отошло больше половины теперешняго Царства Польскаго во главѣ съ столицей Варшавой. Изъ частей Польши, вошедшихъ въ составъ Пруссіи, были образованы двѣ провинціи—южная Пруссія и ново-восточная Пруссія.

Къ Австріи отошла юговосточная половина нынѣшняго Царства Польскаго, образовавшая тамъ Зап. Галицію въ отличіе отъ восточной, присоединенной къ Австріи еще въ 1772 г. [1]).

Часть Польши, доставшаяся Россіи по третьему раздѣлу, имѣла такія границы: Бугъ къ Немирову, отсюда по прямой линіи до Гродно, затѣмъ по теченію Нѣмана до Балтійскаго моря.

Прусское правительство, получивъ въ свое владѣніе значительный край, поспѣшило организовать въ немъ на новыхъ началахъ внутреннее управленіе и затѣмъ занялось изученіемъ вновь присоединенныхъ провинцій. Все управленіе краемъ было сосредоточено въ рукахъ особыхъ камеръ, учрежденныхъ въ каждомъ департаментѣ и подчиненныхъ непосредственно центральнымъ органамъ въ Берлинѣ. Кромѣ военныхъ и административныхъ дѣлъ на обязанности этихъ камеръ лежало и собираніе разныхъ статистическихъ свѣдѣній. Между прочимъ при ихъ посредствѣ было произведено нѣсколько народныхъ переписей, одна изъ такихъ переписей, именно перепись 1800 г., по отзывамъ нѣмецкихъ ученыхъ, отличается достовѣрностью и точ-

---

[1]) См проф. Г. Симоненко—Сравнительная статистика Царства Польскаго т. I. Варшава. 1879 г. стр. 29—30 Ср. Fryd. Skarbek-Dzieje Księstwa Warszawskiego. Biblioteka dzieł wyborowych W. 1897, t. I, str. 13.

ностью [1]). Между прочимъ, собирались и свѣдѣнія, касающіяся экономическаго положенія страны.

Благодаря наличности такихъ матеріаловъ и можно охарактеризовать положеніе народнаго хозяйства въ эту переходную эпоху. Часть этихъ матеріаловъ была обнародована въ печатномъ видѣ въ трудѣ *Holsche*—„Heographie und Statistik von West-Süd und Neu-Ostpreussen". Bd. I—III (1799—1805).

Гольше, какъ президентъ одной изъ прусскихъ камеръ, имѣлъ полную возможность близко ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ новыхъ провинцій. Онъ даетъ такую характеристику положенія промышленности въ Ново-восточной Пруссіи: „въ настоящее время индустрія находится здѣсь еще въ колыбели (noch in der Wiege), большинство фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій привозится изъ другихъ провинцій, даже и тѣ, сырой матеріалъ для которыхъ находится въ большомъ изобиліи. Собственно, фабрикъ здѣсь нѣтъ вовсе (eigentliche Fabriken giebt es hier gar nicht), что̀ имѣется въ родѣ ихъ, то является мелкимъ ремесленнымъ производствомъ" [2]).

Послѣ такого общаго замѣчанія педантичный нѣмецъ переходитъ къ обзору отдѣльныхъ отраслей промышленности. „Желѣзныя издѣлія, нужныя для земледѣлія и для другихъ потребностей никогда не вырабатывались здѣсь, но всегда привозились изъ-за границы", замѣчаетъ Гольше. Существуетъ два стеклянныхъ завода въ бѣлостокскомъ департаментѣ, но они выдѣлываютъ только зеленое и простое бѣлое стекло.

Болѣе благопріятный отзывъ даетъ нѣмецкій наблюдатель о производствѣ дерева и въ частности золы. Эти производства широко развиты и ихъ издѣлія при улучшеніи сбыта могутъ стать важнымъ предметомъ торговли. Кирпичное производство также довольно развито.

О кожевенномъ производствѣ мы находимъ у Гольше такое замѣчаніе: „хотя кожи и выдѣлываются, и встрѣчаются тамъ и сямъ кожевенные заводы, но только мелкіе".

„Шерстяныхъ мануфактуръ почти нѣтъ вовсе, потому что, какъ уже замѣчено, овцеводство находится въ забросѣ и шерсть получается только грубая. Для того, чтобы поднять шерстяныя мануфактуры на-

---

[1]) Симоненко—стр 30

[2]) Holsche—Bd I, 1799, s 411.

столько, чтобы онѣ могли дать средства существованія многимъ людямъ, для этого сначала нужно обратить вниманіе на овцеводство и улучшить породу овецъ".

Гольше характеризуетъ затѣмъ слабое развитіе польскаго овцеводства. Шерсть получается грубая и потому годится для такихъ издѣлій, которыя обычно носитъ простой народъ Для содѣйствія развитію овцеводства онъ рекомендуетъ выдавать преміи за улучшенныя породы овецъ и учрежденіе въ городахъ складовъ шерсти для облегченія сбыта [1]).

„Два другихъ продукта—конопля и ленъ, которые въ этомъ краѣ, въ особенности въ Литвѣ. даютъ хорошіе урожаи, разводятся здѣсь очень мало. Правда, по городамъ и селамъ занимаются пряденіемъ, но только грубой пряжи для надобностей простого народа. Тонкое полотно выписываютъ изъ Пруссіи и Силезіи; новое доказательство слабой промысловой дѣятельности здѣшнихъ жителей" [2]).

Существуетъ три мельницы для выдѣлки писчей бумаги (Papiermühlen), онѣ вырабатываютъ бумагу въ ничтожномъ количествѣ, такъ какъ плохо устроены и часто испытываютъ нужду въ сыромъ матеріалѣ; поэтому большею частью бумагу получаютъ изъ Пруссіи и Варшавы [3]).

Въ такомъ же печальномъ положеніи находилась фабричная промышленность и въ южной Пруссіи, гдѣ Гольше нашелъ достойными упоминанія только двѣ фабрики—фабрику картъ и экипажей [4]).

Такая характеристика польской промышленности, сдѣланная стороннимъ наблюдателемъ, ясно показываетъ, что промышленности въ эту эпоху въ Польшѣ не существовало; мало того, что и тѣ шляхетскія мануфактуры, которыя основывались магнатами въ своихъ имѣніяхъ, исчезли безслѣдно или выродились въ мелкое кустарное производство. Въ описаніи Гольше совершенно непроизвольно подведенъ итогъ попыткамъ насажденія фабричной промышленности въ Польшѣ въ эпоху Стан. Августа. Изъ приведенныхъ выдержекъ очевидно, что эти попытки закончились полной неудачей. Шляхетскія фабрики, опиравшіяся на трудъ рабовъ, оказались недолговѣчными.

---

[1]) Ibid s. 415.
[2]) S. 417
[3]) S. 419
[4]) Bd. II s. 269, 875

По крайней мѣрѣ, наблюдатель польской промышленности въ концѣ XVIII в. могъ отмѣтить при всей своей педантичности только самые слабые зародыши фабричной промышленности. Даже такая важная отрасль хозяйства, какъ шерстяное производство, развитіемъ которой такъ много занимались въ предшествующую эпоху, находилась еще на стадіи мелкаго кустарства.

Въ свидѣтельствѣ этого аккуратнаго нѣмецкаго чиновника мы находимъ лучшую оцѣнку экономической политики Польши въ эпоху Стан Августа въ области насажденія фабричной промышленности. Она оказалась по существу безрезультатной, что, естественно, объясняется тѣми неблагопріятными условіями, въ которыя было поставлено зарожденіе новой отрасли народнаго хозяйства и которыя были выяснены нами въ предшествующемъ изложеніи.

Поэтому ближайшей эпохѣ пришлось въ дѣлѣ насажденія промышленности начинать сызнова.

Можно поставить вопросъ, не измѣнились ли условія къ лучшему въ эпоху прусскаго владычества? Не содѣйствовало ли это чужеземное господство насажденію и развитію польской промышленности?

На этотъ вопросъ нужно дать отрицательный отвѣтъ. Во-первыхъ, прусское владычество было слишкомъ непродолжительно и потому не могло кореннымъ образомъ измѣнить правовой и экономическій строй Польши; во-вторыхъ, что самое главное, пруссаки совершенно не были заинтересованы въ насажденіи промышленности въ этомъ краѣ. Въ концѣ XVIII в. фабричная промышленность въ Пруссіи, въ особенности въ Силезіи, уже стояла на высокомъ уровнѣ развитія, конечно, относительно. Присоединеніе значительной части Польши къ прусскому королевству открывало новый рынокъ сбыта для нѣмецкой промышленности. Нѣмецкіе товары, которые и раньше, благодаря политикѣ Фридриха Великаго, имѣли широкое распространеніе въ Польшѣ, теперь, разумѣется, заняли господствующее положеніе на польскихъ рынкахъ[1]). При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о развитіи польской промышленности. Частныя лица

[1]) Какъ видно изъ цитированнаго труда Hoische, шерстяная промышленность была болѣе развита въ З Пруссіи, преимущественно въ городахъ Данцигѣ (Гданскѣ), Торнѣ и Эльблонгѣ, т. е. именно въ тѣхъ городахъ, черезъ посредство которыхъ и велась главнымъ образомъ иностранная торговля съ Польшей Bd III, s 211

не могли браться за это дѣло. Для польскихъ мануфактуръ была бы совершенно не подъ силу конкуренція съ нѣмецкими мануфактурами Прусское правительство также не склонно было брать на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, не въ его разсчегахъ было создавать себѣ въ лицѣ польской промышленности опаснаго конкурента.

Наконецъ, и общія конъюнктуры народнаго хозяйства въ концѣ XVIII в. и въ первые годы XIX в., сложившіяся весьма удачно для сельскаго хозяйства, оказывались тѣмъ самымъ неблагопріятными для насажденія въ земледѣльческой странѣ новой отрасли производства—фабричной промышленности.

Въ концѣ XVIII в. спросъ на сельскіе продукты въ западноевропейскихъ странахъ, истощенныхъ войнами, возросъ быстро и сильно. „Къ концу XVIII и началу XIX ст. потребность въ привозномъ хлѣбѣ въ европейскихъ государствахъ стала увеличиваться, не только благодаря ряду неурожайныхъ годовъ и политическимъ событіямъ, отвлекшимъ на войны много рукъ отъ земледѣлія, но главнымъ образомъ, также и благодаря начавшемуся росту мануфактурной и заводской промышленности, росту городовъ и расширенію внутренняго рынка“ [1]. Цѣны на хлѣбъ высоко поднялись и держались въ Польшѣ на такомъ уровнѣ во все время прусскаго владычества. Весьма благопріятнымъ моментомъ для польской хлѣбной торговли являлось и то, что отмѣнены были пошлины. Теперь хлѣбъ вывозился Вислой до Гданска безъ всякихъ ограниченій и стѣсненій. Высокія хлѣбныя цѣны и безпошлинный вывозъ сразу измѣнили положеніе сельскихъ хозяевъ.

При самыхъ обильныхъ урожаяхъ хлѣбъ находилъ себѣ покупателей по высокой цѣнѣ. Мало того, предложеніе хлѣба не могло удовлетворить всего спроса; поэтому, какъ замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, купцы закупали нерѣдко хлѣбъ на корню [2].

Еще въ большей степени возрасли цѣны на кормовые продукты: снесеніе таможенной границы со стороны Силезіи, куда уже издавна

---

[1]) См. П. Лященко—Очерки аграрной эволюціи Россіи, т. I, Спб. 1908 г., стр 171.

[2]) Kajetan Koźmian – Pamiętniki. Poznań, 1858, Od. I, str 243. По словамъ Козьмяна, за корецъ пшеницы въ эпоху прусскаго владычества платили по 4 червонныхъ злотыхъ, между тѣмъ, какъ въ періодъ съ 1786 по 1793 г. цѣна за корецъ пшеницы въ Варшавѣ въ среднемъ равнялась 18 зл.=одинъ червонный злотый. См Korzon—выше цит., т. II, стр. 84

вывозился скотъ изъ Польши въ большомъ количествѣ, значительно усилило этотъ вывозъ. Благодаря указанному обстоятельству, стало весьма выгоднымъ занятіе скотоводствомъ. Съ повышеніемъ цѣнъ на скотъ, поднялись цѣны и на кормовые продукты [1]).

Естественно, что при такихъ конъюнктурахъ все вниманіе польской шляхты должно было сосредоточиться на сельскомъ хозяйствѣ, которое еще такъ недавно переживало періодъ депрессіи При такомъ благопріятномъ положеніи хлѣбнаго рынка ни кому и въ голову не могла придти мысль о томъ, что нужно заботиться о насажденіи и развитіи фабричной промышленности. Наоборотъ, всѣ помыслы, всѣ стремленія и желанія были направлены на землю и на лучшее использованіе міровой конъюнктуры.

Было еще одно обстоятельство, приковавшее вниманіе польскаго общества къ землѣ въ эту эпоху—именно введеніе пруссаками въ польскихъ провинціяхъ ипотеки. Прусское правительство для облегченія земельнаго кредита ввело въ польскихъ провинціяхъ ипотечныя учрежденія.

Повышеніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты вызвало быстрый ростъ цѣнъ на землю. Земельныя цѣны пошли въ гору еще быстрѣе съ момента введенія ипотекъ, обезпечившихъ полученіе ссудъ подъ залогъ имѣній. Къ тому же еще былъ открытъ правительственный кредитъ на льготныхъ условіяхъ. На эту цѣль правительство обратило суммы берлинскаго банка, кассы инвалидовъ и даже депозитные капиталы вдовъ и малолѣтнихъ.

При такихъ условіяхъ заключеніе кредитныхъ сдѣлокъ не представляло никакихъ затрудненій. Польская шляхта, которая въ послѣднюю эпоху независимаго существованія Речи Посполитой испытывала крайнюю нужду въ капиталахъ, теперь могла получать деньги на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Естественно, что она поспѣшила воспользоваться въ широкой мѣрѣ кредитомъ: одни брали ссуды для покупки новыхъ имѣній, другіе для уплаты старыхъ долговъ, заключенныхъ на болѣе тяжелыхъ условіяхъ, третьи—для сплаты сонаслѣдникамъ, и, наконецъ, четвертые просто потому, что былъ дешевъ кредитъ. Само собой разумѣется, что во многихъ случаяхъ,

---

[1]) St. Grabski—Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do r 1831—Przegląd Polski, 1906 r., t. 161, str. 501.

ссуды, полученныя на такихъ льготныхъ условіяхъ, растрачивались совершенно непроизводительно [1]).

Высокія цѣны на сельскіе продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ легкость и доступность кредита создали весьма благопріятную почву для земельной спекуляціи и она дѣйствительно развилась въ широкихъ размѣрахъ. Имѣнія покупались и перепродавались просто съ цѣлью легкой наживы. Въ результатѣ цѣны на землю были искусственно вздуты. По словамъ одного современника, земельныя цѣны въ эту эпоху поднялись вдвое [2]). Ипотечныя учрежденія охотно принимали для записи сдѣлки по продажѣ и куплѣ имѣній по самой высокой цѣнѣ. Это придавало какъ бы правительственную санкцію той высокой оцѣнкѣ, какая установилась на земельномъ рынкѣ. Въ результатѣ и сами землевладѣльцы были убѣждены въ томъ, что дѣйствительная стоимость ихъ имѣній равняется оцѣнкѣ въ ипотечныхъ книгахъ, а съ другой стороны, и кредиторы не безпокоились о цѣлости своихъ капиталовъ, отданныхъ подъ залогъ имѣній, разъ цѣна, обозначенная въ ипотекѣ имѣнія, превышала записанныя долги, хотя бы даже на одну четверть [3]). До тѣхъ поръ, пока цѣны на сельскохозяйственные продукты шли въ гору, не была замѣтна шаткость созданнаго положенія; но стоило измѣниться конъюнктурѣ, и все польское землевладѣніе очутилось на краю гибели. Съ момента войны Наполеона съ Пруссіей цѣны на землю начали падать, кредитъ сталъ съуживаться; поэтому нормальное погашеніе ипотечныхъ долговъ оказалось невозможнымъ. Между тѣмъ почти все польское землевладѣніе было задолжено до чрезмѣрности. Забота о томъ, какъ найти выходъ изъ этого тяжелаго положенія, выпала на долю Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго.

Скарбекъ, а за нимъ и другіе польскіе историки, видятъ въ этой задолженности польскаго землевладѣнія результатъ хитрой политики прусскаго правительства, которое намѣренно вовлекло польскую шляхту въ долги, чтобы такимъ путемъ лишить ее земельной

---

[1]) „Потокъ праздно-лежащихъ прусскихъ капиталовъ, замѣчаетъ Жултовскій, устремился въ карманы шляхты, и только незначительная часть ихъ была обращена на сельско-хозяйственныя меліораціи“—Żółtowski—Die Finanzen des Herzogtums Warschau (1806—1815), Posen, 1890. S 11.

[2]) См. Koźmian выше цит., str 254.

[3]) См Skarbek—выше цит., t. I, str. 67.

собственности [1]). Совершенно вѣрно говоритъ по этому поводу Грабскій, что дешевый и доступный ипотечный кредитъ, предоставленный польской шляхтѣ нѣмецкими банкирами, не могъ быть самъ по себѣ гибельнымъ для сельскаго хозяйства. Это могло случиться только при извѣстныхъ условіяхъ, или когда хозяйство еще не доросло до этого кредита, или когда существуютъ неблагопріятныя условія для пользованія такимъ кредитомъ [2]). Изъ предшествующаго изложенія видно, что польская шляхта, дѣйствительно, оказалась неподготовленной къ воспріятію такого рода кредита, не смотря на тѣ благопріятныя условія, въ какихъ находилось сельское хозяйство въ послѣдніе годы XVIII в. и въ начальные—XIX в.

Мы сочли нужнымъ коснуться этого весьма любопытнаго экономическаго явленія, такъ какъ оно объясняетъ намъ, почему въ эпоху прусскаго владычества не могло быть и рѣчи о насажденіи фабричной промышленности, а съ другой—ликвидація задолженности польскаго землевладѣнія перешла въ видѣ наслѣдія къ Варшавскому Герцогству и конституціонному Царству Польскому и оказала большое вліяніе на характеръ народнаго хозяйства и на направленіе экономической политики и экономической мысли въ Польшѣ въ эту именно эпоху.

Изъ мѣропріятій прусской политики, имѣвшихъ большее или меньшее экономическое значеніе, можно назвать регулированіе рѣкъ, устройство путей сообщенія и наконецъ, вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ. Прусское правительство основывало въ разныхъ частяхъ вновь пріобрѣтеннаго края нѣмецкія колоніи, выдавая для этой цѣли субсидіи. По словамъ одного польскаго историка, въ теченіе 10 лѣтъ отъ $179^{8}/_{9}$ по $180^{6}/_{7}$ г. было выдано на пособія колонистамъ 2 слишкомъ мил. талеровъ [3]). Среди этихъ колонистовъ попадались и ткачи,

---

[1]) См. Skarbek—выше цит., str. 75; Ср. Smoleński—Rządy Prusskie na Ziemach Polskich (1793—1807). W. 1903, str. 63. Осторожнѣе объ этомъ выражается Жултовскій—„Если бы кризисъ произошелъ во время прусскаго владычества, то польская шляхта должна была бы вскорѣ уступить мѣсто прусскимъ кредиторамъ: можетъ быть, это въ дѣйствительности и являлось намѣреніемъ прусскаго правительства (Vielleicht war dies wirklich die Absicht der preussischen Regierung gewesen) St. Żółtowski—Die Finanzen der Herzogtums Warschau (1806—1815). Posen, 1890, str. 12.

[2]) St. Grabski—Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do r. 1831—Przegląd Polski, 1906, t 161, str. 500—501.

[3]) См. Smoleński—Rządy Prusskie, str. 56.

такъ изъ данныхъ, встрѣчавшихся намъ въ архивныхъ документахъ, видно, что нѣкоторые польскіе города, извѣстные своими промыслами въ эпоху Царства Польскаго, ведутъ начало своей промысловой дѣятельности отъ нѣмецкихъ колонистовъ, переселившихся сюда за время прусскаго владычества, напр., г. Домбе. Въ общемъ однако можно согласиться съ словами офиціальнаго историка, что „прусское и австрійское правительства не оставили въ присоединенныхъ къ этимъ государствамъ частяхъ края никакихъ слѣдовъ своей заботливости о развитіи промышленности“ [1]).

Война Наполеона съ Пруссіей рѣшила и судьбу польскихъ провинцій. Разгромивъ Пруссію, Наполеонъ отторгнулъ отъ нея большую часть польскихъ земель, перешедшихъ къ Пруссіи въ 1793 и 1795 годахъ, и создалъ независимое Варшавское Герцогствo. Въ составъ Герцогства вошла вся, такъ называемая, Южная Пруссія и Ново-восточная Пруссія. Изъ этихъ земель было образовано шесть департаментовъ: Варшавскій, Познанскій, Калишскій, Плоцкій, Быдгоскій и Ломжинскій. Отъ Австріи по Шенбрюнскому трактату 1809 г. отошла къ Герцогству вся Западная Галиція, изъ которой были образованы департаменты—Краковскій, Радомскій, Сѣдлецкій и Люблинскій.

Здѣсь нѣтъ нужды говорить о тѣхъ мотивахъ, которые побудили Наполеона возстановить независимое существованіе Польши, хотя бы и въ такомъ урѣзанномъ видѣ, а равно и о томъ участіи, какое принималъ въ этомъ дѣлѣ Александръ I [2]). Все это выходитъ за предѣлы нашей работы. Измѣненія политической судьбы постолько здѣсь насъ интересуютъ, посколько они отражались на положеніи польскаго народнаго хозяйства.

Для полноты характеристики необходимо упомянуть о тѣхъ измѣненіяхъ въ соціальной и правовой жизни Варшавскаго Герцогства, которыя имѣли важное экономическое значеніе.

---

[1]) См Сборникъ административныхъ постановленій, т. I, ч. II Историческій очеркъ промышленности въ Ц П стр LX.

[2]) Въ наукѣ долго господствовалъ взглядъ, что инициатива учрежденія Варшавскаго Герцогства принадлежитъ всецѣло Наполеону Впервые русскій историкъ Шильдеръ указалъ, что эта инициатива должна быть приписана не Наполеону, а Александру I Новѣйшій польскій историкъ Смолька всецѣло присоединяется къ этому взгляду. St. Smolka—Polityka Lubeckiego, t. II. W Krakowie. 1907 r., str. 50 прим

Первая серьезная реформа—это освобожденіе хлоповъ, провозглашенное IV статьей конституціи, дарованной Варшавскому Герцогству Наполеономъ.

По этой статьѣ рабство было уничтожено и признано равноправіе всѣхъ гражданъ передъ лицомъ закона. Постановленіями короля-герцога указанная статья была дополнена и развита. Крестьяне получили право свободнаго выхода изъ имѣній. Въ теченіе одного года они имѣли право на сохраненіе занятой ими земли подъ условіемъ отбыванія прежнихъ повинностей. Что касается дальнѣйшаго опредѣленія хозяйственныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, то это зависѣло уже отъ обоюднаго соглашенія. Усадебный инвентарь былъ признанъ собственностью землевладѣльца [1]).

На такихъ началахъ была осуществлена важная крестьянская реформа. Нѣтъ нужды подробно говорить о томъ, что эта реформа должна была привести къ печальнымъ результатамъ. Она имѣла своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ обезземеленіе и пролетаризацію крестьянскаго населенія. „Освобожденіе хлоповъ безъ земли обратило тысячи трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, по словамъ историка Варшавскаго Герцогства, въ бродягъ и шатуновъ, которыхъ праздность и нужда вывели на порочную дорогу“ [2]). Крестьяне, желая воспользоваться дарованной имъ свободой, бросали дѣдовскія насиженныя мѣста въ надеждѣ найти гдѣ-то лучшій заработокъ или получить землю на болѣе льготныхъ условіяхъ. Въ результатѣ въ этихъ передвиженіяхъ они теряли напрасно и свое время и кое-какіе крохи сбереженій и въ концѣ концовъ отвыкали отъ труда, пополняя только классъ бродягъ. Нельзя забывать, что крестьянинъ, покидая свою деревню лишался всего своего скуднаго имущества и запасовъ, являвшихся нерѣдко результатомъ многолѣтняго труда. Насколько развито было бродяжничество въ эту эпоху свидѣтельствуетъ значительное число заброшенныхъ участковъ земли, т. н. pustych ról, которые встрѣчались не только въ эпоху Герцогства, но и въ болѣе благопріятное время Царства Польскаго во всѣхъ почти селеніяхъ [3]).

---

[1]) См. Поповъ—Варшавское Герцогство Русскій Вѣстникъ за 1866 г. т. 61—62, стр. 20

[2]) См. Skarbek—выше цит. str 66.

[3]) Тамъ же str 68

Не всегда крестьяне бросали земельные участки по доброй волѣ, нерѣдко имъ отказывали сами помѣщики, для которыхъ почему-либо представлялось болѣе выгоднымъ отдѣлаться отъ крѣпостныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Куявахъ, гдѣ почва отличалась особеннымъ плодородіемъ, помѣщики находили болѣе выгоднымъ присоединять крестьянскія хозяйства къ своимъ фольваркамъ, и безъ всякаго стѣсненія прогоняли крестьянъ съ насиженныхъ мѣстъ [1]) Въ другихъ случаяхъ помѣщикъ сгонялъ хлоповъ просто потому, что хотѣлъ посадить на ихъ мѣста нѣмецкихъ колонистовъ, которые въ состояніи были платить большіе чинши и вносить болѣе значительныя вступныя деньги [2]).

Такимъ образомъ, крестьянинъ потерялъ то, что ему обезпечивало старое крѣпостное состояніе, право на прожитье на томъ клочкѣ земли, гдѣ онъ родился, гдѣ жили его отцы и дѣды. Благодаря всякаго рода дополненіямъ и разъясненіямъ IV статьи конституціи, сдѣланнымъ въ интересахъ шляхты, крестьянинъ сталъ совершенно свободнымъ, „подобно птицѣ, иронически замѣчаетъ польскій историкъ, которую можно согнать со всякаго дерева, гдѣ бы она ни сѣла (ale jak ptak, którego z każdego drzewa, gzie usiadł, spędzić dozwolono) [3]). Характерно, что сами крестьяне прежде всего въ реформѣ 1807 г. видѣли лишеніе ихъ наслѣдственнаго владѣнія землей [4]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что столь желанная для крестьянъ свобода стала для нихъ источникомъ бѣдствій и нищеты.

Нѣкоторые польскіе писатели, не отрицая вліянія реформы на обезземеленіе крестьянъ, видятъ въ этомъ и свою выгодную сторону. Обезземеленіе явилось однимъ „изъ благопріятныхъ условій промышленнаго развитія края, предоставивъ возникающимъ фабрикамъ рабочія руки, несвязанныя съ землей“ [5]). Это замѣчаніе вѣрно, но только не для эпохи Варшавскаго Герцогства и не для началь-

---

[1]) См Al Rembowski—Przyczynek do Dziejów konstytucyjnych Księstwa Warszawskiego, Krakow, 1896 str 53

[2]) См. Ad. Krzyżtopora—O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań 1859, str. 342 и д.

[3]) См Al. Rembowski—выше цит. str. 52.

[4]) См. Grabski—Zarys rorzowju... t. I, str 67—68.

[5]) См. Студницій—Польша въ полит. отношеніи отъ раздѣловъ до нашихъ дней. Спб. 1908, стр 14.

ныхъ годовъ Царства Польскаго, когда о фабрикахъ не могло быть еще и рѣчи

Важность крестьянской реформы лежитъ еще и въ другомъ— она поколебала натуральное хозяйство, существовавшее еще въ Польшѣ. Этой реформой сдѣланъ былъ большой шагъ на пути превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное. Она расшатала тѣ устои, на которыхъ держалось старое польское хозяйство Правда, крестьянская реформа не могла произвести радикальнаго переворота въ этомъ отношеніи въ силу того, что хлопы были освобождены безъ земли и слѣдовательно, помѣщики въ землѣ имѣли вѣрное средство для того, чтобы налагать на хлоповъ тѣ самыя повинности, которыя они несли и при крѣпостномъ состояніи. Однако, здѣсь уже важно было то, что юридически крестьяне были свободны и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли отстаивать свою экономическую самостоятельность. Наконецъ, конъюнктуры складывались такъ, что для помѣщиковъ выгоднѣе была замѣна натуральныхъ повинностей денежными.

Другой важной реформой изъ эпохи Варшавскаго Герцогства являлось введеніе въ Польшѣ гражданскаго кодекса Наполеона. Этотъ кодексъ, не признающій сословныхъ перегородокъ, внесъ юридическія формы, неизвѣстныя старой Польшѣ. И однимъ ударомъ измѣнилъ самымъ кореннымъ образомъ правовой укладъ былой Рѣчи Посполитой. Пали тѣ правовыя нормы, которыя поддерживали феодальное натуральное хозяйство. Кодексъ Наполеона, въ которомъ нашли себѣ отраженіе требованія нарождавшагося капитализма, долженъ былъ ускорить разложеніе стараго натуральнаго хозяйства.

Далѣе, кодексъ Наполеона создалъ правовыя нормы для торговаго судопроизводства. Онъ служилъ порукой болѣе скораго и праваго суда, наконецъ, сближалъ внутреннее управленіе страны съ западно-европейскими образцами. Все это имѣло первостепенное значеніе для торгово-промышленнаго класса.

Такое коренное измѣненіе правового строя Польши сближало ея укладъ съ укладомъ западно-европейскихъ странъ, а это въ свою очередь могло содѣйствовать усиленію иммиграціи полезныхъ иностранцевъ, раньше опасавшихся произвола всемогущей шляхты.

Экономическое положеніе Варшавскаго Герцогства было въ высшей степени печально. Какъ мы знаемъ, благосостояніе Польши покоилось на производствѣ и вывозѣ сырыхъ продуктовъ. Въ эпоху

прусскаго владычества этотъ вывозъ находился въ весьма благопріятныхъ условіяхъ. Наоборотъ, переходъ отъ прусскаго владычества къ французскому подорвалъ всѣ основы благосостоянія страны. Осада Гданска зимой 1806/7 г. и въ особенности континентальная система закрыли иностранные рынки для польскаго сырья. Полное отсутствіе сбыта сырыхъ продуктовъ привело къ необычайному ихъ обезцѣненію на внутреннемъ рынкѣ, наоборотъ цѣны на иностранные товары сильно поднялись. Такія неблагопріятныя условія для внѣшней торговли имѣли своимъ послѣдствіемъ быстрый отливъ звонкой монеты за-границу, главнымъ образомъ, въ уплату по обезпеченію потребностей вновь созданной арміи. Въ результатѣ торговый балансъ складывался весьма невыгодно для Герцогства, внутри страны чувствовался крайній недостатокъ средствъ обращенія [1]).

Паденіе цѣнъ на сельскіе продукты имѣло еще и другое неблагопріятное слѣдствіе. Прежде всего послѣдовало быстрое и сильное паденіе цѣнъ на землю. Это разорило тѣхъ, которые спекулировали на покупкѣ и продажѣ земель. Такъ какъ все польское землевладѣніе было чрезмѣрно задолжено въ предшествующую эпоху, то паденіе цѣнъ на сельскіе продукты поставило и его на край гибели. Послѣ вступленія французскихъ войскъ никто изъ землевладѣльцевъ не могъ вносить регулярно проценты. Съ банкротствомъ землевладѣльцевъ должны были пострадать и многіе кредиторы, лишившіеся своего имущества. Въ другихъ случаяхъ ихъ капиталы, въ виду упадка доходовъ земледѣлія и общаго разоренія страны, стали мертвыми, не приносящими дохода. Кредиторы не могли возвратить своихъ капиталовъ и послѣднимъ средствомъ—продажей заложенныхъ имѣній съ молотка. По словамъ одного современника, „въ убогомъ и обнищавшемъ Варшавскомъ Герцогствѣ земскія имѣнія настолько упали въ цѣнѣ, что на публичныхъ торгахъ имѣнія милліонной цѣнности продавались за 200 тыс. зл., часто за четвертую часть стоимости переходили въ руки евреевъ и пруссаковъ“ [2]).

Такое обезземеленіе шляхты могло бы принять общій характеръ, если бы не помогло вмѣшательство Наполеона. По завоеваніи польскихъ провинцій, онъ конфисковалъ прусскіе капиталы, вложенные

---

[1]) Żółtowski—выше цит Bd. II, Posen, 1892. Str. 8—9 Ср. Niemcewicz-Pamiętniki 1811—1820. Poznań 1871, t. I, str. 242.

[2]) Koźmian Kajetan, выше цит. Od. II, Poznań, 1858. str. 77.

въ ипотеки. По Байонскому соглашенію, эти капиталы были переуступлены Варшавскому Герцогству. Такимъ образомъ, послѣднему пришлось считаться съ задолженными польскими землевладѣльцами. Для спасенія ихъ правительство должно было ввести общую отсрочку платежей (moratorium). Затѣмъ министерствомъ финансовъ былъ выработанъ проектъ организаціи земскаго кредита по образцу прусскаго; но этотъ проектъ не получилъ своего осуществленія въ эпоху Варшавскаго Герцогства. Вторично онъ былъ предложенъ въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго, когда и удалось провести его въ жизнь.

Закрытіе рынковъ сбыта, обезцѣненіе сельскихъ продуктовъ, задолженность землевладѣнія подорвали въ корнѣ основы польскаго народнаго хозяйства.

„Эта бѣдная страна, пишетъ одинъ изслѣдователь, дошла въ то время до послѣдней степени бѣдствій, всѣ мѣстности опустошены, города въ развалинахъ, имѣнія отягчены чрезвычайными долгами, большая часть владѣльцевъ въ полномъ банкротствѣ; общественный кредитъ уничтоженъ, земледѣліе запущено, другія отрасли промышленности почти неизвѣстны, торговля въ застоѣ“ [1]).

Къ этому присоединились еще и другія уже чисто внѣшнія бѣдствія, связанныя съ бурной наполеоновской эпохой.

„Вымогательства, реквизиціи и даже грабежи французскаго войска, говоритъ современникъ, въ особенности высшихъ офицеровъ, переходили всякую границу“ [2]). Содержаніе, хотя и дружественной, но чужой арміи обходилось очень дорого польскому народу. Сверхъ того, Наполеонъ обязалъ Варшавское Герцогство образовать еще свою армію. Для этого требовались рекрутскіе наборы, отрывавшіе здоровое молодое населеніе отъ занятій, разнаго рода натуральныя военныя повинности, ложившіяся на населеніе тяжелымъ бременемъ. „Войска были бременемъ для народа. Они постоянно были посылаемы изъ одного мѣста въ другое для экзекуцій, дабы силой взы-

---

[1]) Pamiętniki z dziewiętnastego wieku t. I. Wspomnienia Andrzeja Edw. Koźmiana, Poznań, 1867, str. 53—54. „Les habitants ruinés par tous les genres de réquisitions qui leur ont à peine laissé le stricte nécessaire“, такъ характеризуетъ положеніе дѣла французскій посланникъ; см. у Жултовскаго—выше цит. s. 92—93

[2]) См. Ф. Смитъ—Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. пер. съ нѣм 1863 г. т I, стр. 64.

скивать подати и тѣмъ временемъ жить за счетъ обывателей" [1]). Наконецъ, было затѣяно устройство двухъ крѣпостей въ Модлинѣ и на Прагѣ. На фортификаціонныя работы сгоняли тысячи крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, работавшихъ только за одно пропитаніе.

„Постоянныя войны, пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ польскаго „Петербургскаго Еженедѣльника", ложились тяжелымъ бременемъ на Польшу, отъ которой Наполеонъ требовалъ жертвъ деньгами и людьми. Онъ хотѣлъ видѣть въ полякахъ слѣпое орудіе для своихъ политическихъ плановъ. Большому упадку народнаго хозяйства содѣйствовало еще и то, что земельные доходы не оставались въ Польшѣ, но уплывали за-границу въ руки французскихъ генераловъ, которымъ Наполеонъ щедро раздавалъ польскія имѣнія" [2]).

Естественно, что для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей Варшавскаго Герцогства, вызываемыхъ политикой Наполеона, нужны были средства. Между тѣмъ прямые земельные налоги уплачивались все хуже въ виду разоренія землевладѣльцевъ; доходы отъ таможенныхъ пошлинъ и акциза значительно понизились благодаря упадку внѣшней и внутренней торговли. „Уже въ октябрѣ 1807 г. финансы Герцогства, говоритъ одинъ изслѣдователь, были исчерпаны, война и безчисленныя реквизиціи повергли почти каждую семью въ нищету. Государство находилось въ состояніи лихорадки, угрожавшей его жизни, его существованію" [3]). Вся финансовая система покоилась на принципѣ,—брать всюду, гдѣ только можно, и вмѣстѣ отказываться отъ исполненія самыхъ справедливыхъ и настоятельныхъ обязательствъ, исключая военныя нужды, которыя опредѣлялъ Наполеонъ диктаторской властью Банкротство было полное, государство не въ состояніи было даже уплачивать жалованья чиновникамъ. Случалось даже, что войска не оплачивались по полтора года, несмотря на самыя суровыя мѣры. „Припоминаю я, пишетъ одинъ современникъ эпохи Герцогства, когда всѣ доходы были ничтожны, а за службу ничего не платили, мой отецъ вынужденъ былъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей отослать домашнее серебро на монетный дворъ для замѣны его на звонкую монету" [4]).

---

[1]) См. Ф. Смитъ—выше цит стр. 63.

[2]) См. O stanie Polskiego Przemysłu (корресп. изъ Варшавы). Tygodnik Petersburski 1833 r. № 27 str. 163.

[3]) Żółtowski—выше цит. str. 9.

[4]) Wspomnienia Andr. Edw. Koźmiana—str. 54

По словамъ другого современника, обыватели несли на монетный дворъ послѣднія серебряныя ложки [1]). Для спасенія положенія правительство хваталось за всѣ средства· такъ въ іюлѣ 1811 г. были выпущены кредитные билеты, обезпеченные таможенными доходами. Эта мѣра не дала желаннаго результата, такъ какъ правительству никто не вѣрилъ. Таможенные доходы не могли служить прочнымъ обезпеченіемъ курса бумажныхъ денегъ, такъ какъ эти доходы по мѣрѣ поступленія въ кассы немедленно расходовались. Всѣ хорошо знали, что доходовъ казны не хватаетъ на текущія нужды. Къ тому же само правительство не признавало номинальной цѣнности выпущенныхъ билетовъ, разъ при самомъ выпускѣ ихъ установило потерю въ 4 гроша на одномъ талерѣ при обмѣнѣ ихъ на звонкую монету. Въ томъ же году былъ сдѣланъ заемъ въ Парижѣ въ 12 мил. фр. на военныя нужды изъ 6% [2])

„Правительство, замѣчаетъ Скарбекъ, хваталось за всѣ средства, но всѣ они оказывались безрезультатными. Наступило полное банкротство правительства, выражавшееся въ огромной задолженности при текущихъ расплатахъ, при оплатѣ войскъ и чиновниковъ. Не было уже никакой вѣры правительственнымъ обязательствамъ, даже надежды на ихъ исполненіе въ будущемъ“ [3]).

Такое тяжелое экономическое и финансовое положеніе Варшавскаго Герцогства, обнаружившееся съ момента возникновенія его, было отмѣчено и въ концѣ его существованія, когда было образовано такъ называемое временное правительство (Rządy tymczasowe, въ концѣ 1815 года). Послѣднее, занимаясь организаціей созданнаго по Вѣнскому конгрессу Царства Польскаго, констатировало всеобщій застой торговли, недостатокъ денегъ, почти общую гибель земледѣльческихъ хозяйствъ, общую нужду и матеріальное разореніе страны [4]). Нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ,—маленькое Герцогство силой обстоятельствъ стало ареной войнъ въ эту бурную эпоху. Постоянные переходы войскъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ должны были разорить въ конецъ экономическое

[1]) См Niemcewicz—Pamiętniki 1811—2820. Poznań 1871, t. I, str. 248

[2]) См. Skarbek—выше цит. t. III, str. 31—32.

[3]) Ibid. str. 33.

[4]) См. Monografie w zakresie Dziejów Nowożytnych t. I, Rządy tymczasowe w Królestwie Polskiem, подъ ред Szym. Askenasy W. 1902. str. 49

благосостояніе населенія, и безъ того сильно подорванное неблагопріятными конъюнктурами.

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о развитіи и насажденіи фабричной промышленности. „Среди военныхъ смутъ, писалъ одинъ старый польскій журналъ, нѣтъ мѣста ни для улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, ни для развитія мануфактурной промышленности“ [1]). Однако правительству Варшавскаго Герцогства не чужда была мысль о содѣйствіи промышленному развитію страны. Желая привлечь въ страну иностранцевъ, опытныхъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, правительство освободило постановленіями отъ 8/20 марта 1809 г. и 17/29 января 1812 г. ремесленниковъ, фабрикантовъ и земледѣльцевъ отъ рекрутскаго набора, отъ чиншевыхъ платежей съ казенныхъ земель на шесть лѣтъ и отъ пошлины съ провозимаго изъ за границы разнаго движимаго имущества и рабочаго скота [2]).

Всѣ иностранцы ввѣрялись особой опекѣ министерства вн. дѣлъ и префектовъ департаментовъ. Эти правительственные органы должны были облегчать имъ поселеніе въ странѣ всякими способами и охранять пользованіе данными имъ правами и вольностями [3]).

Такъ какъ среди иностранцевъ, очевидно, существовало опасеніе, что обратный выходъ изъ Герцогства имъ можетъ быть затрудненъ, то правительство сочло нужнымъ отдѣльнымъ постановленіемъ 17 дек. 1810 г. разсѣять эти страхи. „Для того, чтобы иностранцы, пожелавшіе переселиться въ Варшавское Герцогство для ремеслъ, промысловъ или земледѣлія, говоритъ королевскій декретъ, изъ ложнаго страха, что имъ обратный выходъ будетъ запрещенъ, не удерживались отъ исполненія своего намѣренія, постановляемъ: иностранцы, прибывшіе въ Герцогство... имѣютъ въ каждое время

---

[1]) См Izys Polska, 1820 r. t. I. str 149.

[2]) См. Dziennik Praw. t III, str. 455, t VI, str 155; ср. Сборникъ административныхъ постановленій т I, ч. 2. Историческій очеркъ промышленности въ Царствѣ Польскомъ, стр. LX Какъ видно изъ архивныхъ документовъ, въ Герцогство 31 дек. 1808 г явилась депутація отъ прусскихъ крестьянъ съ запросомъ о томъ, будутъ ли освобождены отъ оплаты пошлинъ ввозимыя земледѣльческія орудія? Очевидно, этотъ фактъ и послужилъ ближайшимъ поводомъ къ указанному постановленію 1809 г. См. Арх. Казенной Пал. Archiwum Kom. Rz P i S. Wydziału Dobr i Lasów rządowych. Akta Ogólne tyczące się Kolonistów Lit. K. 24. t 1

[3]) См. Dz. Pr. t. III, стр 113.

право требовать паспортъ для возвращенія въ ту страну, изъ которой они выселились, въ чемъ не будетъ имъ отказа (арт. 1); разумѣется, земледѣльцы должны сначала выполнить тѣ обязательства, которыя они взяли на себя по отношенію къ собственнику земли"[1].

Эта мѣра не осталась безрезультатной. Какъ видно изъ архивныхъ документовъ, не мало иностранныхъ ремесленниковъ переселилось именно въ эти годы. Иностранная иммиграція не могла принять особенно значительныхъ размѣровъ въ виду слишкомъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, создаваемыхъ войнами.

Изъ другихъ мѣропріятій экономической политики слѣдуетъ назвать воспрещеніе не только ввоза изъ Пруссіи (22 мая 1811 г.) бумажной пряжи и бумажныхъ издѣлій, но даже и провоза подъ страхомъ конфискаціи[2]. Послѣдняя мѣра вызвана была не столько защитой хлопчатобумажной промышленности въ Польшѣ, каковой тамъ не было, сколько политическими соображеніями, а съ другой стороны, и охраной интересовъ саксонской промышленности. Напомнимъ, что герцогъ Варшавскій въ то же время былъ и Саксонскій король. Саксонскія издѣлія, не встрѣчая никакого соперничества на польскомъ рынкѣ, нашли здѣсь широкое поле сбыта. Поэтому, указанная запретительная мѣра должна была служить не столько поощреніемъ для польской промышленности, сколько для саксонской.

Не могло содѣйствовать зарожденію и развитію польской промышленности и постановленіе 15 окт. 1810 г., подвергавшее конфискаціи англійскіе товары. Эта мѣра, стоявшая въ связи съ континентальной системой, могла дать прочныя основанія для развитія промышленности въ тѣхъ странахъ, гдѣ таковая уже существовала. Что касается Варшавскаго Герцогства, то и названная мѣра могла только благопріятствовать саксонской промышленности, но не польской, еще не существовавшей.

Среди правительственныхъ постановленій изъ эпохи Варшав. Герцогства мы находимъ одно, воспрещающее не ввозъ, а вывозъ. Декретомъ 29 янв. 1811 г. всѣмъ воспрещалось подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ вывозить за границу тряпки и лоскутки, какъ шерстяные, такъ и льняные, а равно и другихъ матеріаловъ, при-

[1]) См. Dz. Pr. t. III, str. 113.
[2]) Ibid str 231

годныхъ для выработки бумаги, подъ угрозой штрафа десяти талеровъ за каждый фунтъ, независимо отъ качества тряпья [1].

Это мѣропрятіе въ духѣ меркантилизма имѣло своей ближайшей и непосредственной цѣлью содѣйствіе производству писчей бумаги, уже существовавшему, какъ мы знаемъ изъ словъ Гольше, въ Польшѣ.

Правительство Варшавскаго Герцогства принимало мѣры къ облегченію транзитной торговли. Главнымъ образомъ, транзитная торговля черезъ Герцогство велась между Пруссіей и Россіей. Первая ввозила значительное количестро сукна въ Россію и въ частности въ Кяхту. „Желая облегчить транзитную торговлю, такъ гласитъ декретъ отъ 29 ноября 1811 г., проходящую черезъ Герцогство Варшавское, освобождаемъ всѣ товары и продукты, черезъ наше Герцогство переходящіе, отъ всякихъ транзитныхъ пошлинъ“ [2]) Несомнѣнно, эта мѣра могла бы содѣйствовать успленію транзитной торговли, если бы въ скорости не произошло войны между Россіей и Франціей. Это чисто внѣшнее обстоятельство должно было парализовать благопріятное вліяніе указаннаго постановленія.

Вотъ и всѣ мѣропріятія изъ эпохи Варшавскаго Герцогства, которыя характеризуютъ намъ направленіе его экономической политики [3]). Несомнѣнно, правительство Варшавскаго Герцогства обнаружило стремленіе вступить уже на путь протекціонизма. Въ виду неблагопріятныхъ условій, это стремленіе не могло оказать сколько-нибудь серьезнаго вліянія на зарожденіе и развитіе промышленности. Этому препятствовала во-первыхъ, личная унія съ Саксоніей, страной несравненно болѣе промышленной, чѣмъ Польша, во-вторыхъ,

---

[1]) Dz Pr. t III, str 191. Какъ видно изъ общихъ актовъ писчебумажныхъ фабрикъ, эта мѣра была предложена префектомъ краковскаго департамента еще 26 ноября 1810 г именно въ цѣляхъ развитія названныхъ фабрикъ. См. Арх Ген. Губ. Akta Uniwersalne fabryk Papieru Lit. P. v. I.

[2]) Ibid. t. IV, str. 9.

[3]) Въ 1808 г. правительство обратило вниманіе на то, что вслѣдствіе отсутствія въ Герцогствѣ бѣлильниковъ полотно вывозилось въ Силезію и затѣмъ, по бѣленіи, возвращалось обратно. Префекту Калишскаго департамента былъ сдѣланъ запросъ, почему не имѣется бѣлильниковъ въ департаментѣ? Какъ отвѣтилъ на этотъ наивный вопросъ префектъ, неизвѣстно, такъ какъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этого запроса не сохранилось въ документахъ Арх Ген. Губ. Ogólne Akta... tyczące się fabryk Płotna Lit. P. v I.

то тяжелое экономическое и финансовое положеніе, въ какомъ находилось Герцогство. Правительство совершенно было лишено возможности оказывать положительное содѣйствіе промышленности въ видѣ субсидій, премій, основанія собственныхъ предпріятій, облегченія кредита и пр. Наконецъ, мирному внутреннему развитію Герцогства мѣшали и тяжелыя политическія условія. Все вмѣстѣ взятое и является причиной того, что скромные робкіе шаги на пути протекціонизма Варшавскаго Герцогства не могли заложить прочныхъ основъ для развитія польской промышленности.

Мы имѣемъ одно географическее описаніе Варшавскаго Герцогства, изданное въ Познани въ 1809 г., гдѣ дана интересная характеристика отдѣльныхъ отраслей фабрично-заводской промышленности. „Въ общемъ, пишетъ современникъ, промышленность въ Польшѣ находится еще въ колыбели. . Самой главной причиной этого является то, что множество городовъ, въ которыхъ могла бы процвѣтать промышленность, занимается земледѣліемъ (bawi się rolnictwem), другія причины—недостатокъ людей, недостатокъ денегъ и пр. Но думается мнѣ, пророчествуетъ нашъ авторъ, что недалеко то время, когда промышленность станетъ процвѣтать въ Польшѣ. Въ Познанскомъ департаментѣ положено хорошее начало. *Суконное* въ Познанскомъ и Быдгосскомъ департаментахъ такъ развилось, что оттуда можно ежегодно вывозить сукна на 1.300.000 талеровъ. Изъ другихъ департаментовъ вывозятъ шерсть вмѣсто того, чтобы перерабатывать ее на сукно, чулки, шляпы и т. д., поэтому указанныя вещи приходится покупать. Пряденьемъ пеньки и льна можно было бы занять всѣхъ бродягъ, которые, нищенствуя, составляютъ обузу для страны. *Полотняное производство* довольно развито по надъ силезской границей (въ 1800 г. департаментъ познанскій доставилъ полотна на 170.000 тал.), въ Быдгосскомъ департаментѣ и т. д.; однако его не хватаетъ для страны. *Кожевенное производство* имѣется разнаго вида, но въ недостаточномъ количествѣ и весьма несовершенно, почему поляки должны продавать сырыя кожи другимъ народамъ и покупать отъ нихъ выдѣланныя (wypławne). *Сапожниковъ* достаточно и немало хорошихъ. *Кузнецовъ* также значительное число. *Портныхъ* евреевъ даже слишкомъ много. Большинству этихъ ремесленниковъ не достаетъ ловкости и опытности. Всякія другія ремесла находятся только въ болѣе значительныхъ

городахъ, въ остальныхъ частяхъ страны въ нихъ испытывается нужда

Есть нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, но ихъ недостаточно, и поэтому приходится выписывать много желѣза изъ другихъ странъ Существуетъ нѣсколько заводовъ для выдѣлки мѣди, но они стоятъ въ бездѣйствіи Есть также нѣсколько стеклянныхъ заводовъ, они вырабатываютъ только простое, зеленое стекло. Кирпичныхъ заводовъ достаточно и есть хорошіе. Раньше поляки вырабатывали столько поташу, что могли вывозить его за границу, теперь производство его сократилось.

Смолокуренъ было также столько, что могли вывозить смолу, но теперь число ихъ значительно уменьшилось. Имѣются фабрики для выдѣлки разной писчей бумаги, доставляющія хорошаго качества бумагу.

Поляки вывозятъ: разные сорта хлѣба, пеньку, ленъ, корабельный лѣсъ, лошадей, воловъ, свиней, кожи въ сыромъ видѣ (что составляетъ большую потерю для страны), хмель, воскъ, медъ, сало, шерсть, перья, щетину, водку, нѣкоторые мануфактурные товары, какъ сукно и т. д. Взамѣнъ этого покупаютъ: соль, высшіе сорта табаку, вино, коренья, драгоцѣнные камни, желѣзо, золото, серебро, цинкъ, мѣдь, латунь, сталь, тонкіе тулупы, много мануфактурныхъ товаровъ, особенно тонкихъ и дорогихъ. Ввозъ всегда выше вывоза, что наноситъ ущербъ странѣ Разъ мы улучшимъ ремесла и земледѣліе (а улучшеніе нужно начинать съ того, что имѣемъ), доходы и богатство страны значительно возрастутъ“ [1]).

Это объективное описаніе промышленности Варшавскаго Герцогства ясно показываетъ, на какомъ низкомъ уровнѣ стояла въ немъ промышленность. Въ сущности говоря, описаніе Флятта, ничѣмъ существенно не разнится отъ того описанія, какое сдѣлалъ Гольше изъ эпохи прусскаго владычества. Есть между ними одно различіе: Фляттъ оптимистически смотритъ на будущее, высказывая надежду на то, что въ будущемъ страна достигнетъ цвѣтущаго состоянія промысловъ; а Гольше, какъ осторожный нѣмецъ, ограничивается

[1]) См. I B Flatt—Opis Księstwa Warszawskiego. W Poznaniu 1809 r. Str 61

указаніемъ возможности этого, ничего не говоря о своей увѣренности. Оптимистическое предсказаніе Флятта оправдалось, но только при другихъ историческихъ условіяхъ.

Въ примѣчаніи къ приведенной выдержкѣ мы находимъ у Флятта такую фразу: „фабрикъ и мануфактуръ мы имѣемъ мало въ нашей странѣ, но развѣ онѣ могутъ размножиться и совершенствоваться, если мы будемъ думать, что все выходящее изъ другихъ странъ лучше, а потому будемъ покупать только иностранныя издѣлія".

Извѣстный намъ публицистъ Сташицъ въ своей „Статистикѣ Польши", изданной въ эту эпоху, характеризуетъ положеніе польской промышленности почти въ такихъ же словахъ. И онъ отмѣчаетъ, что жители городовъ, въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличающихся отъ селъ, занимаются только земледѣліемъ (mieszczanin w nich iest tylko rolnikiem). „Мануфактуръ, фабрикъ почти вовсе не имѣется въ странѣ [1]).

Съ установленнымъ здѣсь взглядомъ совершенно расходится Грабскій, который утверждаетъ, что таможенная политика Варшавскаго Герцогства, высоко протекціонная и запретительная, дала блестящіе результаты (celna polityka Księstwa Warszawskiego, wysoce protekcyonistyczna i prohibicyjna, wydała wspaniałe resultaty [2]). Что это не обмолвка, видно изъ того, что съ Герцогствомъ Варшавскимъ авторъ ставитъ въ параллель и Царство Польское. Нѣтъ нужды доказывать, что мнѣніе Грабскаго, высказанное совершенно голословно, является простымъ недоразумѣніемъ. Выше мы привели рядъ свидѣтельствъ современниковъ, которые изображаютъ въ одинаковыхъ краскахъ и тонахъ глубоко печальное положеніе народнаго хозяйства въ этотъ періодъ. Въ сущности, и безъ этихъ свидѣтельствъ можно было бы сказать, что промышленность не могла развиваться въ Варшавскомъ Герцогствѣ въ виду уже тѣхъ внѣш-

---

[1]) См Staszic—O statystyce Polski. Warsz. 1807 r. str. 19, ср 35

[2]) См. Grabski—Zarys Rozwoju, t. I, str. 91. Сопоставимъ съ этимъ оцѣнку тарифа Варш. Герцогства нѣмецкимъ изслѣдователемъ Циммерманномъ. Онъ называетъ польскій тарифъ довольно либеральнымъ. Поводъ для жалобъ въ Пруссіи дали особыя льготы, предоставленныя саксонскимъ суконамъ. См Zimmermann—Geschichte der preussisch—deutschen Handelspolitik 1892, s. 14

нихъ условій, въ которыя оно было поставлено. Въ дальнѣйшемъ при разсмотрѣніи фабричной промышленности въ конституціонномъ Царствѣ Польскомъ намъ придется встрѣтиться съ характеристикой положенія промышленности въ начальные годы Царства; тогда мы сможемъ вполнѣ объективно оцѣнить то наслѣдство, которое перешло къ нему отъ Варшавскаго Герцогства.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ развитія промышленности въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго (1815—1830 г.)

Правительственныя мѣропріятія въ цѣляхъ привлеченія полезныхъ иностранцевъ. Дѣятельность частныхъ лицъ въ этомъ направленіи Причины, вызвавшія усиленный приливъ иммигрантовъ въ Царство Польское. Регулированье торговыхъ отношеній съ Россіей. Постановленіе, принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ. Какія выгоды это постановленіе предоставляло Пруссіи? Петербургская конвенція 1818 г. Русскій таможенный тарифъ 1819 г. Его значеніе. Возвращеніе къ запретительной системѣ (тарифъ 1822 г.) Торговый договоръ съ Пруссіей 1825 г. Положеніе промышленности въ начальные годы Царства Польскаго Статистическія данныя о положеніи суконной промышленности въ 1820 г Значеніе военныхъ поставокъ для развитія сукнодѣлія Характерныя особенности въ промышленномъ развитіи Мазовецкаго и Калишскаго воеводствъ Сукнодѣліе въ 1823 г. Заботы правительства о развитіи льняной и хлопчатобумажной промышленности. Пониженіе пошлинъ на иностранную бумажную пряжу Характеристика нѣкоторыхъ промышленныхъ городовъ и колоній въ 1825 г. Заботы о насажденіи промышленности на правомъ берегу Вислы Дѣятельность фабричнаго комиссара Дунина Ростъ польской промышленности съ 1826 по 1829 г въ цифрахъ. Учрежденіе польскаго банка и его значеніе Общее положеніе промышленности въ концѣ изслѣдуемаго періода. Организація фабричнаго надзора

—

Съ учрежденіемъ конституціоннаго Царства Польскаго (1815 г.) начинается новая эра въ развитіи польской промышленности.

Тяжелое экономическое положеніе страны, перешедшее по наслѣдству отъ Варшавскаго Герцогства, на первую очередь поставило вопросъ о возстановленіи подорваннаго народнаго хозяйства. Традиціонная его основа—сельское хозяйство находилось на краю гибели.

На него никакъ нельзя было опереться въ обезпеченіи нуждъ вновь созданнаго государства. Нужны были новые источники. Одинъ изъ такихъ источниковъ правительство Царства Польскаго и увидѣло въ самомъ широкомъ поощреніи фабрично-заводской промышленности: тѣмъ болѣе, что установившіяся отношенія между Россіей и Польшей открывали для этой новой отрасли народнаго хозяйства широкія перспективы.

Правительство Царства Польскаго, сумѣвшее понять потребности даннаго историческаго момента, не щадило силъ и средствъ въ дѣлѣ насажденія и развитія индустріи. Кстати сказать, въ рядахъ его было нѣсколько весьма талантливыхъ и энергичныхъ дѣятелей, имена которыхъ должны быть занесены на скрижали исторіи польской промышленности. Первыя правительственныя мѣропріятія на пути насажденія промышленности сводились такъ же, какъ и въ Варшавскомъ Герцогствѣ, къ привлеченію иностранцевъ, искусныхъ въ тѣхъ и другихъ промыслахъ, путемъ дарованія имъ различныхъ льготъ. Эта мѣра была испытана въ исторіи промышленнаго развитія Пруссіи, Австріи и др. странъ Естественно, что и правительство конституціоннаго Царства Польскаго прежде всего должно было вступить на этотъ путь.

Первымъ такимъ постановленіемъ (19 февр. 1816 г.) иностраннымъ фабрикантамъ и ремесленникамъ были предоставлены слѣдующія льготы: освобожденіе отъ всѣхъ повинностей и платежей въ теченіе шести лѣтъ, освобожденіе вмѣстѣ съ сыновьями отъ воинской повинности и безпошлинный провозъ изъ-за границы рабочаго скота и движимаго имущества. Здѣсь были повторены тѣ льготы, которыя предоставило иностранцамъ и Варшавское Герцогство [1]).

Иностранцы, прибывшіе въ Царство Польское могли во всякое время требовать обратнаго паспорта въ страну, изъ коей прибыли,

---

[1]) См. Сборникъ административныхъ постановленій Т. I, ч. 2, стр. 60 и д.; ср нашъ очеркъ—Развитіе фабрично-заводской промышленности въ 10 губ. Царства Польскаго. Труды Варш Стат. Комитета В. XXIX, 1907 г. стр. 60 и д. Относительно иностранныхъ евреевъ было сдѣлано исключеніе. Ст. 9 говоритъ объ изданіи въ ближайшемъ будущемъ правилъ объ условіяхъ переселенія иностранныхъ евреевъ, пока же до опубликованія такихъ правилъ иностранные евреи не должны быть пропускаемы черезъ границу для водворенія въ Царство. См. Сборникъ админ. постановленій Царства Польскаго. т. II, ч. II, 1866, стр. 4 и д.

при условіи исполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ владѣльцу земли, или проистекающихъ изъ какого-либо законнаго договора (стр. 5).

За этой первой мѣрой послѣдовали и другія, уже вносящія новыя начала въ экономическую политику Въ томъ же 1816 г. намѣстникомъ Царства Польскаго было назначено 4.500 руб. сер. на расходы по вызову изъ-за границы полезныхъ фабрикантовъ и снабженію ихъ пособіемъ Въ данномъ случаѣ правительство уже показало ясное желаніе нести матеріальныя жертвы для насажденія промышленности. Если принять во вниманіе печальное финансовое положеніе страны въ начальные годы существованія Царства Польскаго, то значеніе этой жертвы для насъ станетъ еще болѣе яснымъ. На этомъ пути матеріальной поддержки полезныхъ иммигрантовъ правительство пошло дальше. Постановленіемъ 6 сент. 1820 г. разрѣшено давать возводящимъ строенія фабрикантамъ безплатно, въ продолженіе 10 лѣтъ, лѣсъ изъ казенныхъ дачъ.

Въ послѣдующее время правительство ежегодно вносило въ бюджетъ спеціальный фондъ, такъ наз. желѣзный фундушъ для выдачи денежныхъ ссудъ фабрикантамъ. Въ 1822 г. размѣръ этого фонда достигалъ 45 тыс. руб , въ 1823 г.—90 тыс. руб., въ послѣдующіе годы по 127.500 руб. сер. [1]).

Заботливость правительства о переселявшихся въ страну иностранцахъ не ограничивалась этимъ. Оно нерѣдко само устраивало для нихъ квартиры, отводило земли подъ огороды и пастбища, строило сукновальни или предоставляло свои мельницы для нуждъ сукнодѣлія и т. д. [2]).

---

[1]) См. проф. Янжулъ—Истор очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. М. 1887 г., стр. 18. Какъ щедро правительство оказывало денежную помощь фабрикантамъ, видно изъ того, что съ 1816 по 1824 г. израсходовано на пособіе фабрикантамъ 3.778 844 зл. 2 гр — 566 826 руб. 61 коп (См. Арх Каз. Палаты Dyrekcya Przemysłu i Kunsztów Kom. Rz S W. i. P tyczące się funduszów udzielanych na fabryki. Въ бюджетѣ на 1818 г. мы находимъ такія статьи расходовъ—na sprowandzenie artystow i rzemieślników do kraiu—150.000 zł. pol., na utrzymanie fabrikantów i mechaników z zagranicy sprowadzonych—7.549 zł: 20 gr. и т. д. См. Mowy Seymowe 1818 г.

[2]) Такъ, напр., изъ рапорта предсѣдателя Мазовецкой комиссіи мы узнаемъ, что въ 1821 г. была передана сукнодѣламъ въ Згержѣ водяная мельница Въ 1824 г. правительство, желая содѣйствовать росту г Гостынина,

Въ цѣляхъ болѣе правильнаго разселенія иммигрантовъ правительствомъ были назначены отдѣльные города и поселенія спеціально для фабричныхъ колоній, и затѣмъ была произведена соотвѣтствующая регуляція ихъ (постановленія намѣстника отъ 6-го сентб. 1820 г и отъ 9 нояб. 1823 г.). При этомъ было поручено обращать вниманіе на то: a) „есть ли дома, могущіе быть занятыми сейчасъ подъ фабрики; b) какіе казенные, институтскіе или частные плацы и земли могли быть соотвѣтственными для этой цѣли и съ устраненіемъ какихъ затрудненій; c) есть ли вода для нуждъ валяленъ и бѣлиленъ и пр.; d) откуда можетъ быть полученъ строевой матеріалъ, въ какомъ именно количествѣ и на какомъ разстояніи?"

Правительственная комиссія внутреннихъ дѣлъ и полиціи должна составить планы размежеванія и застройки этихъ городовъ такимъ образомъ, чтобы, по прибытіи иностранцевъ, имъ были отводимы незастроенныя мѣста (ст. 2 постановленія 6 сен. 1820 г.). Для облегченія построекъ въ упомянутыхъ городахъ предписывалось устроить вблизи нихъ кирпичные заводы, откуда возводящіе строенія могли бы получать кирпичъ по самой низкой цѣнѣ (ст. 6)[1]).

Постановленіемъ 9 апр. 1822 г. освобождены отъ военнаго постоя фабрики въ зависимости отъ признанія правительственной комиссіей вн. дѣлъ и пол. ихъ важности и полезности.

Такъ рѣшался вопросъ о привлеченіи полезныхъ иностранцевъ въ законодательствѣ и административныхъ постановленіяхъ. На практикѣ агенты правительства прибѣгали къ разнымъ пріемамъ для усиленія прилива иностранныхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ. Самымъ обычнымъ пріемомъ была посылка за границу эмиссаровъ[2]) для распространенія среди промышленниковъ свѣдѣній о тѣхъ льготахъ, которыя даруются имъ въ Царствѣ Польскомъ, и о тѣхъ выгодахъ, которыя они могутъ найти въ этой странѣ. Иногда эти эмиссары распространяли

вызвало изъ Германіи 105 сукнодѣловъ, для которыхъ были устроены въ городѣ сукновальня, стригальня и красильня Изъ матеріаловъ, собранныхъ архиваріусомъ Казен. Палаты К. В. Марцинковскимъ.

[1]) Сборникъ административныхъ постановленій Царства Польскаго, т. II, ч. 2, стр. 12 и д.

[2]) Эмиссары получали извѣстную плату за каждаго иммигранта Въ рапортѣ фабричнаго комиссара Дунина, которому было поручено насажденіе промышленности въ Плоцкомъ и Августовскомъ воеводствахъ, указывается, что агентъ Мельцеръ по условію долженъ былъ получить по 8 зл. за каждую семью переселенцевъ.

въ народѣ печатныя объявленія, подписанныя предсѣдателемъ той или иной воеводской комиссіи. Чаще всего эти агенты отправлялись въ пограничныя мѣста Пруссіи, Силезіи и пр. Прусское правительство преслѣдовало эмиграціонную пропаганду и нерѣдко ловило эмиссаровъ. Въ такихъ случаяхъ возникала дипломатическая переписка между прусскимъ и польскимъ правительствами.

Изъ письма нѣмецкаго консула Шмидта къ Коссецкому, государственному секретарю Царства Польскаго отъ 18 іюля 1821 г. видно, что польскія власти вели широкую пропаганду среди нѣмецкаго населенія для привлеченія его въ Польшу. Нѣмецкій консулъ указываетъ на то, что прусскія власти получаютъ свѣдѣнія объ этой пропагандѣ изъ разныхъ мѣстъ Нѣкоторыя польскія власти въ цѣляхъ усилить иммиграцію нѣмецкихъ сукнодѣловъ разсылаютъ приглашенія даже по почтѣ. (On est allé jusqu'à envoyer par la poste des invitations de cette nature). Въ заключеніе своего письма консулъ высказываетъ надежду, что намѣстникомъ будутъ изданы строгія и точныя распоряженія, которыя разъ навсегда (sans retour) прекратятъ столь серьезныя злоупотребленія [1]. Эти представленія прусскаго правительства не возымѣли дѣйствія. Когда возникъ вопросъ о насажденіи промышленности въ воеводствахъ, лежащихъ по правую сторону Вислы, то польскія власти опять прибѣгли къ этому пріему [2].

Предсѣдатель Плоцкой воеводской комиссіи отпечаталъ объявленіе въ дек. 1825 г. на двухъ языкахъ—нѣмецкомъ и польскомъ, и отправилъ въ Пруссію одного ткача для распространенія этого объявленія.

Въ этомъ объявленіи перечислялись города, предназначенныя для устройства фабричныхъ колоній, отмѣчались благопріятныя условія ихъ положенія, подчеркивалось, что вблизи имѣются обширныя пастбища и луга, лѣса, годные для постройки. Затѣмъ шло перечисленіе льготъ и привилегій, даруемыхъ всѣмъ переселяющимся мастерамъ. Прусское правительство арестовало польскаго эмиссара

---

[1]) Арх. Ген Губ sek V, 13 O Fabrykach i Rękodzielniach. Akta Rady Administracyiney N. Vol. 348

[2]) Для характеристики дѣятельности русской дипломатіи интересенъ слѣдующій фактъ: саксонскіе ткачи, намѣреваясь переселиться въ Польшу, обратились къ русскому дипломатическому агенту въ Дрезденѣ, съ цѣлью узнать объ условіяхъ переселенія, послѣдній на это отвѣтилъ имъ, что онъ не имѣетъ по данному вопросу никакихъ свѣдѣній Арх Ген. Губ. Og. Akta... tyczące się stanu i wzrostu fabryk, V 1.

съ этимъ объявленіемъ и обратилось черезъ своего консула Шмидта съ предложеніемъ прекратить такую эмиграціонную пропаганду и подвергнуть взысканію предсѣдателя плоцкой воеводской комиссіи [1]).

Между правительственными органами и частными лицами существовало даже нѣкоторое соревнованіе по вызову иностранцевъ.

Владѣлецъ г. Озоркова жалуется 11 іюля 1822 г. Ком. вн. дѣлъ, что фабриканты покидаютъ Озорковъ, побуждаемые къ этому преувеличенными обѣщаніями всякихъ льготъ, которыя имъ сулитъ предсѣдатель мазовецкаго воеводства. „Правда, онъ можетъ быть щедрымъ, такъ какъ щедрость ему ничего не стоитъ, имѣя за собой такого богатаго пана, какъ правительство. Онъ хочетъ погубить частнаго владѣльца, который не въ состояніи такъ разсыпать свои милости. Но вѣдь доказанная истина, что только частный собственникъ въ состояніи содѣйствовать развитію фабрикъ и поддерживать ихъ.

Такая непомѣрная щедрость грозитъ просителю полнымъ разореніемъ, но то, что съ нимъ случится сегодня, съ фабричными заведеніями правительственныхъ городовъ произойдетъ завтра. Фабриканты, пробывши льготный срокъ въ одномъ мѣстѣ, перейдутъ въ другое, гдѣ имъ пообѣщаютъ новыя льготы. Въ концѣ концовъ послѣ долгихъ скитаній уйдутъ вовсе изъ страны, куда-нибудь за границу въ поискахъ за льготами“. Въ заключеніе владѣлецъ г. Озоркова проситъ о томъ, чтобы поселеніе фабрикантовъ въ правительственныхъ городахъ было изъято изъ вѣдѣнія предсѣдателя воеводской комиссіи [2]).

Указаніе на такую конкуренцію мы находимъ и въ одномъ рапортѣ предсѣдателя мазовецкой комиссіи: ходатайствуя о томъ, чтобы поставка сукна для войскъ была распредѣлена между коло-

---

[1]) „Г. Шмидтъ въ виду предписаній своего правительства протестуетъ противъ эмиграціонной пропаганды среди прусскихъ подданныхъ. Этотъ пріемъ, самъ по себѣ незаконный, совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ отношеніямъ дружбы и добраго сосѣдства, которыя существуютъ между двумя дворами (изъ офиціальнаго письма Великаго Князя Константина къ намѣстнику 20 апрѣля 1826 г.). Предсѣдателю Плоцкой воеводской комиссіи было поставлено на видъ, что въ случаѣ повторенія онъ будетъ лишенъ мѣста) Арх. Ген. Губ Sek. V, 13, A O Fabrykach i Rękodzielniach, Akta Rady Administracyiney N vol. 348. V.

[2]) Арх. Ген. Губ. Дѣло Прав. Ком. вн. Отд. Przemysłu i Handlu--Osady Fabryczney w Mieście Ozorkowie.

ніями сукнодѣловъ пропорціонально числу станковъ, Рембелинскій добавляетъ, что при существующей системѣ, когда сдается подрядъ одному лицу, послѣднее закупаетъ сукна у фабрикантовъ, поселившихся въ частныхъ имѣніяхъ, а не правительственныхъ, благодаря вліянію и воздѣйствію помѣщиковъ, близко въ этомъ заинтересованныхъ [1]).

Такимъ образомъ, по вызову полезныхъ иностранцевъ съ правительствомъ конкурпровали частныя лица. Многіе крупные землевладѣльцы предоставляли еще отъ себя извѣстныя льготы иностранцамъ, переселяющимся въ ихъ имѣнія. Благодаря частной иниціативѣ возникли и развились цѣлые фабричные города Назовемъ гг. Антолинъ и Томашовъ въ имѣніяхъ гр. Островскаго, г.г. Озорковъ, Александровъ, Константиновъ, Сташовъ и т. д. Дѣятельность частныхъ лицъ въ этомъ направленіи нашла авторитетную оцѣнку въ сеймовомъ отчетѣ за 1825: „Не меньше стараній приложили и владѣльцы частныхъ городовъ для учрежденія и развитія фабричныхъ поселеній. Валяльни, красильни, аппретурныя и прядильни для промышленниковъ уже оборудованы въ этихъ поселеніяхъ и ежедневно умножаются въ числѣ“ [2]).

Мѣры правительства и частныхъ лицъ по вызову полезныхъ иностранцевъ сопровождались полнымъ успѣхомъ. Иностранцы начали толпами устремляться въ новую страну, такъ гостепріимно открывавшую имъ двери. По свидѣтельству Любецкаго, въ Царство Польское уже къ маю 1824 г. переселилось 150.000 рабочихъ рукъ [3]). По словамъ Шмоллера, съ 1818 по 1828 г. эмигрировало въ Польшу около 250.000 нѣмцевъ, преимущественно сукнодѣловъ [4]).

Существовали еще и другія причины усиленной иммиграціи иностранцевъ, лежавшія по ту сторону границы Царства Польскаго. Въ рапортѣ по обзору иностранныхъ фабрикъ, представленномъ министру вн. д. 10 окт. 1827 г., мы находимъ лю-

---

[1]) Рапортъ за 1821 годъ. Арх. Ген Губ. Sek. V, 13 A o Fabr. i Rękodz. Kraiowych z lat 1816—1820, vol. 348, I.

[2]) См. Dyaryusz Senatu Seymu Królestwa Polskiego 1825 r. W. 1828. str 39 и д

[3]) См. Smolka—Polityka Lubeckiego. W Krakowie, 1907, t. II, str. 194.

[4]) См. Schmoller—Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert. Halle, 1870. S. 577.

бопытную характеристику экономическаго положенія сосѣднихъ странъ. „Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Саксоніи, говорится въ этомъ отчетѣ, положеніе торговли очень печально благодаря запретительной системѣ, принятой въ сосѣднихъ государствахъ. Большею частью суконныя издѣлія изъ Пруссіи и Саксоніи вывозились раньше въ Польшу, Россію и Китай. Вслѣдствіе сокращенія сбыта сукна, мастера и предприниматели одинъ за другимъ оставляютъ свои станки въ бездѣйствіи... Такіе города, какъ Грюнбергъ, Герлицъ на половину лишились своего населенія. За упадкомъ ткацкаго промысла, естественно, послѣдуетъ и упадокъ прядильнаго. Если еще и работаютъ шерсто-прядильни, то это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ прусскихъ сукнодѣловъ, переселившихся въ Россію, получили дозволеніе на безпошлинный ввозъ пряжи, для нихъ и вырабатываютъ пряжу эти заведенія.

При такихъ условіяхъ здѣсь скоро распространилась молва о благопріятномъ положеніи выселившихся въ Польшу, почему многіе обращаютъ свои глаза на такъ расхваленную страну“ [1]).

Значеніе измѣненій въ области русской таможенной политики для усиленія эмиграціоннаго движенія въ нѣмецкихъ государствахъ отмѣчается и Шмоллеромъ. „Когда послѣ наполеоновскихъ войнъ Россія отгородила себя отъ Пруссіи запретительными пошлинами, говоритъ онъ, то около 250.000 нѣмецкихъ ремесленниковъ вынуждены были перейти черезъ границу и среди нихъ большинство было сукнодѣловъ“ [2]).

Въ прусской шерстяной промышленности въ данный періодъ играли важную роль мелкія предпріятія, которыя работали на вывозъ, пользуясь услугами купцовъ. Особенно широко мелкое производство было распространено въ Силезіи, Познани и Бранденбургѣ, работало оно почти исключительно на вывозъ въ Россію. Измѣненіе русской экономической политики въ духѣ протекціонизма лишило этихъ мелкихъ производителей заработка и они вынуждены были эмигрировать въ Польшу [3]).

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Ög Akta... tyczące się stanu i wzrostu fabryk, v. I. Рапортъ по обзору иностранныхъ фабрикъ 1827 г.

[2]) См. Schmoller—Die Entwicklung und die Krisis der deutschen Weberei im 19 Jahrhundert въ Deutsche Zeit und Streit-Fragen, изд. Гольцендорфа и Онкена. Berlin, 1873. S. 21—22.

[3]) См. Schmoller—Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert). Halle 1870. S 577. „Съ 1818 по 1820 г. переселилось въ Польшу

Эмиграція ткачей приняла столь значительные размѣры, что замѣтно сократилось даже число станковъ. Общее количество станковъ въ Пруссіи для выдѣлки шерстяныхъ тканей достигало въ 1816 г.—18.230, а въ 1831 г. оно понизилось до 15.360.

На усиленіе эмиграціоннаго движенія извѣстное вліяніе оказали и реформы, предпринятыя въ Пруссіи, въ министерство Штейна и Гарденберга въ духѣ экономическаго либерализма. Это реформаторское законодательство ведетъ свое начало отъ извѣстнаго освободительнаго указа отъ 9 окт. 1807 г. Наиболѣе важное значеніе здѣсь имѣли законъ 2 нояб. 1810 г. и указъ 7 сент. 1811 г. въ министерство Гарденберга. Въ силу этихъ законодательныхъ актовъ всякій, взявъ промысловое свидѣтельство, могъ свободно заниматься тѣмъ и другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ прусскаго государства—въ селахъ и городахъ, и никакія корпораціи не могли чинить въ этомъ случаѣ какихъ-либо препятствій. Слѣдовательно, Zunftzwang и связанныя съ нимъ матеріальныя права отмѣнялись этими законодательными актами [1]). Въ сущности говоря, цехи формально не были воспрещены, но они только лишились своихъ прежнихъ правъ и привилегій. Какое же вліяніе могло имѣть на усиленіе эмиграціи объявленіе промышленной свободы? Оно ухудшило положеніе мелкихъ производителей. Послѣ объявленія этой свободы многіе рабочіе, поденщики, другіе мелкіе ремесленники взялись за прядильный и ткацкій промыселъ. Это усилило конкуренцію, а между тѣмъ закрытіе рынковъ сбыта обрекало на нищенство и голодъ и тѣхъ мастеровъ, которые раньше имѣли хорошій заработокъ. Не оставалось другого выхода, какъ эмигрировать въ Польшу, въ поискахъ за рынкомъ сбыта [2]).

На благосостояніи мелкихъ производителей въ Пруссіи тяжело отразилась и конкуренція дешевыхъ англійскихъ и ирландскихъ издѣлій, особенно въ области льняной промышленности. Эта кон-

---

около 250,000 нѣмцевъ, они вынуждены были къ этому русской таможенной политикой; значительную часть этихъ эмигрантовъ составляли сукнодѣлы"

[1]) См. Молчановскій--Цеховая система въ Пруссіи въ XVIII в., стр. 458-9, 477.

[2]) Рембелинскій, донося въ 1821 году о прибытіи иностранцевъ въ Мазовецкое воеводство, указываетъ на слѣдующія причины перехода иностранцевъ въ Царство Польское. а) Landwehr, введенный въ Пруссіи и высокіе налоги, какъ потребительные, такъ и личные; б) установленіе безпошлинной торговли между Россіей и Польшей. Арх. Ген. Губ. Sek. V 13 A. o Fabrykach i Rękodziełniach—Vol. 348, II.

куренція вызвала значительное пониженіе цѣнъ на холстъ въ двадцатыхъ годахъ 19 столѣтія. Паденіе цѣнъ также должно было содѣйствовать усиленной эмиграціи мастеровъ, выдѣлывавшихъ льняныя ткани. Съ 1816 г. по 1831 г. значительно сократилось число ткацкихъ станковъ и въ льняной промышленности: для всей Пруссіи съ 43.045 оно упало до 36 668, а въ Силезіи съ 16.245 до 12.344 [1]).

Выселеніе мастеровъ приняло въ Пруссіи столь угрожающій характеръ, что прусское правительство должно было предпринять такой рѣшительный шагъ, какъ изданіе особаго королевскаго указа, гдѣ въ общихъ фразахъ высказывалась мысль о неосновательности слуховъ о льготахъ переселенцамъ въ Польшѣ [2]).

Въ Пруссіи принимались и другія косвенныя мѣры для того, чтобы препятствовать выселенію: многіе изъ переселявшихся ремесленниковъ жаловались на то, что прусское правительство затрудняетъ выходъ, оцѣнивая высоко самый ничтожный скарбъ для взиманія большей пошлины [3])

Нѣмецкіе ткачи или прядильщики, задумавъ переселиться, отправляли въ Польшу уполномоченныхъ, или ходоковъ; послѣдніе подыскивали мѣста, подходящія для поселенія, и затѣмъ заключали договоры съ частными лицами или съ правительственными органами [4]). „Въ настоящее время, доноситъ предсѣдатель Калишской воеводской комиссіи, приходитъ изъ за-границы много ходоковъ, которые осма-

---

[1]) См. Schmoller—Zur Geschichte .. s 547, 549.

[2]) „Увлеченіе эмиграціей сдѣлалось настолько общимъ, говорится въ этомъ указѣ, что въ одномъ бельгардскомъ округѣ къ концу прошлаго мѣсяца уже 387 семействъ сдѣлали формальное заявленіе о своемъ желаніи выселиться. Я поручаю Вамъ противодѣйствовать по возможности этому стремленію и моимъ именемъ поставить въ извѣстность, что распространяемые слухи о выгодахъ такой эмиграціи не имѣютъ подъ собой никакого основанія". Берлинъ, 5 февр 1827 г См Neu Breslauer Zeitung, Mai 2. 1827, s. 1381. Miscellen. Характерно, что въ XVIII в. Пруссія являлась единственной европейской страной съ интенсивной иммиграціей, наоборотъ, въ началѣ 19 в. и здѣсь наблюдается усиленная эмиграція промышленныхъ элементовъ населенія

[3]) См. Арх. Ген. Губ. Wydział Przemysłu i Kunsztów Akta .. tyczące się Objazdu Fabryk, dróg i rzek. Ogólne. Lit. O. V. I

[4]) Такъ Янъ Раухъ, уполномоченный многихъ семействъ фабрикантовъ и ремесленниковъ изъ Пруссіи, обращается 17 сент. 1820 г. съ просьбой о предоставленіи мѣста для поселенія въ г. Гостынинѣ. См. Арх. Каз. Палаты. Wydz. Przem. i Kunsz. № 1/33 Lit. O. Akta K. Rz. S W. i Duch. tyczące się osad fabrycznych.

тривают города и выбирают места для поселений. Уполномоченные указывают, что сейчас переселяются сравнительно немногие, но если им удастся устроиться хорошо, то за ними пойдут и другие, их родственники и знакомые“ [1]).

Переселялись сначала беднейшие элементы, которым не въ моготу было существованіе дома. За ними шли уже и болѣе зажиточныя семейства, мелкіе капиталисты, которые у себя на родинѣ эксплоатировали своихъ болѣе бѣдныхъ односельчанъ. Разъ послѣдніе эмигрировали, то поневолѣ пришлось и имъ двинуться за своей рабочей силой Будучи болѣе обезпеченными, они, конечно, могли выжидать, пока новоселы не устроятся на новыхъ мѣстахъ и не дойдутъ къ нимъ слухи объ ихъ благополучіи. Указанія на такой характеръ иностранной иммиграціи мы встрѣчаемъ во многихъ архивныхъ документахъ.

Интересныя подробности относительно иностранной иммиграціи въ Царство Польское даетъ рапортъ фабричнаго комиссара Дунина. „Делегаты, доноситъ онъ, прибыли для того, чтобы лично познакомиться съ тѣми условіями, на которыхъ принимаетъ переселенцевъ правительство. Это важно для нихъ потому, что прусское правительство безъ такого обезпеченія не выдаетъ паспортовъ на выѣздъ. Уполномоченные заявили, что, по обоснованіи первой колоніи, переселятся и другіе. Въ своей декларації они заявляютъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой станокъ и англійскія машины для пряденія. Что касается имущественнаго обезпеченія, то оно различно; въ общемъ каждый имѣетъ отъ 50 до 200 талеровъ, но есть среди нихъ и такіе, которые имѣютъ отъ 300 до 600 тал., впрочемъ послѣднихъ еще нѣтъ въ приложенномъ спискѣ ткачей, такъ какъ они ликвидируютъ свои дѣла только послѣ того, когда узнаютъ о пріемѣ первыхъ“.

Въ отчетѣ предсѣдателя Калишской воеводской комиссіи за 1824 г. отмѣчается, что среди переселяющихся ткачей, въ особенности изъ Чехіи, много бѣдныхъ. „Наученный опытомъ, какъ рискованно вступать въ договоры съ людьми, неимѣющими никакого имущества, я принималъ только тѣхъ, которые въ состояніи были до-

[1]) Арх. Ген. Губ Sek. V, 13 A. O Fabr i Rękodz. vol. 348, III. Отчетъ о регуляціи городовъ и состояніи фабрикъ въ Калишскомъ воеводствѣ отъ 16 мар. 1824 г.

казать, что они обладаютъ капиталомъ, обезпечивающимъ приличное существованіе отъ ихъ ремесла, иначе въ страну прибывало бы много нищихъ, которые вскорѣ могли бы стать бременемъ для городовъ и гминъ".

Вызовъ иностранцевъ и регуляція городовъ—это первыя правительственныя мѣропріятія въ дѣлѣ насажденія фабричной промышленности[1]). Этимъ дѣятельность правительства въ данномъ направленіи не ограничивалась. Оно начало и само выступать въ качествѣ организатора и руководителя разныхъ предпріятій, введеніе которыхъ считалось почему-либо полезнымъ. Возникло нѣсколько правительственныхъ фабрикъ и заводовъ. Таково происхожденіе фабрики ковровъ въ Варшавѣ, сукна, писчебумажной фабрики и пр. Правительство само организовало эти фабрики и само завѣдывало ими; въ иныхъ случаяхъ правительственныя фабрики сдавались въ аренду. Кстати сказать, въ эти начальные годы Царства Польскаго правительственныя предпріятія оказывались наиболѣе значительными.

Кромѣ личнаго участія въ промышленной дѣятельности правительство старалось и соотвѣтствующими законодательными постановленіями облегчить насажденіе и дальнѣйшее развитіе промышленности.

Первымъ важнымъ постановленіемъ на этомъ пути былъ уставъ о цехахъ 31 дек. 1816 г.[2]).

По этому уставу, въ городахъ, гдѣ имѣется 10 или болѣе мастеровъ одного ремесла, одной и той же профессіи образуются союзы (zgromadzenie) подъ управленіемъ старшины и его помощниковъ. Въ рядѣ статей излагаются правила объ ученикахъ, подмастерьяхъ, ихъ странствованіи, о ремесленной кассѣ, о взаимопомощи, о предоставленіи издѣлій для полученія званія мастера и т. д., вообще все то, что было принято въ цеховомъ строѣ. Характерно, что уставъ не употребляетъ слова цехъ, а zgromadzenie, буквально—собраніе, союзъ. Дѣйствительно, эти новые союзы не были по существу цехами, такъ какъ не обладали тѣми правами и преимуществами, какія были присущи послѣднимъ; прежде всего правомъ

[1]) Интересно, что вызовъ иностранцевъ являлся основнымъ мѣропріятіемъ въ дѣлѣ насажденія промышленности и въ Пруссіи „Привлекать въ страну населеніе со времени великаго прусскаго курфюрста, говоритъ Шмоллеръ, стало первымъ требованіемъ государственной политики населенія; развивать промышленность и торговлю—вторымъ".

[2]) См. Dz Pr. za Królewstwa Polskiego, t. III

исключительнаго производства тѣхъ или другихъ издѣлій. Важное значеніе имѣетъ статья 138, по которой президенту г. Варшавы, а въ другихъ городахъ воеводскимъ комиссіямъ было предоставлено право освобождать изъ подъ дѣйствія ст. 118 и слѣдующихъ (гдѣ содержатся постановленія на счетъ условій полученія званія мастера) въ случаѣ надобности или полезности таковой льготы. Получившій такую льготу имѣетъ право заниматься своимъ ремесломъ, какъ и прочіе мастера Этой статьей подрывалась въ корнѣ основная привилегія старыхъ цеховъ—монопольное производство тѣхъ или другихъ издѣлій. Уставъ идетъ еще дальше: по ст. 139 никому и нигдѣ не можетъ быть воспрещена продажа готовыхъ издѣлій. При такихъ условіяхъ новыя ассоціаціи ни въ коемъ случаѣ не были тождественны по существу со старыми цехами, за которыми нѣкогда признавалась привилегія на исключительное производство того или другого промысла. Къ тому же еще, новый уставъ совершенно не распространялся на тѣхъ, которые устраивали фабрики и мануфактуры. Впрочемъ, рабочіе этихъ предпріятій обязаны были имѣть ремесленныя книжки, которыя выдавались въ Варшавѣ президентомъ, а въ другихъ городахъ—воеводскими комиссіями (ст. 140). Крупныя предпріятія совершенно были свободны отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, которыми обставлялось ремесленное производство. Поэтому, разсматриваемый уставъ ни въ коемъ случаѣ не могъ служить тормозомъ для фабричной промышленности, сразу поставленной въ привилегированное положеніе.

Zgromadzenia являлись органами для контроля въ мелкомъ производствѣ, школами для обученія, кассами взаимопомощи, судами товарищеской чести. Но они не были и не могли быть регуляторами производства, къ чему собственно и стремились цехи въ ихъ чистомъ видѣ. Въ сущности говоря, эта реформа проникнута индивидуализмомъ. Въ ней ясно проводится мысль о государственномъ регулированіи промышленнаго производства.

Каковъ смыслъ этого нововведенія? Каковы его цѣли?

Очевидно, этимъ уставомъ правительство хотѣло создать привычную обстановку для иностранныхъ (нѣмецкихъ) мастеровъ, воспитанныхъ въ духѣ цеховаго строя. Какъ мы знаемъ изъ первой главы, въ старой Польшѣ государственная власть относилась несочувственно къ цехамъ и не разъ законодательными актами запрещала ихъ. Фактически цехи существовали, но они не пользовались

защитой государства. Теперь при новыхъ измѣнившихся условіяхъ, когда пришлось открывать широко двери для иностранной иммиграціи, правительство отступило отъ прежней точки зрѣнія и, приспособляясь къ привычкамъ иностранцевъ, издаетъ уставъ, заключающій въ себѣ полную цеховую организацію, правда, безъ ея души—монополіи. Отвергнувъ Zunftzwang, правительство шло навстрѣчу новымъ вѣяніямъ въ экономической жизни. Оно стояло на прогрессивной точкѣ зрѣнія. Правительство сумѣло угадать то направленіе, по которому должно было пойти развитіе народнаго хозяйства и не захотѣло ставить преградъ новымъ теченіямъ.

Для характеристики курса экономической политики правительства Царства Польскаго въ начальные годы его существованія имѣетъ важное значеніе и постановленіе 11 февр. 1817 г. объ устройствѣ въ Варшавѣ двухъ главныхъ (walnych) ярмарокъ—одной въ маѣ, другой въ ноябрѣ. Иностраннымъ товарамъ, привозимымъ на эти ярмарки, была предоставлена свобода (ст. 17) отъ всякаго досмотра, оплаты пошлинъ, внесенія залога. Иностранные товары и продукты, продаваемые на ярмаркахъ для внутренняго потребленія, были освобождены отъ сборовъ pro consumo (ст. 37); наконецъ, товары, проданные во время ярмарокъ за-границу, освобождались отъ платежа транзитныхъ пошлинъ (ст. 38). Это постановленіе, напоминающее по своему характеру постановленіе Варшавскаго Герцогства о свободѣ отъ транзитныхъ пошлинъ товаровъ, провозимыхъ черезъ Герцогство, очевидно, имѣло своей цѣлью—созданіе изъ Варшавы важнаго торговаго пункта, привлеченіе сюда иностранной торговли.

Въ учрежденіи вальныхъ ярмарокъ нѣкоторые историки (Смолька) видятъ дѣло рукъ мин. вн. д. Мостовскаго, убѣжденнаго сторонника либеральной экономической политики. Идея создать изъ Варшавы міровой торговый пунктъ была встрѣчена сочувственно въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ, воспитанномъ въ идеяхъ свободы торговли, а съ другой стороны, и лично заинтересованномъ въ этой свободѣ. Вѣдь общество состояло почти исключительно изъ землевладѣльцевъ, которые были заинтересованы въ томъ, чтобы дороже продавать свой хлѣбъ и затѣмъ покупать по болѣе дешевой цѣнѣ иностранные фабрикаты.

Эта мѣра достигла своей цѣли, обороты вальныхъ ярмарокъ возрастали изъ года въ годъ. Но скоро начали сказываться и гибельныя послѣдствія такой свободы ввоза иностранныхъ товаровъ,

служившей серьезнымъ тормозомъ для развитія польской промышленности. И вотъ стали раздаваться изъ среды торгово-промышленнаго класса голоса противъ вальныхъ ярмарокъ. Наиболѣе обоснованнымъ является мнѣніе, выраженное въ докладной запискѣ, поданной комиссіи вн. д. и пол. варшавскими купцами 17 янв. 1821 г.[1]. Купцы жалуются на то, что вся внѣшняя торговля находится теперь въ рукахъ иностранцевъ (нѣмцевъ) Вспоминаютъ они то, какъ внѣшняя торговля была монополизирована Гданскомъ, когда тамъ было введено складочное право (stapelrecht). Съ переходомъ Варшавы подъ власть Пруссіи, положеніе торговли нисколько не измѣнилось къ лучшему, такъ какъ прусское правительство склонно было больше поддерживать своихъ старыхъ подданныхъ.

Правительство Царства Польскаго въ цѣляхъ развитія торговли учредило вальныя ярмарки, дало льготы иностранцамъ, устроило склады для отечественныхъ и иностранныхъ товаровъ.

„Уже минула, говорятъ купцы, седьмая вальная ярмарка, а мы все видимъ только прибывающихъ съ иностранными товарами большею частью нашихъ сосѣдей, которые привозятъ на ярмарку не свои, а чужія издѣлія. Ярмаркамъ не удалось установить прямыхъ сношеній съ иностранными производителями.... Ярмарки предоставляютъ свободу торговли иностранными товарами только въ теченіе трехъ недѣль, но за исполненіемъ этого требованія трудно наблюдать въ такомъ городѣ, какъ Варшава. Опытъ показываетъ, что иностранцы пользуются этимъ срокомъ для ввоза, съ уплатой ярмарочныхъ пошлинъ, своихъ товаровъ, которые затѣмъ продаютъ въ теченіе цѣлаго года и снабжаютъ ими всю мелкую торговлю и даже потребителей.... Обыкновенно за четыре мѣсяца до начала ярмарки они разсылаютъ по всей странѣ своихъ агентовъ, которые забираютъ заказы, обезпечивающіе сбытъ ихъ товаровъ... Единственными конкурентами на ярмаркѣ выступаютъ купцы изъ Гданска, Кролевца, Эльблонга, Штетина, Вроцлава и пр.“. Такимъ образомъ. учрежденіе вальныхъ ярмарокъ привело, по словамъ докладной записки, къ слѣдующему: руководящую роль какъ въ ввозной, такъ и вывозной торговлѣ захватили иностранцы (нѣмцы); во-вторыхъ, въ странѣ получили широкое распространеніе иностранные товары въ ущербъ отечествен-

[1]) Арх. Ген. Губ. Og Akta Kom Rz. S W i P. tyczace się Handlu w Ogólności. V I.

нымъ, спросъ на послѣдніе нисколько не повысился; и въ-третьихъ, отечественные купцы оказались лишенными возможности выписывать иностранные товары въ другое время года, кромѣ ярмарочнаго срока. Разница на пошлинѣ превышала въ два и даже три раза ту прибыль, какую купецъ могъ получить при выпискѣ товаровъ въ другое время. Цѣны всѣхъ товаровъ устанавливались примѣнительно къ ярмарочнымъ пошлинамъ, почему ввозъ товаровъ съ оплатой обычной пошлины сталъ невыгоднымъ. Въ виду этого купцы вынуждены выписывать иностранные товары два раза въ годъ во время ярмарокъ и притомъ большими партіями. Это тяжело отражалось на польской торговлѣ, такъ какъ приходилось держать наготовѣ большія суммы для покупки нужныхъ товаровъ; сверхъ того, потребность въ деньгахъ испытывали одновременно всѣ купцы.

Гибельное значеніе вальныхъ ярмарокъ для отечественной промышленности хорошо сознавалъ и предсѣдатель Мазовецкой воеводской комиссіи Рембелинскій, горячо преданный дѣлу насажденія отечественной промышленности. Указывая на усиленную иммиграцію иностранныхъ сукнодѣловъ, Рембелинскій ходатайствовалъ въ 1821 г. о томъ, чтобы была повышена пошлина на иностранное сукно и чтобы эта пошлина взималась и съ сукна, доставляемаго на варшавскія ярмарки [1]).

Правительство въ своихъ заботахъ о насажденіи фабричной и мануфактурной промышленности рѣшило создать еще особые выборные органы—торговыя и мануфактурныя палаты (Izby handlowy i rękodzielniczy) [2]). Цѣлью этихъ новыхъ учрежденій являлось указаніе правительству препятствій, тормозящихъ ростъ торговли и промышленности, изысканіе средствъ къ устраненію ихъ и предложеніе

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Sek. V, 13 A. o Fabr. i Rękodz. Vol 318, II. Рапортъ 27 іюня 1821 г Ср. Hen Radziszewski—Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskiem. Tom I (1815—1830). W. 1907. str. 71.

[2]) См Dz. Pr za Kr Pol, t III, str. 135. Въ эпоху Варшавскаго Герцогства въ 1809 г были учреждены Торговые Совѣты (Rady Handlowe) въ цѣляхъ содѣйствія развитію промышленности и торговли. Въ составъ совѣтовъ входили президентъ или бурмистръ и нѣсколько болѣе извѣстныхъ купцовъ и фабрикантовъ Предполагалось еще открыть общій совѣтъ торговли при министерствѣ вн д. въ составѣ 8 членовъ, выбранныхъ изъ 13 кандидатовъ, представленныхъ мѣстными совѣтами. Какова была дѣятельность торговыхъ совѣтовъ, объ этомъ мы не могли найти никакихъ свѣдѣній См. Wielka Encyklopedya Powszechna ilustrowana, t XXVII—XXVIII, 1901, str 324

мѣропріятій для развитія названныхъ отраслей народнаго хозяйства. Наконецъ, палаты обязаны давать объясненія по всѣмъ вопросамъ, касающимся торговли, промышленности, искусствъ и ремеслъ, съ какими къ нимъ будутъ обращаться воеводскія комиссіи (въ Варшавѣ—президентъ города).

Торговыя и мануфактурныя палаты предположено было учредить въ Варшавѣ, Калишѣ, Плоцкѣ и Люблинѣ. Кромѣ торговыхъ палатъ законъ намѣчалъ учрежденіе общаго совѣта торговли и промышленности при комиссіи вн. д. и пол. Для торговыхъ палатъ было установлено два обязательныхъ засѣданія въ годъ—1 апр. и 1 октб., для общаго совѣта—1 мая и 1 ноября.

О дѣятельности торговыхъ и мануфактурныхъ палатъ мы имѣемъ самыя отрывочныя свѣдѣнія. Въ архивѣ намъ встрѣтился одинъ позднѣйшій документъ, говорящій о томъ, что законъ о палатахъ даже не былъ приведенъ въ исполненіе. „Высочайшій указъ отъ 30 мар. 1817 г. объ установленіи въ Царствѣ четырехъ палатъ торговли и мануфактуръ не былъ приведенъ въ исполненіе, читаемъ мы въ рапортѣ Прав. Ком. вн. д. и пол. отъ 11 марта 1846 г.[1]). Высочайшій указъ о совѣтѣ и палатахъ торгово-мануфактурныхъ, несмотря на принятыя бывшею комиссіею внутреннихъ дѣлъ и пол. $^{6}/_{18}$ марта 1818 г., мѣры не введенъ въ исполненіе, во-первыхъ: по причинѣ неопредѣленныхъ еще тогда соотношеній съ сосѣдними краями, а во-вторыхъ: по поводу вводившихся въ то время новыхъ установленій относительно пошлинъ, промышленности и торговли. Въ началѣ уже 1827 г., когда, по заключеніи конвенціи съ Пруссіею, вывозная и транзитная торговля была облегчена, взаимныя же соотношенія Царства какъ съ Имперіей, такъ и съ прочими краями сдѣлалисъ болѣе опредѣлительны, правительственная комиссія распорядилась избраніемъ членовъ въ совѣтъ и палаты торгово-мануфактурныя Выборы эти однако не соотвѣтствовали ожиданію и совершенно парализовали предположенія, которыя правительство вознамѣрилось осуществить посредствомъ этихъ институцій“.

Офиціальная записка, написанная такимъ эзоповскимъ языкомъ, не даетъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на то, почему выборы ока-

[1]) Арх. Ген. Губ Sek V. № 10 B. Urządzenie w Królestwie Polskiem Izb handlowych i rękodzielnych tudzież Rady Ogólney. Akta Rady Administracyiney. Vol. 329

зались неудачными, почему они не соотвѣтствовали ожиданіямъ правительства и т. д. Короче говоря, эта бумага приводитъ читателя въ большое недоумѣніе. Разрѣшить это недоумѣніе намъ не удалось просто потому, что архивные документы, касающіеся дѣятельности торгово-мануфактурныхъ палатъ, проданы. Во всякомъ случаѣ въ другихъ источникахъ попутно намъ встрѣчались отрывочныя указанія, которыя даютъ право заключать, что вышеприведенная офиціальная бумага намѣренно или ненамѣренно уклонилась отъ истины. Торговыя палаты несомнѣнно существовали и еще до 1827 г., когда только впервые, по словамъ вышеприведеннаго рапорта, были произведены неудачные выборы въ совѣтъ и палаты. Укажемъ хотя бы на такой фактъ: 25 іюня 1822 г. комиссія вн. д. и пол. ходатайствуетъ передъ намѣстникомъ о награжденіи Ад. Сам. Куртца званіемъ почетнаго совѣтника мануфактуръ, какъ дѣятельнаго члена мазовецкой торговой палаты; каковое званіе ему и было дано [1]). Изъ офиціальной газеты Калишскаго воеводства за 1827 г. мы узнаемъ, что члены, выбранные въ торгово-мануфактурную палату, утверждены. Составъ Калишской палаты таковъ: Станъ Каасъ, предсѣдатель, члены—Ржевусскій, Репганъ и Фидлеръ, послѣдніе два—извѣстные фабриканты, съ званіемъ членовъ-сотрудниковъ вошли Трембецкій, Злотницкій (землевладѣльцы), Глотцъ и Фр. Вельке, начальникъ фабричной секціи [2]).

Въ „Правительственномъ Дневникѣ" Мазовецкаго воеводства за 1827 г. мы также нашли объявленіе о выборахъ въ торговую палату. Здѣсь говорится, что указъ 1817 г., въ виду измѣненія торговыхъ сношеній, не былъ вполнѣ осуществленъ. Правительственная комиссія вн. д. и пол. постановленіемъ отъ 8 января 1827 г. опредѣлила возобновить дѣятельность этихъ учрежденій. Составъ Мазовецкой палаты перваго призыва, утвержденный 2 апр. 1818 г. въ виду истеченія шестилѣтняго срока, былъ замѣненъ цѣликомъ. Воеводская комиссія доводила до свѣдѣнія членовъ новаго

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Sek V. 13 A O Fabr. i Rękodz Vol 348, II. Въ офиціальномъ изданіи „Сборникѣ административныхъ постановленій также имѣется опредѣленное указаніе на то, что торговыя и мануфактурныя палаты, возникшія по Высочайшему Указу 1817 г., существовали до 1831 г. См Сборн. адм постан., т. II, ч. 2 о мануфактурномъ совѣтѣ, стр 616.

[2]) См. Dziennik Urzędowy Woiewodstwa Kaliskego na rok 1827, № 23, str. 469

состава торговой палаты о павшемъ на нихъ выборѣ и о назначеніи засѣданія на 1-е мая[1]). Случайно былъ найденъ нами протоколъ этого перваго засѣданія.

Для характеристики дѣятельности торговыхъ палатъ названный протоколъ имѣетъ большой интересъ. На этомъ первомъ засѣданіи было указано, что уже имѣется достаточное количество сукнодѣловъ и потому правительству нечего заботиться объ увеличеніи ихъ, наоборотъ, странѣ не достаетъ крупныхъ предпринимателей. Высказанныя палатой симпатіи къ крупному производству вполнѣ гармонируютъ съ ея строго протекціонными стремленіями. Палата высказала пожеланіе о томъ, чтобы ввозъ шерстяныхъ издѣлій былъ совершенно воспрещенъ, чтобы не давалось разрѣшеній на ввозъ шерстяной пряжи тѣмъ иностраннымъ мануфактуристамъ, которые переселялись въ Польшу. Въ виду значительной еврейской контрабанды, не слѣдуетъ, по мнѣнію палаты, допускать или по крайней мѣрѣ содѣйствовать открытію мануфактуръ евреями съ христіанскими рабочими, такъ какъ подъ видомъ собственнаго производства они ввозятъ контрабандой иностранные товары, пользуясь услугами ткачей, не имѣющихъ достаточнаго сбыта на свои издѣлія.

Изъ другихъ пожеланій, высказанныхъ торгово-мануфактурной палатой, заслуживаетъ упоминанія пожеланіе объ устройствѣ ярмарокъ для шерсти, гдѣ производители и потребители могли бы обходиться безъ посредничества евреевъ, объ улучшеніи отечественнаго овцеводства и пр.

Вотъ и все, что намъ удалось собрать въ архивахъ, невзирая на самые тщательные поиски. Можно безошибочно сказать, что законъ о палатахъ 1817 г. былъ приведенъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ двухъ воеводствахъ—Мазовецкомъ и Калишскомъ, гдѣ, какъ увидимъ дальше, промышленность была наиболѣе развита. Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что эти новыя учрежденія проявили слабую дѣятельность, разъ послѣ нихъ не осталось замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи промышленнаго развитія Польши. Очевидно, торговыя палаты не оказались вполнѣ жизнеспособными. Онѣ остались мертворожденнымъ плодомъ бюрократической опеки промышленности. Неуспѣхъ этихъ учрежденій можно объяснить отчасти и недостатками въ ихъ организаціи. Дѣло въ томъ, что какъ въ выборѣ

[1]) См Dziennik Urzędowy Mazow. W-dstwa 1827 r., № 577.

членовъ, такъ и въ руководствѣ ихъ дѣятельностью было предоставлено слишкомъ широкое участіе административнымъ властямъ. Торгово-промышленныя палаты являлись чисто совѣщательными органами при такихъ бюрократическихъ учрежденіяхъ, какъ воеводскія комиссіи. Естественно, что представители торгово промышленнаго міра не могли быть особенно заинтересованы въ ихъ существованіи. Въ результатѣ, торгово-промышленныя палаты и оказались мертворожденнымъ измышленіемъ.

Въ цѣляхъ содѣйствія фабрично-заводской промышленности устраивались художественно-промышленныя выставки въ Варшавѣ на основаніи постановленія намѣстника отъ 30 мая 1818 г.[1]). Эти выставки бывали разъ въ два года, начиная съ 1821 г. За лучшіе экспонаты выдавались медали и денежныя награды.

Въ тѣхъ же цѣляхъ постановленіемъ отъ 14 мая 1822 г. въ Варшавѣ была учреждена главная шерстяная ярмарка въ день св. Іоанна Крестителя. Предположено было устроить спеціальные склады для шерсти. Для иностранной шерсти, привозимой на ивановскую ярмарку, предоставлялся свободный транзитъ обратно за-границу. Варшавская ярмарка играла важную роль въ исторіи польской шерстяной промышленности.

На основаніи постановленія намѣстника отъ 9 авг. 1825 г. въ бюджетъ Ц. П. вносится, начиная съ 1826 г , особый капиталъ въ размѣрѣ 300,000 зл., т. н. фундушъ желѣзный. Изъ этого капитала должны были выдаваться ссуды фабрикантамъ спеціально на покупку шерсти[2]).

Указанныя здѣсь правительственныя мѣропріятія не могли бы должнымъ образомъ содѣйствовать цѣлямъ насажденія промышленности, если бы не было налицо благопріятной торговой конъюнктуры.

Справедливо замѣчаетъ новѣйшій польскій историкъ Смолька, что для развитія промышленности необходимы два условія: во-первыхъ,—тщательная охрана ея, и во-вторыхъ,—созданіе рынка сбыта, обширнаго, насколько возможно. Царство Польское и имѣло эти два условія, по существу другъ друга исключающія. Трудно совмѣстить

---

[1]) См. Dz. Pr. t. IV, s 42.

[2]) См. Hen Radziszewsbi—Skarb i organ. władz. t. I (1815—1830 r.) W 1907, str. 161.

закрытіе внутренняго рынка для иностранныхъ товаровъ и въ тоже время пріобрѣтеніе для отечественнаго производства обширнаго колоссальнаго рынка. Въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго удалось воспользоваться счастливой комбинаціей этихъ двухъ условій. Въ начальные годы возрожденнаго Царства, правительственныя сферы обнаруживали склонность къ фритредерской политикѣ. Такой тонъ политикѣ давалъ вліятельный министръ внутреннихъ дѣлъ Мостовскій, человѣкъ широко образованный, убѣжденный ученикъ Сэ. Помимо того, свобода торговли была близка и понятна польскому обществу, воспитанному въ такой свободѣ и близко заинтересованному въ ней. Польскій землевладѣлецъ былъ исключительно заинтересованъ въ томъ, чтобы продать какъ можно дороже хлѣбъ въ Гданскѣ и затѣмъ накупить, какъ можно дешевле, иностранныхъ товаровъ [1]).

Скоро настроеніе правительственныхъ сферъ измѣнилось, и польское правительство стало прилагать не мало усилій къ тому, чтобы обезпечить своей странѣ благопріятное развитіе внѣшней торговли. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ момента образованія Царства Польскаго его внѣшняя политика стала въ непосредственную связь съ русской экономической политикой. Исторія польской торговой политики есть съ другой стороны, и исторія русской. Здѣсь и нужно искать объясненія того, какимъ образомъ Царству Польскому удалось защитить себя отъ иностранной конкуренціи и одновременно найти емкій рынокъ сбыта.

Торговыя сношенія Россіи съ Царствомъ Польскимъ производились на основаніи закона 1 авг. 1822 г. и положенія о привозѣ собственныхъ издѣлій изъ одного государства въ другое 30 іюля 1824 г. Вопросу о торговлѣ Россіи съ Царствомъ Польскимъ въ виду его особой важности посвящена нами спеціальная глава, поэтому въ данномъ случаѣ мы ограничимся самыми общими замѣчаніями, необходимыми для правильнаго пониманія хода развитія фабричной промышленности въ Царствѣ Польскомъ.

Для исторіи внѣшней торговли Царства Польскаго большое значеніе имѣетъ постановленіе, принятое Вѣнскимъ конгрессомъ, по которому „Высокія договаривающіяся Стороны согласились дозволить

---

[1]) См. Smolka—Polityka Lubeckiego t I, W Krakowie. 1907. str. 207.

впредь и навсегда свободное и неограниченное между всѣми ихъ польскими областями (какъ онѣ были передъ 1772 г.) обращеніе всѣхъ произведеній земли и издѣлій промышленности сихъ областей" (ст. XXVIII) [1]). Для выработки таможеннаго тарифа въ Царствѣ Польскомъ по торговлѣ его съ польскими провинціями Австріи и Пруссіи, а также мѣръ по устройству таможеннаго управленія и регулированію транзитной торговли была учреждена такъ называемая трехсторонняя комиссія (Commission trilatérale изъ представителей трехъ державъ) [2]).

Само собой разумѣется, такое постановленіе Вѣнскаго конгресса, обнаружившее въ теоріи прекраснодушіе трехъ заинтересованныхъ державъ, на практикѣ при осуществленіи должно было встрѣтить непреодолимыя затрудненія Для его осуществленія необходимо было установленіе двойной границы въ каждомъ государствѣ. Нужно было отдѣлить польскія провинціи, отошедшія по раздѣламъ къ тому или другому государству, отъ остальной государственной территоріи. Такимъ путемъ возможно было создать одну общую таможенную черту для отторгнутыхъ частей Польши. Изъ трехъ державъ—Пруссіи, Австріи и Россіи, въ свободѣ торговли въ польскихъ провинціяхъ

---

[1]) Les deux hautes parties contractantes, pour ne laisser aucun doute sur leurs vues bienfaisantes et paternelles à cet egard sont convenues de permettre a l'avenir et pour toujours entre toutes leurs provinces (polonaises comme elles étaient avant 1772) la circulation la plus illimitée de toutes les productions et produits du sol et de l'industrie de ces mêmes provinces См Recueil des traites conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862 par le comte d' Angeberg Paris 1867, p. 669 Въ принятіи этого постановленія Циммерманнъ готовъ видѣть происки поляковъ, домогавшихся возстановленія старой Польши, хотя бы въ экономическомъ отношеніи См Zimmermann Geschichte der preussisch=deutschen Handelspolitik 1892 s. 14. Проф. Янжулъ въ своей актовой рѣчи—„Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промыш. въ Ц. П.", не точно передаетъ указанное нами постановленіе. „Актъ Вѣнскаго конгресса 21 апр. 1815 г., говоритъ онъ, производя этотъ послѣдній раздѣлъ Польши, ставилъ условіемъ для трехъ заинтересованныхъ державъ *способствовать свободѣ привоза и вывоза товаровъ между областями, составлявшими прежнее Герцогство Варшавское*" стр. 32. Изъ выше цитированной статьи мы ясно видимъ, что дѣло шло не о Герцогствѣ, но о Королевствѣ Польскомъ „какъ оное было до 1772 г." Ср. Пол. Собр. Зак. Рос. Им. XXXIII № 25824. Дружественный трактатъ, закл. въ Вѣнѣ 1815 г. между Пруссіей и Россіей. Ст. XXIV.

[2]) См. К. Лодыженскій—Исторія русскаго таможеннаго тарифа Спб. 1886 г стр. 179.

ближе всего была заинтересована первая. Какъ мы знаемъ, польскія провинціи издавна служили рынкомъ сбыта для прусскихъ фабрикатовъ. Естественно, что Пруссія ближе другихъ государствъ была заинтересована въ установленіи свободы торговли въ границахъ Польши 1772 г.; тѣмъ болѣе, что континентальная система оказалась весьма выгодной для Пруссіи, такъ какъ устраненіе англійской конкуренціи въ значительной мѣрѣ содѣйствовало развитію нѣмецкой промышленности.

Какъ говоритъ одинъ новѣйшій историкъ прусской торговой политики [1]), въ Берлинѣ надѣялись посредствомъ этого договора пробить брешь въ русской запретительной системѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1810 г. Россія отказалась отъ континентальной системы и ввела тарифъ запретительнаго характера. Это измѣненіе тарифной политики было особенно чувствительно для Пруссіи. Серьезный ударъ прусской промышленности былъ еще нанесенъ тѣмъ, что Россія воспретила транзитную торговлю прусскими сукнами съ Китаемъ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла Пруссія должна была придавать большое значеніе упомянутому постановленію, проникнутому духомъ экономическаго либерализма.

Австрія и въ особенности Пруссія, договариваясь съ Россіей относительно устройства таможенной системы въ Царствѣ, стремились получить извѣстныя льготы по сбыту своихъ издѣлій въ польскихъ провинціяхъ, а если возможно, то и въ самой Россіи; съ другой стороны, и русское правительство добивалось отъ этихъ странъ нѣкоторыхъ облегченій по отношенію къ привозу польскихъ и русскихъ продуктовъ. Въ инструкціи, данной русскимъ делегатамъ Варшавской комиссіи, было обращено вниманіе на то, что польскія провинціи по преимуществу земледѣльческія и изобилуютъ продуктами сельскаго хозяйства, льномъ, пенькой, хлѣбнымъ виномъ и саломъ, поэтому делегаты должны настаивать, чтобы эти товары, при вывозѣ изъ Царства Польскаго въ другія польскія провинціи были обложены самыми умѣренными отпускными пошлинами, а во-вторыхъ, чтобы такіе продукты при ввозѣ въ австрійскую и прусскую Польшу были обложены по возможности низкими ввозными пошлинами. Что касается обмѣна мануфактурныхъ издѣлій, то здѣсь

---

[1]) См. Alf. Zimmermann—Geschichte der preussisch=deutschen Handelspolitik. 1892, s 16, 13.

русскимъ представителямъ вмѣнялось въ обязанность придерживаться проекта общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ и добиваться того, чтобы пошлины по тарифу Царства Польскаго не различались существеннымъ образомъ отъ тѣхъ, которыя обозначены въ проектѣ. Русскимъ уполномоченнымъ было категорически указано на то, что компетенціи Варшавской комиссіи подлежитъ только торговля въ предѣлахъ Польши, какъ она существовала въ 1772 г., и что поэтому они должны отклонять всякія предложенія, касающіяся торговли Россійской Имперіи.

Варшавская комиссія выработала нѣсколько конвенцій, но онѣ не были утверждены русскимъ правительствомъ на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что касались мѣстностей, не входившихъ въ Польшу 1772 г.

Была образована новая комиссія въ Петербургѣ, выработанныя ею конвенціи—одна съ Пруссіей, а другая съ Австріей, были утверждены—первая 19 декабря 1818 г., вторая 5 августа 1818 г.[1]). Хотя Петербургская конвенція имѣла своей цѣлью выполненіе общихъ постановленій Вѣнскаго конгресса, но по существу она свела къ нулю всѣ льготы для польскихъ провинцій, обѣщанныя на этомъ конгрессѣ[2]). Конвенціонный тарифъ, составленный въ либеральномъ духѣ, предоставилъ значительное пониженіе пошлинъ для прусскихъ издѣлій льняныхъ, шерстяныхъ и кожаныхъ; причемъ Россія обязывалась не повышать пошлинъ провозныхъ и консомаціонныхъ съ прусскихъ издѣлій, имѣющихъ свидѣтельство о ихъ происхожденіи, какъ при ввозѣ ихъ въ Царство Польское, такъ и на другія сухопутныя таможни Россійской Имперіи безъ предварительнаго о томъ соглашенія съ прусскимъ королемъ (ст. IV, e.).

---

[1]) См. Полн. Соб. зак Р. Им XXXV, № 27453; 27586, т. XLV. Книга тарифовъ, отд 2, стр. 72 и д. Смолька относитъ эту конвенцію то къ 1818 г., то къ 1819 г. ср. t. I, str. 213 и t. II, str. 368; очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ опечатку. Слѣдуетъ сказать, что у него встрѣчается не мало неисправленныхъ опечатокъ въ нумераціи законовъ Рос. Имперіи.

[2]) Смолька нашелъ въ бумагахъ кн. Любецкаго, министра финансовъ въ Польшѣ съ 1822 по 1830 г., таблицу, содержащую въ себѣ сравненіе пошлинъ на прусскія издѣлія по конвенціонному тарифу съ пошлинами на одинаковые товары, взимаемыми въ другихъ странахъ, оказывается, что Польша въ теченіе трехъ лѣтъ (1818—21 г.) потеряла по этому тарифу 5,6 мил. зл. См. Smolka выше цит. t. I, s. 213 прим.; ср II, s. 367—368 прим.

Ратификація Петербургской конвенціи совпала съ измѣненіемъ таможенной системы въ цѣлой Россіи. 20 ноября 1819 г. вышелъ манифестъ объ измѣненіи общаго таможеннаго тарифа въ духѣ большей свободы. Въ этомъ манифестѣ имѣется указаніе на то, что конвенціи съ Австріей и Пруссіей въ цѣляхъ регулированія польской торговли побудили императора къ принципіальному измѣненію таможенной политики.

Новый таможенный уставъ вошелъ въ дѣйствіе съ 1820 г. одновременно съ Петербургской конвенціей (ст. IV, с. Петербургской конвенціи) [1]). Наканунѣ обнародованія новаго курса торговой политики была снята таможенная черта между Россіей и Польшей съ перенесеніемъ таможенъ на западную границу Царства Польскаго: 3 октября 1819 вышелъ указъ о сліяніи Царства Польскаго и Имперіи въ таможенномъ отношеніи въ одно цѣлое [2]). Въ Варшавѣ было учреждено главное управленіе русскихъ таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ. Подъ его надзоромъ находилось 13 русскихъ таможенъ на внѣшнихъ границахъ Царства Польскаго и 9 контрольныхъ таможенъ по границѣ Царства Польскаго и Имперіи. Рядомъ съ русскими таможнями существовали и польскія въ одинаковомъ количествѣ. Польскія таможни брали пошлины съ товаровъ, идущихъ на внутренній рынокъ Царства Польскаго, русскія—со всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Россію черезъ польскую границу. Контрольныя таможни между Россіей и Царствомъ Польскимъ были учреждены для наблюденія за мѣстомъ происхожденія товаровъ и для облегченія разныхъ таможенныхъ формальностей. Благодаря таможенному единству двухъ государствъ установилась полная свобода торговли, за исключеніемъ спирта и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, составлявшихъ въ Царствѣ Польскомъ предметъ монополіи. Для ввоза товаровъ изъ Царства Польскаго въ Россію требовалось только представленіе свидѣтельства происхожденія, выдаваемаго главнымъ таможеннымъ управленіемъ въ Варшавѣ (ст. 3). Эти свидѣтельства были единственнымъ средствомъ контроля въ цѣляхъ недопущенія ввоза иностранныхъ товаровъ подъ видомъ польскихъ.

Такимъ образомъ новая торгово-политическая система, принятая въ Россіи съ однимъ общимъ либеральнымъ тарифомъ. установила свободу торговли между Царствомъ Польскимъ и Имперіей.

[1]) См. Полн. Соб. Зак. Р. Им. т. XXXVI, № 28030.

[2]) См. Полн Соб Зак. т XXXVI № 27938

Такое положеніе дѣла оказалось весьма благопріятнымъ для Царства Польскаго. Открытіе внѣшнихъ рынковъ сбыта въ Россіи должно было значительно содѣйствовать усиленію иностранной иммиграціи. Тѣ прядильщики и ткачи, которые не находили дома сбыта для своихъ издѣлій, устремились въ Польшу, для промышленнаго развитія которой открылась новая эра. Тарифъ 1819 г. хотя и придерживался принципа свободы торговли, все-таки сохранилъ умѣренныя пошлины. Поэтому иностранная торговля съ Россіей была поставлена въ худшія условія сравнительно съ польской. Вообще, этотъ тарифъ не отличался особой послѣдовательностью и систематичностью, въ силу чего въ однихъ случаяхъ пошлины оказывались запретительными для низшихъ сортовъ какого-либо товара, и въ то же время были нечувствительны для болѣе высокихъ сортовъ [1]). При такихъ условіяхъ переселеніе въ Царство Польское иностранныхъ ремесленниковъ сулило имъ значительныя выгоды, тѣмъ болѣе, что польское правительство предоставляло имъ еще много льготъ и привилегій. Подъ вліяніемъ этого притокъ иностранныхъ ремесленниковъ долженъ былъ значительно возрасти послѣ 1819 г.

О значеніи, для Царства Польскаго, новаго тарифа Gazeta Correspondenta писала въ 1821 г. слѣдующее: „благодѣтельныя послѣдствія этого не замедлили сказаться, русскіе купцы закупали еще на станкахъ сукно, вырабатываемое въ нашихъ заведеніяхъ. Иностранные мастера, видя выгодное положеніе нашей промышленности, прибываютъ къ намъ со всѣхъ сторонъ. Польша можетъ скоро стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ является Англія для Европы“ [2]).

Что касается Россіи, то для нея новый тарифъ оказался гибельнымъ. По мнѣнію Лодыженскаго, этотъ тарифъ „нанесъ чрезвычайно сильный ударъ мануфактурной промышленности Россіи не столько умѣренностью пошлинъ, установленныхъ имъ, сколько той рѣзкостью, съ которою, съ его изданіемъ, Россія перешла отъ строго запретительной системы къ системѣ, допустившей большую свободу внѣшней торговли“ [3]).

---

[1]) Хорошую оцѣнку этого тарифа даетъ г. Лодыженскій, см выше цит. стр 188.

[2]) См. № 93. Uwagi nad Stanem Kraiu naszego—str 1173 и д.

[3]) См. Лодыженскій—выше цит. стр. 189.

Въ Россіи въ это время преобладающую роль играла помѣщичья фабрика, съ принудительной организаціей труда [1]). Естественно, что для русской промышленности конкуренція съ иностранной оказывалась не подъ силу. Иностранные товары быстро начали завоевывать русскій рынокъ. Это нанесло сильный ударъ еще не окрѣпшему отечественному производству. По словамъ гр. Канкрина, тарифъ 1819 г. убилъ русскую промышленность [2]). Правительство скоро сознало свою ошибку и поспѣшило вернуться къ старой протекціонной системѣ. Въ мартѣ 1822 г былъ изданъ манифестъ, провозглашавшій возвращеніе Россіи къ запретительнымъ началамъ, принятымъ въ 18 6 г., съ 31 марта новый тарифъ уже вошелъ въ дѣйствіе [3]).

Для русскаго правительства возникъ щекотливый вопросъ, какъ поступить съ Петербургской конвенціей 19 дек. 1818 г., въ сохраненіи которой была заинтересована Пруссія. Изъ этого затруднительнаго положенія былъ найденъ такой выходъ.

Въ февр. (15/27) 1822 г. Александръ I обратился непосредственно съ письмомъ къ прусскому королю Фридриху Вильгельму. Здѣсь онъ охарактеризовалъ слѣдствія конвенціи, гибельныя какъ для Россіи, такъ и для Польши. Хотя сами по себѣ принципы Вѣнскаго договора, на которыхъ покоится конвенція хороши, но они должны вводиться постепенно. При настоящихъ условіяхъ придерживаться принциповъ Вѣнскаго трактата, это вести государство къ

---

[1]) См. М. Туганъ-Барановскій—Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ т. 1. 2-е изд. 1900, стр. 105—106

[2]) „Излишне было бы объяснять, говоритъ Блохъ, что новый тарифъ (1819 г.), выгодный для иностранной промышленности, гибельно отразился на положеніи зарождавшейся въ Россіи фабричной промышленности Много отраслей производства очутилось въ положеніи, гдѣ оказывалась невозможной конкуренція.. Къ счастью для Россіи, такая забота объ иностранной промышленности не долго длилась . Finanse Rosyi w XIX wieku, t. I, 1884, str 117.

[3]) См. Пол. Собр. Зак. XXXVШ, № 28964 Цѣль новаго тарифа хорошо выяснена въ самомъ манифестѣ „Внимательное наблюденіе оборотовъ и хода внѣшней торговли, говорится въ немъ, служащее руководствомъ при изданіи таможенныхъ узаконеній, показываетъ намъ, что разрѣшеніе привоза всѣхъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій съ продолженіемъ времени обратиться можетъ къ стѣсненію собственной промышленности вѣрноподданныхъ нашихъ и къ угнетенію мануфактуръ и фабрикъ, въ значительномъ количествѣ уже умножившихся, но требующихъ еще особеннаго покровительства. Въ оправданіе сего и для вящшаго ободренія и распространенія сихъ общеполезныхъ заведеній" правительство и рѣшило ввести новый тарифъ.

разрушенію. Уже Россія и Польша стали складочными мѣстами для иностранныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ собственные товары не находятъ никакого сбыта. Звонкая монета исчезаетъ, многіе торговые дома разорены. Для правительства нѣтъ другого выхода, какъ только поддержать угнетенную промышленность новымъ тарифомъ. Заканчивается письмо указаніемъ, что на этотъ тяжелый шагъ побудило императора благо его государства [1]).

Для того, чтобы смягчить для Пруссіи ударъ, наносимый возвращеніемъ къ запретительной системѣ, предоставили ей провизорно нѣкоторыя льготы [2]).

Съ изданіемъ тарифа 1822 г. была возстановлена таможенная черта между Имперіей и Царствомъ; русскія таможни перенесены на Бугъ и Нѣманъ. Такимъ образомъ Царство Польское получило таможенную автономію.

Возникъ вопросъ о томъ, какъ будутъ регулированы торговыя отношенія между Россіей и Польшей? Останется ли прежняя система или же на нихъ будетъ распространенъ новый строго запретительный тарифъ?

Передъ изданіемъ манифеста 1822 Совѣту Управленія Царства было дано порученіе составить докладъ по вопросу объ автономномъ тарифѣ. За эту работу взялся министръ финансовъ кн. Любецкій. Ему удалось добиться существенныхъ льготъ въ торговлѣ Россіи и Царства Польскаго. Эти льготы были дарованы указомъ 1 августа 1822 г. По глубоко вѣрному замѣчанію Смольки, данный указъ является „дѣйствительно magna charta для польской промышленности, твердой опорой благопріятнаго развитія Царства въ экономическомъ отношеніи“ [3]).

Торговыя сношенія Россіи съ Царствомъ Польскимъ регулировались указомъ 1 августа 1822 и общимъ учрежденіемъ о провозѣ собственныхъ издѣлій изъ одного государства въ другое 30 іюня 1824 г.

Основныя положенія этихъ актовъ сводились къ слѣдующему: а) всѣ сырые продукты, производимые въ обѣихъ странахъ, про-

[1]) См. Zimmermann—выше цит str. 68.

[2]) См. Пол. Соб. Зак. XXXVШ, № 28982. Именной указъ 26 марта 1822 г. о привозѣ въ Россію прусскихъ издѣлій вслѣдствіе конвенціи 1818 г.

[3]) См. Smolka—выше цит. t. I, str. 230.

пускались изъ одной страны въ другую совершенно свободно и безпошлинно; б) съ издѣлій, выработанныхъ внутри Имперіи и Царства изъ мѣстнаго сырья, при провозѣ изъ одного государства въ другое взыскивалась пошлина въ размѣрѣ 1% съ цѣны; в) издѣлія изъ чужестранныхъ сырыхъ продуктовъ, обработанныя на русскихъ и польскихъ фабрикахъ, пропускались въ предѣлы Польши и Россіи съ уплатой 3% съ цѣны. Отсюда были исключены бумажныя издѣлія и сахаръ въ головахъ и порошкѣ, привозъ которыхъ изъ Царства въ Имперію былъ воспрещенъ въ теченіе трехъ лѣтъ; а вывозъ изъ Имперіи въ Царство разрѣшался съ платежомъ пошлины — съ пряжи и бумажныхъ тканей въ размѣрѣ 15%, а съ сахара — 25% со стоимости. При ввозѣ въ ту или другую страну, товары должны были сопровождаться свидѣтельствами о ихъ русскомъ или польскомъ происхожденіи. За транзитной торговлей съ той и другой стороны была признана полная свобода [1].

Такой благопріятный тарифъ, представлявшій исключеніе въ общей запретительной системѣ, долженъ былъ дать сильный толчокъ къ развитію польской промышленности. Если и при либеральномъ тарифѣ 1819 года представляло много выгодъ и преимуществъ переселеніе въ Царство Польское, открывшее широко и гостепріимно двери для иностранцевъ, то послѣ введенія запретительнаго тарифа 1822 года это переселеніе являлось прямо неизбѣжнымъ для тѣхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, которые работали до этого на русскій рынокъ. Иммигранты, принося съ собой капиталы, знаніе и технику заложили прочный фундаментъ для польской промышленности.

Такъ какъ при ввозѣ въ Россію оплачивались невысокой пошлиной и тѣ издѣлія, которыя вырабатывались въ Царствѣ изъ привознаго сырья, то для послѣдняго стало выгоднымъ развивать у себя передѣлочную промышленность изъ иностраннаго сырья. Итакъ, для польской промышленности открылся обширный рынокъ, простиравшійся до неподвижныхъ стѣнъ Китая. На этомъ колоссальномъ рынкѣ польская промышленность встрѣчала только одного слабаго сопер-

---

[1]) См Полное Соб. Зак. XXXVIII, № 29,149; 29.237; т. XXXIX, № 29.977; ср. Тодыженскій—выше цит. стр. 216 и слѣд

ника въ лицѣ русской промышленности, пользовавшейся въ большинствѣ случаевъ еще крѣпостнымъ трудомъ

Заключеніе благопріятнаго таможеннаго тарифа создало рынокъ сбыта, но для успѣшнаго развитія промышленности этого еще было мало. Нужно было защитить ее и отъ конкуренціи прусскихъ фабрикатовъ, издавна обосновавшихся на польскомъ рынкѣ

Односторонній отказъ Россіи отъ Петербургской конвенціи явился тяжелымъ ударомъ для прусской промышленности. Обнародованіе тарифа 1822 г. произвело въ Берлинѣ потрясающее впечатлѣніе, всѣ горѣли жаждой мщенія. Враждебное Россіи настроеніе нашло себѣ выраженіе въ прусскомъ тарифѣ отъ 10 апрѣля 1822 г., введеннымъ въ дѣйствіе кабинетскимъ указомъ. Этотъ тарифъ, установившій высокія транзитныя пошлины на сельскіе продукты, особенно чувствительно долженъ былъ отразиться на положеніи сельско—хозяйственной промышленности Царства Польскаго и Литвы [1]). Польское общественное мнѣніе было глубоко возмущено такимъ шагомъ прусскаго правительства. Министръ финансовъ Царства Польскаго кн. Любецкій, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Александра I, представилъ Государю всѣ гибельныя послѣдствія новаго прусскаго тарифа, вытекавшія изъ географическаго положенія Царства, и ходатайствовалъ о томъ, чтобы, при заключеніи торговаго договора съ Пруссіей, были приняты во вниманіе и интересы Царства Польскаго. Александръ I отнесся сочувственно къ этому ходатайству и поручилъ своимъ дипломатамъ при заключеніи торговаго договора съ Пруссіей одинаково защищать жизненные интересы какъ Имперіи, такъ и Царства Прусское правительство вначалѣ не склонно было идти на уступки. И только послѣ того, какъ Любецкій энергично взялся за проведеніе Августовскаго канала для соединенія Вислы съ Нѣманомъ и Двиной, Пруссія уступила. Устрашилась того, что польская хлѣбная торговля можетъ пойти по новымъ воднымъ путямъ, что угрожало разореніемъ Торну и Данцигу. По поводу этихъ переговоровъ Грабовскій, статсъ-секретарь Царства Польскаго, писалъ Любецкому: „Если Вы успѣшно закончите ихъ, то это будетъ чудомъ, впрочемъ, отъ Васъ можно ожидать чудесъ". Въ этомъ таможенномъ натискѣ Пруссіи нужно видѣть эпилогъ великой истори-

[1]) См. Zimmermann—выше цит. str 77; ср Smolka—выше цит. I. str 298 и д.

ческой борьбы Польши за доступъ къ морскимъ берегамъ [1]). Остановиться болѣе подробно на интересномъ моментѣ въ исторіи Царства Польскаго авторъ не могъ, такъ какъ это завело бы его слишкомъ далеко отъ прямой задачи настоящаго труда.

Благодаря желѣзной настойчивости, кн. Любецкому удалось заключить благопріятный договоръ съ Пруссіей 27 фев./11 мар. 1825 г. Извѣстіе о заключеніи его было встрѣчено въ Царствѣ Польскомъ съ ликованіемъ. По словамъ одного офиціальнаго документа, этотъ договоръ былъ „истиннымъ благодѣяніемъ для земледѣльцевъ". По этому договору были предоставлены существенныя льготы польской хлѣбной торговлѣ, и кромѣ того, былъ воспрещенъ ввозъ прусскихъ суконныхъ издѣлій Суконная промышленность нашла въ тарифѣ самую тщательную защиту. Что же касается издѣлій кожаныхъ, полотняныхъ и металлическихъ, то они были обложены умѣренными пошлинами [2]). Этотъ тарифъ оказался весьма благодѣтеленъ для развитія сукнодѣлія, которое къ этому времени уже успѣло прочно обосноваться во многихъ фабричныхъ колоніяхъ. Примѣненіе запретительной системы по отношенію къ другимъ отраслямъ производства не имѣло смысла, такъ какъ онѣ еще были слабо развиты въ Царствѣ Польскомъ, а потому и невозможно было обойтись безъ ввоза иностранныхъ издѣлій.

Такимъ образомъ, условія внѣшней торговли сложились въ высшей степени благопріятно для развитія польской промышленности. Отсутствіе крѣпостного права и сословныхъ привилегій, конституціонный строй государства, либеральный гражданскій кодексъ, многочисленныя льготы и привилегіи для иностранцевъ, наконецъ, благопріятная торговая политика—все это должно было усилить притокъ иностранныхъ ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцовъ.

Какъ же въ дѣйствительности шло развитіе польской промышленности въ этотъ періодъ?

---

[1]) Ibid t. I. str. 365.

[2]) Смолька озаглавилъ отдѣлъ своего изслѣдованія, посвященный этому драматическому моменту въ исторіи Царства Польскаго—„Dostęp do morza" (t. II. str. 329—404). Кстати сказать, этотъ талантливый историкъ даетъ яркія картины борьбы Польши за свое экономическое существованіе, къ нему и слѣдуетъ обращаться тѣмъ, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ даннымъ вопросомъ.

Мы знаемъ, что въ эпоху Варшавскаго Герцогства не могло быть рѣчи о насажденіи и развитіи промышленности, мало того, тогда была подорвана въ конецъ традиціонная основа богатства Польши—земледѣліе. Царство Польское получило въ наслѣдіе отъ Варшавскаго Герцогства народное хозяйство въ глубоко расшатанномъ и разстроенномъ видѣ

Въ начальные годы конституціоннаго Царства Польскаго вышла географія Царства, составленная Политовскимъ (Geografia Królestwa Polskiego W. 1819). Въ этой географіи сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о польской промышленности. „Благодаря отдѣленію Великопольши, пишетъ Политовскій, наша страна потеряла фабрики, производство которыхъ достигало 16 мил зл. пол.; въ ней остались только незначительныя мануфактуры (tylko szczuple rękodzieła), которыя едва въ состояніи доставить обработанныхъ издѣлій на 2 мил., но и ихъ немногочисленные [1]) станки подъ вліяніемъ войны пришли въ упадокъ [2]). Авторъ высказываетъ надежду, что льготы, дарованныя правительствомъ иностраннымъ ремесленникамъ, поднимутъ промышленность изъ ея печальнаго состоянія.

Такую же грустную картину рисуютъ и офиціальные источники. На сеймѣ Царства Польскаго въ 1818 г. раздается та же жалоба, что съ потерей департаментовъ Польша лишилась фабрикъ съ производствомъ въ 16 мил. зл., остались небольшія мануфактуры съ производствомъ не свыше 2 мил. (300 тыс. руб.). Ткацкіе станки благодаря войнамъ разорены. Они не имѣютъ ни достаточнаго числа рабочихъ рукъ, ни запасовъ для своей дѣятельности.

Въ странѣ ощущается дѣйствительный недостатокъ въ знающихъ ремесленникахъ.

Для поднятія промышленности правительство и обратилось къ вызову иностранцевъ, надѣляя ихъ особыми привилегіями [3]. Мостовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ, на сеймѣ 1818 г. даетъ такую характеристику экономическаго благосостоянія Польши въ мо-

---

[1]) Въ одной изъ рѣчей Мостовскаго указывается, что въ 1815 г было въ Царствѣ Польскомъ, не больше 100 ручныхъ ткацкихъ станковъ, которые занимались выдѣлкой только самаго грубаго сукна. См. Gazeta Warszawska 1830 г. № 45

[2]) См. Politowski—Geografia Królestwa Polskiego. W. 1819. str. 13.

[3]) См. Dyaryusz Seymu Królestwa Polskiego 1818. Sessya druga 28 mr. 1818 r. str. 35.

ментъ образованія Царства: „положеніе страны было ужасно (okropne). Излишне говорить о ея разореніи, истощеніи и нищетѣ, что являлось результатомъ наполеоновскихъ войнъ“... Количество населенія, доходившее въ 1811 г. до 3,3 мил. душъ, сократилось къ 1815 г. до 2,6 мил.

Таково было положеніе страны въ моментъ возникновенія Царства Польскаго. Мы знаемъ, какія мѣры правительство приняло для экономическаго возрожденія страны. Эти мѣры оказались вполнѣ успѣшными Иностранная иммиграція, начавшаяся еще въ эпоху Варшавскаго Герцогства, теперь, по наступленіи успокоенія, стала быстро усиливаться. Иностранцы начали переселяться въ Польшу цѣлыми колоніями, принося съ собой знанія, опытъ и трудъ. Бѣдныя, глухія польскія деревушки благодаря интенсивной иммиграціи быстро превращаются въ благоустроенные фабричные поселки [1]). Этотъ переворотъ совершается какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ современныхъ газетахъ изрѣдка встрѣчаются корреспонденціи, которыя въ одинъ голосъ констатируютъ глубокій переворотъ, вызванный иностранной иммиграціей. Корреспондентъ изъ Ченстохова сообщаетъ о строительномъ оживленіи въ городѣ въ виду прилива иммигрантовъ. Многіе изъ жителей стали разбирать земельные участки для постройки домовъ подъ квартиры. Въ другой корреспонденціи отмѣчается необычайный прогрессъ въ развитіи гг Антолина и Томашова въ теченіе одного года, благодаря все той же иммиграціи. Корреспонденція изъ Сѣрадза сообщаетъ о быстромъ развитіи въ его окрестностяхъ суконодѣлія благодаря приливу иностранцевъ. По словамъ корреспондента, этотъ наплывъ иностранцевъ оказывается очень полезнымъ и для сельскаго хозяйства, облегчая сбытъ его продуктовъ [2]).

---

[1]) Оскаръ Флятеръ въ своей интересной монографіи, посвященной г. Лодзи на конкретномъ примѣрѣ показываетъ, какое громадное значеніе имѣла иностранная иммиграція для экономическаго подъема страны Opis miasta Lodzi. W 1853 Ср Янжуть—Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ М. 1887

[2]) См Gazeta Correspondenta 1823 г № 170, 178 и 188 Кстати слѣдуетъ отмѣтить, что отдѣлъ корреспонденцій въ современныхъ газетахъ былъ плохо поставленъ. Мы пересмотрѣли почти всѣ газеты, издававшіяся въ эту эпоху, и только въ рѣдкихъ случаяхъ находили корреспонденціи изъ провинціи. Любопытно, что „Газета Корреспондента“ даже обращалась съ просьбой присы-

По поводу усиленной иммиграціи мы находимъ такое замѣчаніе въ одномъ изъ современныхъ журналовъ: „Нынѣшнее положеніе страны и въ особенности торговыя связи съ Россіей обратили вниманіе иностранныхъ фабрикантовъ, которые, видя большую выгоду, стали въ значительномъ количествѣ переселяться съ своими станками въ нашу страну“ [1]).

Въ этомъ же журналѣ мы находимъ первую сводную статистическую таблицу годового производства шерстяныхъ издѣлій за 1820 г.

	Количество сукна въ поставахъ			Фриза.	Байки.
	Тонкаго	Средняго.	Простого	Локтей	
Г. Варшава . . .	500	1.160	3.070	50	1.000
Мазовецк. воеводство	1.750	19.547	101.811	1.828	41.021
Калишское „	220	5.282	19.285	118	110.150
Любельское „	140	1.725	5.729	77	4.970
Сандомірское „	—	410	2.759	15	1.190
Подляское „	—	290	680	50	3.040
Плоцкое „	—	14	415	272	1.870
Августовское „	—	50	80	„	1.380
Итого .	2.610	28.478	133.829	2.410	164.621

Цѣнность годового производства всѣхъ шерстяныхъ издѣлій опредѣляется журналомъ въ 24 мил. зл. (3,6 мил. руб.).

По словамъ журнала, сукна отечественнаго производства по добротѣ ни въ чемъ не уступаютъ заграничнымъ. Правда, въ отношеніи цѣнъ мѣстныя сукна оказываются болѣе дорогими, сравнительно съ заграничными. Причины этого лежатъ въ томъ, что только немногіе фабриканты закупаютъ шерсть изъ первыхъ рукъ, большинство же еще не освободилось отъ еврейскаго посредничества. Кромѣ того, въ Польшѣ не такъ широко распространено машинное производство, какъ за границей. Наконецъ, дороговизна суконъ объясняется еще плохой постановкой красиленъ. Въ странѣ

лать корреспонденціи о фабрикахъ, но отклика на свое предложеніе она не встрѣтила.

[1]) См. Izys Polska czyli Dziennik umiętności, wynalazków, kunsztow i rzemiosł. Tygodzień 1822 r. t. VI, Fabryki sukna w Królestwie Polskiem Str. 83.

еще не существуетъ болѣе значительныхъ красильныхъ заведеній и кромѣ того, нѣтъ собственныхъ красокъ.

Среди архивныхъ документовъ намъ удалось найти отрывочныя статистическія свѣдѣнія о положеніи суконной промышленности за 1819 г. въ Царствѣ Польскомъ. Оказывается, что къ этому году насчитывалось уже 1 867 станковъ для выдѣлки сукна. Преобладающее большинство мастеровъ переселилось въ періодъ съ 1816 по 1818 г. Встрѣчаются и переселенія изъ эпохи Варшавскаго Герцогства (1807—1809 г.). Въ нѣкоторыхъ городахъ начало сукнодѣлія отнесено къ XVIII в., такъ въ г. Яновѣ выдѣлка простого сукна начала развиваться съ 1724 г., а тонкаго съ 1789 г., въ Сташовѣ сукнодѣліе существовало уже въ половинѣ XVIII стол.[1]).

Изъ этихъ краткихъ данныхъ видно быстрое развитіе сукнодѣлія въ Польшѣ. Если въ моментъ возникновенія Царства Польскаго, цѣнность всего мануфактурнаго производства опредѣлялась приблизительно въ 2 мил. зл., то уже въ 1820 г. цѣнность однихъ шерстяныхъ издѣлій достигла 24 мил. зл., т. е. повысилась въ 12 разъ. Наиболѣе промышленными районами являлись воеводства Мазовецкое и Калишское. Слабѣе всего была развита шерстяная промышленность въ Августовскомъ и Плоцкомъ воеводствахъ, лежавшихъ на правомъ берегу Вислы. На одно Мазовецкое воеводство приходилось три четверти годового производства суконъ (75%). Это самое промышленное воеводство Царства Польскаго, будущая Петроковская и Варшавская губ. Калишское воеводство давало значительно меньшій процентъ, всего 15%. Что касается производительности другихъ воеводствъ, то она совершенно ничтожна, достигая минимальныхъ размѣровъ въ двухъ отдаленныхъ воеводствахъ августовскомъ и плоцкомъ.

Преобладающую роль въ сукнодѣліи играло въ эти годы еще одно простое, ординарное сукно, высокіе тонкіе сорта его вырабатывались въ ничтожномъ количествѣ, не превышая 1,6% годовой выдѣлки.

Достойно замѣчанія, что въ указанной журнальной статьѣ отмѣчается благодѣтельное вліяніе на развитіе сукнодѣлія торговыхъ связей съ Россіей. Эти связи установились какъ мы знаемъ въ

---

[1]) См Arch. Gen. Gub. Sek. V, 13 A. O Fabrikach i Rękodzielniach. Akta Rady Administracyiney N. vol. 348 II.

1819 г. благодаря таможенному единству.—Съ этого момента въ исторіи польской промышленности наступаетъ періодъ быстраго ея развитія [1]).

Развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ начинается съ текстильнаго производства и въ частности съ сукнодѣлія. Это явленіе характерно и для другихъ странъ (Англіи, Пруссіи, Австріи, Россіи). Для Польши его можно объяснить тѣмъ, что условія насажденія и развитія ея промышленности содѣйствовали прежде всего зарожденію именно этой отрасли производства. Сукнодѣліе было болѣе развито сравнительно съ другими отраслями въ Пруссіи и Австріи, которыя главнымъ образомъ поставляли иммигрантовъ для Царства Польскаго. Для развитія сукнодѣлія могло имѣть важное значеніе и то, что сырой матеріалъ—шерсть могъ быть доставленъ отечественнымъ овцеводствомъ. Нельзя упускать изъ виду и того, что слабые зачатки сукнодѣлія, хотя бы въ видѣ кустарства, существовали уже въ Польшѣ. Наконецъ, торговля съ Россіей обезпечивала наибольшій сбытъ для суконныхъ издѣлій. Поэтому, первой отраслью, которая возникла и окрѣпла въ Царствѣ Польскомъ, являлось сукнодѣліе (пряденье и ткачество). Нѣсколько позже правительство стало прилагать усилія къ развитію и насажденію другихъ видовъ текстильнаго производства, именно льняного и хлопчатобумажнаго. Эти отрасли, хотя и достигли значительнаго развитія, въ концѣ существованія конституціоннаго Царства Польскаго (1830 г.), однако не могли сравняться по своему значенію съ сукнодѣліемъ. Ихъ расцвѣтъ падаетъ уже на слѣдующіе періоды.

Для характеристики положенія польской промышленности до 1819 г. имѣетъ важное значеніе просьба, поданная ткачами г. Озоркова 17 марта 1817 г. [2]). „Переселяясь въ здѣшнюю страну мы, говорятъ ткачи, стремились улучшить свое положеніе, имѣя въ виду тѣ льготы, которыя мѣстное правительство предоставляло иностранцамъ“. Озорковскіе ткачи ссылаются здѣсь только на привилегіи, дарованныя иностранцамъ, не упоминая ни единымъ словомъ о торговлѣ съ Россіей. Между тѣмъ, если мы сопоставимъ аналогичные

---

[1]) Въ 1819 г. въ Мазовецкомъ воеводствѣ насчитывалось всего 593 станка, въ 1821 г. уже 950. См Арх. Ген. Губ – выше цит.

[2]) См. Арх. Каз. Пал. Dyrekcya Generalna Dochodów Niestałych Wydział Celny. Akta Ogulne Fabryk i kontrollowania Fabrykatów Krajowych. Lit. F. Poszyt. I.

документы болѣе поздняго времени, то тамъ всегда есть ссылка на то, что мотивомъ къ переселенію послужили не какія либо льготы, а благопріятныя торговыя связи съ Россіей.

Далѣе въ просьбѣ озорковскихъ ткачей указывается, что надежды ихъ не обманули, вначалѣ они имѣли хорошій сбытъ для своихъ издѣлій. „Но въ нынѣшнемъ году (1817 г.) положеніе дѣла внезапно измѣнилось, торговля наша совершенно пріостановилась, наши издѣлія не могутъ найти сбыта (nie mogą bydź zbyti) и наши заведенія идутъ къ полному упадку". Ткачи считаютъ своей обязанностью указать причины этого кризиса „Первый ударъ нанесла намъ поставка сукна для войскъ, доставшаяся въ руки евреевъ (w ręce starozakonnych). Послѣдніе обходятъ мѣстныя фабрики и выписываютъ сукна главнымъ образомъ изъ-за границы". Затѣмъ представители озорковскихъ ткачей жалуются на контрабанду. Просятъ усилить мѣры на границѣ въ цѣляхъ предотвращенія контрабаднаго водворенія суконъ.

Эта просьба, поданная отъ лица 160 сукнодѣловъ, ясно показываетъ, что въ начальные годы производство было разсчитано главнымъ образомъ на внутренній рынокъ. Если бы сукнодѣлы Озоркова работали на внѣшній рынокъ, то ихъ благосостояніе нисколько не было бы затронуто тѣмъ, что поставку сукна для войскъ взяли евреи. Если такое обстоятельство могло вызвать кризисъ въ крупномъ для того времени промышленномъ центрѣ Озорковѣ, то это ясное доказательство, что рынки сбыта въ это время не выходили еще за ограниченные предѣлы Царства Польскаго.

Изъ другихъ данныхъ видно, что поставкой сукна для войскъ главнымъ образомъ и жили сукнодѣлы. Изъ жалобы калишскихъ сукнодѣловъ, поданной 1 сентября 1818 г., мы узнаемъ, что они работали на военнаго поставщика Неймарка [1]). Отъ воеводскихъ комиссій не разъ поступали заявленія о томъ, что поставка сукна для войскъ оказала бы значительное вліяніе на ростъ фабричной промышленности и обезпечила бы заработокъ переселившимся тка-

[1]) Арх. Ген. Губ. Sek. V, 13 A O Fabrykach i Rękodzielniach krajowych z lat 1816—1820 Akta Rady administracyiney Vol. 348 I. Изъ отношенія военной Комиссіи видно, что изъ всего нужнаго для арміи сукна въ 1819 г. въ количествѣ 241.479 локтей было закуплено отъ мѣстныхъ сукнодѣловъ 146.460 лок. (Ibid).

чамъ [1]). Изъ-за военныхъ поставокъ шла борьба между чиновниками и помѣщиками. Послѣдніе старались оттягать военную поставку для сукнодѣловъ, сидящихъ на ихъ земляхъ, а чиновники въ свою очередь заботились объ интересахъ фабрикантовъ, поселившихся въ правительственныхъ городахъ. Рембелинскій предсѣдатель Мазовецкой воеводской комиссіи, проявившій особенную энергію въ дѣлѣ насажденія промышленности, указывалъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ на то, что поставщики закупаютъ сукна у фабрикантовъ, поселившихся въ частныхъ имѣніяхъ, а не правительственныхъ. благодаря происканъ помѣщиковъ, близко заинтересованныхъ въ этомъ.

Хорошимъ дополненіемъ къ сказанному можетъ служить прошеніе, поданное намѣстнику старшинами цеха г. Озоркова 6 іюня 1821 г. Озорковскіе сукнодѣлы указываютъ на то, что правительство для поддержки мастеровъ предоставило имъ поставку сукна для войскъ. Указанная мѣра достигала своей цѣли, когда число мастеровъ было невелико. „Теперь число ихъ такъ увеличилось, что мы въ виду недостатка сбыта и торговли не знаемъ, гдѣ найти содержаніе для себя и нашихъ многочисленныхъ семействъ (nie wiemy gzie znaleść utrzymania dla siebie i naszych licnych rodzin). Наше положеніе съ нѣкотораго времени дѣлается все хуже и хуже... Не видимъ другого выхода изъ такого бѣдствія, какъ только въ запрещеніи ввоза суконныхъ товаровъ изъ-за границы, а съ другой стороны, въ торговлѣ съ Россійской Имперіей. Это могло бы поднять наши заведенія и многочисленные мастера нашли бы обильный источникъ существованія“ [2]).

На основаніи этихъ отрывочныхъ свѣдѣній можно утверждать, что въ первые годы существованія Царства Польскаго суконное производство работало преимущественно на внутренній рынокъ, гдѣ главнымъ потребителемъ являлась армія. Благодаря быстрому увеличенію числа сукнодѣловъ вслѣдствіе иммиграціи, отечественный рынокъ вскорѣ оказался насыщеннымъ. Юная суконная промышленность начала испытывать затрудненія въ сбытѣ. Нужно было найти

---

[1]) Арх Ген Губ. Дѣло Правит ком. вн. дѣлъ и дух. отд. Przemysłu i Handlu Osady Fabryczney w Mieście Zgierzu. Рапортъ предсѣдателя Мазовецкой комиссіи.

[2]) Арх Ген Губ. Sek. V, 13 A. O Fabr. i Rękodz Vol. 348. II.

новый рынокъ сбыта Этотъ рынокъ былъ найденъ въ торговлѣ съ Россіей. Значеніе этой торговли прекрасно понимали сукнодѣлы, какъ показываетъ вышеприведенное прошеніе.

Установленіе свободы торговли во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши усилило прежде всего приливъ иностранцевъ. Въ донесеніяхъ предсѣдателей воеводскихъ комиссій встрѣчаются прямыя указанія на интенсивную иммиграцію съ 20 годовъ и при этомъ среди причинъ иммиграціи неизмѣнно упоминается свобода торговли [1]).

О томъ, какъ быстро развивалось Царство Польское въ экономическомъ отношеніи подъ вліяніемъ интенсивной иммиграціи, можно судить на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ намѣстникомъ Заіончекомъ изъ его служебныхъ поѣздокъ. Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ въ 1823 г. онъ даетъ слѣдующую характеристику развитія страны: „Нынѣшнее положеніе фабрикъ, видѣнныхъ мною въ воеводствахъ Мазовецкомъ и Калишскомъ сулитъ странѣ необычайное благополучіе (ńierospolitą pomyslność).

Я нашелъ фабрики возросшими болѣе, чѣмъ въ два раза какъ въ отношеніи числа вновь прибывшихъ ремесленниковъ, такъ и въ отношеніи количества вырабатываемыхъ ими издѣлій.

Мазовецкое воеводство такъ значительно шагнуло впередъ въ этомъ отношеніи, что я былъ пораженъ тѣмъ, что мнѣ пришлось увидѣть.

Не говоря объ Озорковѣ, Александровѣ, Константиновѣ, Избицѣ, такъ какъ эти мѣста обязаны своимъ перевѣсомъ надъ другими стараніямъ ихъ владѣльцевъ и давности промышленныхъ заведеній; но даже и правительственныя мѣстечки какъ Гостынинъ, Пржедечъ, Згержъ, Домбе и другія меньшія, гдѣ два года тому назадъ едва насчитывалось по нѣсколько сукнодѣловъ, теперь стали

---

[1]) „Все усиливающійся ростъ фабрикъ въ Мазовецкомъ воеводствѣ, доноситъ въ своемъ рапортѣ предсѣдатель воеводской комиссіи, есть результатъ введенія запретительной системы и установленія торговыхъ сношеній между Россіей и Царствомъ Польскимъ". Если въ нѣкоторые годы и случалось, что иностранцевъ прибывало меньше, то это объяснялось исключительно тѣми затрудненіями, какія прусское правительство чинило эмигрантамъ Оно привлекало ихъ къ ландверу, не выдавало паспортовъ Въ общемъ, несмотря на эти внѣшнія препятствія иммиграція въ Царствѣ Польскомъ стояла на высокомъ уровнѣ

значительными колоніями.. И мѣстечки нѣкогда жалкія, получили теперь блестящій видъ.

Въ Калишскомъ воеводствѣ находятся также цвѣтущія фабрики, наружнымъ видомъ превосходятъ даже мазовецкія, но числомъ суконъ дѣловъ уступаютъ послѣднимъ“ [1]).

Въ этой характеристикѣ для насъ важно указаніе на быстрый расцвѣтъ промышленности, происшедшій въ теченіе двухъ лѣтъ, расцвѣтъ, поразившій даже высшаго представителя власти, внимательно слѣдившаго за развитіемъ.

Этотъ прямо сказочный подъемъ промышленности былъ вызванъ ничѣмъ инымъ, какъ только благопріятными торговыми связями съ Россіей, создавшими обезпеченный рынокъ для польскихъ издѣлій

Въ промышленномъ развитіи двухъ воеводствъ Мазовецкаго и Калишскаго уже и въ это время наблюдались нѣкоторыя отличія Калишское воеводство, хотя насчитывало меньше станковъ, зато оно имѣло лучшія мануфактуры и располагало большими капиталами. Въ Мазовецкомъ воеводствѣ больше осѣло мелкихъ ткачей, въ Калишскомъ—больше капиталистовъ. Уже и въ это время т. е. въ началѣ 20-хъ годовъ въ Калишскомъ воеводствѣ насчитывалось нѣсколько крупныхъ предпринимателей. Въ отчетѣ по объѣзду фабрикъ въ 1823 г. упоминается Гарреръ въ г. Сѣрадзѣ, Репганъ въ Калишѣ и Фидлеръ въ Опатовѣ [2]).

Съ двадцатыхъ годовъ мы встрѣчаемъ въ архивныхъ документахъ болѣе обстоятельныя статистическія данныя. Такъ какъ польской промышленности были предоставлены значительныя преимущества по сбыту товаровъ въ Россію, то естественно русское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о числѣ промышленныхъ заведеній и станковъ, а равно и о ихъ производительности. Это могло бы облегчить контроль надъ ввозимыми въ Россію товарами изъ Царства Польскаго въ цѣляхъ предупрежденія ввоза иностранныхъ суконъ подъ видомъ польскихъ.

Какъ увидимъ ниже, въ торговыхъ договорахъ Россіи съ Царствомъ Польскимъ было спеціально оговорено условіе насчетъ собира-

---

[1]) Арх Ген. Губ.—Sek. V, 13 A 0 Fabr i Rękodz. Vol. 348. Протоколъ засѣданій Совѣта Управленія 24 іюня 1823 г.

[2]) Арх. Ген. Губ. Wyd Przemysłu i Kunsztów Akta.. tyczące się Objazdu Fabryk dróg i rzek Lit v l.

нія статистическихъ свѣдѣній. Понятно, въ этомъ было заинтересовано и польское правительство. Въ 1824 г. (7-го мая) намѣстникъ Заіончекъ даетъ такое порученіе министру внутр. дѣлъ: „ростъ фабрикъ и полезное его вліяніе на земледѣліе и торговлю зависитъ чуть ли не исключительно отъ свободы ввоза этихъ издѣлій въ Россію, гдѣ имѣется значительный сбытъ. Этой привилегіей мы должны дорожить. Между тѣмъ доходятъ свѣдѣнія, что въ столицѣ Имперіи и въ другихъ городахъ имѣется громадное количество иностраннаго сукна, якобы выдѣланнаго на польскихъ фабрикахъ. Это обстоятельство налагаетъ на польское правительство особенную заботливость о томъ, чтобы не ввозились въ Имперію подъ видомъ польскихъ иностранныя издѣлія". Въ виду сего намѣстникъ предлагаетъ доставить самыя точныя свѣдѣнія о мѣстныхъ фабрикахъ, проситъ министра осмотрѣть ихъ и представить отчетъ о ихъ числѣ, состояніи, количествѣ и качествѣ издѣлій и пр. [1]).

Это предложеніе показываетъ, какое значеніе высшія власти придавали собиранію статистическихъ свѣдѣній. Еще и до этого распоряженія намѣстника свѣдѣнія о фабрикахъ и станкахъ собирались довольно аккуратно. Каждая воеводская комиссія въ своихъ годовыхъ отчетахъ сообщала статистическія данныя о положеніи промышленности. Необходимо только имѣть въ виду, что низкій уровень развитія въ данную эпоху теоріи и техники статистики, а съ другой стороны, узко спеціальныя цѣли, преслѣдуемыя при собираніи данныхъ по промышленной статистикѣ, обусловили собой то, что эти свѣдѣнія далеко не могутъ быть названы удовлетворительными Они не даютъ никакихъ указаній по многимъ вопросамъ интереснымъ, какъ для экономиста, такъ и для статистика. Здѣсь мы не найдемъ данныхъ о заработной платѣ, продолжительности рабочаго дня, возрастномъ и половомъ составѣ рабочихъ и т. д.

На это особенно пенять не приходится, нужно быть благодарнымъ и за то, что есть. Если бы не торговыя связи съ Россіей, то весьма возможно до насъ не дошелъ бы и тотъ скудный матеріалъ, который мы имѣемъ сейчасъ.

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Wydział Przemysłu i Kunsztów Akta. tyczące się objazdu Fabryk, dróg i rzek Ogólne Lit Vol I, Предложеніе намѣстника отъ 7 мая 1824 г

Первыя болѣе полныя и точныя свѣдѣнія имѣются за 1823 г.

Предсѣдатель Мазовецкой воеводской комиссіи въ отчетѣ за 1823 г. даетъ такія свѣдѣнія о положеніи промышленности и фабричныхъ городовъ: „въ теченіе отчетнаго года въ Згержѣ осѣло однихъ мастеровъ сукнодѣловъ—193. Згержъ является однимъ изъ наиболѣе промышленныхъ поселеній въ странѣ и можетъ быть названъ ихъ столицей

Лодзь въ этомъ году будетъ окончательно приспособлена для устройства фабричной колоніи. Въ ней поселился уже одинъ красильщикъ, девять мастеровъ сукнодѣловъ, девять ремесленниковъ, занимающихся постройкой домовъ и ткацкихъ машинъ, и затѣмъ нѣсколько подмастерьевъ и учениковъ. Поселился еще одинъ мастеръ музыкальныхъ инструментовъ, который уже успѣлъ продать нѣсколько дюжинъ скрипокъ.

Городъ Домбе долженъ быть названъ матерью всѣхъ сукнодѣльныхъ колоній въ Мазовецкомъ воеводствѣ, такъ какъ еще во время прусскаго владычества здѣсь были поселены нѣмецкіе сукнодѣлы".

Аналогичныя данныя сообщаются и о другихъ городахъ, о ихъ регулированьи, постройкѣ домовъ, сукноваленъ, прорытіи каналовъ и пр. Высказывается надежда, что и эти города не замедлятъ наполниться иностранными колонистами.

Въ этомъ отчетѣ мы находимъ слѣдующую сводную таблицу суконнаго производства за 1823 г.

Названіе городовъ и селъ.	Мастеровъ сукнодѣловъ.	Станковъ.	Подмастерьевъ.	Стригальниковъ.	Красильниковъ	Суконваленъ, принад. гор.	Прядиленъ.	Еженедѣльная выдѣлка сукна въ поставахъ
Куявскій у.								
Бабіакъ	13	13	2	„	„	2	„	1.449
Бродовъ . . .	12	12	24	„	1	„	„	2.086
Ходечъ	15	19	9	„	1	1	„	915
Добешево	10	10	„	„	„	„	„	141
Избица	43	45	44	1	1	2	„	3.912
Любранецъ . . .	18	20	5	„	„	„	„	1.186

Названіе городовъ и селъ.	Мастеровъ суконщ-товъ	Станковъ.	Подма-стерьевъ	Стригаль-щиковъ.	Краснль-щиковъ	Сукнова-ленъ. прина-дл. гор	Прядп-лень	Еженедѣль-ная выдѣл-ка сукна въ поставахъ
Любень . . .	12	12	5	„	.	„	„	720
Нешава	8	8	„	„	.	„		453
Пржедечъ . . .	46	46	49	3	1	1	.	3 478
Піотрковъ . . .	3	3	„	„	„	„	„	150
Сомпольно . .	9	9	4	„	„		„	685
Служево	1	1	„	„	„	„	„	60
Ленчицкій у								
Александровъ . .	215	200	59	6	1	1	„	20 177
Домбе	91	92	57	3	1	1	„	12 594
Грабовъ	3	3	„	„	„	„		120
Константиновъ .	77	82	37	3	1	2	.	9.532
Ленчица	13	16	12	2	1	1	„	1 650
Лодзь	9	9	10	1	„	1	„	2 840
Озорковъ . . .	288	307	230	9	2	3	водян 1	26 059
Поддембице . . .	63	62	40	„	„	1	„	3,351
Парчевъ . . .	7	7	„	„	„	„	„	334
Згержъ	193	202	116	6	1	4	„	18.250
Равскій у.								
Антолинъ	55	54	66	2	1	1	.	3 849
Бржезины	169	163	46	2	1	4	„	11 310
Бѣла	6	6	„	„	„	„	„	211
Новое мѣсто . .	30	47	„	1	1	1	„	3 116
Рава	5	5	6	1	„	.	.	204
Регновъ	4	4	„	„	.	„	„	120
Скерневице	15	26	30	1	„	1	„	1 070
Струковъ	4	4	„	„	„	„	„	120
Томашовъ	37	56	75	2	„	1	„	2 086

Названіе городовъ и селъ	Мастеровъ сукнодѣловъ.	Станковъ.	Подмастерьевъ	Стригальщиковъ	Красильщиковъ.	Суконщиковъ, принадлежащихъ городу	Придильня	Еженедѣльная выдѣлка сукна въ поставахъ
Гостынинскій у								
Гостынинъ . . .	43	43	25	2	2	1	,	5 490
Гомбинъ . .	19	19	2	„	1	2	,	1 680
Кутно	8	8	„	„	„	„	„	1 338
Варшавскій у							конная	
Гроховъ . . .	3	11	14	„	„	2	1	804
Лешно . . .	2	34	35	„	„	„		3 520
Мщоновъ . .	3	3	.	.	„	„	,	200
Новый дворъ . . .	7	7	8	1	1	„	„	530
Сохачевскій у.								
Висьнитки	31	31	16	1	1	2	„	2 560
Итого . . .	1 590	1 699	1026	47	19	35	2	148.156

Изъ представленной таблицы видимъ, что преобладающую роль въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Мазовецкомъ воеводствѣ играло мелкое ткачество. Только рѣдкіе мастера имѣли по нѣсколько станковъ. Нормальный типъ—это сукнодѣлъ съ однимъ станкомъ и съ однимъ подмастерьемъ или даже безъ такового. Благодаря этому число подмастерьевъ меньше числа мастеровъ (1026 и 1590). Наиболѣе промышленными центрами являлись, судя по числу станковъ и по количеству вырабатываемаго сукна, Озорковъ, Александровъ, Згержъ, Домбе, Бржезины и Константиновъ, гдѣ выдѣлывалось сукна отъ 10 до 26 тыс. поставовъ и гдѣ число станковъ опредѣлялось отъ 77 до 288. Въ другихъ же городахъ производство сукна не превышало нѣсколькихъ тысячъ поставовъ, а число станковъ—нѣсколькихъ десятковъ и даже единицъ [1]).

[1]) Любопытно, что Лодзь—будущій польскій Манчестеръ, принадлежала къ числу городскихъ поселковъ съ слабо развитой промышленностью. Лодзь, какъ промышленный центръ была мало извѣстна даже и въ концѣ разсматриваемаго періода. Въ Tygod Peters. за 1883 г. была помѣщена корреспонденція

Прядиленъ во всемъ Мазовецкомъ воеводствѣ было двѣ—одна водяная въ Озорковѣ, другая конная въ Гроховѣ, городскихъ сукноваленъ—35.

Сукнодѣліе составляло основную отрасль промышленности въ названномъ воеводствѣ. Въ 1823 г. изъ этого воеводства было вывезено въ Россію товаровъ на сумму 2.805 928 зл. 10 гр.. изъ этой суммы на сукно приходилось 2.395.260 зл. Что касается другихъ отраслей текстильной промышленности, то о нихъ мы находимъ такія свѣдѣнія: хлопчатобумажныя издѣлія вырабатывались въ ничтожномъ количествѣ, пока только наблюдались зачатки этой отрасли производства. Наиболѣе значительное заведеніе—это бывшая правительственная фабрика ситцевъ, теперь Берксона въ Маримонтѣ. Льняныя издѣлія вырабатывались главнымъ образомъ крестьянами [1]).

Насколько быстро развилась промышленность въ Мазовецкомъ воеводствѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ моментъ образованія Царства Польскаго въ этомъ воеводствѣ, по офиціальнымъ даннымъ, существовала всего одна суконная фабрика въ Скерневицахъ, притомъ не работавшая, и нѣсколько десятковъ ткачей въ Домбе, Озорковѣ и другихъ мѣстахъ, выдѣлывавшихъ сукна низкаго сорта.

Благодаря наплыву иностранцевъ прежде всего возвысились города Озорковъ и Александровъ, въ періодъ отъ 1820 по 1823 г. возникли новыя города и фабричныя поселенія, какъ-то Константиновъ, Томашовъ, Поддембице, Гостынинъ, Гомбинъ, Згержъ, Пржедечъ, Избица, Ленчица, Рава и т. д. [2]).

Другимъ промышленнымъ райономъ въ Царствѣ Польскомъ являлось, какъ мы знаемъ, Калишское воеводство, гдѣ въ 1823 г. было мастеровъ сукнодѣловъ 582, подмастерьевъ 572 и станковъ 643. Годовое производство тонкаго сукна достигало 8,875 поставовъ

изъ II П., посвященная развитію промышленности. Авторъ корреспонденціи среди городовъ съ цвѣтущимъ состояніемъ промысловъ назвалъ Łodz Редакція журнала, очевидно, въ первый разъ слышавшая названіе этого города, поставила въ скобкахъ „Ломжа“ съ вопросительнымъ знакомъ См. Tygodnik Peters 1833 r № 27.

[2]) Арх Ген Губ. Og Akta... Rapportu rocznego 1823 r. Отчетъ предсѣдателя Мазовецкой воеводской комиссіи за 1823 г.

[1]) Арх. Ген. Губ Og Akta... Rap. rocznego 1828 Отчетъ предсѣдателя Мазовец воеводской комиссіи за 1828 г.

и простого—36,533 поставовъ Въ Россію было вывезено сукна на 1,112,850 зл.

Въ другихъ воеводствахъ сукнодѣліе было развито весьма слабо. Въ отчетѣ за 1824 г. даются такія свѣдѣнія о положеніи суконной промышленности въ этихъ воеводствахъ: въ Сандомірскомъ воеводствѣ только основалась фабрика тонкихъ суконъ на 100 станковъ Лянге и Кокериля въ Пржебожѣ, тамъ же возникла цѣлая колонія сукнодѣловъ. Въ Краковскомъ воеводствѣ предположено основаніе фабрики тонкихъ суконъ помѣщикомъ Конст. Волицкимъ, что касается Любельскаго, Подляскаго и Августовскаго воеводствъ, то въ ихъ промышленномъ развитіи отчетъ не нашелъ ничего достойнаго упоминанія.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ сукнодѣліе обнаружило быстрый расцвѣтъ въ Польшѣ. Этотъ прогрессъ суконной промышленности былъ подчеркнутъ и въ сводномъ отчетѣ генеральной дирекціи за 1824 г. Въ немъ указывалось на то, что суконная промышленность въ Польшѣ уже достигла такого уровня развитія, что не только удовлетворяетъ весь мѣстный спросъ, но работаетъ въ значительномъ числѣ и на внѣшній рынокъ. Поэтому правительство рѣшило обратить вниманіе на развитіе льняной и хлопчатобумажной промышленности [1]).

Въ Польшѣ льняное производство было широко развито въ крестьянскомъ быту. Правда, здѣсь выдѣлывались только грубыя полотна, тонкіе же сорта выписывались изъ Голландіи, Саксоніи и Силезіи

Въ цѣляхъ содѣйствія развитію льняного производства правительство воспользовалось тѣмъ средствомъ, которое было прежде всего примѣнено и къ сукнодѣлію [2]). Дирекція промышленности рѣ-

---

[1]) Арх Ген. Губ Og Akta . Rapporty rocznego 1824

[2]) Фляттъ различаетъ три эпохи въ развитіи промышленности въ Царствѣ Польскомъ Эпоха развитія суконныхъ мануфактуръ падаетъ на 1820—1823 гг, хлопчатобумажныхъ—1824 г. и льняныхъ—только на 1827 г. (См. Oscar Flatt-Opis miasta Łodzi W. 1853, str. 60). Такимъ образомъ, начало льняной промышленности Оскаръ Фляттъ относитъ къ 1827 г. Повидимому, эта дата взята имъ потому, что въ этомъ именно году переселился въ Лодзь Титъ Копишъ, намѣревавшійся взять въ свои руки оптовую торговлю полотномъ и его отдѣлку. Едва ли правильно пріурочивать къ этому моменту зарожденіе льняной промышленности. Предпріятіе, основанное Копишемъ въ Лодзи, являлось скорѣе не фабрикой, а торговымъ домомъ. Онъ получилъ раз-

шила передать поставку полотна для войскъ въ руки мѣстныхъ производителей Съ этой цѣлью были посланы комиссары въ Калишское и Любельское воеводство, гдѣ было болѣе развито полотняное производство, которые и закупили нѣсколько сотъ тысячъ локтей пол Это обстоятельство послужило первымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію указанной отрасли производства.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ еще не было сколько-нибудь значительныхъ предпріятій въ этой области производства. Существовали только одиночные мастера, которые занимались выдѣлкою среднихъ сортовъ полотна Они не могли даже давать ему окончательной отдѣлки, такъ какъ не имѣли ни бѣльниковъ, ни катковъ Въ одномъ изъ отчетовъ по Калишскому воеводству указывались слѣдующія причины слабаго развитія льняной индустріи: во-первыхъ, отсутствіе оптовиковъ, которые скупали бы суровое полотно для отдѣлки и затѣмъ продажи, во вторыхъ, неорганизованность торговли льняной пряжей, въ силу чего ткачи не всегда могли имѣть подъ руками нужное имъ сырье. Правительство, желая поднять эту отрасль, предприняло уже въ 1824 г. рядъ работъ по приспособленію г. Лодзи подъ колонію мастеровъ льняныхъ издѣлій. Выборъ палъ на Лодзь въ виду слѣдующихъ удобствъ ея мѣстоположенія—обилія мягкой и чистой воды, наличности спада водъ, необходимаго для катковъ и бѣлиленъ, и наконецъ значительнаго числа швабскихъ колонистовъ въ окрестностяхъ Лодзи, занимавшихся разведеніемъ льна.

Одновременно съ этимъ правительство вело переговоры съ разными иностранными предпринимателями относительно учрежденія крупныхъ предпріятій льняныхъ издѣлій, съ болѣе совершенной техникой. Еще когда были начаты работы по устройству колоніи ткачей, къ правительству обратился съ предложеніемъ основать по-

---

рѣшеніе на ввозъ льняной пряжи въ размѣрѣ 155,000 ф частью безпошлинно, а частью съ оплатой только 2 гр отъ фунта изъ-за границы. Эту пряжу Комишъ раздавалъ окрестнымъ ткачамъ, а затѣмъ выработанныя ими полотна подвергалъ апрегурѣ. Кромѣ того, ему было дано право на безпошлинный ввозъ дорогихъ льняныхъ издѣлій Онъ ввозилъ ихъ постепенно и снабжалъ Царство Польское такими тканями, „которыя, по выраженію современника, Польша еще долго не въ состояніи будетъ выдѣлывать". См. Prof Ant Hann-Uwagi nad niektoremi gałęziami Przemysłu krajowego Отт. изъ Pamietnika Umiejętności fizicznych 1830 r str 15 и д

лотняную фабрику нѣкій Бланкъ изъ Эрбельфельда. Съ этой же цѣлью польское правительство само вступило еще въ 1822 г. въ переговоры съ извѣстнымъ инженеромъ-изобрѣтателемъ Жираромъ [1]). Въ 1825 г. уже былъ заключенъ съ нимъ контрактъ на устройство большой фабрики механическаго пряденья льна и пеньки. Правительство обязывалось за свой счетъ купить нужныя машины, устроить помѣщенія и предоставить Жирару, какъ директору фабрики, $^1/_6$ ея годового дохода. Задуманное предпріятіе не получило своего осуществленія Въ офиціальныхъ документахъ неуспѣхъ этого начинанія объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Жираръ былъ посланъ кн. Любецкимъ въ Англію по горнозаводскимъ дѣламъ Скорѣе можно думать. что дѣйствительной причиной неуспѣха являлись затрудненія въ полученіи прядильныхъ машинъ. Вывозъ ихъ изъ Англіи, какъ извѣстно, былъ воспрещенъ.

Въ 1830 г. правительство заключило контрактъ на устройство фабрики съ акціонерной компаніей подъ фирмой Шольце и К°, которой Жираръ переуступилъ свои права. Эта компанія обязалась устроить механическую льнопрядильню въ Гузовскихъ имѣніяхъ. Пока строилось здѣсь помѣщеніе, фабрика съ паровымъ двигателемъ была пущена въ ходъ въ наемномъ помѣщеніи въ Маримонтѣ. Число веретенъ на ней достигало 720. Въ честь Жирара поселеніе, гдѣ была построена фабрика, переименовали въ Жирардовъ. Уже въ 1834 г. здѣсь было въ дѣйствіи 1740 вер. и 200 ткацкихъ станковъ при 311 рабочихъ. Таково начало извѣстной теперь Жирардовской мануфактуры [2]).

Въ тѣхъ же цѣляхъ развитія льняной промышленности правительство заключило контрактъ въ 1827 г. съ Копишемъ для устройства въ Лодзи фабрики полотна и столоваго бѣлья [3]). Извѣстный намъ

---

[1]) Арх. Ген. Губ Og Akta... tyczące się Rapportu rocznego 1822. Отчетъ генеральной дирекціи промыш и искусствъ О Жирарѣ см Кулишеръ—выше цит. II, стр. 68.

[2]) Арх. Каз. Пал. Akta Kom Rz. S W D. i Osw Publ. tyczące się Towarzystwa zakładu wspólki z P Girard przędzalni lnu i konopi. Vol I См. Dom Bocianskiego—Rys statystyczny Przemysłu Królestwa Polskiego—Biblioteka Warszawska 1873, t. II Боцянскій ошибочно относитъ образованіе этой компаніи къ 1831 г, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности она возникла въ 1830 г. еще до ноябрскаго возстанія

[3]) Арх. Каз Пал. Akta . tyczące się Fabryki płotna i bielizny stolowej P Kopisch u Lodzi Lit K. V. I—V.

Рембелинскій, предсѣдатель Мазовецкой воеводской комиссіи въ своемъ донесеніи о согласіи Копиша устроить фабрику указываетъ, что эта отрасль промышленности еще неизвѣстна въ странѣ, фабрикантовъ, выдѣлывающихъ льняныя ткани еще не существуетъ въ Царствѣ Польскомъ. Если и имѣются отдѣльные мастера, чаще всего земледѣльцы, то ихъ издѣлія далеки отъ совершенства. Копишъ, извѣстный силезскій фабрикантъ, послѣ ознакомленія съ разными воеводствами, остановилъ свой выборъ на Лодзи, какъ самомъ подходящемъ мѣстѣ для фабрики.

Правительство охотно приняло предложеніе Копиша и дало ему рядъ льготъ, начиная съ ссуды въ 30,000 зл и кончая безпошлиннымъ ввозомъ 1,000 цент. полотна[1]). Съ своей стороны, Копишъ обязывался покупать отъ мѣстныхъ ткачей полотна, надлежащимъ образомъ изготовленныя, бѣлить и отдѣлывать ихъ и затѣмъ вести оптовую торговлю ими. Копишу были уступлены постройки, начатыя въ Лодзи за счетъ казны для бѣлильни.

Были попытки насадить въ Царствѣ Польскомъ и шелковое производство. Въ 1824/5 г. оно дало ссуду фабриканту Дан. Квану, знавшему шелко-ткацкое производство—1,800 руб. сер. и затѣмъ израсходовало на покупку шелка сырца за-границей, розданнаго заимообразно фабрикантамъ, 2,398 руб. сер. $10^1/_2$ коп. Изъ этой затѣи ничего не вышло: самъ Кванъ умеръ въ нищетѣ, разорились и другіе предприниматели. Другихъ попытокъ въ этомъ родѣ въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго не было[2]).

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что иностранные предприниматели очень дорожили льготой безпошлиннаго ввоза иностранныхъ фабрикантовъ или сырья и въ контрактахъ всегда выговаривали себѣ такую льготу. Какіе подарки въ этомъ случаѣ правительство дѣлало фабрикантамъ, видно хотя бы изъ того, что за 1000 цент. полотна Копишъ долженъ былъ уплатить пошлины 346 666 зл 20 гр. Фабричный комиссарь Дунинъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ по устройству фабричныхъ колоній на правомъ берегу Вислы указываетъ на то, что предоставленіе права безпошлиннаго ввоза тканей по 3 цент. на станокъ ткачамъ, осѣвшимъ въ Лодзи, имѣло огромное значеніе. Это дало имъ по 1000 зл. на одинъ станокъ Крупные предприниматели, получавшіе еще большія льготы по безпошлинному ввозу тканей, отправивъ привезенный товаръ въ Варшаву, сразу составляли большіе капиталы. См Арх. Ген Губ. Ogólne akta. tyczące się osad fabrycznych Zawislanskich V. I, изъ рапорта 9 декабря 1826 г

[2]) Арх Ген. Губ. Sek V, 13 A v. 348 VI.

Не меньше заботъ прилагало правительство Царства Польскаго и къ развитію хлопчатобумажной промышленности съ того момента, когда сукнодѣліе стало на твердыя ноги. Для развитія этой отрасли производства въ Польшѣ не было благопріятной почвы: во-первыхъ, не было широкаго рынка сбыта, въ Россію ввозъ бумажныхъ тканей изъ Польши былъ совершенно воспрещенъ, во-вторыхъ, сильная конкуренція русскихъ бумажныхъ издѣлій и наконецъ, высокія пошлины на хлопчатобумажную пряжу [1]). Не взирая на эти неблагопріятныя условія зарожденіе хлопчатобумажной промышленности произошло въ разсматриваемый періодъ около 1823—1824 г. На эти годы падаетъ первая завязь данной отрасли производства [2]). Уже въ 1824 г. въ Калишскомъ воеводствѣ насчитывалось 354 бумаготкацкихъ станка По даннымъ 1825 г. въ этомъ воеводствѣ вырабатывалось бумажныхъ тканей 596,528 локт. и 8,300 паръ чулокъ, въ Мазовецкомъ воеводствѣ 251,890 лок. и 4,200 паръ чулокъ, всего въ 1825 г выработано бумажныхъ тканей 848,418 локтей; количество ежегодно ввозимыхъ бумажныхъ тканей достигало 3,426,270 локт., слѣдовательно, отечественное производство уже въ 1825 г. равнялось $^1/_4$ части всего ввоза [3])

Такимъ образомъ, въ половинѣ двадцатыхъ годовъ въ Царствѣ Польскомъ рядомъ съ окрѣпшей суконной промышленностью наблюдаются первые зачатки льняного и хлопчатобумажнаго производства.

Въ исторіи развитія хлопчатобумажной промышленности въ Царствѣ Польскомъ весьма важное мѣсто занималъ вопросъ о бу-

---

[1]) Въ отчетѣ Калишской воеводской комиссіи за 1825 г. указывается слѣдующія причины слабаго развитія хлопчатобумажной промышленности: 1) высокая пошлина на хлопчатобумажную пряжу и 2) контрабанда, вызываемая отсутствіемъ правилъ о контролѣ мѣстныхъ издѣлій

[2]) См. Dom. Bociarskiego—выше цит. str. 4.

[3]) Арх. Ген. Губ Og. Akta.. tyczące się fabryki Drukarni Perkali i innych Tkanek Въ отчетѣ, представленномъ на сеймъ 1825 г, мы находимъ такія данныя о положеніи хлопчатобумажной промышленности: „Матеріалъ для нея доставляется черезъ Россію, Тріестъ, Гданскъ и др. порты. Въ Калишское воеводство переселилось значительное число ткачей и оно съ каждымъ днемъ (codziennе) возрастаетъ Въ Мазовецкомъ воеводствѣ также возникло нѣсколько ткацкихъ заведеній. Для этой отрасли весьма важнымъ является основаніе въ странѣ бумагопрядильныхъ заведеній. Одно изъ такихъ заведеній уже возникло на частныя средства въ Липковѣ, другое—въ Лодзи Вендиша при поддержкѣ правительства См. Dyaryusz Seymu 1825 г.

мажной пряжѣ. Въ отчетахъ воеводскихъ комиссій не разъ указывалось на тѣ затрудненія, которыя испытывали мелкіе производители благодаря высокимъ пошлинамъ, взимаемымъ съ иностранной бумажной пряжи. Царство Польское еще не имѣло такихъ бумагопрядиленъ, которыя въ состояніи были бы удовлетворить весь спросъ на пряжу со стороны уже существовавшихъ въ странѣ бумаготкацкихъ станковъ При такихъ условіяхъ пониженіе пошлинъ на пряжу являлось первымъ условіемъ успѣшнаго развитія хлопчатобумажнаго производства Въ этомъ духѣ и начали поступать къ правительству ходатайства. Послѣднее отнеслось сочувственно къ нимъ и въ мартѣ 4-го 1825 г значительно понизило пошлину на заграничную пряжу [1])

Разумѣется, это пониженіе пошлинъ существенно затрагивало интересы тѣхъ предпринимателей, которые выдѣлывали пряжу. И вотъ одинъ изъ нихъ, Пасхалисъ, подалъ 26 марта 1825 г прошеніе, гдѣ, жалуясь на свое тяжелое положеніе, ходатайствуетъ о томъ, чтобы новой льготой (пониженіемъ пошлины) пользовались исключительно фабриканты, извѣстные, какъ таковые комиссіи вн. д., а купцы и спекулянты платили бы пошлину въ прежнемъ размѣрѣ

Какъ ни странно само по себѣ было это предложеніе, но правительство его приняло. Постановленіе о пониженіи пошлинъ было истолковано 26 апр. 1825 г. въ томъ смыслѣ, что оно распространяется только на производителей бумажныхъ тканей: причемъ комиссія вн. д опредѣляетъ то количество пряжи, которое нужно для каждаго изъ нихъ. Безъ этого условія пряжа, ввозимая изъ-за границы, подлежала оплатѣ пошлинъ по общему тарифу.

Такое разъясненіе сразу же должно было парализовать благодѣтельное дѣйствіе указанной мѣры. Болѣе крупные предпринима-

---

[1]) По тарифу 1823 г пошлина съ бѣлой и цвѣтной бумажной пряжи взималась въ размѣрѣ 2 зл и 10 гр съ фунта: постановленіемъ 4 мар 1825 г пошлины были понижены слѣдующимъ образомъ:

а) отъ фун. заграничной бѣлой пряжи	.	25 гр.
„ „ цвѣтной „	. .	1 зл
„ турецкаго пунцоваго цвѣта пр		1 зл 10 гр
б) отъ пряжи, ввозимой изъ Россіи		
„ фун. бѣлой	. . . .	14 гр
„ „ цвѣтной	. . . . .	17 „
„ „ пунцовой	. . . . .	22 „

См Арх Ген. Губ Akta . tyczące się fabryk wyrobków bawełnianych, vol I.

тели могли безъ особаго труда пользоваться этой льготой, зато для мелкихъ ткачей ставились почти непреодолимыя преграды.

Когда выяснилось, что эта льгота не улучшила положенія бѣдныхъ ткачей, тогда правительство придумало слѣдующій выходъ изъ созданнаго имъ затрудненія Оно организовало институтъ особыхъ складниковъ, которые за свидѣтельствомъ воеводскихъ комиссій получали разрѣшеніе на ввозъ иностранной пряжи по льготному тарифу Изъ этихъ складовъ ткачи могли получать пряжу на льготныхъ условіяхъ. Такъ комиссіей вн. д. былъ заключенъ съ купцомъ Леве договоръ объ устройствѣ имъ склада пряжи, откуда за умѣренную плату ткачи могли бы получать нужный имъ матеріалъ. Складъ поступалъ подъ надзоръ комиссара фабрикъ[1]). Эта мѣра также не достигла своей цѣли, какъ видно изъ донесенія комиссара фабрикъ отъ 2 авг. 1828 г. „Для удобства ткачей, пишетъ онъ, былъ устроенъ складъ пряжи по контракту съ Леве. Надѣялись этимъ улучшить положеніе ткачей, между тѣмъ послѣдніе являются часто ко мнѣ съ жалобами на то, что складъ не всегда имѣетъ требуемые номера, поэтому станки остаются часто въ бездѣйствіи. Случается, что пряжа совершенно никуда не годится; это также наноситъ имъ большой ущербъ“.

Въ цѣляхъ устраненія этихъ неудобствъ, одни ткачи начали выписывать пряжу на собственное имя, другіе просили объ открытіи новаго склада, чтобы создать такимъ путемъ конкуренцію, которая заставила бы складниковъ внимательнѣе относиться къ нуждамъ своихъ кліентовъ. Съ этой цѣлью они рекомендовали въ складники мѣстнаго купца Эпштейна.

Это донесеніе ясно показываетъ, что складники, занявъ монопольное положеніе, совершенно игнорировали интересы мелкихъ производителей, нерѣдко сбывая имъ никуда негодный товаръ. Въ концѣ концовъ правительство должно было придти къ тому заключенію, что цѣлесообразнѣе всего предоставить каждому право ввозить заграничную пряжу съ оплатой пониженныхъ пошлинъ.

Комиссіи вн. д. предстояло рѣшить вопросъ о томъ, какое вліяніе это обстоятельство окажетъ на отечественныя бумагопрядильни? Сущность соображеній, высказанныхъ комиссіей, заключалась въ слѣдующемъ. Въ Царствѣ Польскомъ было двѣ бумаго-

[1]) См. Арх Ген. Губ —Og. Akta.. Rapporty roczuego z roku 1828.

прядильни—одна въ Липковѣ—Пасхалиса, другая въ Лодзи—Вендиша. Что касается первой, то она не въ состояніи была удовлетворить потребность въ пряжѣ своего бумаготкацкаго отдѣленія. Вендишъ же обязался устроить въ теченіе двухъ лѣтъ прядильню изъ 8 полныхъ ассортиментовъ, причемъ по 13 пункту договора правительство обезпечивало, что ввозъ заграничной пряжи и бумажныхъ тканей будетъ стѣсненъ, въ случаѣ эти товары будутъ доставляться въ достаточномъ количествѣ отечественными фабриками.

Въ дѣйствительности оказалось, что Вендишъ не поставилъ даже половины того количества прядильныхъ машинъ, которое было условлено по контракту. Кромѣ того, его прядильня не въ состояніи вырабатывать пряжу тѣхъ сортовъ и номеровъ, какіе требовались въ странѣ.

Комиссія вн. д. ссылалась еще на то, что пошлина въ 25 гр. съ фунта все таки высока сравнительно съ другими странами, напр. Пруссіей, гдѣ пошлина равнялась 3 гр. съ ф., или съ Саксоніей, и тѣмъ не менѣе въ этихъ странахъ существовали прядильни болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ въ Царствѣ.

Въ заключеніе комиссія пришла къ такимъ выводамъ: 1) возрастающее число ткацкихъ заведеній въ странѣ, при стѣсненіи торговли пряжей, встрѣтило бы много неудобствъ; 2) двѣ существующія въ странѣ прядильни не могутъ удовлетворить всей потребности въ пряжѣ; 3) пошлина въ 25 гр. съ ф. достаточна для развитія отечественнаго бумагопряденія; 4) благодаря пониженію пошлинъ, возрастетъ число ткацкихъ заведеній, а это повыситъ спросъ на пряжу; отечественная пряжа будетъ имѣть все-таки нѣкоторое преимущество благодаря пошлинѣ въ 25 гр Въ виду сказаннаго комиссія предполагала сдѣлать общей льготу, предоставленную раньше только фабрикантамъ. Это предложеніе комиссіи вн. д. и было принято 21 янв. 1829 г.

Безъ сомнѣнія, послѣднее обстоятельство сильно содѣйствовало быстрому росту хлопчатобумажной промышленности въ концѣ изслѣдуемаго періода.

Что̀ изъ себя представляли въ изслѣдуемый періодъ польскіе промышленные города и колоніи? Для характеристики воспользуемся данными офиціальнаго отчета по объѣзду промышленныхъ районовъ въ 1825 г.

Начинается отчетъ описаніемъ *Гостынина*, который изображается какъ чистый и уютный городокъ, напоминающій силезскіе или чешскіе города. Дома большею частью каменные, крытые черепицей. Въ нихъ живетъ обычно по 3—4 семьи мастеровъ, очень часто свыше 30 человѣкъ въ одномъ домѣ. „Семьи мастеровъ несравненно болѣе плодовиты, чѣмъ семьи нашихъ земледѣльцевъ“, замѣчаетъ по этому поводу составитель отчета. Въ городѣ находилось болѣе 90 мастеровъ, выдѣлывавшихъ 900 поставовъ сукна. „Всѣмъ довольны, жалуются только на дороговизну шерсти, что приписываютъ перекупничеству евреевъ. За построенный молитвенный домъ и школу глубоко благодарны“.

Въ *Пржедечь* насчитывалось 80 сукнодѣловъ, вырабатывавшихъ около 3.500 поставовъ сукна. „Сукно большею частью скупается евреями. Нѣкоторые фабриканты, скупая лучшія сукна въ Згержѣ, Озорковѣ и Варшавѣ и давши ему аппретуру, вывозятъ за границу. И въ Пржедечѣ всѣ жалуются на быстрое повышеніе цѣнъ на шерсть. Евреи, которыхъ здѣсь очень много, тормозятъ развитіе мануфактуръ и фабрикъ. Другая бѣда этой колоніи заключается въ томъ, что почти всѣ одиночки-ткачи обязались доставить по нѣсколько десятковъ и сотенъ штукъ сукна Нейнарку, поставщику арміи, по весьма низкой цѣнѣ. Теперь въ виду дороговизны шерсти они всѣ несутъ большіе убытки. Просятъ о помощи“.

„*Ленчица* имѣетъ только 16 сукнодѣловъ, большинство ихъ держитъ цѣлыя суконныя мануфактуры: такіе сукнодѣлы имѣютъ собственную прядильню и всѣ нужныя для нея машины, по нѣсколько станковъ, стригальныхъ столовъ и красильни шерсти. Каждый изъ нихъ держитъ рабочихъ отъ 20 до 30 чел.“

„Въ *Озорковѣ* имѣется около 400 станковъ, среди мастеровъ— много зажиточныхъ. Быстрое развитіе этого города обязано военнымъ поставкамъ“.

„Въ *Згержѣ* еще въ 1823 г. было только нѣсколько еврейскихъ домиковъ, крытыхъ рваными крышами. Въ теченіе $1^1/_2$ года видъ города совершенно измѣнился: множество домовъ, крытыхъ черепицею, широкія и чистыя улицы. Прямо не вѣришь своимъ глазамъ. Насчитывается 500 мастеровъ, выдѣлывающихъ 300.000 лок. тонкаго сукна и 400.000 лок. средняго, всего на 6 мил. зл. Своимъ быстрымъ развитіемъ Згержъ обязанъ своему центральному положенію. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ фабричными и мануфак-

турными заведеніями, которыя съ такими стараніями основывались правительствомъ и частными лицами надъ рѣками Вартой, Наревомъ и Бзурой. Его выгодное положеніе благопріятствовало концентраціи въ немъ всей внутренней и внѣшней торговли сукномъ. Згержъ является обычнымъ мѣстомъ съѣзда для отечественныхъ и иностранныхъ купцовъ Покупатель сукна можетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ посѣтить изъ Згержа всѣ наши города, занимающіеся сукнодѣліемъ—Озорковъ, Коло, Домбе, Пржедечъ, Гостынинъ, Пабіяницы, Александровъ, Константиновъ, Лодзь и т. д.“

„Въ *Александровѣ* незамѣтно прогресса. Нѣтъ болѣе крупныхъ предпринимателей, а имѣются только одиночные ткачи. И тутъ жалуются на вздорожаніе и недостатокъ шерсти. Много станковъ стоитъ въ бездѣйствіи. Въ *Константиновѣ* слышатся тѣ же жалобы“.

„*Лодзь* небольшое правительственное мѣстечко, деревянное. Два года тому назадъ оно предназначено для устройства разныхъ фабрикъ. Положеніе его весьма удобно для означенной цѣли. Лодзь со всѣми своими обширными окрестностями лежитъ у возвышеннаго холма. Направленіе воды такъ легко урегулировать, что каждый мастеръ вблизи своего жилья можетъ имѣть воду въ потребномъ количествѣ. Вода чистая. По своимъ естественнымъ условіямъ это мѣсто весьма пригодно для всѣхъ видовъ мануфактуръ—бумажныхъ и льняныхъ, а не только для суконныхъ.

Сейчасъ тамъ находится 31 сукнодѣлъ съ 59 станками, бумагопрядильныхъ мастеровъ 27 съ 46 станками и мастеровъ, выдѣлывающихъ полотна—5. Возводится много построекъ для фабричныхъ предпріятій“

„Въ *Пабіяницахъ* возникаетъ новая колонія мастеровъ бумажныхъ и льняныхъ тканей, уже прибыло нѣсколько человѣкъ. Мѣсто очень удобное для такихъ заведеній, такъ какъ въ изобиліи имѣется чистая вода“.

Разсматриваемый нами отчетъ даетъ интересное описаніе одной изъ наиболѣе крупныхъ фабрикъ въ эту эпоху—именно суконной фабрики Гаррера въ Сѣрадзѣ. „Эта фабрика оборудована новѣйшими машинами. По внутреннему устройству и чистотѣ она является образцовой. Годовая производительность ея достигаетъ 6 тыс. поставовъ сукна. Работа идетъ днемъ и ночью. Въ теченіе 24 часовъ фабрика даетъ занятіе 1000 чел. Удивительный порядокъ на этой фабрикѣ, восклицаетъ обозрѣватель. Пріятно смотрѣть, какъ въ

раннее утро по восходѣ солнца рѣзво бѣгутъ изъ города на фабрику толпы людей старыхъ, среднихъ лѣтъ, молодыхъ и дѣтей и какъ съ заходомъ солнца они весело возвращаются домой, а другіе на ихъ мѣсто спѣшатъ изъ города на фабрику. Эта фабрика, очевидно, распространяетъ свое благодѣтельное вліяніе на всю окрестность".

Между прочимъ, Гарреръ просилъ о томъ, чтобы фабрикаты, перевозимые изъ ткацкихъ отдѣленій на валяльню, въ красильню, стригальню и обратно были освобождены отъ взиманія мостоваго сбора.

„Фабрика суконъ Фидлера въ Опатовѣ, судя по планамъ и обширности уже выстроенныхъ зданій, будетъ превосходить всѣ, существующія теперь въ Царствѣ. Въ настоящее время въ нанятомъ помѣщеніи находится въ дѣйствіи 45 станковъ".

Въ Пржедбожѣ обозрѣватель нашелъ нѣсколько большихъ домовъ, устроенныхъ Лянге для мастеровъ, впрочемъ еще нежилыхъ. „Эта фабрика, учрежденная подъ фирмой Лянге и Кокериль, пока выдѣлываетъ сукна изъ заграничной пряжи, безпошлинный ввозъ которой ей былъ разрѣшенъ. Когда фабрика окончательно будетъ устроена, то и дома, теперь пустые, будутъ заняты".

Въ заключеніе къ офиціальному отчету приложенъ рядъ просьбъ и ходатайствъ фабрикантовъ, которые довольно реально рисуютъ и положеніе промышленности, и отношеніе къ промышленному классу правительства. Одни ходатайствуютъ о постройкѣ кирхи, другіе—о назначеніи учителей, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, третьи просятъ о томъ, чтобы корреспонденція не залеживалась на почтѣ. Наконецъ, встрѣчаемъ просьбы объ устройствѣ заѣзжихъ дворовъ въ промышленныхъ центрахъ, гдѣ бы купцы могли находить спокойный пріютъ; о назначеніи хирурговъ въ важнѣйшіе промышленные центры, и наконецъ, о принятіи мѣръ противъ перекупничества евреями шерсти.

Отъ всѣхъ этихъ просьбъ вѣетъ патріархальностью и простотой отношеній. Промышленный классъ такъ привыкъ къ заботливой опекѣ правительства, что ждалъ отъ него удовлетворенія даже такихъ нуждъ какъ устройство храмовъ, постоялыхъ дворовъ и пр. Преобладающимъ типомъ въ эти годы являлось въ Ц. П. мелкое кустарное производство. Эти мелкіе производители не могли обойтись безъ содѣйствія правительства въ удовлетвореніи своихъ самыхъ насущныхъ потребностей.

Мелкіе ткачи всюду жалуются на недостатокъ шерсти, на ея дороговизну. Они склонны были обвинять евреевъ, занимавшихся перекупничествомъ. Причина указаннаго явленія, очевидно, лежала глубже. Жалобы эти раздавались преимущественно со стороны мелкихъ производителей.

Быстрое развитіе сукнодѣлія въ половинѣ двадцатыхъ годовъ усилило спросъ на шерсть, въ результатѣ цѣны на нее замѣтно поднялись Это повышеніе цѣнъ поставило въ затруднительное положеніе прежде всего мелкихъ производителей. Нѣкоторые изъ нихъ вынуждены были пріостановить свою промысловую дѣятельность. Крупные предприниматели не были такъ затронуты вздорожаніемъ шерсти Имъ легче было переложить вздорожаніе сырья на потребителей фабриката. Благодаря этому, конкуренція крупнаго производства дѣлалась не подъ силу мелкому. Въ эти годы уже существовало въ Ц. П. нѣсколько крупныхъ, а для того времени даже гигантскихъ предпріятій, какъ напр., фабрика Гаррера, на которой работало въ двѣ смѣны 1.000 чел. Съ какимъ восторгомъ и упоеніемъ описываетъ порядокъ и дисциплину на этой фабрикѣ офиціальный обозрѣватель. Какъ его поразила картина крупнаго капиталистическаго предпріятія, дотолѣ еще незнакомая Ц. П.! Онъ былъ такъ загипнотизированъ величіемъ этого новаго зрѣлища, что и не замѣтилъ его оборотной стороны, хотя бы той, что старики и дѣти должны были работать днемъ и ночью и значительное число часовъ. Онъ былъ такъ упоенъ новымъ зрѣлищемъ, что призналъ за этой фабрикой благодѣтельное вліяніе на все окрестное населеніе.

Первыя фабричныя колоніи возникли на лѣвомъ берегу Вислы. Эта мѣстность и достигла быстраго промышленнаго развитія и расцвѣта.

Промышленность сконцентрировалась преимущественно въ двухъ воеводствахъ — Мазовецкомъ и Калишскомъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ, что сюда направился главный потокъ иностранной иммиграціи.

Чѣмъ же вызывался усиленный притокъ иммигрантовъ въ указанныя воеводства?

Прежде всего они лежали ближе къ границѣ; слѣдовательно, съ условіями жизни въ этихъ воеводствахъ могли быть знакомы прусскіе или силезскіе ткачи, которые преимущественно и переселялись въ Ц. П. Здѣсь уже существовали нѣмецкія колоніи, воз-

никшія еще въ эпоху независимаго существованія Речи Посполитой и въ особенности въ эпоху прусскаго владычества.

Изъ указанныхъ двухъ воеводствъ иммигранты оказывали предпочтеніе Мазовецкому. Объясненія этого явленія нужно искать въ условіяхъ вывоза польскихъ издѣлій въ Россію. Послѣ установленія свободы торговли въ отношеніяхъ между Россіей и Ц. П. (1819 г.) требовалось для ввоза польскихъ издѣлій въ Имперію представленіе свидѣтельства, которое выдавалось Главнымъ Тамож. Управленіемъ въ Варшавѣ. Такъ какъ Варшава входила въ составъ Мазовецкаго воеводства, то для промышленниковъ было выгоднѣе селиться невдалекѣ отъ нея. Всѣ тогдашніе центры промышленности, какъ Озорковъ, Згержъ, Константиновъ, Лодзь расположены невдалекѣ другъ отъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ лежатъ сравнительно недалеко отъ Варшавы. Важно то, что при вывозѣ издѣлій въ Россію, Варшава лежала по пути.

Послѣ 1823 г., когда были установлены новыя правила о свидѣтельствахъ происхожденія, уже теперь выдававшихся воеводскими комиссіями, то опять въ болѣе благопріятномъ положеніи оказалось Мазовецкое воеводство. Въ Калишскомъ воеводствѣ для полученія этого свидѣтельства изъ многихъ городовъ приходилось совершать длинный путь въ Калишъ, лежавшій въ сторонѣ отъ торговыхъ трактовъ въ Россію. Отсюда въ Калишскомъ воеводствѣ наблюдалось тяготѣніе промышленности къ г. Калишу, гдѣ она и сконцентрировалась. Многіе же промышленники изъ-за неудобствъ вывоза суконъ въ Россію покидали Калишское воеводство и переселялись въ Мазовецкое. По этому поводу мы слышимъ постоянныя жалобы предсѣдателя Калишской воеводской комиссіи.

Въ отчетахъ по Калишскому воеводству не разъ встрѣчаются указанія на то, что „многіе сукнодѣлы изъ мѣстъ, отдаленныхъ отъ Калиша, переселяются въ Мазовецкое воеводство исключительно въ виду болѣе легкаго сбыта суконъ въ Россію благодаря сокращенію дороги на 18—20 миль“ [1]). На неудобства правилъ о вывозѣ суконъ въ Россію жаловались и сами мастера. Такъ уполномоченный г. Коло (Калиш. во—ства) ходатайствуетъ о томъ, чтобы правительство разрѣшило отправлять сукно, предназначенное на вывозъ въ Россію,

[1]) Арх. Ген. Губ.—Og. Akta Rapportu rocznego, 1829

въ Варшаву, а не въ Калишъ, такъ какъ это увеличиваетъ значительно транспортные расходы [1]).

„Сукнодѣлие достигло наибольшаго процвѣтанія въ Мазовецкомъ воеводствѣ и Калишскомъ вблизи самаго Калиша, писалъ въ прошеніи отъ 1827 г. извѣстный фабрикантъ Лянге, благодаря удобствамъ экспедиціи суконъ въ Россію Купецъ, закупивши сукно въ разныхъ городахъ и посадахъ Мазовецкаго воеводства, свозитъ его въ Варшаву и отсюда отправляетъ въ одной пачкѣ въ Россію. Между тѣмъ, если онъ захочетъ купить сукно въ Пржедбожѣ, то долженъ сначала отправить его въ Радомъ, лежащій въ 13 миляхъ. Расходы по перевозкѣ сукна для контроля совершенно не окупятъ прибыли, получаемой отъ продажи. Поэтому русскіе купцы совершенно не ѣздятъ за предѣлы Мазовецкаго воеводства". Мелкіе ткачи толпами переселялись въ Мазовецкое воеводство. Правительство принимало противъ этого свои мѣры, но онѣ оказывались безрезультатными.

Большимъ плюсомъ для Мазовецкаго воеводства являлось и то, что поставка суконъ для войска была передана исключительно этому воеводству [2]).

Слѣдуетъ еще добавить, во главѣ Мазовецкаго воеводства въ данную эпоху стоялъ такой предпріимчивый и энергичный человѣкъ, какъ Рембелинскій, глубоко преданный своему дѣлу, нещадившій силъ для содѣйствія промышленному развитію своего воеводства. Онъ умѣлъ выхлапатывать особыя льготы для своего воеводства, получать болѣе значительныя ссуды. Этотъ толковый предсѣдатель воеводской комиссіи всегда стоялъ на стражѣ интересовъ своихъ промышленниковъ; къ тому же еще онъ особенно оберегалъ интересы мелкихъ производителей. Такая энергичная личность могла оказать извѣстное вліяніе на направленіе иностранной иммиграціи.

Правительство во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ обратило вниманіе на воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, въ цѣляхъ насажденія фабричной промышленности и въ этихъ мѣстахъ. Толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ самимъ намѣстникомъ.

Послѣдній, объѣзжая въ 1825 г. Плоцкое и Августовское воеводства, по обыкновенію подѣлился своими впечатлѣніями съ Совѣтомъ Управленія. „Мѣста, лежащія на правомъ берегу Вислы, пи-

---

[1]) Ibid, Sek. V, 13 A., v. 348, IV

[2]) Ibid, Sek V, 13 A., v. 348, III

салъ намѣстникъ, представляютъ совершенно иной видъ сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ воеводствахъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ. Въ послѣднихъ дороги полны купцовъ, въ мѣстечкахъ значительное оживленіе, всюду видна жизнь, наоборотъ, на правомъ берегу, дороги пустынны, мѣстность глухая, жители городовъ пребываютъ въ въ праздной (gnuśney) бездѣятельности. Въ этомъ различіи нужно видѣть вліяніе фабричныхъ заведеній, существующихъ на лѣвомъ берегу и отсутствующихъ на правомъ".

По мнѣнію намѣстника, правительство должно облегчить устройство мануфактуръ въ болѣе значительныхъ городахъ этой части Ц. П., напр., въ Пултускѣ, Остроленкѣ, Ломжѣ, Августовѣ. Для начала намѣстникъ поручилъ устройство фабричныхъ колоній въ указанныхъ воеводствахъ Дунину, занимавшемуся раньше устройствомъ городовъ и фабрикъ въ Калишскомъ воеводствѣ и обнаружившему здѣсь энергію и распорядительность [1]).

Дунинъ немедленно приступилъ къ выполненію даннаго ему порученія и уже 1 окт. 1825 г. представилъ рапортъ о томъ, что братья Patzer хотятъ устроить красильню въ Пултускѣ или Остроленкѣ и просятъ выдать имъ паспорта и авансъ на дорогу. Попутно онъ указывалъ, что богатые фабриканты воздерживаются отъ переселенія въ новыя мѣста. „Нужно начать съ болѣе бѣдныхъ, а за ними пойдутъ и богатые. Подснѣжники весной появляются раньше другихъ цвѣтовъ".

Въ этомъ же рапортѣ Дунинъ представилъ свой планъ устройства фабричныхъ колоній. Среди подготовительныхъ мѣропріятій онъ указалъ регуляцію городовъ, устройство кирпичныхъ заводовъ, составленіе плановъ рѣкъ, посылку за-границу эмиссаровъ для привлеченія мастеровъ—одного въ Саксонію. другого въ Силезію и третьяго въ Пруссію, и наконецъ, предоставленіе иммигрантамъ бо́льшихъ льготъ сравнительно съ тѣми, какія были предоставлены поселенцамъ на лѣвомъ берегу, въ виду дикости края и суровости климата.

Далѣе Дунинъ вычисляетъ тѣ расходы, которые потребуются для устройства колоній. Здѣсь мы встрѣчаемъ такія статьи, какъ

---

[1]) Арх Ген Губ—Ogólne akta Kom Rz. Sp. W. i Pol. tyczące się osad fabrycznych Zawislańskich. Vol. I.

постройка домовъ для мастеровъ, наемъ временныхъ помѣщеній, устройство сукновальни, складовъ для готовыхъ издѣлій и пр. Общая сумма расходовъ опредѣляется въ 345.000 зл.

Въ рапортѣ отъ 3 нояб. 1826 г. уже находится списокъ мастеровъ, переселившихся и переселяющихся въ Пултускъ, Остроленку и Ломжу. Большинство изъ нихъ сукнодѣлы (26 изъ 35).

Въ слѣдующемъ рапортѣ Дунинъ между прочимъ указываетъ на то, что „мастера, согласившіеся переселиться въ Пултускъ, запугиваютъ другихъ, имѣющихъ желаніе туда переселиться, разсказами о томъ, что ихъ дѣтей будутъ пожирать волки, что имъ придется жить въ совершенной пустынѣ, гдѣ они не найдутъ своихъ земляковъ, не сумѣютъ объясняться съ поляками, непонимающими ихъ языка Такимъ путемъ они отговариваютъ другихъ иностранцевъ отъ поселенія“. Для парализованія такихъ слуховъ Дунинъ проситъ разрѣшить посылку агентовъ за-границу.

Дѣятельность Дунина по устройству фабричныхъ колоній въ Плоцкомъ и Августовскомъ воеводствѣ сопровождалась извѣстнымъ успѣхомъ. Изъ его отчета за 1827 г. видно, что въ Пултускѣ уже было 38 семействъ, имѣвшихъ по одному ткацкому станку, въ Остроленкѣ насчитывалось 12 станковъ для выдѣлки столоваго бѣлья, въ Ломжѣ—19 семействъ сукнодѣловъ.

За этими первыми колонистами начали переселяться и болѣе крупные предприниматели. Впрочемъ, невзирая на всѣ старанія правительства, указанныя два воеводства по уровню промышленнаго развитія, стояли на послѣднемъ мѣстѣ. Слѣдуетъ добавить къ этому, что въ августовскомъ воеводствѣ было широко распространено кустарное производство льняныхъ издѣлій. Одинъ изъ современныхъ обозрѣвателей замѣчаетъ слѣдующее: „не было поселка, въ которомъ бы не занимались выдѣлкой полотна. Существовалъ даже обычай давать дочерямъ въ приданное полотно“.

О ходѣ развитія промышленности въ Ц. П. можно судить на основаніи отчетовъ воеводскихъ комиссій, которые съ каждымъ годомъ дѣлаются полнѣе и обстоятельнѣе. Первую сводную таблицу по всему Царству мы имѣемъ за 1826 г. Для характеристики роста польской промышленности мы сопоставимъ данныя за 1826, 1828 и 1829 г.г.

I.

Шерстяная промышленность.

Воеводства	1826 г ткац. станковъ.	1828 г. ткац. станковъ	1829 г ткацк. станковъ.
Мазовецкое	2.454	2.473	2.710
Калишское	1.069	1.050	1.062
Любельское	373	534	559
Плоцкое	315	378	390
Сандомірское	240	241	242
Краковское	184	218	192
Августовское	79	78	74
Подляское	62	63	54
г. Варшава	192	178	—[1]
Всего	4.968	5.213	5.283

Число веретенъ въ прядильныхъ машинахъ:

Воеводства:	1826 г.	1828 г.	1829 г.
Мазовецкое	82.643	85.693	95.072
Калишское	32.611	33.202	36.030
Любельское	11.886	9.858	9.379
Краковское	4.928	4.881	4.963
Сандомірское	3.480	3.820	1.190
Плоцкое	7.732	4.510	4.443
Подляское	983	1.440	1.485
Августовское	671	2.125	1.293
г. Варшава	4.218	2.275	—[2]
Всего	149.152	147.804	153.855

Годовое производство сукна въ Ц. П.:

1826 г. . . . . 7.454.979 локт.
1828 „ . . . . . 6.176.959 „
1829 „ . . . . . 5.880.449 „

Годовое производство др. шерстяныхъ тканей:

1826 г. . . . . 1.009.844 локт.

[1]) Варшава, очевидно, посчитана въ Мазовецкомъ воеводствѣ.
[2]) Варшава посчитана въ Мазовецкомъ воеводствѣ.

1828 „	1.109.615	локт.
1829 „	983.263	„

Въ 1826 г. было суконныхъ фабрикъ, пользовавшихся лошадиной силой—21, водяной силой—36 и паровой—3 (двѣ въ Калишскомъ и одна въ Варшавѣ, въ послѣдней паровая машина—18 лош. силъ).

II.

1826 г

Хлопчатобумажное производство:

Ткацкихъ станковъ	2.621	
Число веретенъ въ прядильныхъ машинахъ . .	4.180	
„ промышленныхъ заведеній, пользующихся водяной силой	9	
„ промышленныхъ заведеній, пользующихся лошадиной силой	4	
Выдѣлано бумажныхъ тканей	1.511.397	локтей.
„ полотна	1.528.861	„

1828 г.

Хлопчатобумажное и льняное производство:

Станковъ для выдѣлки бумажныхъ и льняныхъ тканей	5.067	
Чулочныхъ станковъ	129	
Выдѣлано бумажныхъ тканей	2.513.102	локтей.
„ полотна	1.607.612	„
„ чулокъ и носковъ	79.421	„

1829 г.

Хлопчатобумажное и льняное производство:

Выдѣлано бумажныхъ тканей	3.707.047	локтей.
„ полотна	2.970.630	„

Эта таблица даетъ интересныя указанія для выясненія хода развитія польской промышленности.

Съ 1826 г. по 1829 г. число ткацкихъ станковъ въ шерстяной промышленности увеличилось на 315. По количеству станковъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Мазовецкое воеводство, за нимъ идетъ Ка-

лишское. Минимальное число ихъ даютъ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы—Августовское и Подляское.

Замѣтенъ прогрессъ въ шерстопрядильномъ производствѣ: число веретенъ въ прядильныхъ машинахъ за эти три года увеличилось на 4.703. Максимальное количество веретенъ опять даютъ тѣ же два воеводства—Мазовецкое и Калишское, на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ Подляское и Августовское воеводства

Въ общемъ, въ трехлѣтіе (1826—29 г.) наблюдалось только слабое увеличеніе числа станковъ и веретенъ въ шерстяной промышленности.

Что касается производства суконъ, то здѣсь мы наблюдаемъ, въ разсматриваемое трехлѣтіе значительное пониженіе годовой выдѣлки. Это пониженіе выразилось въ громадной цифрѣ—1.574.530 локтей, что составляетъ къ производству 1829 г.—26,4%. Чѣмъ вызывалось это странное явленіе? Прежде всего здѣсь напрашивается такое объясненіе: быть можетъ, произошли какія-нибудь задержки въ торговлѣ съ Россіей? Обращаясь къ провѣркѣ этого предположенія, мы видимъ, что оно не подтверждается фактами. Данныя недвусмысленно говорятъ, что вывозъ суконъ въ Россію не ослабѣвалъ съ 1826 г. по 1829 г. Такъ изъ Мазовецкаго воеводства, поставлявшаго главнымъ образомъ сукно въ Россію, было вывезено въ 1826 г.—50.820 поставовъ, въ 1828 г.—63.382 и въ 1829 г.—76.023 постава. Эти цифры показываютъ неизмѣнный ростъ вывоза сукна и притомъ ростъ очень быстрый.

Аналогичный результатъ получается при разсмотрѣніи вывоза суконъ изъ Калишскаго воеводства. Въ 1826 г. вывезено сукна 451.042 лок, въ 1828 г.—614.224 локт., въ 1829 г.—569.747 локт. меньше на 44.477 лок., чѣмъ въ предыдущемъ году, однако больше, чѣмъ въ 1826 г.

Это пониженіе вывоза въ Россію 1829 г. объясняется въ отчетѣ по Калишскому воеводству тѣмъ, что продолжительные зимніе морозы задерживали начало дѣятельности сукноваленъ, приводимыхъ въ движеніе водяной силой; благодаря этому опоздала и аппретура суконъ. Параллельно съ этимъ отчетъ констатируетъ благопріятное положеніе суконной промышленности въ виду торговыхъ сношеній съ Россіей. Русскіе источники также говорятъ о томъ, что ввозъ польскихъ суконъ въ Россію въ трехлѣтіе съ 1827 по 1829 годъ возросъ по цѣнности съ 5,9 мил. руб. ассигн. до 8,4 мил. Очевидно, объясненіе интересующаго насъ явленія нужно искать въ другомъ.

Отчасти, пониженіе годовой выдѣлки сукна въ 1829 г. можетъ быть объяснено суровой зимой, задержавшей работу въ сукновальняхъ. Но это обстоятельство имѣло мѣсто въ 1829 г., а не въ 1828; съ другой стороны, оно не могло бы оказать такого значительнаго вліянія. Для разрѣшенія нашего недоумѣнія обратимъ вниманіе на другой фактъ.

Параллельно съ пониженіемъ суконнаго производства наблюдалось въ эти три года необычайно быстрое развитіе хлопчатобумажной промышленности. Въ 1826 г. бумажныхъ тканей было выдѣлано всего 1,5 мил. локт., мъ 1828 г. уже 2,5 мил. и въ 1829 г.—3,7 мил. локт. Какъ видимъ, ростъ этой отрасли производства шелъ самымъ интенсивнымъ темпомъ.

Въ офиціальныхъ источникахъ отмѣчается большое оживленіе въ хлопчатобумажномъ производствѣ. Изъ отчета по Мазовецкому воеводству видно, что въ одной Лодзи бумажныхъ тканей выработано въ 1829 г. въ два раза больше, чѣмъ въ 1828 г. и въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1827 г.

Быстрое развитіе хлопчатобумажной промышленности должно было содѣйствовать сокращенію внутренняго потребленія суконныхъ тканей. Бумажныя матеріи, какъ болѣе дешевыя, должны были понизить среди бѣдныхъ классовъ населенія спросъ на сукно. Вслѣдствіе суженія внутренняго рынка производство суконъ должно было сократиться. Возникаетъ вопросъ, почему это сокращеніе не вызвало жалобъ среди сукнодѣловъ? Дѣйствительно, слѣдовъ на жалобы мы не встрѣчаемъ въ данные годы. Правда, раньше въ 1825, 26 г. раздавались жалобы на дороговизну шерсти, на недостатокъ ея. Очевидно, интенсивное производство суконъ, наблюдавшееся въ эти годы, значительно превысило то количество сырого матеріала, которое могло доставить Царство Польское. Выдѣлка сукна шла крайне интенсивнымъ темпомъ, сукно прямо забиралось со станковъ, часто предприниматели не успѣвали выполнять своихъ заказовъ. Вздорожаніе шерсти естественно вызвало сокращеніе производства со стороны мелкихъ сукнодѣловъ. На вывозѣ сукна въ Россію это обстоятельство нисколько не отразилось, такъ какъ этотъ вывозъ находился въ рукахъ крупныхъ предпринимателей. Послѣдніе могли закупать сырье и по болѣе дорогой цѣнѣ, такъ какъ благодаря усиленному вывозу они съ барышомъ покрывали свои повышенныя издержки. Для мелкихъ производителей, работавшихъ въ кредитъ, не-

посредственное участіе въ этой внѣшней торговлѣ было не подъ силу. Они не могли выжидать, пока затраченный капиталъ возвратится къ нимъ съ процентами. Имъ нужно было жить и работать изо-дня въ день.

Глухой намекъ на то, что положеніе мелкихъ сукнодѣловъ было печально, можно найти въ слѣдующемъ замѣчаніи въ отчетѣ по Мазовецкому воеводству за 1828 г.: „зимой иногда слышатся жалобы на отсутствіе сбыта суконъ, но эти жалобы неосновательны. Онѣ обычно раздаются со стороны бѣдныхъ мелкихъ производителей, которые берутъ въ кредитъ по дорогой цѣнѣ шерсть отъ евреевъ и часто не находятъ сбыта своимъ издѣліямъ, въ особенности послѣ осенней высылки въ Китай, въ Россію, когда наступаетъ нѣкоторое затишье".

Сокращеніе годового производства сукна не отразилось и на потребителѣ, такъ какъ оно компенсировалось въ извѣстной степени возрастаніемъ хлопчатобумажнаго производства.

Въ распредѣленіи по воеводствамъ хлопчатобумажной промышленности наблюдается одна любопытная особенность: Калишское воеводство по количеству выдѣлываемыхъ бумажныхъ тканей превосходитъ Мазовецкое; въ первомъ было выдѣлано въ 1828 г.— 1.775.854 локт. бумажныхъ тканей, а во второмъ—только 484.109 локт. Слѣдовательно, главную роль въ бумажномъ производствѣ играло Калишское воеводство въ то время, какъ въ шерстяномъ— Мазовецкое.

Развитіе шерстяной и бумажной промышленности въ Царствѣ Польскомъ съ 1823 по 1828 г. представляется въ такомъ видѣ:

1823 г.			1828 г.		
Шерстяное производство		Хлопчатобумажное производство	Шерстяное производство.		Хлопчатобумажное производство.
Станковъ.	Шерстян. тканей въ локтяхъ.	Только начинаетъ зарождаться	Станковъ	Шерстян. ткани въ локтяхъ	Выдѣлано бум тканей въ лок.
3 400	3 700 000		5 213	7 286 574	2 543.102

Въ теченіе пятилѣтія число станковъ для выдѣлки шерстяныхъ матерій увеличилось на 1.813, годовое производство тканей возросло на 3.586.574 лок. Не меньшій прогрессъ наблюдается и въ области хлопчато-бумажнаго производства: въ 1823 г. оно только зарождалось, а черезъ пять лѣтъ уже выдѣлывалось бумажныхъ тканей— 2.513 102 лок. Любопытна одна подробность въ ходѣ развитія хлопчатобумажнаго и шерстяного производствъ: въ началѣ двадцатыхъ годовъ мы видимъ быстрый расцвѣтъ суконной промышленности, съ 1826 г. темпъ ея развитія замедляется, наоборотъ хлопчатобумажное производство обнаруживаетъ интенсивный ростъ. Между суконной и хлопчатобумажной промышленностью было еще то существенное различіе, что первая работала преимущественно на внѣшній рынокъ, вторая на внутренній Важное значеніе этого обстоятельства сказалось въ слѣдующемъ періодѣ. Ограниченіе доступа на русскій и азіатскій рынки для польскихъ фабрикатовъ послѣ возстанія (1830—1831 гг.) не одинаково отразилось на этихъ двухъ отрасляхъ. Суконная промышленность была подорвана, а развитіе хлопчатобумажной промышленности нисколько не было этимъ затронуто.

Представляетъ большой интересъ выясненіе вопроса о цѣнности годового производства фабричной промышленности Царства Польскаго. Цѣнность суконъ, выработанныхъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1829 г., Tygodnik Pet. опредѣляетъ въ 42 мил. зл. [1]). По Нагелю, цѣнность суконныхъ издѣлій за тотъ же годъ достигала 5.752.000 р. что даетъ 38 мил. зл. слишкомъ [2]) Послѣдняя цифра встрѣчается и у проф. Симоненко, Заленскаго, Люксембургъ и др.

Намъ не удалось найти въ архивныхъ источникахъ прямыхъ данныхъ по вопросу о цѣнности годового производства польской промышленности. Возможно только косвеннымъ путемъ опредѣлить цѣнность годового производства суконъ. Отправной точкой здѣсь для насъ служатъ цифры, показывающія цѣнность суконъ, вывозимыхъ въ Россію. Въ отчетѣ Мазовецкой воеводской комиссіи за 1829 г. цѣнность суконъ, вывезенныхъ въ Россію, показана въ 18.311.160 зл. за 2.288.895 лок. Слѣдовательно, въ среднемъ цѣнность одного локтя

---

[1]) См. Tygodnik Peterburg, 1833 r. Nr. 31, str. 188 „O stanie Polskiego przemysłu“

[2]) См. Nagiel—Rys Prsemysłu tkackiego w Królestwie Polskiem od 1815 r. Economista 1880 r № 18

опредѣляется въ 8 зл. Изъ отчета Калишской воеводской комиссіи за 1828 г. видно, что цѣнность проданнаго въ Россію сукна въ количествѣ 614.224 лок. опредѣлялась въ 5.650.117 зл , въ среднемъ на одинъ локоть приходится 9 зл. слишкомъ. Въ отчетѣ подчеркивается, что дѣйствительную цѣнность вывезеннаго сукна нужно повысить по крайней мѣрѣ до 6 мил. зл. Въ такомъ случаѣ цѣнность одного локтя сукна также должна быть повышена до 10 зл. Аналогичное замѣчаніе имѣется и за 1827 г., гдѣ цѣнность вывоза показана въ 3,7 мил. зл. По мнѣнію комиссіи, цѣна эта ниже дѣйствительной, такъ какъ фабриканты, обыкновенно, понижаютъ суммы, получаемыя изъ Россіи за проданный товаръ, въ виду чего слѣдуетъ указанную цифру повысить до 4 мил., что опять таки въ среднемъ выводѣ дастъ на одинъ локоть почти 10 зл. Болѣе высокая цѣнность суконъ, вывозимыхъ изъ Калишскаго воеводства, объясняется тѣмъ, что отсюда вывозилось больше тонкихъ суконъ. Не погрѣшая, можно установить среднюю цѣну локтя сукна въ 8 зл.; мы намѣренно беремъ меньшую цифру именно потому, что въ Россію вывозились лучшія сукна, а для внутренняго употребленія оставались болѣе дешевые сорта. Въ 1828 г. годовое производство суконъ достигало 6.176.959 лок., перемножая это число на 8 зл , получимъ въ итогѣ 49.415.672 зл.—цѣнность суконныхъ издѣлій. За 1829 г. цѣнность годового производства суконъ будетъ ниже въ виду сокращенія производства. Переводя указанную сумму на ассигнаціи (ассиг. руб.—27 коп. [1]), получимъ 27.453.151 руб. или 7.412.350 руб. сер. Какъ видимъ, цѣнность издѣлій одной суконной промышленности достигала такой внушительной по тому времени цифры.

Для опредѣленія цѣнности издѣлій другихъ отраслей промышленности мы не имѣемъ сколько-нибудь объективныхъ данныхъ. „Tygodnik“ для другихъ шерстяныхъ издѣлій устанавливаетъ среднюю цѣну одного локтя въ три зл. Принимая эту норму, мы получимъ общую цѣнность издѣлій въ 1828 г., равной 3.328.845 зл. Цѣнность бумажныхъ издѣлій, выработанныхъ въ 1829 г., Нагель опредѣляетъ приблизительно въ 300.000 руб., а цѣнность льняныхъ издѣлій въ 1.000.000 руб. Слѣдовательно, въ общемъ итогѣ цѣнность

---

[1]) Курсъ ассигнаціонныхъ рублей равнялся въ 1825 г.—26, 90 коп., а въ 1829 г.—27,. 11 коп. См. Гулишамбаровъ—Итоги торговли и промышленности Россіи въ царствованіе Им. Николая I, стр. 17.

годового производства текстильной промышленности къ концу разсматриваемаго періода достигала приблизительно 9 мил. рублей сер. слишкомъ.

Въ послѣдніе годы существованія конституціоннаго Царства Польскаго наблюдается прогрессъ и въ льняной индустріи, хотя и не такой быстрый, какъ въ хлопчатобумажной: въ 1826 г. произведено 1.528 861 лок. полотна, а въ 1829 г.—2.970 630.

Развитіе льняной промышленности тормозилось высокими пошлинами на иностранную пряжу. На это обстоятельство указывалъ въ 1827 г. Рембелинскій.—„Въ Пруссіи, говорилъ онъ, допускается безпошлинный ввозъ льняной пряжи, а въ Царствѣ Польскомъ взимается отъ центнера 96 зл.“

На развитіе промышленности въ Царствѣ Польскомъ въ послѣдніе годы оказалъ большое вліяніе Польскій Банкъ, учрежденный въ 1828 г.

Иниціатива учрежденія Банка принадлежитъ талантливому и энергичному министру финансовъ Царства Польскаго кн. Любецкому. Мысль о банкѣ у него явилась еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ, но осуществленіе ея запоздало, въ виду недостатка средствъ. И только улучшивъ финансовое положеніе страны, Любецкій привелъ въ осуществленіе свое завѣтное желаніе объ организаціи государственнаго кредита [1]).

Такъ какъ первые шаги Польскаго Банка принадлежатъ изучаемой эпохѣ, то необходимо сказать нѣсколько словъ о немъ и въ первомъ томѣ нашего изслѣдованія.

Въ указѣ объ учрежденіи Банка отъ 17-го января 1828 г. такъ опредѣлялись его цѣли: „погашеніе государственнаго долга, вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе торговли, кредита и отечественной промышленности“ (арт. 1). Для осуществленія указанныхъ цѣлей въ кассу Банка поступило 10 мил. зл. въ звонкой монетѣ и на 10 мил. зл. закладныхъ листовъ земскаго Кредитнаго Общества (арт. 3). Кромѣ того, ему были предоставлено право выпуска банковыхъ билетовъ [2]).

---

[1]) См. Smolka—Polityka Lubeckiego, t. I, w Krakowie 1907, str 384 и д. Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію банка послужило желаніе поддержать курсъ закладныхъ листовъ, выпущенныхъ земскимъ кредитнымъ Обществомъ. См. Rog. hr. Lubieński—Gen Tom. Hr Lubieński, t. I. W. 1899, str 407.

[2]) См. Dz. Pr. t. XII, str. 120—121

Этотъ Банкъ, являвшійся государственнымъ учрежденіемъ, надѣленнымъ значительными привилегіями, сразу же развернулъ самую широкую дѣятельность въ области промышленности и торговли. Онъ выдавалъ ссуды подъ залогъ бумагъ, разныхъ товаровъ, наконецъ, финансировалъ многія промышленныя и сельско-хозяйственныя предпріятія.

Важное значеніе для промышленнаго развитія страны имѣло постановленіе 3 іюля 1828 г., предоставившее Банку право выдавать ссуды подъ залогъ шерсти и шерстяныхъ издѣлій, доставляемыхъ на ивановскую ярмарку и помѣщаемыхъ въ банковомъ магазинѣ, въ размѣрѣ 50% стоимости [1]).

Въ 1829 г. при Банкѣ былъ устроенъ обширный складъ. Сюда складывалась шерсть, закупаемая Банкомъ за счетъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и за ея порукой выдаваемая заимообразно фабрикантамъ шерстяныхъ издѣлій. Тамъ же могъ сложить свою шерсть фабрикантъ или купецъ для полученія подъ залогъ ея ссуды [2]). Впослѣдствіи Банкъ расширилъ свои операціи еще тѣмъ, что бралъ въ собственное завѣдываніе тѣ и другія промышленныя заведенія, когда частныя лица не въ состояніи были ихъ держать. Этимъ онъ спасъ отъ гибели много крупныхъ предпріятій. Наконецъ Банкъ занимался еще устройствомъ шоссе. Справедливо писалъ Любецкій, что въ Польскомъ Банкѣ были соединены въ одинъ неразрывный узелъ всѣ тѣ задачи, которыя въ другихъ болѣе обширныхъ странахъ находятся въ рукахъ отдѣльныхъ учрежденій.

Безусловно, Польскій Банкъ, преслѣдовавшій такія широкія задачи и располагавшій значительными капиталами, могъ явиться важнымъ факторомъ въ экономическомъ развитіи страны. Не безъ основанія одинъ польскій писатель назвалъ его „исполинскимъ рычагомъ промышленности“. [3]) Въ концѣ разсматриваемаго періода польская промышленность уже достигла такого уровня развитія, что для нея необходима была цѣлесообразная организація кредита. Эту отвѣтственную роль и взялъ на себя Польскій Банкъ.

---

[1]) См. Сборникъ админ. постановленій т. II, ч 2. Объ учрежденіи въ Варшавѣ ярмарки для торга шерстью 14 мая 1822 г.

[2]) См Проф. Янжулъ, указ. соч., стр. 28—30.

[3]) Ibid.—стр. 21.

Неорганизованность кредита являлась однимъ изъ слабыхъ мѣстъ польской промышленности Въ до-банковый періодъ главную роль въ кредитныхъ сдѣлкахъ играли евреи ростовщики. Послѣдніе, какъ въ тискахъ, держали промышленниковъ, въ особенности мелкихъ. Въ отчетѣ генеральной дирекціи промышленности и искусствъ за 1826 г. среди препятствій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути развитіе польской промышленности, отмѣчался недостатокъ оборотныхъ капиталовъ. На какихъ тяжелыхъ условіяхъ можно было получить ссуду, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что даже въ Варшавѣ торговый процентъ равнялся 1% въ мѣсяцъ, а иногда 1½ и даже 2%. Само собой разумѣется, мелкіе производители, работавшіе за счетъ евресвъ, дававшихъ имъ въ ссуду шерсть и пр., платили прямо лихвенные проценты до 100%. Тогда же генеральная дирекція высказала пожеланіе объ устройствѣ такого банка, который выдавалъ бы ссуды подъ векселъ или подъ залогъ товаровъ не свыше ½% въ мѣсяцъ. Это пожеланіе и было осуществлено при учрежденіи Польскаго Банка, когда сразу же произошло замѣтное пониженіе нормы процента [1]).

Банку были предоставлены такія широкія полномочія въ выдачѣ ссудъ, что онъ дѣйствительно могъ орошать золотымъ дождемъ поле промысловой дѣятельности. Правда, въ этомъ была своя слабая сторона: банкъ, являясь бюрократическимъ учрежденіемъ, нерѣдко легкомысленно раздавалъ свои ссуды; съ другой стороны, въ одномъ учрежденіи трудно совмѣстить чисто кредитныя операціи съ организаціей и веденіемъ промышленныхъ предпріятій. Такое совмѣщеніе почти всегда приводитъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Часто основываются не тѣ предпріятія, какія отвѣчаютъ потребностямъ народнаго хозяйства, а съ другой стороны, это совмѣщеніе иногда обусловливаетъ нехозяйственное веденіе предпріятій. Эти темныя стороны въ дѣятельности Польскаго Банка и обнаружились въ слѣдующемъ періодѣ, какъ мы будемъ видѣть во II томѣ [2]).

Для характеристики дѣятельности Польскаго Банка въ разсматриваемую эпоху интересны слѣдующія цифры: выдано долгосрочныхъ ссудъ въ первомъ году на 5.673.453 зл. пол., во второмъ—

---

[1]) См. Radziszewski—Zarys rozwoju przemysłu—353, w Kr. str. 353 1900 r.

[2]) Краткую и обстоятельную оцѣнку дѣятельности Банка, хотя и не совсѣмъ безпристрастную, можно найти у Рембертовскаго—Bank Polski w okręsię 50-letnim (1828—1878) Economista 1878 r. №№ 18—22.

5.735.946 зл. въ третьемъ—эта сумма увеличилась почти вдвое — 11.261.177 зл. пол.

Для того, чтобы облегчить фабрикантамъ пріобрѣтеніе шерсти изъ первыхъ рукъ во время ивановской ярмарки, Банкъ выдавалъ еще ссуды на покупку шерсти Въ 1830 г. такихъ ссудъ было выдано на 4.463.058 зл. 5 гр. Товарный кредитъ существовалъ въ небольшомъ объемѣ въ виду недостатка помѣщеній для складовъ (dla braku dogodnych magazynów). Ссудъ подъ залогъ товаровъ въ 1830 г. было выдано всего на 391.596 зл. 2 гр

Въ 1828 г. учтено векселей на 3 мил зл., въ 1829 г.—на 15 мил. и въ 1830 г.—на 23 мил. Ростъ оборотовъ Банка виденъ изъ слѣдующихъ цифръ: общій оборотъ перваго года достигъ 185 мил. зл. при чистой прибыли 1,3 мил.; въ теченіе второго года сумма оборотовъ поднялась до 634.868.529 зл при чистой прибыли 3,4 мил. и наконецъ, въ 1830 г., несмотря на возстаніе, разразившееся въ концѣ года, сумма оборотовъ показана была въ 681.608 095 зл. съ прибылью 2,6 мил. зл. [1]). Эти цифры. несомнѣнно, говорятъ о быстромъ ростѣ новаго кредитнаго учрежденія. Оно сразу стало на твердую почву и вошло органически въ народное хозяйство въ качествѣ одного изъ дѣятельныхъ и жизнеспособныхъ элементовъ.

Не даромъ основаніе Банка привѣтствовалось однимъ изъ современниковъ, какъ новая эпоха въ развитіи страны [2]). „Оживленіе промышленности и торговли, улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, умноженіе богатства въ странѣ, какой то матеріальный подъемъ стоятъ въ связи съ двумя благодѣтельными учрежденіями—Банкомъ и Земскимъ кредитнымъ обществомъ", замѣчаетъ другой современникъ [3]).

---

[1]) См. Zdanie Sprawy Banku Polskiego z roku 1830: Offmański—выше цит. str. 469.

[2]) См Rog. hr. Lubieński—General Tomasz Pomian Hr. Lubieński. t. I. W 1899, str 479.

[3]) См. Wspomnienia Andrzeja Edwarda Koźmiana I, Poznan, 1867, str. 383. Кстати сказать нѣсколько словъ о Земскомъ кредитномъ обществѣ. Мысль объ его учрежденіи возникла въ эпоху Варшавскаго Герцогства. Еще тогда министръ финансовъ приготовилъ проектъ организаціи земельнаго кредита по прусскому образцу. Неблагопріятныя внѣшнія условія помѣшали его осуществленію. По образованіи Царства Польскаго, кн. Любецкій возобновилъ этотъ проектъ и добился проведенія его въ жизнь въ 1825 г. О роли Любецкаго въ учрежденіи Земскаго кредит общ. Smolka—t. I, str. 369 и д., Rog. Lubeński—t. I. str. 405.

Благодѣтельное вліяніе новаго учрежденія на промышленности было отмѣчено и въ отчетахъ отдѣльныхъ воеводствъ. Такъ, въ отчетѣ по Калишскому воеводству за 1828 г. отмѣчалось, что учрежденіе Банка оказало съ самаго же начала благопріятное вліяніе на развитіе мѣстной промышленности Въ отчетѣ за 1829 г. подчеркивается, что ссуды Банка на покупку шерсти замѣтно содѣйствовали росту ткацкихъ заведеній. „Если банкъ приведетъ въ исполненіе свое намѣреніе и откроетъ отдѣленіе въ Калишѣ для выдачи ссудъ подъ залогъ издѣлій (для бѣдныхъ ткачей, весьма нуждающихся) и затѣмъ будетъ доставлять бумажную пряжу, взимая не болѣе 6%, то это окажетъ огромное вліяніе на ростъ текстильной промышленности, такъ какъ только такимъ путемъ возможно избавить ткачей отъ необходимости дальнѣйшаго платежа евреямъ высокихъ процентовъ и барышей“ (bo to tylko osłoni tkaczy od przymusu dalszego opłacania żydom wysokich procentów i zysków). Послѣднее соображеніе показываетъ, насколько дѣйствительно благодѣтельно было для польской промышленности основаніе Банка [1]).

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что услугами Банка скорѣе пользовались крупные предприниматели, чѣмъ мелкіе. Какъ само правительство Царства Польскаго, такъ и Польскій Банкъ больше удѣляли вниманія крупному производству. Крупные предприниматели получали болѣе значительныя ссуды, льготы, вообще пользовались большимъ благоволеніемъ. Мелкіе мастера—это только почва для насажденія крупнаго капиталистическаго производства. Для оцѣнки банковой политики весьма любопытенъ слѣдующій фактъ. Правда, этотъ фактъ взятъ нами изъ болѣе поздняго времени (1835 г.), однако, онъ можетъ характеризовать и первые годы дѣятельности Банка. Въ

[1]) Въ одинъ годъ съ учрежденіемъ Банка въ Польшѣ возникла мысль объ организаціи „Общества содѣйствія промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Былъ выработанъ и соотвѣтствующій проектъ. Основной задачей общества, по проекту, являлось содѣйствіе развитію промышленности, включая и сельское хозяйство. Оно должно было слѣдить за усовершенствованіями за-границей, знакомить съ ними, выдавать награды, назначать конкурсы При обществѣ предполагалось устроить спеціальную библіотеку и музей моделей. Общество распадалось на слѣдующіе отдѣлы: 1) хозяйственный (веденіе дѣлъ самаго общества), 2) мануфактуръ и торговли, 3) земледѣлія, 4) математики и механики, 5) физики и химіи.

Этотъ проектъ не былъ осуществленъ.

1835 г. мелкіе ченстоховскіе ткачи, разоренные въ конецъ еврейской эксплуатаціей, ходатайствовали о томъ, чтобы правительство устроило склады, куда бы они могли сбывать свои издѣлія и получать авансы на покупку пряжи, расплату съ подмастерьями и на прожитье. Эта просьба была передана на заключеніе Банку съ запросомъ, не можетъ ли послѣдній устроить такіе склады?

Польскій Банкъ далъ слѣдующее заключеніе: открытіе такихъ складовъ сопряжено съ большими затрудненіями (знаніе рынка, покупателей и пр.), что болѣе доступно купцамъ, чѣмъ такому учрежденію, какъ Банкъ; къ тому же оно обходилось бы и значительно дороже (надзоръ чиновниковъ, а тамъ личный интересъ хозяина) [1].

„Подобныя нареканія ткачей или мелкихъ производителей на оптовиковъ (hurtowników), доставляющихъ сырые матеріалы и отбирающихъ готовыя издѣлія, встрѣчаются во всѣхъ промышленныхъ странахъ, какъ напр., въ Англіи и Франціи.

Эти жалобы являются естественнымъ результатомъ столкновенія двухъ интересовъ на одной дорогѣ. Неудобно давать помощь одному изъ нихъ и лишать ея другого. Лучше предоставить дѣло естественному теченію“ [2].

Такъ умывалъ руки Польскій Банкъ въ той неравной борьбѣ, которая начала проявляться между кустарями и капиталистами.

Если въ идеѣ онъ и хотѣлъ придерживаться принципа естественной свободы, то на практикѣ отдавалъ преимущество крупному производству, открывая ему кредитъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и на болѣе льготныхъ условіяхъ.

Интересно здѣсь указать, какъ оцѣнивали промышленное развитіе Царства Польскаго сами современники.

Въ рѣчи на сеймѣ 1830 г. министръ вн. дѣлъ Мостовскій характеризовалъ экономическій прогрессъ Царства Польскаго въ такихъ словахъ: „Царство Польское, имѣвшее въ 1815 г. едва сто станковъ для выдѣлки самыхъ низкихъ сортовъ сукна, теперь уже насчитываетъ ихъ около 6 тысячъ. Многіе изъ нихъ приводятся въ движеніе водой или паромъ. Наши предпріятія пользуются современными

---

[1]) Такое заявленіе весьма странно въ устахъ администраціи Банка, отводившаго широкое мѣсто промышленнымъ операціямъ.

[2]) Арх. Ген. Губ Akta... tyczące się fabryk wyrobków bawełnianych. Vol I.

машинами, и ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ фабрикамъ. Фактически шерстяныя издѣлія являются почти единственными товарами, которыми Царство Польское можетъ расплачиваться за многочисленные продукты, привозимые изъ Имперіи“ [1]).

„Фабричная промышленность, говоритъ въ торжественной рѣчи въ 1830 г. проф. Ганнъ, идетъ впередъ гигантскими шагами, на нашихъ глазахъ возникло нѣсколько городовъ, насчитывающихъ по 8 тыс. жителей тамъ, гдѣ еще восемь лѣтъ тому назадъ стояло нѣсколько бѣдныхъ хижинъ среди болотъ, мертвыхъ песковъ и зарослей...

Производство шерстяныхъ тканей находится въ цвѣтущемъ состояніи Есть много фабрикъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Калишѣ, Сѣрадзѣ, Велюнѣ. Томашовѣ, Пржедбожѣ и Згержѣ, которыя по качеству выдѣлываемыхъ суконъ могутъ конкурировать съ голландскими, французскими и англійскими издѣліями. Въ особенности выдѣляется фабрика Фидлера, которая по совершенству производства и внутреннему порядку можетъ служить образцомъ.

Всѣ эти фабрики имѣютъ болѣе или менѣе хорошо оборудованныя красильни. И если до сихъ поръ эта отрасль производства находилась въ рукахъ иностранцевъ, и въ частности, нѣмцевъ, то теперь имѣется двѣ красильни нашихъ соотечественниковъ: Шперасына въ Калишѣ и Вернера въ Озорковѣ“.

Благопріятный отзывъ даетъ проф. Ганнъ и о хлопчатобумажной промышленности, „въ послѣднее время быстро развившейся“.

„Не въ такомъ счастливомъ положеніи находится производство льняныхъ издѣлій. Хотя на эту цѣль затрачены большіе капиталы, однако результаты и до сихъ поръ не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ“. Причина этой неудачи, по его мнѣнію, лежитъ въ томъ, что слабо поставлено бѣлильное дѣло. Все еще ограничиваются такъ назыв. естественнымъ бѣленіемъ полотенъ и вовсе не пользуются химическими способами [2]).

Такого цвѣтущаго состоянія достигло Царство Польское къ 1830 г., къ моменту ноябрскаго возстанія. Подъемъ экономическаго благосостоянія сопровождался быстрымъ улучшеніемъ государствен-

---

[1]) См. Gazeta Warszawska 1830 r. № 45.

[2]) См Prof. Ant. Hann—Uwagi nad niektóremi Gałęzami przemysłu krajowego (рѣчь, произнесенная 29 сен. 1830 г.) Оттискъ изъ Pamiętnika Umiejętności fizicznych.

ныхъ финансовъ и интенсивнымъ приростомъ населенія Банкротство Варшавскаго Герцогства и печальное положеніе финансовъ въ первые годы существованія Царства Польскаго намъ извѣстны. Когда вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ кн. Любецкій (1822 г.), онъ нашелъ государственныя кассы совершенно пустыми. Подъемъ народнаго богатства въ связи съ нѣкоторыми финансовыми реформами привелъ къ тому, что бюджеты Царства Польскаго начали сводиться не только безъ дефицитовъ, но даже съ нѣкоторыми свободными излишками [1]).

Общій подъемъ благосостоянія и интенсивная иммиграція обусловили быстрый ростъ населенія: въ 1816 г. на территоріи Царства Польскаго жило всего 2.717 287 чел., а въ 1829 г.—4 137 634 чел. [2]). иначе говоря, за 13 лѣтъ населеніе увеличилось на 52%, что даетъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ.

Быстрый ростъ промышленности, возникновеніе крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, учрежденіе Земскаго кредитнаго общества и Польскаго Банка—все это существеннымъ образомъ измѣнило структуру народнаго хозяйства и вмѣстѣ съ этимъ должно было отразиться на другихъ сторонахъ соціальной жизни.

Показателемъ культурнаго подъема въ изучаемую эпоху можетъ служить слѣдующій фактъ: въ 1815 г. въ Царствѣ Польскомъ было издано 133 брошюры и книги, въ 1829 г. число изданій достигло—468; значитъ, за изслѣдуемый періодъ число изданій увеличилось въ три раза слишкомъ [3]). Развитіе капиталистическихъ формъ хозяйства замѣтно отразилось на общемъ ходѣ жизни. Прежнія патріархальныя отношенія стали уступать мѣсто новымъ, пульсъ общественной жизни началъ биться учащеннымъ темпомъ, повѣяло новымъ духомъ, не тѣмъ, какимъ жила старо-завѣтная шляхта. Въ обществѣ пробуждается стремленіе къ наживѣ, обогащенію, быстро образуются крупныя состоянія представителей буржуазіи, появляются новые типы дѣятелей. Короче сказать, на смѣну земельной аристократіи идетъ денежная.

---

[1]) См. Radziszewski—Skarb i Organizacya Władz skarbowych w Królestwie Polskiem I. W 1907, str. 221.

[2]) См. Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета, вып. XXVI, Варш. 1906 г. стр. XVI

[3]) См. Offmański—Królestwo Kongresowe (1815—1830). Przewodnik naukowy i literacki 1897, str. 463.

Вообще происходитъ метеріализація общества. Тамъ, гдѣ раньше текла мирная, спокойная жизнь, теперь начинаетъ бурлить потокъ, уносящій обломки старыхъ формъ и расчищающій мѣсто для новыхъ. Этотъ переворотъ въ общественной жизни не ускользнулъ отъ вниманія современниковъ.

Въ сознаніи одного изъ такихъ современниковъ отмѣченный здѣсь переворотъ связывается исключительно съ дѣятельностью кн. Любецкаго, являвшагося какъ бы единственнымъ виновникомъ его.

„Любецкій воздвигъ въ Польшѣ алтарь золотому тельцу, пишетъ нашъ современникъ. Къ чему же это привело? Дѣйствительно, возникли по городамъ фабрики и зданія, зато, съ другой стороны, множество плутовъ, безчестныхъ спекулянтовъ и недобросовѣстныхъ евреевъ проникло въ ряды аристократіи. Стало стыдно быть бѣднякомъ, считалось глупымъ состоять при банкѣ и не разбогатѣть (wstydem stało się być ubogiem, głupstwem będąc przy banku nie zostać bogatym).

Отовсюду началось бѣгство секретарей, начальниковъ въ министерство финансовъ, въ банкъ, въ управленіе государственныхъ имуществъ, въ предпріятія. Сначала перебѣгали плуты и пройдохи, которые уходили изъ другихъ вѣдомствъ подъ защиту себѣ подобныхъ въ министерство финансовъ и банкъ, затѣмъ эта зараза распространилась и на другихъ. Примѣры обогащенія увлекли и шляхетскіе умы“ [1]). Въ этихъ словахъ современника слышится негодующій голосъ представителя шляхты, поклонника добраго стараго времени съ неудовольствіемъ взиравшаго на появленіе денежной аристократіи, неодобрительно относившагося къ тому, что потокъ новой жизни увлекъ и шляхетскіе умы. Быстрое внѣдреніе денежнаго товарнаго хозяйства, подорвавъ экономическое значеніе шляхты, поколебало тотъ соціальный укладъ, который испоконъ вѣковъ составлялъ

[1]) См Kaetan Koźmian- выше цит. str. 274 Любопытно, что этотъ глубокій переворотъ въ экономической и соціальной жизни Царства Польскаго въ сознаніи современниковъ олицетворился въ кн Любецкомъ Безспорно, этотъ энергичный дѣятель являлся наиболѣе яркимъ выразителемъ новаго теченія, но оно далеко не было создано имъ. Любецкій только уловилъ духъ времени и съ своей стороны, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы ускорить переходъ отъ старыхъ формъ къ новымъ. Но самые факторы, вызвавшіе этотъ переворотъ, лежали глубже, по мѣрѣ силъ мы старались намѣтить ихъ въ предшествующемъ изложеніи.

характерную особенность Рѣчи Посполитой. Какъ видимъ, натуральное хозяйство быстро разлагалось.

Въ цѣляхъ надзора и охраны интересовъ нарождавшейся фабричной промышленности были созданы спеціальные органы. Первоначально они существовали только въ Мазовецкомъ и Калишскомъ воеводствахъ, затѣмъ, по мѣрѣ развитія промышленности и въ другихъ воеводствахъ, органы фабричной инспекціи появились и тамъ. Къ концу изучаемаго періода организація фабричнаго надзора представлялась въ такомъ видѣ

Высшее завѣдываніе находилось въ рукахъ министерства вн. дѣлъ по отдѣлу генеральной дирекціи промышленности и искусствъ Во главѣ этой дирекціи стоялъ сначала извѣстный дѣятель и публицистъ Сташицъ, принимавшій близко къ сердцу интересы промышленности и немало содѣйствовавшій ея развитію

Въ составъ фабричной секціи при министерствѣ внутр. дѣлъ входили комиссаръ правительственныхъ фабрикъ съ окладомъ содержанія въ 10 тыс. зл., затѣмъ его адъюнктъ, секретарь фабричной секціи, секретарь для наблюденій за предпріятіями въ Маримонтѣ, канцелярскіе служители и сторожа.

Фабричная секція при комиссіи Калишскаго воеводства—состояла изъ инспектора фабрикъ, онъ же начальникъ фабричной секціи, адъюнкта, завѣдывавшаго экспедиціей мѣстныхъ издѣлій въ Россію и механика; при комиссіи Мазовецкаго воеводства—комиссаръ фабрикъ, адъюнктъ, завѣдывавшій экспедиціей товаровъ, бухгалтеръ.

Въ Мазовецкомъ и Калишскомъ воеводствахъ фабричныя секціи были учреждены 1 янв. 1824 года [1]).

На Плоцкое и Августовское воеводства былъ назначенъ одинъ чрезвычайный комиссаръ фабрикъ; въ Сандомірскомъ воеводствѣ—инспекторъ фабрикъ.

Общая сумма расходовъ по фабричному надзору—равнялась 56.600 зл. въ годъ.

Каковы были задачи фабричной инспекціи, это выясняется изъ инструкціи, данной инспектору фабрикъ Сандомірскаго воеводства.

---

[1]) Арх Ген. Губ. Sek V 13 A. O Fabrykach i Rękodzielniach Vol. 348. III, ср. Akta Kom Rr. S. W i D. Ogólne tyczące się Sekcyi fabrycznych. Lit. S. Vol II.

Ему вмѣнялось въ обязанность, по меньшей мѣрѣ, два раза въ годъ въ маѣ и декабрѣ объѣзжать фабрики своего воеводства въ цѣляхъ собранія свѣдѣній о фабрикахъ, ремеслахъ и регуляціи городовъ.

Въ его вѣдѣніи находились и новыя ремесленныя организаціи, такъ наз. zgromadzenia. Инспекторъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы эти организаціи не чинили какихъ-либо затрудненій кустарямъ, принуждая послѣднихъ вступать въ союзъ, вымогая какіе-либо платежи, вредя заработку и пр. На его обязанности лежалъ контроль надъ управленіемъ въ zgromadzenia'хъ, надъ кассами ихъ и т. д.

Затѣмъ инспекторъ долженъ былъ оказывать всякую помощь и поддержку мастерамъ и фабрикантамъ, сообщать въ рапортахъ о возникновеніи и прекращеніи промышленныхъ заведеній, черезъ его руки проходилъ вопросъ о ссудахъ фабрикантамъ и пр. На обязанности инспектора лежало еще представленіе статистическихъ данныхъ по фабричной промышленности. Наконецъ, ему вручалось наблюденіе и за состояніемъ дорогъ [1]).

Такая широкая организація фабричнаго надзора не мало содѣйствовала успѣшному развитію промышленности. Среди фабричныхъ комиссаровъ было нѣсколько лицъ глубоко преданныхъ своему дѣлу. Изъ этихъ скромныхъ тружениковъ можно назвать прежде всего Леліовскаго, комиссара правительственныхъ фабрикъ. Это имя чаще всего намъ встрѣчалось въ архивныхъ документахъ. Черезъ его руки прошли главнѣйшія ссуды фабрикантамъ; его просвѣщенная дѣятельность тѣсно связана съ исторіей многихъ фабричныхъ предпріятій Царства Польскаго. Съ рѣдкой любовью и энергіей онъ выполнялъ свои обязанности комиссара фабрикъ. Кстати сказать, встрѣчавшіеся намъ доклады Леліовскаго всегда отличались добросовѣстной разработкой тѣхъ и другихъ вопросовъ. Его доклады мы всегда читали съ большимъ удовольствіемъ. Уже съ первыхъ строкъ можно было узнать перо Леліовскаго.

Въ двадцатыхъ годахъ Леліовскій издавалъ технической журналъ, удѣлявшій много мѣста вопросамъ фабричной промышленности—Izys Polska [2]).

---

[1]) Арх. Каз Пал. Akta Kom Rząd. S. W. i D. Ogólne tyczące się sekcyi fabrycznych. Lit. S. v. I.

[2]) Краткія свѣдѣнія о Леліовскомъ можно найти въ Encyklopedyja Powszechna, t. XVI, str. 847.

Заслуживаетъ упоминанія другой фабричный комиссаръ—извѣстный намъ Дунинъ, которому было поручено насажденіе фабричной промышленности въ Плоцкомъ и Августовскомъ воеводствахъ. Его отличительныя черты—энергія, твердость въ осуществленіи своихъ намѣреній, глубокое знаніе дѣла. Если его миссія и не сопровождалась блестящимъ успѣхомъ, то вина лежала не въ немъ, а въ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя тормозили промышленное развитіе двухъ вышеназванныхъ воеводствъ. Отъ Дунина къ намъ дошелъ интересный докладъ о содѣйствіи развитію промышленности, написанный еще въ 1823 г.

Въ этомъ докладѣ онъ, указывая на слабое развитіе промысловой дѣятельности среди поляковъ, рекомендуетъ для ея поднятія устройство главной технической школы, введеніе наградъ за лучшія издѣлія, содержаніе за границей спеціальныхъ агентовъ, которые бы слѣдили за техническимъ прогрессомъ тамошнихъ фабрикъ. При главной школѣ необходимо устроить кабинетъ моделей, усовершенствованныхъ машинъ и. Затѣмъ Дунинъ предлагаетъ учредить фабрику для выдѣлки машинъ, обученныхъ на ней рабочихъ разсылать по всей странѣ, чтобы обезпечить починку машинъ въ случаѣ порчи, поломки и пр. [1])

Во главѣ генеральной дирекціи промышленности и искусствъ стоялъ знаменитый Сташицъ, который близко интересовался фабричной промышленностью, нерѣдко лично совершалъ объѣзды фабрикъ. При тѣхъ и другихъ столкновеніяхъ онъ неизмѣнно отстаивалъ интересы новой отрасли народнаго хозяйства.

---

[1]) См Арх. Ген. Ген. Губ. (Въ. Akta... tyczące się stanu i wzrostu fabryk, v I.

ГЛАВА III.

Формы промышленности въ изучаемую эпоху (1815—1830 г.).

Возможность рецепціи формъ производства Преобладающій типъ первыхъ иммигрантовъ въ Царство Польское Вопросъ о рынкѣ сбыта въ начальные годы изслѣдуемаго періода Поставка сукна для войскъ. Внѣшній русскій рынокъ, какъ условіе, благопріятствовавшее развитію торговаго посредничества Еврейская эксплуатація Примѣры экономической независимости мастеровъ. Помѣщики въ роли организаторовъ крупной домашней промышленности. Господствующія формы производства Крупное и мелкое производство. Ихъ взаимоотношеніе. Возникновеніе крупныхъ централизованныхъ предпріятій Крупныя правительственныя фабрики. Крупное производство въ хлопчато-бумажной и льняной промышленности. Положеніе рабочихъ. Общіе выводы

—

Послѣ историческаго очерка развитія промышленности въ Польшѣ въ эпоху 1815—1830 г., займемся выясненіемъ формъ промышленности, существовавшихъ въ данный періодъ.

Для пониманія эволюціи формъ польской промышленности необходимо имѣть въ виду слѣдующее: эти формы не всегда возникаютъ путемъ внутренняго, органическаго развитія однѣ изъ другихъ. Онѣ съ удобствомъ могутъ быть заимствованы (рецепированы) изъ другихъ странъ, гдѣ промышленное развитіе стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ развитія и перенесены въ страну, промышленное развитіе которой болѣе низко. Отсюда въ экономически отсталой странѣ могутъ появляться такія формы, которыя совершенно были бы невозможны безъ рецепціи [1]). Какъ мы знаемъ, въ Царствѣ Польскомъ мануфактурная и фабричная промышленность

[1]) „Мы можемъ, писалъ Кираръ, посланный въ Англію за машинами, пересадить въ одинъ пріемъ въ Польшу всѣ тѣ вѣтви индустріи, какія хотѣли бы завести въ ней, и перенести въ послѣдней степени совершенства,

развивалась путемъ именно такой рецепціи. Изъ исторіи промышленности въ Царствѣ Польскомъ извѣстны случаи перенесенія туда крупныхъ иностранныхъ предпріятій. Является, скажемъ, какой-нибудь предприниматель съ проектомъ основанія крупной фабрики. Правительство даетъ ему субсидію и вотъ возникаетъ въ Калишскомъ, Мазовецкомъ воеводствѣ крупное промышленное предпріятіе, которое пользуется иностранными машинами, иностраннымъ трудомъ и часто работаетъ изъ иностраннаго сырья Этимъ и можно объяснить всѣ тѣ быстрыя измѣненія, которыя произошли въ строѣ польскаго народнаго хозяйства. Въ странѣ, гдѣ еще такъ недавно влачило жалкое существованіе кустарное и ремесленное производство, вдругъ возникаютъ крупныя фабрики съ механическими двигателями, съ новѣйшими техническими усовершенствованіями.

Рецепція промышленныхъ формъ для Польши не представляла особыхъ затрудненій именно потому, что она соединялась съ интенсивной иностранной иммиграціей. Иностранцы, переселяясь въ Польшу, переносили съ собой тѣ формы, которыя существовали у нихъ на родинѣ. Въ это время на континентѣ Европы преобладающимъ было мелкое производство, крупныя капиталистически организованныя мануфактуры и фабрики, хотя и встрѣчались, но онѣ еще не занимали господствующаго положенія. Въ Англіи уже началась борьба мелкаго и крупнаго производства, но для другихъ западно-европейскихъ странъ она еще только приближалась [1]).

какая ими достигнута въ настоящій моментъ" (dans le dernier degré de perfection qu'elles ont acquises jusques a ce moment) См. Арх. Ген. Губ Akta.. tyczące się sprowadzenia różnych machin z Anglii V. I.

[1]) Любопытно, что мелкое кустарное производство удержалось даже въ Англіи еще въ 40 и 50-хъ годахъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ ткачи воспользовались кооперативной организаціей производства пряжи и другихъ процессовъ, требовавшихъ дорогихъ машинъ, пріобрѣтеніе которыхъ было не подъ силу отдѣльному ткачу. См. Ed Baines—On the Woollen Manufacture of England. Journal of the Statistical Society March 1859 p. 30. По словамъ Шмоллера, крупное суконное производство въ Германіи развилось быстро въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. Въ Пруссіи еще до сороковыхъ годовъ преобладало мелкое производство. Обычно, сукнодѣлъ держалъ два станка съ 40 веретенами въ своемъ собственномъ домикѣ и изготовлялъ для себя пряжу, пользуясь рабочими силами своей семьи. G Schmoller—Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert Halle 1870 Ср Молчановскій—Цеховая система въ Пруссіи XVIII в. Кіевъ, 1887, стр 426. Waenting—Die gewerbepolitischen Anschauungen in Wissenschaft und Gesetzgebung des 19 Jahr. въ сбор. Die Entwicklung d deutsch. Volks II Th 1908.

Изъ исторіи промышленнаго развитія Царства Польскаго мы знаемъ, что среди иностранныхъ иммигрантовъ преобладающую роль играли мелкіе производители, кустари

„Вообще только нужда гонитъ изъ родного края, писалъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ фабричный комиссаръ Дунинъ, поэтому переселяющіеся иностранцы бѣдны; большая часть изъ нихъ приноситъ съ собой станки, да руки годныя и искусныя въ работѣ. Такіе люди не могутъ осѣдать тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ готоваго заработка. Трудолюбіе и рабочія руки только тогда поднимутъ ихъ изъ нищеты на степень благосостоянія, когда они будутъ имѣть сбытъ на свои издѣлія“ [1]) Въ Царство Польское переселялась прежде всего бѣднота, занимавшаяся кустарнымъ производствомъ у себя на родинѣ и переносившая на новыя мѣста одни ткацкіе станки и рабочія руки.

Обычно, мастера переселялись цѣлыми колоніями, со своими семьями и совсѣмъ своимъ скарбомъ. Само собой разумѣется, они приносили съ собой и тѣ формы производства, съ которыми сжились на родинѣ. Они выросли еще при господствѣ цеховой организаціи, хотя уже значительно урѣзанной, однако все еще существовавшей въ Пруссіи и Австріи. Эту организацію иммигранты перенесли и въ Царство Польское. Въ польскихъ офиціальныхъ актахъ мы часто встрѣчаемъ названіе цехъ въ примѣненіи къ организаціямъ ткачей и пр. Какъ извѣстно, въ Царствѣ Польскомъ по закону существовали не цехи, но т. н. zgromadzenia; и однако, въ офиціальныхъ документахъ часто употребляется слово цехъ.

Переселенцы, не будучи хорошо знакомы съ польскими узаконеніями, оставались повидимому въ полной увѣренности, что они обладаютъ и въ новой странѣ всѣми цеховыми привилегіями Въ этомъ отношеніи весьма характерно одно прошеніе, поданное хотя и въ 1834 г., т. е нѣсколько позже изучаемой здѣсь эпохи, но могущее характеризовать настроеніе умовъ и въ болѣе ранній періодъ. Бурмистръ г. Озоркова, его владѣлецъ и представители мастеровъ жалуются на то, что Готлибъ Лаузе и еврей Либрахъ при-

[1]) Ciśnie się do nas, писалъ въ 1825 г. предсѣдатель воеводской комиссіи, mnostwo zagranicznych Fabrykantów, ale po większey części ubogych См. Арх. Ген. Губ Sek V, 13 A vol. 548 III

нимаютъ для отдѣлки сукно отъ другихъ мастеровъ за плату и тѣмъ наносятъ ущербъ цеху (zgromadzieniu) стригальщиковъ, такъ какъ они не принадлежали къ нему. Ходатайствуютъ о томъ, чтобы названнымъ лицамъ было запрещено брать отъ посторонних мастеровъ сукно для аппретуры. Комиссія внутреннихъ дѣлъ отказала въ этомъ ходатайствѣ, ссылаясь на постановленіе намѣстника отъ 31 декабря 1816 г., по которому никому не должно быть воспрещаемо занятіе любымъ ремесломъ[1]).

По прибытіи въ Царство Польское, иммигранты получали готовыя квартиры, усадьбы, выгоны для пастьбы скота[2]), иногда общую сукновальню, стригальню и красильню[3]).

Первые колонисты нерѣдко занимались еще и земледѣльческимъ трудомъ. Въ одномъ рапортѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ отъ 1820 г. мы нашли такое любопытное указаніе: „кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ фабрикъ имѣются еще только бѣдные ткачи или сукнодѣлы, которые по большей части занимаются земледѣліемъ и только въ весьма ничтожномъ количествѣ могутъ доставлять сукно" (niezamożni Tkaczi, czyli sukkeniki, którzy po większey części trudniące się rolnictwem w bardzo tylko skromnéy illości sukna dostarczać mogą[4]) Иногда встрѣчались ходатайства ткачей о безплатномъ предоставленіи имъ земельныхъ участковъ.

Въ первыхъ рядахъ переселенцевъ шли бѣднѣйшіе элементы. Изъ данныхъ о количествѣ станковъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1819 г. и въ 1823 г. видно, что подавляющее большинство мастеровъ имѣло по одному станку, въ рѣдкихъ случаяхъ по 3—4[5]). Эти первыя партіи должны были подготовить почву для болѣе зажиточныхъ мастеровъ, которые имѣли возможность выжидать результатовъ переселенія своихъ болѣе бѣдныхъ односельчанъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ходоки прямо

---

[1]) См Арх. Ген. Губ. Дѣло Osady fabryczney w mieście Ozorkowie

[2]) Уполномоченные мастеровъ изъ Пабіаницы подаютъ 19 іюля 1827 г. просьбу о томъ, чтобы имъ было отведено мѣсто для пастьбы скота, котораго имъ негдѣ держать.

[3]) Въ 1821 г. въ Згержъ была передана цеху сукнодѣловъ казенная водяная мельница, въ Гостынинѣ также была уступлена мельница цеху сукнодѣловъ. См. Арх. Ген. Губ. тамъ же v. 348 II.

[4]) См Арх. Каз Пал. Akta og. fabryk i kontrollowania fabrykatów krajowych. Lit. F. Poszyt 1.

[5]) Арх. Ген Губ. Sek V. 13. A... Vol. 348 I. Ср. наше изслѣд. стр. 229—31.

заявляли о томъ, что богатые ткачи рѣшатъ переселиться только послѣ того, когда узнаютъ о благопріятномъ положеніи первыхъ выходцевъ.

Организація производства носила черты кустарной промышленности. Обычно, мастеръ работалъ у себя дома, пользуясь силами своей семьи. Къ его услугамъ были несложныя орудія, чаще всего ручной ткацкій станокъ, вывезенный изъ-за границы. Избы являлись вмѣстѣ жилыми и рабочими комнатами [1]). Въ иныхъ случаяхъ мастера даже занимаются земледѣліемъ, какъ показываетъ вышеприведенная цитата, всегда они имѣютъ огороды и держатъ коровъ.

Болѣе зажиточные мастера держатъ и подмастерьевъ, большею частью одного, рѣдко двухъ (см. выше прив. таблицу). О патріархальности отношеній на этой начальной стадіи развитія польской промышленности говоритъ такой фактъ: старшины суконнаго цеха г. Озоркова обращаются въ 1821 г. къ намѣстнику между прочимъ съ такой оригинальной просьбой—поселить среди нихъ красильщика суконъ.

Возникаетъ вопросъ, гдѣ сбывали издѣлія эти первые поселенцы?

Вопросъ о сбытѣ въ эти начальные годы поставилъ ткачей въ тяжелое положеніе. Чаще всего они продавали готовыя издѣлія евреямъ. Благодаря этому ткачи сразу же попали въ цѣпкія руки еврейскихъ посредниковъ. Вездѣ и всюду мы слышимъ жалобы на еврейскую эксплуатацію.

Представители власти были сильно озабочены вопросомъ, какъ создать рынокъ сбыта для прибывающихъ въ Царство Польское мастеровъ. Предсѣдатель Мазовецкой комиссіи Рембелинскій ходатайствуетъ въ 1821 г. объ облегченіи сбыта для переселяющихся мастеровъ, которые часто бываютъ поставлены въ крайнюю необходимость продавать за безцѣнокъ свои издѣлія евреямъ. Выходъ изъ этого затрудненія онъ видитъ въ передачѣ имъ поставокъ для войскъ. Необходимо распредѣлить поставку сукна для арміи между колоніями сукнодѣловъ пропорціонально числу станковъ [2]).

---

[1]) Въ одномъ случаѣ мы встрѣтили жалобу на то, что ткачу подъ квартиру было отведено такое помѣщеніе, что онъ не могъ поставить своего станка и въ силу этого долженъ былъ отдавать его въ наемъ другимъ

[2]) См. Арх. Ген Губ Sek. V, 13 A... V. 348 III.

Еще раньше въ 1819 г. Мазовецкая воеводская комиссія указывала на печальное положеніе ткачей. „Положеніе многихъ изъ нихъ съ момента переселенія въ нашу страну не только не улучшается; а съ каждымъ разомъ все ухудшается. Многіе изъ нихъ не имѣютъ возможности заработать столько, сколько требуется на прожитье". Спасеніе фабрикантовъ зависитъ исключительно отъ поставокъ сукна для арміи [1]

Правительство, внявъ этимъ ходатайствамъ, передало эту поставку мелкимъ промышленникамъ Въ г. Озорковѣ. главномъ центрѣ производства суконъ, была помѣщена военная комиссія для пріема сукна отъ отдѣльныхъ мастеровъ. Для опредѣленія добротности сукна имѣлись особые эксперты [2]).

Благодаря этому, положеніе мелкихъ производителей улучшилось. Но не надолго. Военныя поставки не могли поглотить всѣхъ издѣлій мѣстной промышленности. Скоро пришлось искать другихъ рынковъ сбыта. Они, какъ мы знаемъ, были найдены въ Россіи, въ виду измѣнившихся условій внѣшней торговли.

Такъ какъ внѣшній рынокъ лежалъ далеко отъ мѣстъ производства, то мелкіе производители должны были скоро лишиться своей независимости. Безъ посредника они никакъ не могли обойтись, и вотъ въ роли такихъ посредниковъ главнымъ образомъ выступали евреи. а отчасти свои же собратья, только обладающіе капиталами. Понятно. бѣдный прусскій или силезскій ткачъ, не знавшій языка, страны, условій рынка, не могъ стать въ независимое положеніе при сбытѣ своихъ издѣлій. Онъ сразу попадалъ въ руки ловкихъ, предпріимчивыхъ евреевъ.

Эта зависимость не ограничивалась тѣмъ, что мелкій производитель сбывалъ еврею свои издѣлія, но ему приходилось еще забирать отъ посредника въ кредитъ сырой матеріалъ—шерсть. Такое кредитованье возникло въ силу тѣхъ же причинъ—незнанія мѣстнаго рынка, а съ другой стороны, бѣдности первыхъ поселенцевъ. Ткачъ могъ жить только изъ дневного заработка. Для того, чтобы имѣть этотъ заработокъ, сначала нужно было пріобрѣсти сырье; денегъ на это не было. И вотъ на помощь ткачу являлся купецъ еврей, который

---

[1]) См Арх. Ген. Губ. Дѣло.... Osady fabryczney w mieście Zgierzu

[2]) Тамъ же Og. Akta... tyczące się Rapportu rocznego 1822.

за лихвеные проценты и ссужалъ его шерстью. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ систему домашней промышленности, гдѣ торговый капиталъ уже взялъ руководящую роль въ производствѣ, подчинивъ его себѣ [1]).

Какіе размѣры и какой характеръ носила еврейская эксплуатація, это покажетъ намъ слѣдующая цитата изъ архивныхъ документовъ:

Предсѣдатель Калишской воеводской комиссіи среди мѣропріятій къ развитію польской промышленности называетъ организацію акціонерной компаніи для веденія внутренней и внѣшней торговли. „Такимъ путемъ можно было бы вырвать одиночныхъ мастеровъ отъ еврейскихъ рукъ, которыя эксплуатируютъ ихъ въ виду недостатка сбыта (z braku odbytu). Нельзя даже описать, съ какимъ живодерствомъ они наживаются на крайней нуждѣ подобныхъ промышленниковъ, взимая съ нихъ растовщическіе проценты.

Ваша Княжеская Свѣтлость не повѣрите, что въ г. Коло еврей даетъ сукнодѣлу шерсть, не имѣющему средствъ для покупки ея (który iey nie ma za co kupić), затѣмъ онъ платитъ ему всего 8—9 зл за чесанье и пряденье шерсти, тканье изъ нея одного постава простого сукна и, наконецъ, валянье. Какъ ни кажется это преувеличеннымъ, однако это дѣйствительный фактъ. Допустимъ, что ткачу валянье сукна стоитъ 1 зл. 15 гр., въ результатѣ за всѣ его труды по выдѣлкѣ постава сукна, заключающаго въ себѣ 30 локтей, останется отъ 6 до 7 зл. 15 гр. на содержаніе цѣлой семьи въ теченіе 4—5 дней, которыя онъ долженъ употребить на эту работу. Нельзя себѣ представить большую нужду и нищету сравнительно съ той, до которой доводитъ мелкихъ промышленниковъ еврейская эксплуатація“. Это обстоятельство, добавляетъ предсѣдатель, и побудило меня склонить г. Гаррера суконнаго фабриканта въ Сѣрадзѣ къ

---

[1]) Домашняя промышленность существовала въ началѣ 19 в и въ Германіи въ двухъ формахъ. въ однихъ случаяхъ ткачъ работалъ за счетъ крупнаго предпринимателя изъ его пряжи, по его заказу и образцамъ и за это получалъ заработную плату: въ другихъ случаяхъ ткачъ покупалъ на свой рискъ пряжу и выдѣлывалъ изъ нея полуфабрикатъ, который потомъ переходилъ къ крупному предпринимателю для дальнѣйшей обработки. Schmoller—Die Entwicklung und die Krisis der deutschen Weberei im Jahrhundert въ Deutsche Zeit=und Streit Fragen изд Гольцендорфа и Онкена. Berlin 1873 s 9

тому, чтобы онъ отъ себя раздавалъ бѣднымъ ткачамъ шерсть для тканья“ [1]).

Если представитель власти рисуетъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ роль еврэевъ скупщиковъ, то можно себѣ представить, какіе размѣры должна была носить въ дѣйствительности эта хищническая эксплуатація.

Послѣдняя фраза въ донесеніи предсѣдателя воеводской комиссіи ясно показываетъ, что онъ видѣлъ все зло новой системы экономическихъ отношеній не въ томъ, что мелкіе производители лишились самостоятельности, но въ еврейскомъ посредничествѣ. По его мнѣнію, положеніе ткачей улучшилось бы, если бы одинъ крупный предприниматель замѣнилъ многочисленныхъ еврейскихъ скупщиковъ. Кстати сказать, въ появленіи такихъ крупныхъ предпринимателей видѣли тогда благопріятный симптомъ. „Нѣкоторые ткачи въ Остроленкѣ, доноситъ фабричный комиссаръ Дунинъ, не имѣютъ работы, потому что еще нѣтъ предпринимателя, который бы давалъ имъ работу или скупалъ у нихъ ткани“ [2]).

Не одни бѣдные сукнодѣлы попадали въ такую кабалу. Этой участи не избѣжали и представители другихъ отраслей промышленности. По крайней мѣрѣ мы находимъ аналогичныя свѣдѣнія о положеніи ткачей бумажныхъ издѣлій. „Значительное развитіе бумаго-ткацкой промышленности, пишетъ предсѣдатель Калишской воеводской комиссіи, не можетъ все еще обезпечить благосостоянія производителей по слѣдующей причинѣ: торговля этими издѣліями находится исключительно въ рукахъ нѣсколькихъ евреевъ (handel wyrobkami tego rodzaiu iest wyłącznie tylko w ręku kilku żydów). Послѣдніе, раздавая бѣднымъ ткачамъ для переработки пряжу, столь мало вознаграждаютъ за трудъ, что ткачи ѣдва въ состояніи существовать на это“ (że ci ledwie za to wyżywieć się potrafią) [3]).

Далѣе тотъ же предсѣдатель Калишской комиссіи, сообщая о процвѣтаніи хлопчатобумажнаго производства въ Набіаницахъ, имѣвшихъ много преимуществъ передъ другими городами благодаря обилію

---

[1]) Арх. Ген Губ Sek. V, 13 A . v. 348 Ш. Отчетъ намѣстнику о регуляціи городовъ и состояніи фабрикъ въ Калиш воеводствѣ 16 марта 1824

[2]) Тамъ же. Og. akta. . tyczące się osad fabrycznych Zawislańskich Рапортъ Дунина за 1827 г.

[3]) Тамъ же. Og. akta . Rapportu rocznego 1829.

воды и удобству сообщенія со столицей Царства Польскаго (шоссе), замѣчаетъ. „нѣкоторые мелкіе ткачи, не имѣя возможности работать на свой счетъ, перерабатываютъ бумажную пряжу для одного калишскаго купца, который хотя и даетъ имъ много работы, однако не имѣя конкурентовъ въ заказахъ этимъ ткачамъ, черезчуръ низко (zbyt mało) оплачиваетъ ихъ трудъ: за 113 локтей китайки платитъ только 15 зл.[1]) Ничтожность такой платы видна изъ того, что въ среднемъ въ эту эпоху на одинъ станокъ приходилось изъ годового производства около 1200 локт. бумажныхъ тканей. Слѣдовательно, заработокъ ткача при такой расплатѣ не превышалъ 150 зл. въ годъ. Въ начальные годы изслѣдуемаго періода наблюдались сравнительно рѣдко случаи эксплуатаціи ткачей со стороны своихъ соотчичей.

Въ именныхъ спискахъ вновь прибывшихъ мастеровъ за 1826 г. мы нашли нѣколько любопытныхъ отзывовъ о той или другой фамиліи. Такой-то сукнодѣлъ отягченъ большою семьею; хотя онъ и трудолюбивъ, но не имѣетъ никакого заработка, не находя сбыта своимъ издѣліямъ. Въ виду этого ему приходится искать работы у соотечественниковъ. Другой, въ виду бѣдности, также вынужденъ бываетъ искать пріюта у болѣе богатыхъ мастеровъ[2])

Впрочемъ, такіе случаи въ первое время возникновенія польской промышленности представляли рѣдкое явленіе. Иммигранты, въ общемъ представляли однородную массу по имущественному положенію. Среди нихъ не было еще большихъ различій по степени зажиточности. Позже, когда начали переселяться болѣе богатые мастера, тогда и послѣдніе стали выступать въ роли скупщиковъ. Этотъ видъ торговаго посредничества развился при содѣйствіи самого правительства, которое особенно заботилось о привлеченіи въ страну богатыхъ фабрикантовъ и предпринимателей, видя въ этомъ средство спасенія мелкихъ производителей отъ еврейской кабалы.

Болѣе предпріимчивые и болѣе сильные въ экономическомъ отношеніи одиночные мастера пытались организовать сбытъ своихъ издѣлій безъ участія посредниковъ. Мастеръ Шиндлеръ въ своей жалобѣ разсказываетъ слѣдующее: въ 1823 г. онъ вступилъ съ однимъ красильникомъ изъ Озоркова въ торговую компанію, обязавшись съ сукнами выѣхать въ Россію. Товаръ былъ задержанъ

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Og. Akta.. Rapportu rocznego 1829. V. I.

[2]) Арх. Каз. Пал —№ $^{1}/_{33}$ Lit. O. Akta. tyczące się osad fabrycznych.

на границѣ въ виду несоблюденія нѣкоторыхъ формальностей. Въ результатѣ ему пришлось вернуться назадъ. Все это нанесло ему большіе убытки Онъ ходатайствуетъ о возмѣщеніи этихъ убытковъ въ размѣрѣ 600 талеровъ, такъ какъ задержка произошла по винѣ экспедиціонныхъ чиновниковъ въ Варшавѣ. Между прочимъ Шиндлеръ подчеркиваетъ то, что онъ фабрикантъ и долженъ былъ для торговыхъ цѣлей бросить свое хозяйство и станокъ въ бездѣйствіи на цѣлый годъ.

Мастера г. Турекъ жалуются въ 1825 г. на то, что они несутъ большія потери отъ еврейской контрабанды Для безубыточной продажи своихъ издѣлій имъ приходится обходить всѣ окрестныя ярмарки (wszystkie okoliczne jarmarki obiegać muszą)[1]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣры самостоятельнаго независимаго существованія мелкихъ производителей, лично организующихъ даже и сбытъ своихъ издѣлій. Впрочемъ изъ приведенныхъ жалобъ видно, что эта операція была сопряжена для нихъ съ большими затрудненіями: приходилось терять много времени и пріостанавливать свои обычныя занятія.

Вліяніе отдаленности рынка на развитіе домашней промышленности обстоятельно выяснено въ экономической литературѣ. У мелкаго производителя не достаетъ средствъ для сбыта своихъ издѣлій на отдаленномъ рынкѣ. Прибыль, получаемая имъ, не окупаетъ издержекъ по переѣзду и потери времени. Ему выгоднѣе продавать свои издѣлія купцу или болѣе зажиточному мастеру, ближе знакомому съ рынкомъ. Такимъ образомъ, и подготовляется почва для превращенія мастера въ простого рабочаго на крупнаго предпринимателя [2]).

Въ лучшемъ положеніи находились тѣ мастера, которые жили болѣе сплочено и солидарно. Есть указанія, что въ иныхъ случаяхъ такія связи были очень крѣпки. Zgromadzenia мастеровъ являлись иногда дѣйствительно органами взаимопомощи. Такъ zgromadzenie въ Сташовѣ Сандомірскаго воеводства имѣло капиталъ, образованный изъ взносовъ учениковъ, подмастерьевъ, изъ завѣщанныхъ суммъ. Изъ этого фонда мастера получали ссуды. Иногда за счетъ этого фонда

---

[1]) Арх Ген Губ. Sek V, 13 A ... Vol 348, IV

[2]) См Handw. der Staatswissenschaften 3 Aufl. Jena 1900. Bd IV. Art. Gewerbe. S 381.

выписывались новыя фабричныя машины для общаго пользованія [1]). Здѣсь передъ нами образецъ широко развитаго кооперативнаго товарищества.

Возникновенію чувства солидарности и сплоченности среди отдѣльныхъ мастеровъ могло содѣйствовать и то, что правительство обычно устраивало для нуждъ цѣлой колоніи одну сукновальню, одну красильню. Впрочемъ, насколько можно судить по разнымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, подобныя ассоціаціи встрѣчались сравнительно рѣдко или, по крайней мѣрѣ, находились въ зачаточномъ состояніи. Обыкновенно, солидарность и сплоченность не простиралась дальше подачи коллективной жалобы или прошенія. Такихъ ассоціацій, гдѣ бы проводились положительныя мѣропріятія въ цѣляхъ улучшенія своего экономическаго положенія, очевидно, было немного [2]).

Встрѣчалась въ изучаемую эпоху еще одна разновидность системы домашней промышленности во главѣ съ крупнымъ помѣщикомъ Такъ владѣлецъ с Кромолова бар. Гостковскій организовалъ на широкихъ началахъ производство хлопчатобумажныхъ и льняныхъ тканей среди крестьянъ. „Тамъ не было почти ни одного дома, въ которомъ бы не занимались, пишетъ одинъ современникъ, выдѣлкой шерстяныхъ тканей, а главнымъ образомъ – хлопчатобумажныхъ и льняныхъ для владѣльца, а также и за собственный счетъ". Какъ широко было организовано это производство, видно, хотя бы изъ того, что владѣлецъ Кромолова за бумажную пряжу, выписываемую изъ за границы, уплачивалъ ежегодно казнѣ пошлины около 30,000 зл. „Положеніе жителей, замѣчаетъ тотъ же современникъ, настолько улучшилось, что многіе крестьяне окрестныхъ селъ рѣ-

[1]) Арх. Ген Губ. Og. Ak. Rapporti roczngo 1826 Начало для развитія товарищества въ Сташовѣ было положено мѣстнымъ землевладѣльцемъ гр. Потоцкимъ, который пожертвовалъ капиталъ въ 20 тыс. зл. для выдачи мастерамъ двухпроцентныхъ ссудъ. Послѣднія выдавались большею частью шерстью и красками, а отчасти—наличными Есть указанія на то, что и другіе помѣщики давали ссуды шерстью мастерамъ, поселившимся на ихъ земляхъ.

[2]) Интересно, что подобныя ассоціаціи мелкихъ производителей встрѣчались особенно часто въ Саксоніи, какъ утверждаетъ Шмоллеръ. Многія такія ассоціаціи образовались изъ цеховъ сукнодѣловъ, въ которыхъ валянье суконъ, окраска, прядень пряжи совершалось за общій счетъ. См Schmoller—Zur Geschichte. s 585—6.

шили взяться за ткачество и уже ткацкіе станки въ бѣдныхъ хижинахъ причисляются къ домашней утвари“ [1]).

Такимъ образомъ, въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго существовали слѣдующія формы производства: кустарное мастерство, чередовавшееся съ земледѣльческими занятіями, затѣмъ мелкое производство, самостоятельное и независимое съ нѣкоторыми чертами цеховой организаціи. Это мелкое производство во многихъ случаяхъ потеряло свою самостоятельность и независимость. Прежде всего оно лишилось этой самостоятельности въ организаціи сбыта издѣлій. Широко было развито производство на скупщика, каковымъ чаще всего являлся еврей. Эта начальная стадія домашней промышленности (Verlagssystem) скоро перешла въ другую высшую стадію, гдѣ зависимость мелкаго производителя приняла болѣе рѣзкія формы. Теперь мелкій производитель не только сбывалъ скупщику свои издѣлія, но получалъ отъ него въ кредитъ и сырье—пряжу или шерсть. Въ данномъ случаѣ передъ нами крупное децентрализованное производство. Организаторами его являлись прежде всего евреи, хорошо знакомые съ условіями сбыта товаровъ, иногда въ этой роли выступали помѣщики. Позже, какъ увидимъ, появляются крупные иностранные предприниматели. На этой стадіи развитія домашней промышленности руководящую роль въ производствѣ играетъ капиталистъ-предприниматель, хорошо знакомый съ состояніемъ рынка и располагающій средствами, необходимыми для покупки сырья и сбыта товаровъ. Отличительную особенность этой формы составляетъ централизованное руководство производствомъ при разбросанности рабочихъ по отдѣльнымъ хижинамъ. Мелкій производитель, превратившійся по существу въ простого рабочаго, сохранилъ еще тѣнь своей былой самостоятельности въ томъ, что онъ работалъ на дому въ кругу своей семьи. Образуется, по вѣрному замѣчанію Бюхера, какъ-бы федеративная форма, въ которой функціи распредѣляются между главнымъ органомъ и подчиненными такъ, что первый заботится о сбытѣ и приспособленіи производства къ условіямъ рынка, между тѣмъ какъ вторые ограничиваются только ролью производителей въ указанныхъ имъ рамкахъ [2]). Частный примѣръ развитія

---

[1]) Prof. Ant. Hann—Uwagi nad niektóremi Gałęziami Przemysłu krajowego (Рѣчь, читанная 29 сент. 1830 г.), str 14.

[2]) Handw. der Staatsw. 3 Auf. Jena 1900. Bd IV, s 380.

польской промышленности подтверждаетъ только то, что установлено въ наукѣ относительно промышленнаго развитія другихъ странъ.

Жестокая еврейская эксплуатація мелкихъ ткачей побудила польское правительство принять тѣ и другія мѣры къ облегченію участи мелкихъ производителей Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ первые годы зарожденія фабричной промышленности правительство съ особымъ вниманіемъ относилось къ интересамъ мелкихъ производителей Такъ изъ устъ одного виднаго дѣятеля на поприщѣ насажденія фабричной промышленности Рембелинскаго мы слышимъ слѣдующую фразу. „желательно оказывать поддержку мелкимъ фабрикантамъ, а не крупнымъ". Такое мнѣніе было высказано предсѣдателемъ Мазовецкой комиссіи по поводу просьбы фабриканта Бергена въ 1823 г. о ссудѣ въ 100 тыс. зл.[1]). Заботливость правительства о мелкихъ производителяхъ простиралась до того, что оно приняло на себя обязательство по устройству кирхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ осядетъ 30 семействъ мастеровъ.

Въ цѣляхъ защиты сукнодѣловъ отъ еврейской эксплуатаціи правительство передало въ руки ихъ поставку сукна для войскъ, позже стало выдавать ссуды на покупку шерсти, понуждаемое къ этому усиленными ходатайствами мелкихъ производителей.

Жалобы на недостатокъ шерсти, на ея дороговизну особенно часто слышатся въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Благодаря быстрому росту шерстяной промышленности и вывозу суконъ въ Россію, цѣны на шерсть значительно поднялись. Въ 1825 году повышеніе цѣнъ на шерсть, по словамъ Рембелинскаго, достигло 50%.

Такое вздорожаніе шерсти печально отразилось на положеніи мелкихъ ткачей. Рембелинскій выступилъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы правительство пришло на помощь болѣе бѣднымъ мастерамъ, которые, не имѣя средствъ для покупки сырого матеріала, находились въ тяжеломъ положеніи вслѣдствіе гибельной спекуляціи евреевъ, забиравшихъ себѣ весь ихъ заработокъ. Онъ ходатайствовалъ объ установленіи ярмарки въ Ленчицѣ и объ ассигнованіи 500.000 зл. на ссуды для покупки шерсти[2]).

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Sek. V. 13 A. V. 348. II.

[2]) Арх. Ген. Губ. Sek. V. 13 A. V. 348. I. „Należałoby wspierać mniey maiętnych sukienników, замѣчаетъ Рембелинскій, ażeby tych z pod dependencyi handlarzy wełną żydowskich wydobudz'

Правительство пошло навстрѣчу этимъ ходатайствамъ, ассигновавъ капиталъ для выдачи ссудъ на покупку шерсти. Эта мѣра не могла охранить мелкихъ производителей отъ еврейской эксплуатаціи въ виду, во-первыхъ, сравнительной ничтожности капиталовъ [1]), во-вторыхъ, въ виду того, что ссуды выдавались только мастерамъ, жившимъ въ правительственныхъ городахъ. „Насколько мнѣ извѣстно, пишетъ проф. Ганнъ, это благодѣяніе распространялось только на фабрикантовъ, жившихъ въ правительственныхъ городахъ. Хорошо было бы образовать частныя товарищества, на подобіе существующаго пока только въ Калишѣ, и въ другихъ мѣстахъ для помощи правительству въ осуществленіи этой задачи" [2]) Приведенное замѣчаніе современника для насъ цѣнно въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на существованіе въ концѣ изслѣдуемаго періода въ Калишѣ частнаго товарищества, выдававшаго ссуды мастерамъ на покупку шерсти; но это было исключительное явленіе.

Въ цѣляхъ обезпеченія экономической независимости мелкихъ производителей правительство разрѣшило безпошлинный ввозъ пряжи переселяющимся ткачамъ въ размѣрѣ одного центнера на ткацкій станокъ Это обезпечивало для переселенцевъ, хотя на первое время, возможность заработка. Имъ не приходилось обращаться за сырымъ матеріаломъ къ дорогому посредничеству евреевъ.

Мелкіе мастера подавали еще заявленія о томъ, чтобы правительство устроило склады, куда они могли бы сбывать свои издѣлія; но эти ходатайства не встрѣтили поддержки въ правительственныхъ сферахъ.

Для спасенія мелкихъ производителей правительство придумало другое средство, болѣе легкое и простое—отнять руководящую роль въ производствѣ у евреевъ и передать ее въ руки иностранныхъ предпринимателей. Съ этой цѣлью правительство во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ начинаетъ усиленно вызывать изъ-за границы крупныхъ предпринимателей, предоставляя имъ особыя льготы и выдавая ссуды въ повышенномъ размѣрѣ. Эти капиталисты должны

---

[1]) Вмѣсто 500 тыс. зл., просимыхъ Рембелинскимъ, ему было отпущено на ссуды для покупки шерсти всего 100 тыс зл Рембелинскій находилъ эту сумму слишкомъ недостаточной

[2]) Prof Hann—выше цит., str. 11.

были взять въ свои руки окончательную отдѣлку товаровъ, аппретуру и затѣмъ оптовую торговлю ими.

Въ отчетахъ по отдѣльнымъ воеводствамъ, въ рапортахъ по объѣзду фабрикъ—всюду высказывается пожеланіе о привлеченіи въ страну крупныхъ предпринимателей, которые бы скупали полуфабрикаты отъ мелкихъ производителей, отдѣлывали ихъ и затѣмъ продавали. Предполагалось, что такимъ путемъ и само производство достигло бы большаго техническаго совершенства, а съ другой стороны, улучшилось бы положеніе мелкихъ производителей, освобожденныхъ отъ еврейской эксплуатаціи.

Въ отчетѣ предсѣдателя Калишской воеводской комиссіи за 1824 г указывается на слѣдующее условіе, задерживающее развитіе промышленности—„недостатокъ капиталистовъ или крупныхъ предпринимателей или купцовъ (brak kapitalistów czyli głównych przedsiębierców fabryk lub też po prostu kupców), которые могли бы вести дальнѣйшую торговлю издѣліями, вырабатываемыми мелкими производителями, а равно недостатокъ аппретуристовъ тѣхъ издѣлій, которымъ простой ткачъ не въ состояніи дать надлежащей отдѣлки“ [1]).

Подобное же замѣчаніе встрѣчается и при характеристикѣ хлопчатобумажной промышленности въ Калишскомъ воеводствѣ. Предсѣдатель воеводской комиссіи, указавъ на печальное положеніе мелкихъ ткачей, обусловленное еврейской эксплуатаціей, замѣчаетъ: „совершенно иначе было бы, если бы удалось привлечь въ воеводство изъ-за границы искусныхъ аппретуристовъ и крупныхъ капиталистовъ Лучшей отдѣлкой тканей они смогли бы поднять ихъ цѣнность, а вмѣстѣ съ этимъ могли бы давать ткачамъ болѣе высокое вознагражденіе, чѣмъ евреи, простые торгаши. Они даже вынуждены были бы это дѣлать, такъ какъ интересъ аппретуриста всегда близко связанъ съ благополучіемъ ткача (bo interes Appretera z dobrem powodzeniem tkacza zawsze iest nader blisko połączony [2]).

Рембелинскій въ отчетѣ за 1824 г. высказываетъ надежду, что ему удастся привлечь въ страну нѣсколькихъ предпринимателей для закупки и аппретуры тканей. У него проскальзываетъ мысль о возможности угнетенія мелкихъ ткачей со стороны этихъ оптовиковъ.

[1]) Арх. Ген Губ. Sek. V, 13 A. v. 348 III.

[2]) Арх Ген. Губ Og. Akta , Rapportu rocznego, 1829

Поэтому онъ рекомендуетъ установить опредѣленную плату за аппретуру, полагая, что такимъ путемъ возможно устранить эксплуатацію. „Лучшее средство для этого сосредоточеніе данной операціи въ рукахъ богатыхъ капиталистовъ, которые могли бы обезпечить отдѣльнымъ ткачамъ сбытъ издѣлій, давая имъ вѣрный заработокъ.

Такихъ предпринимателей аппретуристовъ, принадлежащихъ какъ бы къ классу купцовъ, слѣдуетъ отличать, прибавляетъ Рембелинскій, отъ фабрикантовъ, держащихъ станки и челядь за собственный счетъ“ [1]).

Въ отчетѣ Калишской воеводской комиссіи за 1826 г мы находимъ такое замѣчаніе „хотя и наблюдается прогрессъ въ развитіи хлопчатобумажной и льняной промышленности, однако не такой, какъ въ суконной. Одной изъ главнѣйшихъ причинъ этого является то, что до сихъ поръ нѣтъ такого предпринимателя, который бы давалъ пряжу ткачамъ, занимался скупкой неотдѣланныхъ тканей, затѣмъ подвергалъ ихъ обработкѣ и продавалъ“.

Сообщенія о переселеніи такихъ крупныхъ предпринимателей сопровождаются самыми розовыми надеждами. „Поселеніе въ 1822 г. въ Згержѣ оптовика Захерта, занимающагося скупкой и аппретурой издѣлій одиночныхъ ткачей, облегчитъ имъ сбытъ таковыхъ и несомнѣнно окажетъ благотворное вліяніе на ихъ благосостояніе. Кромѣ того, добавляетъ предсѣдатель Мазовецкой воеводской комиссіи, здѣсь еще осѣлъ Мейснеръ, который уже издавна занимался въ Пруссіи торговлею съ Россіей. Онъ скупаетъ большими партіями сукно отъ мѣстныхъ и окрестныхъ ткачей и затѣмъ отправляетъ его въ Россію“ [2]).

Отношенія, возникавшія между такимъ предпринимателемъ аппретуристомъ и мелкимъ производителемъ хорошо охарактеризованы въ одномъ прошеніи (1827 г.) Лянге, владѣльца крупнаго предпріятія въ Пржедбожѣ. „Существованіе мелкихъ сукнодѣловъ (ткачей), пи-

---

[1]) Арх Каз Пал Ak. og. fabrik i kontrollowania fabrikatów krajowych Lit F. v. II.

[2]) Въ Пруссіи, Силезіи, Саксоніи, по словамъ Шмоллера, также существовала подобная система скупки недокончепныхъ издѣлій крупными предпринимателями, которые уже отъ себя бѣлили, красили товаръ и пускали его въ торговый оборотъ Въ роли такихъ купцовъ предпринимателей выступали преимущественно разбогатѣвшіе ткачи. См. Schmoller—Zur Geschichte der deut. Kleingewerbe.. s 541,584.

салъ онъ, обезпечиваетъ процвѣтаніе крупныхъ предпріятій. Крупныя заведенія съ большой выгодой могутъ заниматься валяньемъ, аппретурой и крашеніемъ суконъ. Ткачество, какъ ручная работа не только не соотвѣтствуетъ предпріятію, основанному на машинномъ производствѣ, но болѣе того, фабрика, которая должна дорого платить рабочимъ, не можетъ конкурировать съ сукнодѣломъ, работающимъ для себя, притомъ съ помощью всей своей семьи (fabrika, która ludziom drogo płacić musi, nie może isć w konkurencyą z sukiennikiem, który sam dla siebie robiąc ma w pomoc całą swoią familią). Къ этому присоединяется еще трудность надзора при многочисленности рабочихъ за тѣмъ, чтобы внимательно, хорошо и дешево работали и притомъ еще не воровали.

Если фабрикантъ самъ цѣликомъ вырабатываетъ сукно, то отсюда вытекаетъ еще одно большое неудобство для страны: мелкій производитель (сукнодѣлъ) видитъ въ крупномъ богатомъ фабрикантѣ своего главнаго врага. Бѣдный сукнодѣлъ безъ поддержки, безъ хорошей прядильни, безъ сукновальни, красильни и аппретуры, съ небольшимъ капиталомъ въ состояніи вырабатывать только грубое сукно и по дорогой цѣнѣ. Это обстоятельство отваживаетъ русскаго купца и поощряетъ устройство и усовершенствованіе подобныхъ фабрикъ въ самой Россіи. Сукнодѣлъ, лишаясь сбыта, попадаетъ въ руки евреевъ. Обнищалый, лишенный надежды на лучшее будущее онъ переселится въ Россію, за нимъ пойдутъ болѣе зажиточные и наконецъ, богатые. Тогда всѣ наши усилія сведутся къ облегченію переноса фабрикъ изъ нѣмецкихъ странъ въ Россію.

Совершенно обратное получится, если правительство возьметъ подъ свою защиту крупныя предпріятія въ особенности тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ крупные помѣщики (Лянге и былъ такимъ). Въ такомъ случаѣ при этихъ заведеніяхъ осядутъ сукнодѣлы, которые будутъ получать отъ владѣльцевъ не только кредитъ на простое валяпье, аппретуру и крашеніе до продажи своихъ издѣлій, но также часто и кредитъ на покупку шерсти въ случаѣ несчастія, нужды и и т. п.

Фабрикантъ, имѣя капиталъ и сукнодѣловъ, осѣвшихъ въ данномъ мѣстѣ, внимательно слѣдящій за всякой мелочью, сможетъ хорошо вести дѣло и сможетъ облегчить положеніе многихъ мелкихъ производителей. Это укрѣпляетъ связь между мелкими ткачами и

фабрикантомъ. Эта связь обезпечиваетъ ихъ общее процвѣтаніе, невзирая на несчастныя случайности, какія всегда могутъ произойти".

Въ заключеніе Лянге ссылается на примѣръ Бельгіи, гдѣ благодаря господству крупнаго производства промышленность не погибла послѣ введенія во многихъ странахъ запретительной системы. „Наоборотъ, въ Кашубахъ, Пруссіи и даже Саксоніи, гдѣ было немного сукнодѣловъ съ капиталами, большинство бѣдныхъ ткачей разорилось послѣ введенія запретительной системы. Кто могъ ихъ поддержать, кто могъ дать другое направленіе ихъ дѣятельности, разъ интересъ богатаго не зависѣлъ отъ интереса менѣе зажиточнаго. Такого результата дождемся и мы, если болѣе крупные капиталисты и предприниматели не будутъ давать поддержки мелкимъ сукнодѣламъ. Съ этой цѣлью, говоритъ Лянге, я и основалъ вмѣстъ съ Кокерплемъ изъ Льежа предпріятіе въ Пржедбожѣ"

Приведенное въ подробномъ извлеченіи прошеніе крупнаго фабриканта Лянге проливаетъ яркій свѣтъ на положеніе мелкаго и крупнаго производства, на ихъ взаимныя отношенія.

Изъ этого документа мы можемъ сдѣлать нѣсколько интересныхъ выводовъ. Прежде всего для насъ важно то, что даже и въ концѣ изслѣдуемаго періода (дата прошенія Лянге 20 августа 1827 г.) въ сукнодѣліи господствующую роль играло ручное ткачество, находившееся въ рукахъ мелкихъ производителей, работавшихъ при помощи своихъ семей. У крупнаго фабриканта не являлось даже мысли о возможности конкуренціи фабричнаго производства съ ручнымъ въ сферѣ ткачества прежде всего въ виду трудности надзора за рабочими, въ отсутствіи у нихъ личнаго интереса. Съ другой стороны, эта конкуренція казалась ему опасной и съ соціальной точки зрѣнія: она обостряла отношенія между мелкимъ и крупнымъ производителемъ, иначе говоря, создавала классовыя противорѣчія. Когда крупное производство захватываетъ въ свои руки высшіе процессы—аппретуру, крашеніе и пр., тогда, по мнѣнію Лянге, между мелкимъ ткачемъ и крупнымъ фабрикантомъ устанавливается полная гармонія интересовъ. Мелкій ткачъ, поставляющій свои неотдѣлан-

---

[1]) Арх. Ген. Губ. Sek. V, 13 A., v. 348 VI. Сущность просьбы Лянге заключалась въ томъ, чтобы его фабрикѣ въ Пржедбожѣ и фабричной колоніи было дозволено вывозить сукна въ Россію черезъ Варшаву. Постановленіемъ намѣстника отъ 1-го іюля 1828 г эта просьба была удовлетворена.

ныя ткани крупному фабриканту и пользующійся въ широкой мѣрѣ его кредитомъ, близко заинтересованъ въ успѣхѣ своего предпринимателя; въ свою очередь и для послѣдняго далеко не безразлично положеніе мелкаго производителя. Возникаетъ полная солидарность интересовъ. Очевидно, въ это время еще мирно уживалось крупное производство съ мелкимъ. Борьба между ними развивается позже [1]). Такое тождество интересовъ объясняется просто тѣмъ, что въ эту эпоху господствовало децентрализованное крупное производство. Централизація произошла только на высшихъ ступеняхъ производственнаго процесса, гдѣ нужны были техническія приспособленія, иначе говоря, гдѣ требовались болѣе значительныя затраты капитала. Обычно, при такихъ централизованныхъ заведеніяхъ жила группа мелкихъ производителей, работавшихъ за счетъ крупнаго предпринимателя. Эти мелкіе производители работали у себя на дому, пользуясь рабочими силами своей семьи. Вначалѣ эта зависимость мелкаго производителя отъ крупнаго прикрывалась кредитными сдѣлками: мелкій ткачъ получалъ въ кредитъ отъ крупнаго предпринимателя пряжу, ему въ кредитъ окрашивали, отдѣлывали сукно и пр. Отъ этого не далеко было уже и до полной потери хозяйственной самостоятельности, когда мелкій производитель начиналъ работать просто за счетъ крупнаго капиталиста. Правда, онъ работалъ на дому со своими орудіями и въ кругу своей семьи, но это уже была только иллюзія прежней самостоятельности.

Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія на существованіе именно такой формы производства. Существовали крупныя централизованныя предпріятія, занимавшіяся окончательной отдѣлкой товара и затѣмъ продажей его. Обычно, при нихъ находились

[1]) Въ 1831 г 24 октября старшины цеховъ г.г Згержа, Александрова, Озоркова Здунской Воли подали петицію комиссіи внутрен. дѣлъ, заключавшую въ себѣ слѣдующее пожеланіе, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, „гдѣ осѣли мелкіе фабриканты, было воспрещено дальнѣйшее устройство болѣе значительныхъ фабрикъ; существующія теперь должны быть предоставлены собственнымъ силамъ и лишены правительственной поддержки" См. Арх Ген Губ Og. akt.. tyczące się stanu i wzrostu fabryk. Очевидно, благодѣянія крупныхъ капиталистовъ мелкимъ ткачамъ оказались не особенно сладкими. Здѣсь уже ясно проглядываетъ сознаніе противоположности интересовъ крупнаго и мелкаго производства

небольшія ткацкія заведенія, но основную массу сукна эти предпріятія получали отъ одиночныхъ ткачей.

Изъ отчета Сандомірской воеводской комиссіи за 1827 г. видно, что въ Пржедбожѣ одиночные ткачи частью работали на фабрику Лянге, частью на евреевъ. Въ отчетѣ за 1825 г. Калишской воеводской комиссіи говорится объ основаніи новой суконной фабрики Поля и К°. „Богатый купецъ устраиваетъ только зданіе для аппретуры, имѣя въ виду покупать суровое сукно у мелкихъ производителей для вывоза его въ Россію и Китай Указанное предпріятіе должно улучшить положеніе мелкихъ ткачей, которые не обладаютъ достаточнымъ капиталомъ для веденія торговли съ Россіей и въ особенности съ Китаемъ". Въ послѣдней фразѣ мы находимъ ясное указаніе на то обстоятельство, которое вызывало потерю экономической независимости мелкихъ производителей, именно—отдаленность рынка

О фабрикѣ „Поль и К°." мы находимъ дѣйствительно въ отчетѣ за 1829 г. такое замѣчаніе: „она даетъ еще работу мелкимъ ткачамъ и такимъ образомъ избавляетъ ихъ отъ рукъ евреевъ".

Въ отчетѣ той же комиссіи за 1829 г. имѣется слѣдующее замѣчаніе о фабрикѣ Поссарта. Эта фабрика давала заработокъ 1.145 чел. „Это заведеніе, извѣстное своими размѣрами, не помѣщалось въ собственныхъ зданіяхъ, но было разбросано по разнымъ домамъ г. Сѣрадза и даже окрестнымъ мѣстечкамъ и селамъ, что дѣлало надзоръ труднымъ и часто даже невозможнымъ (był rozrucony po różnych domach miasta Sieradza, a nawet okolicznych miasteczkach i wsiach, co czyniło dozor iego trudnym a nawet często niepodobnym). Для устраненія этого неудобства нынѣшніе владѣльцы предполагаютъ въ текущемъ году выстроить большое фабричное зданіе о двухъ этажахъ, пять одноэтажныхъ домовъ для ткачей и большое помѣщеніе для 36 лошадей" [1]).

Это весьма цѣнное сообщеніе. Лянге находилъ болѣе выгоднымъ децентрализованное производство; наоборотъ владѣльцы фабрики Поссартъ уже пришли къ сознанію невыгодности этой формы и намѣревались образовать одно централизованное предпріятіе. Главное неудобство ея заключалось въ трудности и даже невозможности надзора. Тамъ, гдѣ тысяча мелкихъ производителей, разбросанныхъ по разнымъ домамъ, работала за счетъ капиталиста, разумѣется, трудно

---

[1]) Арх, Ген. Губ. Og. Akt... tyczące się Rapportu rocznego 1829.

осуществить сколько-нибудь дѣйствительный надзоръ. И вотъ капиталистъ соединяетъ своихъ рабочихъ въ одно централизованное предпріятіе, гдѣ его распорядительная власть можетъ дать направленіе и тонъ каждому отдѣльному члену промышленнаго организма.

Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода мы наблюдаемъ первые шаги на пути перехода крупныхъ децентрализованныхъ предпріятій въ централизованныя.

Другихъ аналогичныхъ указаній намъ не удалось найти въ архивныхъ документахъ. Есть основаніе предполагать, что на такихъ началахъ были организованы и другія крупныя предпріятія данной эпохи.

Широкой извѣстностью въ этомъ періодѣ пользовались двѣ суконныя фабрики—Репгана въ Калишѣ (основ. 1817 г.) и Фидлера въ Опатовкѣ (1825 г.). О фабрикѣ Репгана сообщается, что въ 1825 г. она имѣла 58 ткацкихъ станковъ, сверхъ того, раздавала шерстяную пряжу еще мелкимъ производителямъ. Одинъ современникъ (Лубенскій) такъ описываетъ свое посѣщеніе этой фабрики въ 1828 г. „Эта фабрика выдѣлываетъ 5.000 поставовъ сукна, ежедневно на ней работаетъ 500 человѣкъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы издавна были къ этому приспособлены. Большая часть рабочихъ, кажется, поляки. Владѣлецъ фабрики началъ дѣло съ небольшимъ капиталомъ, имѣя не больше 5.000 талеровъ Правительство уступило ему мельницу, стоящую на Просьнѣ и двухъэтажное зданіе напротивъ костела Св. Духа для устройства красильни. Изъ мельницы Репганъ сдѣлалъ сукновальню и прядильню, приводимую въ движеніе силой воды. До сего времени Репганъ выдѣлывалъ сукно исключительно для Россіи [1]), но теперь два купца—одинъ петербургскій, другой—московскій, сдѣлали ему значительные заказы для Китая. Сукно, предназначенное для этого вывоза, должно имѣть въ поставѣ 50 локтей длины“ [2]). Въ отчетѣ за 1829 г. говорится, что эта фабрика давала заработокъ 1.102 чел Такъ какъ за эти годы никакихъ перестроекъ не произошло на фабрикѣ Репгана, то разумѣется, въ одномъ и томъ же зданіи нельзя было бы помѣстить удвоенное количество рабочихъ. Очевидно, отчетъ въ число рабочихъ включилъ и тѣхъ.

---

[1]) Въ 1828 г въ Россію было вывезено сукна фабрикой Репганъ 137.190 локтей, т е почти все годовое производство

[2]) См. Rog Łubeński—выше цит. t. I, str. 480—481.

которые работали у себя на дому, но за счетъ фабриканта. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что, по словамъ вышецитированнаго современника, въ 1828 г. выработано было на фабрикѣ Репгана около 5.000 поставовъ сукна; а по даннымъ отчета въ 1829 г. 148.000 лок. (раздѣливъ на 30 локт., обычная длина постава, получимъ 4.700 поставовъ). Слѣдовательно, годовое производство сукна въ 1828—1829 г осталось безъ измѣненія, между тѣмъ какъ число рабочихъ въ послѣднемъ году показано въ отчетѣ вдвое большее. Это странное явленіе, безъ сомнѣнія, объясняется просто тѣмъ, что Лубенскій, осматривавшій фабрику, указываетъ число рабочихъ ежедневно занятыхъ на ней, не упоминая о тѣхъ ткачахъ, которые по своимъ домамъ работали на фабрику; въ отчетѣ, наоборотъ, перечисляются всѣ, получавшіе заработокъ отъ Репгана. Любопытно, что число ткачей, работавшихъ у себя на дому, превышало даже нѣсколько число рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ (600 противъ 500).

Фабрика Фидлера считалась первой въ странѣ по совершенству техники и по своимъ размѣрамъ. Она пользовалась уже паровой силой. Всѣ машины приводились въ движеніе двумя паровыми машинами—одной въ 24 лошадиныхъ силъ, другой въ 12, выписанными изъ Льежа. При фабрикѣ имѣлась мастерская для выдѣлки всѣхъ орудій и машинъ, нужныхъ въ ткацкомъ производствѣ. Примѣненіе паровой силы, впервые [1]) осуществленное на фабрикѣ Фидлера, оказалось полезнымъ и для другихъ заведеній. Въ отчетѣ за 1826 г. имѣется указаніе на то, что паровая сукновальня Фидлера оказала большую услугу другимъ сукнодѣламъ. Въ виду сильной засухи многія сукновальни, пользовавшіяся водяной силой, обречены были на бездѣйствіе, между тѣмъ паровая сукновальня работала непрерывно, поэтому ея услугами пользовались и другіе фабриканты.

Цитированный нами Лубенскій даетъ такое описаніе этой фабрики отъ 16 марта 1828 г.: „Она принадлежитъ къ лучшимъ фабрикамъ этого рода. Паровая машина 20-сильная приводитъ въ движеніе всѣ машины на фабрикѣ, а другая 10-сильная поставлена въ сукновальнѣ [2]). Уже имѣется 60 станковъ, но Фидлеръ хочетъ число

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что первая паровая машина въ Царствѣ Польскомъ появилась на фабрикѣ Лянге и Ко. въ Пржедбожѣ въ 1824 г. Это была небольшая стригальная машина въ 3 лошадиныя силы; у Фидлера же паровой двигатель былъ примѣненъ для всѣхъ стадій производственнаго процесса.

[2]) Нами выше приведены нѣсколько большія цифры; онѣ взяты изъ архивныхъ документовъ.

ихъ увеличить до 100. Фабрика выдѣлываетъ главнымъ образомъ тонкія сукна стоимостью отъ 14 до 40 зл. за локоть; заказовъ имѣетъ много. Въ настоящее время Фидлеръ строитъ новое четырехъ-этажное зданіе исключительно для станковъ, съ центральнымъ отопленіемъ“ [1]).

Фидлеръ, видимо,. очень заботился о технической организаціи своей фабрики. Для ознакомленія съ новѣйшими усовершенствованіями въ области суконной промышленности онъ послалъ въ 1829 г. своего сына въ Голландію, Францію и Англію.

На этой фабрикѣ, по даннымъ 1829 г., работало 450 человѣкъ, причемъ въ отчетѣ указывается, что число это ниже предшествовавшихъ лѣтъ, такъ какъ на фабрикѣ произошла задержка въ апретурѣ суконъ.

Какъ мы знаемъ изъ описанія фабрики Гаррера въ Сѣрадзѣ, на крупныхъ предпріятіяхъ въ изучаемую эпоху практиковалась даже ночная работа. На фабрикѣ Гаррера работали двѣ смѣны—ночная и дневная. Такое интенсивное производство объяснялось усиленнымъ спросомъ, предъявляемымъ со стороны Россіи на польское сукно. Намъ часто приходилось встрѣчать указанія, что та или другая фабрика едва успѣваетъ выполнять свои заказы. Болѣе сообразительные предприниматели и додумались до работы въ двѣ смѣны.

Кромѣ крупныхъ частныхъ предпріятій существовали еще и правительственныя. Впервые въ Царствѣ Польскомъ крупныя предпріятія были созданы правительствомъ, и только позже стали возникать частныя крупныя фабрики. Одна только фабрика Репгана ведетъ свое начало отъ 1817 г., но первое время это было мелкое предпріятіе. Вообще крупныя суконныя фабрики возникаютъ только послѣ развитія оживленныхъ торговыхъ сношеній съ Россіей [2]).

Изъ болѣе раннихъ правительственныхъ предпріятій въ шерстяной промышленности можно назвать фабрику тонкихъ суконъ въ Варшавѣ подъ фирмой Поландъ. Въ 1822 г. на этой фабрикѣ

---

[1]) См. Rog. Lubeński—выше цит t. I, str. 484.

[2]) Интересно сопоставить съ этимъ, что и въ Германіи къ 1831 г., по словамъ Шмоллера, было много суконныхъ фабрикъ, выдѣлывавшихъ тонкія сукна и потому не угнетавшихъ мелкихъ производителей. Schmoller—Die Entwicklung . s 17 Дѣло въ томъ, что и существовавшія въ Царствѣ Польскомъ фабрики Репгана, Фидлера также выдѣлывали главнымъ образомъ тонкія сукна.

насчитывалось 54 станка и 180 рабочихъ; въ 1824 г. она была продана Френклю за $1^1/_2$ мил. зл.

Фабрика Поландъ была оборудована паровой машиной въ 18 лошадиныхъ силъ, часть станковъ приводилась въ движеніе этой машиной. По словамъ Нагеля, названная фабрика давала заработокъ 600 человѣкамъ [1]).

Другимъ крупнымъ правительственнымъ предпріятіемъ являлась ковровая фабрика въ Варшавѣ. По даннымъ 1822 г., на ней было занято 309 рабочихъ. Въ 1829 г. правительство продало эту фабрику Яну Гейзмеру. Изъ рапорта за 1825 г. видно, что ковровая фабрика пользовалась еще трудомъ 150 прядильщиковъ, жившихъ въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ.

Правительственныя фабрики являются первыми крупными капиталистически организованными предпріятіями.

Перечень крупныхъ предпріятій въ шерстяной промышленности показываетъ, что въ эту эпоху въ Царствѣ Польскомъ уже существовало нѣсколько предпріятій, которыя могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ слова фабриками—т. е. такими промышленными заведеніями, гдѣ рядомъ съ значительнымъ числомъ рабочихъ примѣнялись уже и машины. Существовали суконныя фабрики съ паровыми двигателями—одна въ Опатовѣ, другая—въ Варшавѣ, нѣсколько фабрикъ пользовались водяной и лошадиной силой.

Правительство обращало серьезное вниманіе на техническую организацію фабричныхъ предпріятій и прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы поставить ее на должную высоту. Такъ для образца оно выписало шерсто-прядильную машину отъ извѣстнаго Кокериля [2]).

Передъ этимъ комиссаръ фабрикъ обращался къ нему съ просьбой устроить прядильную машину силами мѣстныхъ рабочихъ. Кокериль

---

[1]) Nagel—Rys Przemysłu tkackiego w Królestwie Polskiem od 1815 roku въ Economista 1880 r. № 18.

[2]) Имя Вил. Кокериля хорошо извѣстно въ исторіи промышленности на континентѣ Европы. Онъ занимался распространеніемъ на материкѣ Европы прядильныхъ машинъ, вывезенныхъ имъ изъ Англіи. За это въ Англіи его приговорили къ гражданской смерти, была объявлена даже премія за его голову. Между прочимъ Кокериль принималъ близкое участіе въ технической организаціи польскихъ фабрикъ Кстати сказать, онъ былъ даже компаньономъ фабрики Лянге въ Пржедбожѣ. См. о Кокерилѣ у Кулишера—Эволюція прибыли съ капитала, т. II. Спб. 1908, стр. 91.

на это отвѣтилъ, что такая машина будетъ вдвое дороже стоить и что она не будетъ отличаться тщательностью отдѣлки. Мѣстные мастера еще не въ состояніи сдѣлать хорошую модель [1]).

Правительство, озабочиваясь лучшей постановкой техники на фабрикахъ, командировало извѣстнаго изобрѣтателя прядильной машины Жирара въ Англію съ порученіемъ доставить всѣ новыя изобрѣтенія. Въ письмѣ отъ 22 марта 1826 г. Жираръ высказываетъ свое удивленіе по поводу совершенства англійскихъ текстильныхъ машинъ. „Всѣ онѣ безъ исключенія рѣшительно лучше тѣхъ, какія мнѣ приходилось встрѣчать на континентѣ, пишетъ онъ. Увидѣвъ ихъ, перестаешь удивляться большой разницѣ, существующей между продуктами этихъ различныхъ машинъ“ (de la grande différence qui éxiste entre les produits de ces diverces machines).

Въ ноябрѣ 1829 г. уже былъ заключенъ съ Штейнкеллеромъ контрактъ на доставку машинъ изъ Англіи [2]).

Благодаря стараніямъ правительства съ одной стороны, а съ другой—благопріятнымъ условіямъ, суконная промышленность въ это время стояла впереди другихъ по своему развитію и по совершенству технической организаціи. Въ этомъ случаѣ Царство Польское представляло исключеніе въ общей исторіи промышленности. „Повсюду, говоритъ Кулишеръ, паровые двигатели вводились ранѣе всего въ бумагопрядильномъ производствѣ, гдѣ ручной трудъ уже былъ замѣненъ машиннымъ и лишь впослѣдствіи они начали распространяться и въ другихъ отрасляхъ производства, по мѣрѣ вытѣсненія въ нихъ кустарной промышленности фабричной“ [3]).

Наоборотъ, въ Польшѣ паровые двигатели прежде всего появились въ суконной промышленности.

Въ хлопчатобумажномъ производствѣ не было такихъ крупныхъ предпріятій, какъ въ шерстяномъ. Заслуживаетъ упоминанія бумажная фабрика Пасхалиса въ Липковѣ, основанная въ 1823 г. Его фабрика была единственной въ странѣ, обнимавшей всѣ отдѣлы хлоп-

---

[1]) Арх. Ген. Губ Og Akta. Rapportu rocznego 1823.

[2]) Арх Ген. Губ Aktà.. tyczące się sprowadzenia róznych machin z Anglii. V. t. I. О Штейнкеллерѣ, этомъ извѣстномъ дѣятелѣ на промышленномъ поприщѣ, имѣется спеціальная монографія на польскомъ яз. Piotr Steinkeller—przez Radziszewskiego i Kindelskiego, W. 1905

[3]) См I. Кулишеръ –выше цит т. II. стр. 99.

чатобумажнаго производства, начиная съ пряденія хлопка и кончая аппретурой выдѣланныхъ тканей [1]). Одинъ изъ современниковъ восхвалялъ образцовый порядокъ на фабрикѣ Пасхалиса. „Это, говоритъ онъ, не маловажное обстоятельство, если мы обратимъ вниманіе на то, что иностранные рабочіе, испорченные хорошимъ обращеніемъ въ нашемъ отечествѣ (zepsuci dobrem powodzeniem w kraju naszym), въ особенности вначалѣ, при самомъ скромномъ напоминаніи со стороны хозяина о порядкѣ, угрожали бросить станки“ [2]).

Изъ другихъ болѣе крупныхъ предпріятій въ этой отрасли производства слѣдуетъ назвать правительственное ситценабивное заведеніе въ Маримонтѣ; по даннымъ еще 1822 г въ этомъ предпріятіи работало 68 человѣкъ.

Въ концѣ разсматриваемаго періода задумано было устройство колоссальной бумагопрядильни. Идею основанія этого предпріятія подалъ англичанинъ Тоннесъ. Онъ обратился съ предложеніемъ устроить бумагопрядильню въ 36,658 веретенъ съ ежегоднымъ производствомъ 786,240 фун. пряжи при 1,500—2,000 рабочихъ Машины должны были быть приводимы въ движеніе водяной силой.

Это предложеніе горячо поддерживалъ крупный землевладѣлецъ гр. Островскій, въ имѣніи котораго и предполагалось устроить бумагопрядильню. Видимо, оно было сочувственно встрѣчено и въ правительственныхъ сферахъ, какъ показываетъ письмо кн. Любецкаго къ гр. Островскому, гдѣ была обѣщана денежная помощь новому предпріятію.

Тоннесъ предполагалъ выписать изъ Англіи 20—25 мастеровъ съ семьями въ качествѣ инструкторовъ для того, чтобы фабрика имѣла вполнѣ англійскій характеръ, а не нѣмецкій. Мѣсто для фабрики было окончательно выбрано въ Серникахъ подъ Любартовымъ въ Любельскомъ воеводствѣ. 30 декабря 1829 г. былъ заключенъ контрактъ, по которому Тоннесъ обязался устроить бумагопрядильню въ 30,204 веретена въ три періода (черезъ каждые два года по 10.068 вер.). Въ 1830 г. были начаты работы по осуществленію этого предпріятія, однако ноябрское возстаніе задержало его окон-

---

[1]) Арх Ген. Губ Sek. V 13 a. W interesie I Paschalisa Iakubowicza possessora Dobr. Traskawia i właściciela fabryki wyrobow bawelnianych w Lipkowie Akta Rady Administracyiney Kr. Pol N-er Vol 5151.

[2]) Prof. Hann—выше цит. s. 13.

чаніе. Затѣмъ смерть отъ холеры въ 1831 г. самаго основателя бумагопрядильни окончательно погубила зарождавшееся крупное предпріятіе [1]).

Въ льняной промышленности, которая за изслѣдуемый періодъ развилась значительно слабѣе, чѣмъ суконная и даже хлопчатобумажная промышленность, фабрикъ вовсе не было. Существовало крупное предпріятіе Копиша, но это была не фабрика, а скорѣе торговое заведеніе, спекулировавшее на правѣ безпошлиннаго ввоза льняной пряжи и льняныхъ издѣлій. Въ послѣдніе годы была учреждена механическая прядильня Рутцингера въ Лодзи, но она стояла въ бездѣйствіи, какъ утверждаетъ современникъ проф. Ганнъ [2]). По объясненію владѣльца льнопрядильни, это бездѣйствіе вызывалось недостаткомъ оборотнаго капитала и привилегіями, данными Копишу (безпошлинный ввозъ пряжи). Проф. Ганнъ пришелъ даже къ тому выводу, что механическая прядильня льна и пеньки являлась для Царства Польскаго еще преждевременной.

Только въ концѣ изслѣдуемаго періода въ 1830 г. была пущена въ ходъ акціонерная льняная фабрика съ паровымъ двигателемъ во временномъ помѣщеніи въ Маримонтѣ. Это будущая жирардовская мануфактура, но исторія ея развитія относится уже къ слѣдующему періоду [3]).

На интересный вопросъ о положеніи рабочаго класса въ изучаемую эпоху, мы не можемъ дать сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта, такъ какъ объ этомъ почти ничего не говорятъ дошедшіе до насъ источники. Причину этого явленія нужно видѣть частью въ томъ, что въ эпоху зарожденія капитализма правительство и общество смотрѣли черезъ розовые очки на положеніе трудящихся массъ. Безспорно, нѣкоторые факты, рисующіе взаимныя отношенія рабочаго и предпринимателя должны были сохраниться въ разнаго рода судебныхъ дѣлахъ, жалобахъ и пр. Дѣйствительно, подобные документы существовали въ варшавскомъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, какъ

---

[1]) Арх. Каз. Нал. Dyrekcya Przemysłu i Kunsztów Lit J № $^{1}/_{517}$. Akta. Kom. Rz. Sp W. i pol. tyczące się zakładu angielskiey przędzalnie Tonnes w Syrnikach w Woewodstwie Lubelskiem v I—IV.

[2]) Prof. Hann—выше цит str. 16.

[3]) Проф. Янжулъ основаніе жирардовской мануфактуры ошибочно относитъ къ 1833 г; выше цит стр 28

показываютъ описи. Къ сожалѣнію, они были проданы на вѣсъ [1]). Всѣ мои тщательные розыски по варшавскимъ архивамъ остались безрезультатными. Очевидно, эти интересныя страницы изъ ранней эпохи фабричнаго развитія Царства Польскаго останутся неразгаданными, быть можетъ, навсегда.

Въ виду чего, по данному интересному пункту мы можемъ высказать только нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній. Вѣроятно, рабочій классъ въ изслѣдуемую эпоху состоялъ преимущественно изъ иностранцевъ. Правительство, а равно и нѣкоторые частные предприниматели прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы создать кадры рабочихъ изъ поляковъ и евреевъ. Во многихъ случаяхъ встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что въ такомъ-то промышленномъ предпріятіи были ученики поляки и евреи. Въ отчетѣ за 1823 г. имѣется слѣдующее сообщеніе о правительственномъ ситценабивномъ заведеніи въ Маримонтѣ: въ немъ занято около 60 рабочихъ и учениковъ изъ мѣстнаго населенія, преимущественно еврейскаго. Правительство стремилось къ тому, чтобы создать кадры подготовленныхъ рабочихъ изъ польскаго населенія. Въ 1823 г. оно заключило договоръ съ Майемъ на устройство фабрики льняныхъ и бумажныхъ издѣлій. Послѣдній обязывался, по истеченіи года, держать на фабрикѣ 600 человѣкъ иностранцевъ, и кромѣ того учениковъ изъ мѣстнаго населенія въ количествѣ 150 душъ [2]).

Рабочіе иностранцы держали себя довольно независимо по отношенію къ предпринимателямъ. Объ этомъ можно заключать изъ уже цитированныхъ словъ проф. Ганна о порядкѣ на фабрикѣ Пасхалиса. Иностранные рабочіе, по его словамъ, не выносили даже самыхъ скромныхъ напоминаній о порядкѣ. Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе хозяина они угрожали ему стачкой. Эта независимость понятна, если мы примемъ во вниманіе болѣе высокій культурный уровень иностранцевъ, а во-вторыхъ, безвыходное положеніе хозяевъ, которые никакъ не могли обойтись безъ иностраннаго труда.

Предприниматели, понявъ свое положеніе, нашли выходъ въ томъ, что стали подготовлять себѣ рабочихъ изъ поляковъ и евреевъ. Они полагали, что такіе рабочіе будутъ болѣе послушны и

---

[1]) См. объ этомъ мой отчетъ о командировкѣ въ Варшаву Кіевъ. 1908 г. стр. 9—10.

[2]) Арх Ген Губ. Og. Akta.. Rapportu rocznego 1823 r

болѣе покорны Типичнымъ въ этомъ отношеніи можно назвать поведеніе извѣстнаго намъ Пасхалиса. „Ему, замѣчаетъ проф. Ганнъ, удалось преодолѣть строптивость иностранцевъ отчасти прикрѣпленіемъ многихъ изъ нихъ къ странѣ брачными узами съ польками, совмѣстно работавшими. Совмѣстная работа также оказываетъ большое и хорошее вліяніе на нравственность работающаго люда. Главнымъ же образомъ ему удалось этого достигнуть устройствомъ промысловой школы для польской молодежи. Эта школа, отдѣленная отъ другихъ рабочихъ, подъ руководствомъ особаго мастера при заботливости владѣльца даетъ ему ежегодно нѣсколько хорошо выученныхъ и дисциплинированныхъ подмастерьевъ. Число этихъ обученныхъ работниковъ ежегодно возрастаетъ на его фабрикѣ и тѣмъ самымъ приводитъ иностранцевъ къ убѣжденію, что можно современемъ и безъ нихъ обойтись и что только трудолюбивые и нравственные изъ нихъ могутъ считать отечествомъ ту землю, которую они раньше такъ часто хотѣли бросать по легкомыслію“ [1]).

Изъ этой характеристики можно сдѣлать выводъ, что въ концѣ разсматриваемаго періода преобладающую роль играли все-таки иностранные рабочіе, хотя уже образовался рабочій классъ и среди польскаго населенія. Напомнимъ здѣсь выше цитированное описаніе Лубенскимъ фабрики Ренгана. „Большая часть рабочихъ, кажется, поляки“. Эта неувѣренность въ утвержденіи и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе подчеркнуть такую подробность показываютъ, что въ концѣ разсматриваемаго періода наличность польскихъ рабочихъ представляла еще рѣдкое явленіе.

Характерно въ этомъ отношеніи заявленіе извѣстнаго намъ проф. Ганна: „мы обязаны несомнѣнно цехамъ тѣмъ, что до сихъ поръ такъ мало видимъ на фабрикахъ польской челяди“ (i im to (цехамъ) zapewne winni jesteśmy, że dotąd tak mało czeladzi polskiéj po fabrykach widzimy) Сопоставимъ съ этимъ заявленіе Рембелинскаго въ докладной запискѣ отъ 7 февр. 1832 г. о томъ, что фабрики, создавшіяся въ Ц. П. иностранцами, не отрывали рабочихъ рукъ отъ земледѣлія [2]).

Изъ отрывочныхъ, случайныхъ замѣчаній можно сдѣлать выводъ, что на фабрикахъ работали мужчины и женщины, старики

---

[1]) Prof. Hann—выше цит. str. 13.

[2]) Арх. Ген. Губ Og Akta . tyczące się stanu fabryk zapomogą Rządową wspartych Lit Z, v II

и дѣти Въ описаніи суконной фабрики Гаррера, работавшей въ двѣ смѣны—дневную и ночную, есть намекъ на то, что на фабрикѣ работали старики и дѣти.

Для характеристики положенія рабочаго класса въ изучаемый періодъ интересно слѣдующее указаніе, найденное въ одномъ прошеніи Пасхалиса. Послѣдній, описывая свое тяжелое положеніе. отмѣчаетъ ничтожность дохода отъ пропинаціи (права продажи спиртныхъ напитковъ), „такъ какъ рабочіе, получивъ свою заработную плату въ субботу, отправляются въ воскресенье въ Варшаву, лежащую въ двухмильномъ разстояніи и тамъ, истративши всѣ деньги, возвращаются домой ни съ чѣмъ“. Оказывается, что были такіе предприниматели, которые главный доходъ получали отъ продажи водки и пива. Такихъ предпринимателей Пасхалисъ называетъ пропинаціонными спекулянтами. Очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ своеобразные зародыши на польской почвѣ truck-system.

О какихъ-либо рабочихъ движеніяхъ въ данную эпоху свѣдѣній мы не имѣемъ

Случайно мы нашли упоминаніе объ одномъ большомъ движеніи среди подмастерьевъ суконнаго цеха въ г. Згержѣ. По распоряженію Ком. вн. д. отъ 7 февр. 1827 г. Мазовецкая воеводская комиссія доводила до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее: „Правительственная Комиссія, цѣня усердіе и самоотверженіе обывателей и вмѣстѣ мастеровъ сукнодѣловъ стараго и новаго города Згержа, оказанныя ими по случаю бунта въ томъ же городѣ подмастерьевъ 30 и 31 окт. прошлаго года, въ цѣляхъ усмиренія онаго (przy okazyi sprawionego w tymże Mieście przez Czeladź rękodzielniczą i rzemieślniczą w d. 30 i 31 Października r. z. rozruchu, celem uśmierzenia onego), объявляетъ заслуженную похвалу, въ особенности за то, что эти обыватели и вмѣстѣ съ тѣмъ мастера, единственно въ цѣляхъ исполненія обывательскаго долга, не поколебались итти навстрѣчу даже явной опасности.

Не меньшую похвалу заслужили при этомъ событіи гг. Самуилъ Гржегожевскій и Гедеонъ Гедель, бурмистры гг. Згержа и Александрова, вмѣстѣ съ тѣмъ Янъ Захертъ, старшій суконнаго цеха (zgromadzenia sukkenniczego) въ Згержѣ, благодаря ихъ находчивости въ этомъ происшествіи, столь гибельномъ для общественнаго спокойствія и промышленности. Поведенію всѣхъ этихъ лицъ комиссія вн. д. и пол. постановила отдать должную справедливость“. Съ своей сто-

роны, воеводская комиссія опубликовываетъ объ этомъ какъ примѣрѣ, достойномъ подражанія [1]).

Такія краткія свѣдѣнія о серьезномъ движеніи подмастерьевъ даетъ офиціальная газета. Послѣ долгихъ поисковъ въ архивѣ на Іезуитской улицѣ мнѣ удалось напасть на слѣдъ относящагося сюда дѣла: къ сожалѣнію, оно оказалось проданнымъ на вѣсъ.... Такимъ образомъ, нельзя установить, каковы были причины, вызвавшія движеніе подмастерьевъ, каковы цѣли его, и какими мѣрами оно было подавлено. Одно можно сказать, что это движеніе проявилось въ рѣзкихъ формахъ

Характеристика формъ промышленности, господствовавшихъ въ изучаемую эпоху, приводитъ насъ къ слѣдующему выводу въ развитіи этихъ формъ сыгралъ огромную роль торговый капиталъ. Вначалѣ торговый капиталъ овладѣлъ исключительно сферой обмѣна продуктовъ, не оказывая замѣтнаго вліянія на самое производство. Такое вліяніе купеческаго капитала въ Ц. П. обусловливалось главнымъ образомъ отдаленностью рынка и незнакомствомъ производителей (иммигрантовъ) съ условіями сбыта. Купецъ, хорошо знакомый съ рынкомъ, долженъ былъ взять на себя роль посредника между производителемъ и потребителемъ

Внѣдреніе торговаго капитала въ процессъ производства обнаруживалось яснѣе тамъ, гдѣ скупщикъ открывалъ кредитъ мелкимъ производителямъ. Ссужая ихъ шерстью, пряжей, иногда даже орудіями, скупщикъ постепенно подчинялъ себѣ все производство. Здѣсь уже все хозяйство производителя попадало въ чувствительную зависимость отъ торговаго капитала. Мелкій производитель начиналъ уже работать для доставленія прибыли владѣльцу капитала.

Эту переходную стадію отъ старыхъ способовъ производства къ новымъ мы наблюдаемъ въ Ц. П. съ перваго же момента возникновенія промышленности. Ея появленіе объяснялось бѣдностью иммигрантовъ, не имѣвшихъ ничего кромѣ ткацкаго станка и рабочихъ рукъ. Они сразу же попадали въ цѣпкія лапы еврейскихъ скупщиковъ, открывавшихъ имъ кредитъ съ взиманіемъ, конечно, ростовщическихъ процентовъ Правда, правительство и нѣкоторыя частныя лица (крупные землевладѣльцы) пытались тѣмъ или инымъ

---

[1]) Dziennik Urzędowy Województwa Mazowieckiego 1827 roku, № 576.

путемъ освободить мелкихъ производителей отъ еврейской эксплуатаціи; какъ мы знаемъ, это невсегда удавалось имъ.

Потеря экономической независимости мелкимъ производителемъ скоро приняла другія формы чисто капиталистическаго характера. Капиталистъ-скупщикъ уступилъ мѣсто капиталистическому предпринимателю, взявшему подъ свой контроль и въ свое вѣдѣніе не только область сбыта, но и область производства. Теперь капиталистъ является не только въ видѣ купца, но уже и въ видѣ фабриканта-аппретуриста, принимающаго непосредственное участіе въ производственномъ процессѣ, по крайней мѣрѣ на его высшихъ стадіяхъ. Этотъ фабрикантъ-купецъ даетъ работу болѣе или менѣе значительному числу мелкихъ производителей; пока еще работа выполняется не въ помѣщеніи предпринимателя, а на дому у работниковъ. Производство ведется за счетъ предпринимателя. „Онъ, какъ говоритъ Бюхеръ, пускаетъ въ ходъ производство, соразмѣряетъ и регулируетъ его, иногда даетъ товарамъ окончательную отдѣлку, заботится о сбытѣ и пожинаетъ прибыль“ [1]). Тѣнь былой самостоятельности мелкаго производителя сохраняется лишь въ томъ, что работа ведется пока въ его жилищѣ.

Въ Ц. П. въ данную эпоху было нѣсколько предпріятій, организованныхъ на такихъ началахъ. Назовемъ въ суконной промышленности фирму Поссартъ и К°., Захерта, Поль и К°., въ хлопчатобумажной промышленности—бар. Гостковскаго, въ льняной—Копиша и т. д. Какихъ размѣровъ достигали подобныя предпріятія, видно изъ того, что у фирмы Поссартъ и К°. работало на дому свыше тысячи человѣкъ.

Указанныя здѣсь формы промышленности извѣстны въ наукѣ подъ общимъ названіемъ—„системы производства на скупщика“ (Verlagssystem Бюхера) или „системы домашней промышленности“ (Hausindustrie по старой терминологіи [2]). Это, несомнѣнно, уже капиталистическая форма производства. Соціальныя и экономическія основы капиталистическаго предпріятія являются здѣсь почти въ развитомъ видѣ.

---

[1]) См Worterbuch der Volkswirtschaft Эльстера, 2 Auf. 1906. Bd. II, ст. Gewerbe S. 1011

[2]) См Handw. der Staatswissenschaften 3 Auf 1900 Bd IV, ст. Gewerbe. S 380

Какъ показываетъ предшествующій анализъ, развитіе формъ промышленности въ Ц. П. носило сходныя черты съ развитіемъ таковыхъ въ другихъ странахъ съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что эволюція формъ здѣсь совершалась болѣе быстро.

Переходъ отъ крупнаго децентрализованнаго производства къ централизованному—мануфактурѣ и фабрикѣ завершился въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще въ изслѣдуемую эпоху. Возникаетъ нѣсколько крупныхъ централизованныхъ предпріятій, гдѣ уже была осуществлена полная концентрація всего процесса производства. Изъ такихъ предпріятій намъ извѣстны фабрика Фидлера, Репгана, Гаррера, Пасхалиса и пр. Крупныя централизованныя предпріятія представляли изъ себя болѣе частое явленіе въ суконной промышленности, во всякомъ случаѣ общее число ихъ къ концу разсматриваемаго періода было сравнительно ничтожно.

Характерно, что эти централизованныя предпріятія не порывали связей съ домашней системой промышленности. Крупные капиталисты держали при своихъ централизованныхъ предпріятіяхъ многихъ мелкихъ производителей, работавшихъ за ихъ счетъ на дому. Назовемъ суконную фабрику Лянге и К° въ Пржедбожѣ, Репгана въ Калишѣ и т. д.

Такимъ образомъ, на протяженіи изслѣдуемаго періода историческое развитіе польской промышленности закончилось появленіемъ фабрики и фабричнаго производства. Правда, эта высшая форма капиталистическаго хозяйства встрѣчалась въ данное время сравнительно рѣдко Однако, нельзя не признать, что переходъ отъ старыхъ формъ къ новымъ совершился въ Ц. П. очень быстро. Это было бы непонятно, если бы въ развитіи польской промышленности не играла такой важной роли иммиграція иностраннаго труда и капитала. Въ сущности говоря, промышленность конституціоннаго Ц. П. являлась иностранной промышленностью, только пересаженной на польскую почву. Во главѣ ея стояли преимущественно предприниматели иностранцы. наконецъ, какъ распорядительный, такъ и исполнительный трудъ въ преобладающемъ большинствѣ также иностраннаго происхожденія. Это хорошо сознавали и дѣятели самой эпохи, принимавшіе близкое участіе въ насажденіи фабричной промышленности. Одинъ изъ такихъ дѣятелей (Рембелинскій) видѣлъ въ этомъ большое преимущество: благодаря такому характеру, промышленность не отрывала рукъ отъ земледѣлія.

Если мы примемъ сказанное во вниманіе, то не станемъ удивляться тому быстрому перевороту, который произошелъ въ промышленномъ развитіи Ц. П. въ теченіе какихъ-либо десяти лѣтъ (съ 1820—1830 г.). На западѣ уже существовали развитыя формы капиталистическаго производства. Онѣ цѣликомъ были перенесены и въ Польшу, разъ здѣсь явились благопріятныя условія для развитія капитализма. Эти именно условія и были созданы торговой политикой Россіи.

ГЛАВА IV.

Торговыя сношенія Царства Польскаго съ Имперіей (1815—1830 г.).

Постановленіе, принятое на Вѣнскомъ конгрессѣ Трудность его выполненія Дозволеніе ввоза товаровъ въ Россію черезъ сухопутную Брестъ-Литовскую таможню Значеніе этого дозволенія для варшавскихъ ярмарокъ. Домогательства польскаго правительства новыхъ льготъ, въ особенности свободнаго и безпошлиннаго провоза въ Имперію издѣлій Ц. П. Обсужденіе этого вопроса въ Комиссіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ Мнѣніе министра финансовъ Гурьева. Указъ 3 октб 1819 г Измѣненіе русской таможенной политики и его значеніе для Царства. Кн. Любецкій Польскій проектъ правилъ торговли съ Россіей. Вопросъ о ввозѣ бумажныхъ издѣлій. Начала, принятыя Высочайшимъ указомъ 1 авг 1822 г Преимущества, предоставленныя этимъ указомъ Ц. П Упраздненіе главнаго управленія русскихъ таможенныхъ дѣлъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ таможнями. Учрежденіе генеральнаго агентства министерства финансовъ. Общее учрежденіе о провозѣ собственныхъ издѣлій Имперіи и Ц. П изъ одного государства въ другое Его основныя положенія. Насколько былъ возможенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ издѣлій подъ видомъ польскихъ? Вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Имперіи съ Царствомъ въ 1826 г Мнѣніе Канкрина. Мѣры, предложенныя Комитетомъ фин для защиты русской суконной промышленности. Защита кн. Любецкимъ интересовъ польской промышленности. Ходатайство его объ отмѣнѣ запрещенія ввоза бумажныхъ издѣлій въ Россію. Мнѣніе Мордвинова по этому вопросу. Указъ 4 іюня 1826 г Поднятіе вопроса о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Ц. П. въ 1829 г. Докладная записка гр. Мостовскаго. Мнѣніе Комитета финансовъ. Высоч. повелѣніе 3 янв 1830 г. Отношеніе польскаго правительства къ ходатайствамъ въ пользу русской промышленности и торговли Статистическія данныя, характеризующія ростъ торговли Ц. П. съ Имперіей. Торговля съ Кяхтой.

Въ предшествующей главѣ намъ приходилось касаться вопроса о торговыхъ связяхъ Польши съ Россіей; въ виду того важнаго зна-

ченія, какое онѣ имѣли въ развитіи польской промышленности, необходимо болѣе подробно остановиться на этой сторонѣ изслѣдуемаго вопроса.

Для пониманія торговыхъ отношеній Ц. П. къ Россіи и къ другимъ государствамъ имѣютъ важное значеніе постановленія Вѣнскаго конгресса. По договору Пруссіи и Россіи, „Высокія договаривающіяся стороны согласились продоставить впредь и навсегда свободное и неограниченное между всѣми ихъ польскими областями (то-есть тѣми, кои принадлежали Польшѣ въ 1772 году) обращеніе всѣхъ произведеній земли и издѣлій промышленности сихъ областей".

Для проведенія въ жизнь этого постановленія была учреждена спеціальная комиссія, которая должна была выработать соотвѣтствующій проектъ тарифа. Ей предстояло рѣшить трудную задачу—какъ обезпечить свободу торговли въ бывшихъ польскихъ областяхъ, не нанося ущерба интересамъ торговли и промышленности каждаго государства. Единственно правильный выходъ отсюда—это созданіе двойной таможенной черты: одной—внутренней, отдѣлявшей польскія провинціи отъ остальныхъ частей государства, а другой—внѣшней по границѣ всего государства.

Мы знаемъ, къ какимъ результатамъ пришла эта комиссія (см. стр. 209 и д.). Напомнимъ здѣсь, что работы первой комиссіи оказались неудачными; пришлось назначить другую комиссію въ Петербургѣ, выработанная ею конвенція и была принята въ 1818 г. Петербургская конвенція имѣла въ виду опредѣлить взаимныя отношенія трехъ заинтересованныхъ въ польской торговлѣ государствъ—Пруссіи, Австріи и Россіи.

Спрашивается, какія начала были приняты въ торговлѣ Ц. П. съ Россіей?

Первымъ серьезнымъ преимуществомъ, предоставленнымъ Ц. П. въ его торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей, являлось разрѣшеніе по указу 16 авг. 1817 г. ввоза товаровъ, допускаемыхъ по тарифу 1816-го для восьми морскихъ портовъ, по сухопутной границѣ только черезъ Брестъ-Литовскую таможню. Эта мѣра стоитъ въ связи съ учрежденіемъ вальныхъ ярмарокъ въ Варшавѣ. Для контроля за варшавскими ярмарками и ввозомъ иностранныхъ товаровъ въ Россію былъ

назначенъ 21 ноября 1817 г. генералъ-маіоръ Лангъ въ качествѣ начальника таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ [1]).

Въ инструкціи Лангу указано было, что товары, проходящіе черезъ Брестъ-Литовскую таможню, должны быть привозимы не иначе, какъ черезъ Варшаву. Никакой транспортъ не могъ быть отправленъ въ Россію безъ выдачи на него свидѣтельства или помѣты на накладныхъ за подписью генералъ-маіора Ланга.

Эта важная льгота дала сильный толчокъ развитію варшавскихъ ярмарокъ. „Послѣднія двѣ ярмонки 1818 г., писалъ 7-го фев. 1819 г. Новосильцевъ Гурьеву, принесли казнѣ въ двое болѣе дохода, нежели первыя двѣ... Доказательство самое ясное, что учрежденная Россійская контроль не такъ опасна для ярмонокъ, какъ то утверждаютъ“ [2]).

О ростѣ ввоза иностранныхъ товаровъ черезъ Брестъ-Литовскую таможню свидѣтельствуетъ повышеніе годового дохода этой таможни: въ 1817 г. доходъ ея не превышалъ 270.000 руб., а въ 1818 г. онъ уже достигъ 1 мил. 75 тыс.

Правительство Царства Польскаго добивалось дальнѣйшихъ льготъ въ этомъ направленіи—во-первыхъ, сбавки пошлинъ на товары, идущіе съ варшавскихъ ярмарокъ, во-вторыхъ, разрѣшенія на привозъ товаровъ и черезъ Устюлужскую таможню.

Изъ докладной записки русскаго министра финансовъ выясняется, что правительство Царства Польскаго въ цѣляхъ поощренія торговли и промышленности добивалось слѣдующихъ льготъ:

1) „Чтобы иностраннымъ товарамъ, отправляемымъ съ варшавскихъ ярмонокъ въ Россію черезъ Брестъ и Устюлугъ, даровать премію въ видѣ сбавки пошлинъ;

2) Чтобы собственныя произведенія Царства Польскаго и Россійской Имперіи взаимно перевозимы были безпошлинно, исключая соль, табакъ, карты и хлѣбное вино, о которыхъ составить особыя правила.

---

[1]) Арх деп. тамож. сб. № 55. Дѣло . о назначеніи генералъ-маіора Ланга начальникомъ россійскихъ таможенныхъ и торговыхъ д въ Ц. П.

[2]) Арх. деп. там. сб № 42—Дѣло.. по домогательству правительства Ц П. объ установленіи свободы во внутреннемъ обращеніи Имперіи собственныхъ произведеній и издѣлій.

3) Чтобы купечество гой и другой земли пользовалось равными правами въ торговлѣ и заведеніи магазейновъ, и чтобы жители обѣихъ переѣзжать могли границу безъ паспортовъ".

Государь Императоръ возложилъ разсмотрѣніе этихъ представленій на министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ сообща съ министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго. При этомъ было вмѣнено положить въ основаніе этого разсмотрѣнія Высочайшую волю, выраженную въ рескриптѣ на имя министра финансовъ 30 октября 1818 г , гдѣ сказано: „Царство Польское, конечно, имѣетъ право не только на тѣ преимущества, которыми пользуются иностранныя державы, но и на нѣкоторыя особенныя выгоды. Благосостояніе его торговли соединяется отнынѣ съ благосостояніемъ торговли Имперіи. Но Я желаю, чтобы сіе соединеніе основывалось на совершенной взаимности выгодъ и потому должно учредить такой порядокъ, который, доставляя Царству Польскому всевозможныя пользы, не нарушалъ бы пользы Имперіи".

Правительство Царства Польскаго мотивировало свое домогательство о сбавкѣ пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Россію черезъ варшавскія ярмарки, слѣдующимъ образомъ: „привозъ въ Россію большей части иностранныхъ товаровъ, платящихъ значительную пошлину, черезъ сухопутную границу тарифомъ 1816-го года былъ воспрещенъ. Первоначально снято сіе запрещеніе въ пользу варшавскихъ ярмонокъ; но для повѣрки товаровъ, привозимыхъ въ Россію этимъ путемъ, учрежденъ контроль. Это привлекало на ярмонки множество товаровъ, предназначенныхъ въ Россію. Впослѣдствіи было дано дозволеніе привозить товары и изъ Пруссіи и Австріи черезъ Полангенскую и Радзивиловскую таможни. Такъ какъ на ввозъ черезъ эти таможни не установленъ контроль, то купцы предпочитаютъ избирать этотъ путь, уклоняясь провозить товары черезъ Царство Польское. По мнѣнію правительства Царства Польскаго, это обстоятельство должно привести въ упадокъ какъ ярмонки, такъ и торговлю Царства. Для предупрежденія этой опасности оно видѣло единственное средство въ дарованіи уступки пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Россію съ указанныхъ ярмонокъ".

Министръ финансовъ Гурьевъ, признавая это опасеніе отчасти справедливымъ, считалъ нужнымъ указать слѣдующее:

а) „На дозволеніе провозить въ Россію иностранные товары черезъ Пруссію и Австрію по сухопутной границѣ изъявлено со-

гласіе не для выгодъ Россіи, но для доставленія торговли Царства расширенія, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшена въ Пруссіи транзитная пошлина съ товаровъ, идущихъ туда, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ...

b) Объ учрежденіи контроля на товары, идущіе въ Россію чрезъ Пруссію и Австрію, министерство иностранныхъ дѣлъ отнеслось къ симъ правительствамъ и ожидаетъ ихъ согласія. Въ прочемъ съ изданіемъ новыхъ правилъ тамож. управленія предположено установить равную контроль по всей сухопутной границѣ, и тогда исчезнетъ сія разность, которая, въ прочемъ и теперь не столь значительна, чтобы могла заставить купцовъ предпочитать дальнѣйшій путь ближайшему..

При всемъ томъ, есть ли для прочнаго укорененія варшавскихъ ярмонокъ, на первый случай нужно онымъ преподать еще нѣкоторыя выгоды и облегченія, то министръ финансовъ полагалъ бы достаточнымъ въ видѣ опыта, съ будущаго 1820 г. въ теченіе трехъ лѣтъ, допустить нѣкоторую уступку въ пошлинахъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Россію съ варшавскихъ ярмонокъ, такъ что бы съ товаровъ, за которые пошлина будетъ платима въ главной россійской таможнѣ въ Варшавѣ, уступаемо было 10/0 съ пошлиннаго рубля, а съ товаровъ отправляемыхъ на Брестъ и Устюлугъ для заплаты пошлинъ во внутреннихъ главныхъ таможняхъ по 5%.

Уступку сію министръ финансовъ признаетъ достаточною, потому что она ни въ какомъ случаѣ не должна составлять уменьшенія пошлинъ, положенныхъ тарифомъ на иностранные товары и униженія цѣны ихъ внутри Россіи; но должна только служить къ уравненію цѣнъ товарамъ, провозимымъ чрезъ Царство Польское съ тѣми, которые провозимы будутъ чрезъ Пруссію и Австрію“.

Такимъ образомъ министръ финансовъ считалъ возможнымъ сдѣлать уступку въ пошлинахъ въ видѣ временной мѣры—всего на три года [1]).

---

[1]) По поводу указанныхъ домогательствъ Новосильцевъ, представитель русской власти въ Царствѣ Польскомъ, писалъ Гурьеву слѣдующее: „убавленіе пошлинъ на товары, идущіе въ Россію съ варшавскихъ ярмонокъ, я почитаю дѣломъ весьма неудобоисполнимымъ Хотя дополнительный актъ къ Вѣнскому трактату, постановленный между нашимъ и прусскимъ дворами не могъ бы, по моему мнѣнію, воспрепятствовать Государю Императору облагодѣтельство-

Болѣе важнымъ представлялось другое домогательство польскаго правительства—о свободномъ и безпошлинномъ провозѣ собственныхъ произведеній Царства Польскаго и Россійской Имперіи изъ одной страны въ другую.

Въ рапортѣ отъ 7-го октября 1818 г., поданномъ Государю Императору, Совѣтъ Управленія Царства Польскаго указывалъ между прочимъ, что „совмѣстничество прусскихъ мануфактуръ при самомъ заведеніи таковыхъ же въ Царствѣ Польскомъ можетъ ихъ совершенно подавить, естьли В. И. В. не соблаговолитъ повелѣть, чтобъ 1 го генваря 1819 г. всѣ произведенія Царства, сопровождаемыя свидѣтельствами ихъ происхожденія, пропускаемы были въ предѣлы Имперіи Россійской безъ платежа пошлинъ до введенія новаго таможеннаго тарифа“.

По этому вопросу статсъ-секретарь Царства Польскаго Соболевскій представилъ Гурьеву 5 февраля 1819 г. докладную записку. Въ этой запискѣ онъ указывалъ на то, что свобода ввоза не могла бы нанести никакого серьезнаго ущерба ни казнѣ, ни промышленности Россіи. Между тѣмъ уже одно опубликованіе такой свободы послужило бы на пользу польской промышленности, усиливъ приливъ иностранныхъ фабрикантовъ. Процвѣтаніе мануфактурной промышленности въ Царствѣ Польскомъ должно было бы оказать вліяніе и на ростъ этой индустріи въ самой Россіи, гдѣ столько другихъ условій благопріятствуютъ ея развитію [1]).

Въ заключеніе Соболевскій ссылался на то, что торговый балансъ складывался болѣе благопріятно для Россіи, чѣмъ для Царства Польскаго.

вать вѣрноподданныхъ своихъ новыми выгодами, но здравое умозрѣніе торговли, требующее равенства въ торговыхъ мѣстахъ одного государства и единообразныхъ правилъ для руководства въ коммерческихъ разсчетахъ и оборотахъ, въ настоящемъ случаѣ тому противится Направленіе торговли слѣдуетъ естественному порядку, который опредѣляется топографическимъ положеніемъ, относительными выгодами, мѣстными удобствами и тому подобнымъ. Хотѣть нарушить сей порядокъ и дать искусственное направленіе, насильственными средствами или разными приманками, есть не иное что, какъ добровольно теряться въ лабиринтѣ запутанностей и безъ причины и нужды затруднять торговлю въ ея дѣйствіяхъ“. Что касается разрѣшенія ввоза иностранныхъ товаровъ и черезъ Устюлугъ, то Новосильцевъ поддерживалъ это ходатайство. Арх. департ. тамож. сборовъ дѣло № 42.

[1]) Изъ докладной записки Соболевскаго. Арх. деп. там. сб. дѣло № 42.

Министръ финансовъ Гурьевъ передалъ это дѣло на разсмотрѣніе комиссіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ[1]). Послѣдняя обратила вниманіе на то, что правительство Царства Польскаго, добиваясь безпошлиннаго ввоза своихъ издѣлій въ Россію, въ сущности стремится такой свободой привлечь въ страну иностранныхъ фабрикантовъ. Комиссія подчеркнула противорѣчивость пожеланій правительства Царства Польскаго, высказанныхъ въ одномъ и томъ же рапортѣ: „Естьли правительство Царства желаетъ привлечь иностранныхъ фабрикантовъ для учрежденія у себя значительныхъ заведеній, то испрашиваемая въ томъ же рапортѣ Совѣта для расширенія варшавскихъ ярмонокъ сбавка или уменьшеніе пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, будетъ несовмѣстимо съ пользами сихъ новыхъ заведеній и даже всякое пониженіе пошлинъ при самомъ впускѣ ихъ въ Царство было бы имъ вредно".

Съ другой стороны, комиссія высказываетъ опасеніе за судьбы русской промышленности. „Когда мѣры, принимаемыя правительствомъ Царства Польскаго возъимѣли бы желаемый успѣхъ и иностранные фабриканты, привлеченные дозволеніемъ безпошлинно провозить ихъ издѣлія въ Россію, устроивъ свои заведенія въ Польшѣ укоренили бы тамъ новыя отрасли промышленности и богатства, которыя безъ сего пожертвованія со стороны россійскаго правительства, не могли бы существовать, то не надлежитъ ли предвидѣть, что сверхъ ущербу въ государственныхъ доходахъ Россія подвергается еще опас-

---

[1]) Комиссія таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ для исполненія по статьямъ трактатовъ, относящихся до Имперіи Россійской и Царства Польскаго, была учреждена 14 фев 1819 г Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ директоръ деп. вн. тор Обресковъ, представителями отъ Царства Польскаго были референдарій Грайбнеръ и генеральный директоръ польскихъ таможенъ Кригеръ. На эту комиссію было возложено 1) составленіе общаго тарифа для Имперіи Россійской и Ц П , 2) образованіе новой системы таможеннаго управленія со включеніемъ Ц П и 3) составленіе полнаго таможеннаго устава по европейской торговлѣ. Существованіе этой комиссіи было продолжено еще и на 1820 г. „для наблюденія за ходомъ торговыхъ и таможенныхъ дѣлъ при новомъ ихъ устройствѣ и для разрѣшенія разныхъ недоразумѣній или затрудненій по исполненію тарифа" Въ 1821 г министръ фин испрашивалъ „Высоч повелѣніе объ оставленіи сей комиссіи и на будущее время, доколѣ надобность требовать будетъ". Упразднена была она только въ 1827 г. См. арх. деп. там. об. № 41 Дѣло . по представленію мин. фин. о составленіи Комиссіи для торговыхъ и тамож. дѣлъ. Имперіи и Ц. П ; № 43 Дѣло . объ учрежденіи Комиссіи, № 48 Дѣло объ упраздненіи Комиссіи.

ности, не только остановить дальнѣйшіе успѣхи собственныхъ и уже устроенныхъ мануфактурныхъ заведеній, но и привести ихъ въ упадокъ и разореніе, и что обнародованіе сего распоряженія принудитъ многихъ фабрикантовъ внутри Россіи прекратить свои работы, тогда какъ разгласившееся извѣстіе объ уменьшеніи въ новомъ проектѣ тарифа пошлинъ съ мануфактурныхъ произведеній наполнило ихъ уже страхомъ и было поводомъ многихъ просьбъ поданныхъ правительству“ (рѣчь идетъ о либеральномъ тарифѣ 1819 г.).

Обратила вниманіе комиссія и на тотъ вредъ, который могутъ нанести казнѣ и отечественной промышленности злоупотребленія при ввозѣ иностранныхъ товаровъ подъ видомъ польскихъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что одно установленіе свидѣтельствъ о происхожденіи, съ какими бы предосторожностями оныя выдаваемы не были, безсильно отвратить тѣ безчисленные подлоги, которые могутъ сдѣлать мѣру сію недѣйствительной“. Интересно, что комиссія высказала здѣсь впервые тѣ опасенія, которыя впослѣдствіи повторялись не разъ въ Россіи и со стороны частныхъ лицъ и со стороны правительственныхъ органовъ.

Комиссія таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ, принявъ все это въ соображеніе, пришла къ такому заключенію:

1) „Всѣ сырыя и необработанныя произведенія Царства Польскаго могутъ нынѣ уже быть освобождены отъ платежа пошлинъ при ввозѣ ихъ въ Имперію, и какъ они большею частью одинакого рода съ внутренними нашими произведеніями, то и не нужны свидѣтельства о ихъ происхожденіи...

2) Равнымъ образомъ всѣ сырыя произведенія Имперіи, вывозимыя въ Царство Польское для внутренняго тамъ употребленія могутъ быть также освобождены отъ платежа пошлинъ...

3) Изъ великаго множества различныхъ фабрикъ и мануфактуръ наиболѣе полезны для каждой земли и требуютъ предпочтительнаго поощренія тѣ, которыя обрабатываютъ собственныя сырыя произведенія, и посему уваженію, льняныя и шерстяныя издѣлія, какъ на существующихъ уже, такъ и вновь заводимыхъ фабрикахъ въ Царствѣ Польскомъ вырабатываемыя, могутъ быть вовсе освобождены отъ платежа пошлинъ при ввозѣ ихъ въ Россію.

4) Напротивъ того, издѣлія изъ сырыхъ произведеній чужихъ странъ, какъ-то изъ шелку, бумаги, сахарнаго песку и сему подобныхъ не должны быть сравниваемы съ первыми, какъ потому, что первоначальные ихъ матеріалы по причинѣ ближайшаго и удобнѣй-

шаго доставленія въ предѣлы Царства, нежели во внутренность Россіи, могутъ тамъ обходиться дешевле; такъ и потому что и самое учрежденіе таковыхъ фабрикъ по соперничеству иностранныхъ не можетъ имѣть столь обширной и прочной для земли пользы, какъ учрежденіе первыхъ. По симъ причинамъ привозъ сего рода издѣлій въ Россію, для охраненія собственныхъ подобныхъ заведеній отъ подрыва, долженъ по усмотрѣнію правительства облагаемъ быть пошлиною".

Слѣдовательно, комиссія высказалась за допущеніе безпошлиннаго привоза въ Россію всѣхъ издѣлій, за исключеніемъ выдѣлываемыхъ изъ иностраннаго сырья.

Для устраненія злоупотребленій комиссія предлагала слѣдующее:

a) „Чтобы всѣ отправленія мануфактурныхъ издѣлій Царства Польскаго въ Россію, сопровождаемыя свидѣтельствами о ихъ происхожденіи, производились не иначе, какъ чрезъ Варшаву, гдѣ начальство россійскихъ таможенъ, по разсмотрѣніи свидѣтельствъ, утверждало бы своею подписью ихъ подлинность...

b) Безъ таковыхъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ мѣстными начальствами Царства Польскаго съ надписями на оныхъ россійскаго таможеннаго начальства въ Варшавѣ, всѣ привозимыя въ Россію мануфактурные товары изъ Царства по сухопутной границѣ почитаться должны, какъ иностранные и платить полную по тарифу пошлину.

c) Для отклоненія всѣхъ покушеній къ подлогамъ правительство Царства Польскаго составитъ нынѣ же вѣдомость о существующихъ фабрикахъ и заводахъ въ предѣлахъ Царства, съ означеніемъ качества и количества вырабатываемыхъ на оныхъ издѣлій, мѣста, гдѣ они находятся и имя фабриканта или хозяина съ приложеніемъ клейма фабрики и сообщитъ оную россійскому таможенному начальству въ Варшавѣ. По мѣрѣ же учрежденія вновь подобныхъ заведеній будетъ его объ оныхъ увѣдомлять".

Въ заключеніе комиссія признала возможнымъ немедленное проведеніе въ жизнь этихъ мѣропріятій.

Какъ видно изъ докладной записки министра финансовъ, заключеніе комиссіи было цѣликомъ принято имъ; во многихъ мѣстахъ докладная записка въ буквальныхъ выраженіяхъ повторяетъ мнѣніе комиссіи. Въ результатѣ, министръ высказался за безпошлинный ввозъ въ Россію сырыхъ продуктовъ и мануфактурныхъ издѣлій,

вырабатываемыхъ изъ отечественнаго сырья. Что касается мануфактурныхъ издѣлій изъ иностраннаго сырья, то по его мнѣнію, ихъ не слѣдуетъ „освобождать отъ платежа установленной по тарифу пошлины".

„Сія предосторожность тѣмъ болѣе потребна для обезпеченія собственныхъ фабрикъ внутри Имперіи въ значительномъ количествѣ заведенныхъ со времени бывшаго разрыва съ Англіею, и особенно производящихъ издѣлія изъ бумажной пряжи, которыя для внутренняго продовольствія замѣняютъ иностранныя.

Слѣдуя сему же правилу, издѣлія изъ сырыхъ произведеній чужихъ странъ, вырабатываемыя въ Россіи, при ввозѣ въ Царство Польское могутъ быть облагаемы пошлиною, какъ и иностранныя"

По вопросу о дозволеніи купечеству той и другой страны пользоваться равными правами съ природными подданными министръ финасовъ высказался въ положительномъ смыслѣ.

Закономъ 1 января 1807 г. было воспрещено въ Россіи иностранцамъ записываться въ гильдіи и производить присвоенную имъ торговлю. Иностранцы, не иначе могли производить торговлю, какъ только черезъ посредство русскихъ купцовъ. „Принимая въ уваженіе, что купечество Царства Польскаго, какъ подданные одного Государя не должно почитаться въ Россіи иностраннымъ, то, по мнѣнію министра финансовъ, по справедливости надлежитъ предоставить ему свободу записываться въ гильдіи наравнѣ съ подданными Россіи и пользоваться всѣми, гильдіямъ, предоставленными правами. Изъ сего исключаются единственно евреи на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній... Равнымъ образомъ и россійскому купечеству 1-й и 2-й гильдіи дозволить должно свободно торговать въ Царствѣ Польскомъ".

Заключеніе комиссіи и докладная записка министра финансовъ для насъ важны потому, что они объясняютъ намъ происхожденіе весьма важнаго въ исторіи польской промышленности Высочайшаго указа 3/15 октября 1819 г., даннаго въ Варшавѣ.

Въ этомъ указѣ воспроизводится почти цѣликомъ представленіе министра финансовъ, и значитъ мнѣніе комиссіи таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ.

Первымъ пунктомъ указа 1819 г. были освобождены отъ взиманія пошлинъ всѣ сырыя произведенія, вывозимыя изъ одной страны въ другую, безъ представленія свидѣтельствъ о происхожденіи. Изъ

этого общаго правила исключались соль и табакъ, о которыхъ „по соображенію существующихъ въ обѣихъ земляхъ узаконеній сдѣланы будутъ особыя постановленія“.

Равнымъ образомъ допускался безпошлинный ввозъ мануфактурныхъ и фабричныхъ издѣлій, вырабатываемыхъ изъ отечественнаго сырья и снабженныхъ свидѣтельствами объ ихъ происхожденіи. Изъ этого правила исключались хлѣбное вино, спиртные напитки и игральныя карты.

„Что же касается до издѣлій изъ сырыхъ произведеній иностранныхъ земель, то мѣры, кои окажутся нужными, будутъ опредѣлены особеннымъ распоряженіемъ“ Въ этомъ случаѣ указъ отступилъ отъ представленія министра финансовъ, предлагавшаго обложить такіе товары пошлинами наравнѣ съ иностранными товарами. Эта мѣра не была принята Высочайшимъ указомъ. Онъ только глухо говоритъ о томъ, что если окажется нужнымъ, въ отношеніи такихъ издѣлій будутъ приняты мѣры.

Значитъ, временно допускался безпошлинный ввозъ и такихъ издѣлій.

Для предупрежденія злоупотребленій указъ повелѣвалъ: „чтобы всѣ отправленія обработанныхъ произведеній Ц. П. въ Россію, сопровождаемыя свидѣтельствами мѣстнаго начальства о ихъ происхожденіи, производились не иначе, какъ чрезъ Варшаву, гдѣ начальство россійскихъ таможенъ по разсмотрѣніи свидѣтельствъ, утверждать должно своею подписью ихъ подлинность и вѣрность. Изъ сего исключаются только издѣлія тѣхъ фабрикъ и мануфактуръ, которыя, находясь въ отдаленности отъ Варшавы, не могутъ быть отправляемы туда безъ понесенія убытковъ и которыя потому дозволяется отправлять прямо чрезъ черту. О порядкѣ утвержденія свидѣтельствъ объ ихъ происхожденіи, выдаваемыхъ мѣстными начальствами, будетъ сдѣлано особое распоряженіе“.

Этотъ пунктъ Высочайшаго указа оказалъ большое вліяніе на направленіе иностранной иммиграціи: для переселявшихся иностранцевъ выгоднѣе всего было избирать мѣста, лежащія невдалекѣ отъ Варшавы. Этимъ и объясняется отчасти интенсивная иммиграція именно въ Мазовецкое воеводство. Хотя, по указу, былъ разрѣшенъ для болѣе отдаленныхъ отъ Варшавы фабрикъ ввозъ прямо черезъ черту, но на практикѣ это разрѣшеніе осталось мертвой буквой,

такъ какъ не было издано обѣщанное распоряженіе о порядкѣ утвержденія свидѣтельствъ о происхожденіи.

Говорилось въ указѣ и о представленіи статистическихъ свѣдѣній о существующихъ и вновь возникающихъ фабрикахъ въ Ц. П.

Наконецъ, польскимъ купцамъ дозволялось въ Россіи записываться въ гильдіи.

Была принята въ указѣ и льгота для товаровъ, ввозимыхъ въ Россію черезъ варшавскія ярмарки. „Со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ съ сихъ ярмонокъ въ предѣлы Имперіи въ продолженіи трехъ лѣтъ дѣлать уступку въ установленныхъ по тарифу пошлинахъ, при платежѣ оныхъ въ Царствѣ въ главной россійской таможнѣ по десяти копѣекъ съ пошлиннаго рубля, а при платежѣ сей пошлины во внутреннихъ россійскихъ таможняхъ по пяти копѣекъ“ (§ 11).

Всѣ перечисленныя постановленія входили въ силу съ 1 янв. 1820 г.

Указъ 3 окт. 1819 г. былъ данъ въ Варшавѣ, тамъ же былъ образованъ особый комитетъ для приведенія къ окончанію всѣхъ дѣлъ, касавшихся устройства русскихъ таможенъ въ Ц. П. и по западной сухопутной границѣ. Въ составъ этого комитета входили мин. фин. Ц. П. Венглинскій, статсъ-секретарь гр. Соболевскій, Новосильцевъ, ген.-м. Лангъ, д. ст. с. Байковъ, Вирстъ, реффендарій Гос. Сов. Ц. П. Грайбнеръ. Комитетъ немедленно выработалъ проектъ положенія о россійскихъ таможняхъ въ Ц. П, удостоившійся Высочайшаго одобренія.

Какъ близко интересовался Александръ I проведеніемъ въ жизнь этого указа, видно изъ рескрипта, даннаго на имя Новосильцева: „Одобривъ поднесенные Вами, пишетъ Александръ I, проекты общаго тарифа на 1820 г., положенія о россійскихъ таможняхъ въ Имперіи россійской и Ц. П. для сухопутной торговли на западной границѣ и штаты главнаго управленія россійскихъ таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Ц. П., составленныя назначеннымъ мною Комитетомъ, во время моего пребыванія въ Царствѣ, Я повелѣваю Вамъ препроводить оныя къ министру фин. для поднесенія министромъ къ подписанію немедленно по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, дабы всѣ распоряженія въ оныхъ заключающіяся могли воспріять свое дѣйствіе въ назначенный срокъ 1 генв. 1820 г. Между тѣмъ препоручаю Вамъ приступить предварительно къ образованію главнаго

управленія россійскихъ таможенныхъ и торговыхъ дѣлъ въ Ц. П.“ [1]). Этотъ рескриптъ, показывающій, какъ близко заинтересованъ былъ Александръ I въ скорѣйшемъ ссуществленіи вышеприведеннаго указа, помѣченъ 3 окт. 1819 г., т. е. днемъ подписи указа.

Новосильцевъ, какъ видно изъ письма его къ Гурьеву, датированнаго 11 окт., немедленно приступилъ къ выполненію Высочайшей воли, занявшись вмѣстѣ съ Лангомъ организаціей таможеннаго управленія въ Ц. П [1]).

Высочайшій указъ, вводившій, за немногими исключеніями, полную свободу торговли между Россіей и Ц. П., стоялъ несомнѣнно въ связи съ общимъ измѣненіемъ русской таможенной политики въ духѣ большей свободы. Вскорѣ послѣ этого указа былъ опубликованъ новый общій тарифъ, уже отступившій отъ запретительныхъ началъ прежней системы. Этимъ измѣненіемъ таможенной политики и объясняется отчасти то, что русское министерство финансовъ отнеслось въ общемъ сочувственно къ домогательствамъ правительства Ц. П., цѣликомъ осуществленнымъ въ Высочайшемъ указѣ 3 окт. 1819 г. Хотя общій тарифъ этого же года былъ составленъ въ либеральномъ духѣ, однако по существу онъ придерживался если не запретительной, то, во всякомъ случаѣ, умѣренно протекціонной системы. Поэтому Высочайшій указъ 3 октб., устанавливавшій полную свободу въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи и Царства Польскаго, предоставлялъ значительныя преимущества послѣднему, сравнительно съ другими иностранными государствами. Этимъ именно указомъ и былъ положенъ первый камень для промышленнаго развитія Ц. П. Важность этой льготы прекрасно сознавало польское правительство, ясно указавшее въ своихъ домогательствахъ на то огромное значеніе, какое свобода торговли между Имперіей и Ц. П. должна будетъ имѣть для привлеченія иностранныхъ фабрикантовъ. Какъ мы знаемъ изъ предшествующей главы, эти расчеты вполнѣ оправдались. Иностранная иммиграція особенно усилилась именно въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Тарифъ 1819 г., проникнутый либеральными тенденціями, оказался весьма гибельнымъ для юной русской промышленности. Пра-

---

[1]) Арх. депар там сб. № 41. Дѣло департамента вн. торговли объ учрежденіи россійскаго въ Ц. П. таможеннаго управленія и установленіи обоюдныхъ торговыхъ сношеній.

вительство скоро сознало свою ошибку и рѣшило опять круто повернуть на путь строго охранительной системы. Одновременно съ тѣмъ, когда были начаты подготовительныя работы по составленію новаго тарифа, Совѣту Управленія Ц. П. было предложено представить свои соображенія въ духѣ таможенной автономіи Царства. За эту работу взялся новый министръ финансовъ кн Любецкій, игравшій такую важную роль въ исторіи Ц. П. Это былъ человѣкъ недюжинный, отличавшійся удивительной работоспособностью и настойчивостью въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Процвѣтаніе польской промышленности въ изслѣдуемую эпоху въ значительной мѣрѣ обязано дѣятельности кн. Любецкаго. Благодаря его умѣлымъ и настойчивымъ ходатайствамъ, Царству Польскому удалось сохранить льготы по торговлѣ съ Имперіей въ теченіе всего изслѣдуемаго періода, несмотря на отрицательное отношеніе къ этимъ льготамъ русскаго министерства фин. Безспорно, Любецкій распоряжался довольно самовластно ввѣреннымъ ему министерствомъ, не любилъ считаться съ мнѣніемъ общества, вслѣдствіе чего у него было не мало враговъ. Многіе относились отрицательно къ его дѣятельности, тѣмъ не менѣе и его враги признавали за нимъ желѣзную волю и выдающуюся работоспособность. Безъ сомнѣнія, имя кн. Любецкаго должно быть вписано золотыми буквами въ начальную исторію польской фабрично-заводской промышленности [1]).

Для кн. Любецкаго было весьма важно познакомиться съ проектируемымъ тарифомъ. Онъ нѣсколько разъ просилъ статсъ-секретаря Ц. П. прислать ему соотвѣтствующія указанія по данному вопросу, но несмотря на всѣ старанія статсъ-секретарю не удалось этого сдѣлать. Новый тарифъ былъ тайной и для польскаго правительства до опубликованія манифеста отъ 12 марта 1822 г. Любецкій медлилъ со своей работой, ожидая обнародованія этого манифеста. Какъ только стали извѣстны начала новаго тарифа, кн. Любецкій поспѣшилъ закончить свою работу и вотъ 30 апр. 1822 г.

---

[1]) Недавно вышла на польскомъ языкѣ блестящая монографія въ двухъ томахъ Смольки, посвященная дѣятельности кн. Любецкаго; написана она главнымъ образомъ на основаніи семейнаго архива князей Любецкихъ. Polityka Lubeckiego, t. I—II. W Krakowie, 1907 Краткія свѣдѣнія о Любецкомъ можно найти у Радзишевскаго—W Naszych Sprawach, II. W 1900, str. 330 и д., на рус яз Пржецлавскій—Кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій Рус. Старина 1878 г. Книга I.

былъ представленъ комиссіей финансовъ и казны Ц. П. проектъ установленія торговыхъ связей съ Россіей.

Основные пункты этого проекта сводились къ слѣдующему:

1) сырыя произведенія, какъ русскія, такъ и польскія, должны быть свободны отъ всякихъ пошлинъ;

2) фабрикаты, вырабатываемые изъ польскаго или русскаго сырья, ни въ коемъ случаѣ (dans aucun cas) не должны быть облагаемы пошлиной выше 1%;

3) для фабрикатовъ, выдѣлываемыхъ изъ иностраннаго сырья, слѣдуетъ установить пошлину въ размѣрѣ 3%, съ обязательствомъ представленія свидѣтельства о происхожденіи.

Что касается скота, ввозимаго въ Ц. П. изъ Россіи, то предлагалось установить пошлину въ половинномъ размѣрѣ той, какая взималась со скота, ввозимаго изъ другихъ странъ [1]).

На послѣдній пунктъ обратилъ вниманіе русскій министръ финансовъ, указавшій на его противорѣчіе съ первымъ. Дѣло въ томъ, что ввозъ скота въ Ц. П. составлялъ наиболѣе важную статью русской вывозной торговли [2]).

Русское правительство, согласившись въ принципѣ на принятіе правилъ, предложенныхъ со стороны Ц. П., считало нужнымъ исключить изъ подъ дѣйствія этихъ правилъ на три года: полотна, скатерти и холстъ, бумажныя матеріи бѣлыя, крашенныя и печатныя, бумажную пряжу, бѣлую и крашенную, сахаръ-рафинадъ и шерсть верблюжью пряденую.

Въ пользу запрещенія ввоза въ Россію польскихъ бумажныхъ издѣлій русское правительство приводило слѣдующія соображенія „болѣе 20 лѣтъ существуетъ у насъ огромное и многихъ милліоновъ стоившее заведеніе бумажной пряжи, отрасли котораго въ послѣдніе годы распространились по всей Россіи, обработкою какъ собственной, такъ и иностранной пряденной бумаги заняты сотни тысячъ станковъ миткалей, коленкоровъ и другихъ тканей. Ситцевыя фабрики какъ устройствомъ, такъ и величиною не усту-

---

[1]) Арх депар тамож сб. № 3995 О взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ Имперіи Рос и Ц П

[2]) Изъ докладной записки департамента вн. торговли видно, что отпускъ рогатаго и прочаго скота изъ Россіи преимущественно производился въ Ц. П. См арх деп. там. сб. Дѣло. о прогонѣ скота черезъ Ц П., транзитомъ, въ Пруссію и Австрію, № 4292.

пающія знатнѣйшимъ иностраннымъ, въ обѣихъ столицахъ, въ Ригѣ, Ревелѣ и другихъ городахъ Имперіи, могутъ снабжать своими издѣліями половину Европы. Теперь къ чему послужитъ заведеніе еще новыхъ сего же рода фабрикъ въ Ц. П., если оно основано будетъ на расчетѣ вывоза въ Россію, а не на удовлетвореніе собственныхъ потребностей? Разореніе старыхъ или безуспѣшность и потеря новыхъ должны быть необходимымъ того послѣдствіемъ.

Министръ Ц. П. присовокупляетъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, что фабриканты наши должны помнить, что они подданные одного и того же Государя, что поляки суть ихъ братья. Но какой же добрый согражданинъ или братъ пожелаетъ основать свое благосостояніе на бѣдствіи ближняго!

Сіе опасеніе не можетъ назваться мечтою, воображеніемъ: ибо г. министръ фин. Ц. П. изъясняется самъ сими словами. „сосѣдство съ прочими европейскими державами даетъ Царству удобность учредить въ короткое время самыя значительныя мануфактуры, ибо оно можетъ наполнить свои мастерскія множествомъ иностранныхъ работниковъ и мастеровыхъ, которыхъ конституція принимаетъ въ свои граждане, коль скоро таланты свои обратятъ они на пользу новаго ихъ отечества". И подлинно, близость переѣзда, извѣстность языка, нравовъ, климата и законовъ земли, столько же привлекать должно иностранныхъ мастеровыхъ въ Ц. П., сколько отдаленность края, предразсудки о жестокостяхъ сѣвернаго климата, неизвѣстность языка и пр., останавливаетъ ихъ отъ Россіи. Сверхъ сего самыя сырыя произведенія чужихъ странъ, которыя обрабатываются на фабрикахъ по причинѣ ближайшаго ихъ доставленія обходятся въ Царствѣ дешевле, нежели въ Россіи".

Такимъ образомъ, представители русскаго правительства энергично стали на защиту интересовъ хлопчатобумажной промышленности, благодаря ихъ настойчивости и былъ воспрещенъ ввозъ въ Имперію польскихъ бумажныхъ издѣлій и сахара въ головкахъ и порошкѣ временно—на три года. Въ дѣйствительности, это запрещеніе, какъ увидимъ ниже, такъ и не было снято до самаго конца изслѣдуемой эпохи.

Начала, выработанныя кн. Любецкимъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, внесенными русскимъ министерствомъ финансовъ и легли въ основу Высочайшаго указа 1 авг. 1822 г. о торговыхъ сношеніяхъ Россіи и Ц. П.

Главныя его начала сводятся къ слѣдующему: 1) всѣ сырыя произведенія, вырабатываемыя въ обѣихъ странахъ, пропускаются изъ одной въ другую совершенно свободно и безпошлинно; 2) со всѣхъ издѣлій, выработанныхъ внутри Имперіи и Царства изъ собственнаго сырья, устанавливается пошлина въ размѣрѣ 1% съ цѣны; 3) издѣлія изъ иностраннаго сырья, обработанныя на русскихъ и польскихъ фабрикахъ, ввозятся въ предѣлы Польши и Россіи съ уплатой пошлины въ 3% съ цѣны.

Изъ подъ дѣйствія этихъ правилъ исключались бумажныя издѣлія, сахаръ въ головкахъ и порошкѣ, привозъ которыхъ изъ Царства въ Имперію былъ воспрещенъ въ теченіе трехъ лѣтъ, а вывозъ изъ Имперіи въ Ц. разрѣшался съ платежомъ пошлины съ пряжи и тканей бумажныхъ—15%, а съ сахара—25% со стоимости.

Этотъ указъ, по мѣткому замѣчанію польскаго историка Смольки, былъ magna charta для польской промышленности; онъ явился могучей опорой благопріятнаго развитія Царства въ области народнаго хозяйства.

Хотя указъ 1 авг. и вводилъ пошлины на мануфактурныя издѣлія, слѣдовательно, отступалъ отъ тѣхъ принциповъ свободной торговли, которые были приняты въ указѣ 1819 г., однако онъ давалъ много преимуществъ Ц. П. въ торговлѣ съ Россіей сравнительно съ другими иностранными государствами. Новый общій тарифъ, введенный почти одновременно въ Россіи, возвращался къ запретительнымъ началамъ тарифа 1816 г. Пошлины, принятыя въ торговыхъ сношеніяхъ Имперіи и Ц. П., сравнительно съ этимъ общимъ тарифомъ были прямо ничтожны.

Для того, чтобы рельефнѣе представить всю разницу въ размѣрѣ пошлинъ, приведемъ слѣдующую любопытную таблицу.

Годы:	Размѣры пошлины, поступившей по тарифу съ Ц. П. за ввезенныя въ Россію сукна	Какая пошлина за то-же количество суконъ полагалась по европейскому тарифу?
1823	52.879 руб. 33 коп.	2.643.946 руб. 89 коп.
1824	88.185 „ 10 „	4.409.255 „ 89 „
1825	154.176 „ 63¼ „	7.708.825 „ 69½ „
1826	193.236 „ 83½ „	9.661.841 „ 77½ „
1827	224.626 „ 75 „	11.231.343 „ 11½ „
1828	231.103 „ 12½ „	11.555.157 „ 46½ „
1829	282.702 „ 62 „	14.135.130 „ 83 „
1830	263.925 „ 73½ „	13.196.286 „ 72 „
Итого	1.490.836 руб. 12¾ коп.	74.541.788 руб. 38 коп.

Отсюда ясно видно, какія преимущества были предоставлены Ц. П. въ торговлѣ съ Россіей сравнительно съ другими европейскими странами. За сукно, ввезенное въ Россію въ періодъ съ 1823 по 1830 г. Царство Польское уплатило пошлины всего около $1^1/_2$ мил. руб., между тѣмъ какъ по европейскому тарифу за то же количество пришлось бы уплатить $74^1/_2$ мил. руб. Слѣдовательно, пошлины на польское сукно были почти въ 50 разъ ниже пошлинъ, взимавшихся съ иностраннаго сукна.

Такъ какъ и польскія издѣлія, вырабатываемыя изъ иностраннаго сырья, при ввозѣ въ Россію оплачивались сравнительно небольшими пошлинами, то для Ц. П. представляло много выгодъ развитіе у себя передѣлочной промышленности. Польское правительство, заинтересованное въ развитіи послѣдней, часто давало, какъ мы знаемъ, разрѣшеніе на безпошлинный привозъ въ Ц. П. шерстяной пряжи, неотдѣланныхъ тканей и пр.

Отсюда понятно, почему указъ 1822 г. можно назвать magna charta польской промышленности. Онъ дѣйствительно создалъ благопріятную почву для зарожденія и дальнѣйшаго развитія фабричной промышленности въ Царствѣ Польскомъ.

Польскіе изслѣдователи, занимавшіеся изученіемъ этого вопроса, утверждаютъ, что въ указѣ 1822 г. проведенъ принципъ взаимности [1]). Наоборотъ, русскіе изслѣдователи—проф. Янжулъ, Лодыженскій приходятъ къ тому заключенію, что Польшѣ были предоставлены бо́льшія преимущества во взаимной торговлѣ, нежели Россіи. „Въ то время, говоритъ Лодыженскій, какъ произведенія бумажной промышленности, всего успѣшнѣе развивавшейся въ самой Имперіи, оплачивались при привозѣ въ Царство 15%, шерстяные товары, которыми издавна славилась Польша, пропускались въ Россію съ ничтожной пошлиной въ 1%. По словамъ гр. Канкрина, эта пошлина исчислялась такъ, что во многихъ случаяхъ составляла едва-ли десятую часть процента“ [2]).

Если стоять на формальной точкѣ зрѣнія, то придется признать, что принципъ взаимности былъ проведенъ въ указѣ 1822 г. Мало того, въ отношеніи бумажныхъ издѣлій Россіи было даже

---

[1]) Podstawa układu z r. 1822 była ścisła zasada wzajemności, такъ говоритъ Смолька—выше цит. t. I, str. 232. Ср. Robak—Z dziejów polsko-rosyiskich stosunków handlowych. Przegląd Polski 1904, t. 151, str. 311

[2]) См. К. Лодыженскій—выше цит., стр. 217.

предоставлено нѣкоторое преимущество: ввозъ этихъ издѣлій изъ Царства Польскаго въ Россію совершенно былъ воспрещенъ, а вывозъ изъ Имперіи въ Царство допускался, хотя съ оплатой сравнительно высокой пошлины

Если отказаться отъ чисто формальной точки зрѣнія то, безъ сомнѣнія, можно согласиться съ проф. Янжуломъ, Лодыженскимъ, что разсматриваемый тарифъ представлялъ больше выгодъ Царству Польскому, чѣмъ Россіи. Фактическое положеніе дѣла привело къ тому, что въ Царствѣ Польскомъ господствующее мѣсто заняла шерстяная промышленность и въ частности сукнодѣліе. Эта основная отрасль польскаго народнаго хозяйства оказалась въ изслѣдуемый періодъ въ благопріятномъ положеніи въ виду льготнаго тарифа. между тѣмъ какъ русское хлопчатобумажное производство, уже довольно высоко развитое въ Россіи (см. офиціальную характеристику этой отрасли, приведенную нами выше), было поставлено въ отношеніи вывоза своихъ издѣлій въ Царство Польское въ худшія условія, такъ какъ было обложено сравнительно высокой пошлиной въ размѣрѣ 15%.

Запрещеніе ввоза бумажныхъ издѣлій изъ Царства Польскаго въ Имперію въ моментъ изданія указа не могло имѣть для польской промышленности серьезнаго значенія; такъ какъ хлопчатобумажное производство только еще начало зарождаться въ 1824—25 году. Этимъ запрещеніемъ, какъ мы видѣли изъ выше приведенной мотивировки его, хотѣли предовратить возникновеніе въ Царствѣ Польскомъ крупныхъ хлопчатобумажныхъ заведеній, учреждаемыхъ исключительно съ цѣлью сбыта своихъ издѣлій въ Россію.

Какъ бы тамъ ни было, указъ 1822 г. положилъ прочныя основы для дальнѣйшаго развитія польской промышленности.

Изданіемъ этого указа не закончились переговоры о торговыхъ сношеніяхъ между Имперіей и Царствомъ. Предстояло еще разрѣшить весьма важный вопросъ о свидѣтельствахъ происхожденія.

Еще до изданія указа 1 августа была возстановлена таможенная автономія Царства Польскаго: русское главное таможенное управленіе въ Варшавѣ упразднено, равно упразднены и русскія таможни, лежавшія по западной границѣ (манифестъ отъ 12 марта 1822 г.)[1].

---

[1]) Арх. департ. тамож. сб. № 69—70 Дѣло... объ упраздненіи россійскаго таможеннаго правленія въ Ц. П.

Позже по указу 17 декабря 1823 г. было учреждено генеральное агенство министерства финансовъ. Генеральнымъ агентомъ назначенъ былъ знакомый намъ ген.-м. Лангъ [1]).

Обязанности русскаго генеральнаго агента въ Варшавѣ сводились, по инструкціи, къ слѣдующему: „покровительствовать россійской торговлѣ въ Царствѣ Польскомъ, принимать жалобы россійскихъ подданныхъ и въ случаѣ надобности ходатайствовать за нихъ у правительства Царства, дабы они могли пользоваться правами, дарованными имъ постановленіями, на коихъ существуютъ торговыя сношенія между обоими государствами... Объяснять россійскимъ подданнымъ существующія въ Царствѣ Польскомъ торговыя узаконенія, мѣстныя постановленія, также въ случаѣ требованія распоряжаться о доставленіи купечеству свѣдѣній о цѣнахъ россійскихъ товаровъ въ Царствѣ Польскомъ".

Помимо этихъ функцій, обычно возлагаемыхъ на коммерческихъ агентовъ, на обязанности генеральнаго агента лежало еще наблюденіе за водвореніемъ контрабанды. „Въ случаѣ дойдетъ до его свѣдѣнія, такъ гласитъ пятый пунктъ инструкціи, что черезъ Царство отправленъ транспортъ контрабандныхъ товаровъ для тайнаго водворенія въ Россію, то онъ извѣщаетъ о семъ окружныхъ начальниковъ или таможню, или посылаетъ своего чиновника въ то мѣсто, куда направленъ транспортъ" [2]).

Въ августовскомъ указѣ 1822 г. были намѣчены только общія положенія, регулировавшія взаимныя торговыя связи Царства Польскаго и Россіи. Предстояло еще заняться детальной разработкой этихъ положеній и особенно, рѣшеніемъ вопроса о свидѣтельствахъ происхожденія.

Правила о свидѣтельствахъ происхожденія, выработанныя русскимъ правительствомъ, вызвали возраженія со стороны кн. Любецкаго.

Послѣдній, анализируя мотивы изданія этихъ правилъ, говоритъ, что „они сводятся не къ положительнымъ фактамъ, но проистекаютъ

[1]) Арх. деп. тамож. сб. № 75 Дѣло.. объ упраздненіи генеральнаго агента министерства финансовъ Имперіи въ Варшавѣ. Означенное агенство было упразднено только въ 1832 г.

[2]) Арх. Госуд. Совѣта. 1818 г. № 251 Дѣло.. о взаимной торговлѣ Ц. П. съ Россіею. Часть II.

изъ недовѣрія“ (ces motifs puisent d'ailleurs leur source dans une defiance)[1]).

Новый русскій министръ финансовъ Канкринъ, съ тревогой смотрѣвшій на возраставшую конкуренцію юной польской промышленности, рѣшительно отвергъ всѣ притязанія кн Любецкаго на облегченія въ выдачѣ свидѣтельствъ происхожденія. Мѣры контроля, какъ выразился Канкринъ въ своемъ письмѣ къ Грабовскому, нисколько не оскорбительны, такъ какъ онѣ касаются обѣихъ сторонъ. По иниціативѣ Канкрина, рѣшено было составить одно общее положеніе изъ всѣхъ постановленій, касавшихся торговли Россіи и Царства Польскаго, разсѣянныхъ по разнымъ источникамъ. Результатомъ чего и явилось „общее учрежденіе о провозѣ собственныхъ издѣлій Имперіи Россійской и Царства Польскаго изъ одного государства въ другое“, утвержденное 30 іюня 1824 г. [2]).

Первая часть этого учрежденія касается издѣлій, отправляемыхъ изъ Россіи въ Царство Польское. Всѣ товары, которые по указу 1 августа 1822 г. должны были снабжаемы свидѣтельствами происхожденія, раздѣлялись на три разряда. Первый разрядъ составляли тѣ товары, о которыхъ „безъ особеннаго удостовѣренія не можно по свойству ихъ или наружному виду заключить, что они дѣйствительно выработаны въ Россіи. Ко второму разряду принадлежатъ одни ремесленныя и цеховыя издѣлія, о коихъ также безъ особаго удостовѣренія нельзя положительно заключать, что онѣ суть россійской, а не иностранной выдѣлки“. Выдача свидѣтельствъ о происхожденіи лежала на обязанности тѣхъ четырехъ пограничныхъ таможенъ, черезъ которыя указомъ 1 августа 1822 г. былъ дозволенъ провозъ товаровъ (§ 2).

Таможни выдаютъ свидѣтельства на товары, принадлежащіе къ первому разряду, на основаніи сообщеній мануфактурнаго начальства и по сличеніи фабричныхъ клеймъ съ клеймомъ, полученнымъ изъ департамента. При выдачѣ свидѣтельствъ на товары второго разряда онѣ

---

[1]) Ibid докладная записка кн. Любецкаго 26 февраля 1823 г.

[2]) Арх. деп. тамож. сб. Дѣло... объ окончательномъ разрѣшеніи вопросовъ, встрѣчаемыхъ въ торговыхъ сношеніяхъ Россійской Имперіи и Ц. П.; ср. Сборникъ админ. постановленій т. I, ч. 2. Инструкція относительно выдачи свидѣтельствъ о происхожденіи на издѣлія, вывозимыя въ Россійскую Имперію, стр. 554 и д.

основываются на удостовѣреніи цеховыхъ управъ или магистратовъ. Наконецъ, на товары третьяго разряда выдаются свидѣтельства безъ всякаго предварительнаго удостовѣренія о ихъ происхожденіи (§ 3).

Отправляющій товаръ въ Царство Польское долженъ заранѣе представить въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли объявленіе, съ указаніемъ таможни, черезъ которую предполагаетъ отправить товаръ, съ приложеніемъ подробной фактуры и трехъ экземпляровъ фабричнаго клейма. Если департаментъ мануфактуръ найдетъ все соотвѣтствующимъ установленнымъ правиламъ, то увѣдомляетъ объ отправленіи упомянутаго товара департаментъ внѣшней торговли и ту таможню, черезъ которую предположенъ вывозъ, препровождая вмѣстѣ съ этимъ засвидѣтельствованныя копіи съ объявленія и съ фактуры, а также по одному образцу клейма (§ 5).

На таможнѣ товаръ подвергается подробному осмотру, „и буде не окажется въ немъ никакихъ непозволительныхъ товаровъ, а находящіяся въ немъ мануфактурныя издѣлія во всемъ сходны съ фактурою и клейма на товарѣ ни въ чемъ не различествуютъ отъ клейма, доставленнаго отъ департамента мануфактуръ, тогда товаръ сей въ присутствіи таможенныхъ членовъ, хозяиномъ онаго или прикащикомъ упаковывается въ ящики, копы или бочки, на которыхъ выставляетъ онъ свои знаки“ (§ 6).

Въ случаѣ транспортъ заключаетъ въ себѣ товары разныхъ фабрикъ, то экспортеръ долженъ представить по три экземпляра каждаго клейма (§ 7).

Вотъ главнѣйшія правила, опредѣлявшія вывозъ русскихъ издѣлій въ Царство Польское. Вторая часть общаго учрежденія касается ввоза издѣлій изъ Царства въ Имперію.

Польскія издѣлія также раздѣлялись на три разряда. Къ первому разряду отнесены мануфактурныя и фабричныя издѣлія, ко второму—ремесленныя и художественныя издѣлія, о которыхъ по сходству ихъ съ иностранными могутъ возникнуть споры, и къ третьему—мануфактурныя или ремесленныя издѣлія, о „которыхъ по свойству ихъ не можетъ никакого быть сомнѣнія въ дѣйствительной выдѣлки въ Царствѣ Польскомъ изъ собственныхъ сырыхъ произведеній и въ предѣлахъ собственной земли“ (§ 32).

Въ Царствѣ Польскомъ свидѣтельства о происхожденіи на товары 1-го разряда выдаются восемью воеводскими комиссіями (§ 34); притомъ только на издѣлія тѣхъ мануфактуръ, фабрикъ и ремеслен-

ныхъ заведеній, которыя находятся въ ихъ округѣ (§ 35). На правительство Царства Польскаго возлагалась обязанность сообщать русскимъ властямъ статистическія свѣдѣнія о фабрикахъ и мануфактурахъ (§ 36).

Выдача свидѣтельствъ о происхожденіи на издѣлія второго разряда возлагалась на тѣ же воеводскія комиссіи и только свидѣтельства на издѣлія третьяго разряда могли быть выдаваемы мѣстнымъ начальствомъ (§§ 37—38).

Экспортеръ польскихъ издѣлій долженъ былъ представить таковыя въ свою воеводскую комиссію. „Сія комиссія, по разсмотрѣніи издѣлій; буде признаетъ дѣйствительно выработанными на той фабрикѣ, составитъ надлежащее о семъ свидѣтельство, которое должно быть подписано самимъ фабрикантомъ и всѣми на лицо находящимися членами комиссіи“ [1]) (§ 40).

---

[1]) Свидѣтельства о происхожденіи, выдаваемыя воеводскими комиссіями, имѣли слѣдующую форму:

Царство Польское.

Свидѣтельство о происхожденіи

Изъ воеводства Мазовецкаго.

Сукно
Кусковъ сто
выработанное изъ шерсти сего края
въ городѣ и округѣ Озорковъ.
Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 12
Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 10

Въ городѣ и округѣ Домбѣ

Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 5
Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 3
Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 1.

Въ городѣ и округѣ Пржедечъ

Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 30
Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 20.

Въ городѣ и округѣ Гостынинъ

Фабрикантомъ N подъ знакомъ N штукъ 19.

Всего штукъ . . . . 100.

Которыя вмѣстѣ содержатъ локтей N
или вѣсомъ фунтовъ N
Хозяинъ сего товара N
и на его имя товаръ отправленъ.

Если представляетъ издѣлія въ воеводскую комиссію не самъ фабрикантъ, а купецъ, и если первый по отдаленности мѣста не можетъ лично явиться въ воеводскую комиссію для удостовѣренія, то въ такомъ случаѣ купецъ обязанъ представить фактуру за подписью фабриканта съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ данныхъ, нужныхъ для составленія свидѣтельства (§ 41). По написаніи свидѣтельства, въ присутствіи одного изъ членовъ комиссіи мѣста тщательно упаковываются, къ нимъ прикладывается нужное число пломбъ, чтобы эти мѣста не могли быть вскрыты при провозѣ до впускной таможни Имперіи (§ 42). Съ выданнаго свидѣтельства снимается копія, которая и остается при дѣлахъ воеводской комиссіи (§ 44).

Получившему разрѣшеніе на вывозъ издѣлій дозволялась переуступка этого разрѣшенія другому лицу съ соотвѣтствующими надписями на свидѣтельствѣ, удостовѣренными начальствомъ по мѣсту совершенія переуступки (§ 55).

Если лицо, получившее свидѣтельство на вывозъ товаровъ, пожелало бы часть изъ нихъ „обратить на внутреннее потребленіе, мѣстное начальство должно надписывать на свидѣтельствѣ число мѣстъ, назначенныхъ на внутреннее потребленіе, и такимъ образомъ ограничить дѣйствительность онаго на остающееся только количество.

Ни въ какомъ однакожъ случаѣ мѣсто съ товарами, назначенное къ вывозу, не дозволяется раздроблять“ (§ 56).

Вышеупомянутыя издѣлія упакованы въ четырехъ кипахъ, а именно:

Кипа	№ 1	подъ знакомъ N,	пломбъ 4	содержитъ кусковъ	20.
„	№ 2	„	„ 6	„	50.
„	№ 3	„	„ 3	„	15
„	№ 4	„	„ 3	„	15

Всего, какъ выше сказано . . . . . 100.

Имѣютъ быть отправлены въ Россію чрезъ таможню Устюлужскую.

Собственноручная подпись хозяина товара, который отправлялъ

Иванъ Захертъ изъ Варшавы

Комиссія воеводства,

Сіе свидѣтельство о происхожденіи подписью членовъ, къ составу оной принадлежащихъ утвержденное, съ приложеніемъ казенной печати выдаетъ, которое имѣетъ свою силу на мѣсяцъ

Въ Варшавѣ дня— мѣс.— года.

Подписи.

Польскія издѣлія 1-го разряда должны быть снабжаемы клеймами, безъ которыхъ они не будутъ впускаемы въ Имперію. Поэтому, „въ каждую изъ четырехъ таможенъ, равно и въ складочныя таможни имѣютъ быть доставлены отъ департамента внѣшней торговли, по полученіи отъ правительства Царства Польскаго, подробныя вѣдомости обо всѣхъ въ Царствѣ Польскомъ находящихся мануфактурахъ и фабрикахъ съ образцами клеймъ, а таможни при досмотрѣ сего рода товаровъ обязаны сличать оные не токмо со свидѣтельствомъ ихъ сопровождающимъ, но и съ помянутыми клеймами“ (§ 57).

Интересное постановленіе содержитъ въ себѣ послѣдній (§ 64) параграфъ этого общаго учрежденія. „Въ каждой изъ четырехъ пограничныхъ таможенъ, черезъ кои провозъ товаровъ указомъ 1 авг. 1822 г. дозволенъ, находиться будетъ по одному или по два агента, избранныхъ отъ россійскаго купечества и мануфактуристовъ; агенты сіи утверждаются въ семъ званіи министромъ финансовъ и имѣютъ въ таможняхъ засѣданіе и голосъ; посему они должны присутствовать при каждомъ досмотрѣ, какъ транспортовъ россійскихъ въ Польшу отправляемыхъ, такъ и приходящихъ оттуда съ польскими товарами. Сверхъ того агенты сіи обязаны по всей границѣ наблюдать за провозомъ вообще потаенныхъ товаровъ и въ случаѣ подозрѣнія могутъ требовать, дабы учиняемъ имъ былъ досмотръ, въ чемъ таможенные чиновники и мѣстныя начальства должны оказывать имъ скорое содѣйствіе. О всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ доносятъ департаменту мануфактуръ и внутренней торговли“.

Какъ видимъ, этимъ параграфомъ предоставлялись широкія полномочія агентамъ, избраннымъ отъ россійскаго купечества и мануфактуристовъ. Несомнѣнно, что эти выборные агенты, въ интересахъ родной имъ торговли и промышленности, должны были особенно внимательно слѣдить за строгимъ и точнымъ соблюденіемъ таможенныхъ правилъ. Этотъ параграфъ, видимо, не нравился польскому правительству. По крайней мѣрѣ, Канкринъ въ своемъ письмѣ къ статсъ-секретарю Грабовскому (отъ 25 января 1824 г.) по поводу 64 параграфа объяснялъ, что торговые агенты нисколько не должны смущать администрацію Царства, такъ какъ они существуютъ и при такихъ таможняхъ, какъ Петербургъ, Рига, Одесса; съ другой стороны, за неосновательныя подозрѣнія они подвергаются большой отвѣтственности.

Мы ограничились указаніемъ только главнѣйшихъ положеній общаго учрежденія о привозѣ товаровъ. Думается, что и этого достаточно, чтобы видѣть, какими тяжелыми формальностями была обставлена торговля Россіи и Царства Польскаго. Иниціатива въ установленіи такихъ стѣснительныхъ правилъ шла со стороны Россіи, опасавшейся наплыва иностранныхъ издѣлій подъ видомъ польскихъ.

Общее учрежденіе было составлено на началахъ строгой взаимности. Оно одинаково стѣсняло своими формальностями какъ русскую, такъ и польскую торговлю. Въ концѣ концовъ эти стѣсненія болѣе чувствительными оказывались для Царства Польскаго, чѣмъ для Имперіи, просто на томъ основаніи, что главную статью русскаго ввоза въ Польшу составляли тѣ продукты и издѣлія, о происхожденіи которыхъ не могло возникать сомнѣнія и которые поэтому допускались къ ввозу безъ особыхъ формальностей. Наоборотъ, въ польской торговлѣ главное мѣсто занимали тѣ именно мануфактурныя издѣлія, которыя требовали нарочитаго свидѣтельства о происхожденіи.

Польскіе промышленники и купцы особенно тяготились этими правилами. Мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ жалобами на ихъ стѣснительность, убыточность и т. д.

Въ 1829 г. польскіе купцы въ своемъ прошеніи комиссіи приходовъ и казначейства по поводу свидѣтельствъ о происхожденіи говорятъ слѣдующее: „проходныя свидѣтельства, соединенныя со многими формальностями вначалѣ могли являться спасительными, когда въ виду недостаточнаго числа издѣлій только что возникшихъ польскихъ фабрикъ заграничные товары устремлялись въ Россію всѣми путями.

Теперь въ особенности суконныя фабрики достигли такой степени совершенства, что въ состояніи удовлетворить вмѣстѣ съ русскими фабриками потребности Имперіи и Царства. Поэтому, приманки чрезвычайной прибыли для заграничныхъ издѣлій уже не существуетъ, наконецъ, лучшій надзоръ дѣлаетъ почти невозможнымъ контрабанду.

Формальности спасительныя вначалѣ, когда торговля ограничивалась малыми партіями непосредственно между фабрикантами и русскими купцами, дѣлаются теперь излишними и гибельными, когда фабрики и своимъ числомъ и черезъ усовершенствованіе сдѣлали торговлю сукномъ столь важной, какой только она можетъ быть

въ самыхъ промышленныхъ странахъ". Для развивавшагося капитализма подобныя формальности являлись слишкомъ стѣснительными, на это и указывали въ своемъ прошеніи варшавскіе купцы [1]).

Эти жалобы вполнѣ естественны, если мы вспомнимъ, какими сложными формальностями былъ обставленъ вывозъ. Въ концѣ каждаго года комиссія внутреннихъ дѣлъ и пол. собирала фабричныя клейма отъ воеводскихъ комиссій вмѣстѣ съ данными по статистикѣ фабрикъ, все это отправлялось статсъ-секретарю въ Петербургъ; по слѣдній пересылалъ эти данныя въ департаментъ внѣшней торговли, затѣмъ отсюда клейма разсылались по таможнямъ.

Такая длинная процедура должна была создавать не мало затрудненій Иногда товаръ прибывалъ на таможню раньше своихъ клеймъ, его задерживали до полученія послѣднихъ. Случалось, что на таможняхъ затеривались утвержденныя министерствомъ клейма, опять происходила задержка. Понятно, все это должно было сильно тормозить торговлю [2]).

Возникаетъ интересный вопросъ: обставленный столькими формальностями контроль польскаго ввоза въ Россію предотвращалъ ли возможность злоупотребленій, иначе говоря, возможность ввоза въ Россію иностранныхъ издѣлій подъ видомъ польскихъ?

Жалобы съ русской стороны на существованіе такой контрабанды мы слышимъ въ теченіе всей изслѣдуемой эпохи Справедливость этихъ жалобъ признается и нѣкоторыми изслѣдователями (проф. Янжулъ, Лодыженскій, Роза Люксембургъ). „Согласно польскимъ источникамъ, говоритъ проф. Янжулъ, вся стоимость шерстяного производства въ Царствѣ Польскомъ, выраженная въ рубляхъ, равнялась въ 1829 г. 5.752.000 р., между тѣмъ, согласно русской вѣдомости въ дѣлахъ департамента внѣшней торговли, *за этотъ самый годъ* однихъ лишь польскихъ суконъ привезено въ Россію на 8.418.000 руб., т. е. якобы на 3 мил. больше всего шерстяного производства въ Царствѣ, что наглядно доказываетъ иностранное происхожденіе, по крайней мѣрѣ половины польскаго привоза" [3]). „Если цѣнность вывезенныхъ фабрикатовъ, говоритъ по этому же поводу Люксем-

[1]) Арх Каз. Пал. Akta og stosunków handlowych z Rossyą Lit R. № 57. t 6.

[2]) Много подобныхъ жалобъ мы встрѣчали въ архивѣ Казен. Палаты. Akta Ogólne fabryk i kontrollowania fabrykatów krajowych. t. V.

[3]) Проф. Янжулъ—выше цит. стр. 35

бургъ [1]), превышаетъ цѣнность фабрикатовъ, произведенныхъ въ странѣ, то это зависитъ отъ того, что кромѣ товаровъ изготовленныхъ въ Польшѣ, въ Россію вывозилась подъ польской маркой масса и нѣмецкихъ готовыхъ фабрикатовъ, контрабандою вывезенныхъ въ Польшу".

Обвиненіе, выставленное въ такой формѣ, несомнѣнно, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вывозъ польскихъ суконъ въ Россію далеко не превышалъ всей выдѣлки, какъ это видно изъ второй главы. Откуда же взялись тѣ цифры, на которыхъ основываются проф. Янжулъ, Люксембургъ? Польскій историкъ Смолька удачно разрѣшаетъ это недоумѣніе [2]) Цифра 5,752 тыс. руб. взята у польскихъ изслѣдователей, которые для сравненія съ позднѣйшими данными, когда уже не принято было считать на золотые, перевели послѣдніе на рубли, пользуясь обычнымъ курсомъ 1 зл.=15 коп. Между тѣмъ цифра 8.418 тыс. руб., взятая изъ русскихъ вѣдомостей, очевидно заключаетъ въ себѣ ассигнаціонные рубли. Эту догадку потверждаютъ статистическія данныя польскаго вывоза, помѣщенныя въ „Петербургскомъ Еженедѣльникѣ" за 1830 г., гдѣ указывается та же самая цифра, и именно въ ассигнаціяхъ. Ас. рубль по среднему курсу въ то время не равнялся сполна даже двумъ золотымъ. Если перевести по указанному курсу эти двѣ цифры, то сумма годового производства въ 5.752 тыс. руб. будетъ равняться 38 мил. зл., а сумма вывоза въ Россію—около 15 мил. зл. При такомъ расчетѣ цѣнность годового производства не только не ниже цѣнности вывоза, но даже въ $2^1/_2$ раза выше ея. Очевидно, обвиненіе въ такой именно формѣ падаетъ само собой.

Лодыженскій формулируетъ свое обвиненіе нѣсколько иначе. По его словамъ, „польскія полицейскія власти выдавали свидѣтельства о происхожденіи изъ Царства на такія сукна, которыя въ готовомъ видѣ привозились въ Польшу. Иначе, какъ такимъ злоупотребленіемъ нельзя объяснить того факта, что въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ польскихъ воеводскихъ комиссій производительность каждаго стана на нѣкоторыхъ фабрикахъ показывалась въ 500 половинокъ

[1]) См. Р. Люксембургъ—Промышленное развитіе Польши; пер. съ нѣмецкаго Спб. 1899 Стр. 10—11.

[2]) См. Smolka—Polityka Lubeckiego—t. I, str 532, przyp. 24.

въ годъ, между тѣмъ какъ при тогдашнемъ состояніи суконнаго производства на станкѣ не могло производиться болѣе 40—60 половинокъ ежегодно“ [1]. Въ данномъ случаѣ Лодыженскій повторяетъ то обвиненіе, которое выставлялось какъ русскими властями, такъ и русскими фабрикантами. Между прочимъ, на такую несообразность статистическихъ данныхъ русское министерство финансовъ указывало и самому кн. Любецкому, какъ увидимъ ниже.

Польскіе изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, доказываютъ полную несостоятельность подобныхъ обвиненій. Для рѣшенія этого спорнаго вопроса мы остановимся на фактахъ, признаваемыхъ самими же польскими властями. Эти факты даютъ полное основаніе заключать, что злоупотребленія въ выдачѣ свидѣтельствъ были. Для нашей цѣли представляетъ большой интересъ циркуляръ предсѣдателя краковской воеводской комиссіи отъ 25 марта 1828 г. „Изъ поѣздки по олькушскому у., пишетъ предсѣдатель, я убѣдился, что контроль станковъ и ихъ издѣлій поставленъ далеко неудовлетворительно. Контролеры, не думая объ интересахъ казны, ставятъ пломбы на товаръ на основаніи простого заявленія фабриканта, не входя въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли представленный товаръ—мѣстный, отвѣчаетъ ли онъ числу станковъ фабриканта и количеству матеріала? Затѣмъ скрѣпляютъ собственноручно свидѣтельства гминныхъ войтовъ, подписей которыхъ совершенно не знаютъ. Благодаря этому, заграничный товаръ, снабженный знаками, подъ видомъ мѣстнаго, имѣетъ всюду свободное обращеніе“. Для устраненія такихъ злоупотребленій циркуляръ рекомендуетъ слѣдующія мѣры: контролеръ вмѣстѣ съ бурмистромъ долженъ обойти всѣ фабрики и проставить номера на всѣхъ станкахъ, собрать точныя свѣдѣнія, въ теченіе какого времени и сколько станковъ находится въ работѣ, все это занести въ протоколъ. Для руководства контролерамъ приводится примѣрная таблица съ средней нормальной выработкой одного станка. Указывается, сколько того и другого сырья требуется на производство опредѣленнаго количества разныхъ тканей [2].

Изъ донесенія предсѣдателя калишской воеводской комиссіи отъ 12 марта 1827 г. также видно, что въ пограничныхъ мѣстахъ ши-

---

[1]) См Лодыженскій—выше цит., стр 218.

[2]) Арх. Каз. Пал.—Akta Ogólne fabryk i kontrollowania fabrykatów krajowych, t. III.

роко практиковалось такое же злоупотребленіе.— Иностранные товары представлялись властямъ для приложенія пломбъ подъ видомъ мѣстныхъ [1]).

Генеральный интендантъ казначейства доносилъ 23 авг. 1826 г. комиссіи фин. и казначейства, что сами войты выдавали фальшивыя свидѣтельства на иностранное полотно въ пограничныхъ гминахъ, прилагали печати къ контрабандному полотну и даже давали свою печать контрабандистамъ. При этомъ дѣлается такое характерное добавленіе: „по частнымъ свѣдѣніямъ такіе войты позаписывали свое имущество на имя женъ или другихъ родственниковъ и, игнорируя слѣдствіе, продолжаютъ выдавать фальшивыя свидѣтельства".

Въ рапортѣ отъ 30 авг. того же года генеральный интендантъ сообщаетъ, что нашелъ 23 фальшивыхъ свидѣтельства, выданныхъ войтомъ гмины Гродзаново. Онъ жалуется на то, что войты не придаютъ никакого значенія слѣдствію, смѣются надъ нимъ и причиняютъ ему много непріятностей. По его расчету, размѣръ пошлины, потерянной на открытыхъ имъ контрабандныхъ товарахъ, достигалъ 196.956 зл. [2]).

Помимо офиціальныхъ указаній на то, что въ Ц. П. практиковалась выдача фальшивыхъ свидѣтельствъ низшими органами, мы находимъ не мало данныхъ, подтверждающихъ широкое распространеніе контрабанды.

Въ одномъ изъ донесеній комиссіи вн. д. отъ 13 фев. 1818 г. указывается, что изъ пограничныхъ мѣстечекъ много ввозится въ страну иностраннаго сукна подъ видомъ мѣстнаго. Для предупрежденія этого рѣшено было требовать постановки знаковъ на издѣліяхъ [3]). Какимъ образомъ была организована эта контрабанда, показываетъ позднѣйшее донесеніе 31 мая 1821 г. Въ Царствѣ П. существовалъ свободный вывозъ за-границу полуфабрикатовъ для окончательной ихъ отдѣлки (окраски, валянья, аппретуры и т. д.). Это приводило къ слѣдующему злоупотребленію: фабрикантъ или купецъ, чаще всего еврей, въ качествѣ фиктивнаго фабриканта (pożу-

---

[1]) Арх. Ген Губ —Akta.. tyczące się kontroli wyrobów lnianych i bawełnianych. Vol. I.

[2]) Арх. Ген. Губ.—Akta.... tyczące się kontroli wyrobów lnianych i bawełnianych. V. I. Lit. K.

[3]) Арх. Каз. Пал.—Akta og. fakryk i kontrollowania fabrykatów krajowych. Lit. F. Poszyt I.

czywszy Nazwiska Fabrykanta), вывозилъ за границу для отдѣлки полуфабрикаты средняго сорта, тамъ ихъ сбывалъ и назадъ привозилъ тонкія заграничныя сукна [1])

О контрабандномъ ввозѣ въ Ц. П. суконъ говоритъ и циркуляръ комиссіи калишскаго воеводства отъ 3 іюля 1821 г „Въ этихъ злоупотребленіяхъ повинны отчасти сами фабриканты, отчасти чиновники. Живущіе въ пограничной чертѣ привозятъ изъ-за границы суконные полуфабрикаты, даютъ имъ окончательную отдѣлку и затѣмъ пускаютъ въ продажу подъ видомъ мѣстнаго сукна“ [2]).

Насколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, контрабандный ввозъ сукна практиковался широко въ начальные годы изслѣдуемой эпохи, когда суконодѣліе въ Ц. П. только еще зарождалось. Позже съ развитіемъ суконной промышленности, когда польскія сукна по добротности сравнялись съ заграничными, эта контрабанда сократилась. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшіе годы мы не встрѣчаемъ указаній на существованіе контрабаднаго ввоза суконъ [3]). Зато въ послѣдніе годы практиковалась въ широкихъ размѣрахъ контрабанда льняныхъ и бумажныхъ издѣлій.

Въ рапортѣ предсѣдателя мазовецкой воеводской комиссіи отъ 22 февр 1827 г. говорится слѣдующее: „лавки евреевъ переполнены бумажными и льняными издѣліями, чего нельзя было бы ожидать при высокой таможенной пошлинѣ. Очевидно, это контрабандные товары. Евреи, устроивъ вблизи границы яко-бы мануфактуру, занимаются доставкой контрабанды. Система знаковъ нисколько не спасаетъ отъ наплыва иностранныхъ товаровъ.

Подъ видомъ ченстоховскихъ издѣлій вся страна наполняется заграничными льняными и бумажными тканями, такъ какъ мѣстные станки не въ состояніи выдѣлать ихъ въ такомъ количествѣ.

Контрабандисты пользуются иногда помощью пограничныхъ чиновниковъ, и даже содѣйствіемъ мелкихъ фабрикантовъ, которые даютъ свое имя на контрабандные товары.

Безъ этого нельзя было бы понять, какъ вблизи Лодзи, Пабіаницъ, гдѣ имѣется гораздо больше станковъ, приводимыхъ въ движеніе водой, гдѣ находятся аппретурныя заведенія и гдѣ бумажные

---

[1]) Ibid.

[2]) Арх. Ген Губ.—Sek. V, 13 A .., v. 348, II

[3]) См. грошеніе варшавскихъ купцовъ, стр. 327.

и льняные товары дешевле и лучше, продаются ченстоховскія издѣлія. Очевидно, черезъ Ченстоховъ въ нашу страну входятъ нѣмецкіе товары, продающіеся за границей за безцѣнокъ.

Принимая въ виду собственные интересы и интересы братской Россіи, слѣдовало бы закрыть доступъ въ страну льнянымъ и бумажнымъ издѣліямъ“ [1]).

Интересное описаніе контрабандныхъ злоупотребленій даетъ Голлеръ, фабрикантъ полотенъ изъ калишскаго воеводства. Въ своемъ донесеніи (16 февр. 1830 г.) онъ описываетъ, какъ имъ была устроена фабрика въ Черномъ лѣсѣ вблизи Ченстохова. Нужные инструменты, орудія, машины и наконецъ мастера были вывезены имъ изъ-за границы. Расчеты его на доходность предпріятія не оправдались, благодаря тому, что евреи ввозили контрабандой изъ-за границы товары и продавали ихъ по дешевой цѣнѣ.

Заявленія просителя властямъ ни къ чему не привели, потому что чиновники и стражники на сторонѣ контрабандистовъ. Евреи передаютъ товары мастерамъ, находящимся отъ нихъ въ зависимости, и за ихъ клеймами продаютъ въ странѣ. „Я пытался разъ, пишетъ фабрикантъ, задержать въ Ченстоховѣ брячку, нагруженную иностраннымъ товаромъ. Увы! Прибѣжали евреи въ сопровожденіи чиновниковъ и полиціи, набросились на меня и моихъ людей съ кулаками и бранными словами. Ревностная ченстоховская полиція захватила съ нашей стороны 26 человѣкъ, продержала подъ арестомъ пять дней, безъ пищи и безъ подстилки на голой землѣ. Только благодаря вмѣшательству войта нашей гмины удалось освободить ихъ“ [2]). Такія безобразія совершались на поприщѣ контрабандныхъ злоупотребленій. Естественно, разъ существовала въ такихъ широкихъ размѣрахъ контрабанда, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что контрабандные товары могли проникать и въ Россію. Не даромъ же предсѣдатель мазовецкой воеводской комиссіи говорилъ о томъ, что отъ контрабандныхъ злоупотребленій страдаютъ и интересы братской Россіи. Въ водвореніи контрабанды виноваты были и низшіе правительственные агенты и представители мѣстнаго само-

---

[1]) Арх. Каз. Пал.—Akta og. fabryk i kontrollowania fabrykatów krajowych. Lit. F. V. 11.

[2]) Арх. Ген. Губ.—Akta... kontroli wyrobów lnianych i bawełnianych, v. I. Lit. K.

управленія, допускавшіе злоупотребленія въ выдачѣ свидѣтельствъ о происхожденіи.

Кромѣ того, иностранные товары ввозились въ Царство и другимъ путемъ въ обходъ таможеннаго тарифа. Польское правительство для поощренія фабричной промышленности разрѣшало въ широкихъ размѣрахъ безпошлинный ввозъ то сырья (пряжи), то полуфабрикатовъ, то, наконецъ, готовыхъ издѣлій. Это разрѣшеніе давалось очень часто и притомъ на значительныя количества.

Въ результатѣ получалось то, что многіе спекулянты подъ видомъ устройства мануфактуръ, добивались разрѣшенія на безпошлинный ввозъ иностраннаго сырья или готовыхъ издѣлій, зарабатывали хорошо на этой операціи и тѣмъ заканчивали свою промысловую дѣятельность. Даже если и устраивалось заведеніе, то главное значеніе фабрикантъ придавалъ дозволенію безпошлиннаго ввоза. Махинаціи ловкихъ спекулянтовъ съ такими разрѣшеніями хорошо освѣщаетъ одно прошеніе, поданное 27 апр. 1827 г. представителями сукнодѣловъ изъ разныхъ городовъ. Сукнодѣлы ходатайствовали о томъ, чтобы правительство не давало разрѣшеній на безпошлинный ввозъ пряжи фабрикантамъ, переселяющимся въ Царство Польское. Большинство изъ нихъ не имѣетъ своей пряжи и является только эмиссарами заграничныхъ спекулянтовъ, которые черезъ ихъ посредство, вопреки тарифу, ввозятъ самымъ легальнымъ путемъ контрабанду и такимъ образомъ сводятъ къ нулю основную задачу запретительнаго тарифа. „Одно приличіе не позволяетъ намъ назвать имена тѣхъ лицъ, которыя допускаютъ такія злоупотребленія“ [1]).

Интересно, что сами польскіе чиновники допускали возможность ввоза въ Россію товаровъ, пропущенныхъ въ Ц. П. безпошлинно. Намекъ на это мы находимъ въ донесеніи Рембелинскаго на имя министра вн. д отъ 6 ноября 1828 г. Онъ сообщаетъ о томъ, что Копишъ, фабрикантъ льняныхъ издѣлій въ Лодзи получилъ заказъ изъ Петербурга отъ торговаго дома на партію тонкаго полотна и столоваго бѣлья. Рембелинскій предлагаетъ, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, принять мѣры къ тому, чтобы при первомъ опытѣ отпуска въ Россію льняныхъ издѣлій не было вывезено силезское

---

[1]) Арх. Ген. Губ.—Og. Akta .. tyczące się fabryk sukna Lit S. v. III.

полотно, пропущенное безпошлинно въ Ц. П.[1]). Какія мѣры были приняты въ предупрежденіе этой возможности, мы не знаемъ. Одно извѣстно, что Копишъ въ сущности не имѣлъ фабрики льняныхъ издѣлій, а занимался продажей ввезенныхъ изъ-за границы полотенъ высшаго сорта, а частью отдѣлкой полотенъ, скупаемыхъ отъ мелкихъ ткачей. Слѣдовательно, выполнить полученный заказъ онъ могъ исключительно только путемъ ввоза иностранныхъ полотенъ.

Указаніе на существованіе такихъ злоупотребленій мы находимъ и въ русскихъ источникахъ. Характерны въ этомъ отношеніи донесенія русскаго генеральнаго агента въ Варшавѣ. Въ 1827 г. агентъ министерства доноситъ слѣдующее[2]): „въ Ц П. устраиваются содѣйствіемъ правительства фабрики бумажныхъ издѣлій. Оно ссужаетъ фабрикантовъ деньгами, даетъ имъ дозволенія, называемыя лиценціями, на провозъ и на выписку изъ-за границы опредѣленнаго въ оныхъ количества бумажныхъ издѣлій и пряжи, а нѣкоторымъ даетъ и строенія. Но многіе изъ сихъ фабрикантовъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться пособіемъ правительства, ограничиваются распродажею выписываемыхъ ими издѣлій и пряжи, чѣмъ подрываютъ настоящихъ фабрикантовъ, не получившихъ на свои заведенія никакого вспомоществованія. Лиценціями завелся даже торгъ, подобно какъ государственными кредитными бумагами. Притомъ, сверхъ дозволеннаго количества издѣлій, много привозится оныхъ и потаенно, особливо въ воеводства, граничущія съ Австріею и Пруссіею, кладутся на нихъ фабричные знаки и клейма, и они продаются за собственныя. Вообще въ Царствѣ Польскомъ обращается великое количество заграничныхъ бумажныхъ издѣлій, даже и въ воеводствахъ, лежащихъ противу Россіи“. Въ донесеніи о ходѣ торговли въ Царствѣ Польскомъ отъ $^{4}/_{16}$ іюля 1830 г. Лангъ[3]) сообщаетъ объ учрежденіи въ Варшавѣ двухъ предпріятій вѣнскими фабрикантами—Блюмелемъ, Шперлингомъ и Рапомъ, первыми фабрики шерстяныхъ шалей и платковъ, а послѣднимъ – бумажныхъ обоевъ. „Въ

---

[1]) Арх Ген. Губ.—Akta.. tyczące się kontroli wyrobów lnianych i bawełnianych, v. I. Lit K.

[2]) Арх деп. там. сб, № 902. Дѣло депар. вн. торговли. Донесеніе агента министерства Ланга отъ 1827 г.

[3]) Арх. департ. таможк. сб, № 3999 Дѣло депар. вн. торговли по донесенію генеральнаго агента Мин. Фин. о торговлѣ Царства Польскаго съ Россіею.

бытность мою въ Вѣнѣ, получивъ свѣдѣнія о заводимыхъ ими фабрикахъ въ Варшавѣ я, пишетъ агентъ, входилъ въ развѣданіе о видахъ ихъ и узналъ, что къ тому (т. е. къ основанію фабрикъ въ Ц. П.) склонило ихъ наиболѣе оказываемое правительствомъ польскимъ пособіе къ обзаведенію, особенно въ томъ, что дозволяется привозить готовыя ихъ издѣлія изъ фабрикъ вѣнскихъ, каковыхъ Блюмелю, по словамъ самыхъ сотоварищей его въ Вѣнѣ, дозволено привезти безпошлинно въ Царство 100 центнеровъ, въ число коихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года отправлено уже сюда на 20.000 гульденовъ серебромъ (около 80.000 польскихъ злотыхъ), что подтвердилъ мнѣ по знакомству лично и австрійскій чиновникъ, имѣющій въ Вѣнѣ за фабриками надзоръ; равнымъ образомъ фабрикантамъ бумажныхъ обоевъ Шперлингу и Рапу дозволено привезти сихъ издѣлій до 300 центнеровъ; по свѣдѣнію же, полученному мною здѣсь отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, значится, что упомянутому фабриканту шерстяныхъ шалей и платковъ Блюмелю дозволено правительствомъ привезти готоваго товара только 500 фунтовъ, съ заплатою $^2/_5$ опредѣленной по тарифу пошлины, слѣдовательно 20-ю частью менѣе противу того количества, какое узналъ я въ Вѣнѣ“...

„Отъ таковыхъ исключительныхъ дозволеній (лиценцій), продолжаетъ Лангъ, пельзя кажется неопасаться вреда для внутренней промышленности нашей и пошлинныхъ доходовъ, въ водвореніи въ Россію, подъ видомъ польскихъ, привозимыхъ симъ образомъ въ Царство иностранныхъ товаровъ, ибо хотя правительство польское и отзывается, что оно даетъ сіи дозволенія съ тѣмъ, чтобы изъ привозимыхъ по онымъ въ Царство товаровъ, не было ничего отправляемо въ Россію, и что сего рода товары различаются особыми клеймами, по безпрестанной однако связи подобныхъ поселяющихся въ Царствѣ фабрикантовъ съ фабриками ихъ за границею, нетрудно кажется имъ привозить въ Царство противу дозволеннаго количества гораздо болѣе товаровъ и укрывать ихъ отъ упомянутыхъ особыхъ клеймъ, а имѣя у себя сіи товары въ Царствѣ на складкѣ вмѣстѣ съ выдѣлываемыми здѣсь, нетрудно даже вмѣсто тѣхъ клеймъ нала гать таковыя фабричныя здѣшнія и въ числѣ прочихъ издѣлій высылать въ Россію, лишь бы только представилась для нихъ выгода;—для чего, по мнѣнію моему, необходимость требуетъ принять мѣры къ отвращенію вреда отъ таковыхъ исключительныхъ дозволеній, и естьли оныхъ нельзя совершенно прекратить, то по край-

ней мѣрѣ нужно бы сдѣлать на будущее время для подобныхъ фабрикантовъ какое-либо ограниченіе".

Между прочимъ Лангъ предлагаетъ такую мѣру—воспретить фабрикантамъ, получившимъ разрѣшеніе на безпошлинный ввозъ иностранныхъ издѣлій, торговлю съ Россіей въ теченіе трехъ или двухъ лѣтъ, смотря по тому, на какое количество иностранныхъ издѣлій получено ими разрѣшеніе.

Въ донесеніи отъ 1 сентб 1830 г. тотъ же Лангъ категорически заявляетъ, что „тайный ввозъ въ Царство Польское всякаго рода иностранныхъ издѣлій и водвореніе оныхъ оттуда въ Россію производится весьма часто".

Московскіе фабриканты въ 1827 г. подали всеподданнѣйшую просьбу, въ которой ходатайствовали между прочимъ о запрещеніи ввоза какъ въ Россію, такъ и въ Польшу шерстяной иностранной пряжи, а также и о томъ, чтобы въ Ц. П. не были даваемы дозволенія на безпошлинный привозъ изъ-за границы пряжи, суровья и пр.; „ибо при таковомъ дозволеніи фабриканты польскіе, пріобрѣтая пряжу изъ за границы дешевыми цѣнами, имѣютъ всю возможность продавать сукна свои изъ сей пряжи выработанныя по цѣнамъ несравненно дешевѣйшимъ, нежели по какимъ продаются сукна россійскихъ фабрикъ" [1]).

Приведенныхъ здѣсь фактовъ достаточно для того, чтобы признать справедливыми въ извѣстной части жалобы и русскаго правительства и русскихъ фабрикантовъ на то, что черезъ Ц. П. ввозилось въ Россію контрабанднымъ путемъ не мало иностранныхъ товаровъ. Безъ сомнѣнія, польское правительство само было заинтересовано въ искорененіи этой контрабанды, принимало разныя мѣры для этого; но оно, конечно, не было въ силахъ пріостановить подобныя злоупотребленія; тѣмъ болѣе, что щедрой раздачей разрѣшеній на безпошлинный ввозъ иностранныхъ издѣлій правительство само облегчало контрабанду.

Вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей вступилъ въ новую фазу въ 1826 г. Къ этому уже времени враждебное отношеніе къ польской промышленности русскихъ фабрикантовъ вылилось въ опредѣленныя формы. „Суконные фабриканты, писалъ въ докладной запискѣ министръ финансовъ въ 1831 г., не переставали

---

[1]) Арх. Ген. Губ.—Sek. V, 13 A...., vol. 348, VI.

жаловаться на совершенный подрывъ отъ ввоза польскихъ суконъ въ количествѣ ежегодно возрастающемъ".

Во главѣ русскаго министерства фин. стоялъ Канкринъ, убѣжденный протекціонистъ [1]), относившійся сочувственно къ тѣмъ жалобамъ, которыя раздавались со стороны русскихъ фабрикантовъ на конкуренцію польскихъ сукнодѣловъ.

Эти жалобы Канкринъ находилъ основательными по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, близость Силезіи и многія другія обстоятельства давали польскимъ фабрикантамъ преимущественныя выгоды передъ россійскими; во-вторыхъ, различныя обстоятельства возродили подозрѣніе о ввозѣ черезъ Польшу значительнаго количества иностранныхъ суконъ съ поддѣльными штемпелями. „Сіе доказывается и тѣмъ, что число сукнодѣльныхъ становъ, показанныхъ въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ польскаго правительства вовсе несоразмѣрно съ количествомъ сукна въ выдѣлкѣ показываемымъ. По симъ свѣдѣніямъ у нѣкоторыхъ фабрикантовъ показано было въ вѣдомостяхъ выработаннаго сукна на одномъ станѣ даже до 1400 половинокъ въ годъ; въ третьихъ, польское правительство разными мѣрами, льготами, лиценціями и изъятіями по таможенной части возвысило сукнодѣліе въ Польшѣ, такъ сказать, искусственнымъ образомъ" [2]).

Для характеристики отношенія русскихъ фабрикантовъ къ польскимъ приведемъ петицію, поданную ими въ 1826 г. министру финансовъ. Въ этой петиціи владѣльцы суконныхъ мануфактуръ ходатайствуютъ о запрещеніи ввоза бѣлыхъ, зеленыхъ, черныхъ и синихъ суконъ, вырабатываемыхъ въ Ц. П. или принять другія мѣры для защиты русскихъ фабрикъ отъ гибели.

Указанная петиція поступила на разсмотрѣніе Комитета финансовъ, который предложилъ для защиты русской суконной промышленности:

1) ограничить ввозъ польскихъ суконъ въ Россію извѣстнымъ опредѣленнымъ количествомъ въ годъ, скажемъ, напр., 20.000 половинокъ;

2) воспретить ввозъ суконъ наиболѣе употребляемыхъ цвѣтовъ (des couleurs les plus usitées)—бѣлыхъ, зеленыхъ, черныхъ, синихъ;

---

[1]) См. Иконниковъ—Гр. П. С. Мордвиновъ. Спб. 1873, стр. 453

[2]) Арх. деп. тамож. сб., № 902 Записка о торговлѣ съ Ц. П.

3) наконецъ, обложить польское сукно такой пошлиной, которая могла бы уравнять въ преимуществахъ польскія и русскія фабрики и обезпечить одинаковое участіе въ благосостояніи провинціямъ, находящимся подъ однимъ скипетромъ [1]).

Кн. Любецкій, прибывшій въ Петербургъ для защиты интересовъ польской промышленности, представилъ докладъ Комитету финансовъ, въ которомъ, критически разсматривая всѣ доводы Комитета, приходитъ къ слѣдующему заключенію: „русскіе фабриканты жалуются на неизбѣжную гибель своихъ фабрикъ. Основательны-ли эти жалобы? Этотъ пунктъ слѣдовало бы провѣрить. Если бы Комитетъ взялся за это дѣло, то онъ убѣдился бы, что суконная промышленность въ Россіи значительно развилась, начиная съ 1822 г. Въ такомъ случаѣ Комитетъ не предлагалъ бы разрушенія индустріи въ Царствѣ для того, чтобы помѣшать воображаемой гибели ея въ Россіи". Кн. Любецкому были указаны Комитетомъ несообразности въ данныхъ по суконному производству въ Польшѣ, представляемыхъ русскому правительству. Въ одномъ случаѣ количество выдѣлываемаго сукна опредѣлялось на одинъ станокъ въ 1.400 поставовъ, въ другомъ выдѣлка 25 станковъ показана была въ 16.000 поставовъ.

Кн. Любецкій обратился за разъясненіями къ генеральному секретарю Коссецкому. Въ отвѣтъ на это послѣдній сообщилъ, что ему не удалось найти данныхъ для провѣрки свѣдѣній. Вмѣстѣ съ этимъ Коссецкій счелъ нужнымъ привести слѣдующій фактъ: одинъ лодзинскій фабрикантъ, показавшій выработку сукна на станокъ въ 1.400 поставовъ, объяснилъ ему, что въ это количество вошло и сукно, скупаемое имъ у мелкихъ ткачей [2]).

Въ меморіалѣ, составленномъ для кн. Любецкаго генеральной дирекціей промышленности, разъяснялись нѣкоторыя несообразности въ статистическихъ данныхъ. Меморіалъ обращалъ вниманіе на то, что фабриканты, переселяясь въ страну, въ своихъ заявленіяхъ указываютъ то количество суконъ, какое они предполагаютъ выработать въ теченіе года. Сколько въ дѣйствительности имъ придется

---

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, 1826 г., № 404. Соб. Е. И. В. канцеляріи по дѣламъ Ц. П. Дѣло о взаимной торговлѣ между Россіей и Ц. П.

[2]) Арх. Казен. Палаты—Lit. H. № 4, Akta tyczące się Negocyacyi Handlowey z Rossya. Vol. III. На основаніи этого дѣла написана статья Робака—Z dziejów polsko-rosyiskich stosunków handlowych. Notatka historyczna 1819—1832. Przegląd Polski 1904, t. 151.

выработать изъ заявленнаго количества, это зависитъ уже отъ позднѣйшихъ условій. Часто несогласованность цифръ вызывается тѣмъ, что болѣе богатый предприниматель, хотя бы имѣющій и одинъ станокъ, покупаетъ сукна отъ бѣднѣйшихъ и продаетъ ихъ за свои. Въ другихъ случаяхъ несуразности объясняются тѣмъ, что фабриканты указывали количество выдѣлываемаго товара въ локтяхъ, между тѣмъ послѣдніе были приняты за поставы.

Кн. Любецкій, въ защиту польской промышленности, выдвинулъ политическую точку зрѣнія, доказывая, что Царство Польское составляетъ одно съ Россійской Имперіей. „Вопросъ торговыхъ сношеній сводится къ тому, писалъ кн. Любецкій кн. Куракину, предсѣдателю Комитета финансовъ, суть ли поляки подданные русскаго Императора и слѣдовательно не должно ли ихъ трактовать такъ, какъ русскихъ подданныхъ? Европа видитъ въ насъ русскихъ; Австрія и Пруссія смотрятъ на насъ, какъ на иностранцевъ, то есть, почти какъ на враговъ; мы усвоили ту же самую систему торговли, что и Имперія. Императоръ предоставилъ намъ равныя прерогативы. А Комитетъ финансовъ говоритъ теперь: нѣтъ, вы не русскіе, вы иностранцы, вы враги, мы трактуемъ васъ, какъ враговъ (non, vous n'êtes pas russes, vous êtes étrangers, vous êtes ennemies; nous vous traitérons comme tels).... Министръ финансовъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, предлагая возложить на поляковъ дань, дабы прекратить всѣ торговыя сношенія между двумя государствами. Дань на братьевъ! и потому только, что одинъ родъ производства процвѣтаетъ больше у одного, чѣмъ у другого?...“

Въ заключеніе своего письма кн. Любецкій говоритъ, что факты, на которые ссылается Комитетъ, или неточны, или требуютъ подтвержденія.

Онъ указываетъ на то, что повышеніе пошлинъ на сукно было бы гибельно для польской промышленности въ виду накладныхъ расходовъ на транспортъ:

при доставкѣ сукна въ:	расходы на пошлину и фрахтъ на 1 поставъ достигали:
Москву	16—18 зл.
Петербургъ	19—22 „
Нижній-Новгородъ	19—22 „
Кишиневъ	16—18 „
Бердичевъ	12—14 „

При повышеніи пошлинъ, благодаря этимъ накладнымъ расходамъ, вывозъ простыхъ и среднихъ суконъ въ Россію долженъ былъ бы пасть.

Защищая польскую суконную промышленность отъ нападокъ Комитета финансовъ, кн. Любецкій съ своей стороны добивался новыхъ льготъ для Царства. Въ 1825 г. истекъ срокъ запрещенія ввоза въ Россію бумажныхъ издѣлій. Польскій министръ финансовъ возбудилъ вопросъ о разрѣшеніи ввоза изъ Царства въ Имперію бумажныхъ издѣлій съ оплатой небольшой пошлины. „По сему случаю, пишетъ въ докладной запискѣ русскій министръ финансовъ, онъ (кн. Любецкій) желалъ также ввести совсѣмъ новую систему, уничтоживъ вовсе таможенную черту на западной границѣ съ тѣмъ изъясненіемъ, что обѣ земли составляютъ одно и Польша есть только часть Россіи.

Министръ финансовъ Имперіи, напротивъ опровергая сію новую систему, всячески старался о перемѣнѣ по сему случаю существующихъ торговыхъ положеній, принятіемъ правилъ болѣе соотвѣтствующихъ пользѣ нашихъ суконныхъ фабрикантовъ, безъ излишняго однако стѣсненія польскихъ; причемъ онъ особенно выставилъ очевидную несправедливость, что главный предметъ россійской фабрикаціи, бумажныя издѣлія, при ввозѣ въ Царство, обложены пошлиною около 15%, а польскія сукна самою малостью“.

Возбужденный вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Комитета финансовъ, члены котораго рѣшительно высказались противъ предоставленія Царству Польскому новой льготы. „Особенно адмиралъ Мордвиновъ оспаривалъ сіе правило, изъясняя, что оно было бы совершенно справедливо относительно провинцій, одинаковое политическое устройство и одинаковые законы имѣющихъ, и примѣрно на одинаковой степени образованности состоящихъ; что однако въ настоящемъ случаѣ вовсе не оказывается. Сверхъ того еще сдѣлано было примѣчаніе, что нельзя принять Царства Польскаго, то за часть общаго государства, если выгоды онаго сего требуютъ, то какъ совершенно отдѣльное государство, если тамошнему правительству окажется полезнѣе трактовать дипломатическимъ путемъ“ [1]).

Любецкій, невзирая на отрицательное отношеніе Комитета къ его предложенію, представилъ Государю проектъ указа, заключавшій

[1]) Арх. департ. таможк. сб. № 902. Записка о торговлѣ съ Ц. П.

въ себѣ нѣкоторыя измѣненія въ пользу польской промышленности. Этотъ проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе министру финансовъ. Послѣдній, представивъ возраженія на проектъ кн. Любецкаго, предложилъ свой проектъ, удостоенный Высочайшаго утвержденія 4 іюня 1826 г.

Основная мысль этого указа сводилась къ слѣдующему—„оставить дѣло сіе на нынѣ существующемъ основаніи и считать производство по оному на сей разъ конченнымъ“ [1]). Впрочемъ министру предлагалось собрать всѣ свѣдѣнія, „кои по сему предмету могутъ быть нужны въ послѣдствіи, наблюдая вообще за ходомъ онаго“.

---

[2]) Интересное описаніе столкновенія кн Любецкаго съ гр Канкринымъ даетъ біографъ перваго Пржецлавскій. По его словамъ, Любецкій былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненій по вопросу о контрабандномъ ввозѣ иностранныхъ суконъ подъ видомъ польскихъ. „Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, пишетъ Пржецлавскій, князь по своему обыкновенію, началъ съ тщательнаго изученія почвы и всѣхъ элементовъ вопроса Отъ компетентныхъ людей онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о состояніи суконныхъ фабрикъ Россіи, а свои зналъ наизустъ. Въ первое же засѣданіе комитета, когда объясненъ былъ предметъ преній, князь Любецкій сказалъ

—„Минуя на этотъ разъ вопросъ о тяжкомъ обвиненіи таможеннаго управленія въ Царствѣ въ допущеніи громадной контрабанды, каковое обвиненіе прежде всего слѣдовало бы доказать,—я обращусь прямо къ количественному вопросу и позволю себѣ спросить г. министра финансовъ. сколько въ Имперіи существуетъ суконныхъ фабрикъ и сколько на нихъ выдѣлывается сукна?“

Къ отвѣту на это Канкринъ не былъ приготовленъ и отдѣлывался общими мѣстами; князь возразилъ на это:

—„Для сравнительной оцѣнки производительныхъ силъ, свѣдѣнія эти необходимы, а какъ безъ нихъ нельзя продолжать разсмотрѣнія настоящаго дѣла, то я могу сообщить ихъ комитету“.

И тутъ къ общему удивленію и къ немалому смущенію противника, князь Любецкій сталъ исчислять существующія въ Россіи фабрики, съ поименованіемъ мѣстностей и съ показаніемъ сколько въ каждой дѣйствуетъ станковъ и сколько выдѣлывается аршинъ сукна. Затѣмъ перешелъ къ такому же исчисленію по Царству Польскому. Изъ сопоставленія этихъ цифръ съ отнесеніемъ ихъ къ числу народонаселенія обѣихъ странъ, оказалось: а) что производимое въ Россіи количество хорошаго сукна на много недостаточно для удовлетворенія мѣстной потребности; б) что число станковъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ, на много болѣе, чѣмъ нужно для мѣстнаго потребленія, и достаточно для произведенія того излишка, который ввозится въ Имперію, такъ что польскимъ фабрикамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ контрабандѣ, и в) что если конкуренція польскихъ суконъ вредна для россійскихъ фабрикъ, то это про-

Такимъ образомъ, указъ 4 іюня являлся компромиссомъ, примирявшемъ интересы польской и русской промышленности путемъ оставленія дѣла въ прежнемъ состояніи.

Этотъ указъ вызвалъ у кн. Любецкаго радостное чувство, какъ показываетъ письмо къ Грабовскому, помѣченное 6 іюня 1826 г., т. е. на третій день послѣ подписанія Высочайшаго указа. „Не буду скрывать отъ Вашего Превосходительства, писалъ кн. Любецкій, что со времени моего отъѣзда я не переставалъ получать сообщенія о тяжеломъ впечатлѣніи, (de l'impression facheuse), которое произвелъ на промышленные круги нашего населенія пересмотръ торговыхъ сношеній, установленныхъ въ 1822 г. (la remise en question de l' arrangement de Commerce stipulé en 1822), и я могъ бы указать Вамъ случаи, когда иностранные мануфактуристы удерживались отъ принятія контрактовъ, которые они готовы были заключить, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, вызванныхъ этимъ обстоятельствомъ".

Для разсѣянія этихъ страховъ кн. Любецкій считалъ нужнымъ, чтобы Государь обратился къ правительству Царства Польскаго съ рескриптомъ слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, видя быстрое развитіе въ Царствѣ Польскомъ промышленности, въ особенности производства суконъ благодаря правиламъ 1822 г., выражаетъ свое Высочайшее благоволеніе польской администраціи и надѣется, что дѣятельность и ревность этой администраціи обезпечатъ національной индустріи дальнѣйшее развитіе, а странѣ дадутъ прочную опору ея будущаго процвѣтанія. Императоръ и Царь поручаетъ правительству польскому наблюдать и дальше съ самой тщательной заботой за всѣмъ тѣмъ, что можетъ благопріятствовать этому развитію и устранять гибельную конкуренцію иностранной промышленности, какъ равно избѣгать и предупреждать всякую небрежность въ выполненіи формальностей, установленныхъ правилами 1822 г., небрежность, слѣдствія которой были бы одинаковы вредны финансовымъ и торговымъ интересамъ обоихъ государствъ".

исходитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества фабриката и что вредъ этотъ самъ собою прекратится, если русское производство усилится въ количествѣ и улучшится въ качествѣ

Послѣ такихъ объясненій, требовавшихъ только провѣрки приведенныхъ княземъ данныхъ и которыя оказались вполнѣ точными, комитету оставалось уже не много дѣла. По его заключенію, Высочайше утвержденному, положеніе оставлено по прежнему безъ измѣненія". См. Русская Старина 1878 г. Кн. I. Кн. Ксав. Друцкой—Любецкій. Стр. 638.

Въ заключеніе кн. Любецкій проситъ Грабовскаго узнать, распространяется ли Высочайшая воля, выраженная въ указѣ 4 іюня, на бумажныя издѣлія и сахаръ. ввозъ которыхъ былъ воспрещенъ на три года. Любецкій хотѣлъ думать, что указъ касается только промышленности, регулированной правилами 1822 г., а не запрещенія ввоза бумажныхъ издѣлій. Повидимому, онъ еще не терялъ надежды добиться снятія этого запрещенія [1]). Впрочемъ уже изъ письма отъ 9 іюня къ генералу Коссецкому, написаннаго изъ Петербурга, видно, что кн. Любецкій потерялъ эту надежду, такъ какъ тамъ онъ прямо говоритъ, что вопросъ о бумажныхъ издѣліяхъ и сахарѣ-рафинадѣ остался въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ до 1 января 1826 г., т. е. подъ запрещеніемъ ввоза въ Россію.

Такъ закончились переговоры о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей, вызвавшіе тревогу въ промышленныхъ кругахъ Царства Польскаго.

---

[1]) О томъ, какъ смотрѣлъ кн Любецкій на указъ 1826 г., показываетъ письмо его изъ Петербурга къ генералу Коссецкому отъ 9/21 іюня 1826, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ обнародованія указа. Кн Любецкій извѣщаетъ генерала о томъ, что торговыя сношенія съ Россіей остаются безъ малѣйшаго измѣненія. „Моя аргументація не имѣла дѣйствительно счастья убѣдить Комитетъ финансовъ, но зато она удостоилась одобренія Государя, который, познакомившись съ докладами, представленными ему двумя сторонами, поручилъ министру финансовъ Имперіи оставить торговыя сношенія съ Польшей въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь". Далѣе Любецкій сообщаетъ о томъ, что бумажныя издѣлія и сахаръ-рафинадъ остались исключенными изъ общаго правила, какъ и раньше. „Что касается склада въ Варшавѣ, то эта мысль удостоилась одобренія Государя, который поручилъ вступить въ переговоры съ имперскимъ министромъ финансовъ въ цѣляхъ ея осуществленія". Арх. Каз. Пал. L. H. № 4. Akta tyczące się Negocyacyi Handlowey z Rossya vol. III. Въ этомъ письмѣ для насъ интересно еще указаніе на то, что вопросъ объ устройствѣ склада въ Варшавѣ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Устройству этого склада правительственныя сферы Царства Польскаго придавали весьма большое значеніе. Складъ долженъ былъ принимать на храненіе всѣ мѣстные товары, вывозимые въ Россію. Сюда могли быть сдаваемы на храненіе товары, почему либо задержанные на русскихъ таможняхъ. Подъ залогъ товаровъ предположено было выдавать ссуды. См. Organisacya Składu Głównego w Warszawie Wyrobów Królestwa Polskiego wysyłanych do Rossyi. Арх. Каз. Пал. выше цит. акты.

Предложеніе польскаго правительства о введеніи однообразной пломбы не было принято. Русское министерство финансовъ полагало, что при однообразной пломбѣ будетъ больше злоупотребленій.

Вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Царствомъ Польскимъ вновь подымается въ 1829 г. по слѣдующему поводу: Государь Императоръ въ бытность свою въ Царствѣ Польскомъ обратилъ вниманіе на разницу въ промышленномъ развитіи воеводствъ, лежащихъ на лѣвомъ и правомъ берегу Вислы. Министръ внутреннихъ дѣлъ Мостовскій представилъ по этому поводу докладную записку, гдѣ указывалъ слѣдующія причины этой разницы:

1) отдаленность отъ странъ съ развитымъ фабричнымъ производствомъ;

2) суровость климата;

3) недостатокъ мѣстнаго сбыта въ виду бѣдности жителей;

4) затрудненія въ торговлѣ съ Россіей.

Относительно послѣдняго пункта Мостовскій далъ такое разъясненіе: „свидѣтельства о происхожденіи на польскіе товары выдаются изъ воеводскихъ комиссій, изъ коихъ нѣкоторые отстоятъ на 15, 20 и 30 миль назадъ отъ фабрикъ, гдѣ выдѣлывается товаръ. Хозяинъ онаго, чтобы получить свидѣтельство о происхожденіи, долженъ два раза переѣхать сіе разстояніе, что сопряжено съ издержками и потерею времени.

Предосторожность сія существуетъ только для удостовѣренія, что вывозимый товаръ есть издѣліе собственное, а не иностранное; но въ семъ отношеніи цѣль сія не достигаетъ, ибо воеводскія комиссіи имѣютъ мало свѣдѣній о издѣліяхъ какой-либо отдаленной фабрики и принуждены часто бываютъ для выдачи свидѣтельствъ основываться на мѣстныхъ показаніяхъ, не имѣя ни времени, ни способа обозрѣвать весь представляемый транспортъ.

Окружные комиссары, будучи сами членами воеводскихъ комиссій, могли бы выдавать отъ себя свидѣтельства о происхожденіи, и сіи свидѣтельства были бы еще достовѣрнѣе выдаваемыхъ нынѣ изъ комиссіи, ибо во 1-хъ окружные комиссары имѣютъ болѣе свѣдѣній о фабрикантахъ и мануфактурахъ въ ихъ округахъ находящихся, а во 2-хъ потому, что симъ распоряженіемъ прекратится способъ подмѣнять товаръ при проѣздѣ купца отъ мѣста, гдѣ находится фабрика до воеводской комиссіи, отъ которой слѣдуетъ ему получить означенное свидѣтельство“. Въ заключеніе Мостовскій ходатайствовалъ во-первыхъ, о томъ, чтобы свидѣтельства о происхожденіи польскихъ товаровъ выдавались отъ комиссаровъ тѣхъ округовъ, гдѣ находятся фабрики и мануфактуры; во-вторыхъ, чтобы бумажныя,

льняныя и пеньковыя польскія издѣлія свободно ввозились въ Имперію при свидѣтельствахъ о происхожденіи [1]).

Русскій министръ финансовъ по поводу этихъ домогательствъ представилъ Государю свои соображенія:

1-е „что въ Царствѣ Польскомъ подняты многія фабрики искусственными способами единственно въ подрывѣ россійскихъ;

2-е, что польское сукно, бывъ допущено въ Россію безпошлинно, когда россійскія бумажныя издѣлія при ввозѣ въ Польшу платятъ 15%, уже успѣло весьма стѣснить россійскія суконныя фабрики; притомъ пошлина за польскія сукна, которой казна лишается, составляетъ въ годъ до 11-ти мил. руб. Если допустить польскія бумажныя и пеньковыя матеріи, то сіи послѣднія еще не утѣсненныя вѣтви россійской мануфактурной промышленности подвергнутся подрыву;

3-е, по географическому положенію Польши уже трудно таможенному правительству удержать контрабанду изъ Пруссіи и Австріи, а тѣмъ менѣе возможно соглашаться отступить отъ послѣдняго обезпеченія, свидѣтельствъ воеводскихъ комиссій; ибо на вѣрность свидѣтельствъ мѣстныхъ начальствъ никакъ полагаться нельзя;

4-е, самъ гр. Мостовскій объясняетъ, что климатъ воеводствъ по сію сторону Вислы отчасти есть причиною малому процвѣтанію фабрикъ. Если толь малое различіе имѣетъ на сіе вліяніе, то кольми паче россійскія фабрики требуютъ поддержки, ибо климатъ несравненно еще суровѣе".

Представляя эти соображенія на благоусмотрѣніе Е. И. В., Канкринъ „полагалъ бы оставить сіе дѣло въ теперешнемъ положеніи тѣмъ болѣе, что при послѣдней экспозиціи были частные разговоры, что польскія суконныя фабрики утѣсняютъ россійскія, или же не благоугодно ли будетъ Высочайше повелѣть отложить рѣшеніе сего вопроса до возвращенія членовъ Комитета финансовъ, въ коемъ и прежде о сихъ дѣлахъ было сужденіе".

Въ августѣ 1829 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ этого вопроса на разсмотрѣніе Комитета финансовъ. Послѣдній всецѣло присоединился къ мнѣнію министра финансовъ, предложивъ

---

[1]) Арх. департ. там. сб. № 3998. По отношенію ст.-секр. Ц. П. Грабовскаго касательно Высочайше замѣченной разницы въ успѣхахъ мануфакт. промышленности между лѣвымъ и правымъ берегами Вислы.

„оставить сіе дѣло въ теперешнемъ положеніи, какъ въ разсужденіи свидѣтельствъ, такъ и въ запрещеніи привоза бумажныхъ и пеньковыхъ издѣлій, которыя и безъ запрещенія по самой цѣнѣ своей не могутъ быть сбываемы въ Россіи“

Извѣстный намъ адмиралъ Мордвиновъ къ этому присоединилъ, „что онъ безъ опасенія согласился бы на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго, естьли бы въ двухъ соединенныхъ подъ одну Державу земляхъ существовали одинаковыя правила, кои ведутъ дѣятельность народную къ быстрымъ ея успѣхамъ. Въ Царствѣ Польскомъ правила таковыя основаны на началахъ, могущихъ дать всегда преимущество, какъ бы въ качествѣ, такъ и въ количествѣ производимыхъ рукодѣлій. Доколѣ подобныя же правила не будутъ приняты и исполняемы въ Россіи, произведенія фабрикъ польскихъ должны немипуемо ослабить и подавить наши россійскія Тому служитъ примѣромъ польское сукнодѣланіе, паводняющее Россію и останавливающее у насъ распространеніе сего же рода промышленности. Заводимыя тамъ полотняныя и другія фабрики равное же произведутъ дѣйствіе въ ослабленіи нашихъ и удержаніи ихъ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ“.

Предложеніе Комитета удостоилось Высочайшаго одобренія 3 января 1830 г. Такимъ образомъ, настойчивыя попытки польскаго правительства измѣнить условія торговли съ Россіей окончились неудачей.

Если русское правительство не склонно было итти на уступки въ пользу польской промышленности, то съ другой стороны, и польское правительство не обнаруживало особаго желанія дѣлать уступки русской промышленности.

Въ 1828 г. московскіе купцы ходатайствовали передъ министромъ финансовъ о томъ, чтобы московской таможнѣ было предоставлено право выдавать свидѣтельства о происхожденіи, безъ посылки объявленій въ департаментъ мануфактуръ и вн. тор., требуемой правилами о взаимной торговлѣ. Посылка объявленій въ департаментъ приводитъ къ тому, что товары часто задерживаются на польской границѣ въ виду неполученія отъ департамента разрѣшенія на выдачу свидѣтельствъ.

Министръ, признавъ эту просьбу заслуживающей удовлетворенія, обратился съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ статсъ-

секретарю Царства Польскаго. Онъ поддерживалъ просьбу московскихъ купцовъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

„во-первыхъ, выдача свидѣтельствъ на товары 1-го разряда отъ одного департамента мануфактуръ и вн. торговли, находящагося въ Петербургѣ, весьма затруднительна;

во-вторыхъ, польскіе торговцы пользуются въ этомъ случаѣ большими удобствами, потому что свидѣтельства могутъ выдавать всѣ мѣстныя воеводскія комиссіи;

въ-третьихъ, до 1822 г. на русскія издѣлія свидѣтельства выдавались магистратами, ратушами и городскими думами".

На свое отношеніе русскій министръ финансовъ не получилъ никакого отвѣта; въ виду чего 23 сентября 1829 г. онъ вторично обратился къ статсъ-секретарю съ тѣмъ же предложеніемъ, которое также осталось безъ отвѣта.

Какъ видно изъ переписки по этому дѣлу статсъ-секретаря, польское правительство охотно пошло бы на встрѣчу облегченіямъ во взаимной торговлѣ, но только въ томъ случаѣ, если бы польскимъ купцамъ были сдѣланы облегченія въ выдачѣ свидѣтельствъ [1]). Такъ какъ на послѣднее нельзя было надѣяться, то, слѣдовательно, и вопросъ о сокращеніи формальностей при выдачѣ свидѣтельствъ на русскіе товары былъ отложенъ.

Очевидно и польское правительство не склонно было итти на какія-либо уступки въ пользу русскихъ купцовъ, хотя бы даже онѣ и не имѣли серьезнаго значенія.

Исторія торговыхъ сношеній Царства Польскаго и Россіи въ изслѣдуемый періодъ показываетъ, что русская промышленность видѣла въ польской сильнаго и опаснаго конкурента. Русскіе фабриканты прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы избавиться отъ этой нежелательной конкуренціи [2]). Тогдашній министръ финансовъ гр. Канкринъ раздѣлялъ въ этомъ случаѣ чувства и взгляды представителей русской индустріи. Враждебное польской промышленности теченіе въ

---

[1]) Арх. Госуд Совѣта. 1826 г. № 404. Дѣло о взаимной торговлѣ между Россіею и Ц. П.

[2]) Въ литературѣ встрѣчается указаніе на то, что русскіе фабриканты готовы были даже откупиться деньгами отъ польской конкуренціи. Ф. Смитъ сообщаетъ, что русскіе купцы предлагали заплатить 15 мил. руб., лишь бы только на поляковъ былъ распространенъ общій государственный тарифъ.

изслѣдуемую эпоху не имѣло успѣха. Александръ I относился съ большой симпатіей къ возсозданному имъ Царству Польскому. Николай I не хотѣлъ рѣзко порывать связи съ этой политикой; къ тому же въ его царствованіе на стражѣ интересовъ польской промышленности стоялъ такой энергичный человѣкъ, какъ кн. Любецкій.

Во всякомъ случаѣ, при такомъ явно враждебномъ отношеніи русскихъ фабрикантовъ и офиціальныхъ руководителей русской экономической политики положеніе, занятое польской промышленностью, было непрочно.

Возстаніе 1830—31 г., нарушившее прежнія политическія связи Царства Польскаго съ Имперіей, было, разумѣется, на руку русскимъ фабрикантамъ. Послѣдніе поспѣшили использовать это политическое событіе въ своихъ интересахъ. И вотъ они подаютъ на Высочайшее имя 13 марта 1831 г. прошеніе объ обложеніи польскихъ суконъ тою же пошлиною, какая взимается съ иностранныхъ суконъ [1]). На этотъ разъ домогательства русскихъ фабрикантовъ были встрѣчены сочувственно, что и выразилось въ тарифѣ 1832 г., опредѣлившемъ новую грань въ исторіи польской промышленности.

Представленная здѣсь исторія торговыхъ сношеній Имперіи и Царства Польскаго была бы неполна, если бы мы не освѣтили ея статистическими данными, рисующими, какъ характеръ, такъ и ростъ этой торговли.

Общее понятіе о ней можетъ дать ниже приведенная таблица [2]). (См. стр. 350).

Изъ этихъ цифръ видно, что въ начальные годы существованія конституціоннаго Царства Польскаго торговый балансъ складывался болѣе благопріятно для Россіи. Ввозъ въ Имперію польскихъ из-

---

См. Смитъ—Исторія польскаго возстанія т. I, стр 67 прим. Указаніе на этотъ фактъ находимъ у Робака; правда, въ иной версіи, будто министръ финансовъ готовъ былъ ежегодно платить въ казну Ц. П. по 18 мил. руб., лишь бы только польскія сукна оплачивались пошлиной наравнѣ съ другими странами. Выше цит. Przegląd Polski, t 151, 1904 r., str. 110—111.

[1]) Въ виду большого интереса представляемаго этимъ прошеніемъ, мы печатаемъ его въ приложеніи.

[2]) Приведенныя ниже цифры авторъ взялъ изъ офиціальнаго изданія—„Государственная внѣшняя торговля“. Изд. департ. вн. торговли, съ 1822 г. по 1830 г. Статистическія данныя до 1822 г. взяты изъ архивныхъ документовъ.

дѣлій былъ совершенно ничтоженъ; вывозъ русскихъ издѣлій въ Царство Польское значительно превосходилъ его—въ 1815/16 г. почти въ 10 разъ, а въ 1816 г. даже въ 14 разъ.

Годы:	Цѣнность вывоза изъ Цар. П. въ Россію	Цѣнность вывоза изъ Имперіи въ Царство Польское
1815/16	786.858 зл.	7.877.707 зл.
1817	590.275 „	8 332.388 зл. 19 г.
1820	2.421.739 зл. 4 гр.	9.226.252 зл.
1822	2.267.361 руб. ас.	1.415.679 руб. ас.
1823	2.652.080 „ „	1.556.763 „ „
1824	4.349.308 „ „	2.945.883 „ „
1825	5.836.624 „ 15 коп.	3.597.381 „ 76 коп.
1826	7·144.824 „	6.007.449 „
1827	8.179.582 „	5.845.207 „
1828	8.088.299 „	6.414.757 „
1829	9.886.831 „	7.815.288 „
1830	8.051.835 „	7.953 028 „

Съ 1822 г., съ момента установленія благопріятнаго для Царства Польскаго таможеннаго тарифа положеніе дѣла рѣзко измѣняется: перевѣсъ переходитъ на сторону Царства Польскаго. Его торговый балансъ является уже болѣе благопріятнымъ. Правда, здѣсь мы не видимъ такого значительнаго перевѣса, какой наблюдался въ сторону Россіи, однако этотъ фактъ самъ по себѣ знаменателенъ именно въ виду прежняго неблагопріятнаго баланса. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ цѣнность вывоза изъ Царства оказалась выше цѣнности привоза изъ Имперіи. Это улучшеніе торговаго баланса, падающее на 1822 г., безспорно стояло въ связи съ измѣненіемъ торговой политики Россіи.

Торговый балансъ оставался неизмѣнно благопріятнымъ для Царства Польскаго до конца изслѣдуемаго періода.

Установленіе неблагопріятнаго для Россіи баланса совершенно не вызывалось пониженіемъ вывоза русскихъ издѣлій въ Царство Польское; наоборотъ, привозъ изъ Имперіи возрасталъ изъ-года въ годъ. Въ періодъ съ 1822 по 1830 г. онъ повысился съ 1,4 мил. руб. ас. до 7,9 мил., т. е. увеличился въ пять разъ слишкомъ. Характерно, что возрастаніе цѣнности польскаго вывоза хотя также

шло быстро, однако съ 1822 г. по 1829 г. [1]) увеличилось только въ четыре раза слишкомъ—съ 2,3 мил. до 9,9 мил. Въ виду того, что возрастаніе цѣнности русскаго привоза шло быстрѣе, чѣмъ возрастаніе цѣнности польскаго вывоза, и торговый балансъ сталъ понемногу выравниваться для Имперіи: въ 1822 г. цѣнность послѣдняго превышала цѣнность перваго болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, въ концѣ же разсматриваемаго періода (1829 г.) этотъ перевѣсъ выражался всего въ 26%.

Для того, чтобы составить представленіе о характерѣ польской и русской торговли, мы приведемъ данныя о распредѣленіи товаровъ и продуктовъ по основнымъ рубрикамъ.

Въ тогдашнихъ офиціальныхъ вѣдомостяхъ была принята слѣдующая классификація товаровъ:

	Вывезено изъ Имперіи въ Ц. П. 1824 г.	1829 г.
I товары къ жизненнымъ припасамъ принадлежащіе	426.565 руб. ас.	1.499.850 руб. ас
II товары къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе	448.897 „ „	2.236.108 „ „
III товары обработанные	1.401.075 „ „	1.977.966 „ „
IV разные товары (мягкой рухляди, скота)	669.346 „ „	2.101.364 „ „
Всего	2.945.883 руб. ас.	7.815.288 руб. ас.

	Вывезено изъ Ц. П. въ Имперію 1824 г.	1829 г.
I товары къ жизненнымъ припасамъ принадлежащіе	326.458 руб. ас.	704.934 руб. ас.
II товары къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе	428.699 „ „	360.930 „ „
III товары обработанные	3.299.715 „ „	8.629.400 „ „
IV разные товары (мягкой рухляди, скота)	294.436 „ „	191.567 „ „
Всего.	4.349.308 руб. ас.	9.886.831 руб. ас.

[1]) Мы намѣренно взяли 1829 г., а не 1830 г., въ виду того, что въ ноябрѣ послѣдняго года произошло возстаніе, гибельно отразившееся на польскомъ вывозѣ; отсюда сумма вывоза въ 1830 г. ниже, чѣмъ въ 1829 г.

Изъ сравнительнаго сопоставленія этихъ рядовъ цифръ видно, что въ 1824 г. въ русскомъ привозѣ въ Царство Польское преобладающую роль играли продукты добывающей промышленности, обработанныя издѣлія не составляли даже половины всей цѣнности отпуска. Наоборотъ, изъ Царства Польскаго въ Имперію ввозились главнымъ образомъ фабрикаты: изъ общей цѣнности польскаго ввоза 4,3 мил. руб. на цѣнность обработанныхъ издѣлій приходилось 3,3 мил

Точно такой же характеръ носитъ взаимная торговля и въ 1829 г, только онъ является еще болѣе рѣзко выраженнымъ. Обработанные товары составляютъ въ русскомъ отпускѣ въ Царство Польское всего 1,97 мил. изъ общей цѣнности 7,8 мил., наоборотъ въ польскомъ привозѣ въ Имперію цѣнность этихъ товаровъ достигала 8,6 мил. руб. при общей цѣнности 9,9 мил руб. Слѣдовательно, главную роль въ польской отпускной торговлѣ играли фабрикаты, наоборотъ въ русской—сырье. Важную статью русской отпускной торговли составлялъ скотъ, напр., въ 1829 г. цѣнность ввезеннаго въ Царство Польское скота достигала 1,9 мил. руб., т. е. почти равнялась цѣнности обработанныхъ издѣлій [1]).

Среди мануфактурныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію изъ Царства Польскаго, преобладающее значеніе играло сукно.

О размѣрахъ ввоза въ Имперію польскихъ суконъ можно судить на основаніи слѣдующей таблицы:

Годы:	Вѣсъ:	Объявленная цѣна.
1823	12.000 пуд. 23 ф.	1.865.012 руб. ас
1824	20.012 „ 38½ „	3.219.821 „ „
1825	34.989 „ 10¼ „	5.057.794 „ „
1826	43 853 „ 27 „	5.932.563 „ „
1827	50.977 „ 15½ „	7.217.996 „ „
1828	52.447 „ 6¼ „	7.217.024 „ „
1829	64.157 „ 11 „	8.418.955 „ „
1830	59.896 „ —	7 050.077 „ „
Всего . .	338.334 п. 11½ ф.	45.979.242 руб. ас.

[1]) Государственная внѣш. торговля за 1829 г. Вѣдомость о вывезен. въ Ц. П. сырыхъ товарахъ и мануф. издѣліяхъ россійскаго произведенія.

Ввозъ польскихъ суконъ быстро возрасталъ изъ года въ годъ: онъ поднялся съ 1,9 мил. руб. въ 1823 г. до 8,4 мил. руб. въ 1829 году. Суконная торговля съ Имперіей носила интенсивный характеръ. Не разъ приходилось встрѣчать въ архивныхъ документахъ такія замѣчанія, что русскіе купцы ожидаютъ сукно по недѣлямъ, что едва только оно снимается со станка, какъ сейчасъ же закупается, что фабриканты едва успѣваютъ выполнять заказы и т. д.

Если мы сопоставимъ цѣнность польскихъ суконъ, проданныхъ въ Россію, съ цѣнностью ввоза обработанныхъ издѣлій, то увидимъ, что эти величины почти покрываютъ одна другую Въ 1824 г. цѣнность обработанныхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Ц. П. въ Россію, равнялась 3.299.715 руб., изъ этой суммы на долю сукна приходилось 3.219.821 руб.; для 1829 г. соотвѣтствующія цифры таковы— 8.629.400 и 8.418.955 руб. Слѣдовательно, въ категорію обработанныхъ издѣлій входили въ изучаемый періодъ почти исключительно одни сукна.

Что касается привоза въ Ц. П. обработанныхъ товаровъ изъ Имперіи, то въ немъ главную статью составляли бумажныя издѣлія. Весьма характерно, что вывозъ бумажныхъ издѣлій изъ года въ годъ падалъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

годы	ввозъ въ Ц. П. бумажныхъ издѣлій изъ Россіи:
1826	1.693.000 руб. ас.
1827	1.108.000 „ „
1828	783.000 „ „
1829	896.000 „ „
1830	581.000 „ „

Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ отпускъ изъ Россіи бумажныхъ издѣлій въ Ц. П. сократился почти въ три раза. Это сокращеніе, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ ростомъ хлопчатобумажной промышленности въ Ц. П. въ послѣдніе годы разсматриваемой эпохи [1]).

---

[1]) О торговыхъ связяхъ Ц. П съ другими странами могутъ дать нѣкоторое представленіе цифры 1827 г, обработанныя Родецкимъ. У него даны за тотъ годъ такія цифры внѣшней торговли Царства съ отдѣльными странами:

торговый оборотъ	съ Пруссіей	равнялся	35 863.164 зл 1 гр.
„ „	„ Россіей	„	25.628.205 „ 25 „
„ „	„ Австріей	„	8.619.447 „ 26 „
„ „	„ Краковомъ	„	3.629.122 „ 28 „
		всего . .	73.739.940 „ 20

Очевидно, развитіе польской хлопчатобумажной промышленности, наблюдавшееся въ послѣдніе годы, сдѣлало невыгоднымъ ввозъ бумажныхъ издѣлій изъ Россіи. „Уменьшеніе отвозныхъ бумажныхъ товаровъ должно приписать чрезвычайнымъ пожертвованіямъ, которыя сдѣлало Царство для усиленія бумажныхъ издѣлій", такъ писалъ русскій министръ финансовъ въ цитированной нами докладной запискѣ.

Большое значеніе въ исторіи польской промышленности играла кяхтинская торговля сукномъ. Этой торговлей было сильно заинтересовано прусское правительство, домогавшееся получить облегченія для провоза суконъ въ Кяхту [1]). Ему удалось добиться существенной льготы по транзиту суконъ. По указу 10 мая 1817 г., провозъ прусскихъ суконъ былъ разрѣшенъ въ Кяхту съ оплатой небольшой пошлины въ размѣрѣ 15 коп. сер. съ аршина, въ то время какъ пошлина на иностранное сукно, предназначенное для внутренняго потребленія, достигала съ одного аршина 1 руб. 10 коп. сер. Эта льгота оказалась весьма гибельной для русскаго суконодѣлія. „Сукна прусскія, писала въ своемъ докладѣ министру фин. въ 1821 г. комиссія там. и торг. дѣлъ, будучи по своему свойству отъ китайцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ предпочитаемы, вытѣснили совершенно русскія сукна изъ числа мѣновыхъ предметовъ". Вывозъ прусскихъ суконъ въ Кяхту принялъ весьма значительные размѣры: съ 1817 по 1821 г. было вывезено туда прусскихъ суконъ на 21,8 мил. руб

Итакъ, на первомъ мѣстѣ по размѣрамъ оборота стоитъ торговля съ Пруссіей, на второмъ—торговля съ Россіей Необходимо здѣсь только подчеркнуть то важное различіе, что балансъ по торговлѣ съ Пруссіей складывался неблагопріятно для Царства Польскаго—пассивъ превышалъ активъ на 4,8 мил. зл., наоборотъ, балансъ по торговлѣ съ Россіей благопріятенъ; здѣсь уже активъ превышаетъ пассивъ на 3,5 мил. зл Главныя статьи ввоза въ Царство П изъ Пруссіи слѣдующія: колоніальные товары—3.3 мил. зл., шерстяныя издѣлія—2,9 мил., шелковыя—2,5 мил., краски—2,4 мил, хлопчатобумажныя издѣлія—2 мил. и льняныя—1,3 мил; главными предметами вывоза въ Пруссію являлись хлѣбъ и сельскіе продукты—8 мил. зл, дерево—2 мил. и скотъ—1,8 мил.

Статистика внѣшней торговли съ Пруссіей ясно показываетъ, что Ц. П. вывозило свои фабрикаты главнымъ образомъ въ Россію, что касается Пруссіи, то оно снабжало послѣднюю почти исключительно сырьемъ. См. Rodecki—Jeographiczno-statystyczny obraz Królestwa Polskiego, 1830, tab. Ш.

[1]) См. арх. департ. тамож. сб № 4.301. Дѣло по домогательствамъ прусскаго министра генерала Шеллера о транзитной торговлѣ прусскими суконами.

Русское правительство поспѣшило исправить свою ошибку, отмѣнивъ въ 1822 г. льготу, дарованную Пруссіи [1]).

Съ прекращеніемъ транзита прусскихъ суконъ въ Кяхту открылся новый рынокъ сбыта для польскаго сукнодѣлія. О ростѣ транзита польскихъ суконъ въ Кяхту свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры:

Годы	Аршинъ сукна	Промѣнная цѣна
1824	15.871	33.161 руб. ас.
1825	70.315	156.234 „ „
1826	156.603	332.863 „ „
1827	334.019	821.805 „ „
1828	475.301	1.024.463 „ „
1829	515.329	958.980 „ „
1830	466.879	1.070.492 „ „
	2.034.317	4.400.998 руб. ас.

Отсюда видно, что вывозъ польскихъ суконъ въ Кяхту быстро возрасталъ въ изслѣдуемую эпоху. По цѣнности онъ возросъ съ 33 тыс. руб. въ 1824 г. до 1 мил. въ 1830 г. По словамъ русскаго министра фин., значительная часть кяхтинской торговли обратилась въ пользу Польши [2]). Приведенныя здѣсь цифры даютъ рельефную картину взаимныхъ торговыхъ сношеній Ц. П. и Россіи, а вмѣстѣ съ этимъ онѣ характеризуютъ и быстрый ростъ польской промышленности.

Нѣтъ нужды лишній разъ повторять, какое громадное значеніе для польской промышленности имѣли русскій и азіатскій рынки. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести интересное мнѣніе по этому вопросу имп. Николая I, высказанное съ присущей ему прямолинейностью: „Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 г.? Песчанная и грязная пустыня.... Я открылъ подданнымъ Королевства рынки Имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы

---

[1]) Арх. деп. там. сб № 4313. Дѣло о транзитѣ прусскими товарами въ Азію. Докладъ министру финансовъ Комиссіи тамож. и торговыхъ дѣлъ 17 нояб. 1821 г.

[2]) Арх деп. там сб. Дѣло .. о торговлѣ съ китайцами на Кяхтѣ № 4072.

дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей... Найдите въ какое угодно время.... Польшу болѣе богатую, болѣе устроенную, съ болѣе превосходной арміей, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностью передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое". (Изъ разговора Николая I съ бар. Бургоэномъ) [1]).

---

[1]) Шильдеръ—Императоръ Николай I, т. II Спб 1903, стр. 382.

ГЛАВА V.

Направленія экономической мысли въ эпоху Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго.

Практическій характеръ экономической литературы въ эпоху Варшавскаго Герцогства. Проекты организаціи земельнаго кредита (Вѣльскій, Венгржецкій, Мончиньскій). Вопросъ о насажденіи фабричной промышленности въ литературѣ. Суровецкій. O upadku przemysłu i miast w Polsce. Uwagi o cechach Общая оцѣнка воззрѣній Суровецкаго. Шумскій. Его Myśli ogólne o polepszeniu handlu, rolnictwa, przemysłu i edukacyi. Журнальныя статьи. Экономическая литература въ эпоху Ц. П. Валеріанъ Стройновскій, pogrobowiec физіократизма. Фр. Скарбекъ, послѣдователь классической школы Домъ Крысинскій Его критическое отношеніе къ смито-рикардовской школѣ. Журнальная и газетная литература по экономическимъ вопросамъ. Общіе выводы.

—

Въ эпоху Варшавскаго Герцогства экономическая мысль принимаетъ чисто практическое направленіе. Экономисты не занимаются теоретическими вопросами, но обращаются непосредственно къ практическимъ задачамъ, выдвигаемымъ жизнью. Это, несомнѣнно, вызывалось тѣми историческими условіями, въ какихъ находилось созданное Наполеономъ Варшавское Герцогство. Какъ мы знаемъ, экономическое положеніе Герцогства характеризовалось полнымъ разоренiемъ страны, всеобщей нуждой и финансовымъ банкротствомъ государства. Разумѣется, при такихъ условіяхъ трудно было интересоваться теоретическими проблемами, сначала нужно было дать отвѣтъ на тѣ вопросы, о которыхъ болѣзненно кричала сама жизнь.

Наиболѣе острыя нужды данной эпохи и нашли прежде всего свое отраженіе въ экономической литературѣ[1]). Одной изъ такихъ нуждъ, безспорно, являлась задолженность землевладѣнія. Этимъ вопросомъ и занялась экономическая литература, носившая преимущественно брошюрный характеръ.

Первый голосъ для спасенія землевладѣльцевъ отъ гибели подалъ въ 1809 г. Бѣльскій въ своей брошюрѣ—Sposoby do ocalenia majątków obywateli Księstwa Warszawskiego od przypadków im zagrażających służące.

Единственный выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ какомъ очутилось польское землевладѣніе, заключается, по мнѣнію Бѣльскаго, въ учрежденіи земельныхъ кредитныхъ товариществъ на слѣдующихъ началахъ: а) добровольной ассоціаціи, б) обезпеченія закладныхъ листовъ имѣніями всѣхъ членовъ и в) постепенной амортизаціи ссудъ и закладныхъ листовъ. Авторъ является противникомъ экономическаго либерализма. „Тотъ, кто говоритъ, что на несчастіи одного основывается счастье другого, заблуждается. Такія начала непремѣнимы въ нашей странѣ, гдѣ еще слабо развиты ремесла и торговля, гдѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни мануфактуръ".

Въ заслугу Бѣльскому нужно поставить то, что онъ ясно формулировалъ планъ послѣдовательной амортизаціи закладныхъ листовъ.

---

[1]) Въ эпоху Варшавскаго Герцогства, такъ равно и конституціоннаго Царства Польскаго важную роль въ культурной жизни польскаго народа играло „Общество друзей науки", возникшее еще во время прусскаго владычества. Это общество, съ особенной любовью занимавшееся вопросами исторіи и языка, не оказало никакого вліянія на развитіе экономической мысли. По словамъ Тарновскаго, дѣлу развитія польской промышленности общество оказало нѣкоторыя услуги, поддерживая постоянную корреспонденцію съ бѣлоскорниками, ткачами, сукнодѣлами, объясняя имъ новѣйшіе способы выдѣлки кожъ и окраски тканей. Tarnowski—выше цит., t. IV, str. 29. Между прочимъ, въ 1811 г Общество опубликовало объявленіе объ изданіи статистики Царства Польскаго, но задуманное предпріятіе не было осуществлено Многотомное изслѣдованіе объ этомъ обществѣ написано Каузгаромъ—Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk (1800—1832), W. 1900. Это, собственно говоря, хроника „Общества", написанная любящей рукой, не упустившей изъ виду ни одной мелочи, но не исторія На русскомъ яз. см. проф. Цвѣтаевъ—„Варшавское общество любителей наукъ". Варш. Унив. Извѣстія 1899. VII—IX; Францевъ—Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст; критически къ дѣятельности „Общества" относится Wóycicki—Historyja Literatury Polskiej w zarysach. t III. W. 1845. Str 352 и д.

Его брошюра встрѣтила принципіальную критику со стороны Стан. Венгржецкаго, который въ сочиненіи—Uwagi nad powszechnem moratoryum, czyli odpowiedź na pismo An. Bielskiego выступаетъ какъ убѣжденный сторонникъ экономическаго либерализма. Онъ высказывается противъ всякаго вмѣшательства государства въ соціально-экономическія отношенія. „Пусть каждый заботится самъ о себѣ. Кто не имѣетъ денегъ на уплату долговъ, пусть отдаетъ кредиторамъ свою землю".

Появляется еще нѣсколько брошюръ на злободневную для того времени тему Игн. Міончиньскій рекомендуетъ для облегченія должниковъ предпринять слѣдующее: а) понизить платежи по ипотечнымъ долгамъ до 4%; б) установить уѣздныя комиссіи изъ обывателей, не обремененныхъ долгами для урегулированія соглашеній между кредиторами и должниками о продленіи срока уплаты, о сплатѣ долговъ частями.

Другой авторъ, Вычеховскій, соглашается съ планомъ Бѣльскаго, только считаетъ нужнымъ ввести принудительныя ассоціаціи; наоборотъ, Дембовскій признаетъ преимущество за принципомъ добровольности, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ амортизацію [1]). Во всякомъ случаѣ эти два автора принимаютъ основную идею Бѣльскаго. Проектъ послѣдняго и былъ позже осуществленъ въ Земскомъ кредитномъ обществѣ, созданномъ усиліями кн. Любецкаго.

Печальное экономическое и финансовое положеніе Варшавскаго Герцогства побудило правительство обратить вниманіе на развитіе фабричной промышленности. Оно сдѣлало и первые шаги въ этомъ направленіи въ видѣ вызова иностранцевъ путемъ предоставленія имъ разныхъ льготъ.

Аналогичное теченіе мы наблюдаемъ и въ экономической литературѣ. Наиболѣе яркими выразителями его являются Суровецкій и Шумскій. Суровецкій выпустилъ въ 1810 г. свое сочиненіе O upadku przemysłu i miast w Polsce, гдѣ предложилъ цѣлую программу экономическихъ мѣропріятій въ духѣ умѣреннаго протекціонизма Свой трудъ онъ посвятилъ министру юстиціи Варш. Герцогства гр. Лубенскому. По словамъ автора, его книга только подтверждаетъ обычный девизъ министра, что Польша можетъ достигнуть процвѣтанія

[1]) См. St. Grabski Zarys rozwoju idei społeczno-gospodarczych w Polsce od pierwszego rozbioru do r. 1831. Przegląd Polski 1906 r., t 161. str 500 и д.

единственно путемъ развитія городовъ и промысловъ, что заведеніе фабрикъ и распространеніе просвѣщенія возвратитъ ей прежнія богатства и славу (że kraj nasz przez podźwignienie jedynie miast i ich przemysłu, potrafi na nowo zakwitnąć; że zaprowadzenie fabryk i rozkrzewienie światła przywróci mu wkrótce dawne bogactwa i sławę).

Сочиненіе Суровецкаго дѣлится на двѣ части: въ первой – излагаются основные принципы (дѣленіе общества на классы, полезность каждаго изъ нихъ, условія, обезпечивающія процвѣтаніе промысловъ и пр.), во второй части авторъ спеціально говоритъ о положеніи промышленности въ Польшѣ.

Въ развитіи своихъ положеній Суровецкій исходитъ изъ того основного принципа физіократовъ, что земледѣліе является главнымъ источникомъ богатства народовъ (str. 21)[1]). Отсюда однако онъ не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ въ духѣ физіократизма, наоборотъ, защищаетъ необходимость равномѣрнаго, гармоничнаго развитія трехъ классовъ населенія, безъ чего невозможно народное благосостояніе.

„Экономисты, говоритъ Суровецкій, еще и нашихъ дней, указываютъ на то, что, помимо земледѣлія, ни одинъ промыселъ не приноситъ странѣ богатства.... Это мнѣніе родилось изъ той ошибки, что богатство видѣли только въ количествѣ и числѣ, а не въ цѣнности продуктовъ. Земледѣліе занимается производствомъ сырыхъ продуктовъ, которые имѣютъ дѣйствительную цѣнность, какую имъ придаетъ полезность, трудъ и издержки, вложенные въ нихъ; за рѣдкимъ исключеніемъ, наибольшая часть продуктовъ, выходящихъ изъ рукъ земледѣльца, негодны для употребленія. Необходимо еще затратить больше или меньше времени, труда, капиталовъ и искусства на то, чтобы придать имъ это свойство. Только послѣ такой переработки, послѣ приданія имъ новой формы, повышается ихъ полезность (годность—wzięłość), а слѣдовательно, и ихъ внутренняя цѣнность.... Искусная рука придаетъ сырымъ продуктамъ часто въ десять и въ сто разъ высшую цѣнность, чѣмъ какую они имѣли у земледѣльца. Такое повышеніе цѣнности столь дѣйствительно, что при обмѣнѣ на какой-нибудь иной видъ богатства каждый признаетъ это.

[1]) Цитируемъ по изданію Суровскаго—Biblioteka Polska. Dzieła W. Surowieckiego. W Krakowie 1861.

Отсюда легко сдѣлать выводъ, что не только земледѣлецъ обогащаетъ страну, но и каждый промыселъ, придающій высшую цѣнность ея плодамъ“ (str. 34—35).

Такъ народъ, который пренебрегаетъ обезпеченіемъ своихъ потребностей путемъ переработки продуктовъ собственной земли, теряетъ независимость и попадаетъ въ кабалу къ тѣмъ, которые ему доставляютъ ихъ (traci niepodległość i musi zawisnąć ot tych, którzy mu ich dostarczają).

Переработка сырья не является дѣломъ простымъ, она требуетъ особаго таланта, знаній, просвѣщенія; сноровки и извѣстныхъ расходовъ.

Суровецкій ясно сознаетъ важное значеніе науки для развитія промышленности „Тѣ народы, которые теперь возвышаются надъ другими своимъ совершенствомъ, обязаны этимъ превосходствомъ исключительно ученымъ“ (Te narody, które dziś nad innemi górują w doskonałości, uczonym jedynie winne są swoję wyższość (str. 37).

Выяснивъ роль промышленнаго класса, Суровецкій переходитъ къ указанію тѣхъ условій, которыя необходимы для его процвѣтанія. Среди этихъ условій онъ называетъ между прочимъ правительственную охрану отъ притѣсненій и несправедливости сильныхъ.

Интересенъ взглядъ Суровецкаго на протекціонную систему. „То правительство, которое лѣнится искать дѣйствительныхъ причинъ или желаетъ скрыть свои ошибки и свою небрежность, обычно защищается отъ опасной конкуренціи то полнымъ запрещеніемъ, то высокимъ обложеніемъ пошлинами иностранныхъ фабрикатовъ.

Запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ вызываетъ въ отвѣтъ запрещеніе на наши издѣлія. Въ результатѣ страна теряетъ на сбытѣ своихъ продуктовъ за-границу. Можно было бы указать множество примѣровъ, когда такимъ путемъ наносили своимъ подданнымъ больше вреда, чѣмъ внѣшній врагъ.

Повышеніе пошлинъ на иностранные фабрикаты во многихъ случаяхъ оказываетъ не лучшее вліяніе на страну, чѣмъ полное запрещеніе: во-первыхъ, вызываетъ отвѣтное повышеніе пошлинъ со стороны иностранныхъ государствъ, во-вторыхъ, ведетъ къ вздорожанію жизни и сокращенію потребленія и въ-третьихъ, сопровождается потерями для казны. Эти двѣ мѣры, безъ отношенія къ другимъ обстоятельствамъ, не только не отвѣчаютъ своей цѣли, но часто бываютъ даже гибельны“.

Самый вѣрный способъ устранить конкуренцію иностранныхъ государствъ, это обратить вниманіе на тѣ причины, которыя вызываютъ ихъ гибельный перевѣсъ. Не запрещеніемъ и повышеніемъ пошлинъ правительство можетъ устранить зло, а устройствомъ школъ и фабрикъ, пріучающихъ молодежь къ ремесламъ, дарованіемъ дѣйствительной свободы ремесленникамъ, облегченіемъ налоговъ (str. 44—49).

Къ причинамъ, задерживающимъ ростъ промышленности, Суровецкій относитъ цехи и тяжелые налоги. Нѣкоторыя правительства для развитія промышленности даютъ денежныя пособія ремесленникамъ. Это средство, являющееся въ иныхъ случаяхъ единственно возможнымъ, примѣненное не надлежащимъ образомъ, можетъ быть безрезультатнымъ, а иногда даже и вреднымъ для общаго блага.

Затраты на ссуды ремесленникамъ безъ отношенія къ положенію страны, а равно безъ вниманія къ причинамъ, задерживающимъ развитіе промысловъ, не отвѣчаютъ своей цѣли; мало того, народъ, желающій такимъ путемъ сравняться съ сосѣдями, идетъ нерѣдко назадъ (str. 52—53).

Для того, чтобы такіе расходы были цѣлесообразны, необходимо сдѣлать тщательный выборъ, какіе виды ремеслъ въ странѣ слѣдуетъ поощрять сравнительно съ другими. Энергичный Кольберъ черезъ неудачный выборъ въ поощреніи однихъ промысловъ за счетъ другихъ навѣрно больше принесъ вреда Франціи, чѣмъ долголѣтнія войны Людовика XIV (str. 54).

Суровецкій придаетъ особенное значеніе насажденію такихъ фабрикъ, которыя занимаются переработкой отечественнаго сырья.

Какъ видимъ, авторъ далеко не принадлежитъ къ тѣмъ крайнимъ протекціонистамъ, которые видятъ единственное спасеніе въ высокомъ таможенномъ тарифѣ. Наоборотъ, онъ доказываетъ несостоятельность такихъ мѣръ, какъ запрещеніе или повышеніе пошлинъ, безъ внимательнаго изученія дѣйствительнаго положенія вещей. Сначала нужно выяснить причины, задерживающія ростъ и развитіе промышленности, и затѣмъ уже принимать соотвѣтствующія мѣры.

Слѣдуетъ отмѣтить, что этому польскому экономисту не была чужда историческая точка зрѣнія. Онъ не разъ подчеркиваетъ, что при введеніи тѣхъ и другихъ мѣропріятій необходимо сообразоваться съ историческими условіями, необходимо принимать въ расчетъ условія пространства и времени.

Суровецкій рѣшительно осуждаетъ тотъ принципъ, что спасеніе одного народа зиждется на разореніи другого. Напротивъ, благосостояніе однихъ народовъ зависитъ отъ процвѣтанія другихъ Тѣ экономическія связи, которыя существуютъ между народами, устанавливаются торговымъ классомъ (str. 61). Это даетъ поводъ Суровецкому указать на важное экономическое значеніе торговли, поддерживающей равновѣсіе между обиліемъ и недостаткомъ продуктовъ на землѣ, освобождающей ремесленниковъ отъ расходовъ и затрудненій по сбыту товаровъ, а потребителей по пріобрѣтенію ихъ (str. 62—65).

Суровецкій, критикуя воззрѣнія тѣхъ, которые считаютъ внѣшнюю торговлю вредной, касается вопроса о роскоши. По его мнѣнію, полное запрещеніе роскоши насколько несправедливо, настолько и не отвѣчаетъ своей цѣли (str. 69).

Во второй части авторъ говоритъ спеціально о положеніи промысловъ въ Польшѣ, начиная съ земледѣлія. Подобно экономистамъ эпохи Ст. Августа, онъ въ закрѣпощеніи крестьянъ видитъ одну изъ причинъ безмѣрнаго упадка страны. Въ Польшѣ всѣ доходы шли въ руки ничтожной кучки гражданъ; большинство населенія, ограниченное въ своихъ потребностяхъ, не имѣло никакихъ доходовъ. Первые, имѣя его съ излишкомъ, или мало расходовали, или покупали заграничные продукты; послѣдніе, ничего не имѣя, не могли ничего и расходовать.

При всеобщей бѣдности земледѣльцевъ, составляющихъ массу народа, при скупости или расточительности на иностранные товары небольшой группы землевладѣльцевъ отечественный ремесленникъ и купецъ долженъ былъ бѣднѣть и разоряться. Такъ постепенно погибли нѣкогда процвѣтавшія въ Польшѣ ремесла, пришли въ упадокъ города и жители ихъ дошли до крайней нужды, потому что они не получали никакой поддержки отъ земледѣлія (str. 94—100)[1]).

---

[1]) Въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ Суровецкій положеніе современныхъ ему городовъ, это можно видѣть изъ слѣдующей цитаты: „Te nędzne mieściny, w których dziś widzimy przedmieścia zagubione, ulice bez domów, rynki puste, ratusze bez okien i dachów; w których się teraz czołga kilka set biedaków bez powołania i sposobu do życia, liczyły w owych czasach po kilka set różnych warsztatów rzemieślniczych. Pomiędzy temi nie brakowało takich nawet, które albo są rzadkie, aldo ¡też służą do samiego zbytku. Iglarze, kobierniki, złotnicy znajdowali w nich odbyt na swoje dzieła i pewny sposób do życia. Указ. соч. str. 105.

Не будемъ здѣсь останавливаться на многочисленныхъ примѣрахъ, которые приводятся Суровецкимъ для доказательства процвѣтанія промысловъ въ старой Польшѣ. Основную причину упадка ихъ авторъ видитъ въ лишеніи королевской власти силы и значенія введеніемъ принципа избранія, въ развитіи феодализма, во внутреннихъ неурядицахъ и въ печальномъ положеніи крестьянъ, жившихъ въ своемъ отечествѣ какъ гость въ чужомъ домѣ, зависимый отъ щедрости или каприза его хозяина (str. 122, 125, 127).

Рядомъ съ этими главными причинами дѣйствовали и другія второстепенныя, напр., установленіе таксъ, нормированье уровня торговой прибыли и пр.

Интересное освѣщеніе даетъ Суровецкій еврейскому вопросу. Многіе видѣли причину упадка польскихъ городовъ въ многочисленности евреевъ. По общему мнѣнію, этотъ народъ лишилъ христіанъ, жившихъ въ городахъ, всѣхъ способовъ къ существованію, а съ другой стороны, отнялъ у нихъ послѣдніе крохи. „Это только отчасти справедливо, говоритъ нашъ авторъ. Тѣ, кто придерживаются такого взгляда, забываютъ о томъ, что они принимаютъ слѣдствіе за причину; и безъ евреевъ польскіе города не избѣжали бы этого жребія“.

Принимая во вниманіе дѣловитость, бережливость и способность еврейскаго народа, нужно заботиться о сохраненіи этого народа въ Польшѣ. Польша обязана почти исключительно евреямъ сохраненіемъ торговли и ремеселъ (str. 139—140) Суровецкій не отрицаетъ и дурныхъ чертъ въ характерѣ евреевъ, но онѣ вызваны печальными историческими условіями. „Правительство выжимало всѣ соки изъ евреевъ, всегда гонимыхъ, всегда вынужденныхъ оплачивать воздухъ, которымъ имъ дозволялось дышать. Всегда окруженный ненавистью, безправный, битый безъ мѣры, предоставленный всѣмъ капризамъ легкомыслія и чудачества, въ нуждѣ и бѣдности, могъ ли народъ, при такихъ условіяхъ поднять свою мысль къ добродѣтели и товарищескимъ обязанностямъ? Развѣ онъ могъ полюбить то отечество, которое было для него немилосердной мачихой? Могъ ли наконецъ дѣйствительно слиться съ тѣмъ населеніемъ, которое по отношенію къ нему нарушило права гостепріимства“. Такая терпимость дѣлаетъ честь Суровецкому, ставшему выше столь обычной въ его эпоху ненависти и презрѣнія къ евреямъ.

Среди причинъ упадка городовъ въ Польшѣ Суровецкій называетъ еще и недостатокъ просвѣщенія. Для успѣшнаго развитія промышленности онъ рекомендуетъ насажденіе техническаго образованія рядомъ съ общимъ (str. 148—149).

Послѣднія страницы своего труда Суровецкій посвящаетъ вопросу о деньгахъ, гдѣ высказываетъ не мало здравыхъ сужденій. Онъ между прочимъ подвергаетъ жестокой критикѣ выпускъ неполноцѣнной монеты, дѣйствующій гибельно на положеніе народнаго хозяйства. При обмѣнѣ обращаютъ вниманіе на внутреннюю цѣнность товаровъ. Деньги, служащія орудіемъ обмѣна, разсматриваются не по своей нарицательной, но по реальной цѣнности. Соотвѣтственно неполноцѣнности монеты продавцы и покупатели повышаютъ или понижаютъ цѣнность товаровъ. Свою мысль авторъ иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи денегъ въ Польшѣ.

Суровецкій, давъ яркую характеристику печальнаго положенія страны, заканчиваетъ свое интересное изслѣдованіе бодрой нотой. „Къ счастью, уже прошли времена стараго непорядка и ошибокъ; послѣ тяжелыхъ испытаній, полякъ вторично рожденный въ новомъ видѣ имѣетъ теперь полную возможность убѣдить весь міръ, что какъ въ мужествѣ и въ любви къ отечеству онъ не уступитъ никакому народу на землѣ, такъ въ порядочности, въ промышленности и въ талантахъ онъ сумѣетъ стать вровень съ каждымъ“ (str. 170).

Кромѣ „O upadku przemysłu“ Суровецкимъ написанъ еще небольшой очеркъ о цехахъ (Uwagi o cechach). Авторъ даетъ краткую исторію происхожденія цеховъ на Западѣ и въ Польшѣ, показываетъ значеніе ихъ въ исторіи, и наконецъ отмѣчаетъ тѣневыя стороны, приведшія въ концѣ концовъ къ упадку цехового строя.

Что касается современной Польши, то, по мнѣнію Суровецкаго, „цехи могли бы стать однимъ изъ главныхъ условій, какъ умноженія богатствъ въ странѣ, такъ и возрастанія городовъ и процвѣтанія въ нихъ промысловъ“.

Вывозъ хлѣба моремъ уже не можетъ представлять выгодъ для Польши, поэтому польское сельское хозяйство должно будетъ сократить свое производство, если ему не придетъ на помощь внутренній рынокъ. „Если мы сами не будемъ перерабатывать нашей шерсти, нашего льна, кожъ, желѣза, мѣди и т. д., если тѣмъ классамъ населенія, которые теперь живутъ по мѣстечкамъ въ бездѣятельности, не дадимъ возможности взяться за переработку сырья и

не повысимъ уровня его потребленія, если мы не перестанемъ снабжать иностранныя фабрики и ремесла тѣми продуктами, которыми мы должны были бы снабжать отечественную промышленность, то мы исчерпаемъ до дна бѣдные источники нашего богатства и никогда не избавимся отъ тяжелой дани, уплачиваемой нами сейчасъ болѣе промышленнымъ и болѣе богатымъ сосѣдямъ".

Цехи, какъ школы для молодежи, какъ товарищества, пріучающія своихъ членовъ къ порядку, помогающія имъ въ нуждѣ, заботящіяся объ усовершенствованіи ремеслъ, при соотвѣтствующемъ регулированіи могутъ быть полезны для страны (str. 186).

Въ сочиненіи „O upadku..." Суровецкій отрицательно относится къ цехамъ въ виду ихъ привилегій и злоупотребленій, здѣсь же имъ отмѣчаются свѣтлыя стороны цеховой организаціи.

Уничтоженіе цеховъ въ Польшѣ, по мнѣнію автора, побудило многихъ искусныхъ иностранныхъ ремесленниковъ покинуть страну; наоборотъ, если цехи будутъ возстановлены, то иностранцы въ большомъ количествѣ начнутъ переселяться въ Польшу, станутъ заселять города, оживляя въ нихъ ту промышленность, которая одна только въ состояніи возродить еще оставшіеся источники народнаго богатства (str. 187).

Опасаться тѣхъ злоупотребленій, которыя допускали раньше цехи,—нечего. Регулировавши детальнымъ образомъ ихъ привилегіи, обычаи и приноровивши ихъ къ современному строю, не трудно энергичному правительству удержать ихъ дѣятельность въ опредѣленныхъ рамкахъ и направить ее на общее благо. Корпораціи только тогда опасны, когда онѣ предоставлены самимъ себѣ; но разъ корпораціи находятся подъ руководствомъ мудраго правительства, тогда онѣ являются сильными пружинами общественнаго развитія (str. 188).

Въ этой статьѣ о цехахъ поражаетъ глубокое пониманіе значенія ассоціаціи. Тѣ цехи, о которыхъ говоритъ авторъ, являются въ сущности не старыми средневѣковыми цехами, а товариществами взаимопомощи, контроля и пр. Любопытно, что мысль Суровецкаго о возсозданіи цеховъ въ такомъ измѣненномъ видѣ нашла свое осуществленіе въ извѣстномъ законѣ о zgromadzeniach [1]).

---

[1]) См. Roczniki Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyjaciół Nauk t XXI Wiadomość o życiu i pismach Wawr. Surowieckiego przez Bentkowskiego, str. 153.

Изъ приведеннаго здѣсь анализа воззрѣній Суровецкаго видно, что онъ далеко не являлся фанатикомъ протекціонизма; онъ признавалъ значеніе тѣхъ и другихъ протекціонныхъ мѣропріятій, но только при наличности извѣстныхъ условій. Прежде, чѣмъ принять тѣ и другія мѣры, необходимо тщательно изучить положеніе страны, ея экономическій строй. Какъ видимъ, Суровецкому не чужда была историческая точка зрѣнія. Вмѣсто такихъ общихъ мѣръ, какъ запрещеніе или повышеніе пошлинъ, польскій экономистъ на первый планъ выдвигаетъ насажденіе общаго и техническаго образованія, облегченіе налогового бремени, обезпеченіе закономѣрности, а равно и другія мѣропріятія такого же положительнаго характера. Здравыя, продуманныя сужденія Суровецкаго не потеряли своей жизненности даже и для современной намъ эпохи.

У Суровецкаго мы не находимъ разработки теоретическихъ вопросовъ. Онь не задавался цѣлью написать теоретическій трактатъ. Во всякомъ случаѣ изъ бѣглыхъ замѣчаній, высказываемыхъ имъ вскользь по тѣмъ и другимъ теоретическимъ вопросамъ, видно, что авторъ относился критически къ основнымъ воззрѣніямъ физіократовъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ примыкаетъ уже къ классической школѣ, напр. въ вопросѣ о производительности обрабатывающей промышленности, о тождествѣ интересовъ отдѣльныхъ народовъ, о гибельности всякихъ ограниченій, монополіи и проч. Съ воззрѣніями классической школы Суровецкій познакомился изъ сочиненій Сэ, ссылки на котораго встрѣчаются не разъ въ его сочиненіяхъ. Цѣльной теоретической системы Суровецкій не далъ, такъ какъ онъ преслѣдовалъ написаніемъ своего труда чисто практическія задачи.

Что касается практическихъ указаній, то здѣсь Суровецкій поражаетъ глубиной пониманія исторической дѣйствительности и цѣлесообразностью рекомендуемыхъ имъ мѣропріятій, онъ предлагаетъ стройную программу экономическихъ мѣропріятій для оздоровленія польскаго народнаго хозяйства. Многое изъ нея было осуществлено въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго. Это ясно показываетъ, что Суровецкій умѣлъ понять запросы жизни и дать имъ ясную формулировку. Безспорно, онъ является талантливымъ выразителемъ и вдохновителемъ новаго теченія въ области экономической политики Польши.

Значительно уступаетъ Суровецкому по широтѣ замысловъ другой современный ему польскій писатель Шумскій, также выдвигавшій

на первый планъ насажденіе и развитіе фабричной промышленности. Это—убѣжденный сторонникъ фридриховской экономической политики. Его сочиненіе—Myśli ogólne o polepszeniu handlu, rolnictwa, przemysłu i edukacyi narodowey w Xięstwie Warszawskiem вышло въ 1811 г. Шумскій начинаетъ свое сочиненіе съ утвержденія, что промышленности въ строгомъ значеніи этого слова никогда еще не было въ Польшѣ, если она была и есть, то только между иностранцами, обитающими въ странѣ (str. 13). „Въ давнее время это не представляло большой опасности, такъ какъ другія страны съ развитой промышленностью покупали польскіе продукты Теперь же въ виду отсутствія сбыта на наши продукты, говоритъ Шумскій, если мы хотимъ быть достойными политическаго существованія, то мы должны создать польскую промышленность. Всякая задержка въ этомъ отношеніи грозитъ уходомъ денегъ за границу. Между тѣмъ, утверждаетъ нашъ авторъ, главнымъ условіемъ развитія народной промышленности являются деньги, деньги и деньги. Золотыхъ рудниковъ мы не имѣемъ, раньше деньги получали изъ-за границы за нашъ хлѣбъ Теперь онъ совершенно не вывозится, а потому не приходятъ къ намъ и деньги. Наоборотъ, въ страну ввозится очень много заграничныхъ товаровъ, которые приходится покупать на наличныя. Въ результатѣ съ каждымъ годомъ въ странѣ остается все меньше и меньше денегъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ ихъ совсѣмъ не будетъ. Что же дѣлать? Нѣтъ другихъ средствъ для удержанія въ странѣ денегъ, кромѣ слѣдующихъ—измѣненія характера торговли, оживленія промышленности въ странѣ и наконецъ, большаго просвѣщенія всѣхъ сословій“ (str 15—17).

Шумскій предлагаетъ запретить ввозъ товаровъ изъ тѣхъ странъ, которыя сами ничего не покупаютъ въ Польшѣ, напр., ввозъ венгерскаго вина. „Слѣдуетъ также запретить всѣ товары, относящіеся къ предметамъ роскоши, а равно и тѣ, которые можно имѣть въ странѣ, напр. русскія свѣчи и мыло. Это удобно еще и потому, что Россія сейчасъ закрыла для насъ суконную торговлю, хотя у нея не хватаетъ своего сукна для внутренняго потребленія. Очевидно, это сдѣлано для развитія фабрикъ и удержанія въ странѣ денегъ. Почему же мы не можемъ такъ сдѣлать?“

Шумскій хорошо понимаетъ, что такая запретительная политика можетъ вызвать въ отвѣтъ репрессіи. Для того, чтобы не порывать торговыхъ связей съ чужеземными странами, онъ рекомен-

дуетъ допущеніе свободной торговли для нѣкоторыхъ товаровъ за наличныя, а для другихъ въ обмѣнъ на хлѣбъ (str. 19—20).

„Не слѣдуетъ бояться, что иностранцы не будутъ обмѣнивать свои товары на наши, продолжаетъ Шумскій, они съ удовольствіемъ возьмутъ ихъ для того, чтобы имѣть возможность содержать своихъ фабрикантовъ (str. 21). Мы слышимъ, что всюду теперь фабрики падаютъ. Отчего это зависитъ? Очевидно, предприниматели не въ состояніи содержать своихъ рабочихъ, навѣрное имъ не достаетъ хлѣба". Впрочемъ Шумскій рекомендуетъ „не слишкомъ насѣдать со своимъ хлѣбомъ на иностранцевъ. Въ виду того, что хлѣбная морская торговля пріостановлена, къ тому же сами поляки не могутъ непосредственно сбывать свой хлѣбъ моремъ; лучше, по его мнѣнію, устроиться съ хлѣбомъ такъ, чтобы меньше разсчитывать на продажу его за границу".

Въ этихъ цѣляхъ авторъ предлагаетъ землевладѣльцамъ обратить вниманіе на коневодство и скотоводство, какъ наиболѣе доходныя статьи (str. 23, 24). Въ особенности важное значеніе могло бы имѣть улучшенное овцеводство и разведеніе льна. Силезія благодаря производству полотенъ разбогатѣла. Почему же не могла бы заняться этимъ и Польша? (str. 27)

Для возникновенія полотняныхъ фабрикъ нужно:

a) запретить ввозъ всякихъ заграничныхъ полотенъ;

b) обязать каждаго крестьянина представлять за плату по нѣсколько локтей полотна для войскъ съ доказательствомъ, что оно его собственной выдѣлки;

c) выписать изъ-за границы ткачей съ предоставленіемъ имъ разныхъ привилегій и обязательствомъ обученія польскихъ крестьянъ (str. 28).

Для проведенія въ жизнь запретительной торговой политики Шумскій предлагаетъ правительству составить реестръ всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ изъ-за границы. Тѣ товары, которые относятся къ предметамъ роскоши, правительство должно совершенно воспретить, какъ равно и тѣ, которые могутъ быть производимы въ странѣ. Если нѣтъ соотвѣтствующихъ фабрикъ, то правительство должно устроить ихъ.

Запрещеніе ввоза нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, по словамъ автора, не можетъ повредить польскимъ купцамъ. „Вѣдь современемъ, когда уйдутъ за границу всѣ деньги, купцамъ по неволѣ придется прекратить свою торговлю, наоборотъ теперь они могли бы

торговать отечественными продуктами, а также устраивать собственныя фабрики, организуясь для этого въ компаніи. Правительство должно поступать также, какъ поступаетъ мать природа, которая для спасенія всѣхъ существъ, изнывающихъ отъ зноя, посылаетъ бури и громы, иногда гибельные для отдѣльныхъ лицъ.

Правительство должно устроить во всѣхъ департаментахъ фабрики въ сообществѣ съ купцами, предоставивъ послѣднимъ разныя льготы и помощь для заведенія болѣе мелкихъ предпріятій.

Для привлеченія полезныхъ иностранцевъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ даровать имъ разныя льготы и пособія, на первое время даже безплатную выдачу продуктовъ. Пусть правительство объявитъ объ этомъ въ иностранныхъ газетахъ и тысячи фабрикантовъ и ремесленниковъ прибудутъ въ Польшу

Большую пользу могли бы оказать и богатые помѣщики, если бы они стали открывать въ своихъ имѣніяхъ фабрики.

Для лучшаго осуществленія запретительной политики Шумскій предлагаетъ ввести строгія наказанія для таможенныхъ чиновниковъ и стражниковъ за пропускъ контрабанды. наложеніе высокихъ штрафовъ за провозъ ея, уничтоженіе контрабандныхъ товаровъ и наконецъ, воспрещеніе занятія иностранной торговлей евреямъ (str. 32).

Откуда правительство можетъ взять средства для устройства фабрикъ?

На помощь ему долженъ придти весь народъ. Пусть гражданскіе чиновники, военные, а равно и духовенство откажутся въ пользу этого дѣла отъ части своего жалованья, женатые и не имѣющіе личныхъ средствъ отъ $^1/_4$, а не женатые и имѣющіе личныя средства отъ половины. На всю сумму этихъ пожертвованій должны быть имъ выданы билеты, представляющіе своего рода акціи, на которыя они будутъ получать процентъ отъ дохода съ фабрикъ (str. 35).

Далѣе, авторъ рекомендуетъ установить особый налогъ для устройства фабрикъ или сдѣлать принудительный заемъ. Бѣдныхъ можно освобождать отъ этого налога, зато богатые должны платить больше (str. 37).

Правительство съ своей стороны могло бы дѣлать кое-какія сбереженія на означенную цѣль: напр. отпускать ежегодно $^1/_3$ часть войска въ отпускъ или на сельскія и промышленныя работы.

Важное значеніе Шумскій придаетъ учрежденію въ каждомъ департаментѣ комиссіи торговли и промышленности. Для ознаком-

ленія населенія съ лучшими способами веденія хозяйства слѣдуетъ обязать ксендзовъ и учителей собирать по праздничнымъ днямъ для бесѣдъ хозяевъ и хозяекъ отдѣльно (str. 39—43).

На послѣднихъ страницахъ Шумскій говоритъ о необходимости народнаго образованія, о введеніи въ общеобразовательныя школы прикладныхъ знаній, а равно и объ устройствѣ техническихъ училищъ (str. 44).

Кстати сказать, онъ является сторонникомъ и женскаго образованія. Неправильное воспитаніе женщины, говоритъ авторъ, часто приводитъ народы къ упадку. Въ женскомъ образованіи прежде всего слѣдуетъ обращать вниманіе на постановку практическихъ знаній (str. 47).

Важное значеніе промышленности хорошо выяснено авторомъ въ слѣдующихъ словахъ—„только тотъ народъ дѣйствительно и прочно счастливъ, который имѣетъ въ своей странѣ въ достаточномъ количествѣ не только хлѣбъ, но и другіе товары, относящіеся къ жизненнымъ потребностямъ (że ten tylko narod jest prawdziwie i trwale szczęśliwym, który nie tylko dość chleba, ale też i inne towary do potrzeb życia należące ma w swoim kraiu).

Заканчиваетъ свою брошюру Шумскій такимъ утвержденіемъ: „я далекъ отъ сознанія, что никто не выскажетъ лучшихъ мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ, что никто не укажетъ такихъ средствъ, которыя позволили бы правительству безъ новыхъ налоговъ оживить и расширить промышленность, торговлю и просвѣщеніе (str. 58)

Какъ видимъ, Шумскій меркантилистъ чистой воды. Основу богатства онъ видитъ въ деньгахъ. Излагая программу тѣхъ мѣропріятій, которыя правительство должно принять для насажденія промышленности и подъема народнаго богатства, авторъ не останавливается передъ самой мелочной регламентаціей производства. Этотъ польскій экономистъ глубоко вѣритъ въ дѣйственность фридриховской экономической политики. Въ рекомендованной имъ системѣ мѣропріятій разумное и цѣлесообразное перемѣшано съ дѣтскимъ и наивнымъ.

Онъ является въ извѣстной степени продолжателемъ дѣла камералистовъ эпохи Ст. Августа. Идеи послѣднихъ отразились отчасти и въ сочиненіяхъ Суровецкаго, однако Шумскій по духу ближе стоитъ къ нимъ.

Безъ сомнѣнія, Шумскій уступаетъ Суровецкому въ силѣ и глубинѣ сужденія, однако и ему нельзя отказать въ практическомъ пониманіи насущныхъ потребностей своей страны. Многое изъ того, что онъ рекомендовалъ, нашло свое осуществленіе въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго.

По духу близокъ къ Шумскому другой польскій писатель той же эпохи Венгржецкій. У него нѣтъ сочиненій, спеціально посвященныхъ экономическимъ вопросамъ. Ближе всего касается онъ этихъ вопросовъ въ сочиненіи Rosprawa o professyach i professyonistach oraz o systemacie administracyjnym (1810 г.) Здѣсь Венгржецкій проводитъ ту мысль, что установленіе мануфактуръ является однимъ изъ главныхъ средствъ для пробужденія народной промышленности. Административныя власти должны стараться, насколько возможно, о заведеніи ихъ (str. 195).

Этотъ писатель, подобно Шумскому, придаетъ большое значеніе иммиграціи иностранныхъ ремесленниковъ, относясь одобрительно къ декрету о льготахъ иностранцамъ (str. 87 – 88).

Сочиненія Суровецкаго, Шумскаго и Венгржецкаго, въ особенности первыхъ двухъ, ясно указывали единственно цѣлесообразное направленіе для экономической политики своей страны. Въ этомъ ихъ великая заслуга. Что касается теоріи политической экономіи, то въ разработку ея они не внесли ничего новаго. И понятно, почему? „Въ эту тяжелую эпоху, справедливо замѣчаетъ Грабскій, нельзя было думать о наукѣ ради науки. Нужно было направить всѣ силы на то, какъ бы сохранить существованіе слабаго государства“ [1]).

Теченія экономической мысли въ эпоху Герцогства Варшавскаго почти не отразились въ журнальной литературѣ.

Наиболѣе популярнымъ тогда журналомъ былъ Nowy Pamiętnik Warszawski. Экономическія воззрѣнія редакціи выясняются въ рецензіи на переводъ книги Тюрго о распредѣленіи богатствъ, изданный въ Варшавѣ въ 1802 г. Рецензентъ Дмоховскій, соредакторъ, изложивши основные принципы физіократизма, противопоставляетъ имъ воззрѣнія англійскихъ экономистовъ Смита и Стюарта, видящихъ источникъ богатствъ въ трудѣ человѣка. Слабымъ пунктомъ

[1]) См Grabski—Współczesna nasza literatura ekonomiczna i stanowisko jej w hystoryi rozwoju polskiej myśli ekonomicznej Ekonomista, zeszyt II 1901, str. 228.

въ теоріи физіократовъ является, по мнѣнію рецензента, ихъ ученіе о налогѣ. При одномъ налогѣ на землю, всего дохода съ земли было бы недостаточно для покрытія нуждъ. Наоборотъ, при обложеніи всѣхъ классовъ налоги уплачиваются незамѣтно безъ сознанія особенной ихъ тяжести. Слѣдовательно, не одно земледѣліе, но станки, торговля, капиталы также приносятъ чистый доходъ, часть котораго поглощается налогами, непосильными для однихъ землевладѣльцевъ [1]).

Въ томъ же журналѣ за 1809 г. помѣщено письмо въ редакцію по поводу книги Бѣльскаго—Sposoby ocalenia maiątkow Obywateli Xięstwa Warszawskiego. Авторъ письма относится сочувственно къ проекту Бѣльскаго.

Другихъ статей по экономическимъ вопросамъ намъ не удалось найти въ скудной журнальной литературѣ эпохи Варшавскаго Герцогства.

Болѣе богата и разнообразна экономическая литература въ эпоху Царства Польскаго. Рядомъ со статьями чисто практическаго характера уже встрѣчаются и изслѣдованія по теоретическимъ вопросамъ.

Къ моменту возникновенія конституціоннаго Царства Польскаго экономическая литература, какъ мы выше видѣли, рѣшительно высказалась за насажденіе и развитіе фабричной промышленности.

Особнякомъ въ этой литературѣ стоитъ Вал. Стройновскій, pogrobowiec [2]) физіократизма, какъ остроумно его назвалъ одинъ польскій изслѣдователь. Въ своемъ сочиненіи Ekonomika powszechna [3]) (1816 г.) онъ выступаетъ въ качествѣ защитника интересовъ землевладѣльческой шляхты, неодобрительно взиравшаго на новое теченіе въ сторону насажденія фабричной промышленности. Вал. Стройновскій, переживший расцвѣтъ въ Польшѣ физіократизма, выдвигаетъ на сцену старую программу. Въ то время, какъ Суровецкій, Шумскій зовутъ впередъ на новую дорогу, Стройновскій поднимаетъ старое знамя, являясь вождемъ реакціоннаго движенія.

---

[1]) Nowy Pamiętnik Warszawski rok 1802, t. VIII, str. 109.

[2]) Pogrobowiec—ребенокъ, родившійся по смерти отца.

[3]) Авторъ пользовался переводомъ, появившимся въ 1817 г. въ Петербургѣ въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ—„Всеобщая экономія народовъ".

Этотъ польскій физіократъ знакомъ съ трудами Ад. Смита и Сэ, и тѣмъ не менѣе остается вѣренъ принципамъ своей школы. Съ его точки зрѣнія, классическая экономія не является новой системой, а простымъ продолженіемъ физіократизма.

„Хотя Ад. Смитъ въ экономическомъ своемъ сочиненіи явственно не сознался, что сія таблица (Кэне) подала ему совершенный свѣтъ для познанія погрѣшностей и предразсудковъ хозяйственныхъ, однакожъ сочиненіе его написано съ полностью сего указателя, а гдѣ онъ ошибкою отъ него устранился, тамъ запутался и самъ себѣ противорѣчитъ“ (стр. 32) Этими словами авторъ ясно опредѣляетъ свою точку зрѣнія на классическую школу.

Согласно принципамъ физіократизма В. Стройновскій видитъ источникъ народнаго богатства въ землѣ, въ ея ежегодныхъ урожаяхъ „Разрядъ промышленниковъ не творитъ новаго дохода для народа такимъ образомъ, какъ трудъ земледѣльческій, рыболовство и рудокопство“. „Истинное богатство государства, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, составляетъ земскій урожай онаго всего и каждаго года“ (стр. 117). Источникъ всѣхъ доходовъ находится въ земледѣліи“ (стр 258, ср. 254, 256). Споръ о томъ, какой „разрядъ людей“ полезнѣе въ государствѣ, онъ считаетъ праздным, „ибо всѣ три разряда взаимно для себя нужны, точно такъ, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ всѣ члены взаимно между собою полезны и нужны“ (стр. 37). Употребленіе эпитетовъ—„производительный“ и „безплодный“ авторъ считаетъ безцѣльнымъ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ отступленіе отъ взглядовъ чистаго физіократизма, сдѣланное, очевидно, подъ вліяніемъ ученія Ад Смита (см. стр. 420). Валеріанъ Стройновскій признаетъ большое значеніе за промышленнымъ классомъ, хотя отдаетъ первенство земледѣльческому классу, отождествляя первый съ лѣвой, а второй съ правой рукой человѣка (стр 470).

Излагая распредѣленіе дохода, авторъ пользуется экономической таблицей Кэне, этой „путеводной нитью по лабиринту дорогъ въ густопоросшемъ лѣсу народнаго хозяйства“ (стр. 371 и д.).

Pogrobowiec физіократизма является убѣжденнымъ сторонникомъ свободы торговли. Только совершенно неограниченная свобода торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней можетъ дать странѣ полное изобиліе и удержать справедливую цѣну товаровъ и продуктовъ.

„Ничто столь не обогащаетъ, и особливо земледѣльческаго народа, какъ свобода торговли... Всякія же препоны, уменьшая свободу и обширность, уменьшаютъ самую торговлю, а потому укосняютъ обогащеніе государства“ (ч. II, стр. 71, 119).

Стройновскій отвергаетъ пошлины ввозные и въ особенности вывозные, такъ какъ онѣ падаютъ на собственниковъ земли и земледѣльцевъ (стр 104). Запрещеніе ввоза товаровъ изъ за границы „только есть пресѣченіе замѣны и торговли и нехотѣніе знать, что никто не можетъ всегда покупать, если ничего своего не продаетъ“ (стр. 315, 317).

Нашъ авторъ является убѣжденнымъ противникомъ меркантильной политики. „Вредны земледѣльцамъ, а потому и другимъ разрядамъ усилія и даже одобренія, чтобы *заводить* въ государствѣ *фабрики*, исключая большіе города. Также вредны государству старанія и иждивенія для основанія большаго числа городовъ и попеченія о большомъ населеніи... Вредны всѣ единоторжія (монополіи), всѣ привилегированныя общества (компаніи), ремесленныя и купеческія подъ названіемъ купеческихъ гильдій... Наконецъ, вредны всѣ полицейскіе уставы для наблюденія вышеизъясненныхъ погрѣшностей“ (стр. 104).

Для насъ представляютъ большой интересъ взгляды, высказываемые Вал. Стройновскимъ, по вопросу о мѣрахъ къ насажденію фабричной промышленности.

„Не должно подвергаться той погрѣшности, замѣчаетъ онъ, чтобы заблаговременно не поощрять къ заведенію рукодѣленъ, но надлежитъ сіе предоставить природному порядку, дабы оныя заводимы были хозяевами, когда уже сами захотятъ заводить оныя, имѣя для сего достаточные капиталы и готовыхъ работниковъ, остающихся за надобностью отъ земли... Слишкомъ раннимъ и усиленнымъ стараніемъ о заведеніи рукодѣленъ государство столько лишается изъ своихъ доходовъ, сколько отнято рукъ для оныхъ отъ земледѣлія, ибо рукодѣльни не умножаютъ государственнаго дохода. Государственные доходы уменьшаются въ той мѣрѣ, сколько рукъ употреблено на заводахъ, кои могли бы трудиться для ежегоднаго урожая въ земледѣліи. Тамъ своевременно заводить рукодѣльни, гдѣ остаются праздныя руки отъ земледѣльческой работы“ (стр. 321, 323).

Первая невыгода несвоевременнаго насажденія фабрикъ—это отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ сельскаго хозяйства. Такое заявленіе

характерно въ устахъ представителя крупной польской шляхты, интересы которой лежали преимущественно въ землѣ.

„Можно бы доказать исчисленіемъ, что выдѣланный товаръ въ своемъ краю въ рукодѣльнѣ стоитъ дороже, нежели купленный за границей.. Сіе весьма извѣстно заводчикамъ рукодѣленъ, и для того они испрашиваютъ запрещенія ввоза изъ-за границы того самаго товара, который выдѣлываютъ сами, полагая тому причиной ободреніе фабрикъ въ своемъ государствѣ и удержаніе въ ономъ денегъ. Однако сіи причины, кажущіяся благовидными, слишкомъ ложны; ибо таковыя запрещенія не только не ободряютъ рукодѣленъ, но оставляютъ оныя въ одинаковомъ состояніи простоты, нерадѣнія и негодности“ (стр. 343).

„Рукодѣльникъ, надѣясь, что никто не привезетъ изъ-за границы запрещеннаго товара, не радѣетъ о усовершенствованіи онаго, развѣ только въ маломъ количествѣ задѣлаетъ лучше, такъ называемыя *пробы* (образцы), чтобы по порядку представить оныя на славу высшимъ чиновникамъ. Имѣя же единоторжіе (монополію) въ государствѣ, назначаетъ цѣну по своему произволу и потому покупающіе изъ своенародной рукодѣльни товаръ, коего запрещенъ привозъ изъ-за границы, принуждены за оный платить дороже“ (стр. 344).

Заводчики рукодѣленъ испрашиваютъ еще особенныя запрещенія, чтобы не выпускать за-границу своестранныхъ плодовъ, изъ коихъ они выдѣлываютъ свой товаръ, напр. суконныя фабрики испрашиваютъ, чтобъ не выпускать шерсти и т. д. Государство терпитъ отъ этого неизчетные убытки (стр. 346).

„Такое благопріятствованіе онымъ фабрикамъ, продолжаетъ Стройновскій, полезно только малому числу заводчиковъ, заохоченныхъ къ умноженію рукодѣленъ, и для нихъ самихъ обезпечиваетъ всякія корысти и съ убыткомъ всѣхъ собственниковъ земли, земледѣльцевъ, всякихъ жителей въ государствѣ, равно со всеобщимъ убыткомъ государственнаго дохода“ (стр. 380).

Эти убытки Стройновскій называетъ „складкой“ всѣхъ жителей „для вспоможенія малому числу заводчиковъ рукодѣленъ... Рукодѣльни не могли бы удержаться безъ общественной на оныя складки, въ коей жители государства принуждаются запрещеніями“ (стр 352, 353).

Въ приведенныхъ здѣсь выдержкахъ находимъ острую критику протекціонной системы. Здѣсь мы встрѣчаемся почти со всѣми

тѣми доводами, которые обычно приводятся защитниками фритредерской политики. Въ словахъ Стройновскаго нашла себѣ осужденіе экономическая политика польскаго правительства, направленная къ насажденію и развитію фабричной промышленности. Когда придетъ время, когда образуется излишекъ рабочаго населенія, тогда фабрики и мануфактуры возникнутъ сами собой и тогда онѣ будутъ полезны государству (стр. 427). Необходимо сосредоточить всѣ свои заботы на земледѣліи,—„содѣйствіе ему, единственное средство возвести народъ великаго государства на степень величія предназначеннаго ему природой“ (стр. 357). Впрочемъ, нашъ авторъ признаетъ пользу мануфактуръ въ томъ случаѣ, если ихъ заводятъ богатые помѣщики, „которые, получая знатные доходы, могутъ для своего удовольствія заводить оныя, и потомъ имѣть отъ нихъ убытокъ. И таковыя не только не вредны государству, но при томъ полезны; ибо великій доходъ таковыхъ помѣщиковъ съ пользою обращается въ государствѣ, поступая на издержаніе, и не можетъ отнять много рукъ отъ земледѣлія; ибо не можетъ быть много такихъ помѣщиковъ, которые захотѣли бы заводить много рукодѣленъ и были въ состояніи терять отъ нихъ“ (стр. 459). Слѣдовательно, авторъ оправдываетъ насажденіе фабрикъ только тѣми крупными помѣщиками, которые не знаютъ, куда дѣвать свои доходы.

Задачи, которыя ставитъ Вал. Стройновскій экономической политикѣ несложны: „тайна современнаго правленія, вся наука государственныхъ чиновниковъ о великомъ народномъ хозяйствѣ и служба ихъ основывается на семъ свѣдѣніи, которое состоитъ въ сихъ немногихъ словахъ: *личная* собственность, а потому и *собственность труда*, свобода насажденія онаго, отъ чего происходитъ *собственность недвижимая* и собственность *движимая*“ (стр. 559). Государство должно „прилагать бдительнѣйшее попеченіе, дабы земледѣліе ни въ чемъ не терпѣло препятствія... Земледѣльческая страна, бѣдная и скудная можетъ придти до имущественнѣйшаго состоянія, если высшіе чиновники, участвующіе въ правительствѣ, приложатъ свое стараніе о томъ, дабы земледѣліе не было обременяемо никакими помѣшательствами, портящими сельское хозяйство, дабы урожаи имѣли внутри государства хорошую и постоянную цѣну, дабы ко внѣшней торговлѣ была всякая удобность, исправныя дороги, вычищенныя для судоходства рѣки, а для сбыванія излишнихъ за своею надобностью земныхъ плодовъ свободная за-границу торговля, дабы каждому

представлена была также свобода труда и промышленности, дабы таможни не причиняли помѣшательства ни въ возѣ, ни въ вывозѣ товаровъ, и дабы на осмотрѣ на внутреннихъ таможняхъ купцы не имѣли притѣсненій, таковы суть краткія правила, по которымъ земледѣльческая страна вѣрнѣйшимъ путемъ можетъ достигнуть величайшаго богатства" (стр. 119, 120).

Въ этой программѣ преобладающее значеніе играютъ мѣропріятія отрицательнаго, а не положительнаго характера: свобода труда, собственности, личности и свобода занятій. Если указываются и положительныя мѣропріятія въ родѣ устройства путей сообщенія, то они нисколько не захватываютъ внутреннихъ отношеній, гдѣ долженъ царить принципъ свободы.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ воззрѣній Вал. Стройновскаго, прежде всего слѣдуетъ сказать, что по основнымъ своимъ взглядамъ онъ физіократъ, но именно физіократъ, выросшій на почвѣ крупнаго землевладѣнія и крѣпостничества. Въ его изслѣдованіи вездѣ проскальзываетъ защита интересовъ крупнаго землевладѣльческаго класса. Онъ придаетъ громадное значеніе защитѣ правъ собственности, не разъ повторяя фразу—„дабы собственность была уважаема". „Собственность должна имѣть столько безопасности, какъ цѣлость жизни человѣка", замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ. Проекты раздѣла земельной собственности подвергаются имъ жестокой критикѣ (стр. 56 и д.).

Если этотъ польскій физіократъ и высказывается за освобожденіе крѣпостныхъ, то только безъ земли. Онъ опровергаетъ то мнѣніе, будто помѣщики даромъ пользуются трудомъ крѣпостныхъ. Нѣтъ, крестьяне получаютъ за свою работу плату отъ помѣщика въ видѣ той земли, на которой они живутъ: „ибо они изъ таковой занимаемой ими земли имѣютъ пропитаніе для себя со всею своею семьею, и снабжаются во всѣхъ нуждахъ своихъ. Но только остается сомнѣніе о томъ, что сіи земледѣльцы, оставаясь подъ названіемъ невольниковъ, достаточный или недостаточный получаютъ платежъ оного землею за свою работу?" (стр. 146).

Классовые интересы этого физіократа рѣзко проглядываютъ въ томъ, что онъ считаетъ необходимымъ для преуспѣянія государства передачу власти въ руки земельной аристократіи. „Истинное благоденствіе страны состоитъ въ томъ, если просвѣщеніе народа достигло той степени, что государь можетъ избирать въ чиновники прави-

тельства изъ большихъ собственно—землевладѣльцевъ" (стр. 76). Въ другомъ мѣстѣ по этому поводу онъ говоритъ слѣдующее: „жители государства, составляющіе разрядъ собственно—землевладѣльцевъ должны занимать всѣ должности гражданскія и высшія военныя" (стр. 24).

Изъ этихъ замѣчаній видно, что Вал. Стройновскій являлся идеологомъ землевладѣльческаго класса. Съ этой точки зрѣнія понятно и то, почему такъ много мѣста онъ удѣляетъ вывозной хлѣбной торговлѣ. Его глубоко возмущаютъ запрещенія вывоза хлѣба и другихъ сырыхъ продуктовъ. Правительство должно принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить отпускъ хлѣба за-границу Вѣдь въ этомъ ближе всего была заинтересована крупная земельная аристократія.

Въ системѣ Вал. Стройновскаго идеи физіократизма съ примѣсью нѣкоторыхъ воззрѣній Ад. Смита приспособлялись къ интересамъ крупнаго помѣстнаго дворянства

Любопытно, что Стройновскому было нечуждо сознаніе относительности законовъ и явленій хозяйственной жизни. „Совѣты Ад. Смита, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, для Англіи благоразумны, и онъ ихъ наиболѣе приноровлялъ къ своему отечеству; но для странъ бѣдныхъ они были весьма рапни" (ч. I, стр. 459). „Примѣры обычаевъ другой страны должны быть соображаемы съ состояніемъ онаго съ законами. отношеніями другихъ обществъ, временемъ и обстоятельствами" (ч. I, стр. 317).

Свои выводы Стройновскій иллюстрируетъ примѣрами изъ окружающей жизни. Онъ обращаетъ вниманіе на фактическое положеніе страны и считается съ ея интересами и нуждами, хотя бы и понимаемыми съ узко классовой точки зрѣнія.

Можно думать, что Вал. Стройновскій не представлялъ изъ себя единичнаго явленія; несомнѣнно, во многомъ онъ отражалъ взгляды крупнаго помѣстнаго дворянства. Въ такомъ случаѣ, его воззрѣнія пріобрѣтаютъ еще большій интересъ. Они показываютъ намъ, какъ крупный землевладѣльческій классъ смотрѣлъ на новое теченіе въ области экономической политики. Онъ относился несочувственно ко всѣмъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ насажденію промышленности, изъ опасенія, что это можетъ вызвать сокращеніе рабочихъ рукъ и повысить цѣны на фабричныя и мануфактурныя издѣлія. Насажденіе фабрикъ оправдывалось только въ томъ случаѣ, гдѣ оно находилось въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, учреждавшихъ фабрики

и мануфактуры для своего удовольствія. Пусть правительство обратитъ все свое вниманіе и заботы на земледѣліе и хлѣбную торговлю, а все остальное придетъ въ свое время само собой. Здѣсь передъ нами какъ бы программа польскихъ аграріевъ. Впрочемъ, крупные помѣщики скоро поняли полезность насажденія фабричной промышленности. Съ усиленіемъ притока иммигрантовъ въ Царство Польское замѣтно расширился внутренній рынокъ и повысилась доходность земель [1]). Это не ускользнуло отъ вниманія землевладѣльцевъ, которые начинаютъ конкурировать съ правительствомъ въ вызовѣ иностранцевъ, въ предоставленіи имъ льготъ и привилегій и наконецъ, какъ мы выше видѣли, даже выступаютъ въ качествѣ организаторовъ крупной децентрализованной домашней промышленности. Вал. Стройновскій, выпустившій свое сочиненіе въ первый годъ существованія Царства Польскаго, не могъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя принесло крупнымъ землевладѣльцамъ насажденіе фабричной промышленности. Факты скоро показали, что помѣщики отъ этого не только не потеряли, но даже выиграли. Естественно, что они изъ противниковъ новаго курса экономической политики дѣлаются его горячими сторонниками.

Среди экономистовъ эпохи Царства Польскаго встрѣчаются уже и послѣдователи школы Ад. Смита. Наиболѣе выдающійся изъ нихъ— это проф. Скарбекъ. Его Gospodarstwo Narodowe появилось въ четырехъ томахъ въ 1820 г. Первые два тома заключаютъ въ себѣ теорію народнаго хозяйства (elementarne zasady gospodarstwa narodowego); третій и четвертый томы—прикладную часть (gospodarstwo zastosowane czyli nauka administracyi)). Скарбекъ видѣлъ свою задачу въ томъ, чтобы ясно и просто изложить мысли и желанія популяризаторовъ Ад. Смита Сэ и Крауза съ нѣкоторыми собственными дополненіями [2]). Нѣтъ нужды останавливаться здѣсь

---

[1]) Въ Tygodn Pet (1873, str 187) въ статьѣ „O stanie polskiego przemysłu" сдѣланъ такой расчетъ. одинъ человѣкъ съѣдаетъ въ годъ въ среднемъ 5 корцевъ хлѣба, привселеніе въ Царство Польское 150 000 чел. должно было повысить потребленіе хлѣба на 9 мил зл., при стоимости корца по тогдашней цѣнѣ въ 1 зл Smolka, выше цит t I, 486, пр 29.

[2]) Ср St Koszutski—Rozwój Ekonomiczny Krolestwa Polskiego w ostatnim trzydziestoleciu (1870—1900) W. 1905, str. 362 Marasse прямо говоритъ, что Скарбекъ, взявъ Сэ въ качествѣ руководителя, воспроизводилъ его достоинства и недостатки, выше цит. str 15

на анализѣ его теоретическихъ воззрѣній, которыя по существу не представляютъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что находимъ у Сэ, наиболѣе популярнаго экономиста въ Польшѣ въ данную эпоху.

Примыкая всецѣло къ классической школѣ, Скарбекъ естественно является горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ неограниченной свободы промышленности, свободы труда и конкуренціи. Онъ критикуетъ всѣ тѣ мѣропріятія, которыя предлагалъ меркантилизмъ для развитія торговли въ родѣ запрещенія вывоза сырья, ввоза иностранныхъ товаровъ, наложенія пошлинъ, всякаго рода премій и пр. [1]). Отрицательно относится Скарбекъ и къ расходованію государственныхъ средствъ на развитіе промышленности, уподобляя такія затраты лотерейной игрѣ съ той существенной разницей, что играющій вредитъ только себѣ, а администраторъ, расходующій народныя средства на развитіе промышленности, наноситъ ущербъ всей странѣ (str. 249).

Всѣ правительственныя мѣропріятія для развитія фабрикъ несправедливы, и къ тому же безрезультатны Поощреніе фабричной промышленности ведетъ свое начало отъ Кольбера, давшаго примѣръ пагубнаго вліянія такой политики. Наука о народномъ богатствѣ отвергаетъ всякую одностороннюю опеку той или другой отрасли производства (отд. VI, str. 233 и д.). Основное правило политики сводится къ слѣдующему положенію —предоставить свободу производительнымъ силамъ страны, безъ чего старанія правительства могутъ привести только къ обратнымъ результатамъ (str. 266).

Авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что частный интересъ производителей является наилучшимъ учителемъ (str. 267).

По его мнѣнію, необходимо предоставить внутренней торговлѣ полную свободу, устранивъ всѣ препятствія, задерживающія ее (str. 383). Скарбекъ принципіально высказывается и за неограниченность внѣшней торговли, хотя признаетъ, что правительство отдѣльной страны на практикѣ не можетъ осуществить этотъ принципъ во всей его полнотѣ (str. 416—17).

Характерно, что этотъ видный представитель официальной науки въ Царствѣ Польскомъ объявляетъ себя сторонникомъ свободы кон-

---

[1]) Gospodarstwo Narodowe, t. III, str. 201 Отд. III O srzodkach przymuszaiących w celu wsparcia krajowey fabrykacyi używanych.

куренціи въ то время, какъ реальная дѣйствительность шла по иному пути, именно пути протекціонизма и даже запретительной системы [1])

Для характеристики воззрѣній Скарбека имѣетъ значеніе небольшая замѣтка его, помѣщенная въ Pamiętnik'ѣ за 1815 г.—Uwagi nad myślą względem bankietu polskiego w 10 Nrze Pamiętnika Warszawskiego umieszczoną (t. III). „Самымъ обыкновеннымъ и самымъ закоренѣлымъ является тотъ предразсудокъ, говоритъ Скарбекъ, будто покупающій за-границей товары наноситъ ущербъ странѣ, именно потому, что ввозъ такихъ товаровъ сопровождается вывозомъ за-границу звонкой монеты. Это мнѣніе ошибочно“ (str. 541—542). „Если отечественныя издѣлія по добротѣ и по цѣнѣ не будутъ уступать

[1]) Совершенно иную оцѣнку даетъ Скарбеку Грабскій, который видитъ въ немъ чуть-ли не предтечу Фр Листа. По его мнѣнію, существуетъ поразительное сходство въ воззрѣніяхъ Скарбека и Фр Листа. Это сходство Грабскій видитъ прежде всего въ томъ, что Скарбекъ различалъ три ступени развитія Первая ступень, когда страна производитъ только сырье, вторая, когда она уже перерабатываетъ это сырье для удовлетворенія своихъ потребностей и наконецъ, третья, когда страна производитъ главнымъ образомъ для вывоза. Сходство между Скарбекомъ и Листомъ заключается еще и въ томъ, что первый признавалъ покровительственныя пошлины только при переходѣ ко второй ступени Только въ одномъ пунктѣ Скарбекъ расходится съ Листомъ, онъ именно не является противникомъ Ад Смита По мнѣнію Грабскаго, у польскаго экономиста вопросъ о содѣйствіи національнымъ силамъ поставленъ даже шире, чѣмъ у Листа Послѣдній ее сводилъ къ одной протекціонной системѣ, между тѣмъ какъ Скарбекъ придавалъ послѣдней только частичное значеніе. См Grabski—Der polnische nationalokonom Graf. Fr Skarbek Zeit f. Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung, 1899 Bd VIII, 525 и д. Такое сопоставленіе Скарбека и Листа является малообоснованнымъ. Самъ Грабскій въ цитированной статьѣ указываетъ на то, что Скарбекъ „рѣшительно возстаетъ противъ того взгляда, что сильную индустрію можно искусственно создать разными запретительными мѣрами, таможенными пошлинами и правительственными распоряженіями“ Хотя Скарбекъ признавалъ умѣренныя ввозныя пошлины, однако, какъ замѣчаетъ Грабскій, этими пошлинами онъ ни въ коемъ случаѣ не желалъ устранить иностранной конкуренціи, являвшейся лучшимъ орудіемъ техническаго прогресса. Послѣ всего этого страннымъ кажется заявленіе Грабскаго о поразительномъ сходствѣ между воззрѣніями Скарбека и Листа. Польскій экономистъ являлся простымъ популяризаторомъ идей смитіанизма, а Фр. Листъ былъ, какъ извѣстно, горячимъ и убѣжденнымъ противникомъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Если въ нѣкоторыхъ деталяхъ и можно найти сходство между этими двумя экономистами, то во всякомъ случаѣ оно далеко не является поразительнымъ. И какъ показываетъ наше изложеніе, между Фр. Листомъ и Скарбекомъ слишкомъ ужъ мало точекъ соприкосновенія

заграничнымъ, то никакая мода и никакія предписанія кодекса о роскоши не въ состояніи воспрепятствовать легкому сбыту ихъ и всеобщему обращенію, подобно тому, какъ и самыя суровыя запрещенія не задержатъ употребленія лучшихъ и болѣе дешевыхъ заграничныхъ товаровъ" (str. 543).

По поводу жалобъ на вывозъ монеты за границу, Скарбекъ дѣлаетъ такое ироническое замѣчаніе: „удивительнымъ и непонятнымъ для этихъ плачущихъ должно быть то, что во всѣхъ странахъ ихъ товарищи также жалуются на вывозъ денегъ за границу и на недостатокъ ихъ. Если изъ всѣхъ европейскихъ странъ уходятъ деньги, то гдѣ же та счастливая страна, куда онѣ стекаются?" „За каждый грошъ, уходящій за-границу путемъ торговыхъ сношеній, возвращается въ страну равная цѣнность" (str. 544).

Итакъ, по основному вопросу меркантилизма Скарбекъ высказался въ духѣ классической школы, принципы которой казались ему непогрѣшимыми истинами.

У другого выдающагося польскаго экономиста изучаемой эпохи, проф Дом. Крысинскаго мы не находимъ уже такого рабскаго преклоненія передъ догматами классической школы. У него мѣстами проглядываетъ критическое отношеніе Крысинскій не оставилъ послѣ себя цѣльнаго экономическаго трактата. Имъ было прочитано нѣсколько публичныхъ рѣчей, изъ которыхъ наибольшій интересъ имѣетъ рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи „Общества друзей науки" 4 мая 1828 г. на тему—Niektóre myśli o Nauce Gospodarstwa Narodowego [1]). Эта рѣчь показываетъ, что Крысинскій обладалъ глубокимъ знаніемъ современной науки, отличался самостоятельностью сужденія и далеко не былъ склоненъ рабски слѣдовать западно-европейскимъ образцамъ.

Въ началѣ своей рѣчи онъ даетъ краткую характеристику экономическихъ ученій въ ихъ исторической преемственности, начиная съ меркантилизма. Попутно дѣлается критическая оцѣнка этихъ направленій.

Отношеніе Крысинскаго къ Ад. Смиту хорошо характеризуется слѣдующей фразой: „1776 г., въ которомъ Ад. Смитъ выпустилъ свое безсмертное твореніе, навсегда останется памятнымъ въ лѣтопи-

---

[1]) См. Roczniki Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyjaciół Nauk, t XXI, 1830.

сяхъ науки. Смитъ, отвергнувъ догматизмъ, указалъ на то, что единственный путь къ вѣрнымъ выводамъ—это путь Бэкона" Такое преклоненіе передъ творцомъ „Богатства народовъ" нисколько не мѣшало Крысинскому видѣть и его слабыя стороны.

Среди критиковъ Ад Смита большое значеніе проф. Крысинскій придаетъ Ганилю. Онъ находитъ весьма цѣннымъ возраженіе послѣдняго противъ того, что возможно изъ общихъ и постоянныхъ фактовъ вывести природу народнаго богатства и затѣмъ можно установить правила распредѣленія и потребленія богатствъ Ганиль требуетъ вмѣсто общихъ фактовъ частныхъ явленій, надлежащимъ образомъ наблюденныхъ и сгруппированныхъ, т. е. статистическихъ изслѣдованій, опирающихся на все то, что можетъ пролить свѣтъ на такой важный предметъ. Нужно стремиться къ опредѣленію дѣйствительныхъ источниковъ народнаго богатства и не отдѣлять политической экономіи отъ статистики, какъ поступали до сихъ поръ, а въ тѣсномъ единеніи этихъ двухъ наукъ искать разрѣшенія спорныхъ вопросовъ народнаго хозяйства (str. 53).

Игнорированіе Ад. Смитомъ статистики, по мнѣнію Крысинскаго, объясняется просто тѣмъ, что въ его эпоху статистическія данныя являлись въ значительной мѣрѣ политическимъ фокусничествомъ. Тѣ матеріалы, которые могли служить основой для статистическихъ изслѣдованій, были покрыты еще таинственной завѣсой (str. 58).

Крысинскій находитъ, что еще и Ганиль преждевременно назвалъ свое сочиненіе теоріей полит. экономіи. Самые достовѣрные статистическіе факты, собранные изъ жизни двухъ культурныхъ народовъ, еще не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для установленія общихъ научныхъ принциповъ и еще менѣе служить для вывода практическихъ правилъ. Нужно, чтобы и другіе стали на эту дорогу, подвергая критической провѣркѣ законы, признаваемые теперь за общіе, съ точки зрѣнія конкретныхъ явленій и мѣстныхъ особенностей. Благодаря такой провѣркѣ были бы выработаны принципы, устанавливающіе своего рода мѣстную науку. Изъ такихъ частныхъ изслѣдованій путемъ сравненія того, что въ нихъ есть общаго, можно дѣйствительно вывести точные, критически обоснованные принципы (str. 59).

Указывая важное значеніе для полит. экономіи статистики, Крысинскій отмѣчаетъ огромный переворотъ, произведенный изслѣдова-

ніемъ Мальтуса о населеніи. „Впервые наука увидѣла образъ, начертанный рукой мастера, не народныхъ богатствъ, а исторію нужды, страданій и мучительной смерти, вытекающихъ изъ одного источника, до того еще недостаточно изслѣдованнаго... Кто изучилъ сочиненіе Мальтуса съ надлежащей глубиной, тому не одна страна подъ видимымъ блескомъ покажется въ дѣйствительности госпиталемъ“ (str. 60).

Отъ польскаго экономиста не ускользнула неудачная формулировка закона Мальтуса, которую онъ не считаетъ обоснованной. Во всякомъ случаѣ, теорія населенія пролила новый свѣтъ на науку народнаго хозяйства. „Сколько принциповъ, выдававшихся за догматы, съ того момента, когда населеніе стало важнымъ предметомъ изслѣдованія, подверглось существеннымъ измѣненіямъ!“

Ссылаясь на примѣръ Англіи, Крысинскій доказываетъ, что ростъ богатствъ далеко не сопровождается ростомъ общаго благосостоянія. „320 мил. зл. ежегоднаго налога въ пользу бѣдныхъ, нѣсколько грошей дневного заработка во многихъ мануфактурахъ, наконецъ, жестокая необходимость эмиграціи изъ родной земли, не обезпечивающей прокормленія бѣднымъ рабочимъ—вотъ факты, благодаря которымъ слѣдовало бы замѣнить наши громкія фразы о богатствѣ народовъ соотвѣтствующими фразами объ ихъ бѣдности“ (str. 63).

Польскій экономистъ подвергаетъ жестокой критикѣ преклоненіе представителей классической школы передъ метафизическимъ богатствомъ безъ отношенія ко времени и мѣсту.

„Допустимъ. въ Англіи земледѣліемъ занято 700.000 чел., а торговлей и промышленностью 900 000. Спрашивается, слѣдуетъ ли дать награду тому, кто найдетъ возможнымъ выполнить одинаковое количество работы въ земледѣліи при 7.000 рабочихъ, а въ промышленности и торговлѣ при 9.000? Да, отвѣчаетъ современная школа Рикардо. И это жестокое „да“ показываетъ, до какихъ ошибочныхъ заключеній приводитъ система“.

Какія же цѣли должна преслѣдовать наука?

Не метафизическое богатство безъ отношенія ко времени и пространству, но установленіе наивысшаго счастья наибольшаго числа людей съ помощью богатствъ, содѣйствіе благосостоянію того или другого народа—вотъ что является цѣлью науки. Нельзя съ помощью нѣсколькихъ общихъ принциповъ такъ называемаго экономическаго

катехизиса сказать, что мы уже владѣемъ ключемъ для достиженія такой важной цѣли. Новое поле обширнѣйшихъ свѣдѣній требуетъ большей осторожности и большей скромности".

Таковы интересныя методологическія воззрѣнія этого польскаго экономиста. Что касается его взглядовъ въ области экономической политики, они остаются неизвѣстными. Исходя изъ общихъ предпосылокъ Крысинскаго, можно одно только сказать, что онъ признавалъ необходимость государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь для регулированія ея въ интересахъ общаго блага.

Изъ анализа воззрѣній Крысинскаго видно, что во многомъ онъ предупредилъ историческую школу. Онъ отрицательно относился къ абстрактнымъ, абсолютнымъ законамъ классической школы, настаивая на необходимости изученія частныхъ фактовъ, мѣстныхъ особенностей, рекомендуя расширеніе наблюденія и провѣрку экономическихъ положеній на данныхъ статистики. Эти черты сближаютъ его въ методологіи съ позднѣйшими историками-экономистами. Въ заслугу польскому экономисту нужно поставить и то, что онъ сумѣлъ открыть тѣневыя стороны въ направленіи народнаго хозяйства такой культурной страны, какъ Англія. Крысинскій категорически установилъ, что ростъ богатствъ далеко еще не означаетъ роста благосостоянія. Цѣлью науки для него являлось не метафизическое богатство, а общее благосостояніе [1]).

Таковы два наиболѣе видныхъ представителя польской экономической науки изъ эпохи конституціоннаго Царства Польскаго.

Журнальная и газетная литература этого времени занималась экономическими вопросами сравнительно больше, чѣмъ въ печальную эпоху Варшавскаго Герцогства. Въ журналахъ и газетахъ чаще появляются статьи, разсматривающія тѣ и другіе злободневные вопросы народнаго хозяйства.

Среди газетныхъ статей наибольшій интересъ представляютъ „Uwagi nad stanem kraiu naszego", помѣщенныя въ „Газетѣ Корреспондента" за 1821 годъ [2]).

---

[1]) Извѣстна еще рѣчь Крысинскаго—O Ekonomii Polityczney (Rzecz czytana przi otwarciu biegu Nauk szkoły Prawa i Administracyi), гдѣ онъ выясняетъ практическое значеніе полит. экономіи

[2]) Gazeta Correspondenta Warszawskiego i Zagranicznego 1821 rok № 93. Str. 1173 и д

Анонимный авторъ начинаетъ свою статью съ того заявленія, что причиной печальнаго положенія Царства Польскаго является невозможность сбыта сельскихъ продуктовъ. Надежды на измѣненіе хлѣбной торговли ошибочны

Цѣна на сельскіе продукты въ Польшѣ всегда была низка. Только въ восемнадцатомъ столѣтіи, благодаря шведской войнѣ, затѣмъ семилѣтней, потомъ войнѣ Англіи съ Америкой, наконецъ, французской революціи со всѣми ея послѣдствіями вплоть до 1815 г., цѣны на хлѣбъ поднялись. Это повышеніе цѣнъ являлось результатомъ чрезвычайныхъ условій, которыя постоянно не могли продолжаться. Можно было предвидѣть, что съ установленіемъ мира все вернется къ прежнему положенію.—„Не подлежитъ сомнѣнію, замѣчаетъ авторъ, что внѣшняя хлѣбная торговля упала у насъ разъ навсегда“.

Обрисовавъ безотрадное положеніе польской хлѣбной торговли, нашъ авторъ показываетъ новые свѣтлые горизонты для польскаго народнаго хозяйства. „Соединеніе съ Россіей, обезпечивая насъ извнѣ, открываетъ намъ самыя широкія перспективы, если мы сумѣемъ использовать обстоятельства. Огромная русская Имперія можетъ получать отъ насъ фабрикаты, для чего мы имѣемъ весьма благопріятныя условія, гранича съ тѣми странами, откуда можемъ безъ особыхъ затрудненій вызвать всякаго рода ремесленниковъ.... Развитіе фабричной промышленности сторицею покроетъ наши убытки отъ хлѣбной торговли“.

Помимо насажденія фабрикъ, Польшѣ слѣдуетъ подумать еще и о бережливости. Анонимъ указываетъ на повышеніе уровня жизни даже среди бѣдныхъ. классовъ.

Теперь одна Варшава больше потребляетъ иностранныхъ издѣлій, чѣмъ нѣкогда все королевство. По мнѣнію автора, въ этомъ виноваты вальныя ярмарки, учрежденныя правительствомъ въ цѣляхъ направленія иностранной торговли съ Россіей черезъ Варшаву. „Мы сами виноваты, если у насъ больше уходитъ денегъ за границу, чѣмъ приходитъ. Если мы не станемъ бережливостью вознаграждать нашихъ убытковъ отъ хлѣбной торговли, то скоро обанкротимся“.

Деньги, расходуемыя на предметы роскоши, лучше обратить на устройство и усовершенствованіе фабрикъ. Бережливость частныхъ лицъ и бережливость правительства спасетъ насъ отъ гибели.

Уже правительство много сдѣлало въ указанномъ направленіи вслѣдствіе обложенія высокими пошлинами иностранныхъ товаровъ. Необходимо еще сократить число чиновниковъ.

Изъ приведенной вкратцѣ газетной статьи видно, что авторъ ея убѣжденный протекціонистъ, стоявшій даже на почвѣ меркантилизма въ вопросахъ о роскоши и деньгахъ. Ему нельзя отказать въ пониманіи историческихъ условій польскаго народнаго хозяйства. Въ виду этого и путь, указываемый имъ для экономическаго развитія Ц. П., вполнѣ отвѣчалъ данному историческому моменту.

Разсмотрѣнная статья вызвала отвѣтъ, написанный въ духѣ физіократизма—„Odpowiedź na Uwagi nad stanem kraiu naszego, umieszczone w № 93 Gazety Korrespondenta“ [1]).

Авторъ его полагаетъ, что основой промышленности служитъ преуспѣяніе сельскаго хозяйства. Оно является первымъ занятіемъ и только тогда, когда образуется избытокъ труда и капитала въ сельскомъ хозяйствѣ, зарождается мануфактурная промышленность. „Гдѣ при современномъ печальномъ положеніи сельскаго хозяйства будемъ искать капиталовъ и рабочихъ рукъ на устройство мануфактуръ, когда наша земля еще сама нуждается въ томъ и другомъ? Какую пользу принесетъ намъ дорогая, искусственно вызванная конкуренція съ иностранными фабриками? Кто, наконецъ, будетъ покупать наши фабрикаты? Россія, въ виду своей малонаселенности и бѣдности, не можетъ являться рынкомъ сбыта для нашихъ издѣлій. Кромѣ того, трудно конкурировать на этомъ рынкѣ съ болѣе дешевыми и лучшими заграничными товарами. Наконецъ, фабрики могутъ возникнуть и въ самой Россіи .

По мнѣнію автора, тяжело ставить благосостояніе страны въ зависимость отъ чужой ласки.

Польша, называемая житницей Европы, можетъ стать совершенно независимой отъ другихъ странъ, если будетъ стремиться къ тому, чтобы перерабатывать отечественное сырье и разсчитывать на внутренній рынокъ, но для этого еще не наступило время. Въ виду чего авторъ не хочетъ побуждать къ устройству фабрикъ и введенію высокихъ пошлинъ. Послѣднее приводитъ къ тому, что незначительное число фабрикантовъ получаетъ прибыль за счетъ всего остального народа. Фабрики искусственно возрастутъ, конкуренція

---

[1]) Gazeta Warszawska 1821 r., № 97.

съ иностранными издѣліями, этотъ двигатель прогресса, пріостановится. Въ результатѣ тѣ фабриканты, которые при нормальномъ ростѣ капиталовъ и населенія могли бы сравняться съ иностранными по цѣнѣ и добротности издѣлій, будутъ въ этомъ уступать имъ, а при лишеніи ихъ поддержки погибнутъ.

Для подкрѣпленія своей аргументаціи авторъ ссылается на Скарбека, который говоритъ, что правительство не должно упреждать естественнаго развитія промышленности [1]). Всякое содѣйствіе искусственному развитію ея оказывается безрезультатнымъ.

Въ виду того, что въ статьѣ, помѣщенной въ Газетѣ Корреспондента, проводится ученіе о деньгахъ меркантилистовъ, авторъ отвѣта подвергаетъ критикѣ это ученіе, ссылаясь на Сэ, считавшаго смѣшной ту политику, которая стремится воспрепятствовать уходу монеты за границу. Съ его точки зрѣнія, тотъ строй, гдѣ осуществлена полная свобода торговли безъ всякихъ пошлинъ, является идеаломъ. При современныхъ условіяхъ авторъ считаетъ возможными фискальныя пошлины, но и то умѣренныя.

Возражая противъ взгляда, что роскошь широко распространена въ народѣ, анонимъ критически разсматриваетъ тѣ примѣры, на которые ссылался авторъ первой статьи. Эти примѣры не свидѣтельствуютъ о распространеніи роскоши. Дорогой и добротный товаръ оказывается болѣе выгоднымъ, чѣмъ дешевый. Если какой-нибудь писарь покупаетъ хорошее сукно на фракъ, то это еще далеко не значитъ, что это предметъ роскоши разъ данный расходъ не нарушаетъ его бюджета.

Авторъ заканчиваетъ свою статью призывомъ къ тому, чтобы правительство обратило свое вниманіе на положеніе земледѣльцевъ и позаботилось объ улучшеніи налоговой системы. Земледѣлецъ есть опора всего народа.

Изъ этого отвѣта видно, что авторъ его хорошо знакомъ съ теоріей политической экономіи и удачно сгруппировалъ всѣ тѣ аргументы, которые обычно приводятся противъ протекціонизма. Несмотря на свое знакомство съ классической школой, онъ во многомъ стоитъ еще на почвѣ физіократизма. Очевидно, самъ авторъ принадлежалъ къ числу землевладѣльцевъ и вотъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ онъ и пользуется кое-чѣмъ изъ системы фи-

[1]) Gaz Warsz. № 98 (продолженіе)

зіократовъ. Эта статья, несмотря на ея искусную аргументацію, осталась голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; жизнь, какъ мы знаемъ, пошла по тому пути, который былъ указанъ первымъ авторомъ.

Нѣсколько статей экономическаго характера мы встрѣчаемъ и въ наиболѣе распространенномъ въ то время журналѣ—Pamiętnik Warszawski czyli Dziennik nauk i umieiętności.

Въ его первомъ томѣ мы находимъ статью Ам. Косинскаго— „Uwagi nad myślami o zamiarn polepszenia bytu włościan polskich“ Въ ней авторъ критикуетъ освобожденіе крестьянъ Наполеономъ, находя, что оно оказалось болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для крестьянъ. По его мнѣнію, крѣпостное право въ Польшѣ только по виду напоминало рабство у римлянъ, по существу же оно носило патріархальный характеръ.

Для поднятія благосостоянія крестьянъ онъ рекомендуетъ развитіе торговли, прорытіе каналовъ, устройство общественныхъ дорогъ, насажденіе мануфактуръ, удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, улучшеніе скотоводства, отмѣну военныхъ постоевъ. Впрочемъ, предлагая эти мѣропріятія для улучшенія благосостоянія, авторъ, однако, противъ того, чтобы отрывать рабочія руки отъ земледѣлія [1]).

Въ статьѣ, помѣщенной въ томъ же журналѣ, „Rosprawa o miastach, czyli myśli względem sposobu urządzenia onych“ авторъ, сѣтуя на печальное положеніе городовъ, предлагаетъ для ихъ развитія отмѣну налоговъ на предметы искусства, торговли и ремеслъ, затѣмъ отмѣну цеховыхъ взносовъ и предоставленіе льготъ иностранцамъ [2]).

Извѣстный дѣятель въ области насажденія фабричной промышленности Рембелинскій помѣстилъ въ томъ же Pamiętnik'ѣ „Niektóre ogólne uwagi nad Ekonomią polityczną i iey główna częścią finansami“. Здѣсь онъ доказываетъ невозможность однообразной для всѣхъ государствъ системы финансовъ. Благодаря игнорированію этого принципа, цѣнное изслѣдованіе Ад. Смита, строившаго свою теорію только на основаніи изученія финансовъ своей страны, не можетъ служить руководствомъ для всеобщаго примѣненія.

Рембелинскій выдвигаетъ значеніе народнаго образованія, на которомъ основываются всѣ источники богатсва и силы каждой

---

[1]) Pamiętnik Warszawski—1815 r. t. I, str 449 и т.

[2]) Ibid. t III, str. 150 и д

страны (zamykaią się wszystkie źrzódla bogatstwa i sił kraiu każdego)[1].

Много руководящихъ указаній въ области экономической политики даютъ „Listy obywatelskie do Jana Węgleńskiego Ministra stanu“ въ томъ же Pamiętnik'ѣ[2].

Анонимный авторъ начинаетъ свои письма съ того утвержденія, что въ политической экономіи нѣтъ и не можетъ быть всеобщихъ правилъ, которыя безъ исключенія могли быть примѣняемы ко всякой странѣ (w ekonomii polityczney nie masz i być nie może prawideł powszechnych, któreby bez wyłączenia przystósowane być mogły do każdego kraiu). „Та страна, которая издавна стоитъ на высокомъ уровнѣ развитія частнаго и народнаго хозяйства, имѣетъ совершенно отличныя правила сравнительно съ той страной, которая только вступила на путь такого развитія“. Любопытно, что авторъ высказываетъ эту цѣнную мысль въ эпоху господства классической школы съ ея абсолютными законами, мысль, которая легла въ основу позднѣйшей исторической школы.

Примѣняя указанный принципъ къ Польшѣ, анонимъ утверждаетъ, что роскошь или чрезмѣрные расходы землевладѣльцевъ на иностранные продукты гибельны для нея. Если бы деньги, безвозвратно уходящія въ Азію или Америку за предметы роскоши, оставались въ странѣ, то польское сельское хозяйство имѣло бы совершенно иной видъ (стр. 5).

Отношеніе автора къ внѣшней торговлѣ можно резюмировать въ слѣдующей фразѣ: та страна, которая больше получаетъ изъ-за границы, чѣмъ даетъ въ обмѣнъ, всегда въ конечномъ итогѣ теряетъ (str. 7).

Въ доказательство справедливости этого принципа онъ ссылается на „Elements du Commerce“ de Forbonnais. Послѣдній устанавливаетъ слѣдующія три положенія:

1) ввозъ иностранныхъ товаровъ, которые затрудняютъ потребленіе отечественныхъ издѣлій или которые тормозятъ ростъ и совершенствованіе отечественной промышленности, влечетъ за собой неизбѣжный упадокъ страны;

2) ввозъ иностранныхъ предметовъ роскоши за наличныя деньги является невознаградимой потерей для государства;

---

[1]) Ibid str. 316 и д.

[2]) Ibid. t VII—1817 r. str 4.

3) наконецъ, ввозъ даже предметовъ первой необходимости разоряетъ страну.

„Что касается перваго положенія, говоритъ авторъ писемъ, то ввозъ иностранныхъ товаровъ не можетъ затруднять у насъ потребленія отечественныхъ издѣлій, такъ какъ мы не имѣемъ таковыхъ. Но что иностранныя мануфактуры не даютъ возможности возникнуть таковымъ у насъ, а тѣмъ менѣе усовершенствоваться, эта правда бьетъ всѣмъ въ глаза“.

Второе положеніе цѣликомъ примѣнимо къ Польшѣ. Для иллюстраціи третьяго положенія авторъ приводитъ потребленіе соли. Съ потерей Велички Польша лишилась соляныхъ копей. Воспретить ввозъ соли нельзя, такъ какъ это предметъ необходимости. Но покупая соль изъ-за границы, Польша бѣднѣетъ, платя за нее наличными.

Для иллюстраціи авторъ приводитъ и другіе примѣры.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ шерсть въ Польшѣ была улучшена благодаря разведенію новыхъ породъ овецъ. „Мы уже имѣемъ достаточный и улучшенный сырой матеріалъ для выдѣлки сукна. Что же нужно для возникновенія и усовершенствованія столь важной отрасли производства? Прежде всего, поворота общественнаго мнѣнія въ благопріятную сторону для отечественнаго производства. Послѣднее не дойдетъ такъ скоро до степени совершенства иностраннаго производства, но развѣ патріотизмъ, интересъ земледѣльческой страны, интересъ каждаго соотечественника не долженъ придать ему цѣнности?“

„Министръ вн. д., какъ хозяинъ страны, который держитъ въ рукахъ зарожденіе и развитіе этой отрасли, долженъ выбрать мѣста для устройства въ нихъ станковъ и поселенія искусныхъ фабрикантовъ“.

„Съ своей стороны, министръ финансовъ долженъ примкнуть къ этимъ начинаніямъ и представить законодательной власти соображенія на счетъ того, какіе иностранные товары могутъ быть совершенно воспрещены для ввоза, а какіе ограничены путемъ обложенія ихъ пошлинами“?

Такую же помощь правительство могло бы оказать для развитія льняной и кожевенной промышленности.

Причины того, что эти отрасли не развиваются, лежатъ въ невниманіи администраціи и въ томъ печальномъ мнѣніи, что все иностранное лучше (że wszystko co iest cudze iest lepsze).

Авторъ, упомянувъ о дѣятельности Тизенгауза, одареннаго отъ природы творческимъ геніемъ, ставитъ ему въ упрекъ то, что онъ не ограничивался открытіемъ фабрикъ и мануфактуръ, удовлетворявшихъ первымъ потребностямъ земледѣльческой страны, а началъ устраивать и фабрики для производства предметовъ роскоши Тизенгаузъ хотѣлъ создать въ Литвѣ однимъ мановеніемъ всю промышленность Англіи и Голландіи.

Анонимный экономистъ вѣритъ въ силу запретительной системы. „Защитники неограниченной свободы, говоритъ онъ, основываютъ свое мнѣніе на томъ, что всѣ люди, какъ бы составляютъ одну великую семью".

„Та торговля, гдѣ совершается обмѣнъ товаровъ на товары, обогащаетъ взаимно двѣ страны. Напр., Англія ввозитъ въ Польшу свои издѣлія и взамѣнъ вывозитъ изъ нея польскіе продукты. Но если взять торговлю винами съ Венгріей, то кто изъ защитниковъ свободы торговли, спрашиваетъ авторъ, можетъ меня убѣдить въ томъ, что ее не слѣдуетъ ограничить? Венгрія, какъ и Польша, земледѣльческая страна, слѣдовательно, въ сельскихъ продуктахъ она не нуждается. Поэтому въ обмѣнъ на венгерское вино Польшѣ приходится давать наличныя деньги".

Какъ видимъ, въ вопросѣ о свободѣ внѣшней торговли авторъ всецѣло стоитъ на почвѣ строгаго протекціонизма.

Въ десятомъ письмѣ анонимъ, касаясь проектовъ организаціи земельнаго кредита, рѣшительно высказывается противъ амортизаціи долговъ съ переводомъ ихъ въ долгосрочные и противъ какой бы то ни было эмиссіонной операціи.

Онъ самъ рекомендуетъ слѣдующее средство для спасенія страны— учрежденіе народнаго банка, располагающаго исключительно звонкой монетой. Гдѣ достать капиталы? Не нужно создавать ихъ чародѣйскимъ способомъ Ло Они уже существуютъ въ государственныхъ имѣніяхъ".

Цѣнность послѣднихъ авторъ опредѣляетъ въ 225 мил. зл. слишкомъ. Если даже продать эти имѣнія въ наслѣдственную аренду за 25 мил. зл съ условіемъ, что на остальные 200 мил. будутъ уплачиваться только проценты, то и въ такомъ случаѣ проектированный банкъ со звонкой монетой сразу могъ бы возникнуть. „Съ увеличеніемъ въ обращеніи звонкой монеты, наше убожество, говоритъ авторъ, исчезло бы".

Для оцѣнки имѣній необходимо учредить спеціальную комиссію. По установленіи оцѣнки, имѣнія немедленно должны продаваться съ торговъ. Деньги, полученныя отъ продажи имѣній, поступаютъ въ банкъ, называемый банкомъ погашенія земельныхъ долговъ

Изъ этихъ поступленій банкъ будетъ выдавать пятипроцентныя ссуды.

Изложенному проекту нельзя отказать въ практичности. Авторъ совершенно вѣрно указалъ на возможность утилизаціи государственныхъ имѣній въ цѣляхъ привлеченія капиталовъ

Другой журналъ этой эпохи, охотно помѣщавшій статьи экономическаго характера,—Izys Polska czyli Dziennik umieiętności wynalazków, kunsztów i rękodzieł (нач. изд. 1820 г.). Этотъ спеціальный журналъ сообщалъ массу техническихъ свѣдѣній изъ области, какъ фабрично-заводской промышленности, такъ и сельско-хозяйственной. Редакція его широко пользовалась переводами изъ иностранныхъ техническихъ журналовъ, встрѣчались и оригинальныя статьи. Безъ сомнѣнія, Izys Polska должна была содѣйствовать распространенію техническихъ знаній въ Польшѣ, хотя она и имѣла сравнительно небольшое число подписчиковъ (всего 305 въ 1822 г.)

Взгляды редакціи на характеръ и направленіе экономической политики хорошо выяснены въ редакціонной статьѣ, помѣщенной въ первомъ выпускѣ. „Безъ сомнѣнія, земледѣліе является самой первой основой благосостоянія страны. На немъ дѣйствительно зиждется богатство народа и всѣ другія отрасли народнаго хозяйства". Въ виду упадка вывозной хлѣбной торговли съ одной стороны, а съ другой—постояннаго спроса на иностранныя издѣлія, вызывающаго отливъ денегъ за границу, остается единственный выходъ обратиться къ развитію отечественныхъ фабрикъ и мануфактуръ.

Редакція ставила своей цѣлью распространеніе и популяризацію полезныхъ для страны свѣдѣній, которыя „побудили бы обратить вниманіе на средства къ развитію отечественной промышленности черезъ указаніе примѣровъ изъ жизни другихъ народовъ или черезъ сообщеніе наставленій въ разныхъ отрасляхъ польскаго хозяйства".

Въ первомъ же томѣ этого журнала мы находимъ статью экономическаго характера—„Rzut oka na postęp handlu i przemysłu czasów dawnieyszych w ogólności, i w szczególności na stan Polski, tudzież uwagi nad niedostatkiem pieniędzy".

„Всеобщія жалобы на недостатокъ денегъ, замѣчаетъ авторъ этой статьи, безъ сомнѣнія, опираются на дѣйствительное уменьшеніе въ нашей странѣ металлической наличности... Въ такомъ тяжеломъ положеніи всѣ обращаютъ свои взоры на балтійское море... Если бы даже какой-нибудь неожиданный случай открылъ въ той сторонѣ для нашей хлѣбной торговли какія-либо выгоды, то все-таки онѣ никогда не будутъ въ состояніи насъ вполнѣ удовлетворить".

Охарактеризовавъ положеніе промышленности и торговли въ предшествующія эпохи, авторъ переходитъ къ своему времени. „Не будемъ полагаться на чужія деньги за нашъ хлѣбъ, говоритъ онъ. Лучше будемъ стараться объ оживленіи внутренней торговли, которая является первымъ основаніемъ благосостоянія; поднимемъ полуразоренные города путемъ оживленія промышленности и введенія мануфактуръ. Когда число потребителей увеличится, тогда и земледѣліе пріобрѣтетъ больше силъ".

Однако авторъ противъ развитія мануфактуръ въ такой степени, чтобы нужно было разсчитывать на внѣшній рынокъ „Наша страна не Англія, само положеніе которой и связи съ цѣлымъ міромъ облегчаютъ сбытъ всѣхъ издѣлій. Обратимъ наше вниманіе на потребности страны и если мы не будемъ нуждаться въ иностранныхъ товарахъ, то и въ такомъ случаѣ мы многаго достигнемъ".

Характерно его заявленіе, что для Царства Польскаго лучшія времена не наступятъ до тѣхъ поръ, пока промышленность не придетъ въ равновѣсіе (niestanie w równéy szali) съ сельско-хозяйственнымъ производствомъ.

Такимъ образомъ, авторъ является противникомъ односторонняго развитія фабричной промышленности за счетъ сельско-хозяйственной. Онъ боится экономической зависимости отъ внѣшняго рынка.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ Izys Polska, заслуживаетъ еще упоминанія статья о суконныхъ фабрикахъ въ Царствѣ Польскомъ (т. VII), съ цѣнными данными по фабричной промышленности.

Вотъ и все, что намъ удалось найти въ журналахъ эпохи конституціоннаго Царства Польскаго по экономическимъ вопросамъ

Для экономической литературы разсматриваемой эпохи характернымъ является преобладаніе протекціонныхъ воззрѣній. Физіократизмъ, пользовавшійся такой широкой популярностью въ послѣдній періодъ независимаго существованія Речи Посполитой, въ эпоху кон-

ституціоннаго Царства Польскаго совершенно потерялъ свой кредитъ. Единственнымъ его представителемъ является Стройновскій, переживший свою эпоху. Кромѣ его капитальнаго изслѣдованія, идеи физіократизма отразились въ двухъ-трехъ журнальныхъ статьяхъ, да и то слабо.

Наоборотъ, протекціонизмъ теперь находитъ себѣ многихъ сторонниковъ.

Польскіе экономисты разсматриваемой эпохи ясно сознали важность фабричной промышленности и почти единогласно указали на необходимость насажденія и развитія этой отрасли народнаго хозяйства, какъ на единственно вѣрное средство подъема благосостоянія въ странѣ. На этотъ путь, какъ мы знаемъ, и вступило польское правительство. Очевидно, въ данномъ случаѣ оно шло въ согласіи съ тѣмъ теченіемъ, которое отражалось въ современной экономической литературѣ. Любопытно, что представители послѣдней даже опередили правительство Суровецкій, изложившій наиболѣе систематически, новую экономическую программу, писалъ еще въ эпоху Варшавскаго Герцогства. Между тѣмъ его мысли нашли свое осуществленіе только въ эпоху Царства Польскаго. Безспорно, въ данномъ случаѣ литературное движеніе оказало свое вліяніе на экономическую политику Царства Польскаго.

Сравнивая развитіе экономической литературы въ эпоху Ст. Августа и въ эпоху Варшавскаго Герцогства и конституціоннаго Царства Польскаго, можно сказать, что первая эпоха превосходила вторую богатствомъ и разнообразіемъ литературы. Зато въ послѣднюю эпоху представители польской экономической науки сумѣли уловить насущныя потребности народнаго хозяйства и дать имъ ясное и опредѣленное выраженіе. Въ этомъ и заключается ихъ великая заслуга.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашего изслѣдованія. Попытки къ насажденію мануфактуръ въ Польшѣ возникли еще во второй половинѣ XVIII в. въ эпоху Ст. Августа. Мысль о заведеніи ихъ зародилась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ печальнаго экономическаго и финансоваго положенія страны, а отчасти—подъ вліяніемъ примѣра Пруссіи и Австріи. Авторъ отмѣтилъ въ своемъ изслѣдованіи три типа мануфактуръ: первый типъ—это предпріятія, основанныя извѣстной акціонерной компаніей (Kompania Manufaktur Wełnianych), второй—крѣпостныя мануфактуры, устраиваемыя магнатами

въ своихъ помѣстьяхъ, и наконецъ, третій типъ— предпріятія съ принудительной организаціей труда нищихъ и бродягъ. Это модное движеніе уже съ перваго момента обречено было на неудачу, во первыхъ, потому что Польша въ изучаемую эпоху переживала еще стадію замкнутаго натуральнаго хозяйства. Единственнымъ классомъ, который могъ предъявлять сколько-нибудь значительный спросъ на фабрикаты, была богатая шляхта, но она исключительно пользовалась иностранными издѣліями Понятно, при такихъ условіяхъ учреждаемыя мануфактуры не могли найти для себя рынковъ сбыта.

Къ тому же знатные учредители мануфактуръ обычно не имѣли никакого понятія о томъ дѣлѣ, за которое брались. Они нисколько не задумывались надъ тѣмъ, есть ли нужное сырье или нѣтъ, можно ли разсчитывать на сбытъ издѣлій и пр

Наконецъ, третье весьма важное условіе неудачи этихъ попытокъ—принудительная организація труда. На мануфактурахъ работали почти исключительно крѣпостные. Тамъ, гдѣ требовался квалифицированный трудъ, польскіе магнаты прибѣгали къ услугамъ иностранныхъ рабочихъ Своеобразный соціальный и политическій строй Рѣчи Посполитой не благопріятствовалъ приливу здоровыхъ жизнеспособныхъ элементовъ изъ за границы, въ виду чего сюда главнымъ образомъ переселялись худшіе представители ремесленнаго класса.

За первыми опытами насажденія промышленности въ эпоху Ст. Августа, несмотря на неудачу ихъ, нельзя не признать нѣкотораго идейнаго значенія. Они указали всю важность развитія въ странѣ промышленности и торговли, что́ было далеко не безразлично въ такомъ государствѣ, какъ Польша, съ его рѣзко выраженнымъ аграрнымъ характеромъ. Эти опыты выдвинули на очередь рядъ новыхъ проблемъ для экономической политики государства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они оказали извѣстное вліяніе на развитіе и распространеніе кустарныхъ промысловъ.

Увлеченіе польской знати мануфактурами не нашло серьезной поддержки и въ общихъ условіяхъ жизни разлагавшагося государства. Политически слабая, умирающая Польша не могла, разумѣется, вести своей экономической политики въ духѣ покровительства насаждаемой промышленности. Въ западно-европейскихъ странахъ въ большинствѣ случаевъ былъ подготовленъ классъ для воспріятія и развитія такой политики. Въ Польшѣ такого класса не существовало. Поэтому, тѣ немногочисленныя мѣропріятія меркантильной

политики, которыя были принимаемы въ разсматриваемую эпоху, являлись безпочвенными и не могли оказать, по существу, поддержки новому теченію въ области народнаго хозяйства.

Польская экономическая литература второй половины XVIII в. отражала въ себѣ два направленія—физіократическое и камералистическое. Первое болѣе соотвѣтствовало духу и традиціямъ польскаго общества, поэтому оно олицетворяло въ себѣ, какъ бы официальную экономическую систему. Польскій физіократизмъ не могъ дать серьезныхъ практическихъ результатовъ, такъ какъ онъ отличался доктринерскимъ характеромъ. Единственной практической проблемой, выдвинутой имъ, являлось освобожденіе хлоповъ. Что касается мануфактурной промышленности, то здѣсь польскій физіократизмъ совершенно не считался съ конкретными нуждами національнаго хозяйства.

Ближе стоялъ къ реальнымъ потребностямъ камерализмъ. Но онъ не въ силахъ былъ практически вліять на ходъ экономической политики, такъ какъ не было класса, который могъ бы взять на себя проведеніе въ жизнь его принциповъ. Значеніе камерализма лежитъ въ томъ, что онъ взялъ подъ свою защиту тѣ идеи, тѣ начала, которыя противорѣчили политическому и соціальному укладу Рѣчи Посполитой и, такимъ образомъ, подготовилъ въ обществѣ почву для воспріятія этихъ идей въ эпоху Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго.

Второй періодъ въ развитіи польской промышленности отдѣляется отъ перваго переходной эпохой прусскаго владычества и Варшавскаго Герцогства. Важное значеніе этого переходного момента заключается въ томъ, что въ теченіе его были расшатаны основы натуральнаго строя старой Польши (ростъ задолженности землевладѣнія, введеніе гражданскаго кодекса Наполеона, отмѣна сословныхъ привилегій, освобожденіе крестьянъ). Такимъ путемъ была расчищена почва для возникновенія и развитія новыхъ формъ промышленности, что́ и совершилось въ эпоху конституціоннаго Царства Польскаго.

Польское правительство, ясно сознавшее необходимость развитія фабричной промышленности, начало прилагать всѣ усилія къ ея насажденію (вызовъ иностранцевъ, предоставленіе имъ разныхъ льготъ, регуляція городовъ, ассигнованіе особыхъ фондовъ для ссудъ фабрикантамъ, организація фабричнаго надзора и пр.). Всѣ эти мѣры

не дали бы особенно блестящихъ результатовъ, если бы на сцену не выступило новое обстоятельство—именно, открытіе русскаго рынка для польской промышленности въ связи съ переходомъ Россіи къ запретительной системѣ. Это, по нашему мнѣнію, основная причина быстраго расцвѣта польской промышленности въ изслѣдуемый періодъ.

Правила, опредѣлявшія торговыя сношенія Царства Польскаго съ Имперіей содѣйствовали нѣкоторымъ образомъ концентраціи польской промышленности въ двухъ воеводствахъ—Мазовецкомъ и Калишскомъ (вблизи г. Калиша). На разселеніе иммигрантовъ оказалъ извѣстное вліяніе самый способъ выдачи свидѣтельствъ о мѣстѣ происхожденія товаровъ.

На основаніи статистическихъ данныхъ я показалъ быстрый ростъ шерстяной промышленности (въ частности, сукнодѣлія) съ двадцатыхъ годовъ. Въ послѣдніе годы данной эпохи замѣтно развилась хлопчатобумажная и льняная промышленность. Мною была подчеркнута та характерная особенность, что сукнодѣліе находилось въ большей зависимости отъ внѣшняго рынка, чѣмъ эти двѣ отрасли.

Въ теченіе изслѣдуемаго періода происходитъ быстрая эволюція формъ польской промышленности. Вначалѣ господствующимъ типомъ являлась разновидность домашней системы промышленности — работа на скупщика. Позже возникло крупное децентрализованное производство. Здѣсь уже мелкій производитель окончательно потерялъ свою независимость, сохранивъ только ея тѣнь въ видѣ работы на дому въ кругу своей семьи.

Въ развитіи капитализма въ Царствѣ Польскомъ извѣстную роль сыграло правительство: оно первое основало крупныя предпріятія съ большимъ числомъ рабочихъ. Въ концѣ разсматриваемаго періода авторъ отмѣтилъ появленіе, главнымъ образомъ въ суконной промышленности, нѣсколькихъ крупныхъ централизованныхъ предпріятій съ паровыми двигателями. Они возникли послѣ установленія оживленныхъ сношеній въ торговлѣ съ Имперіей.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что эволюція промышленныхъ формъ въ Царствѣ Польскомъ носила аналогичныя черты съ таковой въ другихъ странахъ съ однимъ существеннымъ различіемъ: эта эволюція совершалась здѣсь быстрѣе благодаря рецепціи формъ изъ странъ съ развитой промышленностью.

Въ теченіе одного десятилѣтія въ суконномъ производствѣ мы видимъ переходъ отъ мелкаго мастерства къ крупнымъ централизованнымъ фабрикамъ, оборудованнымъ по послѣднему слову техники того времени. Это возможно было только потому, что въ развитіи польской промышленности сыграла важную роль иммиграція иностраннаго труда и капитала. Промышленность Царства Польскаго являлась, по существу, иностранной промышленностью, только пересаженной на польскую почву. На Западѣ въ то время существовали развитыя формы капиталистическаго производства. Онѣ цѣликомъ были перенесены въ Польшу, разъ здѣсь явились благопріятныя условія для ихъ развитія, каковыя дѣйствительно и были созданы измѣненіемъ русской торговой политики.

Рабочій классъ въ изслѣдуемую эпоху состоялъ преимущественно изъ иностранцевъ, въ концѣ появляются и туземные рабочіе (евреи и поляки). Какъ правительство, такъ и частныя лица прилагали немало заботъ къ образованію рабочаго класса изъ среды мѣстнаго населенія.

Важнѣйшимъ факторомъ въ развитіи польской промышленности слѣдуетъ признать торговлю Царства Польскаго съ Имперіей. Царству Польскому были предоставлены существенныя льготы въ торговлѣ сравнительно съ другими странами въ 1819 г., а еще больше въ 1822 г., когда Россія перешла къ запретительному тарифу, допустивъ единственное исключеніе для Царства Польскаго. Мы видѣли, какъ быстро возрасла торговля Царства съ Имперіей: въ начальные годы торговый балансъ складывался неблагопріятно для Царства, наоборотъ съ двадцатыхъ годовъ онъ склоняется въ его пользу и такимъ остается до конца этой эпохи. Главную роль въ польской торговлѣ играло сукно Съ момента вступленія на постъ мин. фин. Канкрина наблюдается въ русскихъ правительственныхъ сферахъ теченіе въ сторону ограниченія льготъ, предоставленныхъ польской промышленности. Оно создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ настойчивыхъ ходатайствъ имперскихъ фабрикантовъ суконъ, изнемогавшихъ подъ бременемъ польской конкуренціи.

Это враждебное для Царства Польскаго движеніе остается безрезультатнымъ благодаря хлопотамъ польскаго министра финансовъ кн. Любецкаго. Послѣднему удалось добиться того, что условія взаимной торговли Царства Польскаго и Россіи остались безъ измѣненія.

Новыя теченія въ области народнаго хозяйства отразились соотвѣтствующимъ образомъ въ экономической литературѣ. Послѣдняя носитъ въ этотъ періодъ преимущественно практическій характеръ. Экономисты усиленно занимаются вопросомъ о насажденіи фабричной промышленности, какъ единственномъ средствѣ подъема народнаго благосостоянія. Экономическая литература въ системахъ Суровецкаго, Шумскаго и др. высказалась за насажденіе фабричной промышленности путемъ широкой правительственной поддержки. Названные писатели намѣтили цѣлую программу мѣропріятій для экономической политики Царства Польскаго. По нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ литературное направленіе оказало свое вліяніе на ходъ экономической политики.

Ноябрское возстаніе (1830 г.) и послѣдовавшее за нимъ измѣненіе русской тарифной политики въ отношеніи къ Царству Польскому проводятъ рѣзкую грань, отдѣляющую второй періодъ въ развитіи польской промышленности отъ третьяго. Выясненію характерныхъ чертъ и особенностей этого періода будетъ посвященъ, по плану автора, второй томъ предпринятаго изслѣдованія.

Приложеніе 1-е.

Ustaw Obserwacya dla Prządkow w Węngrowie 1766 [1].

1-mo. Wszystko co czynicié ku chwałe Bozey czyńcie. Więc ocknąwszy ze snu y wstawszy powinność każdy po Umywaniu y Chędozenia codziennym Bogu Naywyzszemu za Opatrzność y Obrone udzielaną, dziękowac y o Progress czszęsliwy y Blogosławienstwa Dział kak swoich naprzod prośic y wżywac.

2-do. O godzine piątey precise Początek roboty, trafi síę aby iedna lub druga prędzey wstała y to wolno, poznıey zas żadnym sposobem.

3-tio. Polskie obowiązane Niemeckim; a Niemieckie takze Polskim zadne uczynic Zardrośći lub Przykrośći, lecz przy Robocie alternative od godziny jedney do drugiey mianowicie Polskie od 5 do szosty, Niemieckie od 6 do 7-mey Spiewaniem lub Chwałą Boską powinne się annimowac. Od 7 miey do osmey godziny wyznaczamy pdzy Robocie Diskurs bo rozmowienia potrzebnego a osobliwie o rzeczach gospodarskich przystoijnych.

4-to. Od osmey do 9-tey czas Sniadania.

5-to. Od 9 do 12-tey takze Robotą y Spiewaniem kontynuować trzeba jako w godzinach przed Sniadaniem.

6-to. Od 12-tey do 1-szey godziny czas Obiadu.

7-to. Prządka każda powinna rowney i cienkiey Nici wystawic lub prząć.

8-to. Od Kazdego funta majstrowskiego Zapłata 15 gr., mianowicie z Wełny z Okolicy tuteyszey lub trzydziestowego gatunku z Wil-

---

[1]) Арх. Кав Нал Od. XXX Xięgi i pliki tyczące się manufaktur wełnianych № 33.

kopolskiey zać Wełny na Falendysz lub z Wojewodsztwa Lubelskiego na Hesftsel naznaczamy od Funta majstrowskiego groszy 20.

9-no. Która zas extra Warsztatu, w Mieszkaniach swoich sposobu mają prząć; odbieraią za każdy Funt maistrowski trzy groszy więcey a to względem nadgrodzenia Piwa y Swiatla potrzebuiące.

10-mo. Od godziney pierwszey do szóstey z Robotą piłną pod alternatiwem Spiewaniem powinne kontynuować y cięko prząć.

11-mo. Od szóstey do siodmey czas Wieczerzy.

12-do. Od siodmey zas do dziesiątey trzeba Robotą dobrą kontynuować przy alternatiwem Spiewaniem lub Dyskursu przystoynego. Przytym warujemy surowie, aby ostroznie Swiatlem lub Ogniem były y wszelkiego Dyskursu nie przystoynego się wstrzymali y chroniły; która w tym przećiwna, co raz powinna do Puszerki dla ubogich 3 groszy polskie karę włożyc, a to albo tez na Obrocenie Szwice do Kościoła.

Dla Waloru większego y Obserwacyi lepszey Porządek ninieyszy lub wzwyższ wyrazony dla Wiedzi Kazdey ossigniemy jawnie, aby według Instrukcyi cichy y spokoyny Zywot przy piłney y dobrey Roboćie ku Chwałe Bozey prowadzili. Datum do Approbacyi w Warszawie na Zamku Krolewskim d 10 Xbris Roku 1766.

ad Mandatum Subscripsit P. F. Thlann.
Manufaktur Wełnianych Direktor.

Приложеніе 2-е.

Прошеніе московскихъ суконныхъ фабрикантовъ, поданное на Высочайшее имя 13 марта 1831 г.[1]

„Въ 1827 г. русскіе фабриканты, движимые желаніемъ оправдать отеческое попеченіе В. И. В. о благѣ и успѣхахъ народной промышленности, осмѣливались повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйшую просьбу, главное побужденіе коей было, что свободной по истиннѣ, хотя повидимому нѣкоторою пошлиною обложенный ввозъ суконъ изъ Царства Польскаго приводитъ къ близкому разоренію всѣ заведенія наши, а съ 1821-го года расплодившіяся до такого числа, что не только продовольствіе сукнами арміи и флота совершенно обезпечено, но что русскія суконныя фабрики снабжаютъ съ излишествомъ жителей Имперіи и могли бы безъ затрудненія удовлетворить исключительно суконную нашу чрезъ Кіахту съ китайцами мѣновую торговлю, есть ли бъ не встрѣчали повсюду и на всѣхъ рынкахъ, въ подрывъ нашей мануфактурной промышленности, опасное соперничество чрезмѣрнаго количества суконъ всѣхъ родовъ, изготовляемаго на границѣ Имперіи руками фабрикантовъ туда переселившихся въ замѣнъ прямого транзитнаго торга съ Кіахтою, коего они лишились.

Таковая просьба, хотя и была удостоена Вашимъ И. В. милостиваго воззрѣнія, но по обстоятельствамъ времени не могла принести для русской промышленности ожидаемыхъ плодовъ.

---

[1] Арх. деп. там. об. № 902 Дѣло деп. вн. торговли. Бумаги по тарифу съ Царствомъ Польскимъ

Нынѣ, когда обстоятельства перемѣнились, когда правосудіе В. И. Величества провозгласило вѣрному своему народу, что будущая судьба Польши будетъ устроена согласно съ потребностями и благомъ всей Имперіи, фабриканты, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ еще болѣе убѣдились въ бѣдствіяхъ, грозящихъ имъ отъ несоразмѣрнаго состязанія промышленности новой, возникающей, еще не дозрѣвшей съ промышленностью странъ устарѣлыхъ въ навыкахъ мануфактурныхъ и болѣе насъ обильныхъ свободными капиталами, отъ состязанія происходящаго не на рынкахъ чужихъ и отдаленныхъ, но въ самыхъ нѣдрахъ Государства и въ тѣсномъ кругу собственныхъ, такъ сказать домашнихъ оборотовъ, осмѣливаются вновь съ благоговѣніемъ повергнуть къ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшую просьбу объ обложеніи польскихъ суконъ тою же пошлиною, какая взимается со всѣхъ прочихъ иностранныхъ суконъ. Мы дозволяемъ себѣ думать, что со временемъ отечественная промышленность, охраняемая правительствомъ должна достигнуть такой степени прочности и совершенства, что ей возможно будетъ смѣло вступить въ борьбу искусства съ сосѣдственными государствами, особенно когда прекращеніе тифлискаго транзита столь для нашей торговли пагубнаго вновь откроетъ ей пути къ азіатскимъ странамъ, нынѣ иностранными издѣліями наводненнымъ.

Мы не дерзаемъ утруждать Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, дальнѣйшимъ изложеніемъ нашего стѣсненнаго и тягостнаго положенія, мы не будемъ изъяснять всѣхъ благопріятныхъ послѣдствій справедливо ожидаемыхъ не только отъ оживленія существующихъ мануфактуръ, но и отъ основанія новыхъ, многочисленныхъ, разнородныхъ фабрикъ, долженствующихъ дать занятіе и пропитаніе огромному количеству рукъ нынѣ праздныхъ. Мы не будемъ напоминать о выгодахъ, какихъ обѣщаетъ для всего государства усиленіе овцеводства, и непрерывную связь его съ успѣхами земледѣлія. Все сіе въ полной мѣрѣ уважено Министромъ финансовъ, коего постоянныя и бдительныя усилія въ пользу русскихъ фабрикантовъ издавна заслужили и довѣріе и признательность нашу“.

На прошеніи имѣются подписи кн. Андрея Горчакова, Сергѣя Уварова, Ал. Полторацкаго, кн. Ник. Трубецкаго, Петра Обо... (неразборчиво), Ивана Рыбникова, Петра и Ильи Бабкиныхъ, Ивана Тугаринова, Павла Александрова, Ник. Жукова, Ал. Алексѣева.

Библиотека Коммунистической академии.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣд читать.
50	13 сверху	1869	1769
50	14 „	1870	1770
73	4 „	отнятіедохода	отнятіе дохода
88	14 „	имѣло	имѣлъ
93	14 „	старостествахъ	старостваxъ
95	8 снизу	Онѣ	Они
121	15 „	хозяйству	хозяйству
135	15 сверху	систематическагаго	систематическаго
143	19 „	бесѣдами	бесѣдами;
212	2 снизу	тарифомъ	тарифомъ,
252	10 сверху	мъ	въ
254	прим.	Prsemysłu	przemysłu
275	8 снизу	рукакъ	рукахъ
275	5 „	состоянін	состояніи
285	13 сверху	вмѣстъ	вмѣстѣ
303	7 „	продоставить	предоставить

